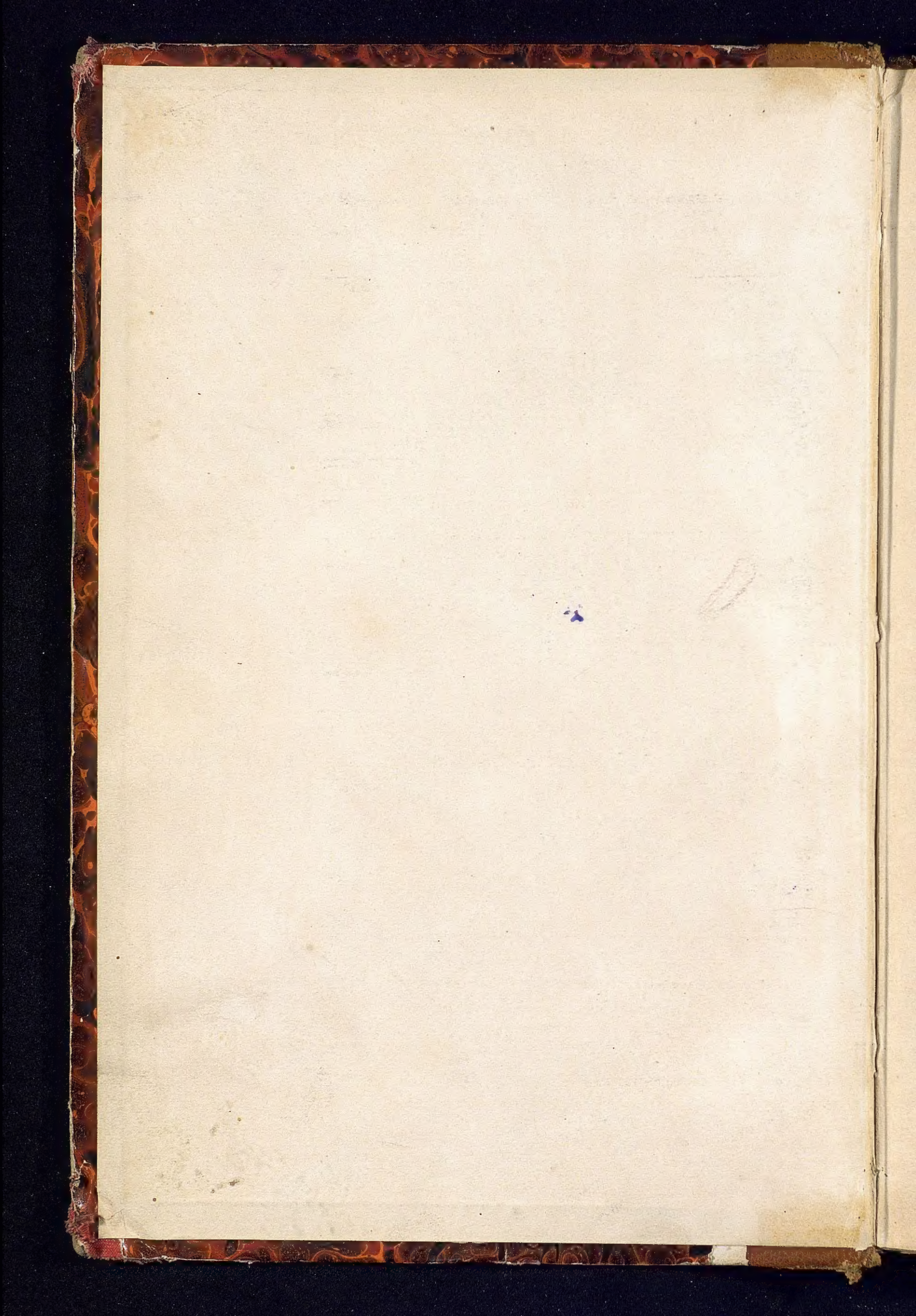
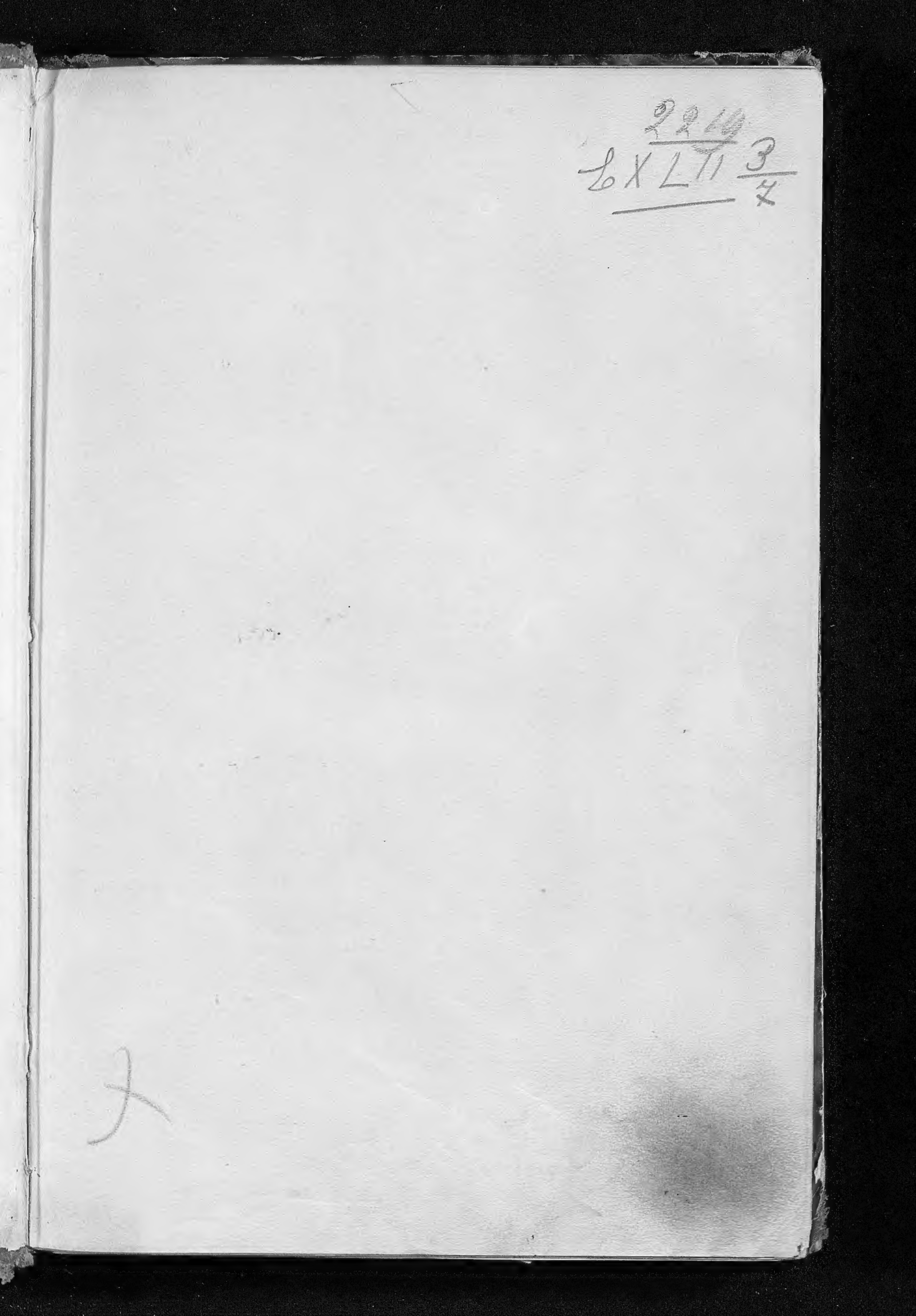




ИСТОРІЯ ВОЙНЫ
и
ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ
на
КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

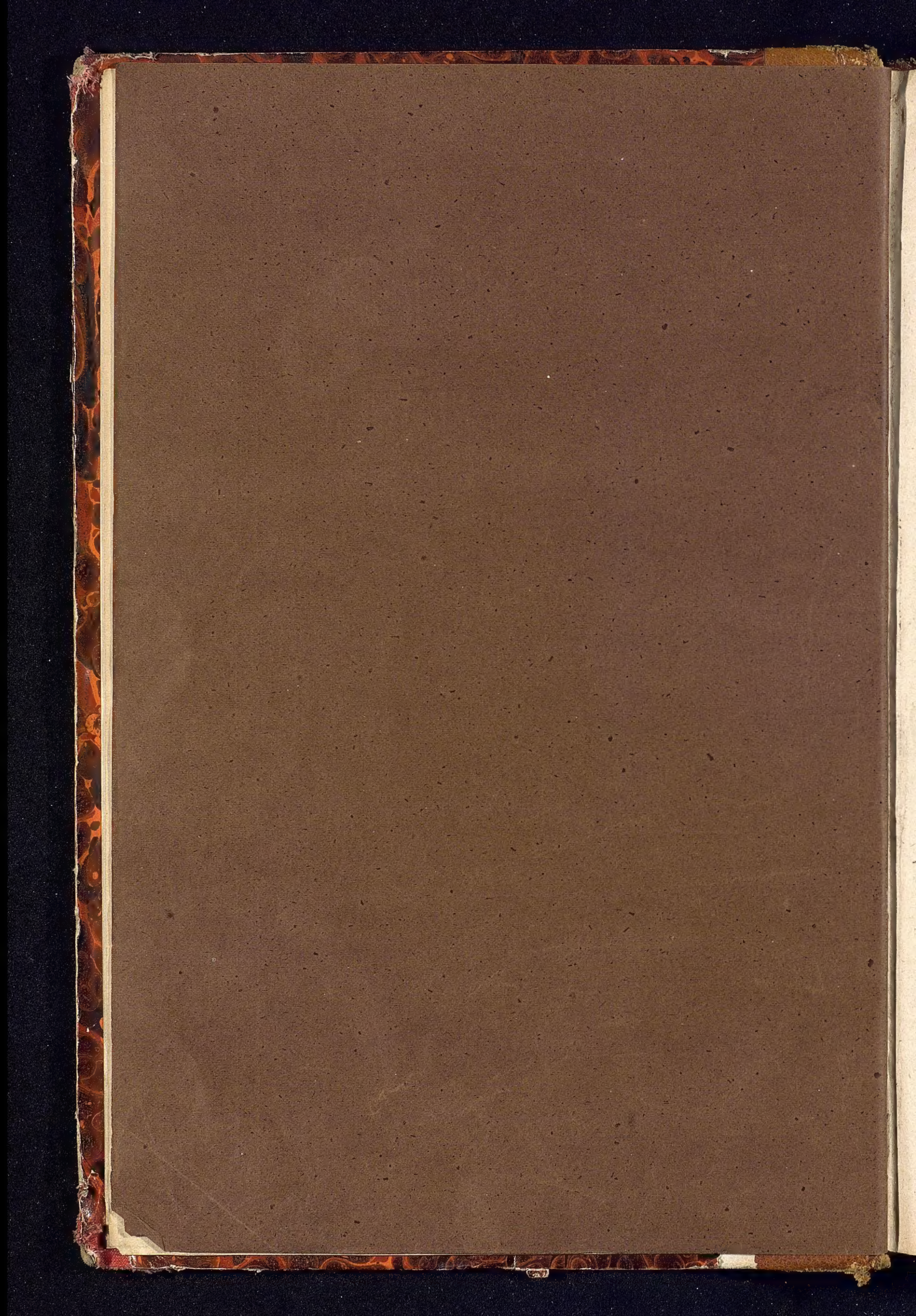
ТОМЪ I.

ОЧЕРКЪ КАВКАЗА И НАРОДОВЪ ЕГО НАСЕЛЯЮЩИХЪ.

КНИГА II.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1871



ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

И

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ

НА

КАВКАЗѢ.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ
И
ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ
НА
КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ I.

ОЧЕРКЪ КАВКАЗА И НАРОДОВЪ ЕГО НАСЕЛЯЮЩИХЪ.

КНИГА II.

ЗАКАВКАЗЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТЪ, Д. № 39.
1871

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАРТВЕЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ.

ГРУЗИНЫ.

ИМЕРЕТИНЫ, МИНГРЕЛЬЦЫ И ГУРІЙЦЫ.

ТУШИНЫ, ПШАВЫ И ХЕВСУРЫ.

МУСУЛЬМАНСКІЯ ПРОВИНЦІИ ЗАКАВКАЗЬЯ.

ТАТАРЫ.

АРМЯНЕ.

АБХАЗЦЫ (АЗЕГА).

I.

Мѣсто занимаемое абхазцами и раздѣленіе ихъ на отдѣльныя поколѣнія. — Характеръ мѣстности занятой абхазскимъ племенемъ. — Экономическій бытъ населенія. — Монетная система, существовавшая у жителей горъ.—Климатическія особенности страны.

Непосредственно за убыхами, подвигаясь на юго-востокъ по берегу Чернаго моря, путешественникъ переселяется въ совершенно другой міръ. Хребетъ Кавказскихъ горъ, постепенно удаляясь отъ моря, даетъ мѣсто прекраснѣйшимъ, плодороднымъ равнинамъ. Обнаженныя горы и скалистый берегъ, пересѣкаемый множествомъ ущелій, не давятъ болѣе путника. Напротивъ, онъ видитъ передъ собою вѣчно неувядаемую зелень, которой не лишены даже и самыя высокіе отроги горъ, спускающіеся къ морю и покрытые большою растительностію.

Эта благодатная страна населена племенами абхазскими, или племенемъ *азега.* Абхазы раздѣляются, подобно черкесамъ, на многія племена, имѣющія каждое свое собственное наименованіе.

Такъ, по берегу моря, отъ рѣки Хамышъ до Гагринской тѣснины, жили *джигеты*, которые сами себя называютъ *садзенъ*. Они дробились на множество вольныхъ обществъ, и число ихъ не превышало 11,000 душъ. Восточнѣе ихъ, и на югъ отъ убыховъ, въ горныхъ долинахъ рѣкъ Мдзымты, Бзыба, Ахчипсоу, Псху, Аибга, Багага и Цвиджа жили *медозюи*, или *медовѣевцы*, число которыхъ доходило до 10,000 душъ. Они раздѣлялись на три главныя вѣтви: Псху, Ахчипсоу и Аибга (Аибу).

Начиная отъ Гагръ, по берегу моря до рѣки Ингура, поселились жители *Абхазіи*, которые сами себя называютъ *абсуа*, а страну, ими занимаемую, *Абсне*.

Абхазія раздѣлялась на три главныя части: *собственно Абхазію*, которая вся до послѣдняго времени находилась во владѣніи фамиліи князей Шервашидзе, и простиралась по берегу моря, отъ Гагринской тѣснины и рѣкъ Гагрыпша и Псху, до рѣки Галидзги; число жителей Абхазіи не превышало 80,000 душъ; *цебельдинцевъ* или *замбалъ*, жившихъ выше абхазцевъ, въ горныхъ долинахъ по верховьямъ рѣки Кодора и преимущественно въ долинѣ Далъ. Черкесы называютъ цебельдинцевъ хирпъ-куаджъ. Третій отдѣлъ абхазскаго племени были *самурзаканцы*, занимавшіе землю по берегу Чернаго моря, между рѣками Галидзгой и Ингуромъ ([1]). Самурзакань заселена преимущественно переселенцами, разновременно переходившими сюда на жительство изъ Абхазіи, Имеретіи, Гуріи и Мингреліи. Отъ этого въ западной части Самурзакани преобладаетъ абхазскій элементъ, а въ восточной — мингрельскій; точно также и языкъ въ западной Самурзакани абхазскій, а въ восточной слышится особое нарѣчіе мингрельскаго языка. Все населеніе Абхазіи въ тридцатыхъ годахъ простиралось до 90,000 душъ жителей ([2]).

Къ абхазскому племени принадлежатъ и такъ называемые *абазинцы* (или абадза).

Внутренніе раздоры, кровомщеніе и недостатокъ въ удобной землѣ, и въ особенности пастбищныхъ земель, заставили небольшую часть абхазцевъ переселиться сначала во внутренность горъ къ источникамъ Кодора, Бзыба и Мдзымты, а потомъ, не находя и здѣсь достаточно средствъ для существованія, нѣкоторыя семейства, съ согласія кабардинцевъ, перевалились черезъ Главный хребетъ, на сѣверную сторону горъ, и поселились тамъ въ недальнемъ другъ отъ друга разстояніи.

Сѣвернѣе всѣхъ расположились *баракай* (или бракій), жившіе въ горахъ въ верховьяхъ рѣки Гупсъ и между рѣкъ Бѣлой (Схагуаше) и Хагуръ (Ходзь), впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Лабу. Племя это было не многочисленно. Составляя не болѣе 1,250 человѣкъ жителей, оно было раздѣлено между двумя дворянскими фамиліями. На югъ отъ баракайцевъ, въ верховьяхъ рѣки Хагуръ (Ходзь), у подошвы горы Ашишбагъ ([3]), жило племя *багъ*, заключавшееся въ одномъ Баговомъ аулѣ съ 600 душъ населенія. Рядомъ съ ними, въ верховьяхъ рѣки Малой Лабы, жило племя *шегерай*, а еще восточнѣе, въ верховьяхъ рѣки Большой Лабы, выше бывшаго Ахметовскаго укрѣпленія, поколѣніе *тамъ*.

Первые составляли населеніе въ 600 душъ и находились подъ властію узденей Шіокумъ, а вторые, числомъ въ 550 душъ, повиновались узденямъ Заурумъ-ипа. На югъ отъ этихъ двухъ поколѣній, между рѣками Большою

([1]) Нѣкоторые причисляютъ самурзаканцевъ къ грузинскому племени. См. статью: Главнѣйшія свѣдѣнія о горскихъ племенахъ и проч. Кавказъ 1868 г. № 40—48.

([2]) Въ 1865 году въ округахъ Сухумскомъ, Бзыбскомъ, Абживскомъ и Цебельдѣ было 79,190 душъ обоего пола (Кавк. 1866 г. № 76).

([3]) Названіе горы дано по имени дворянской фамиліи, владѣвшей Баговымъ ауломъ.

и Малою Лабою, жило до 500 душъ *казильбековъ* (или *казбекъ-коаджъ*), среди которыхъ господствовала фамилія Маршаніевъ.

На юго-востокъ, у верховьевъ рѣкъ Урупа и Большаго Зеленчука, жили *башильбайцы*. Они находились подъ властію Маршаніевъ и число ихъ не превышало 1,800 душъ.

Наконецъ, къ абазинцамъ принадлежало поколѣніе *басъхогъ*, разбросанное отдѣльными аулами и извѣстное у татаръ подъ именемъ *алты-кесекъ* (шестиродные). Отрасль эта состоитъ, дѣйствительно, изъ шести племенъ, носящихъ имена своихъ владѣтелей: *бибердъ*, *лоу* или *ловъ*, *дударукъ*, *кіяшъ*, *джантемиръ* и *клишъ*. Бидердовъ аулъ существовалъ на Урупѣ до 1829 года, когда онъ былъ совершенно раззоренъ русскими войсками и жители его переселены въ наши предѣлы. Лоовъ аулъ былъ расположенъ по правую сторону Кубани, подлѣ рѣки Кумы; Дударуковъ — на лѣвомъ берегу Кубани, противъ Баталпашинской станицы; Клишь — на рѣкѣ Маломъ Зеленчукѣ, Джантемирова аулы и Кіяшъ—по Кумѣ и Подкумку, небольшими усадьбами, до самой Кисловодской крѣпости.

Башильбай, *тамъ*, *казильбекъ*, *шегерай*, *багъ*, *баракай* и *басъхогъ*, находились въ зависимости различныхъ черкескихъ князей (племени адиге) и платили имъ дань. Обративъ ихъ въ своихъ данниковъ, черкескіе князья, не признавая владѣтелей этихъ поколѣній князьями, отказывали имъ въ этомъ титулѣ.

Поколѣніе басьхогъ, до тридцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, принадлежало еще къ кочующимъ племенамъ. Зиму они проводили въ аулахъ, а лѣтомъ кочевали съ мѣста на мѣсто, перевозя свои пожитки на двухъ-колесныхъ арбахъ, подобно татарамъ. Главное ихъ богатство составляли большія отары овецъ, изъ шерсти которыхъ они приготовляли сукно, довольно грубаго достоинства.

Всего абхазскаго племени, въ половинѣ тридцатыхъ годовъ, насчитывали на Кавказѣ около 128,800 душъ (1).

Башильбайцы, казылбеки и баракайцы, до подчиненія ихъ русской власти, отличались отъ своихъ сосѣдей особою бѣдностію и суровостію нравовъ и имѣли одинаковый образъ жизни и обычаи съ закубанскими черкесами. Будучи загнаны въ непроходимыя и безплодныя ущелья, они, по необходимости, одичали и принуждены были, въ обезпеченіе себя отъ голода, обратиться къ разбоямъ и хищничеству. Воровство, коварство и измѣна стали неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой жизни.

---

(1) Воспомин. кавк. офицера Рус. Вѣстн. 1864 г. № 10. Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря Кавказ. 1866 г. № 72 и 76. Новѣйшія извѣстія о Кавказѣ Броневскаго ч. I. Краткое описаніе восточ. берега Чернаго моря Карлгофа (рукоп.) Горцы абазинскаго пламени Иллюстрированная газета 1867 № 18. О политичес. устр. черк. племенъ Рус. Вѣстн. 1860 г. № 16.

Размѣстившись по обоимъ склонамъ Кавказскаго хребта, абхазское племя пользовалось не одинаковыми дарами природы. Населеніе, разселившееся въ горахъ и на сѣверномъ склонѣ Кавказскаго хребта, не пользовалось такимъ богатствомъ растительности, какимъ надѣлены были жители прибрежья Чернаго моря. Оттого жители горнаго пространства, принадлежащіе преимущественно къ абазинскому поколѣнію, по характеру самой мѣстности, отличались наибольшею суровостію, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и чистотою нравовъ, чѣмъ жители низменныхъ мѣстъ, обитавшіе по предгоріямъ и берегу Чернаго моря. Сходство мѣстности горнаго пространства и сѣверныхъ склоновъ Кавказскаго хребта съ тою, которую населяли черкесы, причиною тому, что абазинцы, въ своихъ нравахъ, обычаѣ и образѣ жизни, сходны во многомъ съ черкесами, тогда какъ собственно абхазцы, въ этомъ отношеніи, имѣютъ свою отличительную особенность.

Занимая пространство верстъ на тридцать въ ширину и около 120 верстъ въ длину, Абхазія составляетъ одинъ изъ рѣдкихъ и прекраснѣйшихъ уголковъ Закавказья, по богатству и разнообразію природы. Здѣсь есть горы, съ покрытыми вѣчно снѣжными вершинами, и вѣчно зеленѣющія долины, бездонныя пропасти съ шумными водопадами, непроходимые дѣвственные лѣса, съ множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, и, наконецъ, Черное море—съ довольно удобною и всегда безопасною Сухумъ-кальскою бухтою, гдѣ на берегу, подъ открытымъ небомъ, вы встрѣтите въ апрѣлѣ цвѣтущія деревья чая и другихъ тропическихъ растеній. Цѣлая улица розъ еще такъ недавно украшала городъ Сухумъ, но была уничтожена совершенно во время послѣдняго возмущенія въ Абхазіи.

Водораздѣльный хребетъ, подвигаясь вдоль берега Чернаго моря къ сѣверо-западу, спускается къ морю крутыми террасами паралельныхъ хребтовъ, которые образуютъ между собою, со стороны моря, узкое равнинное пространство предгорій. Это равнинное пространство Абхазіи защищается съ сѣверо-запада Гагринскимъ хребтомъ, наиболѣе возвышающимся на всемъ прибрежьѣ и круто упирающимся въ море. Часть этого хребта, отъ рѣки Бзыбъ до Гагръ, абхазцы называютъ Ахохшера, или горы голубей. Продолжаясь отъ рѣки Бзыбъ, до Сухума и далѣе, хребетъ этотъ имѣетъ весьма мало удобныхъ переваловъ. Пространство между этимъ хребтомъ и берегомъ моря представляетъ равнину, пересѣченную въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшими вѣтвями горъ. Горныя рѣки, при устьяхъ своихъ, образуютъ наносныя равнины, «выдающіяся въ морѣ въ видѣ мысовъ», а небольшіе ручьи и рѣчки часто скрываются въ непроходимой чащѣ лѣсовъ. Протекая въ низменныхъ берегахъ и часто разливаясь, они образуютъ почти сплошное пространство болотъ, скрытое подъ густымъ лѣсомъ.

Изъ рѣкъ, вливающихъ свои воды въ Черное море, наиболѣе достойны вниманія Бзыбъ, Мдзымта и Кодоръ. Первая изъ нихъ отличается необыкновенною скоростію теченія и частымъ быстрымъ измѣненіемъ уровня. Скорость

теченія и сила паденія воды подала поводъ туземцамъ назвать ее *бѣшенною* рѣкою, потому что, при существующемъ способѣ переправы только въ бродъ, въ Бзыбѣ гибнетъ ежегодно множество людей. Въ полноводіе Бзыбъ съ необыкновенною быстротою выноситъ въ море огромныя деревья, «иногда въ два обхвата и болѣе, и на нѣсколько миль отъ берега замѣтна муть, отъ выносимаго рѣкою въ море песку и ила, а на поверхности воды, далеко въ морѣ, видны плавающія огромныя карчи».

Рѣки Мдзымта и Кодоръ не имѣютъ такой быстроты, и, по выходѣ изъ горъ, первая течетъ по болотистой равнинѣ, оканчивающейся мысомъ Адлеромъ, а вторая течетъ по большой равнинѣ, оканчивающейся Кодорскимъ мысомъ.

Вообще же переправы въ бродъ черезъ рѣки орошающія Абхазію хотя и возможны большую часть года, но все-таки сопряжены съ большими затрудненіями (¹).

Равномѣрное распредѣленіе тепла и обиліе влажности дѣлаютъ почву весьма плодородною, отличающеюся разнообразіемъ и грандіозностію растительности. Рядомъ съ сосною въ Абхазіи растетъ маслина, шелковичное и чайное дерево.

Дубъ, ясень, чинаръ, персики, абрикосы, ольха, гранаты, орѣхъ, айва, каштанъ, черешня, фиговыя, яблочныя и грушевыя деревья составляютъ принадлежность лѣсовъ Абхазіи и часто, въ низменныхъ мѣстахъ, овощи и корнеплодныя растенія, въ ущербъ вкусу плодовъ, разростаются до огромныхъ размѣровъ.

Въ нѣкоторыхъ ущельяхъ и по склонамъ горъ, въ особенности около Сухума, растетъ буксовое дерево и лавръ, сохраняющіе зелень круглый годъ. Въ казенномъ саду Сухума растутъ въ грунтѣ и даютъ цвѣты камеліи и мирты. Около Гагръ въ дикомъ состояніи растутъ масличныя деревья. Мѣстами деревья разростаются до огромныхъ размѣровъ; дерево тѣснится около дерева и абхазскіе лѣса, перевитые виноградными лозами, колючкой и другими вьющимися растеніями, положительно непроходимы. Кто не знаетъ твердо мѣстности и проложенныхъ по лѣсамъ узкихъ тропинокъ, тотъ не долженъ пускаться черезъ лѣсъ. Огромные пни и корни деревъ засоряютъ лѣса и загораживаютъ дорогу со всѣхъ сторонъ.

Засореніе лѣса происходитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что абхазцы не имѣютъ обыкновенія дѣлать большихъ запасовъ на зиму для корма скота. Запасы ихъ ограничиваются небольшимъ количествомъ кукурузной соломы (челы), которая идетъ вся на кормленіе крупнаго скота. Мелкій же скотъ сгоняется на зиму въ низменныя мѣста, гдѣ питается молодыми отростками колючки, а за неимѣніемъ ея, пастухи, срубая не толстыя деревья, кормятъ скотъ молодыми вѣтками и почками ясени, граба, дуба и прочее. Срубленыя

(¹) Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Черного моря Ив. Аверкіева Кавказъ 1866 года № 76.

деревья и обрубленыя большія вѣтви оставляются на мѣстѣ. Колючіе кусты и тысячи нитей вьющихся растеній, снабженныхъ острыми шипами и широкими листьями, составляютъ непроницаемую сѣть, сквозь которую можно пробраться только при помощи топора и кинжала. Абхазцы имѣютъ для этой цѣли *цалды*, небольшіе топоры; «по этому иногда даже видя непріятеля, нельзя было до него добраться и его преслѣдовать. Безпрестанно получались извѣстія о солдатахъ и казакахъ, убитыхъ изъ лѣсу невѣдомо кѣмъ; нерѣдко и сами абхазцы подвергались той же участи, и только послѣ долгаго времени успѣвали узнавать кто были убійцы (1)».

Растительная способность почвы такъ велика, что въ низменныхъ мѣстахъ Абхазіи нѣтъ собственно луговъ, а все пространство, не поросшее лѣсомъ покрыто папортникомъ, ромашкой и колючкой. Склоны горъ внизу покрыты густымъ кустарникомъ и небольшими деревьями. По мѣрѣ же поднятія въ гору, деревья увеличиваются въ ростѣ и объемѣ, такъ что вершины горъ покрыты уже густымъ лѣсомъ, состоящимъ изъ деревъ значительныхъ размѣровъ.

Большое количество влажности въ почвѣ и въ атмосферѣ дѣлаетъ то, что, при обиліи соковъ, дерево трудно высушивается и не отличается своею прочностію. Та же причина даетъ средство къ зарожденію и существованію въ деревьяхъ небольшихъ червячковъ, протачивающихъ древесину и стволъ. Часто въ лѣсу слышенъ звукъ, похожій на сверленіе бурава: то работа червячковъ, или маленькихъ насѣкомыхъ, результатомъ которой бываютъ весьма мелкія древесныя стружки. Морской берегъ по большей части возвышенъ и сухъ, но во всей южной части Абхазіи вдоль берега тянется узкою полосою длинное, не просыхающее и поросшее густымъ лѣсомъ, болото. Мѣста эти весьма болѣзненны и, кромѣ нѣсколькихъ пунктовъ, гдѣ живутъ люди занимающіеся торговлею, по большей части вовсе не заселены. Богатая производительная сила природы даетъ средство рости винограду въ большомъ изобиліи и почти безъ всякаго ухода. Абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на большія деревья, и, въ такомъ видѣ онѣ, сами собою, достигаютъ до гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ абхазца по уходу за виноградомъ, который все-таки выходитъ хорошаго качества. Приготовленное, самымъ первобытнымъ способомъ, изъ такого винограда вино, въ особенности извѣстное прежде подъ именемъ бомборскаго, а теперь выдѣлываемое въ селеніи Лехне (Соукъ-су), вывозится въ значительномъ количествѣ и имѣетъ хорошій сбытъ въ Крыму.

Приготовленіе вина составляетъ одно изъ главныхъ богатствъ абхазскихъ поселянъ. Выкопавъ для этого въ землѣ яму, абхазецъ обкладываетъ ее глиною и потомъ, разложивъ въ ней огонь, обжигаетъ сколько возможно, сва-

(1) Воспом. кавк. офицера Русскій Вѣст. 1864 г. № 9

ливаетъ кучею виноградъ, топчетъ его ногами и оставляетъ сокъ въ ямѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не перебродитъ. Затѣмъ, послѣ броженія, вино вычерпывается, разливается по глинянымъ кувшинамъ, которые зарываются въ землю.

Такая роскошь природы доставила абхазцу возможность, не прикладывая труда, пользоваться обильными ея плодами. Стада рогатаго скота, табуны лошадей и отары овецъ круглый годъ питаются подножнымъ кормомъ, подымаясь то на горныя возвышенности, убѣгая отъ лѣтняго зноя долинъ, то спускаясь въ ущелья и равнины подъ защиту горъ и лѣса отъ зимней стужи и непогоды. Непривычка абхазца и лѣнь его заготовлять на зиму сухой фуражъ дѣлаетъ скотъ мелкимъ, малоцѣннымъ и не имѣющимъ достаточнаго сбыта на рынкахъ; только и есть хорошаго въ Абхазіи—это буйволы, которые довольно хорошей породы и цѣнятся высоко.

Скотомъ абхазцы бѣднѣе прочихъ своихъ сосѣдей. Лошади ихъ не велики ростомъ и не отличаются силою. Туземцы предпочитаютъ ословъ, которые въ большомъ употребленіи. Въ горахъ и густыхъ лѣсахъ такъ много дичи и звѣрей, что хлѣбопашцы не знаютъ, какъ уберечь отъ нея свои поля. Дикія козы, серны и кабаны производятъ довольно убыточныя опустошенія въ засѣянныхъ поляхъ, почему абхазцы истребляютъ ихъ безъ пощады и продаютъ ихъ головы и окорока за безцѣнокъ — часто за нѣсколько зарядовъ пороха. Изъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ водятся медвѣди, волки, дикія кошки, лисицы, куницы, шакалы въ значительномъ числѣ, а иногда попадаются и барсы, преимущественно въ окрестностяхъ Пицунды и Гагръ.

Та же лѣнь препятствуетъ абхазцу заняться, какъ слѣдуетъ, и земледѣліемъ. Онъ не спѣшитъ, съ наступленіемъ весны, взяться за плугъ или соху, чтобы вспахать свое поле и засѣять его; онъ даже не имѣетъ и понятія, что такое плугъ. Воздѣлываніе своего участка земли онъ производитъ или просто заступомъ, или сохою, съ особымъ деревяннымъ лемешомъ, составляющимъ исключительное изобрѣтеніе и принадлежность только одной Абхазіи. Вырубивъ дерево съ изогнутымъ пенькомъ, туземецъ заостриваетъ пенекъ клиномъ, «къ длинному концу придѣлываетъ приспособленіе изъ веревокъ для тяги, и такимъ орудіемъ, съ помощію буйволовъ, бороздитъ землю».

«Въ урочищѣ Багрыпшъ, пишетъ Аверкіевъ, и частію въ другихъ мѣстахъ близъ рѣки Мечищи, употребляютъ слѣдующій способъ паханія земли. Занимаютъ подъ пашню пространство земли, покрытое папоротникомъ, и выжигаютъ его; довольно тонкій слой наносной земли, удобренный золою папоротника, дѣлается очень рыхлымъ; за тѣмъ берутъ нѣсколько сучьевъ съ вѣтками, до одного дюйма толщиною, заостриваютъ толстые концы сучьевъ и связываютъ ихъ одинъ съ другимъ въ рядъ; заостренными концами бороздятъ землю и сѣютъ хлѣбъ, потомъ, оборотивъ сучья такъ, чтобы они вѣтками касались земли, заволакиваютъ маленькія борозды вспаханной земли».

Поступая такимъ образомъ, абхазецъ не боится неурожая. Онъ знаетъ

что жена его, на которой лежатъ всѣ тяжелыя работы, вскопаетъ такимъ способомъ, и кое-какъ, около его дома полдесятины, а на этой полдесятинѣ Богъ даруетъ ему столько кукурузы и гоміи (родъ проса), что его будетъ слишкомъ достаточно на годовую порцію всей его семьи. Дѣйствительно, урожай посѣвовъ бываетъ необыкновенно большой и доходитъ для гоміи до 1,600, а для кукурузы до 1,200 зеренъ, а иногда и болѣе. Изъ всѣхъ сортовъ хлѣба абхазецъ сѣетъ преимущественно гомію и кукурузу, рѣдко ячмень, пшеницу и фасоль.

Русскіе научили туземцевъ разводить капусту, картофель и другіе овощи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разводится табакъ небольшими плантаціями и хлопчатникъ въ очень небольшомъ количествѣ, болѣе потому, что въ народѣ существуетъ повѣрье, что, съ разведеніемъ этого растенія въ странѣ, будетъ постоянная засуха.

Запасовъ на зиму абхазецъ заготовляетъ немного и вообще мало заботится о своемъ хозяйствѣ.

Садоводъ не дѣлаетъ вокругъ сада изгородей, не сажаетъ деревьевъ, не укрываетъ ихъ на зиму, а весной, съ ножемъ въ рукѣ, не очищаетъ ихъ отъ усохшимъ вѣтвей. И безъ этихъ хлопотъ въ вѣковыхъ лѣсахъ Абхазіи зрѣютъ вкусныя яблоки и груши; густой виноградникъ, отяжелённый полновѣсными гроздіями, самъ собою просится въ саклю; волошскіе орѣхи, каштаны, винныя ягоды, гранаты и другія плодоносныя деревья, составляющія богатство и заботу русскихъ садоводовъ, въ такомъ изобиліи и оттого въ такомъ небреженіи, что ставятся на одну степень съ нашимъ дровянымъ лѣсомъ. «И вы думаете, что абхазцу нечѣмъ полакомиться? Ему стоитъ только взобраться на дерево съ дупломъ и взять изъ него сколько нужно сотоваго меда, приготовленнаго безъ всякаго даже со стороны его желанія. А рыбный столъ развѣ рѣдкость для него? въ любомъ ручьѣ онъ закинетъ сѣть и вытащитъ десятокъ вкусныхъ форелей....»

Богатая природа Абхазіи должна бы была служить источникомъ богатства, довольства и даже роскоши для ея жителей, но, въ дѣйствительности, она служитъ для туземца лишь причиною крайней бѣдности. Увѣренный въ ея производительности, абхазецъ предается крайней лѣни. Онъ или, вѣрнѣе, его жена засѣваетъ поле въ такомъ скудномъ количествѣ, что, при огромныхъ урожаяхъ, едва можетъ прокормить свое семейство до новаго хлѣба. Абхазецъ въ теченіе года работаетъ много-много 20 или 30 дней, а остальное время проводитъ въ безпечной бродяжнической жизни. Прибрежные жители занимаются рыбною ловлею, преимущественно у устья горныхъ рѣкъ, изобилующихъ лососиною, которая жарится обыкновенно на вертелѣ и составляетъ весьма лакомую пищу. Изъ породы рыбъ замѣчательны: сельди, кефаль, камбула, форель, карпъ и проч. Лѣтомъ около морскихъ береговъ появляется множество дельфиновъ, которые въ хорошую погоду держатся на поверхности воды и играютъ, вертясь колесомъ. Жители Абхазіи пользуются этимъ време-

немъ, выѣзжаютъ въ море на своихъ *каюкахъ*, лодкахъ выдолбленныхъ изъ одного куска дерева, охватываютъ довольно большое пространство длинною сѣтью, съ поплавками на верху и тяжестью внизу, заставляющими ее сохранять въ водѣ вертикальное положеніе. Въ средину охваченнаго пространства въѣзжаютъ два-три каюка и ловцы бьютъ баграми находящихся въ немъ дельфиновъ, жиръ которыхъ продается потомъ туркамъ и грекамъ. «Этотъ способъ ловли не безопасенъ, потому что каюки иногда тонутъ подъ тяжестью убитой рыбы и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ кружась въ водѣ; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго океана».

Жиръ, добываемый изъ дельфиновъ, продажа рыбы, вино и лѣсъ, составляли, можно сказать, почти единственные и главные источники промышленности и торговли. Торговлею абхазцы не занимаются, считая это для себя дѣломъ постыднымъ. Вся торговля находится въ рукахъ турокъ и мингрельцевъ и состоитъ въ обмѣнѣ сырыхъ произведеній, преимущественно на соль и бумажныя, грубыя издѣлія заграничнаго произведенія. Не смотря на то, что собственно въ Абхазіи нѣтъ значительныхъ препятствій къ сооруженію колесной дороги, перевозка тяжестей на арбахъ не была въ употребленіи между абхазцами; всѣ тяжести, не исключая лѣса, перевозятся на вьюкахъ. Перевозка лѣса такимъ способомъ весьма затруднительна, и потому, естественно, что главная лѣсная промышленность должна была сосредоточиться по теченіямъ рѣкъ, представляющихъ бо́льшія или меньшія удобства для сплава. Оттого по ущельямъ, пролегающимъ вдоль по теченію рѣкъ, лѣсъ вырубленъ далеко въ горы на большое разстояніе отъ берега. Вырубка его производилась преимущественно турецкими промышленниками, безъ всякихъ хозяйственныхъ соображеній, а въ особенности это было замѣтно на уничтоженіи драгоцѣннаго буковаго или самшитоваго дерева. Такъ какъ оно ростетъ весьма медленно и достигаетъ фута въ діаметрѣ только лѣтъ въ двѣсти, то ему грозило конечное истребленіе. Теперь порубка его запрещена.

Мелкая торговля и промышленность состоитъ въ продажѣ винограда, на винные заводы грековъ и мингрельцевъ, въ продажѣ огурцовъ, которые собираются только тогда, когда совершенно пожелтѣютъ, въ приносѣ на базаръ куръ, свѣжихъ фруктовъ, звѣриныхъ кожъ, меду и воску въ незначительномъ количествѣ. Шелководствомъ занимаются только поселяне деревнѣ Илоръ, и то въ незначительномъ размѣрѣ. По дурной размоткѣ, шелкъ выходитъ недоброкачественный. Туземцы ткутъ изъ него довольно порядочную матерію—*дараи*, употребляемую преимущественно на рубахи.

Въ послѣднее время сдѣланы попытки къ разведенію шелка и въ другихъ мѣстностяхъ Абхазіи. Такъ, въ укрѣпленіе Пицунду были доставлены яички изъ Кутаиса, и вышедшіе изъ нихъ шелковичные черви дали большіе коконы, тонкую и мягкую нить.

Скотоводствомъ абхазецъ занимается только для собственнаго употребле-

нія и не подозрѣваетъ, что продажею его можетъ извлечь для себя пользу, или, что скотъ можетъ служить ему подспорьемъ къ сельскому хозяйству. Онъ этого не знаетъ потому, что земля его не требуетъ вовсе удобренія. Скота такъ мало, что на два или на три дыма приходится по одной лошади, и на каждый дымъ по одному буйволу и отъ 2 до 3 коровъ. Изъ домашнихъ птицъ, абхазцы держали прежде однѣхъ куръ, но теперь, мало по малу, принимаются за разведеніе индѣекъ, гусей и утокъ.

Не смотря на то, что изъ одного улья пчелъ, по прошествіи года, можно получить пять, что каждая колода даетъ до десяти фунтовъ меду и до тридцати фунтовъ воску, что требованіе на медъ значительно, въ особенности въ наши лазареты, абхазцы мало заботятся о разведеніи пчелъ и пчеловодство у нихъ развито въ самой слабой степени (1).

Въ горной Абхазіи торговля и промышленность находятся еще болѣе въ худшемъ положеніи. Главный предметъ привоза была соль, въ которой ощущался значительный недостатокъ, потомъ сафьянъ разныхъ цвѣтовъ и оружіе. Вывозъ состоялъ изъ воска, меда, звѣриныхъ шкуръ, бурокъ, толстаго сукна туземной работы и иногда сарачинскаго пшена и ячменя.

Горцы не имѣли своей монеты, но очень уважали всякую иностранную. Болѣе всего встрѣчались монеты грузинскія и турецкія; ихъ было немного: *пари* — около $1^1/_2$ коп. асс.; *пули* — равная старинной русской денежкѣ; *чаури* — около пяти русскихъ коп.; *узалтуни* — около 10 коп. и *абази* — около 20 коп. (2).

Изъ минералогическихъ богатствъ края слѣдуетъ упомянуть о свинцовой рудѣ, находящейся въ селеніи Анхва, и о каменномъ углѣ за селеніемъ Аацы, въ разстояніи пятнадцати верстъ отъ берега моря, у подошвы горы, называемой *Сеферъ-беевою шапкою*.

Что касается до климатическихъ условій, то абхазское племя пользуется значительнымъ его разнообразіемъ. Населеніе горныхъ странъ и сѣвернаго склона Кавказскаго хребта испытываетъ разнообразіе климата горныхъ странъ, гдѣ расположеніе ущелій и направленіе хребтовъ горъ обусловливаетъ свойство климата. Жители же, собственно Абхазіи, переносятъ климатъ весьма нездоровый. Густые лѣса, скрывающіе подъ собою болота, и луга, покрытые папоротникомъ, способствуютъ развитію разныхъ болѣзней, въ особенности лихорадокъ. Папоротникъ представляетъ собою растеніе съ длиннымъ стволомъ, вершина котораго одѣта большими и широкими листьями. Разростаясь

(1) Воспомин. кавк. офицера Рус. Вѣст. 1864 г. № 9. Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря Ив. Аверкіева. Кавказъ 1866 г. № 74 и 76. Изъ записокъ кавказскаго туриста. Кавк. 1867 г. № 55. Абхазія и Цебельда Ф. Завадскаго Кавк. 1867 г. № 63. Абхазія и абхазцы С. Пушкарева. Кавказъ 1854 г. № 60.

(2) Подробное описаніе этихъ денегъ см. Достовѣрные разсказы объ Абазіи. Пантеонъ 1850 г. № 11.

весьма густо и быстро, папоротники такъ переплетаются между собою листьями, что образуютъ сплошной навѣсъ, не пропускающій солнечныхъ лучей.

«Понятно, говоритъ Тороповъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, испареніе отъ почвы, подъ этимъ пологомъ, задерживается, вслѣдствіе чего усугубляется сырость почвы, бывшей до этого относительно сухою, и на склонахъ горъ и по холмамъ является теперь какъ бы полуболото, защищенное отъ солнца толстою гніющею корою изъ листвы папоротниковой, лежащей на отжившихъ стволахъ. Періодъ гніенія продолжается съ конца лѣта во всю осень, и въ это время воздухъ, около такихъ мѣстъ, становится до крайности вонючъ, тяжелъ для дыханія, а лихорадки свирѣпствуютъ съ наибольшею жестокостію» (¹). Жители горькимъ опытомъ убѣдились въ вредномъ вліяніи папоротника, и потому не селятся въ мѣстахъ заросшихъ этимъ растеніемъ.

Организмы животныхъ и человѣка, подъ вліяніемъ зараженнаго воздуха, видоизмѣняясь въ размѣрѣ, цвѣтѣ и своемъ составѣ, порождаютъ болѣзни и смертность. Въ Абхазіи ни люди, ни животныя не пользуются долговѣчностію.

Устранить это неудобство и значительное распространеніе лихорадокъ вещь весьма возможная. Стоитъ только три года сряду выкашивать папоротникъ весною, пока стволъ его на столько нѣженъ, что его беретъ коса. На первые два года онъ выростаетъ снова, но послѣ третьей весны корень его погибаетъ окончательно. Уничтоженіе папоротника осушаетъ мѣстность, даетъ превосходные покосы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, улучшаетъ климатическія условія. Послѣднее столь очевидно, что и классическая лѣнь абхазца не устояла отъ этой видимой пользы. Многіе изъ туземцевъ очищаютъ отъ папоротника свои поляны и, въ теченіе короткаго время, убѣждаются въ дѣйствительной и значительной перемѣнѣ климата къ лучшему и болѣе здоровому.

II.

Религія абхазцевъ и ихъ суевѣріе. — Праздники. — Джигитовка и народныя игры. — Пляски абазинъ. — Народное суевѣріе и легенды. — Гадальщицы, ворожеи и знахарки. — Колдуны, вѣдьмы и водяные.

Все народонаселеніе абхазскаго племени, въ религіозномъ отношеніи, дѣлится на три части: православныхъ христіанъ, магометанъ и язычниковъ, или людей не исповѣдующихъ никакой религіи, а поклоняющихся божествамъ ими

(¹) Опытъ медицинской географіи Кавказа Торопова изд. воен. медиц. депар. 1864 год. С.-Петербургъ.

самими созданнымъ. Абазинцы, по сосѣдству съ черкесами, приняли магометанскую вѣру, отправляютъ пять молитвъ, имѣютъ муллъ, но въ то же время сохранили у себя и нѣкоторые языческіе обряды. Послѣднимъ придерживались особенно баракаевцы, которые позднѣе другихъ приняли магометанскую религію. Они ѣли свинину, не исполняли въ точности обрядовъ магометанства и не имѣли о своей вѣрѣ точнаго понятія. Рѣдко раздавался у абазинъ голосъ муллы, призывавшаго къ молитвѣ, а въ Медовѣѣ онъ и никогда не былъ слышенъ.

Абазинъ—христіанинъ по множеству сохранившихся въ народѣ христіанскихъ догматовъ; магометанинъ изъ видовъ; язычникъ—какъ суевѣръ и невѣжда. Онъ обожаетъ нѣкоторыя деревья, скалы, рощи и лѣса, называя ихъ *анас-караным* (заповѣдными). Жители горной Абазіи богаты разными именами боговъ, между которыми раздѣлили огонь, воду, скотъ, оружіе и проч. Они поклоняются и приносятъ жертвы тѣмъ же самымъ богамъ, которымъ поклонялись черкесы, и даже сохранили имъ черкескія имена.

У жителей, собственно Абхазіи, точно также остались слѣды вѣрованій всѣхъ народовъ, господствовавшихъ надъ ихъ страною. Различныя, и часто противоположныя, ученія о вѣрѣ, образовали въ понятіи абхазца странное, смѣшанное и темное представленіе о святости его вѣрованія, и оттого между абхазцами нѣтъ ни одной религіи, которая сохранила бы свою чистоту. Какъ христіанинъ, такъ и магометанинъ, одинаково исполняютъ только наружные обряды своей религіи, да и тѣ въ искаженномъ видѣ; въ сущность своей религіи ни одинъ абхазецъ никогда не считалъ нужнымъ заглядывать.

Абхазцы составляютъ одно изъ древнѣйшихъ кавказскихъ племенъ. Основываясь на свидѣтельствѣ самыхъ древнихъ писателей, можно заключить, что племя это никогда не оставляло своей родины, лежащей вдоль восточнаго берега Чернаго моря. Какъ и всѣ народы, въ первое время своего существованія они были язычниками, поклонялись деревьямъ и лѣсамъ, которыхъ принимали за боговъ: вообще обожали природу.

Впослѣдствіи, по сказанію однихъ, св. апостолъ Андрей Первозванный, а по другимъ, и болѣе точнымъ свѣдѣніямъ, византійскій императоръ Юстиніанъ, распространилъ въ Абхазіи христіанское ученіе.

Покоривъ Абхазію, въ 550 году по Р. Х., Юстиніанъ построилъ Пицундскій храмъ, во имя Божіей Матери, и поставилъ духовенство. Христіанство стало распространяться постепенно между абхазцами и было причиною продолжительной войны византійскаго императора съ сассанидами, кончившейся пораженіемъ послѣднихъ. Въ концѣ VI столѣтія, Абхазія, находясь подъ покровительствомъ грековъ, пользовалась нѣкоторою самостоятельностію и управлялась своими туземными владѣтелями, которые, сдѣлавшись наслѣдственными, присвоили себѣ царскій титулъ. Въ X вѣкѣ Абхазія подпадаетъ подъ власть Грузіи, которая съ тѣхъ поръ стала называться царствомъ *Карталино-Абхазским*, а католикосъ—глава духовенства Грузіи—именовался

католикосомъ Абхазіи и всей Грузіи. При распаденіи Грузинскаго царства, въ XIV столѣтіи, Абхазія отдѣлилась отъ Грузіи; церковію ея управлялъ независимый католикосъ, имѣвшій пребываніе въ Пицундскомъ монастырѣ.

Въ Драндахъ существовало особое епископство, и вся Абхазія была усѣяна церквами, развалины которыхъ встрѣчаются на каждомъ шагу (1).

Съ паденіемъ генуэзскихъ и византійскихъ колоній на восточномъ берегу Чернаго моря, Абхазія подпала подъ власть турокъ, распространившихъ въ ней магометанское ученіе.

При всѣхъ усиліяхъ, турки не могли совершенно изгладить изъ памяти народа воспоминаніе христіанства, но магометанская религія въ краѣ хотя и не имѣла значительнаго успѣха, все-таки поколебала христіанство.

Православную вѣру теперь исповѣдываютъ всѣ члены владѣтельнаго дома, за исключеніемъ одного бѣднаго и небольшаго семейства, живущаго въ Пицундскомъ округѣ и придерживающагося изламизму. Между дворянами седьмая или восьмая часть христіане, а остальные магометане. Изъ крестьянъ пятая часть христіанъ, пятая магометанъ, а три пятыхъ язычники. Изъ этого видно, что магометанское ученіе, въ свою очередь, не нашло много ревностныхъ послѣдователей и господствующею религіею въ странѣ все таки осталось язычество, къ которому принадлежитъ и теперь большая часть народонаселенія.

Какъ правила христіанской религіи плохо исполняются туземцами, также точно исполняется ими и коранъ Магомета. Рѣдко абхазецъ ходитъ въ православную церковь, а еще рѣже показывается въ мечети. Абхазецъ-христіанинъ не считаетъ грѣхомъ подкараулить, гдѣ нибудь въ скрытномъ мѣстѣ, и убить человѣка изъ-за пустой мести, по нѣскольку лѣтъ не быть на исповѣди и у св. причастія и ѣсть постное только при недостаткѣ скоромнаго. Съ другой стороны, абхазецъ-магометанинъ ѣстъ съ большимъ аппетитомъ свинину, пьетъ вино, не соблюдаетъ постовъ, не терпитъ многоженства, но за то позволяетъ себѣ мѣнять женъ при каждомъ удобномъ случаѣ и, наконецъ, совершаетъ намазъ тогда, когда ему нравится, а больше всего тогда, когда находится въ обществѣ уважаемаго имъ турка. Въ такомъ магометанствѣ не трудно замѣтить слѣды христіанства, съ примѣсью язычества. Абхазцы-мусульмане плохіе послѣдователи пророка; между ними нѣтъ ни одного, кто бы зналъ въ чемъ заключается ученіе Магомета. Большинство не знаетъ, кто такой былъ Магометъ — и, исполняя только внѣшніе обряды религіи, магометане въ сущности тѣ же язычники.

Магометанинъ видитъ въ коранѣ скорѣе средство къ отысканію украденнаго коня, чѣмъ наставленія и правила къ безукоризненной жизни. Муллы не заботились о духовномъ образованіи своихъ прихожанъ, а исключительно за-

(1) Ф. Завадскій насчитываетъ въ Абхазіи восемь большихъ храмовъ и до 100 малыхъ часовенъ и церквей. См. Абхазія и Цебельда Кавк. 1867 г. № 60.

нимались разборомъ тяжбъ и споровъ, удачно пользуясь суевѣріемъ тяжущихся. Они успѣли убѣдить народъ, что муллѣ стоитъ только заглянуть въ премудрую книгу пророка, и онъ, не запинаясь, разскажетъ по ней прошедшее и будущее. Народъ безусловно вѣрилъ такой силѣ и могуществу своихъ духовныхъ пастырей.

Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ случай такого суевѣрія, бывшій среди жителей горной Абазіи. Пользуясь темнотою и ненастною ночью, горецъ увелъ у своего сосѣда коня. Хозяинъ, вставши рано утромъ и не найдя въ конюшнѣ лучшаго своего коня, отправился къ муллѣ, съ полною увѣренностью, что послѣдній, посмотрѣвъ въ священную книгу, укажетъ вора, тѣмъ болѣе, что подобное происшествіе должно быть непремѣнно записано въ книгѣ, такъ какъ конь его не какая нибудь кляча. Мулла долго отговаривался, но настойчивыя просьбы просителя и подарокъ нѣсколькихъ барановъ заставили его уступить. Собравъ къ себѣ всѣхъ жителей аула, мулла раскрылъ коранъ, скороговоркой прочелъ изъ него двѣ или три главы, и обратился къ народу:

— Вотъ что говоритъ пророкъ, началъ онъ.... Впрочемъ, не хочу называть по имени вора, чтобы не возжечь вражды и баранты.... совѣтывалъ бы ему въ слѣдующую ночь привести коня на мѣсто.... или завтра скажу его имя....

Обѣщаніе муллы открыть на слѣдующій день имя вора сильно подѣйствовало на суевѣрное воображеніе послѣдняго. Съ наступленіемъ утра, украденый конь стоялъ у сакли своего хозяина.

Обрадованный горецъ бросился благодарить муллу.

— Не даромъ я подарилъ тебѣ семь барановъ, сказалъ хозяинъ: ты возвратилъ мнѣ коня!

— Охъ, правда, сказалъ мулла, но бараны твои....

— Что мои бараны?...

— Ихъ украли, а съ ними и пару коней....

— Украли?... Давай книгу.... посмотримъ, кто этотъ....

— И книгу украли! сказалъ со вздохомъ мулла.

Дѣйствительно, воръ, возвративъ коня хозяину, обокралъ муллу, а чтобы тотъ не прочиталъ имени его въ премудрой книгѣ пророка, захватилъ съ собою и коранъ, а потомъ бросилъ его съ камнемъ въ рѣку.

Абхазцы до такой степени безразлично и равнодушно относятся къ религіи, что она ни въ какомъ отношеній не налагаетъ различія между жителями. Въ одномъ и томъ же семействѣ можно встрѣтить весьма часто и христіанина, и магометанина, живущихъ между собою въ совершенномъ согласіи. Мусульманинъ не чуждается брака на христіанкѣ, и послѣ того каждый сохраняетъ свою религію. Во многихъ семействахъ часть дѣтей слѣдуетъ христіанскому ученію, другая магометанскому, безъ всякихъ семейныхъ раздоровъ.

Ученіе пророка, принявъ политическое направленіе, успѣло достигнуть

того, что исповѣданіе мусульманской религіи сдѣлалось какъ бы отличительнымъ признакомъ высшаго класса людей. Многіе, безъ всякаго убѣжденія, а изъ одного желанія не отдѣляться отъ порядочныхъ людей, принимали магометанскую вѣру. Даже члены владѣтельнаго дома, исповѣдующіе православную религію, открыто присвоили себѣ магометанскія имена. Христіанскія же имена въ народѣ были также мало извѣстны. Такое тѣсное сближеніе двухъ противоположныхъ религій, во избѣжаніе соблазна и разныхъ недоразумѣній, заставило христіанъ и магометанъ праздновать вмѣстѣ Рождество Христово, Пасху, Духовъ день, совершать байрамъ, поститься въ рамазанъ и великій постъ. Безъ различія вѣроисповѣданія, всѣ жители Пицундскаго округа, питая особое уваженіе къ тамошнему храму, *Лыдзаа-ныхъ* (т. е. святыня Лыдзаа), избрали изъ своей среды одного пожилаго въ должность старосты при Пицундскомъ храмѣ. На обязанности его лежало содержать въ чистотѣ ограду и самую церковь, наблюдать за иконами, книгами, находившимися въ храмѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ надобности, приводить жителей къ присягѣ.

Абхазцы всѣхъ трехъ исповѣданій признаютъ Всевышняго, какъ *Бога-боговъ*, но, кромѣ того, поклоняются божествамъ всѣхъ стихій, лѣсовъ и полей. По понятіямъ ихъ, божества созданы Всевышнимъ, для покровительства людямъ только на землѣ, и потому туземцы въ одинаковой степени уважаютъ священные лѣса, боятся не на шутку горныхъ и лѣсныхъ духовъ, благосклонность которыхъ, по старой привычкѣ, снискиваютъ жертвами, приносимыми тайкомъ, такъ какъ это запрещается имъ духовенствомъ.

Въ случаѣ бѣды, туземецъ обращаетъ свои мольбы къ нѣкоторымъ скаламъ, къ святымъ деревьямъ, а къ шайтану (чорту) питаетъ непреодолимый дѣтскій страхъ. Все это, конечно, происходитъ отъ незнанія догматовъ религіи, а болѣе по недостатку образованія. Христіане и магометане, за исключеніемъ весьма немногихъ, проникнуты языческимъ суевѣріемъ, но считаютъ крестъ лучшимъ предохраненіемъ отъ всякихъ невзгодъ и имѣютъ самое шаткое и искаженное понятіе о Богѣ. Точно такая же сбивчивость понятій о религіи существуетъ и между язычниками. Такъ что, вообще говоря, вся Абхазія поклоняется нѣкоторымъ божествамъ, совершаетъ языческіе обряды и жертвоприношенія ([1]).

Божества эти, по понятію абхазцевъ, не имѣютъ опредѣленныхъ образовъ и формъ, но имъ необходимо приносить жерты, для испрошенія покровительства. Они поклоняются наковальнѣ, приносятъ ей въ жертву козловъ, куръ и восковыя свѣчи; присяга при наковальнѣ, или заклинаніе ею, считаются самыми сильными и ненарушимыми. Народъ сохраняетъ суевѣрный

([1]) Воспомин. кавк. офицера. Русск. Вѣст. 1864 г. № 9. Главнѣйшія свѣд. о горскихъ племенахъ и проч. Кавк. 1868 г. № 48. Абхазія и Цебельда Ф. Завадскій Кавк. 1867 г. № 60. О положеніи Абхазіи въ религіозномъ отношеніи. Кавк. 1868 г. № 5. Нѣсколько словъ объ Абхазіи И. П. Кавк. 1869 г. № 62. Еще объ Абхазіи. Кавк. 1854 г. № 81. Броневскій. Новѣйшія историческія и географическія свѣд. о Кавказѣ изд. 1823 г. ч. I.

страхъ къ кузнецамъ и увѣренъ, что они имѣютъ сношеніе съ нечистымъ. У абхазцевъ существуютъ особыя молитвы, обращенныя къ наковальнѣ.

Къ развалинамъ церквей питаютъ глубокое уваженіе и, во всѣхъ нуждахъ, прибѣгаютъ къ нимъ съ молитвами и жертвоприношеніями.

Такъ, въ 22 верстахъ отъ Сухумъ-Кале и въ 7 верстахъ отъ восточнаго берега Чернаго моря, въ селеніи Драндахъ, есть древній генуэзскій храмъ, пользующійся особымъ уваженіемъ народа. Другой такой же храмъ находится въ деревни Иллорахъ.

Окрестные жители селенія Драндъ часто посѣщаютъ развалины храма. Они приносятъ туда все найденное ими: подкову, гвоздь, ремешекъ, тряпочку и проч. Часто у дверей храма видны зажженыя маленькія восковыя свѣчи. Появится-ли между овцами болѣзнь—абхазецъ приводитъ къ храму ягненка, рѣжетъ его на паперти и возвращается домой, съ полнымъ убѣжденіемъ, что будетъ избавленъ отъ болѣзни, посѣтившей его стадо. Лишится-ли внезапно молока женщина, кормившая грудью ребенка—она спѣшитъ передъ захожденіемъ солнца въ храмъ, садится посрединѣ его и обливаетъ тамъ свои груди водою, изъ маленькаго глиняннаго кувшина, произнося про себя какія-то слова.

По увѣренію абхазцевъ, бывали случаи, что молоко возвращалось къ просящей (¹).

Такимъ образомъ, не смотря на отсутствіе вѣрованія, абхазецъ-христіанинъ не лишенъ религіознаго суевѣрія.

Въ деревнѣ Иллорахъ, составлявшей прежде центръ всего христіанскаго населенія въ Абхазіи, существуетъ храмъ, по преданію построенный еще въ IV вѣкѣ и богатый древними иконами.

По разсказамъ туземцевъ, въ храмѣ этомъ, отъ времени до времени, совершается чудо святаго великомученика и побѣдоносца Георгія, котораго икона находится въ церкви.

Въ день, 10-го ноября, посвященный памяти святаго воина, чтимаго даже всѣми туземцами и не христіанскаго исповѣданія, передъ началомъ утрени появлялся, въ прежнее время, въ церковной оградѣ, священный быкъ, съ золотыми рогами.

Запертая церковная ограда охранялась стражею, и откуда появляется быкъ—абхазцы объяснить не могутъ.

По окончаніи церковной службы, съ благословенія священника, быкъ этотъ закалывался и куски его мяса раздавались въ родѣ артоса богомольцамъ, собиравшимся сюда не только со всѣхъ мѣстъ Абхазіи, но и изъ Мингреліи и Имеретіи. Разсказываютъ, что мясо это никогда не портилось и было спасительно отъ всякаго рода болѣзней. Появленіе быка служило пред-

---

(¹) Древній генуэзскій храмъ въ укрѣп. Драндахъ С. Саблина. Кавк. 1846 г. № 8.

знаменованіемъ спокойствія, хорошаго урожая и вообще счастія въ будущемъ году, и потому этотъ день праздновался съ торжествомъ и уваженіемъ. Но если быкъ не являлся, то народъ расходился въ уныніи, въ ожиданіи несчастія въ будущемъ, и день 10-го ноября проходилъ для абхазца незамѣтнымъ. Въ послѣднее время что-то не слышно о появленіи быка.

Прежде онъ появлялся каждый годъ, потомъ сталъ показываться рѣже, черезъ три года, и наконецъ, въ ближайшее къ намъ время, появился въ 1851 году; съ тѣхъ поръ абхазцы напрасно ожидаютъ его прихода (¹).

Суевѣріе и языческіе обряды проявляются и во всѣхъ праздникахъ, гдѣ жертвоприношенія, какъ главный догматъ религіи, составляютъ непремѣнную принадлежность.

Такъ, наканунѣ Рождества Христова, въ селеніяхъ, смежныхъ съ Самурзаканью, въ Абживскомъ округѣ, совершается обрядъ *гоутану* (слово, взятое съ мингрельскаго языка, гдѣ прежде также существовалъ этотъ обрядъ, и означающее безразсвѣтный или доразсвѣтный) (²).

Въ каждомъ семействѣ рѣжутъ куръ, по числу душъ обоего пола, и пекутъ по четыре *кваквари*—небольшія булочки, начиненныя сыромъ, на каждаго отдѣльнаго члена семейства. Прежде, чѣмъ пропоетъ первый пѣтухъ ночью, пища должна быть готова: булки испечены, а куры изжарены. Съ первымъ крикомъ пѣтуха, все семейство встаетъ: хозяйка ставитъ на столъ чашки и въ каждую кладетъ по одной цѣльной курицѣ и по четыре булочки. Къ чашкѣ прилѣпляютъ восковую свѣчу, а передъ нею ставятъ, въ особой посудѣ, раскаленные уголья. Всѣ члены семейства становятся вокругъ стола на колѣни, каждый противъ своей чашки, а старшій изъ присутствующихъ, снявъ шапку, бросаетъ ладонъ на уголья и проситъ, чтобы Всевышній избавилъ все его семейство отъ поноса, чтобы у всѣхъ желудки были въ надлежащей исправности. Послѣ молитвы присутствующіе встаютъ и, повернувшись на право кругомъ, кланяются на востокъ, садятся за столъ и принимаются за кушанья. Обрядъ долженъ кончиться непремѣнно до разсвѣта; всѣ остатки отъ кушанья сожигаются (³).

Вечеромъ, наканунѣ новаго года, всѣ кузнецы и слесаря приносятъ жертву Богу *Шасшу-Абжъ-Ныха* (⁴) (семь святыхъ), котораго абхазецъ представляетъ себѣ въ семи лицахъ и считаетъ Богомъ кузнецовъ и всѣхъ искуствъ, при которыхъ дѣйствуетъ молотъ и наковальня.

Съ наступленіемъ этого вечера каждый кузнецъ рѣжетъ рогатую скотину, а

(¹) Абхазія и Абхазцы С. Пушкарева Газет. Кавказъ 1854 г. № 60.

(²) Въ Мингреліи обрядъ этотъ уничтоженъ епископомъ Георгіемъ, какъ несовмѣстный съ правилами христіанской религіи.

(³) Абхазская миѳологія и религіозныя повѣрья и обряды между жителями Абхазіи Соломона Званбая. Кавказъ 1855 г. № 82. Тоже Кавк. 1867 г. № 74.

(⁴) Въ первой своей статьѣ (Кавк. 1855 г. № 81) авторъ пишетъ это названіе такъ: Шасшу-абжныха.

жена его по одному пѣтуху для каждаго члена семейства и приготовляетъ тѣсто для пирога изъ пшеничной муки съ сырною начинкою. Мясо варятъ, пѣтуховъ жарятъ на вертелахъ, а пирогъ пекутъ. Сложивъ весь свой инструментъ въ кузницѣ около наковальни и принесши приготовленную пищу, кузнецъ созываетъ все свое семейство, которое становится на колѣни, а кузнецъ, снявъ шапку, зажигаетъ восковую свѣчу и, бросая ладонъ на уголья, проситъ своего покровителя ниспослать ему и его семейству здоровье и долголѣтіе. За тѣмъ отрѣзываетъ по кусочку отъ печенки и сердца зарѣзанной скотины, отъ пѣтуховъ и пирога и сожигаетъ все это на угольяхъ; потомъ отрѣзываетъ отъ тѣхъ же частей по нѣскольку кусочковъ, и передаетъ по одному каждому члену семейства, которые съѣдаютъ ихъ и запиваютъ тремя глотками вина. Окончивъ эту церемонію, пищу переносятъ изъ кузницы въ домъ, кузнецъ приглашаетъ своихъ сосѣдей и открываетъ пиръ во славу *Шасшу*.

Въ селеніяхъ смежныхъ съ Самурзаканью, въ Абживскомъ округѣ, въ это же время совершается обрядъ *каланда*, почти тождественный съ *гоутану*.

Послѣ ужина, накапунѣ новаго года, въ каждомъ семействѣ пекутъ большой четыреугольный пирогъ, начиненный сыромъ. Съ первымъ пѣніемъ пѣтуховъ, пирогъ кладутъ на большую доску, прилѣпляютъ къ ней зажженную восковую свѣчу и ставятъ жаровню съ углями. Члены семейства становятся на колѣни вокругъ пирога, и старшій въ семействѣ, бросивъ ладонъ на уголья, проситъ у Каланды счастія и всякаго блага семейству. Пирогъ ѣдятъ, а остатокъ его сожигаютъ, наблюдая особенно за тѣмъ, чтобы обрядъ этотъ кончился непремѣнно до разсвѣта.

Въ самый день новаго года во всей Абхазіи исполняютъ обрядъ *гуныхва* (сердечныя молитва); въ каждомъ семействѣ пекутъ, по числу членовъ семейства, булочки, съ вложенными въ нихъ свареными и очищеными яйцами. Старшій въ семействѣ подноситъ такую булочку къ груди каждаго члена семейства и проситъ Бога избавить его отъ сердечныхъ болѣзней. Послѣ этого каждый ѣстъ свою булку.

Въ этотъ день младшіе поздравляютъ старшихъ и дарятъ имъ убитаго дрозда, стараясь во время охоты снять ему пулею голову, чтобы тѣмъ показать свою мѣткость въ стрѣльбѣ. Поздравляющіе получаютъ подарокъ (¹).

Дѣвушки-невѣсты обыкновенно въ первый день великаго поста не ѣдятъ въ теченіе цѣлаго дня, и съ большимъ секретомъ приготовляютъ изъ гоміи или муки тѣсто, для четырехъ небольшихъ конусообразныхъ постныхъ хлѣбовъ. При закатѣ солнца, онѣ варятъ тѣсто, а когда стемнѣетъ, то приготовленный хлѣбъ кладутъ въ чашку и отправляются къ женщинѣ-сосѣдкѣ,

---

(¹) Абхазская миѳологія и религіозныя повѣрья и обряды Соломона Званбая. Кавк. 1855 г. № 82. Тоже Кавк. 1867 г. № 74—76.

недавно вышедшей замужъ и заранѣе предупрежденной о такомъ посѣщеніи. Женщина принимаетъ дѣвушекъ въ особомъ строеніи, и когда всѣ соберутся, ставитъ ихъ полукругомъ на колѣни, при чемъ каждая держитъ передъ собою открытую чашку съ хлѣбомъ. Хозяйка же, ставъ передъ ними, проситъ хорошихъ жениховъ: для дѣвушки высшаго сословія, или дворянки, человѣка красиваго, умнаго, храбраго и гостепріимнаго, а для дѣвушки низшаго сословія—молодаго, пригожаго, хорошаго хозяина и гостепріимнаго. Хозяйка заклинаетъ, чтобы суженый явился дѣвушкамъ во снѣ, разламываетъ по одному хлѣбу и даетъ покушать. Дѣвушки встаютъ и, расходясь по домамъ, уносятъ съ собою остальные хлѣбы, которые, ложась спать, кладутъ подъ подушку. Онѣ вѣрятъ безусловно, что проснувшись на другой день и разломавъ секретно спрятанные хлѣбы, дѣвушка найдетъ въ нихъ волосы такого цвѣта, какіе будутъ у суженаго. На сколько ожиданія ихъ оправдываются и находятъ ли онѣ въ хлѣбахъ волосы—рѣшить трудно; но если вы спросите о томъ у замужней абхазской женщины, то она васъ увѣритъ, что сама дѣлала это и убѣдилась, на опытѣ, въ непогрѣшимости такого гаданья.

Съ наступленіемъ весны жители горной Абазіи праздновали *маныч-чеканъ*, или праздникъ перваго цвѣтка. Въ этотъ день все народонаселеніе сосредоточивалось преимущественно въ трехъ аулахъ: Тамъ-агу, Агдера и Рыдца, предпочитаемыхъ всѣмъ другимъ ауламъ, потому что они окружены были лучшими заповѣдными рощами.

Въ полночь, наканунѣ праздника, съ пѣснями и стрѣльбою, дѣвушки, подъ предводительствомъ старухъ, отправлялись искать пятилиственникъ, а молодые люди разсыпались по окружнымъ курганамъ и искали кладовъ. По народному представленію, кладъ составляетъ кубышка, наполненная сокровищами. Съ первыми лучами солнца, съ музыкою, пѣніемъ и особою церемоніею, всѣ возвращались въ аулъ, сакли котораго убраны были зеленью и цвѣтами. Впереди всѣхъ старый джигитъ, повитый дубовымъ вѣнкомъ, ѣхалъ верхомъ на оленѣ, обреченномъ на жертву *Мизитху*—богу лѣсовъ. За нимъ слѣдовала толпа народа, и каждая дѣвушка должна была принести съ собою на площадь аула или цвѣтокъ, или вѣтку и сложить ее у подножія камня, на которомъ будетъ принесена жертва *Мизитху*. Достигнувъ камня и сложивъ передъ нимъ свои приношенія, дѣвушки становились по лѣвую его сторону, мужчины отходили къ саклямъ, а старый джигитъ, прося обилія плодовъ и лѣсу, ловкимъ ударомъ кинжала отдѣлялъ голову отъ туловища жертвы. Если операція бывала удачна, то въ то же мгновеніе раздавались выстрѣлы и крики радости, но если голова не была отдѣлена однимъ ударомъ, то народъ считалъ, что жертва эта непріятна Мизитху.

Въ слѣдъ за выстрѣлами появлялись конные джигиты и шесты, съ надѣтыми на нихъ папахами, которые и разставлялись въ разныхъ мѣстахъ площади. Выстрѣлъ жреца служилъ сигналомъ для начала игръ. Джигитовка и бросаніе палокъ составляли главную забаву абазинъ. Ни одинъ праздникъ,

ни одно торжество въ горахъ не обходились безъ этихъ забавъ. Каждый удачный выстрѣлъ, или ударъ брошеной палки, давалъ право на полученіе цвѣтка, положеннаго у подножія камня, и пріобрѣтеніе подруги, обязанной плясать съ отличившимся во весь вечеръ.

Главнѣйшая и наиболѣе употребительная пляска между абазинками была *альзани*—родъ лезгинки, исполняемой ими съ удивительною граціею, жаромъ и нѣгою. Мужчины почти никогда не участвовали въ этомъ танцѣ. На такой подвигъ рѣшались только люди или очень ловкіе, или влюбленные, чтобы протанцовать съ предметомъ своей страсти. За то мужчины танцовали *джигитку*—танецъ, въ которомъ одинъ изъ участниковъ платилъ жизнію или серьезною раною. Въ танцѣ этомъ главнѣйшую роль играли кинжалъ, винтовка и руки; ноги же тутъ дѣло второстепенное. Друзья или люди не враждебные другъ другу никогда не танцовали джигитки, но всегда принимали въ ней участіе лица, желающія отплатить старую обиду или похвастать удалью и молодечествомъ. Не было въ горахъ такого зрѣлища, которое бы собирало столько любопытныхъ, сколько собирало на арену извѣстіе о началѣ *джигитки* или, лучше сказать, *травли*.

Два соперника или танцора, положивъ руки на кинжалы и закрывъ голову башлыкомъ, отмѣривали между собою двѣнадцать шаговъ разстоянія. Подъ тактъ протяжной пѣсни зрителей, танцующіе, притоптывая и присѣдая, сходились между собою. Едва только оставался между ними одинъ шагъ разстоянія, какъ пѣсня зрителей ускорялась, и борцы, притопнувъ, съ гикомъ дѣлали три крутыхъ поворота, стремительно обнаживъ кинжалы. Здѣсь ударъ могъ быть нанесенъ только въ шею или спину; а такъ какъ плясуны дѣлали повороты въ одно и то же мгновеніе, часто съ одинаковымъ искуствомъ владѣя оружіемъ, то первая половина джигитки кончалась или ничѣмъ, или легкою царапиною. За тѣмъ зрители очищали арену, чертили на землѣ большой кругъ, въ который вводили, съ завязанными глазами, плясуновъ, вооруженныхъ винтовками, а сами, подъ мѣрный напѣвъ той же пѣсни, ложились за камни. Въ этомъ случаѣ иногда встрѣчались чрезвычайно забавныя сцены. Противники, обязанные бить ногами тактъ пѣсни, преслѣдовали другъ друга, стараясь по топоту и шороху угадать мѣсто одинъ другаго. Иногда они сталкивались и, при громкомъ смѣхѣ зрителей, падали. Тогда каждый изъ нихъ спѣшилъ подняться и уйти, чтобы не попасть подъ дуло винтовки, и снова попадалъ подъ ноги противника. «Но бываютъ и такіе случаи, которые кончаются для обоихъ плясуновъ послѣднимъ пируэтомъ смерти. Бывали примѣры, что пляшущіе въ одно и то же мгновеніе сходились, уставя въ припоръ винтовки, и падали, обагренные кровью».

Въ этой пляскѣ высказалась вся дикая удаль абазинскаго племени—и рѣдкій праздникъ обходился безъ рѣзни. Изъ другихъ забавъ и народныхъ игръ можно упомянуть о карточной игрѣ, значительно распространенной между абазинами, и *кефаль-кешь* — игрѣ рыбьими головками. Двое играю-

щихъ садились на полъ сакли, аршинахъ въ двухъ, и поочередно бросали вверхъ горсть рыбьихъ головокъ; на чьей сторонѣ оказывалось болѣе головокъ, обращенныхъ носикомъ къ играющему, тотъ и побѣдитель.

Абазины не имѣли своей пѣсни, не смотря на то, что, по природѣ, принадлежатъ къ страстнымъ любителямъ пѣнія; пѣсни въ Абазіи всѣ кабардинскія. Жители собственно Абхазіи не имѣютъ характеристическихъ игръ, ни разнообразнаго танца. Танецъ ихъ однообразенъ, дикъ и наводитъ уныніе; въ немъ нѣтъ ни ловкости, ни граціи: попрыгавъ немного, танцующій становится па носки—вотъ и все видоизмѣненіе движеній. Хлопанье въ ладоши замѣняетъ туземцу музыку и сопровождается иногда груснымъ и дикимъ гиканьемъ.

Народныя пѣсни и напѣвы абхазцевъ также не разнообразны, а, напротивъ того, бѣдны и однообразны. Они обыкновенно состоятъ въ импровизированномъ прославленіи удальства, набѣговъ и морскихъ разбоевъ ихъ предковъ, въ воспѣваніи храбрости и могущества кого-либо изъ живущихъ соотечественниковъ. За импровизаціей оратора, другіе припѣваютъ однотоннымъ голосомъ: *ора ора, орари, ора!* Слова эти, не имѣя никакого отношенія къ пѣснѣ, въ переводѣ означаютъ: лѣсъ, лѣса, все лѣсъ и лѣсъ, характеризуя тѣмъ абхазца дикаго, выросшаго среди лѣсовъ и никогда ихъ не забывающаго. Импровизаторы были въ большомъ почетѣ, особенно у жителей горной Абазіи. Съ именемъ импровизатора—*поглившна*, у абазинъ соединялось почетное званіе фигляра, плясуна и зачастую ловкаго плута. Погливанъ—это странствующій бардъ, готовый за деньги воспѣвать доблести каждаго, потѣшить толпу фокусомъ или замысловатой сказкой. Ни одинъ пиръ въ горахъ не обходился безъ странствующихъ импровизаторовъ, которымъ на пиршествѣ предоставлялось самое почетное мѣсто: оно принадлежитъ имъ по праву, потому что они, по умственнымъ способностямъ, стояли неизмѣримо выше своихъ дикихъ собратій.

Въ то время, когда танцы въ полномъ разгарѣ, импровизатору стоило только ударить по струнамъ своего инструмента, какъ, съ послѣднимъ звукомъ его струны, смолкали смѣхъ и говоръ, прекращались танцы и водворялась тишина. Бросивъ торжественный взглядъ на присутствующихъ, импровизаторъ начиналъ свой разсказъ о геройскихъ подвигахъ одного изъ предковъ хозяина. Не щадя своего краснорѣчія, онъ разсыпалъ похвалы и преувеличивалъ славу воспѣваемаго.

«Если кто-нибудь изъ слушателей, говоритъ Савиновъ, въ минуту его импровизаціи швырнетъ абазъ въ шапку барда — бардъ, не измѣняя плана своей повѣсти, съумѣетъ вклеить туда подвиги и щедраго или его отца и прадѣдовъ. Случается такъ, что собесѣдники, желая потѣшить свое самолюбіе, наперерывъ спѣшатъ осеребрить кабардинку импровизатора и импровизація превращается тогда въ цѣлую исторію Абазіи...»

Кромѣ импровизаціи, погливаны странствуютъ иногда цѣлыми труппами и

потѣшаютъ народъ комедіями, содержаніе которыхъ основано на какомъ-нибудь историческомъ событіи (¹).

Въ день празднованія православными христіанами Св. Пасхи, всѣ абхазцы, безъ различія вѣроисповѣданія и сословій, имѣютъ одинъ общій праздникъ — *Амшапъ*, что значитъ *предшествующій день*.

Приготовляясь къ празднику, красятъ яйца, а въ самый день его каждый хозяинъ рѣжетъ скотину и, приготовленною пищею, какъ бы разгавливается.

На второй день туземцы совершаютъ поминки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приносятъ другъ другу поздравленія, съ пожеланіемъ провести счастливо наступающее время (²).

Жители Абазіи считали день Св. Пасхи также великимъ праздникомъ и старались разузнать, когда праздновали его ихъ враги — русскіе. Если же свѣдѣній этихъ добыть было не откуда, то празднованіе совершалось въ началѣ апрѣля.

За шестнадцать дней до наступленія праздника, туземцы заговлялись и постились: не ѣли баранины и не пили вина. Нравственная чистота, во все это время, сохранялась въ полномъ религіозномъ значеніи.

За три дня до праздника совершался обрядъ покаянія. Весь аулъ, поднявшись ночью, какова бы она ни была, отправлялся за своимъ старшиною въ лѣсъ, къ священному дубу. По прочтеніи молитвы *Сыну Маріи*, старшина накидывалъ себѣ на голову бурку, чтобы не видѣть подходящихъ къ нему. Сначала подходили женщины и, поцѣловавъ кинжалъ отца, мужа или брата, каждая подходившая вонзала его въ священный дубъ.

— Помолись Сыну-Маріи, говорилъ старшина, попроси отпущенія грѣховъ твоихъ и скажи вѣрно и не ложно, что тяготитъ твою душу.

Кающаяся молилась, цѣловала дубъ и становилась лицомъ къ старшинѣ.

— Кинжалъ, который я принесла, произносила она, пусть найдетъ ножны въ моемъ сердцѣ, если я солгу передъ Сыномъ-Маріи.

Затѣмъ начиналась исповѣдь, въ который дѣвушки не принимали участія, потому что горцы не предполагаютъ у дѣвушекъ особенныхъ грѣховъ. За женщинами подходили къ старшинѣ мужчины, по очереди, старшіе впереди.

По окончаніи исповѣди, все селеніе тянулось къ саклѣ старшины, гдѣ каждый получалъ по кусочку священнаго воска.

Вечеромъ, наканунѣ праздника, вдоль ручья или рѣчки, протекающей мимо аула, молодые люди раскладывали костры, старики чистили оружіе и, развѣсивъ его на гвоздикахъ, стругали палочки, на которыя, въ день праздника, надѣвался, по обычаю, у входа сакли годовой пасхальный вѣнокъ.

(¹) Г. Савиновъ въ своихъ воспоминаніяхъ приводитъ одну изъ такихъ комедій, слышанную имъ въ аулѣ Дозари. См. Пантеонъ 1850 г. № 11.

(²) О положеніи Абхазіи въ религіозномъ отношеніи. Кавказъ 1868 г. № 5.

Въ это время дѣвушки и молодыя замужнія женщины исполняли обрядъ *отданія стараго воска.*

Собравшись попарно, дѣвушки отправлялись къ рѣчкѣ, напѣвая особую на этотъ случай пѣсню.

Пчелки Черныхъ горъ,
Вамъ спасибо за воскъ,
Вамъ за медъ нашъ поклонъ.
Старый воскъ уплывай
По теченью рѣки;
Горе все ты возьми,
Что принесъ этотъ годъ;
Радость намъ оставляй,
Радость слаще, чѣмъ медъ!

Сплюснутый въ маленькія и легкія лепешки, воскъ бросался въ рѣку; каждая изъ дѣвушекъ слѣдила за своимъ воскомъ и чей дольше продержится на водѣ, ту ожидало большее благополучіе.

Въ ночь наканунѣ праздника спали только одни старики; молодежь красила яйца, чистила винтовки, мыла стволы и чадры и съ нетерпѣніемъ ожидала выстрѣла главы селенія—начала праздника.

Но вотъ съ порога сакли старшины раздался давно ожидаемый выстрѣлъ, за нимъ второй, третій—и аулъ огласился выстрѣлами, производимыми въ каждой саклѣ. Народъ толпою спѣшилъ на площадь къ небольшому столбику, съ воткнутою въ него вертикально иглою. Дѣвушки, закрывшись чадрами, по знаку старшины, составляли рядъ по одну сторону столба, молодые горцы—по другую. Одна старуха съ корзиною обходила всѣхъ дѣвушекъ, и каждая изъ нихъ опускала въ нее яйцо съ замѣткою, по которой можно было потомъ узнать его владѣтельницу. Корзина ставилась у подножія столба; старшина бралъ одно яйцо и втыкалъ его на шпильку.

— Ударъ на поцѣлуй! говорилъ онъ, отходя въ сторону,

Желающій испытать удовольствіе поцѣлуя отступалъ шаговъ на сто отъ цѣли и производилъ выстрѣлъ; промахъ въ этомъ случаѣ навлекалъ на стрѣлявшаго общее посмѣяніе. Пѣсни, пляски, джигитовка слѣдовали за стрѣльбою и продолжались три дня.

Кромѣ того, въ Абхазіи почти всегда въ первый день Пасхи, у христіанъ послѣ обѣдни, а у магометанъ и язычниковъ рано утромъ, совершается въ каждомъ семействѣ жертвоприношеніе въ честь Св. Георгія побѣдоносца.

Св. Георгій пользуется особымъ почтеніемъ между всѣми абхазцами, ка-

кого бы вѣроисповѣданія они ни были. У каждаго хозяина есть въ стадѣ лучшая корова, съ обрѣзаннымъ ухомъ, и сохраняется отдѣльно самый большой кувшинъ, наполненный чистымъ, краснымъ виноградным соком. Вино это и приплодъ отъ коровы назначаются для жертвоприношенія Св. Георгію. Если посвященная корова отелится бычкомъ, то онъ идетъ въ жертву, а если телочкою, тогда для жертвы откармливаютъ барашка.

Въ день жертвоприношенія все семейство выходитъ на крыльцо и становится на колѣни, лицомъ къ востоку. Передъ нимъ ставятъ животное, назначенное на закланіе. Мужчины снимаютъ шапки, и всѣ присутствующіе благоговѣйно складываютъ на груди руки. Старшій членъ семейства подходитъ къ жертвѣ и беретъ ее за уши.

— Святый великій Георгій Иллорскій! говоритъ онъ при этомъ, приношу тебѣ опредѣленную моими предками жертву; не оставь меня и мое семейство своимъ покровительствомъ, дай намъ здоровья и долголѣтія, удали отъ насъ всякіе недуги въ настоящее и будущее время, сохрани насъ отъ злыхъ духовъ и отъ дурныхъ глазъ; не оставь также своимъ покровительствомъ отсутствующихъ нашихъ родныхъ и друзей и всѣхъ тѣхъ, кого мы любимъ!

— Аминь! отвѣчаютъ остальные члены семейства, встаютъ и кланяются къ востоку, не дѣлая при этомъ крестнаго знаменія, хотя бы то были христіане.

Зарѣзавъ животное, варятъ мясо, приготовляютъ восковую свѣчу и пирогъ изъ пшеничной муки, начиненный сыромъ. Читавшій молитву идетъ въ *марань* — сарай, гдѣ сохраняется вино — и открываетъ тамъ посвященный кувшинъ вина.

Туда же приносятъ вареное мясо и пирогъ, кладутъ около кувшина, зажигаютъ свѣчу, прилѣпляютъ ее къ горлу кувшина и приносятъ ладонъ и горячіе уголья. Все семейство становится опять на колѣни, лицомъ къ востоку, и притомъ такъ, чтобы кувшинъ съ виномъ находился передъ ними. На горячіе уголья старшій въ семьѣ бросаетъ ладонъ и читаетъ снова ту же молитву, на которую всегда домочадцы отвѣчаютъ словомъ *аминь*.

Распорядитель обряда отрѣзываетъ отъ сердца и печени животнаго, а также отъ пирога по кусочку, мочитъ ихъ въ винѣ и сожигаетъ на угольяхъ. Затѣмъ отрѣзываетъ отъ тѣхъ же частей столько кусковъ, сколько присутствующихъ членовъ семейства, даетъ ихъ каждому съѣсть и запить виномъ изъ кувшина. Послѣ того всѣ встаютъ, кланяются на востокъ, выносятъ все изъ марани въ саклю, гдѣ садятся за столъ и пируютъ, приглашая на праздникъ своихъ сосѣдей, если у нихъ не было въ этотъ день жертвоприношенія (1).

---

(1) Обрядъ жертвоприношенія св. побѣдоносцу Георгію С. Званбая. Кавк. 1853 г. № 90.

Кто не могъ исполнить этого обряда въ первый день пасхи, тотъ исполняетъ его въ одинъ изъ воскресныхъ дней, въ теченіе лѣта, только не въ постъ.

Абазины сливали день св. Георгія со днемъ пророка Ильи въ одинъ праздникъ.

Послѣднему воздавали почти одинаковыя почести съ богомъ грома—*Шибле*, а въ честь св. Георгія посвящался бѣлый конь, который сожигался на кострѣ при ружейныхъ выстрѣлахъ и пѣніи молодыхъ джигитовъ. Въ этотъ день молодымъ лошадямъ выжигали тавро.

Абхазцы всѣхъ исповѣданій вѣрятъ въ народную молву, что солгавшій передъ иконою великомученика Георгія и предъ иконами монастырей Пицундскаго и Иллорскаго, не избѣгнетъ наказанія, и на этомъ, какъ увидимъ ниже, основана присяга и клятва произносимая въ важныхъ случаяхъ.

Троицынъ день въ горахъ—былъ праздникомъ женщинъ. Покупавшись въ рѣкѣ и обмывшись, женщины и дѣвушки, украшенныя вѣнками изъ дикихъ розъ, обходили сакли и приглашали мужчинъ на праздникъ. Каждый приглашенный бралъ съ собою подарокъ: шелковую тесьму, ленту, позументъ или бусы.

Абазины праздновали день, подходящій къ нашему Иванову дню. На этотъ день женщины расходились съ мужчинами и гадали. Отправившись въ ближайшій лѣсъ, до заката солнца, молодая дѣвушка громко произносила тамъ имя своего возлюбленнаго. Если эхо прозвучитъ дробно, то не быть ей женою любимаго, а если оно отзовется ровно, то завѣтное желаніе ея исполнится.

На другой день праздника совершалась, въ память святаго, общая молитва, и каждый хозяинъ дѣлалъ глиною, на дверяхъ своей сакли, знаменіе креста, съ троекратнымъ произношеніемъ имени Ивана, катораго горцы считаютъ охранителемъ дома и подателемъ здоровья всѣмъ живущимъ въ немъ (¹).

Въ народѣ укоренилось безчисленное множество суевѣрій и предразсудковъ, неразрывныхъ съ понятіями людей невѣжественныхъ, грубыхъ и дикихъ.

Гонитъ ли пастухъ свое стадо на лѣто въ горы или спускаетъ ихъ оттуда осенью—онъ, по народному обычаю, приноситъ жертву *Афы* (богъ грома, молніи и вообще всѣхъ атмосферическихъ явленій), закалываетъ барана, прося бога предохранить его стада отъ громоваго истребленія. Мясо принесенной жертвы употребляется въ пищу лицомъ, приносившимъ жертву. Случится ли въ Абхазіи засуха—народъ обращается съ просьбою къ дѣвушкамъ добыть имъ дождя. Одѣвшись въ лучшія свои платья и раздѣлившись на три части, дѣвушки идутъ тогда къ рѣчкѣ, гдѣ одна часть устраиваетъ

О народныхъ праздникахъ и проч. Кавк. 1855 г. № 9. Вѣрованія и обряды абхазскихъ горцевъ. Ласточка 1859 г.

(¹) Вѣрованія и обряды абхазскихъ горцевъ В. Савинова. Ласточка 1859 г.

изъ вѣтвей плотъ, другая подноситъ къ плоту сухую солому, а третья занимается приготовленіемъ куклы въ видѣ женщины. За тѣмъ приводятъ эшака, покрываютъ его бѣлою простынею и сажаютъ на него куклу. Одна изъ присутствующихъ беретъ за поводъ узды, двѣ становятся съ боковъ эшака для подерживанія куклы, а остальные, раздѣлившись на двѣ части, становятся по обѣ стороны эшака и въ такомъ видѣ ведутъ его къ плоту.

— Воды дашь! воды дашь! поютъ они хоромъ, воду дождевую, маргаритку красную, сынъ владыки (или владѣтеля) жаждетъ немного воды, немного воды. (Дзивау дзывава, дзири ква ква, мыкрылдъ апшъ ахъ, и па дыдзышвойтъ дзы-хучикъ, дзы-чучикъ).

У плота снимаютъ съ эшака куклу, сажаютъ ее на плотъ, зажигаютъ на немъ солому и, въ такомъ видѣ, пускаютъ его по теченію воды. Потомъ заставляютъ эшака выкупаться въ той же рѣчкѣ, и какъ онъ всегда противится этому, то дѣвушки вгоняютъ его хлыстами. Переплывъ рѣку и выйдя на противоположный берегъ, эшакъ почти всегда начинаетъ ревѣть, что принимается за хорошій признакъ, и дѣвушки увѣряютъ себя, что дождь непремѣнно будетъ, и, радостно возвращаясь домой, поютъ народныя пѣсни.

Проходитъ нѣсколько дней: всѣ ждутъ дождя какъ милости, но засуха стоитъ по прежнему и жжетъ все окружающее. Тогда абхазцу ничего болѣе не остается дѣлать, какъ обратиться съ просьбою къ богу *Афы* (1).

Крестьяне толпою отправляются къ помѣщику, просятъ его принести жертву Афы и выпросить у него дождя. Помѣщикъ беретъ изъ своего стада двухъ быковъ, назначаетъ день и мѣсто жертвоприношенія, а каждый крестьянинъ приноситъ туда съ собою гомію (пшено), свѣжій сыръ и кувшинъ вина.

Къ обряду допускаются только мужчины и для жертвоприношенія стараются выбрать мѣсто поживописнѣе, гдѣ-нибудь надъ водою. Къ рогамъ жертвы привязываютъ веревку, конецъ которой беретъ одинъ изъ стариковъ и, снявъ шапку, произноситъ молитву.

— О повелитель грома, молніи и дождя! говоритъ онъ. Сжалься надъ нами бѣдными: наши посѣвы засохли, трава выгорѣла; скотъ издыхаетъ безъ корма и намъ самимъ угрожаетъ голодная смерть. Повели скопиться дождевымъ тучамъ; повели грому загремѣть, молніи засверкать и пошли обильный дождь для спасенія погибающаго народа.

Словомъ *аминь!* присутствующіе заключаютъ молитву. Животное закалываютъ и мясо его варятъ; изъ гоміи и сыра приготовляютъ крутую кашу, которую абхазцы употребляютъ вмѣсто хлѣба. Свареное мясо кладутъ на плетни, служащіе вмѣсто столовъ, читаютъ еще разъ ту же молитву и за-

---

(1) Абхазская миѳологія и проч, Соломона Званбая Кавказъ 1855 г. № 82.

тѣмъ, расположившись подъ тѣнью деревъ, пируютъ, воспѣвая при этомъ въ честь *Афы* пѣснь, извѣстную подъ именемъ *Анчва-рышва* (пѣсня богини).

— Все чѣмъ мы наслаждаемся, говоритъ одинъ изъ стариковъ пирующаго общества, есть благодать Господня, и мы должны благодарить его за это.

Эти слова служатъ сигналомъ для начала пѣсни.

— Боже великій, милосердый! (Анчва дауква злыпха ххаура), произноситъ тогда запѣвало.

Во всѣхъ куплетахъ этой пѣсни запѣвало обращаетъ свои хвалебныя слова къ Всевышнему создателю.

— О ты, который съ громомъ съ неба спускаешься, говоритъ онъ, и съ молніею на небо подымаешься, которому извѣстно число песка на днѣ морскомъ и т. п. и затѣмъ оканчиваетъ каждый куплетъ словомъ *ахъ-дау* (владыко, великій Господи!).

Всѣ присутствующіе раздѣляются на два хора и повторяютъ по очереди, и непремѣнно три раза, каждый куплетъ пѣсни, пропѣтый запѣвалою.

Вѣра въ могущество Афы породила между абхазцами особые обряды, при погребеніи человѣка убитаго громомъ. Въ этомъ случаѣ родственники не должны плакать, изъ боязни рассердить Афу, ибо тогда онъ непремѣнно поразитъ всѣхъ присутствующихъ однимъ разомъ. Семейство убитаго, тотчасъ послѣ случившагося происшествія, собираетъ всю деревню безъ различія пола и устраиваетъ на четырехъ столбахъ довольно высокую вышку; потомъ кладутъ убитаго въ гробъ и поднимаютъ па устроенный помостъ, гдѣ онъ лежитъ до тѣхъ поръ, пока не останутся однѣ только кости. Затѣмъ гробъ съ костями предаютъ землѣ и потомъ уже совершаютъ поминки. Суевѣріе это вкоренилось въ народѣ до такой степени, что безъ пляски и пѣсни никто не рѣшится поднять тѣло человѣка убитаго громомъ.

Если молнія поразила какое-нибудь домашнее животное, то надъ нимъ совершается подобный же обрядъ, причемъ вышка становится такой высоты, чтобы на нее не могли вспрыгнуть собаки или хищные звѣри. Присутствующіе раздѣляются на цва хора и совершаютъ вокругъ убитаго пляску съ пѣніемъ. Одинъ хоръ поетъ только слово *во-етла*, а другой *чаупаръоу* и убитую скотину поднимаютъ на вышку, предоставляя ее въ жертву хищнымъ птицамъ.

Пораженіе молніею скотины считается хорошимъ признакомъ, и потому хозяинъ, въ знакъ благодарности Богу за посѣщеніе, приноситъ въ жертву другую скотину, но въ читаемой при этомъ молитвѣ проситъ однакоже Господа, чтобы на будущее время онъ пощадилъ его самого и его стада отъ подобныхъ пораженій.

Изъ мяса принесеннаго въ жертву животнаго приготовляютъ пищу, и въ продолженіе цѣлаго дня угощаютъ ею собравшійся на эту церемонію народъ.

Абхазецъ вѣритъ, что молнія бьетъ преимущественно въ дубовыя деревья, и никогда въ грабовыя. Поэтому онъ тщательно уничтожаетъ дубъ,

и даже съ корнемъ, на значительное разстояніе отъ своего жилья, а во всѣхъ строеніяхъ старается употребить въ дѣло хотя немного грабоваго лѣса, который и разводитъ вокругъ своего жилища ([1]).

Жертвоприношеніе въ честь грома существовало и у жителей Абазіи.

Одновременно съ днемъ праздника пророка Ильи, во второй половинѣ іюля мѣсяца, абазины совершали жертвоприношеніе *Шибле* — богу грома. Сохранивъ одинаковое названіе этого бога съ черкесами, абазины измѣнили характеръ и особенности празднованія.

Почти у самаго истока рѣки Агури находится скала, извѣстная въ народѣ подъ именемъ *Скалы-Грома*, гдѣ существуютъ развалины монастыря и храма во имя пророка Иліи. За нѣсколько дней до праздника *Шибле*, стекалось туда множество народа, такъ что вся долина бывала усѣяна группами пріѣзжихъ. Повсюду видны были арбы съ торчащими вверхъ оглоблями и съ привязанными къ нимъ волами и конями. Тамъ, подъ арбами, дѣвушки одѣвались въ лучшія свои платья; здѣсь кувыркались ребятишки, сбивая съ ногъ взрослыхъ; группы мужчинъ и женщинъ покрывали долину; въ одномъ мѣстѣ старые джигиты, собравшись въ кучку, спорили о достоинствѣ своихъ лошадей; въ другомъ—выправляли оружіе, чистили коней; мать таскала за волосы свое непокорное семейство, а ея дочка перемигивалась съ молодымъ джигитомъ; шумъ и гамъ эхомъ дробились по горамъ. Раздавался выстрѣлъ—и все смолкало; за первымъ выстрѣломъ повторялся другой—и снова все поднималось на ноги. Съ пѣснями, подъ звуки музыки и бубна, двигались къ рѣкѣ Агуры толпы горянокъ съ кувшинами на головахъ, а мужчины вели своихъ телятъ и коровъ къ возвышенію, гдѣ пестро разодѣтый старшина, избранный жрецомъ и окруженный помощниками, долженъ былъ приступить къ закланію жертвъ. Чья жертва оказывалась лучше, тотъ пріобрѣталъ титулъ вызывателя грома; онъ первый больше и громче другихъ имѣлъ право кричать: «*Шибле! дай дождя.* Такое лицо дѣлалось падишахомъ праздника, пользовалось правомъ цѣловать любую изъ красавицъ, пить лучшее вино, ѣсть вкуснѣйшее блюдо, распоряжаться играми и сѣсть на лучшаго коня, не разбирая чей бы онъ ни былъ.

— Шибле! дай дождя!.... кричитъ вызыватель грома.

— Шибле дай дождя! вторитъ ему многочисленная толпа.

При звукахъ выстрѣловъ и бубновъ на курганѣ лилась кровь животныхъ приносимыхъ въ жертву, раскладывались костры у подножія его, развѣшивались котлы, варилась пища. Вызыватель грома дѣлилъ пищу и вино между присутствующими, и тогда начиналось пиршество, оканчивавшееся пѣніемъ, пляской и джигитовкой.

Подобно черкесамъ, абазины имѣли *Тлепса*—бога огня.

([1]) Очеркъ абхазской миѳологіи С. Званбая. Кавказъ 1867 г. № 74—76. Изъ путешествія архіепис. Имеретинскаго Гавріила Кавказъ 1869 г. № 13.

Съ приближеніемъ праздника, каждый хозяинъ долженъ былъ собственноручно выбѣлить свой очагъ и наносить дровъ.

Наканунѣ праздника жители не должны были имѣть ни одной искры въ домѣ, залить угли въ очагѣ, снять кремень съ пистолета и винтовки и повѣсить свою трубку на поясъ.

Въ полночь около сакли старшины раздавался выстрѣлъ и весь аулъ высыпалъ на улицу.

— Гдѣ Тлепсъ? гдѣ факелъ? спрашивали всѣ другъ друга.

Закрытая съ головы до ногъ въ чадру, спускалась со скалы дѣвушка, съ зажженнымъ факеломъ. Она избиралась жрицею и составляла тайну для всѣхъ, кромѣ старшины и родныхъ. Помолившись въ рощѣ Тлепсу, она приносила въ аулъ огонь на цѣлый годъ. За это дѣвушка пользовалась правомъ выбрать себѣ жениха, кого пожелаетъ и кто бы онъ ни былъ. Выбранный зажигалъ свой факелъ, и въ это время окружныя горы освѣщались огнями. Жители расходились по домамъ и ожидали новобрачныхъ, которые входили въ каждую саклю, зажигали въ ней дрова на очагѣ и получали калымъ отъ каждаго хозяина. По выходѣ изъ послѣдней сакли, жрица поднимала свою чадру и разрѣшала тѣмъ загадку о своей личности.

Послѣ того горцы пировали всю ночь (1).

Отправляясь на охоту, абхазецъ проситъ удачи и дѣлаетъ жертвоприношеніе *Ажвепшаа-Абна-инчвахy*—богу лѣсовъ, звѣрей и охоты.

Партія охотниковъ одной деревни, а иногда и цѣлаго околодка, дѣлаетъ складчину, покупаетъ барана или козла и выбираетъ въ лѣсу мѣсто для жертвоприношенія. Церемонія, съ которою совершается это жертвоприношеніе, та же, что и богу кузнецовъ, съ тою только разницею, что каждый охотникъ самъ бросаетъ ладонъ на горящіе уголья и проситъ лѣснаго бога, чтобы онъ послалъ ему счастіе на охотѣ и удѣлилъ изъ своихъ стадъ то животное, которое желаетъ убить охотникъ.

Охота не удалась: охотникъ трудно вѣритъ тому, чтобы божество не услышало его просьбъ, а старается отыскать другую причину неудачи и вспоминаетъ, напримѣръ, что, при выходѣ на охоту, онъ встрѣтился съ такимъ-то, колдовству котораго и приписываетъ неуспѣхъ своей охоты. Чтобы уничтожить силу колдовства, тяготѣющаго надъ нимъ, охотникъ старается достать изъ одежды встрѣтившагося клочекъ шерсти, или даже нѣсколько волосковъ, и, добывъ ихъ, раскладываетъ въ лѣсу огонекъ, сжигаетъ волоски и потомъ, прыгая черезъ огонь, считаетъ, что вся сила колдовства исчезла.

Разъ въ году, лѣтомъ, обыкновенно въ одну изъ субботъ, вечеромъ, только отнюдь не во время поста, пастухи приносятъ въ жертву молочную кашу *Айтару*—богу, покровителю домашняго скота и хуторовъ. Церемо-

(1) Достовѣрные разсказы объ Абазіи В. Савинова. Пантеонъ 1850 г. № 8 и 11.

ніалъ обряда этого немногосложенъ. Вокругъ котла, наполненнаго кашею, становятся всѣ собравшіеся пастухи; старшій изъ нихъ проситъ покровителя размножить ихъ стада и защитить отъ нападенія хищныхъ звѣрей и потомъ кашу ѣдятъ.

Пастухи считаютъ этого бога особенно близкимъ къ себѣ и прогнѣвить его боятся больше, чѣмъ другихъ боговъ, вымышленныхъ народомъ. Поэтому, если кто желаетъ, чтобы пастухъ исполнилъ данное слово, тотъ заставляетъ его поклясться богу Айтару, и тогда можетъ быть увѣренъ въ ненарушимости слова.

Иногда богу Айтару приносятъ въ жертву и животныхъ. Выбравъ живописное и живописное мѣсто для жертвоприношенія, пастухи отправляются туда вмѣстѣ со своими стадами, разводятъ огонь и приводятъ нарочно откормленнаго для этой цѣли теленка. Старшій по лѣтамъ пастухъ умываетъ руки и ножъ, беретъ теленка, снимаетъ шапку и читаетъ молитву:

— Хахту (Всевышній)! произноситъ онъ. Приношу тебѣ эту жертву, по примѣру моихъ предковъ, и прошу ниспослать здравіе и долголѣтіе моему семейству, ближнимъ и дальнимъ моимъ родственникамъ; здравіе и долголѣтіе нашему владѣтелю и его семейству и нашему помѣщику, съ его семействомъ.

Послѣ этой молитвы, жертва закалывается и мясо опускается въ котелъ, а произносившій молитву вторично вымываетъ руки.

Когда изъ теленка приготовлены разнородныя кушанья, тогда приносятъ раскаленные уголья, зажигаютъ восковую свѣчу, и старшій, снявъ шапку, повторяетъ снова молитву. По прочтеніи ея, отъ каждой части жертвы отрѣзывается по кусочку, всѣ онѣ сжигаются на угольяхъ, и присутствующіе принимаются за трапезу (¹).

Оспа, истребляющая абхазцевъ въ значительномъ числѣ, породила у нихъ вѣрованіе въ *Зусь-хана*—пророка Аллаха и покровителя оспы (²).

Имѣя вѣру въ единство Бога и въ будущую жизнь, всѣ поколѣнія и общества абхазскаго племени подчинены безчисленному множеству суевѣрій и предразудковъ.

Они вѣрятъ въ магическое дѣйствіе и сверхъестественную силу нѣкоторыхъ предметовъ. Такъ, хозяинъ не обноситъ своихъ виноградныхъ лозъ никакою оградою, и употребляетъ особый способъ для сбереженія ихъ отъ чужихъ рукъ. Вообще, въ предохраненіе отъ воровъ, привѣшиваютъ къ лозѣ, къ скотинѣ или къ каждому другому предмету, кусокъ желѣзнаго шлака. Не каждый абхазецъ, и можно даже сказать, рѣдкій изъ туземцевъ, осмѣлится тронуть вещь, отданную подъ покровительство этого талисмана, угрожающаго,

---

(¹) Абхазская миѳологія Соломона Званбая. Кавказъ 1855 г. № 81.
(²) Очимчиры Кавк. 1867 г. № 33. См. также Кавказъ 1867 г. № 27 и 28.

по народному суевѣрію, насильственною смертію чужимъ рукамъ, которыя дозволятъ себѣ коснуться до него (1).

Горные жители Абхазіи питаютъ большое уваженіе къ можжевельнику, собираютъ его и, сохраняя въ каждомъ домѣ, вѣрятъ, что онъ имѣетъ силу прогонять нечистаго и можетъ служить самымъ лучшимъ предохраненіемъ отъ порчи и наговоровъ.

Не смотря на отчаянную храбрость и удаль джигитовъ, рѣдкій абазинъ рѣшится, при ложномъ показаніи, прикоснуться ртомъ къ дулу заряженной винтовки; онъ твердо увѣренъ, что, въ случаѣ лжи, пуля сама вскочетъ къ нему въ горло.

Горцы вѣрятъ въ магическое дѣйствіе сплюснутой пули. Зашивъ ее въ кусокъ кожи или тряпку и нося на шеѣ, абазинъ вѣритъ, что она лучшій защитникъ его отъ вражьяго штыка и пули. Сплюснутый восковой шарикъ, испещренный крестами и зашитый въ тряпочку, носится почти каждою молодою дѣвушкою. Онъ имѣетъ силу, по вѣрованію народа, отражать дурной глазъ и соблазнять молодыхъ парней.

Подобно сосѣдямъ своимъ черкесамъ, абхазцы признаютъ существованіе различнаго рода духовъ и вѣрятъ въ существованіе духа покровителя горъ. Духъ этотъ, по народному сказанію, обитаетъ на сѣдловинѣ Главнаго хребта, между истоками р. Бзыбъ, впадающей въ Черное море, и большаго Энджикъ-су, впадающаго въ Кубань и передѣланнаго русскими въ р. Зеленчукъ.

На краю одного изъ спусковъ съ хребта стоитъ непокрытая снѣгомъ гранитная скала, съ виду очень похожая на высокій жертвенникъ. Къ вершинѣ ея, составляющей площадь около трехъ квадратныхъ саженъ, ведутъ ступеньки, высѣченныя въ гранитѣ. По срединѣ площадки виднѣется углубленіе, въ видѣ котла. Проходя, по какому-либо случаю, мимо этой горы, каждый абхазецъ считаетъ своею обязанностію подняться на ея площадку и положить въ углубленіе какую нибудь вещь: ножикъ, огниво или пулю. Пожертвованія эти приносятся съ цѣлію умилостивить горнаго духа—иначе, говорятъ абхазцы, онъ зароетъ подъ снѣгомъ путешественника, когда тотъ станетъ спускаться, или не пошлетъ ему дичи, или, наконецъ, предастъ его въ руки врага. Каждый прохожій строго соблюдаетъ правило пожертвованія духу горъ. Все углубленіе площадки до половины наполнено древними монетами, желѣзками отъ стрѣлъ, съѣденными ржавчиною кинжалами, стволами отъ пистолетовъ, пулями, женскими застежками и кольцами. Все это лежитъ, гніетъ и ржавѣетъ, но ни чья рука не осмѣлится коснуться до того, что принадлежитъ духу горъ.

Абазины вѣрятъ въ существованіе демона и убѣждены, что онъ способенъ наслаждаться семейною жизнію, обзаводиться потомствомъ и далеко не прочь отъ вкуснаго шашлыка и кахетинскаго. Понятія о демонѣ и духѣ горъ

(1) Воспом. кавк. офиц. Русскій вѣстн. 1864 г. № 9.

смѣшаны у абазиновъ и равнозначущи. По представленію народа, демонъ сибаритъ и отчаянный волокита, изнѣженный безнравственною жизнію до такой степени, что въ одиночной схваткѣ устоитъ не противъ каждаго джигита, но за то обладаетъ силою усыплять тѣхъ, кто захочетъ до него достигнуть. Пораженный звуками дивной, не земной музыки, приближающійся къ нему человѣкъ чувствуетъ какое-то обаятельное вліяніе могучей силы и невольно останавливается. Ему слышится то нѣжный, страстный плачъ струны, то журчаніе серебристаго потока, то пѣвучій голосъ прекрасной женщины. Напрасно смѣлый джигитъ силится сдѣлать тогда движеніе—онъ не можетъ, онъ чувствуетъ, какъ все существо его изнемогаетъ въ какой-то мечтательной нѣгѣ, какъ чья-то нѣжная, мягкая рука ласкаетъ его щеки и своимъ легкимъ щекотаньемъ наводитъ сладкую дремоту.

Трудно устоять отъ такого искушенія, но знаменитый джигитъ Шараръ, котораго слава гремѣла по всей Абазіи, побѣдилъ горнаго духа, и вотъ по какому случаю: Гихъ-Урсанъ, старшина аула, раскинутаго внутри горъ, на берегу одного изъ безчисленныхъ рукавовъ р. Киласуръ, полюбилъ въ молодые годы красавицу Рити, которая соглашалась выйдти за него замужъ, когда онъ, при предстоящемъ набѣгѣ, возвратитъ ея брата, а если послѣдній будетъ убитъ, то привезетъ въ родной аулъ хотя его голову. Урсанъ далъ клятву и отправился съ друзьями на поискъ къ цебельдинцамъ. Въ первой схваткѣ съ ними, раненый въ плечо, Урсанъ замертво упалъ между родными трупами. Очнувшись, онъ вспомнилъ то мгновеніе, когда слабѣвшій отъ раны и помутившійся взоръ его остановился на убитомъ товарищѣ, братѣ Рити, у котораго врагъ отдѣлилъ голову и, бросивъ ее въ свой мѣшокъ, скрылся за скалами. Клятва принести если не трупъ, то голову убитаго товарища, свято соблюдалась горцами. Позоръ и вѣчное осмѣяніе ожидали не исполнившаго клятвы. Оттого-то горцы часто дрались съ отчаяніемъ и ложились сотнями подъ ударами пуль и штыковъ, чтобы только увезти съ собою тѣла убитыхъ товарищей. Не выручивъ головы брата своей возлюбленной, Урсану нельзя было вернуться въ родной аулъ и приласкать на своей груди кудрявую головку Рити. Съ отчаянія, влюбленный готовъ былъ на самоубійство и рука его невольно скользнула за поясъ, ища кинжала.

— Остановись! прошепталъ кто-то надъ его ухомъ.

Урсанъ вздрогнулъ, поднялъ голову—передъ нимъ стоялъ молодой цебельдинецъ, съ странною, почти не человѣческою улыбкою.

— Безумецъ! сказалъ ему молодой человѣкъ; какъ будто въ этомъ мірѣ не осталось для тебя ни чьей силы, которая бы воротила тебѣ счастіе.

— Ни чьей! ни чьей! отвѣчалъ Урсанъ съ отчаяніемъ.

— Какъ? а горный духъ долинъ нашихъ.—Зачѣмъ не призовешь его?

— Горный духъ! повторилъ Урсанъ и, въ припадкѣ забытья, запѣлъ пѣсню призванія....

Протяжный и страшный хохотъ былъ отвѣтомъ на этотъ призывъ. Незнакомецъ откинулъ полу бурки—и Урсанъ увидѣлъ мертвую голову брата Рити.

— Вотъ она!—на, проговорилъ горный духъ, швырнувъ голову на колѣни Урсана.

— Возьми ее, продолжалъ онъ, но знай, что съ этой минуты ты мой должникъ. Черезъ тридцать лѣтъ я возьму у тебя, въ свою очередь, то, что будетъ дорого твоему сердцу.

«Прошло тридцать счастливыхъ лѣтъ, разсказывалъ Гихъ-Урсанъ, пролетѣло много времени, утекло много воды въ Киласури — и я забылъ мой долгъ горному духу.. . И вотъ двѣ луны протекли съ тѣхъ поръ, какъ однажды, ночью, разбудилъ меня выстрѣлъ винтовки. Вскакиваю съ войлока, кидаюсь къ дверямъ сакли и у порога ея встрѣчаю поцѣлуй жены. Въ ту же ночь Рити разрѣшилась сыномъ. Радость моя была выше всѣхъ радостей жизни».

Обрадованные родители выбрали своему сыну воспитателя (аталыка) и назначили день передачи новорожденнаго на руки аталыка. Въ ночь на этотъ день кто-то разбудилъ счастливаго отца, который, очнувшись, увидѣлъ передъ собою духа горъ.

— Тридцать лѣтъ, Гихъ-Урсанъ! Время.... завтра я возьму мой долгъ и твое сокровище!...

Сонъ сбылся. Едва только воспитатель вынесъ ребенка на крыльцо сакли, какъ въ голубой выси облаковъ показался огромный черный орелъ. Онъ плылъ медленно, съ страшнымъ свистомъ разсѣкая воздухъ своими гигантскими крыльями. Съ протяжнымъ визгомъ описалъ онъ кругъ, бросился на аталыка, сбилъ его съ ногъ ударомъ крыла и, схвативъ когтями малютку, быстрѣе вѣтра и вспышки пороха, умчался въ поднебесье.

Урсанъ съ отчаянія бросилъ домъ и бѣжалъ въ надъ-рѣчныя скалы искать своего сына, бѣжалъ туда, гдѣ одни только зловѣщіе черные орлы повили свои гнѣзда.

«Съ восходомъ солнца, пробродивъ цѣлую ночь, разсказывалъ Гихъ-Урсанъ, и ища встрѣчи съ тѣмъ, кто унесъ мое счастіе, я садился надъ рѣкою и долго и молча вглядывался въ ея быстрый бѣгъ, готовый прыгнуть въ крутящійся надъ камнями бурунъ. Въ эти минуты, въ сторонѣ, мнѣ часто слышался знакомый плачъ малютки и чей-то хохотъ.... Тогда я, затаивъ дыханіе и млѣя отъ душевной боли, озирался кругомъ; но, при первомъ моемъ движеніи, все смолкало окрестъ меня и снова наставала могильная тишина, изрѣдка нарушаемая ружейнымъ выстрѣломъ, раздававшимся въ горахъ, да взмахомъ и шумомъ крыльевъ орла. Однажды плачъ малютки и неизбѣжный хохотъ раздались такъ близко отъ меня, что, вздрогнувъ, я едва не покатился въ рѣку. Поднимаю голову.... и сердце страшно и больно застонало во мнѣ, когда глаза мои остановились на моемъ малюткѣ. Онъ, на закраинѣ бездны, игралъ цвѣтами, а горный духъ напѣвалъ ему какую-то

колыбельную пѣсню. Вѣтеръ подбрасывалъ розы и айды — и развѣвалъ черныя пряди волосъ шайтана, обнажая его чудовищное и блѣдное лицо. Болѣзненный стонъ вырвался изъ груди моей; я протянулъ руки къ видѣнію и поползъ на верхъ скалы, раздирая лицо, грудь объ острый кремень. Но зловѣщій хохотъ демона встрѣтилъ меня... и тяжелый сонъ заковалъ мои вѣки».

Семь дней Гихъ-Урсанъ любовался издали своимъ ребенкомъ, семь разъ пытался онъ проползти къ нему, но каждый разъ былъ усыпляемъ демономъ. Не надѣясь на свои силы, потерявъ надежду достигнуть до обиталища духа горъ, Гихъ-Урсанъ обратился къ знаменитому джигиту Ширару, прося его спасти дитя и вступить въ поединокъ съ духомъ горъ. Шираръ согласился. Несчастный отецъ вручилъ ему шашку съ крестообразнымъ эфесомъ. Шашка эта, хотя и сдѣланная руками гяура, была страшна для шайтана.

— Мнѣ плѣнный гяуръ разсказывалъ—говорилъ Урсанъ—что это както такъ Аллахъ ужъ устроилъ, что вотъ, видишь ли, шайтана этотъ крестъ будто огнемъ палитъ....

— Тсъ.... прошепталъ на это джигитъ, слышишь?...

На горѣ раздавались плачъ малютки и протяжная колыбельная пѣсня горнаго духа. Какъ дикая кошка, запрыгалъ Шираръ съ утеса на утесъ, черезъ стремнины и пропасти, стремясь быстро къ вершинѣ скалы. Горный духъ старался нагнать сонъ и на Ширара, но тотъ, зная что это очарованіе демона, вспоминалъ о шашкѣ и дремота спадала съ глазъ его. Закутавъ башлыкомъ голову, чтобы не слышать упоительныхъ звуковъ, Шираръ подымался все выше и выше. Сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, онъ обомлѣлъ отъ восторга и упоенія.... Передъ нимъ стояла абазинка, легкая, какъ серна горъ, какъ воздухъ, красивая «какъ первая изъ женъ Маготетова рая; она казалась сотканною изъ зари и воздуха. Нарядъ ея былъ такъ прозрачѣнъ, что цѣломудренный Шираръ могъ бы сосчитать каждую розовую жилку на персяхъ пери».

Храбрый джигитъ впился въ прелести красавицы; языкъ онѣмѣлъ, онъ готовъ былъ поддаться обольщенію, но мысль о шашкѣ спасла его и на этотъ разъ. Шираръ бросился дальше и, въ пять отчаянныхъ прыжковъ, сталъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ горнаго духа. Послѣдній схватилъ малютку, вытянулся во весь свой гигантскій ростъ и, поднявъ его надъ пропастью, показывалъ готовность спустить туда свою жертву. Шираръ остановился въ недоумѣніи; горный духъ отступилъ отъ пропасти и положилъ малютку на прежній коверъ цвѣтовъ. Въ это время, далеко внизу, подъ скалою, раздался отчаянный крикъ Гихъ-Урсана, придавшій рѣшимости Ширару. Пользуясь тѣмъ, что горный духъ отдѣлилъ свою руку отъ ребенка, смѣлый джигитъ съ гикомъ и проклятіемъ бросился на врага и, отломивъ рукоять отъ шашки, швырнулъ ею въ демона. Скала дрогнула и пошатнулась въ своемъ основаніи....

Горный духъ съ стращнымъ стономъ и воплемъ упалъ на дно пропасти,

извѣстной въ народѣ подъ именемъ *пропасти больнаго демона* (шайтанъ-саинабрикъ), изъ которой слышатся и теперь постоянные стоны и вопли...

Съ тѣхъ поръ, между абазинами существуетъ повѣрье, что если новобрачные желаютъ имѣть первенцемъ сына, то стоитъ только молодымъ провести три ночи надъ этою пропастью, и желаніе ихъ немедленно осуществится (¹).

Кромѣ того, въ Абазіи есть еще гора, о которой въ народѣ ходитъ легенда, одинаково напоминающая сказаніе о Прометеѣ и Антихристѣ. Гора эта носитъ названіе *Дицъ*. Находясь неподалеку отъ абазинскаго аула Багъ, гора эта, опоясанная тремя рядами скалъ, имѣетъ чрезвычайно суровый и пасмурный видъ. Въ скалахъ, окружающихъ гору, видно нѣсколько глубокихъ пещеръ. На самомъ верху горы находится черное отверстіе, внушающее неподдѣльный страхъ каждому туземцу.

— Худое тутъ мѣсто для каждаго живаго человѣка, говоритъ абхазецъ, указывая на отверстіе.

По сказанію народа, отверстіе это составляетъ единственный выходъ изъ глубочайшей пещеры, доходящей до самаго основанія горы. Въ глубинѣ ея лежитъ *Дашкалъ*, прикованный къ горѣ семью цѣпями. Онъ явится передъ кончиною міра, между людьми, для того, чтобы возстановить брата на брата и сына противъ отца. Подлѣ Дашкала лежитъ огромный мечъ, который онъ усиливается достать, но не можетъ, потому что время его царства еще не пришло. Съ досады онъ потрясаетъ иногда свои цѣпи, и тогда горы дрожатъ, а земля колеблется, отъ одного моря до другаго. Когда придетъ его время, тогда онъ достанетъ мечъ, разрубитъ имъ связывающія его оковы, и явится въ міръ губить родъ человѣческій.

— Кто же видѣлъ Дашкала? спрашивалъ Г. Т., одинъ изъ русскихъ путешественниковъ.

— Какъ! восклицали провожавшіе его туземцы, да на это не рѣшится ни одинъ человѣкъ! Избави Аллахъ! Говорятъ, одинъ абазинскій пастухъ, по глупости, спустился въ пещеру и, увидавъ Дашкала, отъ испуга сошелъ съума.

Туземцы, дѣйствительно, боятся горы *Дицъ* и стараются, если можно, обойти ея.

Суевѣріе народа обезпечило существованіе женщинъ-гадальщицъ, ворожей и знахарокъ. Такая старуха есть въ каждомъ аулѣ: она и лекарка, сваха бабка и гадальщица. Онѣ лучшія посредницы во всѣхъ горскихъ любовныхъ похожденіяхъ. Передать тайну юной горянки предмету ея страсти—молодому наѣзднику; добыть травки—силотворной или питья, зелья-приворотнаго, на случай, еслибы понадобилось завербовать чье-нибудь сердце, это ихъ дѣло. Гаданье этихъ старухъ, *«ветхихъ какъ сорочка джигита»*, состоитъ въ томъ, что они льютъ коровье масло на огонь и, по цвѣту пламени, предсказываютъ будущее или смотрятъ въ чашу съ чистою водою; бросаютъ въ рѣку стружки

(¹) Достовѣрные разсказы объ Абазіи В. Савинова. Пантеонъ 1850 г. № 5.

и наблюдаютъ, прямо-ли поплывутъ онѣ или закружатся; разматываютъ клубокъ нитокъ, отсчитываютъ на немъ неровности, и по числу ихъ, опредѣляютъ долголѣтіе любопытныхъ. Главную же роль въ ихъ гаданіяхъ играютъ травы, зола и лучинки.

Придавая большое значеніе гаданію, абхазцы вѣрятъ въ существованіе колдуновъ, вѣдьмъ и водяныхъ. Послѣдніе носятъ названіе *дзызла*, и водятся въ омутахъ, рѣкахъ и особенно подъ мельницами.

Водяные черти, а преимущественно чертовки, въ представленіи народа рѣзко отличаются отъ подобныхъ же существъ другихъ странъ. Абхазская *дзызла* имѣетъ необыкновенно большія, висячія груди, которыя она закидываетъ за плечи «для удобства, а можетъ быть и для красы». Никто изъ смертныхъ не увлекался еще красотою чертовки.

«Это совсѣмъ не то, что хорошенькая имеретинская *трiськали*, или славянскія *хохотуньи-русалки*, которыя, пожалуй, и съума сведутъ, и защекочутъ, но за то, хоть на время, даютъ и счастье своимъ любимцамъ, а злыя, сварливыя, зубастыя бабы, только норовящія какъ бы поймать безоружнаго и прямо утопить».

Народъ преставляетъ себѣ эту водяную обитательницу женщиною свирѣпою, но глупою, имѣющею нѣчто человѣческое и по ночамъ сидящею надъ омутомъ и плачущею. Плачъ *дзызлы* не поэтическій, а простое надувательство и желаніе обмануть добросердечнаго смертнаго и, поймавъ его, утопить (1).

III.

Абхазское селеніе. — Домъ. — Одежда. — Абхазская женщина и положеніе ея въ семействѣ. — Брачные обряды. — Гостепріимство и пища. — Семейный бытъ. — Рожденіе, воспитаніе и аталычество. — Похороны.

Переплетенные сарсапарелью ясень, ольха и дубъ, окружаютъ, по большей части, съ обѣихъ сторонъ всѣ дороги Абхазіи. Изрѣдка кое-гдѣ показываются маленькія сырыя полянки, покрытыя папоротникомъ; холмы смѣняются долинами, перелѣсками, полянками, и наконецъ является окаймленная небольшими горами долина, на которой, то группами, то въ одиночку, разбросаны увитые виноградными лозами грецкіе орѣхи, огромные дубы, а между ними

(1) Воспомин. кавк. офицера Рус. вѣст. 1864 год. № 10 и 11. Очимчиры и Мокви Кавк. 1867 г. № 45. Достовѣрные разсказы объ Абазіи Пантеонъ 1850 г. № 12 т. 6.

мелькаютъ изгороди, виднѣются рѣдкія кровли сакель и торчащіе, на подобіе русской голубятни, амбары для кукурузы. Таковъ общій видъ этой страны.

Деревень, въ европейскомъ смыслѣ, не встрѣчается въ Абхазіи. Населеніе не сосредоточивается въ дружныхъ, скученыхъ жильяхъ, а, напротивъ того, каждая сакля, со своими незатѣйливыми службами и небольшими огородами, стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ связи съ другими. Деревня, не смотря на то, что абхазцы живутъ небольшими группами, отъ пяти до десяти семействъ, разсыпается по холмамъ и косогорамъ, па значительное разстояніе, и оттого мѣстность принимаетъ видъ огромнаго и великолѣпнаго парка, посреди котораго какъ будто «устроены лачужки для сторожей». Дорога рѣдко когда идетъ мимо жилья, и случается, что проѣзжій, находясь посреди деревни, не видитъ ни одного строенія (1).

Кромѣ роскошной природы, бѣдность и нищета окружаютъ, какъ жителей собственно Абхазіи, такъ и соплеменныхъ имъ горскихъ обществъ абазинскаго племени. Жалкіе аулы послѣднихъ были раскинуты по дремучимъ лѣсамъ Черныхъ горъ, въ вершинахъ ручьевъ и рѣчекъ. Все богатство абазина, все его хозяйство заключалось въ нѣсколькихъ саженяхъ земли, засѣянныхъ пшеницею, въ небольшомъ огородѣ съ кукурузою, да въ сушеныхъ и квашеныхъ лѣсныхъ плодахъ. Сакля его вѣчно скрыта въ дремучемъ лѣсу, или повисла надъ бездною, и сообщается съ землею только едва замѣтною тропинкою, проходимою для одного туземца, привыкшаго къ горамъ и любящаго, какъ звѣрь, свой темный лѣсъ.

Та же раздѣльность и такая же бѣдность составляютъ характеристику и абхазцевъ.

Дома въ Абхазіи похожи на плохо устроенную корзину, въ которой сучья деревьевъ до такой степени дурно переплетены между собою, что образуютъ множество отверстій, въ которыя можно просунуть кулакъ. Сплетя себѣ изъ хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клетушку, накрывъ ее сверху камышемъ, кукурузными листьями или, наконецъ, папоротникомъ, абхазецъ считаетъ, что построилъ себѣ домъ, лучше котораго и желать нечего. Передъ дверью онъ дѣлаетъ небольшой навѣсъ, внутри у одной изъ стѣнъ—очагъ, съ такою же плетеною трубою—и сакля готова. Въ ней онъ проваляется кое-какъ зиму, лежа около очага на войлокѣ или буркѣ, и лучшаго помѣщенья онъ не желаетъ и не ищетъ. Постройка такой сакли стоитъ одной коровы. Низенькая перегородка дѣлитъ саклю на двѣ половины, которыя, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчинъ, другая для женщинъ, или большая для людей, меньшая—для скота. Съ двухъ сторонъ, по стѣнамъ сакли, ставятся длинныя деревянныя скамьи, изъ которыхъ на одной лежитъ перина или войлокъ—это мебель сакли. По срединѣ, на зем-

(1) Возвращеніе Кавк. 1852 г. № 74. Изъ записокъ кавказскаго туриста. Кавк. 1867 года № 46 и 55.

ляномъ полу, раскладывается костеръ и служитъ для обогрѣванія семейства; надъ костромъ виситъ желѣзная цѣпь съ крючкомъ, для поддерживанія котла. Свѣтъ костра, сквозя черезъ стѣны, отсвѣчивается ночью на деревьяхъ красноватымъ цвѣтомъ и, смѣшиваясь съ миріадами свѣтляковъ, искрящихся въ землѣ, представляетъ издали довольно фантастическую картину. Въ углахъ стоятъ сундуки, преимущественно краснаго цвѣта, окованные желѣзомъ и заключающіе въ себѣ все фамильное имущество; возлѣ нихъ стоитъ кадка съ кислымъ молокомъ, любимымъ напиткомъ туземца. На дырявыхъ стѣнахъ, надъ нарами, виситъ оружіе: ружье въ чехлѣ, шашка и кинжалъ; тутъ же приклеена какая-нибудь грубая лубочная картинка, «изображающая чорта съ двумя рогами и глупо растопыренными руками», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Надъ головами протянута веревка, черезъ которую перекинуты платья и разнаго рода тряпки.

«Въ скотной половинѣ меньше удобствъ, говоритъ очевидецъ, и изъ мебели въ ней я замѣтилъ только одно корыто».

Неподалеку отъ такого дома видна еще клѣтушка или корзина, величиною до одной кубической сажени—это амбаръ абхазца. Онъ сплетенъ также изъ сучьевъ и поставленъ на четырехъ столбахъ до одной сажени высотою. Послѣднее необходимо для предохраненія небольшихъ запасовъ хлѣба отъ истребленія его мышами и крысами.

Дома князей, зажиточныхъ и извѣстныхъ дворянъ, отличаются нѣсколько бо́льшимъ удобствомъ. Жилища такого рода составляютъ два строенія: большое—*асасайра* (гостиная) и малое—*ашхора*. Большое строеніе бываетъ обыкновенно съ открытымъ крыльцемъ, имѣетъ отъ трехъ до четырехъ саженъ длины и отъ двухъ до трехъ саженъ ширины. Въ такомъ домѣ дѣлается двое дверей: однѣ съ крыльца и называются *верхними*, другія въ задней стѣнѣ и называются *нижними*. Самое строеніе, досчатое или плетеное, вымазанное глиною и покрытое или соломою, или драныо. Встрѣчаются, но рѣдко, и такіе дома, у которыхъ стѣны рубленыя, а потолки досчатые. Внутри комнаты, по одной ея сторонѣ, дѣлаются нары, по другой ставится длинная скамья. Кругомъ по стѣнамъ, въ ростъ человѣка, вбиты гвозди, для вѣшанія одежды, оружія, конскаго убора и проч. На земляномъ полу, посреди комнаты, раскладывается огонь, надъ которымъ, вверху аршина на три или на четыре, придѣлывается досчатый щитъ или потолокъ, для того, чтобы искры костра не могли зажечь крыши. Таково устройство *асасайры*.

Какъ разъ противъ нижнихъ дверей большаго строенія, и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ него, устраивается другое—малое. Оно всегда плетневое, вымазанное, круглое, съ конусообразною крышею, въ родѣ калмыцкой кибитки, и занимаетъ всего отъ четырехъ до шести квадратныхъ саженъ. Внутри оно имѣетъ точно такое же устройство: нары по одной стѣнѣ, длинная скамья—по другой. Нары покрыты ковромъ или другою матеріею, смотря по

состоянію хозяина, и на нихъ положены высокою грудою тюфяки, одѣяла и подушки—это общій видъ *ашхора*.

Князья устраиваютъ, подобно черкесамъ, *кунахскую*: это небольшая комната, иногда съ деревяннымъ поломъ, каминомъ и шкафомъ. Входъ въ такую комнату бываетъ обыкновенно со двора; противъ двери сдѣлано въ землѣ углубленіе, въ которомъ разводится огонь.

Дымъ отъ горящихъ дровъ идетъ на этотъ разъ въ трубу, плетеную изъ сучьевъ и обмазанную внутри глиною, смѣшанною съ навозомъ. Случается, что подобныя комнаты бываютъ вовсе безъ оконъ, по большей же части въ стѣнѣ противоположной двери продѣлывается одно окно, да и то оно постоянно заперто ставнею, отпираемою по временамъ, когда надо посмотрѣть изъ кунахской, что дѣлается на дворѣ; свѣтъ въ комнату проходитъ черезъ растворенныя двери. По стѣнамъ вбиваются также гвозди для вѣшанія оружія, а у богатыхъ на полу разостланы ковры; для омовенія, по магометанскому обычаю, имѣется тазъ и кувшинъ, а для молитвы небольшой коврикъ. Уголъ комнаты, наискось отъ входа, ближе къ которому продѣлывается окно, считается почетнымъ и предназначается для гостя (¹).

Вообще жилище абхазца бѣдно и не чисто, сами жители крайне не чистоплотны; грязь и рубища составляютъ достояніе бѣдныхъ; впрочемъ и богатые не очень безпокоятся о чистотѣ въ одеждѣ и въ домѣ.

«Вся посуда въ семействѣ бѣдняковъ состоитъ изъ небольшаго чугуннаго котелка и двухъ или трехъ маленькихъ ведеръ, въ которыхъ держатъ молоко; если деревянная посуда течетъ, то щели замазываютъ глиною, смѣшанною съ козьимъ навозомъ».

Абхазецъ вообще грубъ и невѣжественъ; въ немъ нѣтъ стойкости и твердости характера, онъ непостояненъ, не смѣлъ и даже робокъ, вѣроломенъ, остороженъ и всегда покоренъ передъ сильнѣйшимъ.

Ума у абхазцевъ немного, и къ тому же они мало способны къ умственному развитію; но у нихъ много практическаго смысла и тотъ кругъ небольшихъ понятій, который имъ доступенъ, разработанъ ими отлично.

Вся цѣль, вся жизнь его направлена, по большей части, на пріобрѣтеніе, по возможности даровое, какихъ-либо вещественныхъ выгодъ. Отличительныя черты его: воровство, корыстолюбіе, въ самыхъ мелочныхъ размѣрахъ, и отсутствіе честнаго труда и любознательности. Воровство считается молодечествомъ и удальствомъ. Самымъ лучшимъ человѣкомъ въ краѣ считался тотъ, кто произвелъ болѣе разбоевъ и убійствъ. Вся слава состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, изъ одной засады въ другую, воровать

(¹) Возвращеніе Кавк. 1852 № 74. Поцѣлуй за занавѣсомъ С. Званбая Кавказъ 1853 г. № 55. Абхазія и абхазцы С. Пушкарева Кавк. 1854 г. № 61. Съ сѣверо-восточ. прибрежья Чернаго моря Аверкіева Кавк. 1867 г. № 74—76.

имущество неосторожныхъ лицъ, ихъ скотъ, а при удачѣ и самихъ поселянъ для продажи въ неволю.

— Ты еще, кажется, ни одной лошади не съумѣлъ украсть, говоритъ часто въ укоръ дѣвушка молодому парню—ни одного плѣннаго не продалъ.

— Помоги тебѣ Богъ—говоритъ мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку—этою шашкою пріобрѣсти много добычи и *днемъ* и *ночью*.

Понятія абхазца почти во всемъ противоположны понятіямъ европейскимъ. «Ихъ идеалы—идеалы голоднаго дикаря и разбойника; ихъ характеръ деморализованъ. Разбойникъ есть самое занимательное лицо абхазскихъ сказокъ; онъ искони пользовался почетомъ, славою, даже безопасностію. Безпрерывные набѣги чужихъ народовъ, мелкая тиранія, продажа людей, вредное вліяніе магометанства, все это довело народъ до страшнаго нравственнаго ничтожества, сдѣлало его лѣнивымъ, безпечнымъ и нечестнымъ». Характеръ абхазца глубоко испорченъ. Не смотря на эту испорченность, на многія безнравственныя черты въ народѣ, нельзя все-таки отрицать въ немъ извѣстной доли благородства.

Князья и дворяне, въ особенности тѣ, которые получили воспитаніе, вѣжливы и честны.

Вообще абхазцы держатъ себя свободно, говорятъ съ каждымъ безъ стѣсненія, подбоченившись или опершись на ружье.

Гордость и сознаніе собственнаго достоинства проглядываетъ во всѣхъ движеніяхъ абазинскаго племени, которое отличается большою суровостью и воинственностію, уступающею только однимъ черкесамъ. Занимая весьма лѣсистую и гористую мѣстность, абазины дрались всегда храбро, преимущественно пѣшкомъ, и пользовались славою отличныхъ стрѣлковъ.

Абазинъ честенъ, прямъ и откровененъ. Испытанный въ безпрерывной враждѣ съ сосѣдями и русскими, онъ всегда смѣлъ и любитъ опасности, съ которыми родится и умираетъ. Въ домашней жизни, одеждѣ и вооруженіи, абазины не только мало отличаются, но совершенно сходны съ черкесами, и только двѣ особенности, весьма примѣтныя для жителя горъ, отличаютъ черкеса отъ абазина: кафтанъ и башлыкъ. Кафтанъ, съ нашитыми на груди патронами, абазины носятъ гораздо короче черкесъ и обвиваютъ башлыкъ около шапки въ видѣ чалмы, когда концы его не распущены по плечамъ въ защиту отъ дождя. Черкесы подобнымъ образомъ башлыковъ никогда не носятъ.

Черкесы носятъ всегда башлыкъ бѣлаго цвѣта, а абазины и абхазцы предпочитаютъ башлыки темныхъ цвѣтовъ; жители собственно Абхазіи носятъ башлыкъ, подобно черкесамъ, съ распущенными концами. Вообще одежда абхазца весьма близко подходитъ къ черкеской, но абхазецъ чисто и щегольски никогда не одѣвается. На немъ почти всегда надѣта оборванная, вѣчно дырявая подъ мышкой черкеска, сшитая изъ грубаго сукна домашняго приготовленія; узкое, короткое нижнее платье, съ ноговицами другаго цвѣта, остро-

конечная шапка, всегда прикрытая башлыкомъ, и рыжая бурка—вотъ и весь его костюмъ. Жители селеній, ближайшихъ къ Мингреліи, носятъ иногда мингрельскія и имеретинскія шапочки, но предпочитаютъ, впрочемъ, свой національный костюмъ. На ногахъ, не всегда однакоже, туземецъ носитъ *пастолы*—обувь, средняя между русскимъ лаптемъ и турецкимъ башмакомъ. Пастолы изготовляются изъ сырой кожи, прикрѣпляются къ ногѣ ремнями и вооружены шпорою. Князья носятъ черныя или красныя черкескія чевяки.

Абхазецъ вооруженъ кинжаломъ, который носитъ за поясомъ, шашку—у бедра, ружье—за плечами; а на поясъ онъ надѣваетъ пороховницу и металлическій ящичекъ, въ которомъ онъ носитъ сало для смазыванія пуль.

Цвѣтъ лица его смуглый, ростъ средній, волосы черны и перепутаны, вся фигура костиста и сухощава; большинство мужчинъ брѣетъ головы. Жители Сухума и его окрестностей имѣютъ цвѣтъ лица блѣдно-желтоватый ([1]).

Красота мужчинъ въ Абхазіи преобладаетъ надъ красотою женщинъ, тогда какъ у абазинъ на оборотъ. Тамъ женщины и дѣвушки прекрасны въ полномъ значеніи этого слова; онѣ рослы и стройны до очарованія. Здѣсь между женщинами встрѣчается весьма много лицъ замѣчательной красоты. «Принадлежа къ числу тѣхъ соблазнительныхъ горскихъ красотъ, говоритъ очевидецъ про одну изъ дѣвушекъ, о которыхъ преданіе носится по всему востоку, и наивно кокетливая, рисуясь выказывала она свою тонкую талію и пышный станъ, обтянутый синимъ бешметомъ, бѣлизну маленькихъ рукъ и бѣлизну ногъ, выглядывавшихъ изъ-подъ красныхъ шелковыхъ шароваръ, вышитыхъ золотомъ. Длинные черные волосы, густою волною, падали по плечамъ; глаза горѣли тусклымъ огнемъ подъ бѣлою кисейною чалмою: она поражала своею красотою».

При необыкновенной бѣлизнѣ и нѣжной, розовой прозрачности тѣла, природа надѣлила абазинокъ черными кудрями и черными глазами, опушенными длинными и мягкими рѣсницами. Турки, скупая горскихъ красавицъ, предпочитали всѣмъ другимъ абазинокъ и черкешенокъ.

Наружность мужчинъ, какъ и всѣхъ горцевъ Кавказа, пріятна: они смуглы, худощавы и черноволосы; выраженіе лица ихъ всегда умное, смѣлое и доброе. Глаза живые и быстрые, получающіе, въ минуту гнѣва, какой-то особенный блескъ, который, при смуглости лица, часто обезображеннаго вспышкою гнѣва, придаетъ ихъ взгляду особую страстность.

Женщины въ Абхазіи, какъ и вездѣ, гораздо чистоплотнѣе и опрятнѣе мужчинъ. Исполняя всѣ полевыя и черныя работы и занимаясь всѣмъ до-

---

([2]) Новѣйшія географич. свѣд. о Кавказѣ Броневскаго изд. 1823 г. ч. I. Абхазія и абхазцы Пушкарева. Кавк. 1854 г. № 61. Воспом. кавк. офиц. Рус. вѣст. 1864 г. № 9. Изъ записокъ кавказскаго туриста. Кавк. 1867 г. № 55 и 56. Изъ путешествія епископа Гавріила. Кавказъ 1869 г. № 14.

машнимъ хозяйствомъ, абхазки одѣты въ чистое ситцевое платье, покроемъ своимъ подходящее къ европейской одеждѣ, и бѣлыя покрывала.

Абазины вообще не имѣли привычки скрывать своихъ женщинъ, но въ Абхазіи помѣщики и князья, придерживаясь магометанскому обычаю, скрываютъ своихъ женъ отъ посторонняго глаза и показываютъ даже и врачу ручку своей больной жены не иначе, какъ сквозь прорѣзанное въ ширмѣ отверстіе. Жены же простыхъ крестьянъ показываются довольно свободно, а молодыхъ дѣвушекъ и вовсе не прячутъ.

Незамужнія женщины у крестьянъ не закрываютъ свои лица и черные острые глаза; а замужнія, хотя и обязаны закрываться, но, при встрѣчѣ съ мужчиною, показываютъ только желаніе прикрыть себя платкомъ или руками, но на дѣлѣ не исполняютъ и этого. Всѣ женщины заплетаютъ волосы въ косу и повязываютъ голову платкомъ; носятъ шали или греческія курточки, и обуваются въ аккуратно сшитые чевяки собственной работы. Женщина-абхазка ловко ѣздитъ верхомъ на мужскомъ сѣдлѣ, потому что объ экипажахъ, кромѣ своей неуклюжей, двухъ-колесной арбы, абхазецъ не имѣетъ понятія.

Красивыхъ женщинъ въ Абхазіи мало, и онѣ вообще весьма скоро стаѣются. Въ нихъ нѣтъ граціи, деликатности, нѣжности и свободы. Отъ тяжелыхъ работъ, которыя исполняетъ женщина въ домашнемъ быту, она огрубѣла, а постоянно висящая надъ нею власть мужа, который имѣетъ право надъ женою жизни и смерти, сдѣлала во всѣхъ ея движеніяхъ и поступкахъ что-то робкое, нерѣшительное.

Въ прежнее время турки въ большомъ числѣ вывозили абхазскихъ женщинъ, и вывезли лучшіе типы. На долю абхазца осталась посредственность, весьма скоро старѣющаяся. Старухи, съ своими пронзительными черными глазами, морщинами, горбатымъ носомъ и отвислыми грудями, похожи на вѣдьмъ, въ полномъ значеніи этого слова. Подобно черкесамъ, абхазцы сжимаютъ грудь молодыхъ дѣвушекъ особымъ корсетомъ, при чемъ двѣ деревянныя дощечки, не снимаемыя ни днемъ, ни ночью, давятъ на молочныя желѣзы и, препятствуя ихъ развитію, дѣлаютъ то, что у абхазскихъ взрослыхъ дѣвушекъ грудь плоска, какъ у мальчика, а съ выходомъ ея замужъ грудь весьма некрасиво отвисаетъ.

Въ Абазіи дѣвушки не носили такого корсета, и потому отличались особою стройностію стана, но и въ Абазіи красота женщины скоро отцвѣтала. Тринадцать или четырнадцать лѣтъ были полною порою ихъ разцвѣта и въ это время онѣ выходили замужъ. Съ двадцати лѣтъ онѣ уже увядали, а въ двадцать пять лѣтъ дѣлались старухами.

Не смотря на нѣкоторую наружную свободу предоставленную женщинѣ, она, въ полномъ смыслѣ, раба своего мужа и, въ крестьянскомъ быту, выполняетъ всѣ тяжелыя работы. Какъ въ Абазіи, такъ и въ Абхазіи одинаково смотрятъ на женщину, которая, въ глазахъ мужа, не болѣе какъ старшее въ домѣ ра-

бочее животное, о которомъ можно гораздо менѣе заботиться, чѣмъ о лошади. Женщина не знаетъ ласкъ ни мужа, ни сыновей, которые, по большей части, со дня рожденія отрываются отъ груди матери и отдаются на воспитаніе въ чужія руки, въ чужой домъ и даже внѣ своей родины. Чувство сыновней любви не можетъ развиться въ такихъ дѣтяхъ, и она неизвѣстна абхазцамъ. Жена не можетъ вступать съ мужемъ въ разговоръ, пока ее не спросятъ; не имѣетъ права сидѣть при немъ, и при постороннемъ лицѣ не получаетъ даже отъ мужа непосредственныхъ приказаній, а всегда черезъ кого-нибудь другаго. Услыша голосъ мужа издали, она обязана выйти къ нему на встрѣчу и ожидать его стоя, держать его коня, разсѣдлать и присмотрѣть за нимъ. Мужчина, при всякомъ удобномъ случаѣ, старается показать передъ женщиною свое высокомѣріе и гордость, но сознаетъ ее физическую слабость и старается угодить ей. Справедливость требуетъ сказать при этомъ, что гнетъ женщины былъ скорѣе нравственный, чѣмъ физическій. Домашняя жизнь туземца тиха, и со стороны мужа, какъ сознающаго свою силу, было полное снисхожденіе; мужъ никогда не прибѣгалъ къ побоямъ или ругательствамъ жены, и съ подобными недостойными сценами семейная жизнь абхазца не была знакома. Не смотря на то, что женщина проводитъ всю свою жизнь подъ гнетомъ мужа, удивительная чистота нравовъ есть принадлежность женщины всѣхъ племенъ абхазскаго народа. Ни рабство, ни тяжкіе труды не могутъ заставить жену забыть свой долгъ и измѣнить мужу. Подобная измѣна влечетъ за собою или смерть отъ руки мужа, или продажу въ неволю. Если гдѣ и встрѣчается измѣна, то въ приморскихъ мѣстечкахъ, гдѣ всегда находятся такія почтенныя старушки, которыя помогаютъ своимъ пріятельницамъ водить за носъ мужей. Абхазцы, впрочемъ, далеко не равнодушны къ подобнымъ интригамъ. Видимо или наружно холодные къ прелестямъ своей жены до тѣхъ поръ, пока она вѣрна, туземецъ воспламеняется, когда провѣдаетъ объ ея интригахъ, и мститъ жестоко соблазнителю, а жену наказываетъ еще строже.

Въ нравственномъ отношеніи женщина стоитъ все-таки неизмѣримо выше мужчины. Послѣдній знаетъ это и, не смотря на то, что оказываетъ презрѣніе женщинѣ, онъ внутренно гордится ея нравственною чистотою.

По существовавшимъ въ Абхазіи законамъ о наслѣдствѣ, женщина не участвовала въ долѣ при дѣлежѣ имѣнія, которое переходило или къ сыновьямъ, или, за неимѣніемъ ихъ, родственникамъ мужескаго пола. Дочери умершаго получали до выхода замужъ пропитаніе отъ братьевъ или родственниковъ покойнаго, смотря по тому, къ кому перешло наслѣдство. Послѣдніе, вмѣстѣ съ тѣмъ, были обязаны, при выходѣ дѣвушки замужъ, дать ей приданое ([1]).

([1]) Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря Аверкіева. Кавк. 1866 г. № 74. Еще объ Абхазіи. Кавказъ 1854 г. № 81. Абхазія и абхазцы С. Пушкарева. Кавк. 1854 г. № 61.

Не связанный никакими особенными понятіями о религіи, абхазецъ видитъ въ бракѣ средство избавиться отъ труда и передать его женѣ. Смотря исключительно съ этой послѣдней точки зрѣнія, въ Абхазіи существуетъ обычай не жениться на дѣвушкѣ, а держать ее, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ домѣ какъ жену. Мужчина, съ дозволенія родителей, беретъ къ себѣ ихъ дочь, живетъ съ нею какъ съ женою, но женится на ней только тогда, когда она выкажетъ свои способности быть хорошею хозяйкою. Такое испытаніе можетъ продолжаться годъ и болѣе. Хотя большинство абхазцевъ, въ строгомъ смыслѣ, и не принадлежатъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, они все-таки не придерживаются многоженства, а ограничиваются одною женою. Бываютъ случаи семейной жизни съ двумя женами, но тогда вторая жена поступаетъ въ домъ не иначе, какъ съ согласія первой, которая и остается хозяйкою въ домѣ.

Обычай не позволяетъ абхазцу говорить родителямъ о своемъ желаніи вступить въ бракъ; скромность же запрещаетъ самому искать себѣ невѣсту или объясняться съ ней. Молодой человѣкъ повѣряетъ тайну желанія жениться одному изъ своихъ родственниковъ, или же родители, или родственники молодаго человѣка сами вывѣдываютъ отъ него эту тайну.

— Не пора ли такому-то жениться? спрашиваютъ они своего сына черезъ родственника.

Получивъ согласіе, родители стараются пріискать невѣсту. Если она въ одной деревнѣ, то желающій жениться, зная ее хорошо и встрѣчаясь на гуляньяхъ и народныхъ праздникахъ, заявляетъ родителямъ, нравится ли она ему или нѣтъ. Если же невѣста живетъ въ другомъ аулѣ, то молодой человѣкъ отправляется туда подъ видомъ путника. Онъ старается придти въ домъ родителей невѣсты поздно вечеромъ, подъ видомъ запоздалаго гостя, котораго, по установившемуся обычаю гостепріимства, принимаютъ со всѣмъ радушіемъ, не спрашивая кто онъ, куда и откуда идетъ.

Подобно прочимъ горскимъ племенамъ, абхазцы строго соблюдаютъ обычай гостепріимства. Избытокъ свободнаго времени развилъ въ мужскомъ населеніи пристрастіе къ разгульной, бродяжнической жизни. Абхазецъ не засиживается дома, а безпрестанно переѣзжаетъ отъ родственника къ знакомому и обратно. Эти-то переѣзды послужили къ развитію обычая гостепріимства. Гостю, хотя бы онъ былъ преступникъ, нельзя было отказать въ гостепріимствѣ и нельзя было выдать его преслѣдовавшему, не смотря ни на какія требованія. Абхазецъ, защищая, въ этомъ случаѣ, гостя, скорѣе самъ станетъ преступникомъ, чѣмъ нарушитъ народный обычай. Владѣтель, и тотъ не имѣлъ права требовать нарушенія обыкновенія и выдачи преступника. Онъ могъ

Изъ записокъ кавк. туриста Кавк. 1867 г. № 55 и 56. Очеркъ Мингреліи, Самурзакани и Абхазіи Д. Бакрадзе. Кавк. 1860 г. № 49.

только приказать удалить его изъ предѣловъ своихъ владѣній, и то туда, куда преступникъ самъ пожелаетъ.

Гость для абхазца считался особою священною: былъ ли то другъ (*доств*) или недругъ—онъ одинаково находилъ защиту и безопасность подъ крышею дома того хозяина, къ которому пріѣхалъ.

Кунакъ, или отрекомендованный гость, можетъ быть увѣренъ, что въ саклѣ абхазца онъ будетъ безопасенъ, накормленъ и успокоенъ такъ, какъ только позволяютъ средства и достатокъ хозяина, который сгоритъ со стыда, если не будетъ въ состояніи угостить пріѣзжаго. Для почетнаго гостя абхазецъ жертвовалъ послѣднею скотиною, приносилъ послѣднюю горсть гоміи и кукурузы, а если самъ не имѣлъ этого, то добывалъ, путемъ воровства, у сосѣдей.

Общее народное презрѣніе заклеймитъ каждаго, кто только окажется не гостепріимнымъ. Туземецъ готовъ отдать гостю свою лошадь, и если услалъ ее за чѣмъ нибудь въ другой аулъ, и самъ находится въ ссорѣ съ сосѣдями, у которыхъ не можетъ попросить лошади, то онъ обѣгаетъ всѣ сосѣдніе аулы, будетъ бѣгать сутки, но не вернется домой безъ того, чтобы не достать у кого нибудь лошади для гостя.

Слѣдуетъ, однакоже, замѣтить, что правила гостепріимства, установленныя абхазскимъ обычаемъ, весьма раззорительны во всѣхъ отношеніяхъ. Большая часть Абхазіи была покрыта лѣсомъ, пастбищныхъ мѣстъ было мало, и, слѣдовательно, народъ былъ не очень богатъ скотомъ.

Обычай же, между тѣмъ, требовалъ отъ хозяина, въ честь почетнаго гостя, убить козла, барана или даже быка и ставить его разомъ на столъ. Все поданое на столъ, по тому же обычаю, должно быть съѣдено если не гостями, то народомъ сбѣгающимся на угощеніе.

Оттого абхазецъ крайне непріязненно смотритъ на посѣщеніе его владѣльцемъ. Привыкнувъ оказывать почтеніе старшимъ, снискивать вниманіе ихъ и покровительство, абхазецъ не измѣняетъ себѣ и въ томъ случаѣ, когда посѣтитъ его князь съ огромною своею свитою и станетъ уничтожать годовой запасъ продовольствія своего крестьянина. Моля въ душѣ Бога, чтобы онъ унесъ поскорѣе изъ его сакли нежеланаго гостя, крестьянинъ наружно все-таки раболѣпствуетъ и цѣлуетъ полу его черкески.

Абхазцы, впрочемъ, смотрятъ на гостепріимство нѣсколько иначе чѣмъ черкесы. Для абхазца гость считается священною особою только до тѣхъ поръ, пока находится въ домѣ. Но едва только онъ оставилъ его саклю, какъ тотъ же хозяинъ, изъ мелкаго корыстолюбія, готовъ лишить жизни своего бывшаго гостя. Исключеніе, въ этомъ случаѣ, дѣлается тогда, когда хозяинъ предложитъ гостю быть его проводникомъ, и тогда, взявъ на себя отвѣтственность за жизнь гостя, туземецъ ни за что въ свѣтѣ не согласится запятнать себя измѣною или нарушить обычай гостепріимства.

Есть еще оригинальная черта въ жизни абхазца: будучи гостепріименъ,

абхазецъ не любитъ вечернихъ странниковъ и посѣтителей. Подъѣзжайте къ саклѣ абхазца вечеромъ и просите пріюта—хозяинъ навѣрно всѣми средствами будетъ стараться отдѣлаться.

Гостепріимство особенно строго соблюдалось владѣтелемъ, князьями и именитыми дворянами. Съ пріѣздомъ гостя, въ саклѣ зажигается костеръ, который и освѣщаетъ комнату. Свѣчи не въ употребленіи въ Абхазіи и имѣются только у самыхъ именитыхъ людей, да и то восковыя, грубаго туземнаго приготовленія, и зажигаются только въ особо важныхъ случаяхъ. По большей части угощеніе и ужинъ происходятъ при свѣтѣ камина. Въ домашнемъ быту, при отсутствіи гостей, абхазецъ живетъ чрезвычайно скромно: ѣстъ одинъ разъ въ сутки и преимущественно передъ закатомъ солнца. Пища его состоитъ тогда изъ кукурузы, употребляемой вмѣсто хлѣба крутой просяной каши, варенаго мяса, яицъ и молока, приготовляемыхъ самымъ обыкновеннымъ образомъ; для гостя же онъ старается, по возможности, разнообразить пищу (1).

«Прислуга въ оборванныхъ черкескахъ, пишетъ путешественникъ, внесла два круглые, въ аршинъ діаметромъ и аршинъ вышиною, столика и поставила ихъ возлѣ моего ложа. Такой же вышины, но аршина два длины, столъ поставленъ въ углу, недалеко отъ дверей». За круглыми столиками сѣлъ гость и хозяинъ, князь, за длинными его сынъ и нѣсколько человѣкъ родственниковъ и вассаловъ князя.

Въ среднемъ и низшемъ сословіяхъ хозяинъ не садится въ присутствіи гостя, считая это невѣжливымъ, а прислуживаетъ ему во все время ужина. Торжественное молчаніе воцаряется между присутствующими. Въ кунахскую, между тѣмъ, вносятъ на деревянныхъ тарелочкахъ: *гоми*, *абхи-обыста*—просяная каша, *ача*—прѣсный кукурузный хлѣбъ, *афь*—соленый сыръ, *шашлыкъ*—баранина жареная на вертелѣ, *акіапа*—курдюкъ, *асацбалъ*—кислый соусъ съ курицею и, въ заключеніе, кислое молоко, любимое питье для абхазца. Ужинъ тянется молча, потому что люди съ достоинствомъ и значеніемъ должны мало говорить; разговорчивые люди не считаются умными и не уважаются. Послѣ ужина подаютъ воду для умыванія рукъ.

Въ примѣръ высокаго развитія гостепріимства можно привести случай, бывшій съ княземъ Дмитріемъ Шервашидзе, близкимъ родственникомъ владѣтеля. Князь Дмитрій встрѣтилъ на дорогѣ путниковъ, которымъ объявилъ, что 300 человѣкъ абрековъ спустились съ горъ, съ цѣлію ограбить его имѣніе, что онъ ихъ отыскиваетъ и спѣшитъ къ милиціи, находящейся подъ его начальствомъ и собранной недалеко отъ мѣста встрѣчи. Такъ какъ пу-

---

(1) Абхазія и абхазцы С. Пушкарева. Кавказъ 1854 г. № 61. Еще объ Абхазіи. Кавк. 1854 г. № 81. Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря Аверкіева. Кавк. 1866 г. № 74. Изъ записокъ кавказскаго туриста. Кавк. 1867 г. № 55 и 56. Абхазія и Цебельда Ф. Завадскаго Кавк. 1867 г. № 63.

тешественники были мало или вовсе не вооружены, а главное, находились на землѣ князя Дмитрія, то онъ не задумался оставить свой домъ, которому грозила явная опасность, и проводить своихъ нежданыхъ и случайныхъ гостей. Проводя до границъ своего владѣнія, до первой дачи одного абхазскаго дворянина, князь разстался съ своими гостями и оставилъ имъ проводника, который долженъ былъ ихъ сопровождать до Очемчиръ — зимняго жилища владѣтеля.

Молодыя дѣвушки Абхазіи замѣняютъ обыкновенно въ семействѣ прислугу, и потому молодой человѣкъ, пріѣхавшій въ домъ, подъ видомъ гостя, можетъ хорошо и легко разсмотрѣть избранную его родителями невѣсту и высказать о ней свое мнѣніе.

Въ случаѣ одобренія, между родителями жениха и невѣсты открываются переговоры и заключается условіе о *калымѣ*. Дѣвушка не принимаетъ въ этомъ дѣлѣ никакого участія; ея согласія не спрашиваютъ, точно также какъ и того, нравится или нѣтъ молодой человѣкъ, ищущій ея руки. Часто родители невѣсты не говорятъ даже вовсе объ участи, ожидающей дѣвушку, до самой послѣдней крайности—до перваго офиціальнаго и открытаго свиданія жениха съ невѣстою.

Въ такой день женихъ отправляется въ домъ своей суженой, въ сопровожденіи большой свиты и съ подарками ей и ея родственникамъ. Одинъ изъ сопровождающихъ, обыкновенно родственникъ, выбирается въ должность дружки.

Какъ только въ домѣ невѣсты замѣтятъ приближеніе такого поѣзда, дѣвушку уводятъ въ *ашхора*—малое строеніе, гдѣ она и должна ожидать жениха. Тамъ все прибрано, вычищено и приглажено. Надъ нарами виситъ занавѣсъ изъ прозрачной ткани, такой длины, что, опущенный, онъ падаетъ на колѣни сидящихъ на нарахъ. Занавѣсъ этотъ вѣшается только на этотъ разъ, въ ожиданіи прихода жениха. Послѣдній подъѣзжаетъ всегда къ *асасайрѣ*—большому гостиному дому.

Отецъ невѣсты и его слуги встрѣчаютъ пріѣзжихъ передъ крыльцомъ, помогаютъ гостямъ слѣзть съ лошадей, снимаютъ съ нихъ оружіе и развѣшиваютъ его въ гостиной на гвоздяхъ. Хозяинъ ведетъ гостей въ асасайру и сажаетъ свиту жениха на подушкахъ, на почетномъ мѣстѣ и по старшинству лѣтъ. О женихѣ какъ будто забываютъ; о немъ не заботятся, за нимъ не смотрятъ, и онъ, вмѣстѣ съ дружкою, садится гдѣ-нибудь въ темный уголъ, близъ нижнихъ дверей. Начинается заранѣе приготовленный пиръ. Собираются гости. Отецъ невѣсты приглашаетъ къ себѣ, съ каждаго семейства своего аула, одного старшаго въ домѣ, а молодые парни и дѣвушки, безъ всякаго приглашенія, приходятъ поплясать и повеселиться. Въ этомъ случаѣ, такое вторженіе ихъ на праздникъ не считается предосудительнымъ.

Подаютъ ужинъ; по одну сторону стола помѣщается свита жениха; по другую званые гости. Приносятъ умыть руки; передъ остальными гостями

становятъ длинные столы, установленные кушаньями, состоящими изъ гоміи, варенаго и жаренаго мяса, долма, пилава и прочихъ блюдъ азіятской кухни.

Пирующіе не дотрогиваются до кушанья, въ ожиданіи особой церемоніи.

Одному изъ гостей, обыкновенно сѣдому старику, подаютъ стаканъ вина и ножъ, на концѣ котораго насажено цѣликомъ бычачье сердце. Старикъ встаетъ, принимаетъ въ правую руку стаканъ съ виномъ, а въ лѣвую ножъ съ бычачьимъ сердцемъ и, обнаживъ свою сѣдую голову, читаетъ молитву.

— Боже великій! произноситъ онъ—благослови молодаго жениха съ его невѣстою, чтобы они были счастливы, любили другъ друга до конца жизни, чтобы они дожили до старыхъ лѣтъ; награди ихъ дѣтьми, и чтобы дѣти были счастливы и долголѣтны. Господи, награди молодыхъ богатствомъ, чтобы двери гостинаго ихъ дома были широки, никогда не затворялись и каждый нуждающійся путникъ находилъ ночлегъ и пищу; дай Боже, чтобы ихъ очагъ горѣлъ огнемъ во вѣки вѣковъ, и никогда не погасалъ бы (¹)... А кто зла пожелаетъ молодымъ, пусть того сердце поразитъ копье или стрѣла, какъ это сердце поражено ножемъ.

— Аминь! произносятъ присутствующіе въ концѣ рѣчи.

Старикъ выпиваетъ стаканъ вина и, перевернувъ вверхъ дномъ, ставитъ его на столъ.

— Боже великій! произноситъ онъ при этомъ, переверни такъ вверхъ дномъ разбойниковъ, хищниковъ, воровъ, и всѣхъ тѣхъ, которые лишаютъ насъ собственности и нарушаютъ у насъ тишину и спокойствіе и тѣмъ отбиваютъ отъ насъ средство заниматься хозяйствомъ.

— Аминь! отвѣчаютъ также присутствующіе на эту ироническую просьбу старца.

Старикъ садится за столъ и пиръ начинается на славу; стаканы съ виномъ поминутно переходятъ изъ рукъ въ руки. Женихъ, оставаясь на прежнемъ мѣстѣ, ужинаетъ вмѣстѣ съ дружкою на особомъ столикѣ...

Одинъ изъ самыхъ почтенныхъ людей, находящихся въ свитѣ жениха, временно нарушаетъ пиръ. Онъ становится на колѣни передъ отцомъ невѣсты и подаетъ ему стаканъ съ виномъ, тотъ принимаетъ и осушаетъ его до дна; подносившій предъявляетъ тогда подарки, сдѣланные женихомъ невѣстѣ и родителямъ. При этомъ женихъ и дружка поднимаются за столомъ, и стоятъ все время въ почтительномъ положеніи. Тотъ же, кто предъявилъ подарки, отправляется на женскую половину и даритъ мать невѣсты, потомъ возвращается и садится на свое мѣсто.

Какъ только гости достаточно развеселятся, и разговоръ сдѣлается общимъ и шумнымъ, женихъ съ дружкою, пользуясь суматохой, скрываются въ нижнія двери, къ невѣстѣ, подъ предводительствомъ одного изъ близкихъ до-

(¹) Въ Абхазіи говорятъ: его огонь погасъ—это значитъ: его родъ перевелся.

машнихъ молодыхъ людей. Отецъ невѣсты, замѣтивъ ихъ уходъ, приказываетъ запереть на замокъ всѣ двери и раздаетъ каждому гостю наполненные виномъ большіе деревянные стаканы, выточенные изъ рододендроваго дерева. Тогда каждая сторона стола пьетъ вино одновременно и чередуясь между собою; когда одна сторона пьетъ, другая кричитъ *го-го-го*; потомъ вторая пьетъ, первая кричитъ *го-го-го* и т. д.

Пиръ продолжается до разсвѣта; никто не можетъ оставить сакли хозяина кромѣ слугъ, а кто переспоритъ въ попойкѣ, тому честь и слава.

Между тѣмъ женихъ, войдя къ невѣстѣ, садится на подушку подъ занавѣсомъ, который бываетъ тогда поднятъ. По правую сторону его помѣщается дружка, а передъ ними стоитъ невѣста, окруженная подругами и закрытая прозрачнымъ покрываломъ.

— Не пора ли познакомить молодыхъ? спрашиваетъ дружка у подругъ невѣсты.

Въ отвѣтъ на вопросъ одна изъ молодыхъ дѣвушекъ подводитъ невѣсту къ жениху и сажаетъ ее по лѣвую его сторону, другая дергаетъ за шнурокъ, и занавѣсъ падаетъ. Остальныя дѣвушки хоромъ поютъ свадебную пѣсню...

Женихъ быстро отбрасываетъ назадъ покрывало невѣсты и, охвативъ за талію, «склоняетъ голову ея на сложенные тюфяки и, со всею юношескою пылкостію, напечатлѣваетъ страстный поцѣлуй на розовыхъ губахъ невѣсты. Въ этомъ положеніи остаются молодые минуты полторы, потомъ вдругъ, будто проснувшись отъ очаровательнаго сновидѣнія, они оправляются, и невѣста, проворно опустивъ свое покрывало, встаетъ и, выйдя изъ занавѣсы, становится по прежнему между своими подругами, вся зардѣвшись, вся трепещущая, словно сдѣлала какое-нибудь преступленіе»...

У бѣдныхъ абхазцевъ-простолюдиновъ бурка часто замѣняетъ занавѣсъ, и женихъ не рѣдко, разлакомившись жгучимъ, сладкимъ поцѣлуемъ, повторяетъ его множество разъ до самаго разсвѣта (1).

Затѣмъ слѣдуетъ, спустя нѣкоторое время, обрядъ вѣнчанія, по уставамъ религіи.

Въ первый день брака, молодая получаетъ отъ мужа *мѣняхъ*, который, въ случаѣ развода, происшедшаго отъ вины мужа или недоказанной невѣрности жены, остается при ней и составляетъ собственность замужней женщины.

«Платимый мужемъ мѣняхъ, говоритъ г. Аверкіевъ (2), яснѣе всего выражаетъ взглядъ абхазцевъ и другихъ горцевъ на брачный союзъ, въ основаніи котораго была покупка женщинъ; послѣднія же, съ своей стороны, все достоинство основывали на большей или меньшей покупной цѣнѣ. Отъ этой привычной купли и продажи происходило то равнодушіе и даже циническое

(1) Поцѣлуй за занавѣсомъ С. Званбая. Кавк. 1853 г. № 55.
(2) Съ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря. Кавк. 1866 г. № 74.

довольство, съ которымъ невольницы отдавались въ руки покупателей, чтобы быть снова перепроданными въ гаремы турецкіе, гдѣ имъ опредѣлялась довольно высокая цѣна».

Абхазцы и абазины не придерживаются равенства брака.

Абазинъ не знатнаго происхожденія, но лихой наѣздникъ, владѣющій только собственною головою и ни однимъ бараномъ, можетъ смѣло объявлять свое намѣреніе жениться на дѣвушкѣ самаго богатаго и знатнаго происхожденія. Въ этомъ племени сохранился еще въ полной силѣ обычай, по которому человѣкъ бѣдный, задумавшій жениться и не имѣющій средствъ заплатить за невѣсту калыма, созывалъ своихъ пріятелей, объявлялъ имъ свое намѣреніе и получалъ подарки, заключавшіеся въ плѣнникѣ, лошади или скотинѣ.

Отправивъ калымъ къ родителямъ невѣсты и получивъ отъ нихъ согласіе на бракъ, женихъ долженъ былъ, по обычаю, передъ бракомъ, отправиться въ наѣздъ, чтобы, во-первыхъ, покрыть себя новою славою, а во вторыхъ обзавестись на чужой счетъ хозяйствомъ.

Самый бракъ совершался у абазинъ почти безъ всякихъ религіозныхъ обрядовъ. Прочитавъ стихъ изъ корана, мулла передавалъ молодому плеть, знакъ власти, а молодой кусочекъ камышевой трости—знакъ послушанія.

Молодой мужъ самъ закрывалъ жену чадрою и, при громкихъ пѣсняхъ, вскочивъ на коня, сопровождаемый свитою и выстрѣлами, скакалъ къ саклѣ, назначенной для пиршества. Остановясь въ трехъ шагахъ отъ нея, онъ подходилъ къ дверямъ и ожидалъ жену. По пріѣздѣ послѣдней, молодой мужъ подавалъ ей три стрѣлы.

— Положи у порога, говорилъ онъ при этомъ, и пусть нога дерзкаго соблазнителя наколется на остріе ихъ.

— Клянусь совѣстью, отвѣчалъ на это отецъ молодой, въ то время, когда та клала стрѣлы у порога—что дочь моя чиста, какъ воздухъ родныхъ горъ, и будетъ вѣрна своему мужу, какъ вѣрна ему его винтовка.

На свадьбахъ пировали долго, до самой глубокой ночи, и потомъ гости расходились, но не по домамъ, а прилегали за камни, чтобы подстеречь молодаго, обязаннаго украсть свою жену изъ дома, гдѣ происходилъ пиръ, такъ чтобы въ домѣ его никто не замѣтилъ, особенно въ то время, когда онъ пробирается къ саклѣ. Чтобы вѣрнѣе имѣть успѣхъ, абазины употребляли множество хитростей. Молодой переряжался въ женское платье и скрывался подъ чадрою или употреблялъ другія уловки, чтобы пробраться въ саклю не замѣченнымъ, и тогда стоило только молодымъ появиться на порогѣ, какъ всякія преслѣдованія прекращались. Но если молодой не успѣвалъ этого сдѣлать и бывалъ пойманъ, тогда снова зажигались огни, оживалъ весь аулъ, подымались выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

— Выручи жену, джигитъ, кричали тогда женщины молодому—выручи!

Пойманному мужу приходилось тогда снова угощать гостей до глубокой ночи слѣдующаго дня. Во все это время молодой лишался права видѣть свою

жену, долженъ былъ терпѣливо выносить всѣ насмѣшки, плясать за женщину съ какимъ-нибудь шутомъ и выслушивать отъ него названія женскими именами и обѣщаніе прислать скоро за него калымъ.

Съ наступленіемъ втораго вечера молодая переходила въ свою новую саклю, подъ прикрытіемъ подругъ, вооруженныхъ палками, и молодой обязанъ былъ, на этотъ разъ, силою выручать свою жену. Онъ приглашалъ нѣсколькихъ товарищей, также вооружавшихся палками, но не имѣвшихъ права наносить удары, направляемые преимущественно на молодаго. Подъ градомъ палочнаго дождя, часто весьма сильнаго, молодой прорывалъ съ нѣсколькими товарищами строй ожесточенныхъ дѣвушекъ и овладѣвалъ женою (¹).

— Выручилъ! выручилъ! кричалъ онъ, хватая въ свои объятія ту, за которую перенесъ много весьма сильныхъ побоевъ.

Бракъ не имѣетъ никакихъ прочныхъ основаній въ семейной жизни абхазна. Правда, родственники замужней женщины защищаютъ ее отъ произвола мужа, но защита эта слаба и ничтожна. Мужъ можетъ прогнать свою жену, когда ему вздумается, и взять себѣ другую. Онъ считаетъ совершенно естественнымъ развестись съ такою женою, которая часто и продолжительно болѣетъ, или такою, которая не родитъ ему сына. Въ первомъ случаѣ, переселившись опять къ своимъ родственникамъ, она, по выздоровленіи, не теряетъ еще права возвратиться въ домъ мужа, но во второмъ такой возвратъ рѣдко бываетъ возможенъ. Мужъ, во время отсутствія жены, беретъ себѣ другую, живетъ съ нею, приживаетъ дѣтей, и случается, что если первая жена рѣшится возвратиться къ мужу, то застаетъ дома цѣлое чуждое ей семейство.

Впрочемъ, подобное происшествіе никого изъ семьи не поражаетъ: она остается и мужъ живетъ съ обѣими. Такіе случаи одинаково встрѣчаются какъ у христіанъ, магометанъ, такъ и у язычниковъ.

Обычай подвергалъ женщину самой деспотической власти мужа. Въ случаѣ невѣрности жены мужъ имѣетъ право убить ее, не подвергаясь за это отвѣтственности ни передъ судомъ, ни передъ ея родными. Такая женщина, если не поплатится смертію, то изгоняется на всегда изъ дома мужа.

Въ домашней жизни все почти хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Весь тяжкій и грязный трудъ какъ собственно въ Абхазіи, такъ и въ горахъ, исполняютъ женщины. Мужъ знаетъ винтовку, кинжалъ да шашку, а жена все остальное. Если бы даже случилось, что убогая крыша сакли абазина протекла, то наѣздникъ скорѣе рѣшится погибнуть отъ дождя и сырости, чѣмъ запачкать руки въ глинѣ и замазать дыру въ крышѣ. Онъ считаетъ преступленіемъ взяться одною и тою же рукою за кинжалъ и потомъ за тряпку. Вся забота жителя горъ состояла въ уходѣ за конемъ и оружіемъ—это его честь и слава, жизнь и пища. Всѣ его желанія заключа-

(¹) Достовѣрные расказы объ Абазіи В. Савиновъ. Пантеонъ 1850 г. т. 2.

лись въ пріобрѣтеніи лихаго коня и хорошаго оружія. Конь—все для абазина: родина и другъ; это предметъ всѣхъ его думъ, всѣхъ заботъ. «Владѣть хорошимъ конемъ и красоваться имъ на праздничныхъ играхъ, да обгонять соперниковъ и, съ громкимъ хохотомъ, стегать въ эти минуты своею плетью плохихъ скакуновъ, принадлежащихъ товарищамъ»—вотъ мечты, которыя кипятили кровь въ жилахъ горца. Точно также за дагестанскій кинжалъ и трапезонтскую винтовку абазинъ измѣнялъ клятвѣ, попиралъ семейныя начала, продавалъ родное дѣтище и, случалось, отправлялъ въ джехенемъ (адъ) роднаго брата. Онъ могъ ходить босой, въ лохмотьяхъ, но если при этомъ былъ перетянутъ, хотя бы *«по собственной шкурѣ»*, кушакомъ съ серебрянымъ уборомъ, владѣлъ кинжаломъ съ черневою насѣчкою—онъ пользовался всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. За то никто, лучше горца, не въ состояніи сберечь свое сокровище: на его клинкѣ нѣтъ мѣста ржавчинѣ, на винтовкѣ ни одной царапины. Во время зимы, запершись въ свою убогую саклю, начиная жизнь семьянина и изнывая въ тоскѣ и бездѣйствіи, абазинъ холилъ только своего коня и берегъ оружіе. Безъ счету смазывалъ онъ свой кинжалъ саломъ; нѣсколько разъ развинчивалъ свою винтовку и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы на ней не было и крапинки ржавчины. На семейство онъ не обращалъ вниманія, жаловался женѣ на непогоду, продолжительность зимы, навѣщалъ своего любимаго коня, да подбрасывалъ въ огонь сухой хворостъ. Въ такое время очагъ его пылалъ съ утра до вечера; грѣясь около него, горецъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ лучшаго времени. Съ наступленіемъ весны, каждый порядочный человѣкъ оставлялъ свою саклю, бросалъ родную семью на произволъ судьбы и отправлялся бродить по горамъ или принималъ участіе въ наѣздахъ.

Жители собственно Абхазіи хотя не отличались такою воинственностію и не собирали партій для наѣздовъ въ чужія владѣнія, но и у нихъ занятіе мужчины сосредоточивалось главнѣйшимъ образомъ на воровствѣ и грабежѣ чужаго имущества.

«Интересно, говоритъ Аверкіевъ, распредѣленіе работъ и занятій между членами семейства; такъ, напримѣръ, въ семействѣ, состоящемъ изъ отца и четырехъ взрослыхъ сыновей, на обязанности отца лежало занятіе дѣлами политическими, дѣлами касающимися родоваго союза, а потому онъ бывалъ обыкновенно въ разъѣздахъ; затѣмъ одинъ изъ братьевъ завѣдывалъ полевыми работами, другой занимался дѣлами въ домѣ, какъ бы въ помощь женщинамъ, входящимъ въ составъ семейства, третій—воровствомъ, по преимуществу скота, а четвертый—военными дѣлами, т. е. грабежемъ и нападеніями на сосѣдей, или участвовалъ въ партіяхъ, дѣйствовавшихъ противъ русскихъ, которыя прежде довольно часто отправлялись изъ Абхазіи къ другимъ горскимъ племенамъ, не мирнымъ».

Такое распредѣленіе занятій, вредное въ экономическомъ отношеніи, кромѣ того пріучало абхазца къ праздности, воровству и другимъ порокамъ. Сы-

новья, какъ видно, были отрицательно полезны семейству, а между тѣмъ отецъ радъ рожденію сына, какъ наслѣдника своего рода; рожденіе же дочери считаетъ излишнею роскошью (¹).

Абазинъ не родился, не женился и не умиралъ безъ выстрѣла и звона шашки. Никогда мужъ не зналъ о предстоящей и скорой прибыли въ семействѣ. Обычай народа сдѣлалъ это обстоятельство тайною для мужа. Жена тщательно скрывала отъ него беременность и, своимъ разрѣшеніемъ, готовила ему пріятный и неожиданный сюрпризъ. Чувствуя приближеніе родовъ, женщина тихо вставала съ постели, зажигала огонь, прокрадывалась къ винтовкѣ мужа, снимала ее со стѣны и стрѣляла въ дверь сакли. По числу дыръ пробитыхъ въ двери можно было собрать точныя сдѣдѣнія о числѣ потомства каждаго абазина.

— Ага! произносилъ глубокомысленно мужъ, разбуженный выстрѣломъ.

Поцѣловавъ жену, которая только въ этомъ случаѣ имѣла законное право на ласку, мужъ вскидывалъ на плечо винтовку и отправлялся за бабкой. Втолкнувъ послѣднюю въ свою саклю, будущій отецъ новорожденнаго оставался за порогомъ, ожидая слабаго призывнаго голоса родильницы. Съ первымъ призывомъ жены, мужъ бросался въ саклю и останавливался на порогѣ.

— Отвага или красота? спрашивалъ онъ бабку.

— Отвага, отвѣчала та.

Мужъ спѣшилъ къ женѣ, цѣловалъ ее, щедро дарилъ бабку, а самого себя поздравлялъ съ сыномъ.

Но если случалось, что, на вопросъ его, бабка отвѣчала: *красота*, что означало рожденіе дочери, то онъ обязанъ былъ поцѣловать бабку или откупиться отъ сладости поцѣлуя, по преимуществу весьма ветхой старухи. Не оказывая впрочемъ ни сыну, ни дочери особыхъ ласкъ, онъ въ душѣ гордится сыномъ и презираетъ дочь.

Въ семейномъ быту власть родительская неограниченна. Уваженіе къ отцу и старшимъ составляютъ исключительную черту народнаго характера и семейной жизни. Взрослый и даже женатый сынъ не имѣетъ права садиться въ присутствіи отца и старшаго брата. Вообще младшій обязанъ всегда уступать старшему лучшее мѣсто, въ почетномъ углу дома, а въ толпѣ пропускать его. Отецъ не отвѣчаетъ ни передъ кѣмъ за жизнь своего ребенка. Въ этомъ отношеніи абхазцы совершенно сходны съ черкесами. Отецъ и здѣсь не долженъ ласкать дѣтей: ласка считается выраженіемъ слабаго характера. Отъ этого отецъ является въ семействѣ человѣкомъ угрюмымъ, суровымъ, властелиномъ гордымъ и деспотичнымъ. Если злоупотребленія ро-

(¹) Еще объ Абхазіи. Кавк. 1854 г. № 81. О положеніи Абхазіи въ религіозномъ отношеніи. Кавк. 1868 г. № 5. Съ сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря Аверкіева. Кавк. 1866 г. № 74.

дительской власти случаются не часто, то причиною тому обычай отдавать дѣтей на воспитаніе въ чужія семейства. Между князьями и дворянами обычай этотъ, во всѣхъ племенахъ абхазскаго народа, былъ явленіемъ обыкновеннымъ и непремѣннымъ, а простой народъ также придерживался этому при возможности и средствахъ.

Передача новорожденнаго въ руки аталыка сопровождалась у абазинъ всегда особыми церемоніями.

Съ ранняго утра съѣзжались на пиръ гости къ отцу новорожденнаго попировать, поджигитовать и попить на славу.

Среди шума и общаго веселья раздавались выстрѣлы и, по седьмому, отецъ передавалъ ребенка въ руки аталыка.

Все собраніе отвѣчало на седьмой выстрѣлъ общимъ залпомъ, и на порогѣ сакли показывалось сіяющее отъ удовольствія и сознанія собственнаго достоинства лицо аталыка.

Бережно держа на рукахъ младенца, онъ проносилъ его мѣрными шагами въ свою саклю, между двумя рядами дѣвушекъ, пѣвшихъ колыбельную пѣсню:

Прекрасный мальчикъ,
Хорошенькій мальчикъ
Богъ посылаетъ въ тебѣ намъ джигита.... и проч.

Переступивъ порогъ своего жилища, аталыкъ клалъ младенца на полъ и, взывая къ *Мерей-Монъ* (сыну Маріи), испрашивалъ благословеніе новорожденному. Затѣмъ, взявъ кусокъ священнаго воска, аталыкъ прикасался имъ нѣсколько разъ ко лбу и губамъ воспитанника; потомъ, нарисовавъ на кускѣ желѣза или жести очертаніе креста, обводилъ его кинжаломъ, и такимъ образомъ приготовлялся амулетъ.

Взявъ въ руки этотъ кусочекъ, аталыкъ произносилъ молитву.

— Богъ сотворившій насъ! говорилъ онъ; жизни нашей оберегатель, ты даешь намъ хлѣбъ, даешь намъ мужество и храбрость.... избавляешь отъ пули и шашки врага; помоги мнѣ, въ нуждѣ и кровной обидѣ, оставить на моемъ оружіи кровь врага твоего и моего, недостойнаго твоей милости, недостойнаго и моего прощенія. Но не дай мнѣ въ мести и враждѣ согрѣшить противъ твоего приказанія!

«Зашивъ амулетъ въ кожу и прикрѣпивъ къ нему тесьму, непремѣнно изъ воловьей или, еще чаще, изъ бараньей жилы, аталыкъ надѣваетъ это сокровище на ребенка».

Въ первые дни жизни младенца попеченіе о немъ аталыка можетъ быть сравнено только съ попеченіемъ роднаго отца, а ласки, расточаемыя имъ своему воспитаннику—съ нѣжною любовью матери. До шести-лѣтняго возраста мальчикъ оставлялся на волѣ, но съ этого возраста начиналось си-

стематическое его воспитаніе, составлявшее не малый трудъ для аталыка и пытку для ребенка. Съ наступленіемъ седьмаго года аталыкъ бережно переносилъ соннаго ребенка съ мягкаго и душистаго сѣна, служившаго ему постояннымъ ложемъ, на жесткій войлокъ.

Проснувшись на утро, мальчикъ приходилъ въ недоумѣніе, но аталыкъ скоро разъяснялъ ему новость положенія.

— Сегодня ты долженъ проститься съ нѣгою и сѣномъ, говорилъ онъ своему воспитаннику. Тебѣ ровно шесть лѣтъ, а это начало жизни горца, начало терпѣнія, труда, пытки и безсонныхъ ночей. Сегодня мы съ тобой прибьемъ первый зарядъ въ дуло винтовки; сегодня ты услышишь первое ржаніе твоего коня....

— Какъ моего? перебивалъ еще болѣе удивленный мальчикъ.

— Такъ, твоего, спокойно отвѣчалъ аталыкъ. Отецъ твой знаетъ правила горскаго воспитанія, помнитъ, что сегодня шестилѣтіе его сына, и прислалъ ему винтовку, пару пистолетовъ, кинжалъ, шашку и кровнаго карабахца.

Съ этими словами аталыкъ показывалъ ребенку всѣ вещи и коня, присланнаго ему отцомъ. Молодая кровь кипѣла въ жилахъ горца; онъ съ охотою учился стрѣлять, крѣпко держаться на сѣдлѣ, управлять бѣшенымъ конемъ—все это его тѣшило, занимало его. Воспитатель училъ его не терять напрасно пороха, и стрѣлять безъ промаха. Отъ забавъ и легкихъ занятій аталыкъ переходилъ къ болѣе труднымъ, и мальчикъ мало по малу втягивался въ суровую и полную лишеній жизнь горца.

Часто, въ самыя темныя и ненастныя ночи, аталыкъ будилъ своего воспитанника, накидывалъ ему на плечи бурку, пристегивалъ кинжалъ, а за плечо винтовку, и уводилъ изъ сакли.

Взявшись рука за руку, молча взбирались они на скалы и проходили по окраинамъ бездны. Вѣтеръ, волнуя потоки на днѣ мрачной пропасти, свисталъ вокругъ путниковъ; густой мракъ ночи изрѣдка прорѣзывался яркимъ лучемъ молніи и на мгновеніе освѣщалъ окрестность; тогда усталые и измученные, но добровольные скитальцы, отыскивали удобное мѣсто, разстилали бурки и кидались на свою постель. Но и тутъ аталыкъ не давалъ заснуть утомившемуся юношѣ.

Подъ свистъ вѣтра, вой шакаловъ и шума катившихся въ пропасть камней, онъ разсказывалъ воспитаннику страшную исторію кровомщенія или о какомъ-нибудь привидѣніи, бродящемъ съ незапамятныхъ временъ по окружнымъ скаламъ и нападающемъ на позднихъ путниковъ. Докончивъ свой разсказъ, аталыкъ подымался самъ съ постели и подымалъ своего молодаго товарища.

— Ну, теперь веди меня домой, говорилъ онъ мальчику, накидывая на плечи его бурку, старайся, привыкай во тмѣ ночи найти тропинку....

Хорошій аталыкъ, пріучивъ мальчика взбираться по ночамъ на крутизну

скалъ, отыскивать, по признакамъ, вѣрную тропу надъ разверстыми пропастями и не страшиться ни воя шакала, ни отдаленнаго смѣха и говора, но кончалъ еще тѣмъ воспитанія. Съ достиженіемъ двѣнадцати-лѣтняго возраста, онъ отправлялся, вмѣстѣ съ воспитанникомъ, въ наѣзды.

— Ѣдемъ совершенствоваться, говорилъ онъ, передавая ему новую черкеску, присланную отцемъ.

Въ одно утро, засѣдлавъ и выкормивъ коней, да взявъ нѣсколько патроновъ и горсти три проса, что составляло весь запасъ съѣстныхъ припасовъ, всадники оставляли саклю. Они отправлялись на жизнь скитальческую, жизнь абрековъ, полную всевозможныхъ лишеній. Питаясь тѣмъ, что Богъ пошлетъ убить въ лѣсу, отдыхая подъ дождемъ и на мокрой землѣ, встрѣчаясь съ различнаго рода опасностями и хищниками, добровольные изгнанники изъ роднаго края проводили иногда въ такомъ странствованіи цѣлые годы.

По понятію абазинъ, дитя, отданное на воспитаніе, до совершеннолѣтія не должно знать своихъ родителей и близкихъ родственниковъ, а отцу и матери приласкать его считается большимъ неприличіемъ и даже порокомъ.

Отданный на воспитаніе мальчикъ оставался въ чужомъ домѣ до четырнадцати-лѣтняго возраста и затѣмъ, съ разными церемоніями, возвращался въ домъ родительскій.

Проведя лучшіе года своей юности въ семействѣ *аталыка*, естественно, что мальчикъ привыкалъ къ нему болѣе, чѣмъ къ родному отцу; что между воспитателемъ и воспитывающимся устанавливалась прочная нравственная связь, и что, наконецъ, воспитанникъ свыкался съ характеромъ жизни семейства, въ которомъ провелъ молодость. Это послѣднее обстоятельство весьма дурно отзывалось на семейной жизни абхазца. Такъ, случается весьма часто, что отецъ-христіанинъ отдаетъ своего сына на воспитаніе аталыку магометанину. Возвращаясь въ родительскій домъ уже взрослымъ, не крещенымъ и исповѣдующимъ магометанскую вѣру, сынъ вноситъ въ домъ отца и всѣ обычаи мусульманства. Слѣдствіемъ этого весьма часто бываютъ семейные раздоры и полнѣйшій развратъ (¹).

Развратъ и цинизмъ проявляются въ народѣ и при погребеніи умершихъ. Въ домѣ, гдѣ бываетъ покойникъ, собираются мужчины и женщины, садятся вокругъ гроба, проводятъ всю ночь въ пѣніи разныхъ пѣсенъ, въ которыхъ, какъ говорятъ, даже зачастую ругаютъ умершаго, и когда одни изъ присутствующихъ плачутъ, другіе смѣются и поютъ.

«Одинъ причетникъ разсказывалъ, какъ очевидецъ, пишетъ архіепископъ

(¹) Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря Аверкіева. Кавказъ 1866 г. № 74. О положеніи Абхазіи въ религіозномъ отношеніи. Кавк. 1868 г. № 5. Достовѣрные разсказы объ Абазіи. Пантеонъ 1850 г. № 5. Ласточка 1859 г. Вѣрованія и обряды абхазскихъ горцевъ.

имеретинскій Гавріилъ, слѣдующій случай. Читалъ онъ ночью около покойника псалтырь. Домъ, по обыкновенію, былъ наполненъ мужчинами и женщинами, пѣвшими свои пѣсни. Вдругъ у него кто-то загасилъ свѣчу; огонь же на очагѣ, по срединѣ комнаты, кѣмъ-то мгновенно былъ залитъ водою. Воцарилась темнота. Замѣтно было, что мужчины и женщины кидались другъ къ другу и перемѣшивались между собою; послышались смѣхъ, пискъ, визгъ; гробъ покойника опрокинулся въ темнотѣ. Съ какою цѣлію произошла эта свалка — достовѣрно неизвѣстно; но есть поводъ опасаться, что, въ подобныхъ случаяхъ, предаются гнусному разврату, и что этотъ мерзостный обычай есть какого-либо языческаго происхожденія».

Въ то время какъ всѣ присутствующіе веселятся, поютъ и смѣются, жена покойнаго, чтобы не потерять всякое уваженіе въ народѣ, обязана оплакивать мужа, съ выраженіями отчаянія и самоистязанія.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома, около котораго толпится не малое число мужчинъ и женщинъ, пріѣзжающій на похороны останавливается, слѣзаетъ съ лошади и проситъ увѣдомить вдову о своемъ пріѣздѣ.

Черезъ нѣсколько времени изъ дома слышится громкій плачъ, дверь отворяется и, рыдая и заливаясь слезами, выходитъ жена покойнаго. Нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, родственницъ покойнаго или неутѣшной вдовы, окружаютъ и поддерживаютъ ее. Волосы ея распущены и на ней надѣта длинная, черная, шерстяная рубашка, съ открытою грудью; лицо, грудь и руки исцарапаны и избиты до крови.

Выслушавъ выраженіе участія и скорби, которыя принимаетъ пріѣзжій въ постигшемъ ея горѣ, вдова вводитъ его въ комнату, гдѣ плачъ и рыданія, сопровождаемые ударами въ лицо и грудь, снова возобновляются съ удвоенною силой и продолжаются до тѣхъ поръ, пока вдова не придетъ въ изнеможеніе. Эти сцены должны повторяться съ каждымъ новымъ пріѣзжимъ до самыхъ похоронъ.

Между абхазцами, даже и христіанами, до сихъ поръ поддерживается обычай хоронить умершихъ по лѣсамъ, или близь дорогъ, или близь домовъ, но не въ церковной оградѣ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ похоронъ, семейство умершаго обязано совершить поминки по немъ. На поминки собирается множество народа, они продолжаются не менѣе трехъ сутокъ, въ теченіе которыхъ всѣ живутъ на счетъ родственниковъ умершаго. Поэтому, какъ бы въ покрытіе издержекъ и расходовъ, каждый гость обязанъ сдѣлать посильный подарокъ. Онъ приноситъ то, чѣмъ богатъ: оружіе, сукно, холстъ, матерію, лошадей, скотину, барановъ, домашнюю птицу, зерно и проч.

Поминки происходятъ почти всегда на открытой полянѣ, гдѣ-нибудь по близости деревни.

«Вся поляна была покрыта людьми и лошадьми—говоритъ очевидецъ однихъ поминокъ—расположенными живописными группами подъ тѣнью высокихъ, шелковичныхъ деревъ, обвитыхъ виноградными лозами.

«Народу собралось болѣе двухъ тысячъ. Въ открытомъ полѣ стояли подмостки съ кроватью, убранною, по прежнему, коврами, матеріями и платьемъ, принадлежавшимъ покойнику. Возлѣ подмостковъ сидѣла вдова подъ чернымъ покрываломъ, окруженная множествомъ молодыхъ и очень хорошенькихъ женщинъ, въ самыхъ яркихъ нарядахъ. Недалеко отъ нея, братья покойника держали подъ уздцы трехъ лошадей, осѣдланныхъ разными сѣдлами, дѣтскимъ, щегольскимъ съ серебряными украшеніями и боевымъ. Когда я пріѣхалъ, всѣ еще были заняты утреннимъ угощеніемъ. Груды вареного мяса и баранины истреблялись съ неимовѣрною скоростію; котлы съ просомъ кипѣли во всѣхъ мѣстахъ, вино, разносимое въ глиняныхъ узкогорлыхъ кувшинахъ, лилось ручьемъ».

По окончаніи трапезы и насыщенія желудковъ, народъ образовалъ огромный кругъ, въ середину котораго, и въ сопровожденіи импровизатора, ввели лошадь, осѣдланную дѣтскимъ сѣдломъ. Импровизаторъ разсказывалъ, рифмованнымъ напѣвомъ, какъ росъ покойный въ дѣтствѣ, на радость и утѣшеніе своихъ родителей. Когда введена была лошадь съ краснымъ сафьяннымъ сѣдломъ, онъ пѣлъ народу о красотѣ и ловкости умершаго, составлявшаго предметъ вздоховъ многихъ абхазскихъ красавицъ; при появленіи лошади съ боевою сбруею восхвалялись военныя достоинства, храбрость и хитрость покойнаго. Конецъ каждой фразы импровизатора сопровождался громкими вскрикиваніями толпы и ударами по лицу, въ знакъ скорби и сожалѣнія. Каждое утро въ теченіе трехъ дней, повторялась аккуратно эта церемонія, со всѣми ея подробностями. Послѣ того, стрѣляли изъ ружей «разными способами, съ присошекъ и съ руки, въ неподвижную и подвижную мишени, въ кружокъ поднятый на высокомъ шестѣ, и въ живаго орла, привязаннаго къ вершинѣ его на длинной веревкѣ. За удачные выстрѣлы раздавались призы разнаго достоинства, начиная отъ огнива до поясного ремня, до пистолета въ серебряной оправѣ».

Весь день затѣмъ, до поздняго вечера, гремятъ повсюду выстрѣлы, а съ наступленіемъ сумерекъ, при свѣтѣ разведенныхъ костровъ, присутствующіе пируютъ.

На третій день поминокъ назначается скачка, которою и заканчивается тризна по умершемъ. Въ скачкѣ принимаютъ участіе исключительно мальчики отъ 12 до 14-лѣтняго возраста. На лошадяхъ, осѣдланныхъ черкескими сѣдлами, но безъ подушекъ, для того чтобы не сидѣть, а стоять въ стременахъ, скачутъ они на значительное разстояніе отъ 30 до 50 верстъ, туда и обратно, по мѣстности чрезвычайно пересѣченной. Состязающихся въ скачкѣ, почти всегда, сопровождаетъ огромная толпа любителей и охотниковъ. Скачущіе могутъ побуждать своихъ лошадей крикомъ, гикомъ и хлопаньемъ, но не касаясь лошади плетью. Вся ватага, состоящая часто болѣе чѣмъ изъ сотни всадниковъ, несется черезъ бугры и рытвины, по полямъ и по лѣсу,

на гору и подъ гору, думая только объ одномъ, какъ бы придти первому и получить призъ часто весьма не цѣнный.

Рѣдко такая скачка обходится безъ несчастія. Мальчики падаютъ съ лошадей, убиваются до смерти и за одними поминками слѣдуютъ другія, на которыхъ повторяется снова та же бѣшеная скачка (1).

Вдова умершаго, по обычаю абхазцевъ, можетъ выдти замужъ за роднаго брата покойнаго, если на то существуетъ обоюдное согласіе. Но если согласія этого нѣтъ и вдова остается въ затруднительномъ положеніи относительно матеріальнаго благосостоянія, то въ Абхазіи существуетъ прекрасный обычай, по которому жители аула всегда помогутъ ей посѣять и убрать хлѣбъ и обезпечутъ ея существованіе. Забота о бѣдныхъ развита въ народѣ и составляетъ одну изъ хорошихъ сторонъ общественной жизни абхазца. Здѣсь нѣтъ нищихъ, какъ мы привыкли видѣть въ другихъ мѣстахъ, и бѣдные всегда получаютъ пособіе отъ общества.

IV.

Сословія существовавшія въ Абхазіи. — Права и обязанности владѣтеля — Права и обязанности остальныхъ сословій. — Политическій строй абхазскаго племени. — Родовые союзы. — Народныя собранія. — Кровомщеніе. — Народный судъ. — Виды преступленій и наказаній. — Военное устройство абазинъ.

Абхазія представляетъ собою страну вышедшую изъ дикаго состоянія, но не успѣвшую рѣзко отдѣлиться отъ него по своему образу жизни, характеру и обычаямъ. Зародышъ гражданской жизни хотя и привился между народомъ, но не успѣлъ еще сложиться въ прочное цѣлое, не успѣлъ еще принести ожидаемыхъ плодовъ.

Страна эта находится въ переходномъ состояніи: закоренѣлые дикіе обычаи еще не оставлены народомъ, а цивилизація бросила свой первой лучъ и произвела смѣшеніе понятій, обычаевъ и вѣрованій.

Основаніемъ общественнаго устройства страны служили, какъ и у другихъ горскихъ племенъ, все тѣ же родовые союзы, которые, въ отношеніи правительственной власти, представляли собою какъ бы административные единицы, на которыя была раздѣлена вся страна. Поводомъ къ образованію сою-

(1). Изъ путешествія архіепископа имеретинскаго Гавріила и проч. Кавказъ 1869 года, № 13 и 14. Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря Аверкіева. Кавказъ 1866 г. № 74. Еще объ Абхазіи. Кавказъ 1854 г. № 83. Воспомин. кавказскаго офицера Русскій Вѣстникъ 1864 г. № 9.

зовъ послужило анархическое состоянiе общества и необходимость защиты, что, при отсутствiи правительственной власти, естественнымъ образомъ, лежало въ соединенiи въ одно цѣлое населенiя данной мѣстности, для огражденiя совокупными силами своихъ правъ отъ покушенiй извнѣ и для составленiя взаимнаго поручительства объ имущественномъ обезпеченiи. Каждый изъ образовавшихся, такимъ образомъ, союзовъ составлялъ одно цѣлое, жилъ собственною внутреннею жизнiю и дѣйствовалъ сообща въ тѣхъ вопросахъ, которые касались обезпеченiя своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ или мѣръ, принимаемыхъ для охраненiя внутренней и внѣшней безопасности. Въ составъ такого союза входили всѣ сословiя извѣстной мѣстности, съ тѣми правами и обязанностями относительно другъ друга, которыя съ давнихъ поръ были освящены сначала необходимостiю, а потомъ привычкою, обратившеюся въ обычай. Необходимость въ противупоставленiи большей силы, для дѣйствiя противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, заставляла родоначальниковъ союзовъ или фамилiй соединяться по нѣскольку въ одно цѣлое. Понятно, что, при такомъ соединенiи, одна фамилiя, или даже отдѣльное лицо, являлось преобладающимъ надъ всѣми остальными. Подобное преобладанiе было тѣмъ болѣе естественно, что, при постоянно тревожномъ и напряженномъ состоянiи общества, защита его была возможна только при предоставленiи одному лицу распорядительной власти. Такое исключительное положенiе нѣкоторыхъ фамилiй и особенность лежавшихъ на нихъ обязанностей, способствовали выдѣленiю ихъ изъ всего населенiя извѣстнаго участка и обусловила за ними нѣкоторое уваженiе со стороны остальнаго общества. Уваженiе это, переходя изъ рода въ родъ, дало начало нѣкоторымъ правамъ, предоставленнымъ фамилiямъ самимъ обществомъ, которое, съ теченiемъ времени укрѣпляя ихъ, какъ бы само признало нѣкоторыя фамилiи *привиллегированными* и стоящими выше остальнаго населенiя.

Оттого въ абхазскихъ племенахъ преобладалъ не только аристократическiй элементъ, но и существовала смѣсь феодальной системы вмѣстѣ съ удѣльною. Общества абхазскаго племени, не входящiя въ составъ собственно Абхазiи, какъ то: Цебельда, Самурзаканъ, Джигеты, Медовѣевцы и прочее, составляли аристократическiя республики, въ которыхъ княжескiя и нѣкоторыя самостоятельныя дворянскiя фамилiи, господствуя надъ низшими сословiями, и въ томъ числѣ надъ второстепенными дворянскими фамилiями, сами существовали на тѣхъ же началахъ безвластiя, которое составляло отличительную черту черкескихъ племенъ. По политическому значенiю народныхъ сословiй, все различiе между черкескимъ и абхазскимъ обществомъ состояло въ томъ, что въ первомъ пользовались политическими правами и составляли республику три сословiя: князья, дворяне и тфлокотли, а въ послѣднемъ два: князья и самостоятельныя дворянскiя фамилiи. Но между этими двумя племенами было другое существенное и важное различiе: это преобладанiе въ абхазскихъ племенахъ аристократическаго элемента. Господствующее сословiе у этихъ племенъ составляютъ князья, которые, по народнымъ обычаямъ, поставле-

ны были въ обществѣ такъ высоко, что не только считались неприкосновенными для людей прочихъ сословій, но судъ даже и не опредѣлялъ пени за убійство князя, какъ бы не допуская и мысли о возможности посягательства на ихъ особу и искупленія убійства ихъ какою бы то ни было цѣною. Въ случаѣ убійства князя кѣмъ либо изъ низшихъ, хотя бы нечаянно, адатъ осуждалъ на истребленіе весь родъ убійцы. Хотя подобные приговоры давно не исполняются, но хранятся и выставляются князьями, какъ доказательство ихъ высокаго положенія въ обществѣ. Подвластные князя обязаны были защищать его, выходить, по его требованію, съ оружіемъ и мстить за него. Съ своей стороны, князь обязанъ былъ защищать своихъ подвластныхъ отъ обидъ и охранять ихъ собственность. Онъ былъ судья и посредникъ въ раздорахъ и тяжбахъ своихъ подвластныхъ, за что и получалъ извѣстную плату въ свою пользу.

Собственнно въ Абхазіи существовало, кромѣ особы владѣтеля, восемь главныхъ видовъ сословій: *тавадя*—князья; *амиста* въ Абхазіи и *жноскуа* въ Самурзакани, дворяне; *ашнахмуа* или просто *шинакма* (¹) (тѣлохранители владѣтеля), *анхае* (въ Самурзакани піошъ) и *азаты*—всѣ три составляли нѣчто въ родѣ средняго сословія. Собственно же зависимымъ сословіемъ были *амацюрасгу* (въ Самурзакани мойнале), *ахуйю* (въ Самурзакани *дельмахоре*) и *ахашала*.

Всѣ эти сословія были подчинены центральной власти, сосредоточенной, до нѣкоторой только степени, въ лицѣ владѣтеля Абхазіи и Сумарзакани. Санъ владѣтеля принадлежалъ фамиліи князей Шервашидзе, въ которой онъ и переходилъ, по наслѣдству, старшему въ родѣ, по прямой линіи мужескаго пола.

На попеченіи правительственной власти Абхазіи и Самурзакани прежде всего лежала обязанность ограждать населеніе отъ внѣшнихъ враговъ и обезпечить своихъ подданныхъ отъ нарушенія личныхъ и имущественныхъ правъ каждаго. Такая обязанность правительства обусловливалась географическимъ положеніемъ страны, характеромъ внѣшнихъ сношеній, а наконецъ, и особенностью условій внутренней жизни населенія. Прилегая непосредственно къ вольнымъ и независимымъ обществамъ, Абхазія была театромъ безпрерывныхъ военныхъ предпріятій и хищническихъ вторженій со стороны этихъ обществъ, отгонявшихъ скотъ, грабившихъ жителей и уводившихъ въ плѣнъ абхазцевъ. Съ другой стороны, преступникъ, не могшій оставаться въ Абхазіи изъ опасенія преслѣдованій, находилъ себѣ среди тѣхъ же племенъ надежное убѣжище, и наконецъ горныя пастбища, лежавшія на границѣ Абхазіи и Сумаркакани, съ вольными обществами, служили мѣстомъ постоянныхъ ссоръ и кровавыхъ столкновеній во время лѣтней пастбы скота. Ко всему этому надо прибавить, что, до появленія русской власти, и Дадіаны мингрельскіе не упускали удобнаго случая вторгнуться съ востока въ Абхазію, какъ страну имъ непріязненную.

(¹) Слово грузинское, означающее придворнаго.

Раззореніе страны и бѣдствія отъ подобныхъ вторженій еще болѣе усиливались отъ недостатка единства въ народѣ, не имѣвшемъ силъ воспрепятствовать вторженіямъ. Внутреннее устройство страны основывалось, какъ мы видѣли, на существованіи многихъ отдѣльныхъ союзовъ, противодѣйствовавшихъ административной централизаціи; обычай кровомщенія, существовавшій въ Абхазіи въ значительныхъ размѣрахъ, и наконецъ обычай *ассаства*, или произвольнаго переселенія каждаго изъ одной общины въ другую, послужили къ развитію самоуправства и установили безнаказанность за такого рода преступленія, которыя не оправдывались и самими туземцами.

Ко всѣмъ этимъ неустройствамъ присоединялось еще и то, что среди владѣльческой фамиліи происходили постоянныя распри, и, по самому положенію правителей, не располагавшихъ никакою общественною суммою и имѣвшихъ лишь средства для собственнаго пропитанія, чувствовался постоянный недостатокъ въ матеріальныхъ средствахъ, лишавшихъ владѣтелей возможности осуществить какую бы то ни было правительственную цѣль.

«Такимъ образомъ, внѣшняя поддержка являлась предметомъ почти необходимости для возможнаго поддержанія въ странѣ авторитета владѣтельской власти. Въ Абхазіи давали такую поддержку сначала турки, потомъ русскіе. Но, и при этомъ условіи, владѣльческая власть давала лишь весьма слабое обезпеченіе внѣшней и внутренней безопасности, между тѣмъ потребность въ той и другой, естественно, чувствовалась всегда населеніемъ, и при томъ самая настоятельная. Это обезпеченіе устроилось внутреннею жизнію населенія, при посредствѣ обычныхъ установленій, выработанныхъ опытомъ, силами самаго населенія. Такая связь обычая со внутреннимъ устройствомъ страны, обезпечивавшимъ населенію его личныя и имущественныя права, составляетъ основу силы абхазскаго обычая, дающую объясненіе, почему онъ могъ жить, сохраняться, независимо отъ частой перемѣны правительственной власти и смятеній, возбуждавшихся членами владѣльческаго дома, а также другими сильными фамиліями. Устройство было далеко не идеальное. Оно вполнѣ соотвѣтствовало почти естественному состоянію населенія страны и слабости его умственнаго развитія. Во всякомъ случаѣ, внутреннее устройство страны, основанное на силахъ, чуждыхъ владѣльческой власти, содѣйствовало ослабленію ея авторитета, и она явилась слабою передъ народнымъ обычаемъ, и должна была дѣлать ему уступки.»

Оттого въ Абхазіи владѣтель не былъ самовластнымъ правителемъ, а скорѣе блюстителемъ порядка и исполненія народныхъ обычаевъ, принявшихъ силу закона. По народнымъ установленіямъ, правитель, называемый абхазцами *Ахъ*, былъ только военнымъ главою феодальной аристократіи. Отношенія его къ князьямъ были только личныя, безъ всякаго права вмѣшательства во внутреннее ихъ управленіе. Не получая опредѣленной подати отъ народа и существуя только доходами съ своихъ родовыхъ имѣній и земель, владѣтель находился въ полной зависимости князей

и дворянъ. Послѣдніе повиновались ему до тѣхъ поръ, пока распоряженія владѣтеля были согласны съ ихъ видами, а въ противномъ случаѣ, готовы были сопротивляться его требованіямъ.

Главнѣйшею обязанностію правителя было принимать мѣры къ безопасности всего края, вести сношенія и заключать условія съ иностранными племенами, заботиться о внутреннемъ спокойствіи края и принимать необходимыя къ тому мѣры. Въ случаѣ непріятельскихъ вторженій, онъ созывалъ, для защиты края, милицію и самъ предводительствовалъ ею. Для сбора милиціи, въ прежнее время, въ Абхазіи существовалъ слѣдующій порядокъ. Владѣтель посылалъ приказаніе по цѣлому краю, или въ одну часть его, приготовить милицію. Князья и дворяне передавали это приказаніе своимъ подвластнымъ, и тогда всѣ способные носить оружіе приготовлялись къ походу. Когда приготовленіе было окончено и слѣдовало распоряженіе о сборѣ, тогда ратники рѣшали сами кому идти и кому остаться, и за тѣмъ выступали на сборные пункты. Отъ похода избавлялись только старики, и если не было усиленнаго сбора, то и такіе молодые люди, которые не были еще ни разу въ дѣлахъ. На сборныхъ пунктахъ объявлялось о числѣ милиціи, которое должно быть выставлено каждою деревнею или околодкомъ. Тогда милиціонеры вторично дѣлали между собою выборъ и лишнихъ возвращали домой. Оставшіеся отъ похода, должны были доставлять продовольствіе и прочіе предметы, необходимые для похода. Всякій такой нарядъ производился по распоряженію самаго общества. Князья и дворяне не вмѣшивались въ это дѣло, а наблюдали только за тѣмъ, чтобы изъ ихъ деревень было на лицо положенное число милиціонеровъ. Князь, или дворянинъ, принявъ начальство надъ своими подвластными, шелъ съ ними на мѣсто, назначенное владѣтелемъ.

Князья были обязаны исполнять всѣ приказанія владѣтеля, относящіяся до общественной безопасности и военныхъ дѣйствій; оказывать лично ему и его семейству всѣ наружные знаки почтенія и, въ случаѣ умерщвленія владѣтеля, мстить за него, какъ за оскорбленіе народной чести. Еслибы владѣтель былъ взятъ въ плѣнъ, то выручать его, не щадя своей жизни и достоянія. Особа владѣтеля признавалась неприкосновенною. Одинъ изъ владѣтелей Абхазіи, Зурабъ, былъ убитъ на охотѣ хищниками одного изъ убыхскихъ обществъ, которыя, не зная владѣтеля лично и полагая, что ихъ открыли и преслѣдуютъ, убили его для собственнаго своего спасенія. Какъ только вѣсть объ этомъ происшествіи разнеслась по Абхазіи, весь народъ поднялся поголовно, напалъ на общество, къ которому принадлежали убійцы, и, въ отмщеніе за смерть своего владѣтеля, обложилъ его данью.

Владѣтельскій домъ имѣлъ свои родовыя имѣнія, которыми управлялъ наравнѣ съ прочими князьями и дворянами. Владѣтель не пользовался никакими податями и поборами съ народа. Особая пеня, платимая за убійство, воровство и каждый другой безпорядокъ, произведенный въ сосѣдствѣ дома владѣ-

теля или на землѣ родовыхъ его имѣній—составляла единственный источникъ доходовъ и подать, получаемую владѣтелемъ со своихъ подданныхъ.

Отсутствіе опредѣленныхъ повинностей въ пользу владѣтеля и часто стѣсненное его положеніе ввели въ Абхазіи обычай, по которому владѣтель пользовался правомъ два раза въ году навѣстить каждаго князя и дворянина. Во время такихъ его поѣздокъ по краю, князья и дворяне обязаны были продовольствовать его вмѣстѣ со всею свитою и тѣлохранителями. При отъѣздѣ владѣтеля, хозяинъ долженъ былъ сдѣлать ему подарокъ, такой цѣнности, которая соотвѣтствовала достатку хозяина. Туземное дворянство, отстаивая свою независимость, не признавало этого подарка за обязательную повинность, но считало его только какъ видимый знакъ и способъ доказать свое уваженіе почетному гостю.

Жажда къ независимости была причиною того, что, при всей важности, приданной народными установленіями сану владѣтеля, по дѣламъ внѣшней политики и по личному его значенію, власть его во внутреннихъ дѣлахъ была весьма ограничена. Въ земляхъ и имѣніяхъ, принадлежавшихъ подвластнымъ ему князьямъ и дворянамъ, владѣтель не имѣлъ права вмѣшиваться во внутреннее управленіе. Фамилія князей Шервашидзе находилась въ тѣхъ же отношеніяхъ къ другимъ княжескимъ фамиліямъ, въ какихъ послѣдніе находились между собою, т. е. на правахъ родовыхъ союзовъ, съ одинаковою отвѣтственностію передъ другими фамиліями, которыя имѣли даже право, въ случаяхъ нарушенія фамиліею князей Шервашидзе коренныхъ обычаевъ земли, дѣйствовать противъ нее силою оружія. Такимъ образомъ владѣтель находился въ полной зависимости князей и дворянства, и принудить кого-нибудь подчиниться его волѣ и требованіямъ онъ могъ не иначе, какъ при помощи тѣхъ же дворянъ, которыхъ долженъ былъ сперва склонить на свою сторону просьбами и подарками.

Вся внутренняя власть его ограничивалась посредничествомъ въ тяжебныхъ и судебныхъ дѣлахъ. Онъ участвовалъ въ разбирательствахъ, и, по его требованію, враждующія стороны обязаны были, прекративъ раздоръ, избрать себѣ посредниковъ и идти съ ними къ нему на разбирательство. Но тотъ же владѣтель не въ правѣ былъ требовать на свой собственный единоличный судъ никого, кромѣ лицъ подвластныхъ сословій его собственныхъ родовыхъ имѣній; онъ даже не въ правѣ былъ требовать выдачи преступниковъ, отдавшихся подъ покровительство другой фамиліи, и могъ только приказать выслать такихъ лицъ въ опредѣленный срокъ изъ Абхазіи.

Съ поступленіемъ Абхазіи въ подданство Россіи, владѣтели успѣли значительно расширить свою власть и значеніе въ краѣ. Занятое упорною войною отъ Чернаго до Каспійскаго моря, русское правительство не могло близко ознакомиться съ политическимъ устройствомъ Абхазіи и взять страну въ полное свое распоряженіе. Для сохраненія же въ ней внутренняго порядка, оно ограничилось поддержкою владѣтеля и предо-

ставивъ ему безотчетный судъ и расправу во всемъ краѣ, покровительствовало владѣтелю и осыпало его щедрыми наградами. Въ благодарность за это, владѣтели съумѣли свою шаткую и неопредѣленную власть сдѣлать вполнѣ неограниченною. Слово владѣтеля стало закономъ для всей Абхазіи, его произволъ былъ неограниченъ. Облагая простолюдиновъ за малые проступки огромными штрафами, онъ оставлялъ почти всегда безнаказанными сильныхъ хищниковъ и убійцъ. Онъ присвоилъ себѣ часть пошлины съ вывозимыхъ изъ Абхазіи товаровъ. Послѣдніе состояли изъ лѣса, меда, воску и кукурузы. Такъ, что вообще доходы владѣтеля мало по малу увеличивались, и, подъ конецъ, простирались отъ 50 до 60 тысячъ рублей въ годъ. Не пользуясь прежде ни особою властью, ни особыми доходами, кромѣ родовыхъ имѣній, владѣтели успѣли устроить такъ, что двѣ боковыя ихъ фамиліи передавали управляемые ими два округа наслѣдственно, въ видѣ удѣловъ.

Князья владѣтельнаго дома въ прежнее время не имѣли никакой собственности, были въ полныхъ рукахъ владѣтеля, и существованіе ихъ обезпечивалось только вниманіемъ и ласкою ихъ властелина. Исключеніе, въ этомъ случаѣ, составлялъ потомокъ настоящихъ владѣтелей Абхазіи, князь Дмитрій Шервашидзе. Онъ имѣлъ свою собственность движимую и недвижимую, имѣлъ своихъ князей, дворянъ и крестьянъ, и находился въ зависимости отъ владѣтеля только въ дѣлахъ общихъ, касающихся до всего отечества (¹).

Между князьями владѣтельнаго дома и прочими княжескими и дворянскими фамиліями не было никакой подчиненности. Сила и значеніе каждаго изъ нихъ зависѣли отъ личныхъ заслугъ и пріобрѣтеннаго уваженія. Сильный и умный дворянинъ стоялъ выше слабаго и неразвитаго князя. Все преимущество князя передъ дворяниномъ состояло въ платѣ за кровь; пеня за перваго была больше, чѣмъ за втораго.

Княжескихъ фамилій считалось въ Абхазіи шесть, а дворянскихъ—восемь. Оба эти сословія составляли одну и ту же категорію. Хотя между князьями нѣкоторые и имѣли преобладаніе надъ прочими, но, по правамъ и преимуществамъ, какъ между собою, такъ и съ дворянами, они были равны и имѣли одинаковую власть надъ людьми зависимыхъ сословій и однѣ и тѣ же обязанности относительно владѣтеля. Князья и дворяне составляли господствующій классъ землевладѣльцевъ. Званіе князя и дворянина было наслѣдственно по праву рожденія, и никто изъ низшихъ сословій не могъ пріобрѣсти титулъ князя или дворянина. Князья владѣли крестьянами и обязаны были, какъ мы видѣли, собираться вмѣстѣ съ ними для защиты края. Крестьянами они владѣли на правахъ подданства за землю, которою ихъ надѣляли, и, будучи избавлены отъ податей, не подлежали другому наказанію, кромѣ денеж-

(¹) Еще объ Абхазіи. Кавказъ 1854 г. № 82. Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго моря и племенъ его населяющихъ Карлгофа (рукоп.) Абхазія. Кавк. 1866 г. № 80.

ной пени. Князья и дворяне пользовались доходомъ съ своей земли и извѣстною частію доходовъ съ земли, принадлежавшей крестьянамъ.

Переходя къ описанію правъ и обязанностей зависимыхъ сословій, мы должны сказать, что отбываемыя ими повинности различались не только по сословіямъ, но и въ каждомъ изъ сословій они представляли большое число видоизмѣненій и особенностей. Такъ, нѣкоторые изъ *анхае* были обязаны извѣстною работою на владѣльца, другіе не отбывали никакой повинности, за исключеніемъ почетной службы или выхода на работу по приглашенію, въ теченіе нѣсколькихъ дней въ году. Но, при всемъ разнообразіи видовъ повинностей, норма ихъ была опредѣленна и постоянна для каждаго семейства или дыма, такъ что ни владѣльцы, ни зависимыя сословія, не могли ихъ измѣнять по своему произволу, и не имѣли права ни увеличивать, ни уменьшать ихъ. Еще менѣе произвола было въ отношеніи сословныхъ правъ, строго опредѣленныхъ обычаемъ. Всѣ сословія, владѣющія поземельною собственностію, имѣли одинаковыя права на владѣніе извѣстными участками земли, пріобрѣтенными опредѣленными обычаемъ путями, «съ ограниченіемъ лишь въ извѣстныхъ, вообще рѣдкихъ, случаяхъ, права наслѣдованія въ пользу лица, которому подвластенъ зависящій».

Всѣ земли, находившіяся въ районѣ извѣстной мѣстности, подлежали общинному владѣнію и не составляли частной собственности; исключенія, въ этомъ случаѣ, составляли только немногія и извѣстныя категоріи земель. Общинному владѣнію подлежали мѣста, предназначенныя для пастьбы скота, для устройства зимнихъ загоновъ, лѣсъ, необходимый для собственнаго потребленія и проч. Мѣста, расчищенныя и приспособленныя къ воздѣлыванію, составляли частную собственность того лица, который положилъ на ихъ расчистку свой трудъ или денежный капиталъ. «Земля, расчищенная однимъ лицомъ, но (съ позволенія его) засаженная другимъ, даетъ право частной собственности этому послѣднему на половину засаженнаго участка. Въ поземельномъ отношеніи всѣ сословія равны. Преимущество высшихъ сословій состоитъ лишь во взиманіи покровительственной дани со стадъ другихъ селеній, которыя приходятъ для пастьбы, что какъ бы имѣетъ видъ поземельнаго дохода. Кромѣ того, имѣющимъ въ своей зависимости лицъ другихъ сословій принадлежитъ право пользованія выморочными землями».

Точное исполненіе сословіями взаимныхъ обязанностей относительно другъ друга и въ тѣхъ предѣлахъ, которые были освящены обычаемъ, составляло заботу каждаго абхазца, и ни владѣлецъ, ни его подвластный, ни въ какомъ случаѣ не соглашались перейти за предѣлы своей подчиненности или власти. Каждый изъ подвластныхъ исполнялъ добросовѣстно свою обязанность относительно владѣльца и затѣмъ считалъ себя совершенно независимымъ отъ него, свободнымъ въ образѣ жизни, мысляхъ и поступкахъ. Никакія другія обязанности не связывали его съ своимъ господиномъ; онъ не чувствовалъ къ нему ни особой привязанности, ни особаго уваженія, потому что видѣлъ въ

князѣ человѣка, не отличающагося отъ него ни образомъ жизни, ни умомъ, ни, наконецъ, особымъ правомъ голоса въ народномъ собраніи.

Это не мѣшало однако тому же крестьянину, въ присутствіи князя, ползать передъ нимъ, цѣловать полу его платья и оказывать всевозможныя знаки почтенія. Свобода мнѣнія и независимости смѣшаны въ характерѣ абхазца съ рабскимъ униженіемъ и почтеніемъ къ старшему. Рабство до того укоренилось въ странѣ, что оно вошло въ обычай и обряды народа. Во всѣ молитвы и религіозные обряды абхазецъ включаетъ владѣтеля и своего помѣщика. Все это вызвано нуждою въ покровительствѣ сильнаго.

Князь или богатый дворянинъ проводитъ жизнь среди лѣни и бездѣйствія. Простолюдинъ хотя и работаетъ, но часто, не взирая на труды свои, остается бѣденъ и причиною тому отношенія низшаго класса къ высшему. Послѣдній, пользуясь народными обычаями, грабитъ и раззоряетъ своихъ подвластныхъ. Отъ такихъ раззореній у бѣднаго опускаются руки, онъ предпочитаетъ довольствоваться малымъ, проводитъ остальное время въ бездѣйствіи и лѣни. Эта апатія къ работѣ и нежеланіе работать для другаго бываетъ часто причиною, что владѣлецъ, имѣющій въ своемъ стадѣ до шестидесяти дойныхъ коровъ и множество подвластныхъ, покупаетъ въ Сухумѣ русское масло.

Не имѣя власти и права давать низшему сословію дворянское достоинство, владѣтель имѣлъ право, за услуги оказанныя ему собственными крестьянами или выходцами изъ другихъ племенъ, возводить ихъ въ достоинство своихъ тѣлохранителей, носившихъ названіе *ашнахмуо* или *шина-кма*. Составляя сословіе среднее между дворянами и крестьянами, *шина-кма* пользовались всѣми правами дворянъ относительно земли и крестьянъ. Они не платили никакихъ податей, и вся ихъ обязанность состояла въ охраненіи лица и дома правителя. По обычаю народному, они могли жениться на дворянкахъ. Князья владѣтельнаго дома и другія княжескія фамиліи такой стражи не имѣли, и потому всѣ тѣлохранители жили въ селеніи Соук-су—родовомъ имѣніи владѣтеля Абхазіи. Въ политическомъ строѣ жизни абхазцевъ сословіе шинакма представляло собою какъ бы зародышъ средняго сословія, но не имѣло вовсе характера этого сословія въ другихъ государствахъ—сословія промышленнаго и торговаго.

Съ понятіемъ объ *анхае* соединялось представленіе, какъ о человѣкѣ, до нѣкоторой степени свободномъ, пользующемся своими личными и имущественными правами. Зависимость ихъ, личныя услуги и повинности, приносимыя владѣльцамъ, были не болѣе какъ добровольные подарки, которые, повторяясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, обратились потомъ въ обязанность. Съ понятіемъ о свободномъ человѣкѣ соединяется право свободнаго переселенія съ одного мѣста на другое и отсутствіе прикрѣпленія къ землѣ—и анхае пользовались правами этими въ дѣйствительности. Переселеніе съ мѣста на мѣсто, изъ одного селенія въ другое, было до послѣдняго времени въ обычаѣ абхазцевъ, и, имѣя видъ бродяжничества, оно все таки составляло для каждаго

*

изъ подвластныхъ одно изъ средствъ заявить свой протестъ и избавить себя отъ нарушенія правъ и притѣсненій со стороны привиллегированныхъ сословій. Переселеніе это, извѣстное въ Абхазіи подъ именемъ *ассаства*, «составляло одинъ изъ коренныхъ обычаевъ всего населенія сѣверо-западнаго Кавказа, и гостепріимство всегда считалось священною обязанностью каждаго. Находилъ ли ассасъ убѣжище себѣ въ какомъ либо бѣдномъ семействѣ, или былъ гостемъ цѣлой фамиліи анхае, или, какъ это было чаще всего, дѣлался гостемъ привиллегированной фамиліи—во всякомъ случаѣ, онъ вступалъ во всѣ права постоянныхъ жителей селенія. Эти условія, а также легкость оставленія прежняго мѣстожительства (вслѣдствіе незначительности хозяйства, характера всѣхъ вообще построекъ, которыя могли быть возведены въ нѣсколько дней на новомъ мѣстѣ), возможность заранѣе распорядиться движимымъ имуществомъ и даже возможность сохранить за собою землю (напримѣръ, въ случаѣ, если ассасъ имѣлъ немалочисленную фамилію родственниковъ въ оставляемомъ селеніи)—всѣ эти условія дѣлали ассаство незатруднительнымъ, удобоисполнимымъ. Ахуйю (дельмахоре) и амацюрасгу (мойнале) также находили въ переселеніи, въ ассаствѣ, защиту для своихъ правъ, хотя ассаство этихъ сословій и было обставлено нѣкоторыми особыми условіями. Даже ахашала, отдаваясь подъ покровительство другихъ, находили защиту тѣхъ немногихъ правъ своихъ, кои предоставляетъ имъ обычай».

Анхае въ переводѣ означаетъ поселянина — это, такъ сказать, вольные жители, которые, пользуясь владѣльческими землями, обязаны были за это опредѣленною платою и работою. Плата эта была различна и состояла у однихъ въ обязанности принести лѣтомъ ягненка, а зимою—барана или что можетъ, соотвѣтственно цѣнности; другіе же доставляли ко двору владѣльца столько мяса, сколько потребуется. Когда владѣлецъ или кто либо изъ его родственниковъ жилъ въ деревнѣ, то анхае должны были весною засѣять поля владѣльца, а лѣтомъ полоть сорныя травы, собрать и свезти гоміи и кукурузы столько, сколько необходимо для двора владѣльца. Кромѣ того, они сбязаны были собрать для владѣльца виноградъ, доставлять ему собственное свое вино, отъ Пасхи до сбора новаго винограда; принести помѣщику отъ пяти до восьми мѣръ кукурузы; при выдачѣ замужъ дочери, платить владѣльцу по одной коровѣ, за что тотъ отдаривалъ крестьянина. Если случалось, что владѣлецъ переѣдетъ въ домъ анхае, то онъ обязанъ былъ содержать его со всѣмъ семействомъ отъ уборки хлѣба до Пасхи. Эта повинность соблюдалась каждый годъ поочередно; но если помѣщикъ не переѣзжалъ, то не имѣлъ права требовать въ замѣнъ этого никакой платы; вмѣсто работы на владѣльца допускалась уплата кукурузою. Если помѣщикъ не живетъ къ деревнѣ, то анхае освобождались отъ всякихъ повинностей. При выѣздахъ владѣльца изъ имѣнія, анхае долженъ былъ конвоировать его и продовольствовать войска или милицію, если бы владѣтель считалъ нужнымъ собрать ихъ.

«Въ послѣднія времена, говоритъ г. Завадскій, въ такой вспомогатель-

ной силѣ не могла предстоять надобность. Но въ прежнія времена владѣтели, для утушенія безпорядковъ, рождавшихся въ краѣ, призывали вооруженную силу изъ постороннихъ племенъ. Это происходило не потому, чтобы владѣтель не довѣрялъ абхазцамъ, но политика эта клонилась къ устраненію кровомщенія въ краѣ, если бы заставить абхазцевъ усмирять собственнымъ оружіемъ своихъ соотечественниковъ. Обязанность эту анхае исполняли всегда очень охотно и рачительно».

Сословіе анхае, какъ по своей численности, такъ и по отношеніямъ, составляло господствующее населеніе страны, главную ея силу «и сущность покровительствуемаго элемента каждой общины (союза)».

За *анхае* слѣдовало сословіе *амацюрасгу*, извѣстное въ Самурзакани подъ именемъ *мойнале* и составляющее переходъ въ сословіе анхае (піошъ) изъ сословія *ахуйю* (дельмахоре). Послѣднее составляло низшій видъ изъ зависимыхъ поземельныхъ собственниковъ.

Ахуйю, называвшіеся въ Самурзакани *дельмахоре*, означаетъ, въ переводѣ на русскій языкъ, работника; это были люди жившіе собственнымъ хозяйствомъ, но находившіеся въ полной зависимости своего господина. Всѣ повинности и обязанности, исполняемыя анхае, несъ и *ахуйю*, обязанный, сверхъ того, исполнять всѣ низшія должности въ хозяйствѣ при дворѣ владѣльца. Вся прислуга помѣщика состояла изъ этого класса людей. По требованію владѣльца, ахуйю долженъ былъ прислать для прислуги дѣвушку къ его двору и женщину для работы. Крестьяне этой степени обязаны были три дня въ недѣлю работать на помѣщика и изъ доходовъ своихъ извѣстную часть удѣлять владѣльцу. Такъ, напримѣръ, отдавать половину удоя молока отъ своихъ коровъ. При выходѣ замужъ дочери такого крестьянина, владѣлецъ бралъ съ жениха калымъ въ свою пользу. Смотря по достоинствамъ дѣвушки, какъ работницы, и по наружнымъ ея качествамъ, калымъ простирался отъ 7—20 коровъ. За то, при женитьбѣ крестьянина, калымъ за него уплачивалъ помѣщикъ, и холостые крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, не состояли ни въ какихъ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику.

Крестьяне пользовались отведенными имъ землями, которыхъ отнимать у нихъ владѣльцы права не имѣли.

Тѣлесное наказаніе не допускалось въ Абхазіи, а за сопротивленіе господину или неисполненіе своихъ обязанностей, крестьяне заковывались въ желѣзо. За обиды и притѣсненія крестьянинъ имѣлъ право требовать своего владѣльца на судъ, и если послѣдній оказывался дѣйствительно виновнымъ, то крестьянинъ освобождался отъ обязательныхъ отношеній и выходилъ изъ-подъ власти своего господина. Но чтобы спасти себя отъ мщенія своего прежняго владѣльца, крестьянинъ, по необходимости, долженъ былъ искать сильнаго защитника, и потому шелъ къ другому владѣльцу, селился на его землѣ, подчиняя себя опять тѣмъ же крестьянскимъ условіямъ. Чаще же всего онъ

старался отдать себя подъ непосредственное покровительство владѣтеля Абхазіи, какъ наиболѣе выгодное.

Въ первомъ случаѣ, поступая подъ покровительство одного изъ значительныхъ владѣльцевъ, онъ мѣнялъ только господина и положеніе его лишь временно улучшалось, а во второмъ онъ дѣлался чѣмъ-то похожимъ на вольнаго собственника, неизъятаго, впрочемъ, отъ обычной крестьянской подати. Это послѣднее обстоятельство послужило къ увеличенію до нѣкоторой степени числа лицъ подвластныхъ собственно владѣтелю, и онъ становился черезъ то протекторомъ бóльшаго родоваго союза сравнительно съ остальными князьями и вассалами.

Помѣщики имѣли право продавать крестьянъ и отдавать ихъ за долги, при чемъ крестьянинъ цѣнился обыкновенно въ 50 коровъ. Крестьяне имѣли право выкупаться, но выкупъ былъ такъ великъ, что очень немногіе могли воспользоваться этимъ правомъ, и если у крестьянина было большое семейство, то, чтобы выкупить на волю всѣхъ членовъ его, приходилось заплатить до 100 коровъ, а иногда и болѣе.

У нѣкоторыхъ князей и дворянъ въ число доходовъ, получаемыхъ ими съ подвластныхъ, входила часть добычи отъ воровства зависимыхъ жителей, между тѣмъ, если воровство случилось въ домѣ самого владѣльца или въ стадѣ его и даже въ домѣ, гдѣ воспитывалось дитя его, то съ виновнаго взыскивалось пятнадцать коровъ и даже болѣе, сверхъ возврата украденаго.

Рабы въ Абхазіи существовали двухъ родовъ: коренные, рожденные въ краѣ, или *агруа*, и иноплеменные, добытые грабежемъ, покупкою или плѣнные взятые на войнѣ. Этотъ второй видъ рабовъ носилъ названіе *ахашала*— что, въ переводѣ, означаетъ лишній; ахашала былъ невольникомъ въ полномъ смыслѣ слова (¹). Онъ былъ полною собственностію своего господина, который могъ распоряжаться имъ по своему произволу: продать, подарить и даже убить. Агруа, составляя также неотъемлемую собственность господина, имѣлъ ту привиллегію, что не могъ быть проданъ иначе, какъ съ разрѣшенія владѣтеля, который одинъ имѣлъ надъ нимъ право жизни и смерти.

Самая жизнь раба, не имѣвшаго никакихъ правъ личныхъ и имущественныхъ, была тягостна и ничѣмъ не обезпечена. Владѣлецъ обязанъ былъ кормить и одѣвать раба или снабдить его землею, подобно крестьянину. Рабы обязаны были исполнять всѣ черныя работы въ домѣ своего господина, которыя будутъ на него возложены; они не имѣли права носить оружія. Владѣлецъ не имѣлъ права разлучить *агруа* съ женою, но могъ подарить его дочерей кому захочетъ, продать и промѣнять ихъ. Ахашала же можно было разлучить и съ женою. Хотя рабы и не были изъяты отъ тѣлеснаго нака-

---

(¹) Это послѣднее названіе весьма часто служило въ Абхазіи общимъ наименованіемъ для обоихъ видовъ рабовъ.

занія, но оно почти никогда не исполнялось надъ ними, потому что не было въ употребленіи между абхазцами.

Рабами могли владѣть всѣ безъ исключенія сословія, пользующіяся правами собственности.

Нѣкоторые изъ владѣльцевъ, имѣя въ виду религіозную цѣль, отпускали иногда на волю своихъ рабовъ или отдѣльныхъ лицъ изъ сословія ахуйю, съ непремѣнною обязанностію выучиться турецкому языку и пріобрѣсти умѣнье читать извѣстныя молитвы изъ корана, относившіяся до умершихъ. Такое обязательство возлагалось на отпущенныхъ ради спасенія души своей или кого либо изъ близкихъ родственниковъ. Эти отпущенники получили названіе *азатовъ*; они не несли никакой повинности и были обязаны только чтеніемъ молитвъ по умершимъ. Классъ этотъ, вообще не многочисленный, съ приходомъ русскихъ сталъ пополняться лицами, освободившимися изъ низшихъ сословій, потому что теперь, подъ обезпеченіемъ русской власти, освободившіеся не имѣли надобности въ покровительствѣ и защитѣ фамилій, обязывавшихъ ихъ все таки нѣкоторою зависимостію. Не переходя въ анхае (піошъ), они дѣлались *азатами*, т. е. людьми вольными, не отбывавшими никакихъ повинностей.

Поселившись отдѣльными усадьбами, разбросанными въ густыхъ и часто непроходимыхъ лѣсахъ, по ущельямъ и вершинамъ горъ, абазины вели каждый отдѣльную свою жизнь, независимую отъ сосѣда. Оттого общественная жизнь тамъ вовсе не развита. Всѣ сословія, кромѣ рабовъ, имѣли равныя права на свободу мнѣній, дѣйствій и уваженія въ народѣ. Личныя заслуги, умъ и опытность каждаго отдѣльнаго лица давали ему большее или меньшее право на уваженіе, безъ различія званія, и, часто, голосъ старика простолюдина имѣлъ большее значеніе, чѣмъ неопытнаго молодаго князя.

Отсутствіе общественной жизни заставляло абазина, въ обезпеченіе своего лица и имущества отъ насилій постороннихъ, искать содѣйствія, покровительства и защиты среди родственниковъ, и такимъ образомъ, какъ мы сказали, образовались родовые союзы, составляющіе основаніе политическаго строя всего абхазскаго племени. Подъ опекою и охраною такого союза, спокойствіе абхазца было обезпечено, такъ какъ въ дѣлахъ одного члена союза принимали участіе всѣ остальные, и месть за оскорбленіе или убійство одного изъ членовъ составляла обязанность для всѣхъ остальныхъ членовъ родоваго союза.

Родство и фамильная связь тщательно поддерживались абхазцами: за обиду, насиліе, рану, или смерть родственнику, возставала вся фамилія, платившая обидчику жестокою местью. За то абхазецъ ни за что не подыметъ оружія противъ своихъ родственниковъ, еслибы они жили внѣ Абхазіи, и владѣтель его былъ съ ними въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Въ этомъ случаѣ абхазецъ готовъ скорѣе оставить свою родину, покинуть домъ, чѣмъ

видѣть, а тѣмъ болѣе участвовать въ раззореніи или опустошеніи земель своего иноземнаго родственника.

Съ теченіемъ времени, родовые союзы, все болѣе и болѣе расширяясь, пріобрѣтали больше значенія и вліянія. Собственно говоря, основу родовыхъ союзовъ составляли члены двухъ сословій, князей и дворянъ. Зависимыя сословія, въ большинствѣ случаевъ, сливали свои интересы съ интересами своихъ владѣтелей. Они обязаны были защищать своихъ князей и дворянъ и мстить за нихъ врагамъ, во взаимность того владѣльцы, оказывая покровительство своимъ подвластнымъ за обиду, нанесенную имъ, требовали удовлетворенія отъ того родоваго союза, изъ котораго происходилъ обидчикъ.

Въ интересахъ общихъ, относящихся до жителей извѣстной мѣстности или урочища, созывались мѣстныя собранія, а въ дѣлахъ, касающихся до всей страны или племени—народныя собранія. Члены одного родоваго союза жили въ разныхъ мѣстахъ и, напротивъ того, въ каждомъ урочищѣ, долинѣ жили семейства, принадлежащія къ разнымъ родовымъ союзамъ; по этому на народное собраніе выбирались депутаты не отъ фимилій и родовыхъ союзовъ, а отъ каждой мѣстности или урочища.

Народныя собранія происходили въ мѣстахъ считавшихся священными: гдѣ-нибудь въ рощѣ, на холмѣ, въ оградѣ древняго монастыря и т. п. Мѣстомъ народнаго собранія у джигетовъ былъ *Чугуръ-Ханахскій* холмъ, находившійся близъ рѣки Чугуръ, въ пятнадцати верстахъ отъ Гагръ. «Холмъ этотъ недалеко отъ берега моря, окруженъ съ трехъ сторонъ возвышенностями съ крутыми склонами. На холмѣ росло дерево, около котораго валялись обломки оружія; дерево это было увѣшено лоскутками разныхъ матерій, а изъ ствола его торчали вбитые гвозди—все это жертвы во имя успѣха набѣга или воровства».

Въ Абхазіи такія народныя собранія, безъ вѣдома владѣтеля, въ послѣднее время не допускались. Тамъ собранія могли быть созваны только для обсужденія такихъ дѣлъ, о которыхъ народъ намѣренъ былъ просить владѣтеля, или для разсужденія о нуждахъ какой-либо отдѣльной фамиліи, но и объ нихъ должно быть сообщено владѣтелю. Собранія же, созываемыя секретнымъ образомъ, считались заговоромъ, и виновные въ этомъ подвергались строгому взысканію.

Необходимость въ охраненіи общественной безопасности вызывала часто народныя собранія. Среди абхазскихъ племенъ, общественная безопасность, за отсутствіемъ полицейскихъ мѣръ, не была ничѣмъ ограждена. Свободное употребленіе каждымъ оружія считалось огражденіемъ каждаго, но, въ сущности, было главною причиною всѣхъ безпорядковъ и междоусобій: оно вело къ кровомщенію.

Кровомщеніе было развито у абхазцевъ точно также, какъ и другихъ горскихъ народовъ, и предотвратить его не было возможности. Неудовольствіе и кровомщеніе между привиллегированными сословіями, прежде всего отзывались

на их подвластныхъ. Мстившая сторона врывалась въ селеніе непріязненнаго ей владѣльца, какъ въ непріятельскую страну, предавала все огню, совершала убійства, захватывала плѣнныхъ, женщинъ и дѣтей и, забравши въ свои руки все, что было можно, уходила домой съ добычею. Канла переходила отъ отца къ сыну и распространялась на всю родню убійцы и убитаго. Самые дальніе родственники и даже воспитанники были обязаны мстить за кровь убитаго. Не желавшій участвовать въ кровомщеніи вовлекался въ эти дѣйствія противъ воли, выпужденный обстоятельствами. «Достаточно было, чтобы ближній его родственникъ потерпѣлъ кровную обиду. Эта обида считалась его обидою, и онъ обязанъ былъ вмѣшиваться въ безпорядки, которыхъ самъ дѣлался жертвою».

«Люди, не имѣвшіе собственности и не дорожившіе ничѣмъ, находили въ подобныхъ случаяхъ средства къ пріобрѣтенію, тѣмъ болѣе, что все, захваченное во время кровомщенія, оставалось безвозвратно въ рукахъ похитителей».

За раззореніе и убытки, причиненные кровомщеніемъ, никто не въ правѣ былъ требовать вознагражденія. Владѣльцы отвѣчали за своихъ подвластныхъ какъ за самихъ себя. Въ случаѣ преступленія, сдѣланнаго крестьяниномъ, владѣлецъ его подвергался кровомщенію и отвѣчалъ передъ судомъ, какъ лично совершившій преступленіе.

Кровомщеніе было такъ распространено, нити его такъ перепутались между различными фамиліями, что рѣдкій изъ абхазцевъ не имѣлъ врага, способнаго его выждать на пути или гдѣ-нибудь въ засадѣ. Отъ этого туземцы никогда не разставались съ оружіемъ; съ нимъ они выходили на полевыя работы и переѣзжали самыя незначительныя разстоянія.

Желаніе сколько-нибудь ослабить *канлу* вызвало между народомъ обычай, по которому, тотчасъ послѣ совершенія смертоубійства, родовая местъ могла быть остановлена вмѣшательствомъ другихъ фамилій, предлагавшихъ свое посредничество въ дѣлѣ примиренія враждующихъ. При выраженномъ обѣими сторонами согласіи на мировую, дѣло передавалось на обсужденіе народнаго суда, составленнаго изъ судей, выбранныхъ обѣими сторонами. Выборъ судей представлялъ особыя затрудненія для посредниковъ: необходимо было убѣдить и согласить обѣ враждующія стороны, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣла право устранить избранныхъ противною стороною, если имѣла къ тому основательныя причины.

Въ судьи выбирались обыкновенно люди, пользующіеся опытностію, уваженіемъ и извѣстные по своему краснорѣчію, честности и безпристрастію. Они носили названіе *медіаторовъ*, а самый судъ назывался *медіаторскимъ*; число судей, смотря по важности разбираемаго дѣла, было различно. Послѣ выбора судей, обѣ тяжущіяся стороны извѣщали другъ друга объ именахъ выбранныхъ судей и принимали присягу въ томъ, что свято исполнятъ рѣшенія суда, въ обезпечиваніе чего и представляли поручителей.

При отсутствіи твердыхъ вѣрованій и убѣжденія въ святости присяги, форма эта хотя и существовала съ давнихъ поръ въ Абхазіи, но не имѣла особеннаго значенія и силы. Абхазецъ боялся только ложно присягнуть предъ образами св. Георгія побѣдоносца, находящимися въ Пицундскомъ и Иллорскомъ храмѣ, и передъ образомъ Божіей Матери въ стволѣ дуба, на холодной рѣчкѣ близъ Бомборъ. Этотъ дубъ имѣлъ столь большое значеніе въ народѣ, что святости его не могъ нарушить даже и владѣтель. Онъ не имѣлъ права взять силою безоружнаго, бѣжавшаго подъ сѣнь дуба и подъ покровительство его святой иконы.

Оттого такой присяги, какъ мы понимаемъ, не существовало въ дѣйствительности, а абхазецъ присягалъ и приносилъ клятву передъ уважаемыми иконами, передъ ружьями и передъ наковальнею.

Въ маловажныхъ случаяхъ абхазцы часто присягаютъ въ кузницѣ.

Присягающаго приводятъ передъ наковальню, на которой лежитъ молотъ, и становятъ его противъ кузнеца, стоящаго у той же наковальни; то лицо, по чьему дѣлу приводятъ къ присягѣ, становится въ сторонѣ. Взявъ молотокъ, кузнецъ произноситъ клятву.

— Если я, говоритъ онъ, вмѣсто присягающаго, не скажу правду о томъ, о чемъ меня спрашиваютъ, или если я виноватъ въ томъ, въ чемъ меня обвиняютъ, то да разобьетъ Шасшу-Абжъ-Ныха голову мою молотомъ на наковальнѣ.

При этомъ кузнецъ ударяетъ три раза молотомъ по наковальнѣ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ кузницы, для приведенія къ присягѣ вбиваютъ въ землю двѣ палки на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга, и на нихъ вѣшаютъ заряженныя винтовки, но такъ, чтобы дулами своими они обращены были въ интервалъ между палками. Присутствующіе становятся противъ интервала, а присягающій у самаго интервала и, произнося присягу, въ заключеніе ея говоритъ: «если я сказалъ ложь, то да поразитъ Шасшу-Абжъ-Ныха мою голову свинцовыми пулями изъ этихъ ружей», и проходитъ сквозь интервалъ.

Еслибы абхазцу пришлось солгать во время присяги, то онъ до такой степени вѣритъ въ могущество этого божества, что самъ скоро признается какъ въ преступленіи, такъ и въ томъ, что онъ принялъ ложную клятву. Первый лихорадочный припадокъ (а лихорадка свирѣпствуетъ въ Абхазіи), съ головною болью и бредомъ, убѣждаетъ его, что Шасшу бьетъ его или молотомъ по головѣ, или направляетъ въ него свинцовыя пули, передъ которыми онъ присягалъ. Больной прибѣгаетъ тогда къ помощи родственниковъ, говоритъ, что прогнѣвилъ Шасшу, проситъ ихъ умилостивить его и сознается въ своемъ преступленіи и ложной клятвѣ.

Родственники удовлетворяютъ истца, приводятъ на мѣсто присяги козла или барана, назначая его въ жертву, когда больной выздоровѣетъ, и, призвавъ къ себѣ кузнеца, въ присутствіи котораго совершалась присяга, они

просятъ его, чтобы онъ исходатайствовалъ у Шасшу прощеніе больному. Послѣ выздоровленія совершается обычнымъ порядкомъ жертвоприношеніе, и кузнецъ получаетъ часть мяса жертвы и кожу.

Точно также присягнувшій ложно передъ образомъ св. Георгія при первой болѣзни сознается въ преступленіи, и тогда родственники приглашаютъ къ себѣ того, кому больной причинилъ вредъ своею ложною присягою, и стараются вознаградить его. Вмѣстѣ съ тѣмъ приглашается и то лицо, которое приводило больнаго къ присягѣ, и приводится тучная корова ко крыльцу дома, на которое выносятъ больнаго и сажаютъ на скамью.

— Доволенъ ли ты удовлетвореніемъ? спрашиваетъ приводившій къ присягѣ того, кто былъ обиженъ, и прощаешь ли больному проступокъ?

Получивъ удовлетворительный отвѣтъ, приводившій къ присягѣ беретъ веревку, которая привязана на шеѣ коровы и обращается къ св. Георгію.

— Св. Георгій Иллорскій! произноситъ онъ, прости этому больному его проступокъ, который онъ сдѣлалъ неумышленно, по своей неопытности, и даруй ему здоровье: впредь онъ и его семейство будутъ приносить тебѣ ежегодно опредѣленную жертву.

Обведя корову кругомъ больнаго и отрѣзавъ у нея кончикъ праваго уха, привязываютъ его къ правой рукѣ больнаго, который и носитъ этотъ отрѣзокъ уха до совершеннаго выздоровленія. Корова пускается въ стадо [1].

Присяга совершалась по средамъ и пятницамъ, но во время великаго поста она воспрещалась, кромѣ случаевъ не терпящихъ отлагательства. Къ присягѣ не приводили мужа беременной женщины до ея разрѣшенія, иначе, по вѣрованію народа, произойдутъ непремѣнно преждевременные роды, даже и въ томъ случаѣ, когда присягающій покажетъ истину, по совѣсти. По народному обычаю, не допускали также къ присягѣ свидѣтелей, на томъ основаніи, что свидѣтель ничѣмъ не отвѣчаетъ за ложную присягу, которая, при низкой нравственности туземца, могла случаться очень часто.

По окончаніи присяги, судъ открывалъ свое засѣданіе, для котораго не было устроенныхъ домовъ или особо назначенныхъ мѣстъ. Судьи собирались гдѣ нибудь въ полѣ, подъ открытымъ небомъ, и пренія происходили гласно, такъ что каждый любопытный могъ присутствовать на разбирательствѣ.

Обѣ враждующія стороны находились тутъ же и располагались двумя группами, раздѣленными между собою группою судей. Во избѣжаніе кровопролитія въ случаѣ жаркихъ споровъ, обѣ враждующія стороны выводились на судъ безъ оружія.

Собственно въ Абхазіи если разбираемое дѣло принадлежало къ числу уголовныхъ, то на судѣ предсѣдательствовалъ самъ владѣтель, и тогда судъ происходилъ или въ Соукъ-су, или въ Квитаулахъ—родовыхъ его имѣніяхъ.

Находясь по срединѣ тяжущихся, медіаторы или судьи вызывали къ себѣ

---

[1] Обрядъ жертвоприношенія св. Георгію С. Званбай. Кавк. 1853 г. № 90.

сначала, со стороны обвинителей, избраннаго ими оратора, который излагалъ подробно весь ходъ дѣла. Потомъ выслушивали показанія обвиняемыхъ. Ораторы обязаны были говорить громко, чтобы обѣ стороны могли слышать ихъ слова, и потомъ дѣлать возраженіе. Такъ какъ часто на разстояніи, на которое разведены тяжущіеся другъ отъ друга, слова оратора одной стороны не могли быть слышны другой, то, во избѣжаніе недоразумѣній, одинъ изъ судей, по выбору суда, излагалъ со всею подробностію передъ предстоящимъ ораторомъ все, что объяснилъ ораторъ противной стороны. Эти послѣднія лица выводили обыкновенно свои оправданія и обвиненія съ самыхъ отдаленныхъ временъ, говорили весьма долго и много, вставляли въ свою рѣчь такія объясненія и обстоятельства, которыя не относились вовсе къ дѣлу, не разъясняли его и не жалѣли, въ своихъ обвиненіяхъ, ни чести, ни имени своихъ враговъ. Свидѣтелей преступленія почти никогда не было, и судьи о нихъ и не спрашивали. Доказатель всегда пользовался въ народѣ дурною славою, и случалось весьма часто, что тяжущіеся проигрывали серьезныя спорныя дѣла, не оговаривая свидѣтелей ихъ правоты, изъ боязни получить въ народѣ имя доказчика.

Выслушавъ обѣ стороны и удаливъ ораторовъ изъ своего круга, судьи оставались одни, обсуждали всѣ обстоятельства касающіяся дѣла, и постановляли рѣшеніе, которое объявлялось судящимся черезъ старѣйшаго по лѣтамъ медіатора. Рѣшеніе постановлялось изустно; но судьи никогда отъ своего мнѣнія и словъ не отказывались, подъ опасеніемъ потерять доброе имя и уваженіе въ народѣ. Объявленіе производилось тѣмъ же порядкомъ, но только старецъ-медіаторъ вновь излагалъ передъ тяжущимися весь ходъ дѣла, объявлялъ, что найдено судьями заслуживающимъ вниманія и что не касающимся до дѣла, спрашивалъ не имѣетъ ли какая либо изъ сторонъ что нибудь добавить или пояснить, не упущено ли что либо медіаторами изъ виду, и когда получался отвѣтъ, что тяжущіеся не имѣютъ ничего болѣе прибавить, тогда медіаторъ излагалъ имъ мнѣніе суда и его рѣшеніе.

Если въ судѣ происходило разногласіе членовъ, то рѣшали по большинству голосовъ, а въ Абхазіи поступали при этомъ такъ: во время присутствія въ судѣ владѣтеля, онъ рѣшалъ на мѣстѣ разногласіе судей, а во время его отсутствія въ судѣ, судьи, сохраняя свое рѣшеніе въ тайнѣ отъ тяжущихся, отправляли къ нему двухъ членовъ суда, по изложеніи которыми обстоятельствъ дѣла, владѣтель постановлялъ рѣшеніе, въ обоихъ случаяхъ приводимое въ исполненіе. Разъ рѣшенное дѣло не возобновлялось даже и тогда, когда обѣ стороны были не довольны его рѣшеніемъ. Противъ медіаторовъ не было аппеляціи; судомъ ихъ прекращалось право мести и дальнѣйшее возобновленіе иска передъ лицомъ владѣтеля.

Въ случаѣ неявки кого либо къ суду, судъ не открывалъ своихъ дѣйствій до тѣхъ поръ, пока его не представятъ поручители.

Точно также онъ не слѣдилъ за исполненіемъ своего приговора: за этимъ

обязаны были наблюдать поручители. Наконецъ судъ не принималъ на себя обязанности преслѣдовать преступленія, а проявлялъ свои дѣйствія только тогда, когда сами спорящіе не видѣли другаго средства окончить свои распри, какъ судомъ.

Въ Абхазіи преслѣдованіе преступленій всякаго рода лежало, главнымъ образомъ, на обязанности владѣтеля. Онъ имѣлъ право лишить свободы каждаго, не исключая князей владѣтельнаго дома, а если арестъ произведенъ по уголовному дѣлу, то и предать его суду. Лишеніе свободы или арестъ могли быть наложены, какъ мѣра исправительная, не влекущая за собою суда.

Князья и дворяне имѣли точно такія же права относительно подвластныхъ, но если арестъ произведенъ по уголовному преступленію, то обязаны были виновнаго представить владѣтелю.

Понятія абхазцевъ относительно преступленій были совершенно различны съ понятіями, выработанными жизнію цивилизованныхъ государствъ. Туземецъ не считалъ еще преступленіемъ все то, что противно закону и общественному мнѣнію; такъ, дѣйствія, нарушающія права личныя и имущественныя, не составляли преступленія, а по народному понятію считались удальствомъ, молодечествомъ, достойнымъ подраженія и сочувствія. «Вообще очень ограниченное число дѣйствій считается у абхазцевъ преступленіями; преступленіемъ, по ихъ понятію, почти исключительно считается дѣйствіе, нарушающее права сильнаго. Рядомъ съ этимъ руководящимъ взглядомъ на преступное дѣйствіе, самый строй жизни не представлялъ власти охранительной и исполнительной, такъ что въ рѣшеніи дѣлъ, касающихся личной свободы, правъ собственности и общественнаго спокойствія, господствовалъ полнѣйшій произволъ».

По понятію абхазца, къ высшей категоріи уголовныхъ преступленій принадлежало семь видовъ преступленій: святотатство, богохульство, отцеубійство, братоубійство, посягательство на жизнь владѣтеля и членовъ его дома, измѣна отечеству и кровосмѣшеніе.

Вторую категорію составлялъ только одинъ видъ преступленія: посягательство крестьянъ на жизнь своихъ владѣльцевъ. Оно наказывалось истребленіемъ, безъ всякаго суда, всего рода виновнаго.

Къ третьему виду уголовныхъ преступленій причислялось четыре вида: убійство, публичное оскорбленіе и безчестіе женщины, похищеніе чужой жены или невѣсты, разводъ безъ согласія обѣихъ сторонъ или родныхъ.

За всѣ виды преступленій существовало четыре вида наказаній: *пеня*, *лишеніе свободы*, *заковываніе въ цѣпи* и *изгнаніе изъ родины*.

Пеня взималась въ прежнее время произведеніями земли, лошадьми, скотомъ и другими предметами. Впослѣдствіи, когда абхазцы познакомились съ монетою, тогда пеня была замѣнена деньгами и количество ея значительно возвышено.

Удаленіе изъ родины заключалось въ томъ, что родные слагали съ себя

обязанность родовой мести за то лицо, которое подверглось изгнанію. Съ объявленіемъ этого наказанія всѣ родственники, друзья и знакомые прекращали съ преступникомъ всякія сношенія; опасались жить съ нимъ въ одномъ домѣ, сѣсть за общій столъ, вступать съ нимъ въ разговоръ и каждый постыдился бы отвѣчать ему на обиду обидой или местью. Изгнанный хотя и пользовался правомъ гостепріимства, но съ такими особенностями, которыя заставляли его отказываться отъ этого рода вниманія своихъ соотечественниковъ. На каждомъ шагу онъ встрѣчалъ презрѣніе и пренебреженіе со стороны хозяевъ. Во время обѣда и ужина его сажали за особый столъ, гдѣ нибудь въ углу комнаты, и остатки его пищи отдавали псамъ, считая ихъ нечистыми.

— Отъ собаки — собакѣ, произносилъ хозяинъ, выбрасывая остатки съ его стола.

Послѣ ночлега, хозяинъ сожигалъ тотъ клочекъ войлока или бурки, на которомъ спалъ изгнанникъ; все, къ чему онъ прикасался, тщательно обмывали и очищали. Удаляясь изъ отечества, преступникъ зналъ, что вѣсть о немъ достигнетъ прежде, чѣмъ онъ прибудетъ къ сосѣдямъ, и что тамъ встрѣтитъ точно такой же пріемъ, какъ и въ родномъ краѣ. Въ такомъ безвыходномъ положеніи онъ проводилъ время до тѣхъ поръ, пока не отыскивался сильный благодѣтель или покровитель, который лично своею особою ручался, передъ родными изгнанника, въ его искреннемъ раскаяніи и хорошемъ поведеніи. Тогда изгнанный снова принимался въ общество, вступалъ въ свои права и принималъ свою прежнюю фамилію.

Этотъ видъ наказанія примѣнялся иногда къ первой категоріи уголовныхъ преступленій, для которыхъ собственно не было опредѣлено въ абхазскомъ кодексѣ никакихъ опредѣленныхъ взысканій. Абхазцы находили, что преступники такого рода подлежатъ суду Божію, и, по своему суевѣрію, полагали, что каждый, лишившій подобнаго преступника жизни, принимаетъ на себя всѣ грѣхи его. По этимъ причинамъ смертная казнь въ Абхазіи вовсе не существовала. Въ горной Абхазіи измѣна наказывалась смертію: если совершилъ ее мужчина, то онъ долженъ былъ быть повѣшеннымъ руками раба; если же женщина, то должна быть застрѣлена руками отца, брата или мужа.

Дѣла послѣдней, третьей, категоріи разбирались судомъ посредниковъ и въ Абхазіи собственно—подъ предсѣдательствомъ владѣтеля. По обычаю народа, каждое изъ видовъ послѣдняго рода преступленій могло быть только смыто кровью виновнаго, но владѣтель имѣлъ право требовать, чтобы вражда была окончена судомъ и приказанію его никто не смѣлъ противиться. Форма производства суда въ Абхазіи была одинакова для дѣлъ всякаго рода; все различіе состояло въ числѣ судей, смотря по важности дѣлъ. Тяжбы и иски незначительныя разсматривались судьями, которые избирались самими тяжущимися. Не важныя уголовныя дѣла и важнѣйшія тяжебныя, въ родѣ владѣнія недвижимою собственностію, разбирались судьями, утвержденными владѣ-

телемъ, и, наконецъ, важнѣйшія уголовныя преступленія и дѣла относящіяся къ родовой мести, судомъ, составленнымъ изъ важнѣйшихъ и почетнѣйшихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ самого владѣтеля.

Въ Абхазіи постоянные суды назывались: *аныхва-ахвазъ*, что, въ переводѣ, означаетъ давшіе присягу. Въ составъ такого суда судьи, или *бакаульцы*, выбирались пожизненно и въ общемъ собраніи народа. Выбранные приносили присягу, что будутъ исполнять добросовѣстно свою обязанность и должны были являться, для разбора дѣлъ, по приглашенію каждаго, не получая за это никакого вознагражденія. Судьи постановляли рѣшеніе не произвольное, а основанное на *адатъ* (обычаѣ) или *шаріатъ* (духовный судъ). Отъ тяжущихся зависѣло, въ большинствѣ случаевъ, выбрать тотъ или другой судъ и, конечно, каждая сторона выбирала то, что было для нея выгоднѣе. По законамъ *шаріата*, всѣ мусульмане равны передъ кораномъ, и кровь князя или простолюдина цѣнится одинаково; адатъ же, напротивъ, признавалъ различіе сословій, и кровь князя стоила дороже крови дворянина, а этого послѣдняго дороже простолюдина. Естественно, что, основываясь на этомъ, люди высшаго званія предпочитали адатъ, а низшаго — старались подвести дѣло подъ шаріатъ. Происходило столько споровъ и новыхъ ссоръ, пока разбирался вопросъ, какъ судиться, по адату или по шаріату, что абхазцы, зная это, прибѣгали къ суду только въ крайнемъ случаѣ, когда кровомщеніе грозило принять слишкомъ широкіе размѣры, или когда народъ требовалъ, чтобы распря эта была прекращена. Вообще же большинство дѣлъ рѣшалось по адату; къ шаріату прибѣгали рѣдко, такъ какъ магометанство не было въ значительной степени развито между народомъ.

Безчестіе женщины отплачивалось смертію. Невѣрную жену мужъ могъ убить, а если этого не дѣлалъ, то, по суду, она обращалась въ рабу и это обращеніе давало возможность мужу продать ее. Затѣмъ всѣ виды третьей категоріи уголовныхъ преступленій наказывались одинаковымъ штрафомъ, размѣръ котораго опредѣленъ былъ для каждаго сословія отдѣльно. За убійство князя взыскивалось 30 душъ крестьянъ (по указанію нѣкоторыхъ, 30 мальчиковъ), лошадь съ сбруею, полное вооруженіе и серебряная цѣпь въ родѣ портупеи; за дворянина —шестнадцать душъ крестьянъ (или 16 мальчиковъ), а остальное тѣ же предметы; за анхайе—отъ двухъ до трехъ душъ крестьянъ, ружье и шашка; за ахуйю—одна душа.

Нечаянное убійство цѣнилось въ половину и, въ обоихъ случаяхъ, допускалась плата, вмѣсто крестьянъ или мальчиковъ, соотвѣтствующимъ по цѣнности количествомъ скота. Передъ судомъ князья и дворяне отвѣчали обиженному своимъ имуществомъ, а крестьяне своею личною свободою, если не доставало ихъ имущества для уплаты пени. Въ послѣднемъ случаѣ, они становились собственностію обиженнаго, который могъ продать, промѣнять или оставить у себя, пока они не найдутъ средствъ выкупиться.

Послѣ суда по кровомщенію, слѣдовало примиреніе враждующихъ, совершав-

шееся торжественнымъ образомъ, публично, при множествѣ свидѣтелей и непремѣнномъ присутствіи родственниковъ обѣихъ враждующихъ сторонъ. Ближайшій родственникъ убитаго произносилъ прощеніе и, какъ бы въ забвеніе всего прошедшаго и соединенія прочнѣйшими узами дружбы, бралъ къ себѣ на воспитаніе сына или родственника убійцы; случалось и на оборотъ: убійца бралъ на воспитаніе сына убитаго. Сверхъ того, примиреніе производилось иногда посредствомъ обряда усыновленія, который состоялъ въ томъ, что обиженный призывался въ домъ нанесшаго оскорбленіе и, при свидѣтеляхъ, цѣловалъ три раза грудь жены или матери хозяина дома и потомъ отпускался домой съ подарками, считаясь усыновленнымъ. Въ прежнее время воровство наказывалось весьма строго. Въ горной Абазіи, воръ наказывался нагайками, возвращалъ покражу и, кромѣ того, приплачивалъ двухъ или трехъ барановъ за свою неловкость. Въ Абхазіи собственно, за воровство, произведенное въ первый разъ, «брили вору одинъ усъ, за второе оба или выставляли нагаго въ лѣтнее время на солнце и обливали медомъ, для того, чтобы его безпокоили насѣкомыя; въ зимнее время выставляли его нагаго на холодъ». Потомъ была введена пеня или штрафъ, состоящій изъ тройной стоимости украденаго: двѣ части шли въ пользу хозяина, одна въ пользу судей и 100 рублей за каждую вещь въ пользу владѣтеля. За воровство, грабежъ или убійство, на землѣ владѣтеля или въ сосѣдствѣ его дома, преступникъ, сверхъ обыкновеннаго взысканія, долженъ былъ уплатить владѣтелю двухъ мальчиковъ, ростомъ не ниже четырехъ и не выше шести ладоней или, въ замѣнъ ихъ, деньги по стоимости. Для мѣры служила ладонь того, кто взымалъ пеню. Отъ этого въ Абхазіи воровство встрѣчалось весьма рѣдко, но потомъ оно усилилось, съ тѣхъ поръ, какъ народные обычаи стали терять свою силу. Воровствомъ занимались большею частію высшія сословія, которыя, считая трудъ стыдомъ, должны были пускаться въ этотъ постыдный промыселъ для пріобрѣтенія себѣ средствъ къ жизни. Народъ же вообще не терпитъ воровъ. При рѣшеніи дѣлъ по ссорамъ и дракамъ, судьи прежде разбора взыскивали съ обѣихъ сторонъ штрафъ въ пользу владѣтеля, по пяти коровъ и по пяти рублей, а потомъ уже приговаривали виновнаго къ платѣ пени обиженному. Иски о долгахъ отличались своею запутанностію и сложностію. Такъ, напримѣръ, «если кто бралъ въ долгъ корову, то черезъ годъ обязанъ былъ возвратить корову съ теленкомъ, черезъ два года — двѣ тельныхъ коровы, черезъ три года—двѣ коровы и двое телятъ и т. д., такъ что долгъ выросталъ до огромныхъ размѣровъ».

Права поземельной собственности и имущественныя строго соблюдались и имущество каждаго считалось неприкосновеннымъ; ни за какое преступленіе и никто не могъ лишать имущества своихъ подвластныхъ. Поземельная собственность находилась въ рукахъ только двухъ сословій: князей и дворянъ. Земли, поступившія во владѣніе какого либо рода, оставались въ его пользованіи до послѣдняго потомка мужескаго поколѣнія. Права наслѣдства были чрез-

вычайно просты: недвижимое имѣніе умершаго дѣлилось по-ровну между его сыновьями или, за неимѣніемъ ихъ, между ближайшими родственниками. Въ Абхазіи старшій сынъ, кромѣ слѣдуемой ему части, получалъ вооруженіе покойнаго, его любимаго коня и саклю. Дочери и жена, у всѣхъ поколѣній, не имѣли никакого права на наслѣдство, но наслѣдники обязаны были ихъ содержать, малолѣтнихъ воспитывать и дѣвушекъ выдать замужъ. Имѣнія лицъ, оставшихся рѣшительно безъ наслѣдниковъ, даже и самыхъ дальнихъ, поступали: княжескія и дворянскія въ пользу владѣтеля, а крестьянскія въ пользу ихъ помѣщиковъ.

Изъ движимаго имѣнія женская линія могла получить, по завѣщанію, часть въ наслѣдство [1].

Изъ всего сказаннаго видно, что въ народѣ не существовало, въ видѣ отдѣльныхъ учрежденій, ни охранительной, ни исполнительной власти; видно, что власть эта принадлежала членамъ высшихъ свободныхъ сословій, и что большинство дѣлъ рѣшалось силою оружія. Хотя въ Абхазіи и существовали судьи, но народъ предпочиталъ за воровство платить воровствомъ, за кровь мстить кровью, словомъ больше всего руководился правиломъ: *око за око, зубъ за зубъ.*

Въ заключеніе остается сказать, что военное устройство и хищническія дѣйствія абазинскаго племени были совершенно сходны съ черкескими, къ которымъ они, въ этомъ отношеніи, приблизились гораздо болѣе, чѣмъ къ своимъ одноплеменникамъ—абхазцамъ.

Отправляясь на хищничество, абазины выбирали *беллати* — проводника, которымъ могъ быть человѣкъ, прошедшій огонь и воду. Для того, чтобы быть беллати, недостаточно одной отчаянной храбрости, но онъ долженъ быть хитеръ, остороженъ и очень чутокъ: отъ него зависитъ успѣхъ или неудача похода. Беллати долженъ знать каждую тропинку, каждый шагъ въ горахъ и помнить всѣ броды въ рѣкахъ.

Собравшись въ набѣгъ, партія съ разсвѣтомъ оставляла родной аулъ и отправлялась прежде всего въ заповѣдную рощу, оставляя коней при входѣ въ нее. Тамъ каждый старшина, окруженный своими одноаульцами, выбиралъ себѣ священный дубъ, втыкалъ въ него крестообразно двѣ шашки, а между ними кинжалъ, читалъ предбитвенную молитву, повторяемую всѣми остальными собравшимися, съ акомпаниментомъ ладошъ. По окончаніи молитвы старшина вынималъ кинжалъ, клялся надъ нимъ, что не будетъ щадить врага

---

[1] Очеркъ устройства общественно-политическаго быта Абхазіи и Самурзакани, Сбор. свѣд. о кавказс. горцахъ выпускѣ III изд. 1870 г. Еще объ Абхазіи Чернышева. Кавказъ 1854 г. № 83. Воспоминанія кавк. офицера Рус. вѣст. 1864 г. № 9. Съ сѣверо-восточнаго прибрежья Чернаго моря Аверкіева. Кавказъ 1866 г. № 72 и 74. Абхазія и Цебельда Ф. Завадскаго. Кавказъ 1867 г. № 61 и 63.

умретъ какъ умирали его предки, и цѣловалъ клинокъ, что исполняли и всѣ его сотоварищи.

Способъ дѣйствій абазиновъ, при нападеніи и отступленіи, ихъ взглядъ на военную славу, одинаковъ съ черкесами. Но нельзя пройти молчаніемъ ту особенность, которая замѣчается у абазиновъ при наказаніи труса или бѣглеца съ поля сраженія. Виновный въ такомъ поступкѣ связывался ремнями, и выводился на средину улицы въ толпу собравшихся зрителей. Жена, а если нѣтъ, то сестра его принимала отъ старшины плеть и, подъ пронзительный вой туземной музыки, отсчитывала нѣсколько ударовъ по плечамъ виновнаго и концомъ своей чадры вытирала ему глаза, хотя бы на нихъ и не было слезъ, давая тѣмъ знать, что трусъ не лучше бабы.

— Сестры, посмотрите его, говоритъ исполнявшая обрядъ, обращаясь къ однѣмъ только женщинамъ.

— Нѣтъ! отвѣчаютъ тѣ, мы можемъ только пожалѣть его...

— Я, говоритъ одна, дарю ему свои шальвары.

— А я старую чадру...

— А я, перебиваетъ третья, фустанелу.

Все подареное приносилось на мѣсто наказанія, на виновномъ разрывали черкеску, одѣвали въ женскія лохмотья, сурмили ему брови, румянили лицо, обрекали на изгнаніе и, концомъ наколеннаго кинжала, выжигали на лбу труса треугольный знакъ. Въ слѣдъ за тѣмъ несчастный, при звукахъ музыки, выгонялся женщинами изъ аула палками (1).

---

(1) Достовѣрные разсказы объ Абазіи В. Савинова. Пантеонъ 1850 г. № 9.

СВАНЕТЫ (ШАНЫ).

I.

Краткій топографическій очеркъ мѣстности. — Нѣсколько словъ объ экономическомъ бытѣ сванетовъ. — Раздѣленіе страны на Дадіановскую, Княжескую и Вольную. — Сословія, существовавшія у сванетъ.—Народное управленіе.—Юридическое устройство и судъ.

По сосѣдству съ абхазскимъ племенемъ и на востокъ отъ него, въ верховьяхъ р. Ингура и его притоковъ, поселились сванеты, народъ до сихъ поръ еще мало извѣстный, по крайней ограниченности сообщенныхъ о немъ этнографическихъ свѣдѣній.

Сванеты сами себя называютъ *шанъ*, а страну ими населяемую *Шванаръ*.

Глубокая котловина Сванетіи ограничена: съ сѣвера главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, отъ горы Балтыкая до Адырса; къ востоку тѣмъ же хребтомъ, отъ Адырса до горы Паси-мта, а къ западу хребтомъ горъ, раздѣляющимъ воды р. Ингура отъ р. Кодоръ.

Сванетія составляетъ, такъ сказать, ключъ системы водъ, вливающихся въ Черное море. Изъ ребръ ея горъ вытекаетъ Ріонъ, Ингуръ, Цхенис-Цхали—главныя рѣки восточнаго бассейна Чернаго моря.

Горы, замкнувшія Сванетію со всѣхъ сторонъ, отдѣляютъ ее на сѣверѣ и востокѣ отъ карачаевцевъ, кабардинцевъ и осетинъ; съ запада—отъ Абхазіи, а съ юга—отъ Мингреліи. Собственно границею между Мингреліею и Сванетіею служитъ р. Еци, впадающая, въ 15 верстахъ отъ Джаваръ, въ Ингуръ съ правой стороны.

Часть сванетовъ, поселившаяся въ верховьяхъ р. Цхенис-Цхали и бывшая прежде подвластною владѣтелямъ Мингреліи, называется *Дадіановскою* Сванетіею. Остальное населеніе, размѣстившееся по верховьямъ Ингура и

*

многочисленнымъ его притокамъ, раздѣляется на *Вольную* и *Княжескую* Сванетіи.

Страна эта есть одна изъ самыхъ возвышенныхъ мѣстъ, обитаемыхъ въ горахъ Кавказа, и представляетъ собою ущелье, обнесенное со всѣхъ сторонъ горами и простирающееся въ длину до 110, а въ ширину до 50 верстъ, съ населеніемъ до 11 т. душъ жителей.

Въ самомъ низу ущелья, по всему его протяженію, протекаетъ р. Ингуръ, принимающая въ себя до 17 съ правой и до 14 съ лѣвой стороны большихъ и малыхъ притоковъ, то картинно падающихъ съ отвѣсныхъ и высокихъ скалъ, то бѣшено пробивающихъ сердце горъ и вырывающихся изъ ущельевъ, образуемыхъ хребтами.

Характеръ самаго Ингурскаго ущелья не походитъ на другія ущелья Кавказа. Протянувшись на 75 верстъ, оно образуетъ проходъ не болѣе какъ отъ 5 до 10 саж. шириною, гдѣ, у самыхъ береговъ рѣки, поднимаются отвѣсныя скалы самаго суроваго вида, возвышающіяся надъ Ингуромъ на 100 и на 200 саженъ.

Суровость скалъ и самаго ущелья иногда смѣняется разнообразными видами богатой растительности, на небольшихъ полянкахъ, попадающихся при впаденіи въ Ингуръ его притоковъ. Здѣсь ростетъ мелколиственная пальма, каштанъ, стройный букъ и высоко подымающіяся хвойныя породы лѣса, а подъ ними пріютились рододендронъ, остролистъ и т. п.

По всему протяженію р. Ингура нѣтъ ни одного брода. Теченіе его грозно, быстро и воды его мутны; онъ то пѣнится, то клубится по сжатому руслу, задерживаясь на каждомъ шагу огромными массами сваливающихся скалъ, которыхъ паденіе отдается выстрѣломъ по окрестнымъ горамъ.

Замкнутая въ котловинѣ Кавказскаго хребта, Сванетія считается однимъ изъ самыхъ дикихъ мѣстъ Кавказа, какъ въ топографическомъ отношеніи, такъ и относительно нравовъ ея жителей. Въ топографическомъ отношеніи Сванетія занимаетъ центральное положеніе въ западномъ Кавказѣ, до того изолированное, замкнутое, что страна эта представляется какъ бы уединеннымъ островомъ среди цѣлаго океана горъ. Такая замкнутость имѣла и имѣетъ большое вліяніе на характеръ, нравы и обычаи народа. Сванетъ также недоступенъ и дикъ, какъ недоступна и дика природа его окружающая. Доступъ въ нее возможенъ только въ теченіе короткаго лѣта и почти прекращается въ теченіе продолжительной зимы.

Въ Сванетію можно проникнуть со стороны Мингреліи и со стороны Кабарды. Двѣ дороги, ведущія отъ Мингреліи, весьма неудобны и трудны, а съ октября по май вовсе непроходимы даже и для пѣшеходовъ. Со стороны Кабарды идутъ въ Сванетію также двѣ дороги: одна отъ карачаевцевъ, а другая отъ чегемцевъ; обѣ онѣ хотя и затруднительныя, но проходимыя во всякое время года.

Мингрельская дорога, на протяженіи болѣе ста верстъ, не только не имѣетъ

жилья, но тропа ея то и дѣло теряется то въ быстрыхъ водахъ Ингура, то передъ скалами, то въ пропастяхъ. «Часто одинъ только корень дерева служитъ сообщеніемъ черезъ бездонную разсѣлину, часто только ловкость, сила и опытность проводниковъ могутъ поднять путника на отвѣсный утесъ, а тамъ, на вершинѣ горъ, вьюга, мятель могутъ погубить и схоронить его въ глубокихъ снѣгахъ, вдругъ наносимыхъ вѣтромъ».

Крутые скаты горъ, покрытые снѣгомъ, представляютъ очень часто возможность спуститься только однимъ способомъ, хотя и общеупотребительнымъ на Кавказѣ, но, тѣмъ не менѣе, крайне опаснымъ. Проводники складываютъ въ четверо свои бурки, кладутъ ихъ на снѣгъ, садятся на нихъ сами и, протянувъ ноги въ видѣ дышла, спускаютъ такимъ образомъ путешественниковъ.

Случается пробираться по берегамъ рѣкъ тамъ, гдѣ горы обрываются такъ отвѣсно, что ни идти по нимъ, ни обойти ихъ нѣтъ никакой возможности, и тогда, по-необходимости, пробираются подлѣ самыхъ пѣнящихся волнъ рѣки. При высокой водѣ и этотъ путь невозможенъ; тропа, имѣющая ширину одного фута, покрывается тогда водою.

Путнику часто приходится то пробираться черезъ густые лѣса, то подыматься тысячъ на девять футъ надъ поверхностію моря, въ такія мѣста, гдѣ прекращается растительность, то спускаться на 3 т. футъ въ боковыя тѣснины. Надо много навыка и вѣрный глазъ, чтобы не запутаться въ лабиринтѣ горъ; необходима привычка, чтобы двигаться по карнизамъ скалъ, висящихъ надъ бездной, спускаться по обрывистымъ и почти отвѣснымъ ребрамъ горъ, переправляться черезъ клокучіе потоки и спускаться нѣсколько саженъ на желѣзныхъ крючьяхъ, держась за веревку. Переправы черезъ рѣку совершаются по первобытнымъ туземнымъ мостамъ: нѣсколько перекладинъ, перевитыхъ дырявымъ плетнемъ, составляютъ мостъ, не имѣющій перилъ. Не смотря на то, что подобные мосты качаются отъ всякой тяжести, и что часто перекинуты надъ бездною, они до такой степени эластичны и прочны, что наши войска переправлялись по нимъ съ обозами и артиллеріею.

Непогоды въ горахъ производятъ ужасное дѣйствіе. Съ появленіемъ тучъ, громовые удары, непрерывно повторяемые ущельями, потрясаютъ горы своими раскатами; гроза набѣгаетъ мгновенно; молнія, разсѣкая воздухъ по разнымъ направленіямъ, ударяетъ въ стоящую на вершинѣ огромную одинокую сосну, или раскалываетъ ее въ дребезги, или охватываетъ пламенемъ (1)...

Въ климатическомъ отношеніи, долина Ингура и притоки Цхенис-Цхали чрезвычайно различны. Въ послѣдней растетъ хлѣбъ всякаго рода, фруктовыя деревья, виноградъ въ изобиліи, кленъ, чинаръ, дикая черешня, каштаны, яблоки и груши. Густые лѣса этой мѣстности обвиты хмѣлемъ, плющемъ и

---

(1) Сванетія изъ записокъ кн. Шаховскаго и Нумеровича-Данченки. Кавк. 1846 г. № 44. Сванетія Д. Бокрадзе. Кавк. 1861 г. № 1. Сванетія. Кавк. 1858 г. № 2. Поѣздка въ Вольную Сванетію Бартоломея. Зап. кавк. от. И. Р. Геогр. общ. книга III.

представляютъ во многихъ мѣстахъ, въ особенности по берегамъ рѣкъ, великолѣпные, почти дѣвственные лѣса, по которымъ сванетъ пробирается съ топоромъ въ рукѣ. По скатамъ горъ находятся отличныя пастбища, прерываемыя во многихъ мѣстахъ строевымъ лѣсомъ.

Подвигаясь по долинѣ Ингура, по мѣрѣ поднятія, чѣмъ ближе къ Эльбрусу, тѣмъ климатъ и самая мѣстность дѣлается болѣе суровою. Здѣсь уже не видно винограда; кромѣ дикихъ яблоковъ и грушъ, другіе фрукты неизвѣстны; сосна, ель и мелкая корявая береза составляютъ одни всѣ лѣса, которые тянутся по скатамъ горъ и въ ущельяхъ. Берега Ингура покрыты тощимъ кустарникомъ и изрѣдка лиственнымъ лѣсомъ, орѣшникомъ, дубомъ и липою.

Въ самыхъ возвышенныхъ мѣстахъ пшеница не ростетъ вездѣ, и во многихъ селеніяхъ жители сѣютъ одинъ ячмень.

Къ обработкѣ полей приступаютъ не ранѣе іюня, потому что только къ этому времени кончается таяніе снѣга. Такъ, въ селеніи Жибіани съ 15-го іюня начинается сѣнокосъ, а начало жатвы бываетъ не ранѣе сентября. Здѣсь сѣютъ исключительно ячмень и, большею частію, не ожидаютъ его зрѣлости, а, чтобы онъ доспѣлъ, кладутъ въ овины и не молотятъ до тѣхъ поръ, пока онъ хорошенько не промерзнетъ. Посѣвы ржи въ самой верхней долинѣ Ингура попадаются рѣдко, а огородной зелени совершенно нѣтъ. Ниже впаденія въ Ингуръ рѣчки Квириши и Местія-джалай, въ обществѣ Местія, рожь уже начинаетъ преобладать передъ прочими посѣвами и появляется просо.

Вообще Дадіановская Сванетія, лежащая не выше трехъ тысячъ футовъ надъ поверхностію моря, пользуется умѣреннымъ климатомъ; жители ея смуглы и черты лица ихъ мягки. Въ Вольной Сванетіи климатъ суровъ, зима настаетъ нерѣдко въ половинѣ октября, и жители ея большею частію бѣлокуры, съ суровыми чертами лица. Впрочемъ, въ Сванетіи, какъ и во всякой горной странѣ, много климатическихъ особенностей, въ зависимости отъ которыхъ находится и земледѣліе ея жителей. Склонные къ земледѣлію, сванеты содержатъ свои поля очень чисто и въ нихъ плевела попадаются весьма рѣдко.

Сванетія болѣе населена и лучше обработана, чѣмъ многія изъ горскихъ владѣній. Ничтожность промышленности заставила народъ обратиться къ единственному источнику пропитанія и богатства — хлѣбопашеству, и надо сказать, что трудъ землевладѣльца вознаграждается достаточно. Въ теченіе пяти весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ, сванеты нѣкоторыхъ обществъ успѣваютъ два раза косить сѣно; въ августѣ убираютъ хлѣбъ, а въ сентябрѣ сѣютъ озимую пшеницу.

Здѣсь земледѣліе составляетъ главное богатство жителей. Земли у нихъ достаточно, и каждый, имѣя свой участокъ, можетъ продать его не иначе, какъ

съ согласія родственниковъ. Иногда владѣлецъ, отдавая свою землю въ аренду, пользуется половиною урожая.

Неудобство сбыта хлѣба и лѣнь заставляетъ каждаго домохозяина сѣять столько, сколько нужно для пропитанія семейства, тѣмъ болѣе, что большая часть пашни доступна только для пѣшехода, и то съ трудомъ. Пашни обрабатываются не плугомъ, а кирками; сѣнокосныя мѣста орошаются водопроводами. Перевозка дровъ, хлѣба и сѣна совершается лѣтомъ и зимою на полозьяхъ. Не смотря на тучность и обиліе луговъ, скота мало, потому что для домохозяина весьма затруднительно содержать его въ теченіе продолжительной и суровой зимы. Скотомъ ихъ снабжаетъ Мингрелія и кавказскіе народы, обитающіе по сѣверному скату Главнаго хребта.

Сами сванеты содержатъ стадо козъ, но незначительныя стада ихъ рогатаго скота отличаются хорошимъ качествомъ и ростомъ. Лошадей очень мало. Во всей Вольной Сванетіи, по показанію Бартоломея, считалось отъ 12 до 20 лошадей. Лошадей туземцамъ замѣняютъ волы, которые запрягаются въ сани и зимой, и лѣтомъ; въ Вольной Сванетіи не знаютъ о существованіи колеса.

Лѣсомъ владѣютъ каждый порознь и никто не можетъ пользоваться чужимъ участкомъ безъ согласія на то хозяина; за право пользованія имъ платится десятая часть. Въ лѣсахъ очень много дикаго меда; возвышенности горъ наполнены турами и дикими козами, а рѣки изобилуютъ рыбою, въ особенности форелью, но о рыболовствѣ сванеты не имѣютъ понятія.

Вся торговля ихъ находится въ рукахъ евреевъ—лахамульцевъ, живущихъ въ числѣ 50 дворовъ, въ Княжеской Сванетіи. Не смотря на то, что лахамульцы исповѣдуютъ христіанскую религію, говорятъ мѣстнымъ языкомъ и имѣютъ поповъ, сванеты ненавидятъ ихъ, не имѣютъ съ нимъ сообщенія и никто не станетъ ѣсть не только вмѣстѣ съ лахамульцемъ, но не будетъ ѣсть даже мяса отъ зарѣзанной имъ скотины.

Сами сванеты занимаются торговлею очень мало: накупивъ ситца, бумажныхъ матерій и прочихъ издѣлій, сванетъ несетъ ихъ на себѣ на сѣверную сторону горъ, въ Карачай, Уруспій, Чегемъ и Хуламъ, гдѣ продаетъ или вымѣниваетъ на войлоки, бурки и черкески. Все это тащитъ обратно въ Лечгумъ на продажу, и на вырученныя деньги покупаетъ себѣ въ Мингреліи одежду, соль, желѣзо, мѣдь, перецъ, серебряную монету, табакъ и проч.

Собственныя мѣстныя произведенія сванета отличаются грубостію и неизяществомъ рисунка. Приготовляемыя ими, напримѣръ, корзины изъ березовой коры имѣютъ самыя грубыя формы.

Сванетъ крайне лѣнивъ, оттого и бѣденъ.

Во многихъ обществахъ земля производительна, и, при небольшомъ трудолюбіи и малыхъ потребностяхъ туземца, онъ могъ бы имѣть все въ чемъ нуждается, но сванетъ предпочитаетъ праздность труду и, работая только

въ теченіе весны и короткаго лѣта, обращаетъ зиму въ непрерывный праздникъ. Кромѣ того, жители, подъ страхомъ штрафа, не работаютъ въ теченіе трехъ дней недѣли: пятницу, субботу и воскресенье и точно также не работаютъ во всѣ церковные праздники.

Сванетія раздѣляется, какъ мы сказали, на *Дадіановскую*, *Княжескую* и *Вольную*.

Все почти населеніе Дадіановской Сванетіи расположено по теченію верхняго Цхенис-Цхали и сосредоточено въ трехъ деревняхъ: Лентехи, Чолури и Лашкети. Къ нимъ присоединяется еще небольшая деревушка Холета, имѣющая около 20 домовъ, поселенныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Хеледулы, верстахъ въ пяти отъ Лентехи.

Слово деревня въ Сванетіи имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ у насъ; оно почти всегда обозначаетъ совокупность нѣсколькихъ деревушекъ, отъ пяти до двадцати домовъ вмѣстѣ, разбросанныхъ на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ. Такъ что слово деревня гораздо правильнѣе замѣнить названіемъ *общества*.

Лентехи составляли прежде собственность самого Дадіана; *Чолури*—Горбхазовыхъ, а *Лашкети*—князей Гелуани. Оба послѣдніе находились подъ властію владѣтеля Мингреліи. Дадіановская Сванетія раздѣлилась на двѣ части, причисленныя къ двумъ лечгумскимъ округамъ, и управлялась начальниками, поставленными владѣтелемъ Мингреліи.

Дадишкеліановская или, такъ называемая, *Княжеская* Сванетія ограничена: съ сѣвера и сѣверо-востока землями карачаевцевъ и цебельдинцевъ, къ юго-западу Абхазіею, Самурзаканью и Мингреліею; къ юго-востоку Мингреліею и Дадіановскою Сванетіею. Кромѣ пяти деревень, съ населеніемъ не болѣе 40 домовъ, расположенныхъ въ долинѣ Цхмари, все остальное народонаселеніе Княжеской Сванетіи поселилось на правомъ берегу рѣки Ингура, у подошвы Кавказскаго хребта, по склону узкихъ террасъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга глубокими оврагами, спускающимися къ Ингуру. Эта часть Сванетіи, въ пятидесятыхъ годахъ, принадлежала двумъ князьямъ Дадишкеліани: Константину и Николаю, и состоитъ изъ пяти обществъ: *Чубу-хеви* (6 деревень съ 625 д. обоего пола), *Пари* (8 деревень съ 643 д. обоего пола), *Ецери* (13 деревень съ 83 дворами), *Цхомари* (6 деревень съ 38 дворами) и *Бечо* (9 деревень съ 56 дворами). Каждое общество, какъ видно, состоитъ изъ нѣсколькихъ деревень и отдѣляется одно отъ другаго естественными границами, т. е. переваломъ или оврагомъ.

Восточнѣе Княжеской Сванетіи находится *Вольная Сванетія*, состоящая изъ 11 обществъ, расположенныхъ по теченію рѣки Ингура, отчасти по рѣкѣ Мульхре и ихъ притокамъ. Начиная съ восточной стороны, до самой Княжеской Сванетіи, общества эти расположены въ слѣдующемъ порядкѣ: общество *Ушкуль*, состоящее изъ четырехъ деревень съ 67 дворами и съ населеніемъ, слишкомъ перемѣшаннымъ съ имеретинами; *Адышское* — изъ

одной деревни съ 14 дворами; *Кальское* — изъ шести деревень съ 50 дворами; *Ипарское*—три деревни съ 63 дворами; *Црюмское*—изъ шести деревень съ 28 дворами; *Эльское*—изъ трехъ деревень съ 11 дворами. Сѣвернѣе этихъ обществъ, въ долинѣ рѣки Мульхре, находится четыре общества: *Мужальское*, состоящее изъ трехъ деревень съ 27 дворами и *Мухахское*—изъ семи деревень съ 82 дворами; *Местійское* — изъ четырехъ деревень съ 69 дворами и *Ленжерское*—изъ пяти деревень съ 50 дворами. При сліяніи рѣки Мульхре съ Ингуромъ расположено *Латальское* общество, состоящее изъ 11 деревень съ 78 дворами (¹).

Самимъ сванетамъ дѣленіе это не извѣстно. Они знаютъ дѣленіе на общества и называютъ Княжескую Сванетію *Чубу-хеви*, а Вольную *Джабе-хеви* т. е. верхняя и нижняя долина.

Сказать что нибудь опредѣленное о прошлой судьбѣ сванетъ и ихъ происхожденіи чрезвычайно затруднительно, по недостатку научныхъ изслѣдованій. По свидѣтельству грузинскихъ лѣтописцевъ, Сванетія входила нѣкогда въ составъ Грузинскаго царства, а съ распаденіемъ его находилась подъ властію царей имеретинскихъ. При грузинскихъ царяхъ, Сванетія управлялась эриставами, изъ которыхъ послѣднимъ, сколько извѣстно, былъ Гелуани, назначенный Багратомъ Великимъ.

Верхніе сванеты, жившіе въ долинѣ Ингура, первые отдѣлились изъ подъ власти имеретинскаго царя и стали независимыми, а когда Мингрелія объявила себя также независимою отъ Имеретіи, то нижняя Сванетія, вмѣстѣ съ Лечгумомъ, перешла подъ власть Дадіановъ.

При царяхъ грузинскихъ въ Сванетіи существовали князья и дворяне, владѣвшіе крестьянами, но, съ пріобрѣтеніемъ жителями верхней Сванетіи самостоятельности, зависимыя сословія отказались отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ. Этотъ отказъ породилъ междоусобную войну. Большая часть деревень, расположенныхъ по рѣкамъ Мульхре и Калларѣ, вырѣзавшая своихъ князей и дворянъ, стала жить независимо и послужила основаніемъ къ образованію такъ называемой *Вольной* Сванетіи. Жившія же къ западу отъ нихъ деревни, и расположенныя по рѣкѣ Ингуру, остались подъ властью князей Гелуани, которые, какъ разсказываютъ, были выгнаны князьями Дадишкеліанами. Послѣдніе считаютъ себя выходцами изъ Дагестана; другіе-же говорятъ, что кн. Дадишкеліани переселились въ Сванетію изъ Гуріи. Самое же вѣрное предположеніе о происхожденіи Дадишкеліановъ принадлежитъ, по нашему мнѣнію, П. К. Услару, который предполагаетъ, что фамилія эта произошла отъ прибавленія весьма употребительнаго въ картвельскихъ нарѣчіяхъ слова *дадашъ* къ родовому имени Гелуани.

(¹) Сванетія Д. Бакрадзе Зап. кав. отд. Им. географ. общ. кн. VI. Въ поправкѣ къ статьѣ Бакрадзе, сдѣланной въ той-же книжкѣ записокъ, вмѣсто обществъ Пари и Чубу-хеви показано четыре общества: *Майжинское*, *Лахмульское*, *Лагаръ-Загарнынское* и *Чеби-хевское*.

Среди междоусобной брани, тянувшейся почти безпрерывно, вліяніе князей Дадишкеліани не могло значительно распространяться на жителей Вольной Сванетіи. Только по временамъ, когда вражда стихала на время, и оставался господствующимъ одинъ изъ Дадишкеліановъ, тогда вольные сванеты были покоряемы. Въ Сванетіи и до сихъ поръ помнятъ одного Отара Дадишкеліани, овладѣвшаго всѣми деревнями по долинѣ Ингура.

Послѣ Отара, нѣкоторые изъ его потомковъ также успѣвали временно подчинить своей зависимости нѣкоторыя изъ обществъ Вольной Сванетіи. Такъ Леванъ хитростію покорили своей власти Латальское общество, заковавъ въ желѣзо позванныхъ къ нему въ гости 86 человѣкъ латальцевъ, по одному съ каждаго двора.

Такимъ образомъ, зависимость сословій произошла при содѣйствіи самой грубой силы, имѣющей всегда верхъ и преимущество надъ слабостію. Сванеты всегда жили вмѣстѣ, нераздѣльно и часто въ одномъ домѣ, огромными фамиліями. Семейство болѣе многочисленное было, естественно, сильнѣе, пріобрѣтало вліяніе надъ слабѣйшими, и если продолжительность поддерживала эту власть, то она становилась законною.

Послѣднимъ способомъ фамилія князей Дадишкеліани захватила власть въ свои руки и удержалась потому только, что когда власть ихъ надъ народомъ достигла наибольшаго развитія, то они стали дѣлить членовъ каждой фамиліи и, дробя ихъ, не дали образоваться другой равносильной имъ власти.

Отъ этого одни только Дадешкиліани сохранили свои княжескія права, которыя, однако-же, не распространяются за предѣлы Княжеской Сванетіи; въ Вольной Сванетіи нѣтъ вовсе князей, а есть только потомки дворянскихъ или *азнаурскихъ* родовъ. Въ прежнее время азнаурамъ принадлежали крестьяне и имѣнія, и «едвали, говоритъ Бокрадзе, не большая часть обществъ Вольной Сванетіи составляли собственность помѣщиковъ».

Теперь-же дворяне не владѣютъ крестьянами, но не утратили сознанія своего аристократическаго происхожденія, не слились съ массою народа. Дворянинъ сохранилъ все-таки нѣкоторую кичливость характера, а простолюдинъ уступчивость.

Не отличаясь въ образѣ жизни отъ простаго народа, азнауры одѣваются чище и опрятнѣе, роднятся только между собою; жены ихъ не имѣютъ сношенія съ женами простолюдиновъ, считая это для себя низкимъ; хоронятъ своихъ родственниковъ на отдѣльномъ кладбищѣ и имѣютъ рабовъ, покупаемыхъ у сосѣднихъ народовъ.

Впрочемъ въ Сванетіи каждый можетъ имѣть раба, если только позволяютъ средства.

Относительно потомковъ прежнихъ своихъ крестьянъ, азнауры сохранили только весьма слабое вліяніе. Крестьяне разъ въ годъ угощаютъ своего дворянина и, въ случаѣ кровомщенія, платятъ имъ двѣ крови за одну, вотъ и всѣ права азнауровъ. Въ Дадіановской Сванетіи населеніе до такой степени

перемѣшано съ мингрельцами, что потеряло свой типъ, говоритъ чужимъ языкомъ и удерживаетъ образъ жизни и обычаи мингрельцевъ. Въ этой части Сванетіи и зависимыя сословія были тѣ же и пользовались почти одинаковыми, даже нѣсколькими большими правами съ кореннымъ населеніемъ Мингреліи. Податьми и службою они были обложены гораздо менѣе, чѣмъ крестьяне, Одиши.

Кромѣ обработки нѣсколькихъ небольшихъ участковъ земли, принадлежавшихъ лично Дадіану, и содержанія пограничныхъ карауловъ, съ цѣлой деревни бралось въ годъ только отъ 5 до 7 штукъ рогатаго скота, и въ этомъ заключались всѣ подати. Дадіаны мингрельскіе всегда ласкали своихъ сванетовъ, какъ людей храбрыхъ, и въ прежнее время выбирали изъ нихъ тѣлохранителей.

Не то было въ Княжеской Сванетіи; здѣсь зависимость перешла въ рабство. Случалось-ли радостное или горестное событіе въ домѣ князя—собирали съ крестьянина разные поборы; родился-ли, женился или умиралъ одинъ изъ князей—съ народа опять брали разныя разности. За каждую вину и проступокъ князья накладывали въ свою пользу штрафъ, иногда весьма значительный. Князья установили плату за раздѣлъ, за позволеніе жениться и присвоили себѣ право продавать ежегодно очереднаго мужчину и женщину въ рабство въ горы. Производя разбирательсто и судъ, Дадишкеліани установили въ свою пользу нѣкоторый родъ пени. Всѣ эти налоги составляли единственный источникъ жизни князей и средства къ ихъ существованію.

Въ Вольной Сванетіи, гдѣ не было сословій, тамъ, въ большей части случаевъ, оружіе замѣняло всѣ законы, обычаи и судъ. Сванетъ все бралъ съ боя, даже и наслѣдство. Въ рѣдкихъ только случаяхъ сванеты прибѣгали, въ спорныхъ и тяжебныхъ дѣлахъ, къ суду посредниковъ. Всѣ же дѣла, относившіяся до общественныхъ вопросовъ, рѣшались обществомъ.

По приглашенію выборнаго старшины, собирается вся деревня отъ мала до велика, приходятъ даже женщины и дѣти. На собраномъ мѣстѣ, бывающемъ обыкновенно на площади или по близости деревни, поднимается шумъ и споры; каждый подаетъ свое мнѣніе и защищаетъ его. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ.

Спорныя дѣла частныхъ лицъ разбираются словеснымъ судомъ посредниковъ, выбираемыхъ тяжущимися, по шести судей съ каждой стороны. Посредники совѣщаются секретно, принимая мѣры къ тому, чтобы ихъ не подслушали. Не высказывая своего рѣшенія, они заставляютъ обѣ стороны присягнуть въ безусловномъ его исполненіи. Присяга имѣетъ у сванетовъ большое значеніе: безъ нея невозможны ни примиреніе враждующихъ, ни плата за кровь. Присягаютъ непремѣнно при образѣ въ церкви или внѣ ея. Въ важныхъ случаяхъ присягаютъ при тѣхъ образахъ, которыхъ болѣе всего боятся. Первое мѣсто занимаетъ, въ этомъ отношеніи, образъ или вода св. Квирика.

Клятва обыкновенно совершается такъ: сванетъ становится передъ образомъ и бросаетъ въ него пулю.

— Если измѣню, говоритъ онъ при этомъ, то да поразитъ меня эта пуля.

Священникъ, поднявъ пулю, бросаетъ ее въ клянущагося и суевѣріе народа дѣлаетъ то, что клятва эта никогда или очень рѣдко нарушается. Ослушаться рѣшенія посредниковъ, по понятію сванета, значитъ навлечь на себя гнѣвъ образа и несчастіе не только присягавшему, но его семейству, дѣтямъ и внукамъ. Самымъ страшнымъ наказаніемъ сванеты считаютъ умопомѣшательство (¹).

II.

Религія сванетовъ. — Духовенство. — Обрядъ богослуженія. — Народное суевѣріе. — Гаданіе.

Можно сказать, что всѣ сванеты крещены, но далеко нельзя сказать, что всѣ они христіане. Нужно многія усилія и значительное время для того, чтобы очистить отъ языческаго элемента религіозныя и нравственныя ихъ воззрѣнія. Но въ Сванетіи сдѣлать это гораздо легче, чѣмъ среди другихъ горскихъ племенъ, потому что въ основаніи религіозныхъ воззрѣній этого народа лежатъ все-таки истины христіанскаго ученія, хоть и въ искаженномъ видѣ.

Сванеты считаютъ себя христіанами и убѣждены, что они обращены въ христіанство въ первомъ вѣкѣ, самимъ Іисусомъ Христомъ, и что съ тѣхъ поръ не измѣняли своей религіи.

Что сванеты въ прежнее время исповѣдывали христіанство, это неоспоримо, точно также какъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что нѣкогда христіанство у нихъ находилось въ широкомъ развитіи.

Множество сохранившихся, въ развалинахъ церквей, церковныхъ книгъ на древнемъ грузинскомъ языкѣ, писанныхъ на пергаментѣ и восходящихъ къ 8, 9 и 10 вѣкамъ; существованіе въ народѣ особаго сословія *пʼаповъ*, священниковъ или церковнослужителей, и наконецъ сохранившіеся обряды богослуженія—имѣющіе чисто христіанскій отпечатокъ—все это неопроверженные свидѣтели, что сванетамъ не было чуждо христіанское ученіе.

Въ настоящее время христіанство обратилось у сванетовъ въ чистое идоло-

(²) Сванетія Дм. Бокрадзе. Кавк. 1861 г. № 4.

поклонство. Они уважаютъ сохранившіеся образа, приписываютъ каждому изъ нихъ какое нибудь особое свойство и почитаютъ Спасителя, Богородицу, св. Георгія и архангела Гавріила. При видѣ иконы, на лицѣ сванета выражается благоговѣніе; но, молясь, онъ не крестится и не снимаетъ шапки; считаетъ себя недостойнымъ, какъ грѣшникъ, поцѣловать икону, а при видѣ ея чмокаетъ губами, какъ бы цѣлуя окружающій ея воздухъ.

Съ потерею письменности, народъ потерялъ способность и умѣнье читать священныя книги, утратилъ настоящій смыслъ религіи, а неграмотные священники, передавая изустно своимъ дѣтямъ обряды религіи, искажали ихъ съ каждымъ поколѣніемъ все болѣе и болѣе. Отсутствіе руководителей и утрата главныхъ догматовъ религіи заставила народъ ограничиться внѣшностью ея, довольствоваться совершеніемъ только наружныхъ обрядовъ и почитаніемъ нѣкоторыхъ святыхъ, сохранившихся въ народной памяти. Въ понятіи народа, каждый образъ пріобрѣлъ значеніе божества и каждая церковь составляетъ предметъ глубокаго уваженія. Никогда не было еще примѣра, чтобы изъ церкви пропало что нибудь, не смотря на всю склонность народа къ воровству.

Въ Сванетіи очень много храмовъ; даже и въ самой незначительной деревнѣ находится ихъ по нѣскольку. Особенно наполнена ими Вольная Сванетія.

По преданію народа, церкви эти воздвигнуты грузинскою царицею Тамарою, которую сванеты считаютъ знаменитѣйшею женщиною послѣ Божіей Матери. Многіе увѣряютъ, что поясъ и локоны Тамары до сихъ поръ хранятся въ Вольной Сванетіи.

Главный храмъ въ каждомъ обществѣ отличается своими размѣрами, архитектурою и служитъ ревнивою заботливостію и попеченіемъ о немъ жителей, но за то остальные храмы не обширны, рѣдко вмѣщаютъ въ себя болѣе 80 человѣкъ, а есть такіе, куда могутъ войти не болѣе 10 человѣкъ. Каждый храмъ имѣетъ три отдѣла, изъ которыхъ средній выступаетъ наружу надъ двумя боковыми. Постройка ихъ не отличается отъ обыкновеннаго туземнаго жилья, но они стоятъ уединенно, окруженные каменною оградою, и имѣютъ часто нѣсколько колоколовъ, различныхъ размѣровъ, повѣшенныхъ на брусьяхъ.

Церкви построены изъ грубо-вытесанаго пористаго камня и покрыты тесомъ; большія изъ нихъ имѣютъ портики, образующіе паперти, а нѣкоторыя имѣютъ украшенія, состоящія изъ арабесковъ, крестовъ и головъ разныхъ животныхъ съ рогами. На стѣнахъ однѣхъ изображены святыя, на другихъ фигуры баснословныхъ героевъ въ персидскомъ вкусѣ и борьба ихъ съ разными чудовищами.

Входъ въ храмъ иногда запирается дверью съ рѣзными фигурами и ликами святыхъ. Двери замыкаются массивными желѣзными замками, которыхъ безъ умѣнья невозможно отворить.

При входѣ въ церковь, съ южной стороны устроена трапеза, отличаю-

щаяся своею нечистотою. Вдоль всего потолка церкви, протянуты длинныя жерди, на которыхъ виситъ множество турьихъ роговъ и бараньихъ челюстей, жертвуемыхъ жителями по чувству благочестія и наполняющихъ всѣ церкви Сванетіи, преимущественно Вольной. По угламъ навалены старинные предметы, стрѣлы и шестоперы, кистени и палицы, бунчуки и шлемы, посохи и трехъ-ярусные налои и пр. Оригинальныя деревянныя клѣтки, и въ нихъ вырѣзанные изъ дерева пернатые висятъ на потолкѣ. Въ паперти и иногда внутри, видны остатки костровъ, а кругомъ, въ грудахъ сора, валяются кости—свидѣтели туземнаго обыкновенія разводить здѣсь огонь и варить мясо отъ приносимыхъ въ жертву барановъ и козъ. Оттого стѣны и все находящееся въ церквахъ покрыто густымъ слоемъ лоснящейся копоти. Вообще церкви содержатся весьма нечисто и неопрятно. Жители объясняютъ это тѣмъ, что не слѣдуетъ прикасаться къ святынѣ грѣшными руками, хотя бы и для того, чтобы стереть пыль съ иконъ.

Внутреннія стѣны храма почти всѣ покрыты живописью, состоящею, по большей части, изъ ликовъ святыхъ, и въ двухъ-трехъ мѣстахъ портретовъ какихъ-то царей въ вѣнцахъ. Алтарь вездѣ отдѣляется отъ остальнаго пространства церкви каменнымъ иконостасомъ, увѣшаннымъ иконами въ серебряныхъ окладахъ; каменный иконостасъ состоитъ изъ трехъ сводовъ или арокъ, посреди которыхъ устроенъ входъ въ алтарь; вмѣсто вратъ, завѣса; боковыхъ входовъ нѣтъ. Передъ царскими вратами, посреди храма на каменномъ, четыреугольномъ основаніи, утвержденъ огромный, деревянный крестъ, который, по большей части, заключенъ въ почернѣвшемъ отъ времени серебряномъ окладѣ, на которомъ съ обѣихъ сторонъ находятся изображенія ликовъ нѣкоторыхъ угодниковъ и событій изъ священной исторіи. Алтари очень малы и престолъ почти всегда примыкаетъ къ стѣнѣ. Въ Сванетіи чрезвычайное обиліе образовъ, крестовъ и церковныхъ книгъ. Они ставятся обыкновенно на полкахъ, прибитыхъ къ стѣнамъ храма, приставляются къ иконостасу и привѣшиваются къ большимъ крестамъ. Всѣ они ветхи, отъ многихъ остались только однѣ доски, но есть въ серебряной оправѣ и съ украшеніями изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней. Нѣкоторыя зашиты въ кожи, къ которымъ привязаны разныя погремушки, битыя стекла и колокольчики. Въ числѣ церковной утвари встрѣчаются старыя мѣдныя купели, весьма массивныя, часто спаянныя и имѣющія около 4 футъ высоты. Тамъ же можно встрѣтить множество серебряныхъ кувшиновъ разнаго вида, азарпешъ, блюдъ и чашъ различнаго объема и вѣса.

Самый обрядъ богослуженія совершается только однимъ сословіемъ духовенства. Туземное духовенство составляютъ: *мтавары*, или дьяконы и священники, которые въ нижней Сванетіи носятъ названіе *папи*, а въ верхней — *бапи*.

По объясненію архіепископа Гавріила, *папи* потомки тѣхъ священниковъ, которые были поставлены въ Сванетіи епископами, въ то время, когда Сва-

нетія находилась подъ властію Имеретіи и имѣла своего епископа. Впослѣдствіи, съ отдѣленіемъ отъ Имеретіи и съ развитіемъ смутъ среди народа, и когда некому было поставлять священниковъ, тогда дѣти ихъ, готовившіяся къ духовному званію, сначала отправлялись къ Имеретію, гдѣ и принимали рукоположеніе. «Иногда же, не будучи въ состояніи преодолѣть трудности дороги, или же вовсе не имѣя возможности, по смутному времени, съѣздить туда, стали совершать богослуженіе и церковныя требы безъ епископскаго рукоположенія».

Въ ближайшее къ намъ время, по разсказамъ, въ Мингреліи былъ одинъ священникъ, который, принявъ къ себѣ сванета, училъ его чтенію церковныхъ книгъ и отправлялъ потомъ въ отечество, гдѣ этотъ послѣдній увѣрялъ всѣхъ, что получилъ рукоположеніе. Случалось также, что предпріимчивый сванетъ отправлялся въ Имеретію или Мингрелію, возвращался оттуда будто бы съ частицами священныхъ даровъ и небольшимъ количествомъ масла и увѣрялъ всѣхъ, что то, дѣйствительно, священныя частицы тѣла Христова, а масло — св. мvро.

Существованіе среди народа особаго класса духовенства принесло ту важную услугу, что оно ревниво оберегало свою, хотя и искаженную, религію отъ вторженія всякихъ постороннихъ ученій. Слѣдствіемъ того было то, что сванеты, не смотря на соблазнъ и примѣръ нѣкоторыхъ изъ князей, остались чуждыми магометанскому ученію, пытавшемуся проникнуть къ нимъ съ сѣверваго Кавказа. Такое противодѣйствіе со стороны духовенства значительно облегчило впослѣдствіи крещеніе почти всѣхъ сванетовъ; такъ что въ 1865 году считалось только 300 душъ некрещеныхъ жителей.

Число духовенства въ Сванетіи весьма значительно. Въ одномъ обществѣ епископъ Гавріилъ нашелъ ихъ до 30 человѣкъ. Если въ другихъ обществахъ нѣтъ такого значительнаго числа, то все таки въ каждомъ обществѣ встрѣчается по нѣскольку и нѣкоторые изъ нихъ очень молоды.

Ни одеждой, ни образомъ жизни, духовенство не отличается отъ мірянъ; папи любятъ аракъ (водку) и не пользуются въ народѣ никакимъ уваженіемъ; единственная ихъ привиллегія та, что они не подлежатъ кровомщенію. Живутъ они при церквахъ, часто въ деревянныхъ домахъ, увѣряя, что боги не дозволяютъ имъ запираться въ крѣпости или приростать къ камнямъ.

Папи носятъ оружіе, но снимаютъ его, кромѣ кинжала, при входѣ въ церковь. Въ Ушкульскомъ обществѣ священники вовсе не носятъ оружія, отпускаютъ бороду и одѣваются въ платье, присвоенное нашему духовенству. Тѣ, которые читаютъ священныя книги на грузинскомъ языкѣ и хотя смысла ихъ часто не понимаютъ, считаются уже учеными; нѣкоторые могутъ подписать и свою фамилію гражданскимъ почеркомъ. Большинство же священниковъ неграмотны, знаютъ нѣсколько отрывковъ изъ молитвъ и псалмовъ и не въ состояніи совершать вполнѣ ни одного священнодѣйствія. Духовное званіе наслѣдственно: сынъ священника прямо облекается въ званіе отца. Дворяне счи-

тают унизительнымъ вступать въ духовное званіе, а отъ простаго крестьянина требуется предварительная подготовка. Онъ отдается священнику, который предварительно учитъ его чтенію дома, а пѣнію въ церкви. Мальчикъ, въ вознагражденіе за трудъ, прислуживаетъ наставнику, исполняетъ всѣ его порученія, и, наконецъ, по окончаніи воспитанія и послѣ посвященія, дѣлаетъ ему обѣдъ и даритъ быка или корову.

Посвященіе происходитъ въ церкви, гдѣ вновь посвящаемый, приложившись сначала къ образамъ и къ престолу, подходитъ къ папи, который читаетъ надъ нимъ молитву и окропляетъ водою.

Священники отправляютъ только одну службу, такъ называемую *обѣдню;* вѣнчаютъ, хоронятъ и пріобщаютъ своихъ прихожанъ только одинъ разъ, передъ смертію. При этомъ существуетъ особый обычай, по которому священникъ снабжаетъ причастіемъ на всякій случай стариковъ, при отправленіи ихъ въ дальній путь.

Передъ службою священникъ не долженъ утромъ, до начала литургіи, ни пить, ни ѣсть, ни умываться, ни полоскать рта. Позвонивъ въ колоколъ, *папи* начинаетъ служить часто на открытомъ воздухѣ или въ придѣлѣ заутреню. Литургію совершаютъ иногда вдвоемъ. Еще не такъ давно у сванетовъ имѣли право входить въ церковь только одни старики, но и тѣ, преимущественно, отправлялись туда во время поминокъ. У входа въ церковную ограду, стоитъ большая мѣдная купель, служившая прежде для крещенія, а теперь наполненная водою. Каждый приходящій въ церковь долженъ предварительно умыть этою водою лицо и руки. Постоянной службы въ церквахъ не бываетъ, но папи приходятъ читать нѣсколько кое-какихъ молитвъ, по приглашенію желающихъ лицъ, обязанныхъ при этомъ непремѣнно принести *намзурухъ*—жертвоприношеніе, т. е. доставить барана или что нибудь съѣстное. Послѣ службы устраивается трапеза, и папи, вмѣстѣ съ прихожанами, жарятъ шашлыкъ и пекутъ хлѣбъ.

Священникъ, вмѣсто ризы, кладетъ кусокъ ситцу на голову или на плечо, а иногда надѣваетъ или, лучше сказать, прикрывается грязною тряпкою, и, держа ее обѣими руками за концы, опирается на костыль, для этого имѣющійся въ каждой церкви. Асистентъ его продѣваетъ голову въ такой же грязный *пиревѣнъ* (филонъ), который падаетъ до пояса. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ вмѣсто ризы надѣваютъ бѣлый войлокъ, а вмѣсто эпатрахили употребляютъ веревку, сшитую изъ многихъ кусковъ.

Приносятъ просфору—полусырой небольшой круглый хлѣбъ, съ сдѣланнымъ на немъ крестомъ. Обыкновенный деревянный сванетскій стаканъ на ножкахъ, деревянное же блюдо и заржавленная желѣзная звѣзда замѣняютъ чашу, дискосъ и звѣзду; вмѣсто копья употребляютъ ножъ, а вмѣсто вина водку или медъ. Самая служба продолжается около $1^1/_2$ часа, и состоитъ въ бормотаніи отрывковъ молитвъ, псалмовъ и евангелія, весьма искаженныхъ и перепутанныхъ. Сначала чтеніе начинается съ толкомъ, потомъ слѣ-

дуютъ пропуски и коверканія и къ концу одной молитвы обыкновенно приплетается начало другой. Есть у нихъ и церковное пѣніе, но поютъ они дико и при этомъ смѣшиваютъ начало стиха съ окончаніемъ, конецъ съ серединою, молитвы изъ утрени съ молитвами изъ чина водосвятія. *«Господи помилуй»* замѣняется греческимъ *«киріе-лейсонъ»*.

Не смотря на значительный упадокъ христіанства, слѣды его остались въ отправленіи сванетами немногихъ годовыхъ и, въ значительномъ числѣ, церковныхъ праздниковъ.

Такъ, на разсвѣтѣ, въ день новаго года, одинъ изъ близкихъ семейства приходитъ на дворъ, гдѣ находитъ быка, куль муки и выпеченные хлѣбы. Стоя на дворѣ, онъ громкимъ голосомъ желаетъ семейству счастія въ жизни и обилія скотомъ и хлѣбомъ. Затѣмъ входитъ въ домъ и садится на скамейку. Повторивъ тѣ же пожеланія, хозяинъ и гость садятся за угощеніе. Въ этотъ день всѣ родственники взаимно дарятъ другъ друга и часто лаптями и лучиною. Каждый долженъ непремѣнно обойти всѣ дома, селенія, и если онъ пропуститъ какой-нибудь домъ, то не можетъ бывать въ немъ до крещенья.

Послѣ новаго года, и передъ наступленіемъ великаго поста, сванеты имѣютъ родъ масляницы.

Самый великій постъ въ большомъ уваженіи среди народа. Во все время поста жители не ѣдятъ ничего мяснаго, а употребляютъ въ пищу горохъ, бобы и разныя овощи. Другихъ постовъ сванеты не знаютъ, а въ среду и пятницу постятся только одни *папи*.

Праздникъ Пасхи начинается обѣднею, бывающею предъ разсвѣтомъ. Толпы народа собираются къ церкви со свѣчами, штандартами и трубами. Крестный ходъ (литонія) совершается вокругъ церкви три раза и, по окончаніи его, начинаются ружейные выстрѣлы, причемъ сыплются проклятія на евреевъ. Поздравленія съ праздникомъ состоятъ только въ пожеланіи другъ другу долгоденствія. Пасхальныя свѣчи относятся домой, передаются женщинамъ и берегутся въ теченіе года. Праздникъ продолжается двѣ недѣли. Священники посѣщаютъ каждое семейство. Передъ приходомъ священника запираютъ двери и отпираютъ ихъ только по третьему знаку. У входа священникъ читаетъ изъ евангелія Іоанна: *«въ началѣ бѣ слово и слово бѣ къ Богу»*.... потомъ *«Христосъ вдкресе»*.

Въ первый день Пасхи сванеты служатъ обѣдни за усопшихъ; во второй — собираются на кладбищѣ, гдѣ освящаютъ хлѣбъ, араку, барашковъ и сыръ.

Кромѣ этихъ годовыхъ праздниковъ, сванеты имѣютъ много церковныхъ, и въ такіе дни всѣ работы прекращаются; народъ проводитъ время въ веселіи и попойкѣ.

Туземцы особенно чтутъ святыхъ: Георгія, Квирике и Илію, которому приписываютъ засуху и дожди. Память его празднуютъ въ маѣ и іюнѣ, во

время налива колосьев хлеба. Заколов в честь Илiи козу, шкуру съ нея отдають священнику и молятся объ устраненiи засухи и ниспосланiи во-время дождя.

Праздникъ въ честь Георгiя бываетъ 23-го апрѣля и 10-го ноября, причемъ каждый сванетъ приноситъ лукъ и стрѣлы—символы воина; страдающiе болью въ боку приходятъ на праздникъ съ хлѣбомъ и кровельными досками. Но самый замѣчательный праздникъ сванетъ—день Св. Квирике и Ивлиты, въ честь которыхъ существуетъ монастырь въ Кальскомъ обществѣ. По преданiю, монастырь былъ населенъ только одними монахинями, имѣлъ крестьянъ, свои пашни и лѣса; послѣднiе считаются сванетами священными и употребляются только тогда, когда необходимо построить мельницу или перекрыть кровлю церкви; сванеты такъ почитаютъ образъ Св. Квирике, что вода отъ обмывки этого образа употребляется во всей Сванетiи вмѣсто самаго образа и имѣетъ чудодѣйственное средство въ болѣзняхъ и при присягахъ. Праздникъ этотъ бываетъ 15-го iюля, и кромѣ того въ субботу на свѣтлой недѣлѣ. Народъ стекается отовсюду и многiе изъ благочестiя не рѣшаются войдти въ церковную ограду. Кто далъ обѣтъ, тотъ дѣлаетъ приношенiя: араку, хлѣбъ, крупный и мелкiй скотъ.

Подобно всѣмъ народамъ, не имѣющимъ опредѣленной религiи, и сванеты почитаютъ многiе предметы, имѣющiе, по народному вѣрованiю, или цѣлебное дѣйствiе, или собственную прирожденную имъ святость. Въ одной изъ деревень Ушкульскаго общества хранился прежде кусокъ краски, которую народъ считалъ священною. Разъ въ годъ разводили водою немного этой краски и пекли на ней хлѣбъ, который потомъ, раздѣленный на части, съѣдали въ самомъ храмѣ.

Народъ считаетъ священными нѣкоторые лѣса, принадлежащiе или, лучше сказать, окружающiе развалины церквей. Уваженiе къ такимъ лѣсамъ и рощамъ такъ велико, что какой бы недостатокъ въ лѣсѣ сванетъ не чувствовалъ, онъ не рѣшится вырубить въ немъ ни одного прута. Каждый вѣритъ, что подобный поступокъ навлечетъ на него гнѣвъ Божiй, послѣдствiемъ котораго будетъ самое страшное наказанiе по понятiю сванета—крупнѣйшiй градъ небывалаго размѣра [1].

Отъ священныхъ лѣсовъ сванеты перешли къ обожанiю нѣкоторыхъ лицъ, между которыми преимущество осталось за грузинскою царицею Тамарою, почитаемою ими святою и самою знаменитою женщиною послѣ Божiей Матери. Изъ всѣхъ грузинскихъ царей въ памяти народа сохранился только образъ этой великой женщины.

О царицѣ Тамарѣ у сванетъ сложена пѣсня. «Царица Тамара, гласитъ

---

[1] Поѣздка въ Вольную Сванетiю И. А. Бартоломея. Запис. кавк. отд. Им. Р. Геогр. общ. кн. III. Сванетiя Дм. Бокрадзе тамъ же кн. VI. Сванетiя кн. Лобанова-Ростовскаго. Кавк. 1852 г. № 14. Сванетiя. Кавк. 1858 г. № 2.

она, подобна Божіей Матери. Голова ея увѣнчана золотою діадемою; въ ушахъ висятъ брилліантовыя серьги; на шеѣ одѣто ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней зеленаго и краснаго цвѣтовъ. Вся она облечена въ свѣтоносныя ризы, сіяетъ какъ Божія Матерь. Она приходитъ въ Местію, гдѣ, въ теченіе 6-ти дней, въ честь Пресвятой Дѣвы созидаетъ церковь и украшаетъ ее по образу своему.

«Она говоритъ сванетамъ: я воздвигла вамъ храмъ Бога безсмертнаго. Я не безсмертна. Къ нему единому обращайтесь въ молитвахъ вашихъ и онъ будетъ васъ хранить во имя Іисуса Христа, аминь».

Сванеты разсказываютъ, что, царствуя въ Грузіи, Тамара особенно любила Сванетію, гдѣ часто проводила время, строила церкви и снабжала ихъ иконами. Будучи поразительной красоты, она отдала свою руку и сердце одному осетину. По сказанію народа, Тамара безсмертна, что она и теперь еще жива и что постояннымъ ея мѣстопребываніемъ служитъ подземелье въ Ушкули, подъ церковью Божіей Матери, гдѣ она сидитъ въ кувшинѣ и держитъ въ рукахъ свѣчу. Открыть ее нельзя, потому что тогда Сванетіи угрожаютъ страшныя бѣдствія.

Сванеты разныхъ обществъ сохраняютъ различные предметы, по преданію принадлежавшіе, будто бы, царицѣ Тамарѣ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ показываютъ ея локонъ, въ другомъ — удила, башмакъ, а гдѣ и богатый поясъ. Вольные сванеты считаютъ обязанными Тамарѣ своею свободою.

Сванеты до чрезвычайности суевѣрны; вѣрятъ въ разныя примѣты и сновидѣнія и охотники толковать ихъ. Они обращаютъ вниманіе на различныя предзнаменованія. Сванетъ не пойдетъ иначе на грабежъ, какъ сначала попробуетъ счастія выстрѣломъ по птицѣ, и если не убьетъ ее, то остается дома, съ убѣжденіемъ, что не будетъ ему удачи въ предпріятіи.

Всѣ они отличные стрѣлки, до такой степени, что убить птицу не въ голову считается промахомъ. Дурная погода внушаетъ народу особый страхъ. Появленіе незнакомца во время дождя или посѣщеніе имъ въ такую погоду ихъ церкви, принимается жителями какъ знакъ небеснаго гнѣва. Чтобы не накликать себѣ дождя или грозы во время похода, по понятію туземца, не слѣдуетъ говорить между собою. Отъ этого сванеты обыкновенно ходятъ другъ за другомъ, поютъ духовныя пѣсни про себя и такъ тихо, чтобы передній не слыхалъ задняго и обратно.

Съ наступленіемъ дождливой погоды, они дѣлаются неразговорчивы и прибѣгаютъ къ гаданію. Срывая высокую траву, складываютъ ее по 16 и по 20 стебельковъ вмѣстѣ и ровно обрѣзываютъ концы. Послѣ того они связываютъ на удачу: нижній конецъ стебля съ какимъ попадется верхнимъ, и когда всѣ концы связаны, наблюдаютъ, распадутся ли эти колечки, каждое поодиночкѣ или нѣкоторыя окажутся случайно соединенными по нѣскольку вмѣстѣ. Послѣдній случай дѣйствуетъ на народъ непріятно, потому что, по ихъ повѣрью, это означаетъ, что погода еще не скоро перемѣнится. Этотъ

родъ гаданья одинъ изъ употребительнѣйшихъ въ Сванетіи; онъ употребляется, когда хотятъ опредѣлить исходъ какого-нибудь предпріятія или передъ отправленіемъ на охоту.

Другой способъ гаданья, производимый сванетами ежегодно, происходилъ въ церкви Св. Георгія, стоящей на горѣ близъ селенія Пари. Въ этой церкви хранился прежде лукъ, съ грубо сдѣланными изъ дерева стрѣлами, по увѣренію народа принадлежавшими нѣкогда какому-то святому. Наканунѣ дня праздника въ честь Св. Георгія, народъ со всѣхъ сторонъ сходился къ церкви, и каждая семья выбирала себѣ для гаданія одно мѣсто на стѣнѣ храма. Если стрѣла ударитъ въ то мѣсто, которое было загадано, значитъ въ семьѣ будетъ несчастіе, и обратно (1).

III.

Домъ сванета и его внутренній бытъ.—Народныя увеселенія пѣніе и пляска.—Легенда объ Отарѣ. — Наружній видъ и характеръ. — Одежда. — Бракъ.—Положеніе женщины въ семействѣ. — Рожденіе. — Кровомщеніе. — Похороны.

Домъ сванета каменный и состоитъ изъ большой двухъ-этажной постройки, выбѣленной и съ окнами въ видѣ бойницъ.

Сванеты любятъ строить свои дома на выдающихся холмахъ, около скалистыхъ обрывовъ, съ тѣмъ, чтобы господствовать надъ окружающею мѣстностію. Деревни ихъ раскинуты по террасамъ, на склонахъ горъ, и, по мѣрѣ удаленія въ горы и возвышенія надъ уровнемъ моря, они все болѣе и болѣе скучиваются.

Въ обществахъ Кали и Ушкули дома строятся изъ аспидныхъ досокъ, и имѣютъ видъ обгорѣлыхъ, закопченыхъ зданій. Крыша дома также каменная и очень часто состоитъ тоже изъ аспидныхъ досокъ. Домъ широкимъ своимъ бокомъ прилегаетъ къ четыреугольной башнѣ, которой средняя высота бываетъ отъ 10 до 12 саженъ. Съ четырехъ сторонъ башни устроены въ самомъ верху ея амбразуры, а надъ амбразурами выступаютъ изъ стѣны небольшіе своды. Башни раздѣляются на нѣсколько этажей, но не составляютъ принадлежности домовъ всей Сванетіи, и тамъ, гдѣ туземецъ не имѣетъ надобности скрываться подъ ихъ защитою, они не строятся.

---

(1) Сванетія изъ записокъ кн. Шаховскаго и Нумеровича-Данченки Кавк. 1846 г. № 44. Сванетія Д. Бокрадзе Кавк. 1861 г. № 2. Тоже зап. Имп. Геогр. общ. кн. VI изд. 1864 г. Путешествіе въ Мингрельс. Альпахъ Г. Радде. Тифлисъ 1866 г. Сванетія кн. Лабанова-Ростовскаго. Кавк. 1857 г. № 17.

Такъ, за Бальскимъ хребтомъ число башенъ становится меньше. Въ Дадишкеліановской Сванетіи укрѣпленія эти все болѣе и болѣе изчезаютъ, а въ Лохамулѣ ихъ вовсе нѣтъ.

Верхній этажъ дома отдѣляется отъ нижняго бревенчатымъ поломъ; такіе же полы разграничиваютъ на нѣсколько этажей и башню. Толстыя доски, съ вырубленными въ нихъ ступенями, замѣняютъ лѣстницы, по которымъ производится сообщеніе нижняго этажа съ верхнимъ какъ въ жиломъ домѣ, такъ и въ башняхъ. Съ наружной стороны къ дому приставлена такая же лѣстница, которая верхнимъ своимъ концомъ прислоняется противъ верхняго этажа къ деревянному балкону. Въ случаѣ нападенія, сванетъ втаскиваетъ эту лѣстницу внутрь, забиваетъ двери изъ нижняго этажа въ верхній, и тогда домъ его обращается въ крѣпость. Полъ въ домѣ сванета каменный, комнаты просторны, но стѣны и потолки лоснятся отъ копоти и черны какъ уголь. Топка производится въ очагѣ, расположенномъ посреди комнаты и не имѣющемъ дымовой трубы.

Сванетъ живетъ зимою въ нижнемъ этажѣ своего дома и загоняетъ туда же свой скотъ, а на лѣто переселяется въ верхній этажъ. «Для лучшаго помѣщенія скота, пишетъ г. Радде, они строятъ, вдоль одной изъ продольныхъ стѣнъ, три этажа палатей. Въ нижнемъ этажѣ, возвышающемся на сажень надъ поломъ, помѣщается рогатый скотъ, на деревянный полъ втораго вгоняютъ овецъ, а надъ ними помѣщаются козы. Балки этихъ строеній сванеты украшаютъ грубою рѣзною работою».

Внутри комнаты бѣдно, и при самомъ входѣ въ домъ, на пеньковыхъ веревкахъ, виситъ небольшой ящикъ (кубъ), сдѣланный въ видѣ домика, гдѣ хранится сыръ и свѣжее молоко.

Почти около каждаго дома есть огородъ, гдѣ сѣютъ коноплю и горохъ; четыреугольныя и даже квадратныя пашни, здѣсь-и-тамъ, раскинуты около деревни и обнесены изгородою.

Подлѣ дома устроены небольшіе сквозные деревянные амбары, крытые соломою, для сохраненія кукурузы, и часто, въ предохраненіе отъ сырости и мышей, они, не касаясь пола, стоятъ на нѣсколькихъ столбахъ. Въ горахъ эти амбары строятся изъ камня, и каждый хозяинъ имѣетъ ихъ иногда по нѣскольку. Къ нѣкоторымъ амбарамъ примыкаетъ *кебръ*—площадка, выложенная изъ большихъ сланцовыхъ плитъ, на которую раскладываются снопы ячменя для того, чтобы ихъ лучше высушить на воздухѣ. На этой же площадкѣ производится и вымолачиваніе зеренъ (¹).

Свободное время, а въ особенности праздники, сванетъ проводитъ въ стрѣльбѣ и попойкѣ. Попойки бываютъ днемъ и ночью: то у одного, то у

(¹) Поѣздка въ Вольную Сванетію Бартоломея. Зап. кав. отд. Им. рус. геогр. об. кн. III. Сванетія Д. Бокрадзе Кавк. 1861 г. № 2. Тоже зап. Им. Р. геогр. общ. кн. VI. Путешествіе Радде. Тиф. 1866 г.

другаго. Обыкновенно домъ хозяина наполняется народомъ, который размѣщается гдѣ попа́ло: кто на землѣ, кто на скамейкахъ, устроенныхъ въ видѣ креселъ и дивановъ, съ рѣзными спинками. Женщины тутъ-же пекутъ хлѣбъ на шиферныхъ плитахъ, утвержденныхъ на каменныхъ или желѣзныхъ столбахъ; мясо варится въ чугунныхъ котлахъ, повѣшанныхъ въ саклѣ на желѣзныхъ крючьяхъ.

Пища сванета не изыскана и не разнообразна. Она состоитъ изъ хлѣба, испеченаго изъ ржаной муки въ видѣ комковъ и безъ дрожжей; до чрезвычайности соленаго сыра и арака—родъ водки, который гонятъ изъ проса.

Шумъ и гамъ слышатся въ саклѣ; деревянные стаканы, съ хлѣбнымъ вонючимъ аракомъ, обходятъ въ круговую и напитокъ уничтожается въ значительномъ количествѣ. Народный пѣвецъ и музыкантъ наигрываетъ па балалайкѣ, грубой отдѣлки и первобытнаго устройства. Общественныя увеселенія сванетовъ состоятъ въ сходбищахъ и плясках. Взявшись за руки и составивъ кругъ, сванеты кружатся сначала медленно, потомъ все быстрѣе и быстрѣе, выкидывая ноги и производя разныя тѣлодвиженія. Пѣсни ихъ грубы, суровы и состоятъ въ прославленіи войны, народныхъ героевъ и охоты. По большей части онѣ риѳмованы и заимствованы у имеретинъ. Чтобы имѣть понятіе о поэзіи сванетъ, мы приводимъ одну изъ легентъ ихъ, извѣстную подъ именемъ *«легенды объ Отарѣ»* (1).

«Речквіани (Ричкуани) и Дадишкеліани—говоритъ легенда—господствовали, гдѣ господствуютъ до нынѣ извѣстные намъ Дадишкеліани, между которыми возникли зависть, кровопролитіе и опустошеніе домовъ своихъ. Но, наконецъ, Речквіани до такой степени осилилъ Дадишкеліани, что оставилъ ему лишь маленькое владѣніе, которое заключало въ себѣ изъ мужчинъ одного только наслѣдника, Ислама Дадишкеліани, съ его матерью-старухой. Но и этотъ послѣдній во всякое время ждалъ той-же участи, какая постигла предковъ отъ руки жестокаго врага, и въ противность этому не видѣлъ и не ожидалъ отрады дому и имѣнію, все больше и больше раззоряемому врагами. Но болѣе всѣхъ житейскихъ скорбей его тревожило завѣщанное ему слово дѣда Отара Дадишкеліани, который, лежа на смертномъ одрѣ, завѣщалъ сыну отмстить Ричкуани.

— Знай, говорилъ дѣдъ Ислама своему сыну, что трупъ мой до тѣхъ поръ не сгніетъ, пока 12 домовъ Речквіановыхъ не низведешь до одного или двухъ, и потому прошу тебя, въ случаѣ, если ты или потомство наше увидите Речквіани униженнымъ до такой степени, тогда съ радостію крикните мнѣ въ могилу и скажите: «Отаръ, Отаръ! нынѣ исполнилось твое желаніе, успокойся!»

Упомянутый внукъ и наслѣдникъ всего Дадишкеліанова имѣнія, чтобы не

(1) Легенда эта обязательно сообщена мнѣ Ад. Пет. Берже, которому и приношу мою искреннюю благодарность. Она изложена въ буквальномъ переводѣ съ грузинскато языка.

оставить въ такомъ положеніи тѣла своего дѣда, придумывалъ разныя средства отмстить Ричквіани, но не находилъ ни одного вполнѣ удовлетворительнаго.

— Что я сдѣлаю врагамъ? сказалъ Исламъ послѣ всѣхъ думъ и предположеній; черезъ нихъ я не занимаюсь моимъ домомъ и имѣніемъ и, наконецъ, мнѣ самому жестокіе враги, изъ милости, оставляютъ жизнь до времени. По этому лучше покину родную мою землю, удалюсь изъ нея и отправлюсь къ западному владѣтелю, о которомъ я слыхалъ отъ стариковъ, что будто-бы царствуетъ нѣкто по имени Беріанти (¹). Явлюсь я къ нему и попрошу покровительства, и онъ, безъ сомнѣнія, защититъ меня отъ враговъ.

Съ этою мыслію простился Исламъ съ матерью и отправился. Пройдя нѣсколько безконечныхъ дорогъ, онъ испыталъ всякія нужды, болѣе всего тѣломъ, ногами и пропитаніемъ, отчего дошелъ до того, что не только утратилъ прежде задуманную мысль, но безпрестанно думалъ лишь только о томъ, гдѣ и въ какое время постигнетъ послѣдній часъ его жизни. Наконецъ странникъ этотъ, сдѣлавъ послѣдція усилія и идя все дальше, послѣ многихъ испытаній, достигъ-таки самаго мѣста жительства Беріанти. Но такъ какъ Исламъ былъ почти безъ одежды, то, не найдя средствъ пріобрѣсти ее, онъ никакъ не могъ представиться тамошнему владѣльцу. Въ слѣдствіе чего призналъ за лучшее обратиться прежде къ какому-нибудь опытному старику, отъ котораго могъ-бы получить совѣтъ и узнать мѣстныя обстоятельства. Найдя такого человѣка, съ которымъ онъ желалъ предварительно познакомиться, Исламъ пошелъ къ нему, при чемъ объяснилъ всѣ свои стѣсненныя обстоятельства. Тотъ, по просьбѣ Ислама, далъ слѣдующій совѣтъ:

— Жена Беріанти, сказалъ онъ, имѣетъ привычку ежедневно въ полдень, съ большою свитой, выходить на прогулгу вонъ на тотъ мостъ, который мы видимъ... Лучше, если ты какъ-нибудь умилостивишь ее и дашь ей знать о себѣ, а то видѣть самого Беріанти тебѣ будетъ весьма трудно, потому особенно, что разсказанныя тобою нужды не даютъ тебѣ на то права. И такъ ты завтрашній день ступай и сядь у моста, и какъ только будетъ проходить супруга Беріанти, тотчасъ же она о тебѣ спроситъ, какъ о видномъ мужчинѣ, ибо она многомилостива и принимаетъ участіе въ людяхъ, особливо въ чужихъ, какъ ты. Это дастъ тебѣ случай видѣть какъ ее, такъ и попросить посредничества у мужа.

Исламъ принялъ наставленіе старца, и на другой день, въ часъ полудня, взглянувъ на другой конецъ моста, удостовѣрился въ справедливости разсказаннаго старцемъ о Беріантовой женѣ, которая, дѣйствительно, шла гулять, въ сопровожденіи многихъ. Увидѣвъ это, Исламъ вдругъ сбѣжалъ на берегъ

(¹) Кто этотъ Беріанти неизвѣстно. Г. Радде говоритъ, что Беріанти была деревня въ кубанской (черкеской) сторонѣ, гдѣ жила кормилица Ислама, къ которой онъ былъ отданъ въ молодости на воспитаніе.

и жалостливо присѣлъ на одинъ камень. Поровнявшись съ Исламомъ, жена Беріанти тотчасъ отправила къ нему свою прислугу.

— Ступайте, сказала она, и спросите, кто этотъ мужественный человѣкъ, съ жалостью сидящій на камнѣ?

Тѣ отправились къ незнакомцу.

— Я пришлецъ изъ чужой стороны, отвѣчалъ онъ, съ великою просьбою и мольбою къ самому Беріанти и его женѣ; но теперь вы сами видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и это не позволяетъ мнѣ представиться вашему господину, да и, кромѣ этого препятствія, я самъ отъ себя не осмѣлился бы занять его безконечнымъ разсказомъ о моихъ приключеніяхъ. А потому вы, славные визири, разскажите супругѣ вашего владѣтеля, что если она удостоитъ узнать обо мнѣ, то пусть сама продолжаетъ свою обычную прогулку, а одному изъ своихъ избранныхъ прикажетъ узнать отъ меня всѣ мои обстоятельства и за тѣмъ позволитъ мнѣ представиться ей лично.

Съ этимъ отвѣтомъ пошли визири къ своей госпожѣ и разсказали ей все. Тогда она приказала одному изъ визирей принять до времени подъ свое покровительство незнакомца, по его желанію. Она удалилась, а назначенный визирь взялъ Ислама въ свой домъ, безъ замедленія снабдилъ его всѣмъ нужнымъ и подробно разспросилъ у него всѣ обстоятельства, а на другой день представилъ его владѣтельницѣ, гдѣ Исламъ разсказалъ о себѣ такъ:

— Ты, началъ онъ, сестра господина Усрмановъ! Много похвалъ и милостей твоихъ и твоего мужа донеслось даже до насъ, гдѣ господствовали наши предки Дадишкеліани. И я до времени ихъ наслѣдникъ, Исламъ, приведенъ сказанною похвалою къ тебѣ и твоему супругу, съ полною надеждою, что буду имѣть ваше покровительство и помощь, которая состоитъ въ томъ, что издревле господствовали мы и Речквіани въ Сванетскомъ нижнемъ ущельѣ; но нынѣ послѣдніе, Речквіани, до такой степени побѣдили насъ, Дадишкеліановъ, что я лишь одинъ остался наслѣдникомъ моихъ предковъ; но и я не зналъ, когда враги мои захотѣли-бы и меня принесть себѣ въ жертву, подобно моимъ предкамъ. Нынѣ окажи мнѣ милости, великая госпожа, и будь ходатайницею передъ твоимъ супругомъ, чтобы далъ мнѣ большое войско, которое введетъ меня въ наше родовое владѣніе.

Жена Беріанти, выслушавъ эту просьбу, обнадежила просителя, что онъ скоро самъ убѣдится въ ея ходатайствѣ и помощи, и такимъ образомъ утѣшила Ислама, а къ слѣдующему дню снарядила его для представленія своему супругу Беріанти.

На другой день онъ былъ представленъ въ надлежащемъ мѣстѣ, при чемъ его заступница, вдесятеро усерднѣе его самого, повторила свое ходатайство передъ супругомъ, чтобы онъ принялъ Ислама подъ свое покровительство.

— Супруга моя! отвѣчалъ ей Беріанти, согласно твоему ходатайству и смиренной просьбѣ за Ислама, мы постараемся удовлетворить его; только подумаемъ о томъ, какъ мы довѣримъ этому чужому человѣку, до сего дня

намъ не извѣстному, наше большое войско, если сперва не испытаемъ въ чемъ-либо его мужества и другихъ качествъ. За тѣмъ, когда мы сами опредѣлимъ его достоинства, то, по значенію ихъ, онъ и получитъ удовлетвореніе.

Съ этими словами, супруга Беріанти вышла съ Исламомъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, а Исламу не давалось никакого удовлетворенія по его просьбѣ. Наконецъ, черезъ жену-же Беріанти, объявлено было ему желаніе ея мужа о первомъ испытаніи, для котораго Исламъ долженъ сѣсть на необъѣзжаннаго жеребца, при чемъ она присовокупила отъ себя наставленіе, какъ ему поступить въ этомъ случаѣ.

— Подушку на сѣдло я дамъ тебѣ свою, сказала она; къ ней ты пришьешь полы своего платья покрѣпче и безстрашно сядешь на коня; три дня онъ будетъ неукротимъ, и если, въ продолженіе этого времени, ты удержишься на немъ, то онъ усмирится и самъ привезетъ тебя сюда. Тогда ты получишь отъ нашего дома удовлетвореніе.

На другой день, дѣйствительно, привели страшнаго для всѣхъ коня. Исламъ, тайно отъ другихъ, приготовилъ такъ, какъ ему было приказано, и, въ присутствіи самого Беріанти и многихъ его приближенныхъ, быстро вскочилъ на коня, который въ одно мгновеніе понесъ его на подобіе молніи, такъ что многіе очевидцы печально вздохнули объ Исламѣ. Такъ прошло три дня, и Исламъ, въ тотъ самый часъ, съ котораго началось его испытаніе, явился передъ прежними зрителями, молодцомъ сидя на жеребцѣ, что вызвало единогласное одобреніе и надежду на исполненіе его просьбъ.

Но Беріанти хотѣлось до послѣдней степени испытать достоинства Ислама, чтобы окончательно убѣдиться въ нихъ. Съ этой цѣлью онъ велѣлъ ему въ одну ночь срубить большое дерево, ростущее передъ дворцомъ, ножомъ самого Беріанти. И на этотъ разъ ему оказала помощь первая заступница, которая дала ему собственный ножикъ, имѣвшій свойство срубить дерево гораздо ранѣе назначеннаго срока. Въ этой надеждѣ онъ приступилъ къ указанному дереву, въ урочное время исполнилъ свой долгъ и съ радостію предсталъ предъ Беріанти. Тотъ назначилъ ему послѣ того еще много и другихъ испытаній.

— Исламъ, сказалъ наконецъ Беріанти, наслѣдникъ сказанныхъ тобою имѣній, какъ ты самъ утверждаешь! Уже истекаетъ двѣнадцатый годъ, что ты удалился изъ родной земли; въ это время ты съ честію и славою выполнилъ все на тебя возложенное, за что нынѣ мы тебѣ жалуемъ наше большое войско, для возведенія тебя на прежнее господство, вновь пріобрѣтенное тобою при нашемъ домѣ. Нынѣ будь ты предводителемъ нашего войска.

Съ этими словами онъ вручилъ Исламу войско и отправилъ его въ родную страну. Послѣ многихъ переѣздовъ, по дальнимъ дорогамъ, Исламъ достигъ перваго сванетскаго селенія Лашхраши, гдѣ принесъ Богу благодареніе за столь счастливое возвращеніе.

Въ ту же ночь пошелъ Исламъ къ дверямъ своей кормилицы.

— Кормилица! крикнулъ онъ, отвори мнѣ дверь.

— Да не увижу я твоего добра (счастія), отозвалась изнутри старуха, съ тѣхъ поръ какъ меня некому уже звать кормилицею.

— Отвори дверь, повторилъ вновь изгнанникъ—я твой Исламъ!

Старуха все-таки не повѣрила, пока онъ, по ея просьбѣ, не просунулъ къ ней черезъ дверь свою руку. Тогда она тотчасъ-же узнала руку своего питомца и съ большою радостію отперла ему дверь и не только сама вышла на встрѣчу своему, давно уже пропавшему, питомцу, но и вывела всѣхъ домашнихъ. Къ слѣдующему дню кормилица приготовила для Ислама пищу и сообщила ему, какъ жестокіе враги издѣвались надъ его матерью, когда она плакала по сынѣ.

Исламъ, въ сопровожденіи кормилицы, встрѣтилъ свое безчисленное разнообразное войско, бурки котораго пестрили сванетскую землю, а оружіе отражалось блескомъ на окрестностяхъ.

Вскорѣ до Отара Речквіани дошла вѣсть, что Исламъ Дадишкеліани идетъ съ Беріантовымъ войскомъ. Тотъ, съ своими однофамильцами, охотно выступилъ на бой, и эта готовность вызвала-было сначало похвалу, но, послѣ безчисленнымъ сраженій, былъ побѣжденъ и немилосердо, по существовавшему обыкновенію, опустошили владѣнія всѣхъ Речквіановъ. Войско-же Беріантово возвело Ислама въ прежнее его достоинство, было имъ награждено, по туземному обычаю, и возвратилось во-свояси.

Послѣ всего этого, Исламъ счелъ первымъ долгомъ обрадовать своего покойнаго дѣда и, согласно его просьбѣ, отправился на могилу.

— Отаръ, Отаръ! крикнулъ онъ, двѣнадцать Речквіановыхъ домовъ низведены нами до двухъ, значитъ исполнено твое желаніе, завѣщанное мнѣ, и нынѣ предай тлѣнію и покою свое тѣло! А мертвецъ, словно громъ небесный, отозвался изъ могилы, поколебалъ близъ лежащія мѣста и даже церковь, которая треснула, въ какомъ положеніи она и нынѣ находится. Видѣвшіе это, дѣйствительно, убѣдились, что трупъ Отара не принималъ тлѣнія до сихъ поръ, и это изумительное событіе разнеслось всюду»...

Дикая и суровая природа Сванетіи сдѣлала и обитателей ихъ не менѣе суровыми; они являются какимъ-то остаткомъ древняго человѣчества, до котораго не коснулась ни одна пылинка просвѣщенія. Всѣ жители чрезвычайно привязаны къ своей родной почвѣ и многіе изъ нихъ рѣдко посѣщаютъ сосѣдей; жители верхней Сванетіи, по большей части, не видали Княжеской.

Черты лица сванета напоминаютъ горныхъ грузинъ. Жители, въ особенности Княжеской Сванетіи, болѣе чѣмъ средняго роста, стройны и излишнюю толстоту считаютъ за порокъ, какъ слѣдствіе невоздержанной жизни. Имѣя здоровый видъ, сванеты по большей части бѣлокуры, брѣютъ бороду, но оставляютъ усы, волосы стригутъ въ скобку и сзади немного подбриваютъ. Женщины также бѣлокуры и рѣдко встрѣчаются съ темнорусыми волосами, глаза голубые, носъ прямой, продолговатый, ротъ небольшой и во-

обще окладъ лица довольно правильный. Природа надѣлила сванетовъ значительною физическою силою, хорошими умственными способностями и быстрымъ соображенiемъ, но кругъ свѣдѣнiй ихъ чрезвычайно ограниченъ, точно также какъ и языкъ. Не имѣя письменности на родномъ языкѣ, они употребляютъ грузинскiя письмена и, при сношенiяхъ своихъ въ имеретинами и мингрельцами, говорятъ по грузински.

Нравственная сторона характера представляетъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ. Сванетъ чрезвычайно впечатлителенъ, помнитъ добро, признателенъ и всегда веселъ. Онъ гостепрiименъ, радушенъ, но любитъ попрошайство и требуетъ вознагражденiя за каждую незначительную услугу. Сванеты цѣломудренны, вѣрны своему слову и клятвѣ, но за то горды, мстительны, скрытны и суевѣрны въ высшей степени. Гордость не мѣшаетъ имъ имѣть о себѣ самое низкое понятiе. Туземецъ не скрываетъ своего невѣжества и своихъ пороковъ, и при этомъ сознается, что у него нѣтъ рѣшимости и силы воли, чтобы исправить себя.

Лично они храбры, но неспособны къ дружному дѣйствiю противъ враговъ; въ нихъ нѣтъ единства дѣйствiя.

Вообще характеръ сванета весьма непостояненъ: онъ то занимается хлѣбопашествомъ, то, бросивъ его, пускается въ торговлю, то ищетъ пропитанiя въ одномъ грабежѣ. Въ немъ нѣтъ воинственности, нѣтъ отваги и того молодечества, которое внушаетъ презрѣнiе къ опасности—одна корысть и зависть, питаемыя другъ къ другу, служатъ путеводительницами сванета на опасныя предпрiятiя. Онъ не нападаетъ явно, но за кустомъ и камнемъ выжидаетъ противника, захватываетъ добычу тайкомъ и спасается безъ оглядки въ своихъ неприступныхъ горахъ.

Удивительное искуство ходить по горамъ и тропамъ скоро и много и терпѣнiе въ перенесенiи трудовъ въ дорогѣ доставляютъ ему полную защиту отъ преслѣдованiя и наказанiя. Огромныя трещины горъ наполняются снѣгомъ, сглаживающимъ всѣ пропасти; порывистые вѣтры свирѣпствуютъ съ ужасною силою, а смѣлый сванетъ, надѣвъ на ноги большiя деревянныя *тхеламури* и запасшись длиннымъ остроконечнымъ шестомъ, отправляется на разсвѣтѣ въ путь. Гдѣ для другаго нѣтъ никакой возможности пройти вовсе, тамъ сванетъ, безъ особой усталости, сдѣлаетъ до 70 верстъ въ сутки, перенесетъ на себѣ тяжелые вьюки и пройдетъ черезъ глубокiе снѣга и страшныя пропасти, съ такимъ-же хладнокровiемъ и спокойствiемъ, какъ-бы гулялъ по своему двору. Во время пути онъ можетъ оставаться безъ пищи два и даже три дня; а при случаѣ съѣстъ за однимъ обѣдомъ трехъ-дневную пропорцiю.

Костюмъ сванета мало чѣмъ отличается отъ костюма имеретина и мингрельца; его составляетъ грубая суконная черкеска, сѣраго или чернаго цвѣта, съ двѣнадцатью патронами на груди. Мужчины носятъ бумажный стеганый архалукъ. Рубашка сванета грязна, а штаны его узки и сшиты изъ сѣраго или

верблюжьяго цвѣта сукна. Вмѣсто сапогъ, онъ носитъ сафьяные башмаки безъ подошвъ, а чаще всего простые лапти. Талію его обхватываетъ узкій ремешокъ, на которомъ виситъ кинжалъ. Хорошее оружіе составляетъ главную его заботу и на него онъ обращаетъ особенное вниманіе, бережетъ и чиститъ. Оно состоитъ изъ ружья, пистолета, кинжала и очень рѣдко изъ шашки. Оружіе цѣнится весьма дорого и за иное ружье сванетъ готовъ отдать 50 и даже 60 быковъ.

На головѣ онъ носитъ шапку двухъ родовъ: одну зимою, другую лѣтомъ. Зимняя состоитъ изъ валеной, шерстяной, остроконечной шапки, бѣлаго или чернаго цвѣта, а лѣтняя точно такая же, какую носятъ имеретины, только еще меньше, такъ что едва закрываетъ маковку. Люди болѣе зажиточные стараются щегольнуть своимъ костюмомъ. Богатый молодой сванетъ надѣваетъ синюю суконную черкеску, хотя сшитую точно также неуклюже, но отороченную серебрянымъ галуномъ. На головѣ его, на самой маковкѣ, лежитъ очень маленькій, величиною въ старый русскій пятакъ, кружекъ шелковой матеріи, подшитый кожею и подвязанный на подбородкѣ тоненькимъ чернымъ шнуркомъ. Оружіе такого сванета исправно и отличается чистотою отдѣлки.

Безъ оружія сванетъ никуда не выходитъ. Выходя со двора, онъ накидываетъ на себя нѣчто въ родѣ бурки—войлочную епанчу, такъ чтобы лѣвое плечо и рука были закрыты, а правая свободна. Мужчина никогда не употребляетъ краснаго цвѣта для шапки и бѣлаго на платье. Послѣдній цвѣтъ составляетъ принадлежность женщинъ, костюмъ которыхъ весьма мало отличается отъ мужскаго.

Сванетскія княжны носятъ костюмъ, сходный съ грузинскимъ, но краснаго цвѣта, съ большими и низко подпоясанными кушаками. Женщины носятъ на головѣ повязки, а богатыя красныя суконныя шапки. Простаго званія женщины надѣваютъ шапки всѣхъ цвѣтовъ, кромѣ краснаго; вмѣсто башмаковъ, носятъ деревянныя сандаліи, а большею частію ходятъ босикомъ. Всѣ женщины ходятъ подъ покрываломъ; дѣвицы въ длинной рубахѣ, перехваченной поясомъ, и въ широкихъ шальварахъ; волосы заплетаютъ въ одну длинную косу, опускающуюся вдоль спины.

Нарядное платье состоитъ изъ шелковаго или бумажнаго полукафтанья, поверхъ котораго надѣвается длинный суконный кафтанъ.

Будучи некрасива, женщина къ тому же и не чистоплотна, но любитъ рядиться: серебряные или мѣдные чапрасты (грудное украшеніе) и пуговицы, изъ этихъ же металловъ, составляютъ любимѣйшее ихъ украшеніе.

По понятію сванета, красавица та, которая имѣетъ широкія плечи, маленькія ножки, полную грудь и тонкій станъ. Для сбереженія стройности стана, нѣкоторыя обшиваютъ дѣвушекъ, на десятомъ году отъ рожденія, сырою кожею отъ бедръ до груди. Въ такомъ положеніи дѣвушка остается до брачнаго ложа, и тогда женихъ разрѣзываетъ эту шнуровку кинжаломъ. Дѣ-

вушки лахамульцевъ красивѣе и чище сванетокъ, но сванетъ ни за что не женится на ней, подъ страхомъ непремѣннаго штрафа.

За жену сванетъ, по обычаю, долженъ заплатить 60 коровъ — цѣна весьма большая и при значительномъ скотоводствѣ, а потому каждый предпочитаетъ взять ее силою и часто за одну женщину, за право обладать ею, перерѣжутся предварительно множество претендентовъ. Тотъ же недостатокъ прекраснаго пола вызвалъ и другой, не менѣе странный обычай. Если замужняя женщина понравится мужчинѣ, то онъ ищетъ случая привязать пулю къ ея головному убору и, высказавъ этимъ способомъ притязаніе на нее, убиваетъ мужа и беретъ понравившуюся женщину къ себѣ.

Послѣ сговора и уплаты калыма, невѣста переходитъ въ домъ жениха. Тамъ молодыхъ сажаютъ; *папи* связываетъ полу платья жениха съ рукавомъ платья невѣсты. Произнося сначала: «*во имя Отца и Сына и Святаго духа*», а потомъ: «*слава Отцу и Сыну и Святому духу*», поздравляетъ молодыхъ — и свадьба окончена.

Каждый сванетъ одновременно можетъ имѣть только одну жену, но если бы ему захотѣлось жениться на другой, то это весьма легко исполнить: стоитъ только прогнать первую жену. Въ случаѣ смерти мужа, жена переходитъ къ его брату, и если переживетъ его, то ко второму, третьему и т. д., въ томъ случаѣ, если они холосты; но если братья умершаго женаты, то она свободна и вольна выйдти замужъ за посторонняго.

Въ послѣднемъ она не можетъ встрѣтить затрудненія, потому что женщины въ Сванетіи очень рѣдки и нѣтъ такой старухи-вдовы, которая бы, послѣ смерти мужа, тотчасъ же не нашла себѣ другаго, и очень часто молодаго (1).

Жена находится въ полномъ распоряженіи мужа. Онъ ея повелитель и судья, въ рукахъ котораго находится жизнь и смерть женщины. Спрашивать сванета о здоровьѣ жены значитъ обидѣть его, а самому сдѣлать неприличный поступокъ; одни родственники могутъ спросить мужа о здоровьѣ жены, да и то не при постороннихъ. Мужъ считаетъ за стыдъ сидѣть вмѣстѣ съ женою и вообще неохотно говоритъ съ ней.

Не смотря на рабское положеніе женщины въ семействѣ, она пользуется нѣкоторою свободою и непринужденностью при обращеніи съ посторонними.

Въ противность всѣмъ горскимъ женщинамъ, сванетки легко вступаютъ въ разговоръ, шутятъ, прислуживаютъ и кокетничаютъ. Женщины принимаютъ участіе во всѣхъ народныхъ собраніяхъ и увеселеніяхъ, составляютъ хороводы, поютъ, пляшутъ, нисколько не стѣсняясь и не дичась ни соплеменниковъ, ни чужеземцевъ.

---

(1) Сванетія Дм. Бокрадзе. Кавк. 1861 г. № 24. Таже зап. Кавк. отд. Им. Р. геогр. общ. кн. VI. Поѣздка въ Вольную Сванетію. Бартоломея Зап. кавк. отд. Имп. Рус. геогр. общ. кн. III.

Мужчина смотритъ на женщину, какъ на существо нечистое.

Сравнительно съ мужчинами, женщинъ весьма мало, отъ гнуснаго обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Обычай этотъ существовалъ между богатыми и бѣдными, между дворянами и крестьянами, и былъ вызванъ убѣжденіемъ, что убійство дѣвушекъ вознаграждается рожденіемъ сына, а сванеты, по своему положенію, нуждались въ мужскихъ рукахъ и, какъ всѣ неразвитыя племена, давали предпочтеніе мальчику передъ дѣвочкою. Обычай этотъ былъ такъ распространенъ, что можно было встрѣтить семейство, въ которомъ родители убили до пяти новорожденныхъ дѣвочекъ. «По распространенному у насъ мнѣнію, говоритъ Дм. Бокрадзе, убійство происходило посредствомъ горячей золы, которую всыпали въ ротъ ребенку. Но я слышалъ отъ самихъ сванетовъ, что это клевета, что дѣвочекъ просто морили голодомъ, не давая имъ груди». Стараніями духовенства, правительства и князей Дадишкеліани, обычай этотъ нынѣ выводится.

При жизни отца и братьевъ, женщина не имѣетъ права на выдѣленіе никакой части изъ имѣнія; убить женщину считается низкимъ, а прекрасный полъ пользуется этимъ и принимаетъ участіе во всѣхъ ссорахъ и рѣзнѣ. Стоитъ только женщинѣ, безъ покрывала, съ распущенными волосами, броситься въ толпу враждующихъ, какъ кровопролитіе тотчасъ же прекращается. Сванетъ, скрывшійся отъ преслѣдованія въ женскомъ отдѣленіи дома, или прикоснувшійся до женщины рукою, остается невредимымъ. Никакое мщеніе, наказаніе, а тѣмъ болѣе убійство, не можетъ быть совершено въ присутствіи женщины. Ихъ посредничество принимается въ ссорѣ, но женщины не имѣютъ права быть свидѣтелями въ процессахъ. Церковь считается оскверненною, если женщина войдетъ въ нее: она можетъ входить въ придѣлъ, но не дальше. Это послѣднее угнетеніе развито до такой степени, что сами женщины убѣждены въ томъ, что образа не вынесутъ ихъ присутствія.

Когда молодая жена родитъ въ первый разъ ребенка, тогда отецъ вручаетъ ей повязку и покрывало — исключительный нарядъ замужней женщины. Во время родовъ и послѣ ихъ, женщина, въ теченіе 40 дней, считается нечистою и оставляется на произволъ; прикоснуться къ ней въ это время, пока священникъ не окропитъ ее водою, значитъ осквернить себя. Самое окропленіе производится издали, при помощи палки.

Родившійся ребенокъ, до крещенія, считается также нечистымъ. Крещеніе младенца производится весьма разнообразно въ различныхъ обществахъ: въ однихъ обществахъ оно ограничивается сотвореніемъ надъ новорожденнымъ крестнаго знаменія; въ другихъ младенца погружаютъ въ воду и помазываютъ мѵромъ изъ орѣховаго масла. Обрядъ этотъ исполняетъ крестный отецъ. Есть и такія общества, у которыхъ крещеніе замѣняется тѣмъ, что отецъ кидаетъ въ колыбель новорожденнаго двѣ пули: одну за себя, другую за него.

Въ сынѣ сванетъ видитъ работника и помощника себѣ; дочь же истреб-

ляетъ, какъ не способную ни къ войнѣ, ни къ грабежу и, слѣдовательно, служащую обремененіемъ для семейства. По мѣрѣ того какъ мальчикъ подростаетъ, отецъ няньчится съ нимъ, заботится о немъ и не отдаетъ, подобно другимъ горцамъ, на воспитаніе въ чужое семейство ([1]). Онъ видитъ въ сынѣ мстителя въ кровомщеніи. Послѣднее существуетъ въ Сванетіи въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Сванеты, особенно въ сѣверныхъ частяхъ владѣній, открыто пользуются правомъ сильнаго, для котораго жизнь человѣка не имѣетъ никакого значенія.

Убить человѣка, за самую ничтожную вещь или плату, ничего не значитъ. Христіанская религія, во второй разъ принятая народомъ, пока еще не принесла плодовъ. Въ Вольной Сванетіи трудно найти человѣка, который бы не совершилъ нѣсколькихъ убійствъ. Оттого въ Сванетіи съ давнихъ временъ враждуютъ деревня противъ деревни, общество противъ общества. Сванетъ въ домѣ и внѣ дома боится встрѣтиться съ кровоместникомъ. Какъ только садится солнце, онъ, боясь того же нападенія, загоняетъ свой скотъ и запираетъ ворота. Ночью онъ почти никогда или очень рѣдко выѣзжаетъ изъ дому.

Сванетъ строитъ крѣпкое жилье, съ массивною оградою, съ высокою и массивною башнею, съ единственною цѣлью дать своему семейству убѣжище во время нападеній. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ закладываетъ и забиваетъ нижнюю дверь, служащую для прохода скота, снимаетъ лѣстницеобразную доску отъ верхнихъ дверей, по которой обитатели входятъ и выходятъ, и все семейство, запасшись провіантомъ, запирается въ много-этажной башнѣ. Изъ дому въ домъ открывается стрѣльба, часто продолжающаяся по нѣскольку недѣль; люди и животныя одинаково подвергаются выстрѣламъ.

Во время подобной засады, дозволяется только постороннимъ свободный входъ въ оба враждующіе дома, для снабженія тѣхъ и другихъ пищею и водою и для принятія мѣръ къ примиренію враждующихъ. Съ объявленіемъ мира, если случилось смертоубійство, то выборные опредѣляютъ цѣну крови, но это не мѣшаетъ получившему плату, при удобномъ случаѣ, отправить на тотъ свѣтъ виновнаго въ смертоубійствѣ, а полученную плату бросить ему на дворъ. Эти враждебныя соотношенія довели сванетовъ до того, что иной не смѣетъ перейти черту своего поля, а когда воздѣлываетъ землю, то братъ или другой родственникъ оберегаетъ его со взведеннымъ куркомъ у ружья. За то ни одинъ сванетъ не разстается съ оружіемъ и малѣйшая обида или ссора оканчивается выстрѣломъ. Къ несчастію, женщины вмѣшиваются во всѣ семейныя и общественныя дѣла и еще болѣе умножаютъ поводы къ междоусобіямъ.

([1]) Сванетія Дм. Бокрадзе. Кавк. 1861 г. № 4. Тоже запис. кавк. отд. Им. Рус. геогр. общес. Поѣздка въ Вольную Сванетію Бартоломея Зап. кавк. отд. Им. Р. геогр общ. кн. III. Расказы о Сванетіи, Мингреліи и Гуріи Мансурова. Кавк. 1853 г. № 85.

Своеобразный характеръ сванета выразился и въ похоронномъ обрядѣ. Каждый имѣетъ на кладбищѣ или въ церковной оградѣ свой участокъ; занимать чужой участокъ не допускается, а неимѣющіе его хоронятся внѣ ограды. Въ самой церкви и у стѣнъ ея похороны строго воспрещены; дѣти моложе трехъ лѣтъ зарываются въ домѣ или во дворѣ. На общемъ кладбищѣ не хоронятъ незаконнорожденныхъ, умершихъ не естественною смертію, и тѣла, разлагающіяся вслѣдъ за кончиною. Въ дурную погоду не хоронятъ вовсе: покойникъ долженъ пролежать, пока не прояснится, и если дождь продолжителенъ, то вся деревня, помимо воли родныхъ, относитъ покойника и хоронитъ его въ какомъ-нибудь уединенномъ и пустынномъ мѣстѣ.

Если въ первую недѣлю послѣ похоронъ пойдетъ дождь, то покойника вынимаютъ изъ могилы и относятъ дальше; если это не поможетъ прекращенію дурной погоды, то трупъ бросаютъ просто въ яму и, не зарывая его землею, закладываютъ досками и наваливаютъ камни.

Умершаго обмываютъ, брѣютъ, надѣваютъ на него платье, обрѣзываютъ ногти и, давъ въ руки свѣчи, кладутъ въ деревянный гробъ. Вся деревня собирается на похороны; приходятъ даже и тѣ, которые были во враждѣ съ покойнымъ.

Открывается обрядъ оплакиванія; толпа раздѣляется на кучки, которыя одна за другою входятъ въ домъ, становятся передъ покойникомъ на колѣни и начинаютъ голосить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сванетіи существуетъ оригинальный обычай устраивать оплакиваніе при жизни мнимаго покойника. Приготовивши пиръ, хозяинъ сзываетъ гостей, укутывается какъ покойникъ и, ставъ въ углу, остается въ неподвижномъ состояніи. Родные подходятъ къ нему по очереди и, съ громкими воплями и рыданіями, выхваляютъ доблести воображаемаго покойника.

Послѣ оплакиванія слѣдуетъ выносъ: впереди ведутъ быка, корову или теленка, которые потомъ передаются священнику; за нею слѣдуетъ *мезаре* съ колокольчикомъ, потомъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ. Присутствующіе подвигаются сзади медленно, въ извѣстномъ порядкѣ: мужчины, снявъ шапки, а женщины—лечаки. Плачъ, пѣніе молитвъ, съ акомпаниментомъ балалайки, сливаются въ одинъ общій гулъ.

На кладбищѣ во время отпѣванія всѣ становятся на колѣни. Самое отпѣваніе состоитъ въ одномъ произнесеніи словъ: «*Слава Отцу и Сыну и Святому духу*» и въ прочтеніи нѣсколькихъ молитвъ, не принадлежащихъ, впрочемъ, исключительно этому случаю.

По окончаніи погребенія, всѣ отправляются въ домъ умершаго, гдѣ обѣдаютъ и напиваются. Родственники носятъ траурное черное платье; мужчины отрасчиваютъ бороды, на 6 или 7 мѣсяцевъ; азнауры носятъ трауръ два года, крестьяне менѣе. Мужчины не ѣдятъ мяса двѣ недѣли, а женщины иногда нѣсколько лѣтъ. Круглый годъ, за обѣдомъ и ужиномъ, оставляютъ на столѣ блюда для покойника, какъ бы ожидая его прихода, а въ каждую

субботу относятъ на могилу хлѣбъ, аракъ и сыръ, дѣлающіеся достояніемъ священника, которому отдаютъ и все платье покойника, послѣ общихъ поминокъ, дѣлаемыхъ въ концѣ года и извѣстныхъ подъ именемъ *агапи*.

Если случится, что сванетъ умретъ вдали отъ родины, то родственники употребляютъ все стараніе, чтобы перенести его остатки на свое кладбище. Если же онъ похороненъ, то довольствуется соблюденіемъ весьма оригинальнаго обычая, происхожденіе котораго основано на вѣрованіи въ переселеніе душъ.

Однажды бывшій въ Кутаиссѣ сванетъ заболѣлъ, былъ отправленъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ. Вскорѣ явились его родственники и просили выдать имъ тѣло покойника, но какъ оно было уже похоронено, то въ просьбѣ этой имъ было отказано. Тогда сванеты подошли къ кровати, на которой скончался ихъ одноземецъ; ставши передъ ней на колѣни, они шептали какія-то слова и оплакивали умершаго; потомъ пошли на кладбище къ его могилѣ, и надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежала его голова, вылили бутылку водки, выкопали небольшую яму, и посадили въ нее пѣтуха (для женщины сажаютъ курицу). За тѣмъ взяли съ могилы горсть выкопанной земли, завязали ее въ узелокъ, и, послѣ долгаго шептанія, понесли пѣтуха домой, наигрывая на чонгурѣ, напѣвая погребальную пѣсню и никому не отвѣчая на дѣлаемые имъ вопросы.

По ихъ понятію, этихъ обрядовъ совершенно достаточно, чтобы душа покойника переселилась въ пѣтуха. Они спѣшили отнести ее къ матери умершаго и тамъ уже совершали надъ пѣтухомъ и землею оплакиваніе и поминки, какъ бы надъ самимъ покойникомъ (1).

---

(1) Сванетія изъ записокъ кн. Шаховскаго и Нумеровича-Данченки. Кавк. 1846 г. № 44. Сванетія. Дм. Бокрадзе. Зап. кавк. отд. Им. Рус. геогр. общ. кн. VI. Сванетія кн. Лобанова-Ростовскаго. Кавк. 1852 г. № 17.

КАРТВЕЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ.

Нѣсколько словъ о картвельскомъ племени и его раздѣленіи.

Начиная отъ восточнаго берега Чернаго моря и почти до сліянія р. Куры съ Алазанью, все пространство между Главнымъ хребтомъ и сѣверными скатами хребтовъ Аджарскаго и малаго Кавказа занято племенемъ *картвельскимъ*, или *грузинскимъ*. Съ сѣвера къ нему прилегаютъ владѣнія осетинъ, джаро-бѣлаканцевъ и горскія общества Дагестана, съ юга турецкія и персидскія провинціи, съ запада абхазцы, а съ востока и частію съ юга мусульманское населеніе татаръ.

При вступленіи въ подданство Россіи, картвельское племя раздѣлялось на четыре самостоятельныя части: собственно *Грузію*, или *Грузинское царство*, *Имеретію*, *Мингрелію* и *Гурію*, управлявшіяся отдѣльными самостоятельными владѣльцами.

Грузинская народность съ древнѣйшихъ временъ заселяетъ также нынѣшній Ахалцихскій уѣздъ и даже, принадлежащій Турціи, Чорохскій бассейнъ, съ верховьями рѣки Куры. Все населеніе Ахалцихскаго уѣзда доходитъ до 76,760 душъ изъ которыхъ въ 1868 году считалось только 3,547 душъ христіанъ, тогда какъ все остальное народонаселеніе принадлежитъ къ католическому и магометанскому вѣроисповѣданію.

Населеніе Ахалцихскаго уѣзда говоритъ преимущественно грузинскимъ языкомъ и, въ древности, имѣло большое значеніе въ общемъ составѣ Грузинскаго царства. Различныя части этой мѣстности сохранили и до сихъ поръ тѣ наименованія, подъ которыми они были извѣстны въ древности. Съ именами *Месхіи*, *Верхней Карталиніи* и *Саатабаго* грузинская исторія и народность соединяетъ понятіе о привольной странѣ, пользующейся здоровымъ климатомъ, богатствомъ растительности, природы и значительно большимъ умственнымъ развитіемъ ея жителей. По свидѣтельству историческихъ писателей, населеніе этой мѣстности отличалось трудолюбіемъ и промышленностію. Такъ, въ бассейнѣ р. Куры жители въ изобиліи разводили

виноградники, отъ которыхъ нынѣ остались только слабые слѣды, и вели торговлю съ сосѣдними народами, а въ неурожайные годы снабжали хлѣбомъ всю Грузію. Лучшіе историки, поэты, переводчики книгъ св. писанія, всѣ были родомъ изъ Верхней Карталиніи. Ни въ одной части Грузіи не сохранилось столько храмовъ и монастырей, какъ въ этой мѣстности, и, притомъ, всѣ эти постройки и сооруженія отличаются своимъ изяществомъ, художественностію и красивою рѣзьбою. Здѣсь положено начало христіанства и отсюда оно распространилось по всей Грузіи.

Завладѣвъ этимъ краемъ въ 1625 году, турки дали ему новое административное дѣленіе и, для угнетенія грузинъ, прибѣгали къ самымъ варварскимъ мѣрамъ. Туземному населенію воспрещено было говорить на родномъ грузинскомъ языкѣ, носить національный костюмъ и исповѣдывать христіанскую религію. Желая распространить между жителями магометанскую религію, турки старались прежде всего уничтожить высшій классъ, какъ наиболѣе вліятельный и враждебный турецкому владычеству. Съ особеннымъ ожесточеніемъ дѣйствовали они противъ христіанской религіи и, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія и смертной казни, заставляли принимать магометанство. Много жителей погибло за вѣру, другіе бѣжали въ Имеретію и Карталинію и, наконецъ, третьи приняли исламъ. Съ поступленіемъ въ подданство Россіи, въ 1829 году, жители Ахалцихскаго уѣзда отдохнули отъ вѣковыхъ угнетеній и во многомъ сохранили еще свой древній характеръ. «Ихъ образъ жизни, нравы и обычаи тѣ же, что были назадъ тому четыре поколѣнія, за весьма немногими измѣненіями. Въ ихъ пѣсняхъ, завѣщанныхъ предками, нынѣ слышатся имена царей Грузіи и ихъ лучшихъ атабеговъ (владѣтелей) и восхваляются ихъ подвиги за вѣру и родину. Въ настоящее время между месхами можно рѣдко найти даже состоятельнаго магометанина, который бы рѣшился имѣть болѣе одной жены, не смотря на разрѣшеніе корана. Грузинскій языкъ еще не утратилъ своего характера и пользуется общимъ употребленіемъ во всѣхъ участкахъ Ахалцихскаго уѣзда; но въ полной чистотѣ онъ сохранился только въ аджарскомъ и чорохскомъ населеніи. По-турецки здѣсь умѣютъ говорить лишь тѣ, которые, по необходимости, находятся въ сношеніяхъ съ турками; женщины же и дѣти рѣшительно не понимаютъ турецкаго языка».

Сохранивъ языкъ, нравы и обычаи, населеніе древней Месхіи, Верхней Карталиніи и Саатабаго удержало и многіе христіанскіе обряды, такъ что магометанская религія, какъ навязанная силою, не могла пустить здѣсь прочныхъ корней. Тайные исповѣдники Христа были повсюду разсѣяны между населеніемъ, и нѣкоторыя фамиліи сохранили наслѣдственное право священства, получая рукоположеніе или въ Греціи, или въ Грузіи. Пастыри христіанской церкви тайно крестили дѣтей и собирали вокругъ себя православныхъ. Даже и мусульмане питали уваженіе къ остаткамъ христіанскихъ хра-

*

мовъ и исполняли нѣкоторые христіанскіе обряды: соблюдали посты, праздновали воскресенье и проч.

Въ настоящее время христіанство въ краѣ все болѣе и болѣе распространяется и населеніе сливается съ единоплеменными ему грузинами.

Грузинская народность въ Имеретіи и Мингреліи сохранилась гораздо лучше, чѣмъ въ самой Грузіи. Въ этихъ частяхъ почти все населеніе принадлежитъ исключительно къ одному картвельскому племени, тогда какъ въ Грузіи народонаселеніе въ значительной степени перемѣшано съ татарами и армянами. Причиною тому историческая судьба Грузинскаго царства, подвергавшагося значительнымъ и частымъ раззореніямъ.

При присоединеніи Грузіи къ Россіи, царство это главною своею частію лежало на южной покатости Кавказскаго хребта и простиралось къ сѣверу до укрѣпленія Дарьялъ. Рѣки Арагва и Кура, отъ впаденія въ нее Арагвы, служили границею между Карталиніею и Кахетіею, между грузинскимъ и татарскимъ населеніемъ.

Коренными и господствующимъ населеніемъ считались грузины, называвшіе сами себя *картвелами*, по имени древнѣйшаго ихъ родоначальника Картлоса. Собственно грузинъ было менѣе половины всего населенія царства и селенія ихъ были расположены предпочтительно въ Кахетіи, а въ Карталиніи они жили въ Горійскомъ и Ананурскомъ уѣздахъ. Можно было насчитать до 190 такихъ селеній, въ которыхъ жили только одни грузины. Во всѣхъ же остальныхъ селеніяхъ они жили совокупно съ армянами, осетинами, греками, евреями и даже цыганами.

Татары поселились вмѣстѣ съ грузинами только въ одномъ Тифлисѣ.

Находившіеся въ Грузіи армяне составляли пятую часть населенія. Еще въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., когда пареяне овладѣли Арменіею, императоръ Неронъ, считая Арменію и Иберію (Грузію) подъ верховною властью римлянъ, отправилъ свои войска для изгнанія пареянъ изъ Арменіи.

Грузинскій царь, содѣйствовавшій успѣху изгнанія, получилъ отъ Нерона часть области Арменіи, сопредѣльной Грузіи. Съ тѣхъ поръ страна эта, заключавшая въ себѣ гг. Лори, Бамбакъ и другіе, осталась подъ властью Грузіи. Она имѣла своихъ правителей, мѣстопребываніемъ которыхъ былъ г. Лори. Подъ верховною властью грузинскихъ царей, князья грузинскіе Орбеліани, Баратовы и другіе были властителями армянъ.

Въ 1480 г. персидскій шахъ поселилъ въ Грузіи татаръ. Они заняли Лори, Бамбакъ и всю нижнюю или южную часть Карталиніи и Кахетіи. Татары, угнетая армянъ, заставили послѣднихъ разсѣяться по всей Грузіи.

Въ 1620 году Шахъ Аббасъ-Великій раззорилъ г. Лори въ отмщеніе грузинскимъ царямъ, за присоединеніе ихъ къ непріятелю его туркамъ. Многіе изъ карабагскихъ армянъ были присланы тогда въ Тифлисъ, занятый персидскимъ гарнизономъ. Въ ближайшее къ намъ время, армяне, жившіе въ Сомхетіи (нижней Карталиніи), угрожаемые частыми непріятельскими вторженіями,

должны были переселиться въ другія части Грузіи, менѣе опасныя и не подверженныя нападеніямъ. Съ тѣхъ поръ земля въ Сомхетіи, одна изъ плодороднѣйшихъ въ Грузіи, оставалась въ запустѣніи, до вступленія страны въ составъ русскаго государства.

Съ раздѣленіемъ Армянскаго царства между Персіею и Турціею, много армянъ перешло въ Грузію, куда также переселились (въ 1794 г.) и мелики изъ Карабага, съ нѣкоторымъ числомъ своихъ подданныхъ. Армяне въ Грузіи почти одни составляли все населеніе Тифлиса, въ которомъ, въ 1803 году, считалось до 2,700 домовъ; изъ нихъ только четыре дома принадлежало собственно грузинамъ и пятнадцать—грузинскимъ князьямъ; остальные составляли собственность армянъ (1). Послѣдніе жили также въ Лорійскомъ, Телавскомъ и Сигнахскомъ участкахъ, смѣшанно съ грузинами, а въ Бамбакахъ, Казахахъ и Борчалахъ—смѣшанно съ татарами.

Вся торговля страны была въ рукахъ армянъ. Одни армяне занимались промышленностью въ Грузіи; одни они были ремесленники, а въ деревняхъ трудолюбивые садоводы и хлѣбопашцы.

Во время нахожденія Грузіи подъ властію Персіи, по распоряженію персидскихъ шаховъ, многія ея провинціи были сплошь заселены татарами. Послѣднихъ насчитывалось также не менѣе пятой части населенія всей Грузіи. Первоначальная цѣль этого поселенія заключалась въ томъ, чтобы, силами татаръ, обуздывать царей карталинскаго и кахетинскаго.

Татары заняли всѣ пограничныя съ Персіею мѣста: нижнюю Карталинію и нижнюю Кахетію, начиная съ запада отъ р. Арпачая и до впаденія на востокѣ р. Алазани въ р. Куру.

Ханы, назначенные для управленія татарами, имѣли повелѣніе Шаха смотрѣть за поведеніемъ царей грузинскихъ и, по первымъ признакамъ о желаніи пріобрѣсти себѣ независимость и самостоятельность, низлагать ихъ и даже лишать жизни. Впослѣдствіи Шахъ Надиръ подчинилъ татаръ грузинскому царю Теймуразу, а во время смутъ, происшедшихъ въ Персіи, цари грузинскіе сдѣлались полными властителями татаръ, обитавшихъ въ предѣлахъ ихъ царства.

Войдя въ составъ Грузіи, татары раздѣлялись на шесть главныхъ отдѣловъ или *дистанцій*. Поселившіеся въ нижней Карталиніи, по р. Акстафѣ, получили названіе *казахскихъ* татаръ; по сосѣдству съ ними и по. рѣкѣ Дебедѣ жили *борчалинскіе*, а къ югу отъ казаховъ, на границѣ Ганжинскихъ владѣній, поселились *шамшадыльскіе* татары. Въ вершинахъ р. Дебеды обитали *бамбакскіе*, а къ юго-западу отъ нихъ, на границѣ Грузіи съ Эриванов, Карсомъ и Баязетомъ, поселились *шурагельскіе* татары, и, наконецъ, выше борчалинскихъ жили *демурчи-асанли* или *демурчасальскіе* татары.

Пространство земли, принадлежавшей Грузіи и занятой татарами, было

(1) Записки Буткова (рукоп.) Военно-ученый архивъ Главнаго Штаба.

долгое время мѣстомъ спора различныхъ народностей. Частые набѣги кочующихъ народовъ, вторженіе въ Грузію персіянъ и турокъ и, наконецъ, притѣсненія собственныхъ правителей, заставляли часто жителей покидать свои селенія, переходить въ мусульманскія провинціи и, водворившись на новыхъ мѣстахъ, оставаться тамъ на жительствѣ. Оттого населеніе дистанцій постоянно колебалось и нерѣдко уменьшалось; даже и тѣ жители, которые и оставались здѣсь, вели полукочевую жизнь, какъ бы постоянно готовясь къ переселенію. Пожитки туземцевъ были всегда собраны и уложены, такъ что въ нѣсколько часовъ семейство могло собраться и отправиться въ путь. Соблюдая большую умѣренность въ пищѣ и получая ее отъ своихъ стадъ, жители всюду находили для своего скота обильный кормъ, а сами, подъ благотворнымъ небомъ юга, не нуждались въ постоянныхъ и прочныхъ хижинахъ. Оставаться на мѣстѣ и заниматься хлѣбопашествомъ туземцы не находили выгоднымъ. Система, существовавшая относительно орошенія полей, дѣлала ихъ равнодушными къ сельскимъ занятіямъ. Обиліе жатвы зависѣло отъ достатка напускной воды, а между тѣмъ орошающими каналами владѣли нѣсколько человѣкъ, такъ что жители никогда не были увѣрены въ успѣхѣ жатвы.

Татары, составляя господствующее населеніе дистанцій, жили перемѣшанно съ армянами, причемъ число послѣднихъ составляло не болѣе одной четверти. Какъ селенія вообще, такъ и жители въ частности были надѣлены землею неуравнительно: лучшія и обширнѣйшія земли принадлежали татарамъ, худшія—армянамъ. Но, не смотря на это, армяне одни занимались землedѣліемъ. Обитая по большей части въ горахъ, не изобилующихъ пахатными землями, они принуждены были нанимать земли для посѣвовъ.

Среди татаръ жили въ разныхъ мѣстахъ грузины и греки, поселившіеся преимущественно въ Борчалахъ и занимавшіеся исключительно разработкою рудъ.

Такая пестрота населенія Грузіи была причиною того, что картвельская народность, въ территоріальномъ отношеніи, перемѣшалась съ другими народностями и, не сохранивъ той сплошной населенности, какая существуетъ въ Имеретіи и Мингреліи, удержала однакоже свою особенность въ правахъ и обычаяхъ.

Переходя къ описанію этихъ обычаевъ, необходимо замѣтить, что все сказанное о грузинахъ должно, въ одинаковой степени, относиться и до имеретинъ, мингрельцевъ и гурійцевъ, за исключеніемъ тѣхъ незначительныхъ особенностей, которыя будутъ указаны въ отдѣльной статьѣ.

ГРУЗИНЫ.

I.

Рожденіе. — Крещеніе.—Свадьба и вѣрованія грузинъ.—Домъ грузина.—Одежда.—Пища.—Положеніе женщины въ семействѣ.

Жизнь грузина представляетъ много любопытнаго для наблюдателя, привыкшаго къ общему европейскому строю жизни. По лощинамъ и скатамъ горъ, раскинуты грузинскія деревни. Издали онѣ кажутся неправильною насыпью или грудою развалинъ. Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ; въ Кахетіи, напротивъ того, всѣ тонутъ въ зелени. Въ самомъ расположеніи деревни нѣтъ собственно ничего характеристичнаго, опредѣленнаго: двухъ-этажный домъ стоитъ рядомъ съ землянкою, едва видною отъ горизонта земли.

Каждый строится тамъ, гдѣ ему вздумается, не обращая вниманія на то, «нарушитъ ли онъ удобство другихъ, или займетъ дорогу». Улицъ нѣтъ; проходы между домами такъ узки и наполнены такими рытвинами, что одиночные всадники едва подвигаются впередъ. Грузины не имѣютъ привычки очищать улицъ; соръ и падаль валяются въ глазахъ всѣхъ и, своимъ разложеніемъ, заражаютъ воздухъ...

Посреди плоскихъ крышъ домовъ, возвышаются конусообразныя насыпи, съ отверстіемъ для выхода дыма, а вокругъ нихъ набросаны связки хвороста и терновника, идущаго на топку. Досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы, на кормъ птицамъ—необходимыя пристройки къ дому.

Не подалеку отъ деревни раскинуты мякинницы, большіе стога сѣна, и длинныя, ушедшія въ землю, *гомури* – гдѣ содержится рабочій скотъ. Въ нѣ-

которыхъ деревняхъ видна церковь, построенная въ видѣ русской избы, съ покатою, но черепичною крышею.

Она всегда мала и можетъ помѣстить не болѣе десятой части поселянъ (1). Скромное кладбище, омываемое чистымъ ручейкомъ или рѣчкою, составляетъ принадлежность почти каждой деревни.

Хата (сакля) простолюдина первобытной постройки. Она строится изъ плетня, съ двумя отдѣленіями, одно для семейства, другое для кладовыхъ. Сакля доступна только со стороны входа. Крыша и заднія стѣны приходятся въ уровень съ землею. Ее окружаютъ приземистый колючій заборъ и деревья орѣшника, виноградника и плакучей ивы. Входъ въ саклю закрытъ навѣсомъ, устроеннымъ на небольшихъ столбикахъ, испещренныхъ весьма часто разными узорами.

Входная дверь ведетъ прежде всего въ *дарбази*—главную и самую большую комнату, посреди которой стоятъ два, а иногда и одинъ столбъ (*деда бодзи*), служащій опорою всему дому.

Пріемная, гостиная, кухня и самая семейная жизнь селянина сосредоточивается въ этой комнатѣ. Къ потолку придѣлана желѣзная цѣпь съ крючкомъ, на которомъ вѣшается котелъ. Въ дарбази же разводится огонь или устраивается небольшой очагъ—углубленіе, выложенное камнемъ—служащій для приготовленія пищи и согрѣванія во время холода. Вокругъ очага семья собирается обѣдать; здѣсь же она и спитъ. Полъ въ саклѣ земляной и неровный. Вдоль задней стѣны дарбази идутъ деревянныя полки, съ симметрически разставленною посудою.

Посуда состоитъ изъ *азарпеши*—небольшой серебряной чашечки съ тонкою продолговатою ручкою. Азарпеша имѣетъ видъ суповой разливательной ложки, на которой часто написано, во всю длину ея, кому принадлежитъ и что стоитъ.

Кула—кувшинъ, съ узкимъ горлышкомъ, сдѣланный изъ орѣховаго наплыва, покрытаго краснымъ лакомъ, или изъ корня грушеваго дерева, съ пустотою внутри.

Азарпеша и кула—сосуды, изъ которыхъ, по преимуществу, пьютъ вино. Когда пьютъ изъ кулы, то вино, стремясь изъ широкаго въ узкое и спиральное отверстіе, производитъ звукъ, похожій на воркованіе горлинки. Изъ кулы меньше выпьешь, за то скорѣе опьянѣешь.

Самый замѣчательный кубокъ грузинъ—это *турій рогъ*, часто оправленный въ серебро; въ него помѣщается до полтунги вина (тунга 5 бутылокъ).

Остальная посуда состоитъ изъ деревянныхъ чашекъ, грубой работы, и глиняныхъ кувшиновъ, иногда натуральнаго цвѣта, а иногда муравленыхъ.

Въ противоположной входу стѣнѣ сакли, устроена большая нишь, въ ко-

(1) Д. Бокрадзе: „Грузія и грузины" Кавк. 1851 г. № 30, 123. „Сцены изъ грузин. жизни" Д. Бокрадзе. Кавк. 1850 г. № 91.

торую укладываютъ постель. Мебель составляютъ широкіе, но низкіе *тахт ы* (родъ дивана), сколоченные изъ досокъ. Тахты поставлены вдоль одной или двухъ стѣнъ, покрыты разноцвѣтными коврами, съ красною *мутакою* (продолговатая подушка). У третьей стѣны стоятъ сундуки, окованные желѣзомъ или обтянутые кожею, и *кидобани* (деревянный ящикъ) для храненія хлѣба. Тутъ же стоятъ кувшины для воды и другая мелкая утварь.

По стѣнамъ развѣшаны военные доспѣхи хозяина, покрытые весьма часто значительнымъ слоемъ копоти. Пища приготовляется въ самой саклѣ, въ висящемъ надъ очагомъ котлѣ, и оттого постоянное пребываніе въ комнатѣ дыма рѣжетъ глаза и коптитъ всю внутренность дома (¹). Пламя, подвимаясь, нагрѣваетъ саклю. Къ балкѣ, упирающейся въ потолокъ, привѣшенъ глиняный или желѣзный шкаликъ съ растопленымъ саломъ. Горящій фитиль его даетъ тусклый мерцающій свѣтъ и, вмѣстѣ съ пламенемъ костра, составляетъ все освѣщеніе сакли, застланной дымомъ горящаго костра.

Вокругъ очага сидятъ дѣти, съ раскраснѣвшимися пылающими щеками. Скинувъ съ себя обувь и развалившись на тахтѣ, разговариваютъ хозяева громко и торжественно. Снявъ головной уборъ и накрывшись платкомъ, сидитъ мать семейства, у деревянной рѣзной колыбели, и погремушками забавляетъ дитя или тихою пѣснею убаюкиваетъ его. Ребенокъ не слушается, капризничаетъ. Мать стращаетъ его чудовищемъ. Простой народъ вѣритъ въ существованіе *булы*—страшилища, которое, имѣя огромный ротъ и предлинный языкъ, хватаетъ ребенка, бросаетъ его въ глотку и пожираетъ. По увѣренію и понятію многихъ, *була* ходитъ по ночамъ около дворовъ и уноситъ попадающихся ему дѣтей. Угрозы матери не дѣйствуютъ: ребенокъ кричитъ и капризничаетъ по прежнему. Какъ унять плачъ неугомоннаго? Остается привѣсить къ его колыбели ослиное копыто, или дать ему сокъ подорожника, разведенный въ молокѣ матери. Средство это испытанное—и ребенокъ навѣрно перестанетъ плакать и кричать.

Одного убаюкали—другія просятъ ужинать. Накормивши всѣхъ, хозяйка застилаетъ постели, подкладываетъ подъ подушки деревянную подставу, и все семейство ложится. Ложится спать и она.

Передъ сномъ почти каждая грузинка читаетъ особую молитву.

— Лягу, засну, произноситъ она, осѣнюсь крестнымъ знаменіемъ. Девять иконъ, девять ангеловъ осѣнятъ мои ноги и голову. Милуетъ меня крестъ и на немъ Распятый, а потому и не можетъ вредить мнѣ искуситель (²).

Глубокая полночь. Все семейство давно уже спитъ; въ саклѣ тихо—тихо

(¹) „Письма изъ Кахетіи" кн. Р. Эристовъ, Кавказ. 1846 г. № 25. „Грузинскіе очерки и типы" К. Вилемска, Кавк. 1847 № 16. „Грузія и грузины" Д. Бокрадзе. Кавк. 1851 г. № 30. „Очерки деревенскихъ нравовъ Грузіи" Н. Берзеновъ, Кавк. 1854 г. № 98. Гакстгаузенъ, „Закавказскій край"; изд. 1857 г. часть I, стр. 67, 75, 145.

(²) Агебисъ-гамс (заговѣнье), Ив. Гзеліева, Закавк. Вѣстникъ 1855 г. № 6.

и кругомъ. Чей-то стукъ въ двери нарушаетъ окружающую тишину: то стучится посланный отъ сосѣда или родственника.

— Что такое? спрашиваютъ проснувшіеся хозяева.

— У барыни заболѣлъ животъ (калбатона муцели сткова), отвѣчаетъ посланный.

Не ожидая никакихъ дальнѣйшихъ распросовъ, вѣстникъ спѣшитъ къ другимъ саклямъ, гдѣ живутъ еще родственники или знакомые пославшаго его господина. Разбуженные хозяева также не задерживаютъ посланнаго, не спрашиваютъ его о причинѣ такой болѣзни, ибо всѣмъ извѣстно, что, по обычаю, онъ присланъ отъ мужа женщины, которая чувствуетъ приближеніе родовъ. Хозяйка тотчасъ же одѣвается и отправляется къ родильницѣ—это необходимо исполнить по принятому обыкновенію.

Мало по малу со всѣхъ концовъ собираются родные и знакомые больной, которая лежитъ среди комнаты, на постелѣ.

Существуетъ повѣрье, что при родахъ нечистая сила, въ образѣ змія, старается напасть на новорожденнаго и задушить родильницу. Чаще же всего *али*—духъ женскаго пола—преслѣдуетъ родильницъ. Онъ является имъ въ образѣ повивальныхъ бабокъ, умерщвляетъ дитя, а родильницу уводитъ и бросаетъ въ рѣку.

Слово *али* значитъ собственно—пламя. Грузины считаютъ его злымъ духомъ и вѣрятъ, что онъ тотчасъ же изчезаетъ при крестномъ знаменіи и произнесеніи имени какого-либо святаго. Народъ разсказываетъ, что *али* живетъ вездѣ, но, преимущественно, въ Базалетскомъ озерѣ. По представленію народа, *али*—прекрасная, очаровательная женщина, съ распущенными волосами, постоянно плещущаяся въ озерѣ и поющая сладострастныя пѣсни.

Духи эти проказничаютъ надъ тѣми, кто ихъ не узнаетъ. Одна изъ подобныхъ продѣлокъ разсказывается и до сихъ поръ устами суевѣрныхъ грузинъ. Въ селеніи Базалети жила повивальная бабка. Въ темную ночь пришли къ ней прекрасныя женщины, прося помочь одной матери, страдающей родами.

Старуха отправилась. Въ огромныхъ палатахъ нашла она женщину, мучившуюся родами. Бабка подала ей помощь, приняла и показала матери чуднаго ребенка, за что и получила полный платокъ золота. Прекрасныя женщины проводили старуху до двора, но здѣсь спутницы ея изчезли со смѣхомъ и шумомъ, а старуха увидѣла, что въ платкѣ ея вмѣсто золота—зола. Она догадалась, что то были али.

Грузинъ, впрочемъ, имѣетъ средство овладѣть этими прекрасными женщинами. Стоитъ только схватить али за косы, изъ которыхъ она не можетъ оставить въ рукахъ противника ни одного волоска, и тогда она окончательно побѣждена.

Побѣжденныя, онѣ дѣлаются кроткими, послушными и полными рабынями поймавшаго.

Али нечужды превращеній. Изъ прекрасной женщины, онѣ могутъ слѣ-

латься чудовищемъ, у котораго «зубы словно кабаньи клыки, а коса во весь ростъ, и говоритъ-то она хотя человѣческимъ языкомъ, но все наоборотъ: вся она создана на изнанку, и всѣ члены ея выворотные» (1).

Въ защиту отъ такого чудовища, подъ голову родильницы кладутъ обнаженные кинжалъ и шашку, а самую кровать, гдѣ лежитъ она, вмѣсто занавѣса, окружаютъ освященною сѣтью.

Не смотря ни на какія страданія, больная не можетъ позвать къ себѣ мужа, лишеннаго теперь права входить въ комнату жены, около которой сидитъ бабка и двѣ или три женщины для услугъ. Попеченію бабки поручается, главнымъ образомъ, больная. Чтобы облегчить страданія родильницы—еслибы таковыя случились — бабка запасается на всякій случай, если она опытная и бывалая, разными снадобьями. Въ пузырькѣ у нея есть, напримѣръ, желчь отъ ежа, которую, по повѣрью народа, необходимо развести въ водѣ и дать выпить больной, у которой, по несчастію, умретъ ребенокъ въ утробѣ. Средство это вѣрное и испытанное: оно облегчаетъ роды (2).

Шумъ, веселье, разговоры и закуска окружаютъ больную. Хохотня гостей, вмѣстѣ со стономъ больной, наполняютъ комнату. Случается, что родильница не выдерживаетъ приличій и зоветъ мужа.

— Смотрите, говорятъ тогда блюстительницы чистоты нравовъ, смотрите, какая грѣховодница: умираетъ, а все-таки думаетъ о мужѣ. Просто стыдъ и срамъ!..

Насмѣшки и колкости дѣлаютъ то, что мучащаяся женщина рѣдко зоветъ къ себѣ мужа. По большей части, онъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ, и тамъ ожидаетъ себѣ наслѣдника или наслѣдницу. Сынъ предпочитается дочери, и будущій отецъ, по всѣмъ признакамъ, увѣренъ, что новорожденный будетъ мужескаго пола. Признаки эти хорошо сохранились въ его памяти. Для провѣрки ихъ онъ можетъ развернуть рукописную книгу, извѣстную у грузинъ подъ именемъ *Карабадима*—нѣчто въ родѣ народнаго лечебника.

Въ 38-й главѣ этой книги онъ прочтетъ: если у беременной женщины «правая сторона живота замѣтно выдается, то будь увѣренъ, что родится сынъ, если же лѣвая, то дочь. Если у женщины, въ періодѣ интереснаго положенія, цвѣтъ лица румяный, то непремѣнно будетъ сынъ, а если она блѣдна—то дочь».

Если женщина, идя на зовъ, сперва шагаетъ правою ногою, то будетъ сынъ, а если лѣвою—дочь. Всѣ эти признаки, казалось, улыбаются будущему отцу. Онъ сожалѣетъ только о томъ, что, для лучшаго убѣжденія себя, не прибѣгалъ прежде къ другому опытному и достовѣрному средству, которое совѣтуетъ тотъ же «Карабадимъ». «Возьми, сказано въ немъ, чашку съ во-

---

(1) „О грузинской миѳологіи вообще и объ али въ особенности“, А. Саванели. Закав. Вѣст. 1864 г. № 43. См. также Кавк. 1857 г. 49.

(2) „Очерки древ. нрав. Грузіи“, Н. Берзеновъ. Кавк. 1858 г. № 56.

дою, влей туда немного молока беременной женщины и наблюдай: сосредоточится ли оно на поверхности воды или смѣшается съ нею и пойдетъ ко дну: въ первомъ случаѣ жди сына, и наоборотъ» (1).

Мысль о рожденіи сына вызываетъ улыбку отца, которая, впрочемъ, можетъ скоро исчезнуть отъ мысли, что станется съ новорожденнымъ? Какая судьба ожидаетъ его впереди? И на эти вопросы есть отвѣты въ томъ же «Карабадимѣ»—этомъ аракулѣ грузинскаго народа.

«9 и 22 марта, 6 и 25 апрѣля, 4 и 29 мая, 5 и 22 іюня, 9 и 26 іюля, 7 и 29 августа, 3 и 22 сентября, 6 и 21 октября, 6 и 20 ноября, 5 и 22 декабря, 5 и 27 января, 9 и 22 февраля—безусловно несчастливы для всего: для работъ, построекъ, путешествій, покупки и продажи; для займовъ, перестройки, перехода въ новый домъ, для свадебъ, кровопусканія, сновъ, посѣвовъ, посадокъ—короче сказать, для всего; въ эти дни лучше ничего не дѣлать. Ребенокъ, родившійся въ одинъ изъ этихъ дней, едва ли будетъ жить, а если и останется въ живыхъ, будетъ несчастливъ, потому что сказанныя числа называются *петикони*, т. е. роковыми.

«Не сдобровать тому, кто заболѣетъ въ эти дни: отъ того-то Господь повелѣлъ израильтянамъ строго наблюдать ихъ» (2).

Положимъ, будущій новорожденный избѣжалъ этихъ роковыхъ чиселъ, и родители захотѣли бы узнать, какого онъ будетъ характера, счастливъ или несчастливъ; на это есть лунный календарь, хорошо извѣстный каждому грузину (3).

Кто родится въ первый день луны, будетъ счастливъ и долголѣтенъ. Во второй день уже не хорошо родиться, потому что новорожденный будетъ изувѣромъ и развратникомъ по своей волѣ, независимо отъ Бога или отъ планеты.

Родившійся въ III день луны будетъ фанатикъ и лжецъ; будетъ счастливъ, но медленно рости; изъ него выйдетъ воевода; въ IV день—нездороваго тѣлосложенія, гнѣздилище недуговъ, долженъ остерегаться огня, воды и меча: они могутъ прекратить дни его. Въ V день —проживетъ долго; въ VI—будетъ счастливъ, но вспыльчивъ; въ VII—едва ли останется въ живыхъ, а если останется, то изъ него выйдетъ человѣкъ; въ VIII—будетъ ученъ и исполненъ мудрости; въ IX—скоро выростетъ, будетъ счастливъ, всѣмъ любезенъ, но также скоро и умретъ; въ X—будетъ счастливъ, долголѣтенъ, полюбитъ трудъ, но будетъ тяжелъ, строптивъ и пьяница; въ XI—отмѣченъ большимъ знакомъ, счастливъ, но немножко злорѣчивъ; въ XII — добродѣтеленъ, охотникъ

---

(1) О грузинской медицинѣ. Кавк. календ. на 1857 г. стр. 484.

(2) Тамъ же, стр. 508.

(3) Лунный календарь переведенъ акад. Броссе на французскій языкъ и напечатанъ въ его книгѣ: Mémoires inédits relatifs à l'Histoire et à la langue géorgienne. Paris 1833 г. Переводъ съ французскаго. помѣщенъ въ газетѣ „Кавказъ“ 1853 г. № 71.

до путешествій, долженъ остерегаться огня и воды; умретъ злою смертію; въ XIII — будетъ безбожникъ и зараженъ проказою.

Кто родится въ XIV день будетъ праведникомъ, познаетъ волю Божію и спасется, но будетъ преслѣдуемъ многими болѣзнями и злоключеніями; въ XV — угрюмъ и лжесвидѣтель; въ XVI — проживетъ долго и будетъ добръ; въ XVII — будетъ длинноволосъ и проживетъ только 12 лѣтъ; въ XVIII — насладится радостною жизнію до глубокой старости; въ XIX — будетъ красавецъ и проживетъ долго, но будетъ жаденъ, неблагомыслящъ, гордъ, корыстолюбивъ, сквернословенъ и умретъ отъ жестокосердія; въ XX — недовѣрчивъ; въ XXI — будетъ мудрый торговецъ и любитель правды; въ XXII — молчаливъ и счастливъ; въ XXIII — хищникъ и злорѣчивъ, а въ остальномъ надѣленъ всѣми дарами природы; въ XXIV — умретъ отъ меча.

Если XXV день придется въ субботу, то бѣда въ этотъ день родиться, потому что въ XXV день, и именно въ субботу, «родится *Анте* (антихристъ), человѣкъ съ багровымъ лицемъ, съ веснушками, съ длинными голенями, съ рѣдкими волосами; правый глазъ у него будетъ на лбу, правое ухо на темени, носъ смрадный. Онъ погубитъ всю вселенную».

Родившійся въ XXVI день спасется, будетъ богобоязненъ и любимъ высшими; родъ его скоро распространится, въ XXVII — хорошо родиться, но сны ничего не стоютъ; въ XXVIII — будетъ злодѣй и умретъ отъ руки женщины; въ XXIX — проживетъ много лѣтъ, будетъ любезенъ, а потому и развратенъ. Родившійся въ XXX день — проживетъ 60 лѣтъ, будетъ тароватъ, счастливъ и имѣть родимый знакъ на правомъ плечѣ и на щекѣ.

Въ какой же день лучше всего родиться? задаетъ себѣ вопросъ грузинъ, прочитавшій эти примѣты; но вотъ уже слышится крикъ новорожденнаго.

Съ этого момента никто изъ вновь пришедшихъ навѣстить родильницу или новорожденнаго младенца не допускается къ нимъ ранѣе, какъ по прошествіи часа со времени прихода.

Грузины вѣрятъ въ существованіе *злаго вѣтра*, который пристаетъ къ людямъ, переправляющимся ночью черезъ рѣки и вообще воды. Вѣтеръ этотъ не приноситъ никому вреда, кромѣ женщинъ находящихся въ родахъ, и ихъ новорожденнымъ. На этомъ-то основаніи пріѣзжіе никогда ранѣе часа не впускаются къ родильницѣ.

Въ комнатѣ, гдѣ лежитъ больная, поднимается еще большій шумъ и разгулъ присутствующихъ женщинъ. Поздравленія сопровождаются пѣснями, въ которыхъ мать сравниваютъ съ луною, а новорожденнаго младенца съ солнцемъ. Больной желаютъ здоровья, а младенцу золота, чиновъ и чудной красоты. Шумъ и хохотъ гостей смѣшиваются со стономъ хозяйки и оглашаютъ комнату...

Грузины бываютъ очень не довольны, когда родится дочь. Отцу не возвѣщаютъ тогда о рожденіи ребенка, и онъ, догадавшись о такой невзгодѣ, сер-

дится на жену, и если у него родилось нѣсколько дочерей сряду, то огорчается не на шутку.

— И, батюшка! утѣшаютъ его простодушно родственницы, точно съ нимъ приключилось какое нибудь серьезное несчастіе. Полно огорчаться; что дѣлать, видно на то воля Божія: онъ наказуетъ, онъ и милуетъ; авось на будущій разъ родится у васъ сынокъ; вы еще молоды, напрасно отчаяваетесь.

Рожденіе сына, и въ особенности перваго, составляетъ истинное удовольствіе для родителей. Тотчасъ же дается праздникъ *дзеоба*, т. е. рожденіе сына. Выстрѣлъ изъ ружья возвѣщаетъ о появленіи на свѣтъ младенца мужескаго пола. Служанка изъ дому новорожденнаго бѣжитъ извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ съ пріятною новостію и получаетъ отъ нихъ въ подарокъ *самохоробло*, деньги за радостное извѣстіе. Въ теченіе цѣлой недѣли посѣщаютъ больную родные, знакомые и проводятъ около ея постели цѣлые дни и ночи.

Въ защиту матери и младенца, отъ всякихъ покушеній али, принимаются мѣры.

«Насъ было три брата,—сказано въ молитвѣ противу али, молитвѣ, которую иногда читаетъ одна изъ женщинъ,—во имя св. Троицы, и носили мы каждый двойное имя: Арозъ-Марозъ, Эмброзъ-Эдварозъ, Эвмарозъ-Антіохосъ. Охотились мы на полѣ дамасскомъ, гдѣ есть гора, изобилующая оленями, и напали мы на слѣдъ прямой-превратный: пятки прямыя, а животъ на оборотъ; спина прямая, а лицо на оборотъ. Отправились мы по тому слѣду и увидѣли, стоявшую въ пещерѣ, дѣвушку: волосы у нея пурпурные, зубы жемчужные. Мы спросили ихъ: кто вы? и какъ ваше имя? Она отвѣчала: Я—али, нечистая сила, что прихожу къ родильницѣ, хватаю ее за волосы и удавливаю вмѣстѣ съ ребенкомъ. Тутъ мы обнажили мечи и стали поражать злодѣйку. Тогда начала она умолять насъ и сказала съ клятвою: Господа мои, пощадите меня, и я впредь на сто милліоновъ триста восьмнадцать стадій (мѣра длины около 115 шаговъ) не осмѣлюсь приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ будутъ произносить ваши имена или будетъ находиться хартія съ вашими именами. Явились св. архангелы Михаилъ и Гавріилъ; вышелъ черный всадникъ, ведя чернаго коня, въ черной сбруѣ, съ черною плетью. Сѣлъ онъ на того коня, отправился по черной дорогѣ. Спросили его: куда ѣдешь, злодѣй смрадный, съ зубами ядовитыми? Отстань отъ сего раба Божьяго и войди въ голову дракона. Христосъ, Богъ милосердія, благости и отрады. Помоги Матерь Христа Марія и даруй облегченіе рабу Божію» ([1]).

Молитва отъ али прочтена—остается оградить младенца и родильницу отъ всякой другой нечистой силы въ образѣ змія.

Для этого учреждается ночная стража (*гамисъ-тева*), обязанная защи-

---

([1]) Н. Берзеновъ: „О грузинской медицинѣ". Кавк. календ. на 1857 г. стр. 499.

щать ихъ отъ нечистой силы, такъ какъ дознано опытомъ, «что новорожденный и мать только пятнадцать дней бываютъ въ опасности отъ змія».

Пятнадцати-дневный срокъ назначается для стражи при рожденіи одного первенца; затѣмъ, при рожденіи слѣдующихъ дѣтей, срокъ для стражи уменьшается послѣдовательно на одинъ день. Такъ, для втораго новорожденнаго стража собирается только на четырнадцать дней, для третьяго — на тринадцать дней и т. д.

Находящіеся на *гамисъ-тева* размѣщаются на балконахъ, крышахъ или въ комнатѣ больной. Число ихъ бываетъ различно, смотря по состоянію и значенію отца новорожденнаго; иногда число это доходитъ до ста человѣкъ. Въ караулѣ этомъ принимаютъ участіе какъ мужчины, такъ и женщины. Одни занимаются стрѣляніемъ изъ ружей, чтобы напугать нечистую силу и, при случаѣ, ранить или убить змія, другіе открываютъ танцы: составляется кругъ — одна половина изъ мужчинъ, другая изъ женщинъ. Опираясь руками на плечи другъ друга, приплясывая то направо, то налѣво, они поютъ пѣсню:

Солнце войди въ домъ,
Въ домъ слѣпца, въ домъ луны—войди, солнце,
Во яхонтовый погребъ.
Стеклянная посуда готова и вино искрится,
Въ домѣ выросъ чинаръ,
Сирена распустила крылья,
Солнце разрѣшилось луной—
У насъ родился сынъ,
Но врагъ принимаетъ его за дочь.
Отца дитяти нѣтъ дома:
Онъ отправился въ городъ
За колыбелью и колыбельнымъ приборомъ.

Одна изъ женщинъ принимаетъ роль запѣвалы, подъ голосъ которой подхватываютъ всѣ другія и поютъ первые два стиха, затѣмъ слѣдующіе два стиха поютъ точно также мужчины, потомъ женщины и т. д. по очереди [1].

Подъ-утро для всѣхъ караульныхъ устраивается ужинъ, который извѣстенъ подъ именемъ *сирисъ-куди* (хвостъ ужина, т. е. остатки послѣ ужина—закуска). Названіе это присвоено потому, что сирисъ-куди бываетъ послѣ семейнаго ужина и состоитъ только изъ однихъ сластей.

Крещеніе совершается обыкновеннымъ образомъ. Грузины часто къ хри-

---

[1] Гамисъ-тева. Сирисъ-куди В. Цвѣткова. Кавк. 1851 г. № 11.

стіанскому имени прибавляютъ другое, заимствованное ими или отъ мусульманъ, или же выражающее какое-либо качество, напримѣръ: Асланъ, Парсаданъ, Бардисахаръ (розоподобная) и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи существовало обыкновеніе новорожденнаго мальчика обсыпать солью съ головы до ногъ. Увѣряютъ, что, отъ такого дѣйствія, младенецъ выйдетъ человѣкомъ крѣпкимъ, могучимъ и въ состояніи будетъ, безъ всякаго опасенія, перенести всѣ житейскія бури. У грузинъ соль — эмблема твердости, вкуса и изобилія во всемъ. Въ колыбель младенца кладутъ иногда собачій зубъ, потому что, по народному повѣрью, онъ ускоряетъ прорѣзываніе и рощеніе зубовъ младенца.

Мальчикъ ростетъ на совершенной свободѣ, а дѣвочка подъ надзоромъ матери. Послѣднюю, нерѣдко на восьмомъ году отъ рожденія, отдаютъ въ монастырь для изученія рукодѣлій и грамотѣ. Обычай этотъ, какъ надо полагать, произошелъ изъ желанія скрыть своихъ дочерей отъ персіянъ, ежегодно посылаемыхъ прежде собирать хорошенькихъ дѣвицъ въ гаремъ шаха.

Вѣроятно, та же самая причина заставила грузинъ обручать дочь чуть ли не со дня ея рожденія, въ самой колыбели. По уложенію царя Вахтанга, дѣвочка, достигшая 12-ти лѣтъ, считалась совершеннолѣтнею и могла выйдти замужъ.

Какъ всегда и вездѣ, родители хлопочутъ о скорѣйшей выдачѣ дочери замужъ. Желаніе свое они приводятъ въ исполненіе при помощи свахъ, которыхъ выбираютъ или изъ числа родственницъ, или духовныхъ лицъ, или же, всего чаще, изъ близкихъ знакомыхъ женщинъ.

Переговоры о бракѣ происходятъ всегда между родителями. О приданомъ прежде не очень заботились, но каждая невѣста получала въ приданое непремѣнно одну или двѣ азарпеши, которыя и переходили всегда по наслѣдству. Въ послѣднее время стали, впрочемъ, появляться *сіа* — списокъ приданому, которое обѣщаютъ дать родители за невѣстою. Теперь почти каждая сваха имѣетъ такой *сіа*, въ которомъ значится, напримѣръ:

Лечаковъ тюлевыхъ, атласныхъ и блондовыхъ на . .	100 р.
Тавксакрави разныхъ сортовъ	50 »
Сумублей	25 »
Сурмы	5 »
Чхирей разныхъ сортовъ	3 » и т. д.

Покончивъ переговоры, женихъ, черезъ своего дядю или другаго родственника, посылаетъ своей невѣстѣ *хелисъ-дасадеби*—сахаръ и колечко. Родители невѣсты призываютъ священника, который читаетъ надъ перстнемъ молитву, и отецъ, передавая его дочери въ знакъ обрученія, говоритъ, что она невѣста такого-то. Молодая дѣвушка только теперь узнаетъ, что жребій ея брошенъ, и что она выходитъ замужъ.

Жениху необходимо взглянуть на руки своей будущей супруги: если у нея ручка маленькая, но съ длинными пальцами, то это доказательство уз-

каго таза и трудныхъ родовъ; нижнія кости пальцевъ красивыя и правильныя— признакъ долгой, но скверной жизни; толстые суставы—жизнь короткая, но хорошая. Пропорціональныя руки—страхъ Господень, благоразуміе, правосудіе, а руки, которыя дрожатъ при прикосновеніи, означаютъ гнѣвъ—который легко усмирить—мудрость и робость. Соприкасающіяся и перемѣшивающіяся линіи большаго пальца—признакъ самоубійства; круглыя ногти—хорошія извѣстія; бѣлыя пятна на ногтяхъ, окрашенныя наподобіе небольшихъ кусковъ раскаленнаго угля—признакъ счастія.

Положимъ, что женихъ видѣлъ руку, успѣлъ тщательно замѣтить всѣ признаки и доволенъ очень ея конструкціею.

— Какую руку ты смотрѣлъ? спрашиваютъ его близкіе.

— Правую, говоритъ онъ.

Тѣ приходятъ въ смущеніе; женихъ удивляется и скоро узнаетъ причину.

«Каждый человѣкъ, сказано въ грузинской хиромантіи, имѣетъ двѣ руки; наблюдайте внимательно руку. Знайте также, ночью или днемъ родился человѣкъ: во второмъ случаѣ наблюдайте правую руку, лѣвую въ первомъ. У дѣвушки особенно разсматривайте лѣвую руку и знайте твердо, днемъ или ночью она родилась».

Тутъ-то только женихъ видитъ, но поздно, свою ошибку (¹).

Спустя нѣкоторое время послѣ сговора, назначается *пирис-нахва*, т. е. день, въ который женихъ въ первый разъ является посмотрѣть лицо невѣсты.

Хороша-ли она или дурна—онъ не можетъ уже, послѣ обрученія, отказаться отъ нея, не заплативъ пени. Женихъ, послѣ посѣщенія невѣсты признается роднымъ, и въ честь его дается *ертаджала*—обѣдъ жениха съ невѣстою, на которомъ онъ имѣетъ полное право не только смотрѣть на свою будущую жену, но и сдѣлать ей подарокъ, состоящій, по преимуществу, изъ платка и чётокъ.

Приготовленіе къ свадьбѣ лежитъ на обязанности жениха, который, въ свою очередь, поручаетъ позаботиться о томъ шаферу (*меджваре* или *натлія*), пользующемуся у грузинъ большимъ уваженіемъ. Меджваре бываетъ обыкновенно кто нибудь изъ почетныхъ родныхъ и, впослѣдствіи, креститъ дѣтей.

Грузинскія свадьбы, какъ въ городахъ, такъ и деревняхъ, бываютъ большею частію съ ноября до масляницы; на масляницѣ вѣнчаются только одни армяне.

За нѣсколько дней до свадьбы, въ назначенный вечеръ, гости собираются въ домъ жениха. Хозяинъ старается убрать свое помѣщеніе самымъ изысканнымъ образомъ, на сколько позволяютъ его средства. Богатые увѣшиваютъ стѣны и потолки коврами, которые берутъ на прокатъ на базарѣ.

Наканунѣ свадьбы, шаферъ собираетъ молодыхъ людей (*макари*) и, вмѣстѣ

(¹) Грузинская хиромантія. Кавказъ 1854 г. № 23.

съ ними, ведетъ жениха въ баню. Невѣста обязана исполнить то же самое. Баня для грузина—это истинное удовольствіе; у нихъ есть даже обыкновеніе поздравлять съ *абано*, какъ съ праздникомъ. Посѣщать баню и понѣжиться въ ней особенно любятъ женщины. Собираясь въ баню, безъ различія, будетъ ли то праздничный или воскресный день, онѣ нагружаютъ бѣльемъ перваго попавшагося *мушу* (¹) и слѣдуютъ за ними со всѣми домочадцами.

Шумъ, крикъ, а иногда и ссоры слышатся въ банѣ. Посѣтители, усѣвшись въ кружокъ и разостлавъ на полу коверъ, размачиваютъ хлѣбъ и сыръ въ горячей сѣрной водѣ и съ удовольствіемъ принимаются утолять свой голодъ. Въ банѣ нерѣдко происходитъ цѣлый пиръ; въ баню собираются цѣлыми партіями, собственно для того, чтобы покутить на славу и потомъ освѣжиться ея водою. Звуки пѣсенъ, зурны и другихъ инструментовъ оглашаютъ баню и, скользя по ея сводамъ, раздаются и громче, и звучнѣе. Полунагіе грузины часто пируютъ въ баняхъ до самаго разсвѣта; тамъ же моется и женихъ наканунѣ свадьбы.

Въ назначенный для свадьбы день, женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты *сакорцило*—съѣстное, состоящее, по преимуществу, изъ коровъ, овецъ и свиней.

Въ Тифлисѣ, гдѣ цивилизація пустила уже свои корни, женихъ отправляетъ къ невѣстѣ священника и съ нимъ посылаетъ *халавз*—свадебный подарокъ. Онъ состоитъ изъ салопа, шалей, разныхъ галантерейныхъ вещей, двухъ головъ сахару и четырехъ свѣчей, обвитыхъ розовыми лентами. Священникъ оставляетъ у невѣсты подарки, одну голову сахару и двѣ свѣчи, а остальной сахаръ и свѣчи приноситъ обратно жениху, чтобы не одна невѣста, но и женихъ могъ провести супружескую жизнь также сладко, какъ сахаръ.

Собравъ *макреби*—родственниковъ и знакомыхъ, женихъ ѣдетъ вѣнчаться часто за 80 и за 100 верстъ. По обычаю, онъ выбираетъ себѣ такую дорогу, по которой не пришлось бы проѣзжать обратно съ молодою женою. На время свадьбы женихъ принимаетъ названіе *мепè* (царь), а невѣста *дедопали* (царица). Огромная свита сопровождаетъ жениха; все, что попадается на пути—овца, корова, курица—все рѣжется въ честь *мепè*, который обязанъ уже платить за нихъ. Проѣздъ черезъ деревни сопровождается пѣснями въ два хора....

На дворѣ сакли невѣсты, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, дымятся разложенные костры. Толпы мальчишекъ бѣгаютъ вокругъ нихъ съ крикомъ: *корцилія!* (свадьба). Одинъ изъ дѣтей забирается на верхушку самаго высокаго дерева и смотритъ вдаль. Въ самой саклѣ суматоха. Всѣ одѣты по праздничному. Тахта (низкій диванъ) убирается новымъ ковромъ, поверхъ котораго

(¹) Муша это вѣчный труженикъ, переносчикъ тяжелыхъ грузовъ съ одного мѣста на другое.

во всю длину положенъ тюфякъ, а на немъ *мутака*—круглая, продолговатая подушка изъ разноцвѣтнаго бархата, обшитаго по краямъ цвѣтнымъ канаусомъ. Въ особой комнатѣ *мдаде*—женщина убираетъ невѣсту. Материнскія наставленія не оставляютъ дочь ни на минуту. Ей разсказываютъ такія вещи, о существованіи которыхъ она и не подозрѣвала. Замкнутая въ кругу своего семейства и въ своей свѣтлицѣ, дѣвушка не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о предстоящей ей новой жизни, о ея потребностяхъ и невзгодахъ. Ей убираютъ голову и читаютъ наставленія.

— Не осрами меня, говорятъ ей, предъ своими и чужими. Веди себя такъ, какъ слѣдуетъ примѣрной царицѣ; не поднимай глазъ вверхъ, не смотри ни на кого и не оглядывайся по сторонамъ—что я говорю, по сторонамъ! старайся не моргать даже глазами; губы должны быть закрыты и самое дыханіе не слышно.

Отецъ невѣсты хлопочетъ объ угощеніи, музыкантахъ (сазандреби) и приглашаетъ *сазандара* (пѣвецъ), который долженъ непремѣнно присутствовать на каждой свадьбѣ. За удовольствіе его послушать часто платятъ по 60 руб. въ сутки. Болѣе же всего будущій тесть заботится о томъ, чтобы сдѣлать приличный подарокъ своему зятю и его макреби. Подарокъ этотъ обыкновенно состоитъ или изъ хорошей лошади, или изъ оружія.

Мало по малу въ домѣ все приходитъ въ порядокъ, стихаетъ и успокоивается. Къ воротамъ дома посланъ слуга съ азарпешей и кувшиномъ вина; онъ ждетъ кого-то.

— *Макреби мепіони* (ѣдутъ поѣзжане)! вскрикиваетъ вдругъ мальчикъ, сидѣвшій на деревѣ, и нарушаетъ тѣмъ общее спокойствіе.

Все семейство вскакиваетъ опять на ноги, всматривается вдаль по дорогѣ и различаетъ одинокаго всадника, скачущаго къ дому. Подъѣхавъ къ дому невѣсты, всадникъ производитъ выстрѣлъ и въѣзжаетъ на дворъ. Онъ молодъ и щеголевато одѣтъ. Простая баранья шапка его, окрашенная въ черный цвѣтъ, какъ-то особенно заломлена на бокъ. Рубашка изъ синяго бумажнаго холста застегнута на правой сторонѣ голой шеи. Только во время сильныхъ холодовъ грузинъ повязываетъ шейный платокъ. Широкіе суконные шальвары поддерживаются на таліи шнуркомъ съ кисточками и, по привычкѣ, общей всѣмъ грузинамъ, торчатъ на виду. Ситцевый архалукъ застегнутъ на рукахъ и груди множествомъ мелкихъ пуговицъ и стянутъ тремя обхватами канаусоваго пояса, къ которому привѣшенъ кинжалъ. Сверхъ архалука надѣта чёха, «которой руковъ мужикъ никогда не закидываетъ на плечи». Икры его, всегда обтянутыя кожаными онучами, для свадьбы обтянуты вязаными шелковыми; въ нихъ запущены «концы исподень, которые у щиколки застегнуты тесемками, концами спускающимися внизъ».

Обыкновенно употребляемые шкуровые лапти замѣнены теперь сапогами изъ сырцовой кожи, хотя и грубой работы, но съ подковами и ременными

тесемками или пуговками. На немъ надѣта мохнатая бурка, особенно любимая грузинами, «съ перевязью изъ полушелковаго платка на груди».

Грузинъ вообще неопрятенъ; въ продолженіе многихъ лѣтъ носитъ двѣ рубашки и не охотникъ мыть и стирать бѣлье. Надѣваетъ новое платье только тогда, когда старое свалится съ плечъ или въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, когда самъ женится, бываеъ на свадьбѣ, праздникѣ и т. п.

Чрезвычайно крѣпкаго тѣлосложенія, грузинскій простолюдинъ говоритъ живо и свободно. Онъ чрезвычайно добродушенъ, гостепріименъ, благороденъ, балагуръ и вообще веселаго нрава.

Одного изъ такихъ балагуровъ, записныхъ весельчаковъ, женихъ отправляетъ впередъ въ домъ невѣсты.

Онъ принимаетъ названіе *махаробели*—вѣщатель радости.

— *Мепѐ мобдзандеба* (царь ѣдетъ), говоритъ онъ. Я благовѣстникъ, радователь дома. Ѣлъ я ягоды, подвяжите мнѣ плечо.

— Побѣда тебѣ! побѣда! отвѣчаютъ присутствующіе: да будетъ добра твоя вѣсть.

Къ нему подходитъ слуга, стоявшій у воротъ, подвязываетъ къ плечу свѣтло-красный кусокъ ткани изъ шелковой матеріи (¹) и подноситъ азарпешу съ виномъ. Осушивъ разъ, другой и третій, махаробели затыкаетъ ее за воротникъ, какъ полученный, по обычаю, подарокъ. Посланнаго ведутъ въ саклю, гдѣ встрѣчаютъ съ глиняною чашкою, наполненною виномъ. Опорожнивъ ее залпомъ, онъ, со всего размаха, бросаетъ въ потолокъ и разбиваетъ въ дребезги.

— Вотъ такъ разсыпятся всѣ враги твои, говоритъ онъ хозяину.

— Да будетъ слухъ и вниманіе! обращается за тѣмъ махаробели ко всѣмъ присутствующимъ. Сейчасъ долженъ пожаловать сюда царь со свитою. Я его передовой и объявляю вамъ объ этомъ. А что, дедопали (царица-невѣста) готова?

— Царица давно наряжена, отвѣчаютъ ему, но она поступитъ въ распоряженіе мепѐ (жениха) не иначе, какъ послѣ щедраго вознагражденія ея наставницѣ.

Женихъ обязанъ заплатить *саостато*—плату за воспитаніе невѣсты— прежде чѣмъ поведетъ ее къ вѣнцу. Онъ долженъ заплатить также *пирисъмосартави*—плата за уборъ лица.

— За всѣмъ этимъ, мать моя, говоритъ махаробели, дѣла не станетъ, клянусь въ томъ твоимъ солнцемъ; нашъ мепѐ богатъ и такъ щедръ, какъ никто.

На дворѣ слышны ружейные выстрѣлы, пѣсни, крикъ и шумъ.

(¹) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи обязанность эту исполняетъ женщина при входѣ махаробели въ саклю.

— Мепѐ мобдзандеба (царь ѣдетъ), слышится со всѣхъ сторонъ и наразные голоса.

Женихъ пріѣхалъ. Онъ окруженъ свитою, состоящею изъ поѣзжанъ—людей всякаго возраста, но преимущественно изъ такихъ, которые любятъ кутнуть на славу. Для большинства изъ нихъ ни по чемъ осушить сряду нѣсколько турьихъ роговъ вина. Они обязаны, по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца, сколько пить, столько же пѣть, кричать и шумѣть.

Будущіе тесть и теща привѣтствуютъ и обнимаютъ жениха и приглашаютъ его въ комнату невѣсты. Войдя туда съ открытою головою, онъ молча садится подлѣ нея съ правой стороны. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ родственниковъ невѣсты беретъ ея правую руку и, вручивъ ее жениху, произноситъ рѣчь.

— Я на всегда вручаю вамъ милую мою родственницу, говоритъ онъ, украшенную прекрасными качествами, чистую, непорочную душею и тѣломъ, умную, добрую, смиренную какъ агнецъ, хорошую хозяйку и искусную во всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ женскихъ рукодѣльяхъ. Я надѣюсь, что самая сильная любовь будетъ воспламенять взаимно сердца ваши, до конца вашей жизни. Молю, да продлитъ оную Всевышній на многія лѣта и да благословитъ бракъ вашъ неизрѣченною своею милостію, подобно браку Исаака и Іакова, и да умножитъ племя ваше, какъ умножилъ и распространилъ родъ ихъ, во славу святаго своего имени. Аминь!

По окончаніи этой рѣчи, къ жениху и невѣстѣ подходитъ посаженый отецъ. Вставъ съ своихъ мѣстъ, они получаютъ отъ него по восковой свѣчкѣ и отправляются въ церковь. Женихъ подаетъ невѣстѣ одинъ конецъ платка, а самъ держитъ другой и, въ такомъ положеніи, идутъ до самой церкви. Шафера, скрестивъ сабли надъ дверями церкви, пропускаютъ новобрачныхъ въ храмъ и подводятъ жениха съ невѣстою къ налою. Передъ ними, на полу, постланъ кусокъ шелковой матеріи (піандазы), которая отдается потомъ священнику. Поверхъ ее кладутъ сабли, на которыя становятся новобрачные— и кто первый наступитъ на саблю, тотъ изъ нихъ будетъ властвовать въ будущемъ семействѣ. Если женихъ наступитъ первый, то, кромѣ власти, онъ, по народнымъ предразсудкамъ, можетъ надѣяться на то, что сынъ его будетъ мужественный и храбрый герой.

Обрядъ вѣнчанія исполняетъ священникъ той церкви, къ которой принадлежитъ невѣста (1). Женихъ хотя и привозитъ своего священника, но онъ

(1) Городскія свадьбы, и въ особенности тифлисскія, нѣсколько отличаются отъ деревенскихъ. Женихъ не ѣздитъ въ домъ невѣсты, а ѣдетъ прямо въ церковь, куда привозитъ невѣсту шаферъ. Вь день свадьбы въ домѣ жениха собираются гости: мужчины на одной половинѣ, женщины на другой. Первые занимаются разговорами, игрою въ карты, закусываютъ, слушаютъ сазандара, а послѣднія, сидя на тахтѣ и поджавъ подъ себя ноги, слушаютъ пискливые звуки зурны и раскатистый громъ бубна и дайры—горшокъ, обтянутый кожею. По мѣрѣ прибытія гостей, онѣ садятся на тахту и принимаются за варенья и

не вѣнчаетъ, а приходитъ съ крестомъ, послѣ вѣнца, къ отцу невѣсты, говоритъ, что привезъ зятя его невредимымъ и исчисляетъ его достоинства. Тесть обвязываетъ крестъ шелковою матеріею и дѣлаетъ подарокъ пастырю церкви.

Между тѣмъ священникъ, совершающій обрядъ вѣнчанія, вмѣстѣ съ посаженымъ отцемъ ссучиваютъ изъ бѣлыхъ шелковыхъ нитокъ два тонкіе шнурка и кладутъ ихъ на палой. Шнурки эти извѣстны подъ именемъ *нарота*. Посаженому отцу вручается крестъ, который онъ, стоя все время позади вѣнчающихся, держитъ надъ головами во все время служенія.

Вѣнцы въ Грузіи не есть принадлежность церкви; ихъ заказываетъ и привозитъ женихъ и передаетъ одной изъ служанокъ невѣсты. Во время вѣнчанія, священникъ спрашиваетъ у шафера вѣнцы, тотъ обращается съ такою же просьбою къ служанкѣ.

— Дай, милая, вѣнцы, говоритъ онъ, украсить ими твою барыню.

— Дайте, сударь, выкупъ, отвѣчаетъ та.

— А сколько тебѣ надо, душенька?

— Чѣмъ болѣе, тѣмъ красивѣе будетъ казаться вашъ кумъ.

Шаферъ (меджваре) [1] почти всегда бываетъ крестнымъ отцемъ дѣтей у новобрачныхъ, оттого женихъ часто заранѣе называетъ его кумомъ.

Два-три червонца отданы за выкупъ вѣнцовъ....

По возложеніи вѣнцовъ на главы, священникъ беретъ съ налоя оба *нарота* (шнурка), навѣшиваетъ на шею каждаго вѣнчающагося и, соединивъ концы ихъ на груди, прикладываетъ къ нимъ восковую печать крестомъ, получая ее изъ рукъ посаженаго отца. Этимъ обрядомъ возлагается на молодыхъ обязанность хранить цѣломудріе до тѣхъ поръ, пока не будутъ сняты шнурки.

Во время самаго обряда, публика, слѣдя за новобрачными, рѣшаетъ вопросъ, кто изъ молодыхъ дольше проживетъ. На это есть особыя правила и примѣты.

«Разочти по пальцамъ буквы, изъ которыхъ состоятъ имена ихъ (вѣнчающихся) и потомъ считай порознь, приговаривая: Адамъ, Ева и т. д. Если, по числу буквъ, послѣднимъ выйдетъ имя Адама, то мужу суждено умереть прежде жены, и на оборотъ».

Обрядъ вѣнчанія кончился. Союзъ скрѣпленъ наротомъ и нѣсколькими поцѣлуями молодыхъ.

Поздравленія, шумъ, крикъ, стрѣльба и пѣсни сопровождаютъ сочетавшихся къ дому невѣсты, въ которомъ давно уже ожидаютъ ихъ и приготовились къ встрѣчѣ. Въ комнатѣ устроено нѣчто въ родѣ трона. Подлѣ тахты къ стѣнѣ прикрѣпляютъ занавѣсъ изъ дорогой матеріи. На тахту кладутъ

разныя сласти. Въ антрактахъ пляшутъ лезгинку, съ акомпаниментомъ всеобщаго боя въ ладоши—необходимымъ условіемъ этого танца.

[1] Шаферъ носитъ два названія: или *меджваре*, или *еджипи*.

парчевыя подушки, а сверхъ нихъ постилаютъ піандазы; другой такой же піандазы постланъ отъ дверей къ трону. Первый отдается въ подарокъ служанкѣ невѣсты, а второй—слугѣ жениха.

Впереди молодыхъ идутъ макреби и дѣлаютъ нѣсколько сабельныхъ ударовъ надъ дверьми.

— Царь и царица идутъ! провозглашаютъ они.

Въ дверяхъ встрѣчаетъ молодыхъ одна изъ родственницъ и даетъ имъ откусить немного сахару, съ пожеланіемъ прожить и состарѣться такъ же сладко, какъ сахаръ (¹). Отсюда ведутъ ихъ по разостланному піандазу къ тахтѣ или трону. Мѣсто, гдѣ должны сѣсть молодые, занято мальчикомъ, который лежитъ въ растяжку, заложивъ за спину руки, и ожидаетъ выкупа за мѣсто. Не смотря на просьбы, брань и даже удары плетью, онъ не оставляетъ мѣста, пока ему не дадутъ нѣсколько денегъ и яблокъ—таковъ обычай. Получивъ плату, мальчикъ встаетъ, при огромномъ смѣхѣ присутствующихъ. Молодые заняли мѣсто: женихъ сѣлъ съ правой, невѣста съ лѣвой стороны. Возлѣ нихъ, рядомъ съ невѣстою, помѣстилась старуха, обязанная, въ теченіе цѣлаго вечера, поправлять головное покрывало молодой, то платокъ ея, то платье, хотя бы они были и въ отличномъ порядкѣ. Старуха нашептываетъ ей на ухо различныя наставленія, необходимыя для будущаго ея поведенія.

На молодыхъ надѣты вѣнцы, сдѣланные изъ разноцвѣтной мишуры, «въ видѣ кружка, надѣваемаго на голову, съ крестомъ впереди и съ четырьмя кистями, опускающимися до плечъ». Вѣнцы эти молодые носятъ, по обычаю, въ теченіе трехъ дней (²).

Приходитъ священникъ и снимаетъ наротъ. Приносятъ лакомства, и молодые испытываютъ первое удовольствіе супружества, вкушая двѣ-три капли варенья изъ одной и той же ложки.

Передъ ними кладутъ хлѣбъ—такъ-называемый *джварисъ-пури*—съ воткнутымъ въ него деревяннымъ крестомъ, на оконечностяхъ котораго торчатъ яблоки и шелковый платокъ. Послѣдній переходитъ потомъ во владѣніе шафера. Къ молодымъ подходятъ два человѣка—одинъ слуга жениха, а другой невѣсты—съ серебрянымъ подносомъ, и становятся передъ ними на колѣни.

— Дай Богъ вамъ состарѣться вмѣстѣ, жить въ согласіи и любви, говорятъ присутствующіе, подходя одинъ за другимъ къ молодымъ для поздрав-

(¹) У городскихъ жителей принимаетъ молодыхъ посаженый отецъ. Онъ скрещиваетъ надъ головами ихъ обнаженныя шашки, а подъ ноги подбрасываетъ тарелку, которую они обязаны раздавить, „какъ гидру дурныхъ замысловъ нечистыхъ силъ“. Послѣ подносятъ шербетъ (напитокъ) и начинается вторичное поздравленіе и цѣлованіе.

(²) У городскихъ жителей ихъ снимаютъ въ тотъ же день, вскорѣ по возвращеніи отъ вѣнца домой.

ленія, и кидаютъ деньги на подносъ. Деньги дѣлятся потомъ между слугами, держащими подносъ, и составляютъ ихъ достояніе.

Поздравляющіе, кромѣ того, обязаны сдѣлать подарокъ молодымъ или вещами, или деньгами, которые въ самомъ бѣдномъ семействѣ достигаютъ цѣнностію отъ 50 до 60 рублей. Лицо, избранное отъ всего присутствующаго общества, подноситъ подарки молодымъ, говоря громко, какой подарокъ и кѣмъ именно жертвуется.

Сазандреби играютъ лезгинку; молодые танцуютъ первые. За ними должны плясать почти всѣ безпрерывно: одинъ кончитъ и легкій поклонъ уже выводитъ другаго на сцену. Только ужинъ прерываетъ этотъ танецъ.

Общество раздѣляется на двѣ половины: почетные (дарбаислеби) сажаются на избранномъ мѣстѣ, а остальные располагаются кто на тахтѣ, кто на земляномъ полу. Пиръ открытъ...

Грузинъ любитъ попировать, пообѣдать и поужинать въ компаніи. Одинъ онъ ѣстъ очень мало; часто довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ. Для того же, чтобы пообѣдать въ компаніи, въ кругу пріятелей, грузинъ готовъ истратить за одинъ разъ сумму, ассигнованную на недѣльное его пропитаніе. «Для дорогаго гостя, для важнаго семейнаго случая, рѣжутъ свою корову, нѣсколько барановъ и открываютъ непочатый кувшинъ вина, а въ кувшинѣ томъ можетъ быть болѣе 200 ведеръ». Большіе праздники и свадьбы поглощаютъ множество хлѣба и вина, которое льется рѣкою.

Передъ обѣдомъ всѣ умываютъ руки и затѣмъ обыкновенно располагаются на тахтахъ или вокругъ очага, на коврахъ или войлокахъ; ѣдятъ и пьютъ, поджавши подъ себя ноги; папахъ не снимается съ головы, рукава чёхи закинуты за плечи. Передъ обѣдающими растянута *супра* (скатерть), преимущественно синяго цвѣта, съ разными фигурами, не отличающимися изяществомъ рисунка. На ней, безъ приборовъ и безъ всякаго порядка, разбросаны чуреки, турьи рога, цвѣты и любимая грузинская зелень: астрагонъ, крессъ-салатъ и другія травы. Вмѣсто тарелокъ служатъ виноградные листья, или *лаваши*—тонкія и весьма длинныя прѣсныя лепешки. Ихъ пекутъ двухъ величинъ—поменьше для тарелокъ, а побольше употребляютъ вмѣсто салфетокъ. На лавашахъ разложенъ сыръ, балыкъ, икра и храмуля (рыба изъ р. Храма). Тамъ и сямъ видны ароматическіе цвѣты и травы, услаждающія обоняніе грузина.

Хозяйка разливаетъ и подаетъ блюда; три пальца замѣняютъ вилки, а ножъ у каждаго неотлучно въ карманѣ, или въ особыхъ ножнахъ кинжала.

Обѣдъ почти никогда не обходится безъ вина; каждому подносится кубокъ. Даже переносчикъ тяжестей и нищій никогда не садятся безъ вина за свою скудную трапезу.

Старшій въ домѣ провозглашаетъ здоровье всѣхъ присутствующихъ и отсутствующихъ, пьетъ за упокой умершихъ и, по обычаю, проливаетъ при этомъ каплю вина на полъ.

Прежде горячаго, подаютъ большіе куски говядины, сыръ съ зеленью, тешку, балыкъ и овощи. Жирный *бозбашъ*—супъ съ бараниной, приправленный маленькими кусочками курдючьяго сала, *чихиртма*—мучной бульонъ, или скорѣе соусъ, на маслѣ съ яйцами и нарѣзанною курицею, употребляются грузинами предпочтительно передъ всѣми горячими. Шашлыкъ жарится во время самаго обѣда и подается въ нѣсколько перемѣнъ; пловъ ѣдятъ въ заключеніе обѣда.

Растительная пища изъ зелени до чрезвычайности разнообразна. Изъ одного и того же матеріяла приготовляется нѣсколько разныхъ блюдъ, приправляемыхъ миндалемъ, изюмомъ, медомъ, шафраномъ, сушенымъ кизелемъ и прочими сластями и кислотами.

Всѣми этими вещами, въ компаніи и на воздухѣ, а не въ саклѣ, гдѣ ему душно, грузинъ любитъ лакомиться. Вѣчно-сонливый *бичо* (мальчикъ-слуга) не успѣваетъ въ это время удовлетворять затѣйливымъ прихотямъ своего батони (господина). Музыка и пѣніе болѣе всего необходимы для туземца во время обѣда. Въ антрактѣ его онъ поетъ, выплясываетъ лезгинку, «искусно лавируя носками сапогъ между тарелокъ и бутылокъ». Если грузинъ обѣдаетъ одинъ, то и тогда поетъ, играетъ на *дайрѣ* или *чонгурѣ* (особаго устройства балалайка съ мѣдными струнами).

Вина во время обѣда выпивается много, но грузины пьяны бываютъ весьма рѣдко. «Здѣсь—отъ материнскихъ сосцевъ прямо къ лапкѣ бурдюка» (кожаный мѣшокъ съ виномъ). Къ вину привыкаютъ съ малолѣтства. Въ Кахетіи, особенно обильной виномъ, часто мать не уложитъ спать ребенка, пока не дастъ ему выпить вина, «не свойственнаго его возрасту»; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды.

Въ этой благословенной части Грузіи вино не цѣнится ни во что. Еще не далеко то время, когда жители, изъ лѣни ходить за водою, виномъ умывались, на винѣ готовили кушанье и виномъ обрызгивали полъ.

На шумныхъ грузинскихъ обѣдахъ женщины не принимаютъ участія; любезность и грація ихъ въ это время считается помѣхою. Женщины обѣдаютъ отдѣльно, въ сторонѣ, не смѣшиваясь съ мужчинами, и, случается, кутятъ на славу. Въ памяти многихъ жителей Тифлиса сохранилось, что лѣтъ 20 тому назадъ, «приводила въ изумленіе одна женщина-грузинка, по имени Гука, во всеувидѣніе истреблявшая невѣроятное количество кахетинскаго». Вѣсть о ней разнеслась по всему краю; отовсюду начали пріѣзжать въ городъ, чтобы посмотрѣть на диво—одни изъ любопытства, а другіе съ цѣлію поспорить въ питьѣ съ необыкновенною женщиною. «Какъ намъ извѣстно навѣрное, говоритъ очевидецъ, соперникъ однакоже не выискался въ цѣлой Грузіи; да и едва ли была къ тому физическая возможность. Гука пила вино заразъ не тунгами, а ведрами, и ничуть не напивалась. Ведерную посуду она не иначе называла, какъ стаканомъ, а тунгу (5 бутылокъ) рюмкою; это

даже вошло въ пословицу, которую и теперь нерѣдко слышишь въ Тифлисѣ» ([1]).

Затворничество женщинъ и отдѣленіе ихъ отъ мужчинъ сообщало грузинскимъ праздникамъ особый, своеобразный колоритъ. Какъ тѣ, такъ и другіе, кажется, не особенно сожалѣли о такомъ раздѣлѣ и предавались увеселеніямъ съ полнымъ энтузіазмомъ, особенно на свадьбахъ. Въ одномъ углу сакли кричатъ, поютъ и пьютъ мужчины; въ другомъ—пляшутъ и также пьютъ женщины.

Одни молодые не принимаютъ, повидимому, никакого участія въ общемъ весельѣ. Женихъ сидитъ безмолвно посреди пирующихъ. Подлѣ него, подъ вуалью, молодая супруга, потупившая взоры. Случается весьма рѣдко, что молодая съѣстъ что-нибудь, а то, по большей части, строго исполняетъ народный обычай.

— Женихъ не ѣстъ! кричитъ одинъ изъ гостей, и обращаетъ на это вниманіе тещи.

До сихъ поръ платившій за всякій шагъ женихъ, въ свою очередь, ожидаетъ теперь *пирисъ-гасахенели*—вознагражденія отъ тещи, которая подноситъ ему пару чулокъ, полотенце или что-нибудь въ этомъ родѣ. Получивъ подарокъ, женихъ проясняется. На сцену являются турьи рога, огромныя муравленыя чаши съ виномъ и прочіе инструменты. Полная виномъ посуда переходитъ изъ рукъ въ руки, при взаимныхъ поздравленіяхъ и пожеланіяхъ.

— Удача царю и дружкѣ, произносятъ одни.

— Да будетъ удача! отвѣчаютъ другіе, выпивая вино.

Веселая компанія разгулялась, пиръ въ полномъ разгарѣ...

— *Толубаша!* кричитъ нѣсколько голосовъ.

Начинается выборъ толубаша—главы пира и блюстителя его законовъ. Онъ—представитель разгульнаго Бахуса, закаленная сталь въ пирушкахъ, пирвели-дардымани, т. е. кутила.

Толубашъ единогласно избранъ. Онъ одѣтъ въ широкіе шелковые шальвары, въ щегольскую чѣху, рукава которой закинуты за плечи; шея голая во всякую погоду. На немъ высокая папаха, ухорски заломленная на бекрень; носки сапоговъ загнуты крючкомъ къ верху. Походка его медленная; движенія исполнены сознанія своего превосходства. Толубашъ долженъ быть веселъ, безпеченъ, говорливъ и остроуменъ. Кто не выросъ въ мараняхъ (винныя давильни и хранилища этого напитка), тотъ лучше не суйся въ толубаши. Этого званія достигаютъ только тѣ, которые могутъ единовременно помѣстить огромное количество вина въ своемъ желудкѣ, тѣ, которые подчуютъ гостей виномъ изъ стакана, а сами пьютъ изъ бутылки. Толубашъ только тогда отдыхаетъ на лаврахъ, когда всѣ кувшины съ виномъ, сколько бы ихъ ни было, окажутся пустыми. Онъ пользуется деспотическою властію надъ пирующими;

([1]) „О грузинской медицинѣ“, Н. Берзеновъ.

каждый его тостъ—законъ для всѣхъ остальныхъ; всѣ его требованія должны исполняться безпрекословно. Онъ прикажетъ растегнуть гулиспири—косой воротъ рубашки—и раскрыть грудь: всѣ исполнятъ его приказаніе.

— Ѣшь! кричитъ онъ, разорвавъ руками курицу и бросая кусокъ ея сосѣду.

— Пей! говоритъ онъ другому, пей, говорю, а не то вылью этотъ рогъ тебѣ на голову—и дѣйствительно выльетъ, не смотря на то, что рогъ этотъ вмѣщаетъ въ себѣ иногда полтунги, и нѣтъ никакой возможности его выпить.

Впрочемъ, кто не въ силахъ выпить поднесеннаго ему вина, обязанъ, по обычаю, вылить остальное чрезъ голову. Не исполнившій же этого подвергается штрафу, обязывающему докончить недопитое и выпить еще столько же, хотя бы провинившійся оплошалъ и, клонясь къ землѣ, пришелъ «въ положеніе надутыхъ бурдюковъ».

— Покойся, милый другъ! говоритъ такому толубашъ, смерть есть начало безсмертія.

Вообще, во время кутежа, грузины стараются угодить другъ другу и подѣлиться, если не со всѣми, то съ сосѣдомъ, каждымъ лакомымъ кусочкомъ.

— Если только травой можно спастись, то эшаки (ослы) первые вбѣгутъ въ рай, говоритъ толубашъ, когда замѣтитъ, что кто-нибудь изъ гостей ѣстъ только одну зелень.

У толубаша отняли въ шутку нѣсколько бутылокъ съ виномъ. Онъ вспоминаетъ, что, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Кахетіи, женщины, у которыхъ находится въ плѣну кто-либо изъ родственниковъ, носятъ платья на изнанку, пока не выкупятъ или не освободятъ изъ плѣна—онъ вспоминаетъ это и примѣняетъ этотъ обычай къ своей личности.

— Вижу, что войско въ вашихъ рукахъ, говоритъ толубашъ, качая головою и хладнокровно выворачивая чёху на изнанку. Но кто въ нынѣшнія кичливыя времена поручится, что въ рядахъ его стоятъ воины (т. е. бутылки), въ сердцахъ которыхъ не остыла приверженность ко мнѣ, ревностному сподвижнику своему. Они выжидаютъ перваго благопріятнаго случая, перваго усыпленія или оплошности непріятеля, чтобы выступить своею кровью за обиду моей славы.

— Ты хорошій ораторъ, замѣтилъ ему кто-то.

— Я учился риторикѣ, отвѣчаетъ онъ, изъ руководства къ винодѣланію и поощренію этой промышленности.

Выручивъ изъ плѣна бутылки, толубашъ выпиваетъ вино и перевертываетъ чёху на лицо.

— Пейте лѣтомъ больше, чѣмъ зимой, совѣтуетъ онъ присутствующимъ, для того, чтобы внутренній жаръ равнялся внѣшнему; тогда только человѣкъ можетъ избѣжать болѣзней, свирѣпствующихъ здѣсь обыкновенно въ жаркую погоду.

Слова толубаша не дѣйствуютъ: гости пьютъ мало—онъ начинаетъ сердиться.

— Господа, кричитъ онъ, вы обижаете хозяина! Плюйте ему въ кувшины, если не нравится вамъ его вино. Вы выходите изъ повиновенія. Если вы избрали меня въ толубаши, то предоставьте пользоваться моими законными правами или умертвите меня, какъ измѣнника—вотъ вамъ кинжалъ!

Обнаживъ кинжалъ, онъ подаетъ его гостямъ.

— Солнце равно свѣтитъ, продолжаетъ онъ, и на умныхъ, и на дураковъ, поэтому и мы должны равно пить. Стыдитесь, господа, не кровь, а молоко течетъ въ вашихъ жилахъ. Пусть скажетъ каждый: робѣлъ ли кто при видѣ непріятеля? Или вы кувшины съ виномъ приняли за вражье войско? Пейте, господа, спасайте Божій даръ отъ порчи. Не для того вино дано человѣку, чтобы обращать его въ уксусъ... Я знаю ваше доброе сердце: вамъ трудно будетъ отказать моей убѣдительной просьбѣ...

И гости пьютъ за здоровье другъ друга.

— Алла-верды (Богъ далъ), говоритъ грузинъ сосѣду, поднося къ губамъ азарпешу.

— Яхши-іолъ (добрый путь—на здоровье), отвѣчаетъ тотъ, дѣлая тоже самое.

Компанію обносятъ сначала азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога (¹). Продолжителенъ кутежъ веселой компаніи, и только храпѣніе и пьяный бредъ, по временамъ, нарушаютъ общее веселье...

Изъ дома невѣсты пирующіе отправляются въ домъ жениха. Молодая ѣдетъ верхомъ на осѣдланной новымъ чепракомъ лошади или на убранной и устланной коврами арбѣ (²). Сопровождающіе ихъ гости всю дорогу поютъ пѣсни. Если на пути придется обгонять другой такой же поѣздъ, то надо объѣхать его непремѣнно справа, иначе, по народному предразсудку, не избѣжишь бѣды. Очень естественно, что желаніе каждаго не подвергаться бѣдѣ ведетъ не рѣдко къ соперничеству и спорамъ. Народная находчивость и тутъ даетъ средство уладить дѣло. «Оба жениха спѣшиваются, садятся за импровизованную закуску, пьютъ за здоровье другъ друга и разстаются пріятелями».

Въ домѣ жениха, свекровь встрѣчаетъ молодую также съ сахаромъ.

Въ сопровожденіи шафера, невѣста входитъ въ дарбази—главную комнату. Ее обводятъ кругомъ очага. Присутствующіе обнажаютъ оружіе, бьютъ крестообразно по столбамъ, поддерживающимъ потолокъ, и по цѣпи, на которой привѣшенъ котелъ для варенія пищи. На колѣни невѣсты сажаютъ

(¹) „Письма изъ Кахетіи“, кн. Р. Эристова. Кавк. 1846 г. № 25. „Грузинскіе очерки и типы“, Кавк. 1847 г. № 16 и 17. „Грузія и грузины“, Бокрадзе. Кавк. 1851 г. № 31. Тифлисскія вѣдомости 1831 г. № 5.

(²) Арба—туземный экипажъ, нѣчто въ родѣ розвальней, на двухъ огромныхъ колесахъ вѣчно скрипучихъ.

мальчика—чтобы она подарила мужа наслѣдникомъ. Въ присутствіи молодыхъ поднимается снова кутежъ до глубокой ночи...

Молодые встаютъ и хотятъ снять вѣнцы до другаго дня, но служанка не позволяетъ этого сдѣлать—она требуетъ платы. Расплатившись съ нею, молодые входятъ въ спальню, въ сопровожденіи родныхъ. Поперегъ кровати лежитъ постельничая и, никого не пуская, требуетъ также платы. Удовлетворивъ и ея требованіе, молодой мужъ сажаетъ на постель жену, снимаетъ съ правой ноги ея башмакъ и растегиваетъ крючки на правой рукѣ. Присутствующіе оставляютъ комнату, пожелавъ молодымъ покойной ночи.

Оставшись вдвоемъ, молодая супруга кажется недовольною и отворачивается. Она ждетъ *хмись-гасацемы*—подарка за разговоръ, и, получивъ отъ мужа какую нибудь вещь, дѣлается ласковою и разговорчивою. «Если на другой день подадутъ полустаки—сласти, приготовленныя изъ меду, масла и муки—это значитъ, что молодые.... условились жить мирно, въ согласіи и любви, и довольны другъ другомъ».

Когда участники недовольны свадьбой и угощеніемъ, то, не скрывая своего неудовольствія, высказываютъ его жениху при прощаніи.

— Женихъ! говорятъ они, твой вѣнецъ благословенъ, но поясы наши затянуты туго, потому что брюхи пусты....

Три дня продолжается пиръ послѣ свадьбы. На третій день, при собраніи гостей, шаферъ подходитъ къ молодой, бывшей все время подъ покрываломъ, и концомъ сабли приподнимаетъ его. Присутствующіе при этомъ гости подносятъ *пирисъ-саханави*—подарокъ за смотръ лица. Каждый обязанъ сдѣлать подарокъ по своему состоянію: азарпешу, серебряную вещь, нѣсколько червонцевъ или другую какую нибудь цѣнную вещь.

— Дай Богъ здоровья такому-то: онъ даритъ новобрачнымъ столько-то дымовъ крестьянъ, провозглашаетъ меджваре о каждомъ, принимая вещь отъ дарящаго.

Спустя нѣсколько времени послѣ свадьбы, наканунѣ какого нибудь большого праздника, отецъ молодой, или братъ, или родственникъ, привозитъ ей *мосакитхи*—гостинецъ, состоящій изъ коровы, барана, пары куръ, гусей и сдобнаго хлѣба (назуки); люди бѣдные обходятся и безъ коровы.

Празднованіе свадьбы окончено. Казалось бы, молодымъ предстоитъ впереди веселый медовый мѣсяцъ и пріятная жизнь. Въ дѣйствительности такое заключеніе оказывается не совсѣмъ вѣрнымъ. По народному обычаю, выйдя за-мужъ и вступивъ въ новую, чуждую для нея семью, молодая женщина не имѣетъ права говорить съ отцомъ, матерью и братьями своего мужа до тѣхъ поръ, пока у нея не будетъ дѣтей. Если промежутокъ этотъ будетъ продолжителенъ, то бѣдная женщина вынесетъ не одну укоризну отъ *дедамтили* (свекрови)—названіе, съ которымъ въ Грузіи, какъ и вообще въ большей части странъ, соединяется понятіе о сердитой, строптивой стару-

шенкѣ, подъ пытливымъ надзоромъ которой изнываетъ не одно молодое существо.

Безплодная женщина не только не пользуется уваженіемъ своего мужа и его семейства, но, въ кругу простаго народа, подвергается многимъ и важнымъ стѣсненіямъ. Пытка эта продолжается иногда нѣсколько лѣтъ, и во все это время мужъ отвѣчаетъ за свою жену, которая объясняется пантомимами. Не удивительно послѣ того, что всѣ грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ къ тому всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Безплодная женщина на востокѣ считается неблагословенною Богомъ. Она молитъ Творца о прощеніи ей грѣховъ, даетъ обѣты и спѣшитъ въ монастырь св. Давыда, гдѣ есть ручей, имѣющій, по преданію, силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ. Монастырь этотъ находится подлѣ самаго города Тифлиса.

Во всю западную сторону города тянется отвѣсная гора, называемая туземцами *Мта-цминда* (святая гора). На одномъ изъ ея уступовъ стоитъ монастырь св. Давыда, высоко виднѣясь надъ цѣлымъ городомъ и его окрестностями.

Преданіе разсказываетъ, что св. Давыдъ, одинъ изъ 13 сирійскихъ отцовъ, нѣкогда подвизался на горѣ Мта-цминдской. То же преданіе гласитъ, что молодая дѣвушка, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника въ томъ, что онъ причиною ея беременности.

Св. Давыда потребовали къ суду. Онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ: онъ ли отецъ зачатаго ребенка? Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя дѣвушки. Несчастная внезапно почувствовала тяжкія мученія и, по молитвамъ святаго, родила вмѣсто ребенка камень. Камень этотъ послужилъ въ послѣдствіи основаніемъ квашветской церкви, получившей отъ него и свое названіе (ква — камень, шва — родила). Въ награду за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Господа открытія на горѣ источника живой воды, которая бы имѣла силу оплодотворять безплодныхъ женщинъ. На заднемъ углу, близъ монастыря, гдѣ гора снова поднимается отвѣсною скалою, выходитъ изъ нея источникъ чистой ключевой воды и, «неумолкаемою струею, падаетъ въ устроенный въ землѣ бассейнъ».

Сверхъ обыкновеннаго четверга — дня, еженедѣльно посвящаемаго св. Давыду, въ семикъ, т. е. въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, бываетъ въ монастырѣ особенно большое стеченіе народа. Толпы туземцевъ отовсюду спѣшатъ въ монастырь.

Приложившись къ иконѣ, каждая грузинка обходитъ три раза церковь, обвивая ее кругомъ бумажною ниткою. Смыслъ этого обряда нѣкоторые объясняютъ тѣмъ, что у грузинъ обходить кругомъ кого нибудь значитъ выражать тому безграничную преданность и любовь. Лаская нѣжно любимаго

ребенка, грузинка говоритъ ему: «обойду кругомъ твою голову» (тавъ шемогевлеби).

Сѣверная стѣна храма, куда спѣшатъ женщины послѣ усердной молитвы, вся усѣяна мелкими камушками, довольно крѣпко приставшими къ ней. Почти каждая грузинка—одна явно, другая украдкою—съ сильно бьющимся сердцемъ прикладываетъ къ стѣнѣ небольшіе голыши, въ значительномъ количествѣ разсыпанные на землѣ. Приставшій къ стѣнѣ камушекъ или слышанный во время молитвы въ горѣ шорохъ, означаетъ исполненіе желанія, угодность молитвы и особенно сулитъ: дѣвушкѣ—жениха, а замужней женщинѣ рожденіе ребенка.

Несчастныя матери, у которыхъ умираютъ дѣти, также прибѣгаютъ къ заступничеству святаго: служатъ молебны и обѣщаютъ посвятить новорожденнаго святому на извѣстное число лѣтъ. Такіе посвященные называются *бери*. Они носятъ бѣлую одежду и ходатъ съ длинными, не остриженными волосами.

По окончаніи срока посвященія, ребенка босаго ведутъ въ церковь. На церковной паперти, священникъ обрѣзаетъ ему волосы и надѣваетъ цвѣтное платье. Служатъ молебенъ, послѣ котораго закалываютъ быка или барана и раздаютъ его нищимъ.

Съ такою же надеждою и благоговѣніемъ спѣшатъ грузины на праздникъ Алавердскаго храма, который бываетъ 15-го сентября. Богомольцы собираются еще наканунѣ. У самыхъ дверей церкви лежитъ куча проволокъ—свидѣтелей предразсудковъ грузинъ. Заболѣвшій надѣваетъ на себя проволоку, носитъ ее до облегченія отъ болѣзни и затѣмъ отправляется, по обѣту, въ такую-то церковь, на храмовой праздникъ, гдѣ, скинувъ съ себя проволоку, кладетъ ее у дверей церкви и служитъ молебенъ. Многія женщины и здѣсь ходятъ на колѣняхъ вокругъ церкви и, обводя ее нитками, просятъ выздоровленія заболѣвшему ребенку или близкому родственнику...

Но мы еще возвратимся къ разсмотрѣнію суевѣрія грузинъ, ознакомившись предварительно съ ихъ городскимъ бытомъ.

II.

Городской домъ грузина.—Увеселенія и праздники: Рождество, новый годъ, масляница, вичаки и Пасха.—Храмовые праздники и присутствіе на нихъ порченыхъ.—Гадальщицы и знахарки.

Городской домъ грузина нѣсколько отличается отъ знакомаго намъ деревенскаго дома въ Грузіи. Почти каждый имѣетъ балконъ съ деревяннымъ на-

вѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ. Со всѣхъ же прочихъ сторонъ къ нему плотно пристраиваются дома сосѣдей, различнаго вида и величины; здѣсь, также какъ и въ деревняхъ, нѣтъ никакого однообразія. Небольшія ворота ведутъ на дворъ, весьма рѣдко вымощенный булыжникомъ. Отъ воротъ до самаго дома тянется крытая галлерея, часто до такой степени низкая, что по ней можно пройти только согнувшись. Самое жилье состоитъ изъ одного покоя, столь обширнаго, что изъ него можно было бы сдѣлать нѣсколько комнатъ съ залою. Полъ или земляной, или выложенный кирпичемъ; потолокъ составляютъ или неотесанные брусья, или выструганныя доски. Для согрѣванія устроенъ каминъ (бухари), имѣющій большое отверстіе безъ рѣшетки. Выталкиваемый вѣтромъ, дымъ стелется по всей комнатѣ. Въ комнатѣподѣланы ниши; будучи прикрыты дверями, онѣ образуютъ шкафы. Вдоль стѣнъ стоятъ низкіе диваны (тахты), покрытые разноцвѣтными коврами. На стѣнахъ висятъ бубенъ (дайра) и другіе музыкальные инструменты; тутъ же винтовка съ патронташемъ и пороховницею.

Подъ домомъ устроенъ темный, съ однимъ отверстіемъ, погребъ, въ которомъ хранятся всѣ съѣстные припасы; сюда лѣтомъ ставятъ воду для прохлады всего жилья.

О переднихъ не имѣютъ и понятія: входныя двери ведутъ прямо въ жилую комнату. Для предохраненія отъ наружнаго холода, дверь завѣшиваютъ полостями. Тамъ, гдѣ въ домѣ нѣтъ камина, употребляютъ желѣзную или глиняную жаровню (мангалъ), наполненную угольями и причиняющую очень часто угаръ.

Грузинъ рѣдко сидитъ дома; съ ранняго утра онъ почти всегда уходитъ «въ городъ».

По походкѣ и одеждѣ идущаго можно сказать, къ какому сословію принадлежитъ онъ. Серебряная цѣпочка на груди, крашеные усы и шпоры, составляютъ принадлежность истаго *азнуара* (дворянина). Цѣпочка массивнѣе, шпоры иногда всѣ серебряныя — составляютъ принадлежность *товади* (князя). Грузинъ, принадлежащій къ низшему сословію, при встрѣчѣ съ высшимъ, считаетъ невѣжливымъ поклониться первому: онъ ждетъ, пока не поклонится ему первымъ князь. Усы въ особенномъ почетѣ у всѣхъ грузинъ. Ихъ привязанность къ усамъ доводитъ иногда до оригинальныхъ случаевъ, весьма хорошо характеризующихъ народный характеръ.

Съ самаго ранняго утра грузинъ оставляетъ свою саклю и проводитъ почти весь день въ лавкахъ или на базарѣ, гдѣ туземцы переливаютъ изъ пустаго въ порожнее. Базаръ въ каждомъ закавказскомъ городѣ есть центральный пунктъ всей дѣятельности и всѣхъ новостей. Дѣятельность эта публичная и общественная; здѣсь ремесленникъ занимается своимъ дѣломъ при всемъ честномъ народѣ: вы съ улицы видите, какъ валяютъ тѣсто у булочника, какъ лошадь подковываютъ, какъ обтачиваютъ новый ножикъ, какъ починиваютъ старые сапоги, какъ брѣютъ намыленную голову правовѣрнаго. Лавки

и мастерскія совершенно открыты для взоровъ праздныхъ наблюдателей, которые по цѣлымъ днямъ сидятъ на улицѣ, покуривая трубочку и любуясь на кузнеца, загоняющаго гвозди въ конское копыто, на портнаго, починивающаго грязныя шаровары, или, наконецъ, на булочника, окончившаго свою утреннюю работу и собравшагося отдохнуть. Сложивъ въ кучу нѣсколько лавашей, онъ преспокойно ложится на нихъ, какъ на подушкахъ, и скоро засыпаетъ. Отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца, обильный потъ спящаго струится по лавашамъ; но праздный зритель, грузинъ, не шокируется этимъ: будитъ его, покупаетъ одинъ изъ лавашей и, безъ всякаго отвращенія, употребляетъ въ пищу. Словомъ, жизнь грузина уличная и вполнѣ азіятская. Туземцы весь свой день, отъ восхода и до заката солнца, проводятъ на улицѣ.

Дома днемъ остаются только однѣ женщины. Грузинка занимается своимъ туалетомъ и разнощиками (далали), которые таскаютъ по домамъ принадлежности женскаго туалета.

Не смотря на рабское положеніе женщины въ семействѣ и на ея замкнутость, безпечность и невозмутимая лѣнь царствуетъ въ грузинской женщинѣ въ полной силѣ. Всѣ труды по хозяйству лежатъ здѣсь на попеченіи мужа, а жена, даже и бѣдная, думаетъ только о томъ, какъ бы нарядиться въ праздникъ. «Но это равнодушіе къ труду туземной женщины проистекаетъ не изъ организаціи ея натуры, большею частію живой и дѣятельной, но изъ боязливой ревности мужчины выводить жену свою, черезъ участіе ея въ своихъ занятіяхъ внѣ дома, на позорище нѣсколькихъ чужихъ глазъ».

Женщины большія балагурки, не прочь посплетничать и будутъ говорить цѣлый день безъ устали. Онѣ готовы въ тихомолку пококетничать, но весьма далеки отъ какой бы то ни было интриги, будучи связаны разными обстоятельствами; ихъ окружаютъ напримѣръ сосѣдки, которыя замѣчаютъ каждое ихъ движеніе. Въ Грузіи не принято входить въ домъ, когда нѣтъ мужчины; нарушить это правило значитъ, подвергнуть грузинку укорамъ и насмѣшкамъ всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ.

Вечеромъ, все населеніе выходитъ изъ саклей и кучами располагается или у дверей, или на крышахъ домовъ. Тамъ и сямъ, въ лѣтнюю пору, видны полураздѣтые туземцы, нѣжащіеся на коврахъ. Среди толковъ, сплетенъ и пересудъ, разряженныя дѣвушки, собравшись въ кружокъ, при звукѣ бубна, пляшутъ лезгинку. Лѣтомъ ужинаютъ на крышахъ, гдѣ и располагаются спать.

Съ наступленіемъ холодовъ, жизнь немногимъ измѣняется. Все семейство собирается подлѣ *курси* (родъ большаго ящика изъ рамъ, покрываемаго одѣяломъ), подъ которымъ ставятся жаровни съ угольями. Сюда грузинки прячутъ свои ноги. Тамъ, гдѣ нѣтъ курси, употребляется мангалъ, а у бѣдныхъ просто глиняная чашка, наполненная угольемъ. Грѣться у мангала составляетъ особенное наслажденіе для грузина и есть своего рода занятіе. Проводитъ ли туземецъ время въ разговорахъ, занимается ли дѣломъ—онъ,

отъ времени до времени, протягиваетъ руки къ мангалу, чтобы погрѣть ихъ. Мангалъ употребляютъ для плавки серебра, онъ же служитъ и очагомъ для жаренія шашлыка. Чадъ отъ угольевъ не причиняетъ головной боли его владѣтелямъ, привыкшимъ къ такому кейфу.

Характеръ грузина высказывается въ праздники. Избалованный роскошною природою, воздухомъ, наполненнымъ ароматомъ цвѣтовъ, туземецъ выбираетъ мѣстность для пира гдѣ нибудь подъ открытымъ небомъ, въ обширныхъ садахъ, подъ сплошною тѣнью фруктовыхъ деревьевъ или въ виноградныхъ бесѣдкахъ, построенныхъ надъ водою въ виду горъ. Какъ полный хозяинъ разнообразной природы, онъ требуетъ, чтобы и вода журчала, и птички пѣли, и съ горъ долеталъ пахучій вѣтерокъ.

Собравшіеся на праздникъ садятся въ кружокъ, на коврахъ; передъ ними разстилаютъ скатерть (супру), на которую выставляется все, что только есть лучшаго у хозяина. Гости сидятъ или поджавъ подъ себя ноги, или полулежа; у каждаго подъ головой мутака ([1]). Вокругъ разложены цвѣты, ароматическія травы; корзины наполнены фруктами, а на верху ихъ красуется хитро связанный букетъ цвѣтовъ на трехъ ножкахъ. Грузинъ не любитъ пировать дома, въ комнатѣ. Часто, въ глубокую полночь, пирующіе выходятъ на улицу и, разостлавъ посреди ея скатерть, продолжаютъ кутежъ. Въ праздникъ грузинъ одѣвается щеголевато; любитъ, въ компаніи и съ туземною музыкою, пройтись по базару, посмотрѣть или самому участвовать на кулачномъ бою. Кулачные бои бываютъ цѣлыми партіями на двѣ стороны. Въ городѣ всегда есть бойцы, извѣстные своею силою и ловкостію. Босые, въ однѣхъ рубашкахъ съ засученными рукавами, бойцы выступаютъ на арену, окруженную толпою любопытныхъ. Двое-трое дюжихъ мужчинъ ходятъ съ палками, отгоняя зѣвакъ, нарушающихъ порядокъ. Борцы долго кружатся другъ около друга и, наконецъ, дѣло завязывается; они переплетаются руками, и, послѣ долгихъ усилій, болѣе ловкій беретъ верхъ. Охвативъ руками противника, онъ сжимаетъ его или, ловко подставивъ спину и перекинувъ черезъ плечо, растягиваетъ на землѣ.

По воскресеньямъ грузины играли въ «*криви*».

Слово криви означаетъ на туземномъ языкѣ драку и сраженіе. Игравшіе раздѣлялись на двѣ стороны. Лѣтомъ это былъ просто кулачный бой (муштисъ-криви), происходившій непремѣнно въ улицахъ, а зимою вмѣсто кулаковъ употреблялись пращи и деревянныя сабли. Зимнее сраженіе всегда происходило за-городомъ и называлось *сардатисъ-криви* или *квисъ-криви*.

Криви имѣло свой уставъ, освященный народнымъ обычаемъ. Отбитое оружіе, кушакъ, шапка, бурка считались законною добычею.

Криви происходило всегда при огромномъ стеченіи народа и привлекало множество молодежи. Въ глазахъ грузинской женщины, юноша, прославив-

---

([1]) Продолговатая подушка.

шійся на криви, пріобрѣталъ особенную прелесть; оттого всѣ юноши спѣшили на криви, и она была всегда многочисленна по числу участниковъ игры [1].

При двухъ-стороннемъ боѣ, драку начинаютъ мальчики, потомъ взрослые, но не такъ опытные, и затѣмъ уже идутъ самые отчаянные бойцы. Сбивши противника, побѣдитель топчетъ его ногами до тѣхъ поръ, пока его не выручитъ противная партія. Сторона, показавшая тылъ, преслѣдуется на значительное разстояніе, и бой прекращается только передъ вечеромъ. Любители кулачнаго боя дарятъ деньги лучшимъ бойцамъ.

Вообще борьба составляетъ самую лучшую потѣху для грузинъ. Въ праздникахъ общихъ каждая деревня выставляетъ своего бойца; торжество его составляетъ торжество цѣлой деревни. Помѣщики также выдвигали своихъ искусныхъ бойцевъ, съ которыми и ѣздили на праздники.

Сельскіе жители предаются гораздо больше удовольствіямъ, чѣмъ городскіе. Въ праздники все село высыпаетъ на площадь и занимается играми и плясками. Изъ игръ наиболѣе другихъ употребляемая—прыганіе черезъ спину другаго.

Для пляски составляются два отдѣльные ряда. Передъ каждымъ находится пѣвецъ и зурна съ барабаномъ. Пѣвецъ поетъ речитативомъ. Сперва на одной сторонѣ пѣвецъ провозглашаетъ куплетъ, и ему тихо вторитъ его половина, а другая молчитъ; потомъ второй пѣвецъ поетъ съ своею половиною, а первая молчитъ. Посреди двухъ группъ двигается плясунъ. Онъ идетъ сначала медленно и тихо; потомъ, оживляясь все болѣе и болѣе, то присѣдаетъ къ землѣ, то подпрыгиваетъ, то носится въ полусидячемъ положеніи, то перекувыркивается или ходитъ довольно долго на рукахъ съ перегнутыми назадъ ногами.

Однимъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ сельскихъ увеселеній являются *перхули*. Составляется кругъ, причемъ дѣйствующія лица стоятъ другъ около друга съ опущенными руками. Затягиваютъ пѣсни, по содержанію рисующія отношенія грузинъ къ лезгинамъ, и подъ звуки этихъ пѣсенъ кругъ медленно подвигается. Вдругъ играющіе сдвигаются плотнѣе, переплетаются руками и начинаютъ подпрыгивать такъ сильно, «что земля дрожитъ подъ ногами и острые гвозди отъ подковъ глубоко врываются въ землю».

Кромѣ этихъ общихъ увеселеній, каждый праздникъ, въ особенности годовой, имѣетъ свою особенность, хорошо рисующую характеръ его празднователей.

Утромъ, наканунѣ Рождества, грузинки запасаются мѣдными деньгами и прячутъ ихъ подъ *кечу* (войлокъ).

Деньги эти назначаются въ подарокъ каждой партіи мальчиковъ, славящихъ Христа. Въ домѣ каждаго грузина печется огромное количество лавашей,

---

(1) См. біографію кн. Д. О. Бебутова. 1867 г. стр. 5. Также Воен. Сборн. 1867 г. № 6 и 7.

грудою складываемыхъ на *хончахъ*—деревянный подносъ или лотокъ. Съ послѣднимъ закатомъ солнца, каждый домъ освѣщается и передъ образами зажигаются восковыя свѣчи. Толпа мальчиковъ, отъ 10 до 12-лѣтняго возраста, обходитъ каждый домъ и, въ сопровожденіи дьячка, держащаго образъ Божіей Матери, славятъ Христа. Пропѣвъ: «Рождество твое...», они поздравляютъ хозяевъ и желаютъ имъ встрѣтить много такихъ же дней. Молодая хозяйка вынимаетъ изъ-подъ кечи деньги и даритъ ими мальчиковъ.

Молодые грузины, собравшись также толпою, ходятъ изъ дома въ домъ, славятъ Христа и поздравляютъ хозяевъ съ наступающимъ праздникомъ. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *алило* и сопровождается особою пѣснею, выражающею, поздравленіе и просящею въ награду, однажды на всегда опредѣленную часть съ напитковъ и съѣстнаго. Хозяева благодарятъ за поздравленіе, дарятъ поздравителей, и тѣ отправляются къ сосѣднему дому (1).

Собственно праздникъ Рождества не имѣетъ у грузинъ никакихъ особенностей. Почти вся рождественская недѣля праздниковъ служитъ приготовленіемъ къ встрѣчѣ новаго года. Канунъ новаго года самый доходный для торгующихъ сластями. Каждая хозяйка закупаетъ множество фруктовъ, орѣховъ, изюму, леденцу и меду. Торговцы употребляютъ всѣ ухищренія для того, чтобы заманить къ себѣ щедрыхъ покупательницъ. Воткнувъ на конецъ ножа кусокъ сота или зачерпнувъ медъ ложкою, торговецъ вертитъ ихъ надъ головою, бѣгаетъ, прыгаетъ возлѣ лавки, стараясь привлечь къ себѣ покупателей. Другой облизываетъ пальцы, намазанные медомъ, смѣшками, прибаутками выхваляетъ его сладость и тѣмъ заманиваетъ къ себѣ дѣтей съ ихъ матушками.

Возвратившись съ базара, хозяйки принимаются за печеніе разныхъ хлѣбовъ. Пекутъ хлѣбы счастія, обсыпанные изюмомъ, отдѣльно для каждаго члена семейства: чей хлѣбъ опадетъ, тому умереть непремѣнно въ предстоящемъ году. Пекутъ хлѣбъ *бакила* или *бацила*, одинъ въ образѣ человѣка, въ честь св. Василія Великаго, празднуемаго православною церковью въ день новаго года и называемаго у грузинъ Бацила; остальнымъ хлѣбамъ даютъ разную форму: книги, пялецъ, ножницъ или пера, смотря по ремеслу хозяина. Семейство варитъ *гозинахи*, грецкіе или миндальные орѣхи въ меду или сахарѣ, и *алвахи*—густо перетопленный медъ. Разложивъ ихъ на нѣсколькихъ *хончахъ*, посылаютъ, при встрѣчѣ новаго года, къ знакомымъ, съ пожеланіемъ состарѣться въ сладости. Въ отвѣтъ на это получаютъ въ подарокъ яблоки, утыканные гвоздикой, леденцы или другія сласти.

Вечеромъ, въ теченіе ночи, слышатся повсюду ружейные выстрѣлы: это тѣшится молодежь, провожая старый годъ и встрѣчая новый. Во всѣхъ домахъ растворены двери, чтобы счастіе, которое, по вѣрованію грузинъ, раз-

---

(1) Кавказъ 1854 г. № 24, 49 и 56. „Канунъ Рождества и Рождество въ деревнѣ", Ив. Гзеліевъ. Закавказс. Вѣстникъ 1854 г. № 51.

гуливаетъ въ эту ночь по свѣту, не встрѣтило затрудненія войти въ домъ.

Въ самый новый годъ, глава семейства, хозяинъ дома, поднимается еще до свѣта. Онъ долженъ прежде всѣхъ посѣтить семейство: такъ заведено изстари, и грузинъ слѣдуетъ этому безпрекословно, вѣря, что, если въ какой нибудь праздникъ нарушить порядокъ, то и въ будущемъ году, въ соотвѣтствующій день, произойдетъ то же самое.

На особомъ подносѣ, называемомъ у грузинъ *табля*, онъ укладываетъ хлѣбы счастія, ставитъ чашку меду и четыре горящія свѣчи, нарочно отлитыя для этого хозяйкою.

— Я вошелъ въ домъ—говоритъ онъ семьѣ, держа въ рукахъ подносъ — да помилуетъ васъ Богъ. Нога моя, но слѣдъ да будетъ ангела.

Хозяинъ обходитъ кругомъ комнату, съ пожеланіемъ, чтобы новый годъ былъ для него также обиленъ, какъ тотъ подносъ, который онъ держитъ въ рукахъ.

За хозяиномъ долженъ войти кто-нибудь посторонній, и каждое семейство имѣетъ завѣтнаго гостя, открывающаго входъ въ жилище, что также, по народному повѣрью, приноситъ особое счастіе.

Родственники и знакомые спѣшатъ другъ къ другу и поздравляютъ съ праздникомъ.

— Да благословитъ васъ Господь Богъ, говоритъ хозяевамъ каждый вошедшій въ домъ. Я пришелъ въ домъ вашъ по стопамъ ангела.

Пришедшаго принимаютъ съ патріархальнымъ радушіемъ; угощаютъ сластями, подчуютъ сладкой водкой и дѣлаютъ подарокъ на счастіе. Знакомые, встрѣчаясь на улицахъ и перекресткахъ дорогъ, обнимаются, цѣлуются и, наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ достать изъ-за пазухи заранѣе приготовленный леденецъ, сахаръ, конфекту или красное яблочко.

— Желаю вамъ также сладко состарѣться, говорятъ они, подавая въ подарокъ яблоко, хотя оно и оказывается въ послѣдствіи кислымъ.

Каждый имѣющій оружіе долженъ въ этотъ день непремѣнно выстрѣлить, въ знакъ побѣды надъ врагами.

Въ прежнее время католикосъ,—патріархъ, глава духовенства,—послѣ церковной службы, въ мантіи и со всѣмъ придворнымъ духовенствомъ, входилъ въ царскія комнаты, поздравлялъ царя и царицу съ новымъ годомъ, окроплялъ ихъ святою водою, подносилъ крестъ, образъ и благословенный хлѣбъ. За духовенствомъ оберъ-гофмаршалъ подносилъ сахарный хлѣбъ, въ знакъ пожеланія пріятной и сладостной жизни; оберъ-шталмейстеръ подводилъ къ покоямъ богато убраннаго коня; оберъ-егермейстеръ — соколовъ и ястребовъ; сардаръ (главный изъ полководцевъ), сопровождаемый простымъ воиномъ, подносилъ стрѣлу.

— Да продлитъ Богъ царствованіе твое, говорилъ онъ при этомъ, и да пронзитъ онъ этою стрѣлою грудь твоего врага.

Въ послѣдствіи, съ изобрѣтеніемъ огнестрѣльнаго оружія, стрѣла была замѣнена пулею [1].

Князья, являясь къ царю, бросали пулю на столъ, стоявшій передъ нимъ.

— Въ сердце врага твоего! произносили они, поздравляя съ праздникомъ [2].

Въ Тифлисѣ, въ тѣхъ домахъ, гдѣ сохранились еще древніе обычаи, накапунѣ новаго года глава семейства ожидаетъ наступленія его, тогда какъ вся семья его покоится давно на широкихъ тахтахъ. У него заготовленъ мѣшечекъ съ хлѣбными зернами и кусочки леденца по числу членовъ семейства. Наступленіе новаго года онъ привѣтствуетъ громкимъ голосомъ, бросая хлѣбныя зерна во всѣ углы дома. Проснувшаяся семья получаетъ отъ отца или дѣда каждый по кусочку леденца, съ пожеланіемъ, чтобы жизнь въ наступающемъ году была такъ же сладка, какъ предлагаемый сахаръ.

Народъ толпится вокругъ лавокъ съ разными сластями, красиво разложенными и освѣщенными десятками фонарей. Стрѣльба по городу провожаетъ старый и привѣтствуетъ новый годъ [3].

Въ день Крещенія, толпа народа слѣдуетъ къ рѣкѣ за священникомъ Мужчины часто идутъ на іордань съ вещами, соотвѣтствующими ихъ занятію. Земледѣлецъ несетъ свои земледѣльческія орудія (*сахнисъ-сакветы*), охотникъ свои прадѣдовскія шашки и кинжалы. Все это погружается, вмѣстѣ съ крестомъ, въ воду. Молодые несутъ сосуды за святою водою; позади медленно и осторожно подвигаются женщины.

Пришедшіе за водою съ кувшинами съ нетерпѣніемъ ждутъ погруженія креста, чтобы прежде другихъ зачерпнуть святой воды. Со словами пастыря: «*Во Іорданѣ крещающуся*», раздаются ружейные выстрѣлы. Едва крестъ опущенъ въ воду, какъ многіе грузины бросаются туда же или съ береговъ, или съ высокаго моста. Сопровождаемые одобрительными восклицаніями народа, набожные пловцы или переплываютъ рѣку, или, доплывъ до половины, возвращаются назадъ. Многіе всадники также спускаются съ отлогихъ береговъ въ воду, непремѣнно ниже того мѣста, гдѣ былъ погруженъ крестъ, и стараются при этомъ направить своихъ лошадей, такъ чтобы они грудью встрѣтили волны, только-что освященныя крестнымъ погруженіемъ.

Счастливецъ, успѣвшій прежде другихъ зачерпнуть воду, бѣжитъ къ своему дому и, стараясь не уступить въ этомъ никому первенства, быстро взбирается на крышу сакли, гдѣ, черезъ отверстіе ея, вливаетъ святую воду въ сосудъ съ закваской хлѣба, приговаривая: *мовида зети манана* (пришла

---

(1) Празднованіе новолѣтія у древнихъ грузинъ. Закавказскій Вѣст. 1845 года № 1.

(2) „Новый годъ у грузинъ“, I. Романовъ. Кавк. 1846 г. № 3. „О святкахъ въ Тифлисѣ и народномъ суевѣріи въ Грузіи“, Кавк. 1847 г. № 3. „Канунъ Рождества и Рождество въ дерев.“ И. Гзеліевъ. Закавк. Вѣстн. 1854 г. № 51. „Цкалъ-куртхева“. И. Гзеліевъ. Закавк. вѣстн. 1855 г. № 3.

(3) Кавказъ 1854 г. № 1.

манна). Подъ отверстіе подносятъ закваску люди, нарочно для этого остающіеся дома.

Во многихъ мѣстахъ Грузіи принято въ этотъ день справлять поминки по умершимъ. Въ преддверіи храма устраивается трапеза, назначенная памяти усопшихъ и называемая *табла*. Благословивъ ее, священникъ дѣлитъ на двѣ части: одну отправляетъ къ себѣ домой, а другую раздаетъ нищимъ. Простой народъ вѣритъ, что *табла* чудеснымъ образомъ доставляется умершему на тотъ свѣтъ. Существуетъ объ этомъ цѣлая легенда: будто бы одна умершая женщина чудеснымъ образомъ воскресла и потомъ разсказывала, что была въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся мертвые.

— Видѣла я тамъ, говорила женщина, всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Они тоже видятъ и замѣчаютъ все, что между нами происходитъ; рады нашему счастію, сочувствуютъ нашему несчастію. Они чрезвычайно благодарны всѣмъ тѣмъ, которые чаще дѣлаютъ въ честь ихъ поминки. Чѣмъ ихъ поминаютъ здѣсь, все то всецѣло доставляется имъ туда! Я сама видѣла, какъ тамъ около нихъ рѣзвились тѣ овцы, коровы и быки, которыхъ здѣсь рѣзали въ память ихъ.

— Слава Богу, приговариваютъ добродушные и легковѣрные грузины, слушая подобные разсказы, если и тамъ такая же жизнь, какъ здѣсь ([1]).

Передъ наступленіемъ масляницы, каждое семейство запасается мукою и хорошимъ масломъ, чтобы въ понедѣльникъ напечь на цѣлую недѣлю: *назуки* — простой хлѣбъ, и *када* — сдобный. Многіе пекутъ эти хлѣбы въ четвергъ на масляной недѣлѣ, въ день св. Шіо, отчего они и называются иногда *шіосъ-када*.

Въ каждомъ домѣ устраиваются качели или подъ навѣсомъ, или подъ балкономъ. Дѣвушки, одѣтыя по праздничному, качаясь поютъ пѣсни съ припѣвомъ: *клеріаріа* (такъ называютъ грузины масляницу).

Вечеромъ собираются на крышѣ дома одного изъ сосѣдей и танцуютъ живую лезгинку, подъ звуки дайры (бубна). Здѣсь же можно видѣть грузинскаго менестреля, съ его инструментомъ, похожимъ на волынку. Этотъ странствующій поэтъ-музыкантъ, за нѣсколько грошей поетъ передъ каждымъ домомъ хвалебную пѣснь, и грузины любятъ слушать его импровизацію.

По улицамъ ходитъ мальчикъ, наряженный старикомъ и называемый *берика*. Онъ пляшетъ и кривляется передъ каждымъ проходящимъ и неотступно выпрашиваетъ денегъ. Этотъ же самый *берика* носитъ иногда названіе *дато* (медвѣдь), когда принимается въ хороводы женщинъ, для смѣха и представленія этого звѣря, упоминаемаго въ пѣснѣ.

Сидѣльцы лавокъ пускаютъ другъ въ друга большой мячъ, съ крикомъ: *клеріаріа*, или, накинувъ на себя запыленную рогожу или обрывокъ вой-

---

([1]) „Цкалъ-куртхева“, И. Гзеліевъ. Закавк. Вѣст. 1855 г. № 3.

лока, бросаются какъ пугало на сосѣда и привѣтствуютъ его съ масляницей. Въ сумерки, въ предмѣстьѣ города, разгарается кулачный бой, а въ деревняхъ играютъ въ *чаличи* (жгутъ).

Нѣсколько человѣкъ въ чертѣ круга получаютъ ловкіе удары жгутомъ отъ тѣхъ, которые находятся внѣ круга, пока кого-нибудь изъ бьющихъ не задѣнутъ ногою въ чертѣ; тогда противная партія идетъ въ кругъ испытывать наслажденіе отъ жгута.

Въ деревняхъ, въ первый день масляницы, молодые грузины наряжаются и ходятъ по улицамъ съ пляскою и пѣніемъ.

Партія наряженныхъ состоитъ изъ *берикееби* и *гори*—свиньи, т. е. человѣка, наряженнаго свиньею. Послѣдній прикрытъ спереди и сзади свиными шкурами, сшитыми въ видѣ чехла.

На голову наряженнаго надѣвается свиная голова съ огромными зубами. Толпа замаскированныхъ приходитъ въ каждый домъ, гдѣ нѣтъ траура, и начинаетъ пляску. *Гори* бѣгаетъ вокругъ наряженныхъ и бьетъ ихъ своими клыками, и часто такъ сильно, что на клыкахъ его остаются клочки тулупа. Въ отвѣтъ на это, маскированные бьютъ свинью деревянными саблями, до тѣхъ поръ, пока она не притворится убитою. Берикееби самовольно входятъ въ *маранъ* (¹) и пьютъ вино, что имъ не запрещается. Хозяева выносятъ имъ въ подарокъ яицъ и, передавая ихъ наряженнымъ, выщипываютъ изъ бороды берики волосъ и кладутъ его въ курятникъ, чтобы куры въ предстоящій годъ несли побольше яицъ. Маскированные ходятъ всю масляницу изъ деревни въ деревню, и случается, что, встрѣтившись съ другою такою же партіею, вступаютъ въ непріязненныя дѣйствія и открытую войну. Побѣдители отнимаютъ все, что только успѣли собрать побѣжденные. Въ послѣдній день масляницы наряженные предаются кутежу и уничтожаютъ все, что было собрано въ теченіе недѣли.

У простаго народа, въ четвергъ, на масляницѣ, въ день св. Шіо, существуетъ обыкновеніе изгонять мышей изъ дому. Взявъ въ одну руку сдобный хлѣбъ, а въ другую прутъ шиповника, хозяйка ходитъ вокругъ комнаты, постукиваетъ прутикомъ и приговариваетъ: мышь, мышь, выходи!

Обойдя всѣ углы, она передаетъ хлѣбъ и прутъ мальчику, который ожидаетъ ихъ у дверей и, получивъ, бѣжитъ безъ оглядки за деревню—иначе мыши могутъ опять вернуться домой — и тамъ съѣдаетъ хлѣбъ, а корку, воткнувъ на конецъ прута, бросаетъ.

Въ прежнее время, въ прощальный вечеръ воскресенья на масляной, слуги приходили къ своимъ господамъ съ *палахою* — палка съ веревкою, слабо натянутою отъ одного конца къ другому. Палка эта надѣвалась на босую ногу осужденнаго къ наказанію по пятамъ. Въ этотъ вечеръ господа

(¹) Мѣсто приготовленія и храненія вина.

обязывались полнымъ повиновеніемъ своимъ слугамъ и, чтобы отдѣлаться отъ наказанія палахою, должны были щедро отдариваться ([1]).

Передъ заговѣньемъ грузины заготовляютъ роскошный, по средствамъ, ужинъ, приступая къ которому, по обычаю, умываютъ руки, и если въ семействѣ есть лицо, не присутствующее на ужинѣ, то, при умовеніи рукъ, выливаютъ нѣсколько капель воды на землю — какъ долю отсутствующаго члена семейства. Подъ конецъ ужина выливаютъ изъ стакана нѣсколько капель вина на полъ, въ память усопшихъ. По народному повѣрью, послѣ ужина посылаютъ ужинъ волкамъ, т. е. бросаютъ около мякинницы кости, съ увѣренностію, что отъ этого волки, въ теченіе цѣлаго года, не станутъ трогать скотину ([2]).

Въ чистый понедѣльникъ, у грузинъ бываетъ *кееноба*, или *возстаніе шаховъ*—праздникъ, установленный въ воспоминаніе побѣдъ грузинъ надъ персіянами. Въ прежнее время дѣло рѣшалось между двумя лицами: одинъ изъ нихъ представлялъ шаха, а другой—грузинскаго царя. Между ними завязывался бой, въ которомъ шахъ всегда былъ побѣждаемъ; его бросали въ воду, какъ бы съ намѣреніемъ утопить. Съ зрителей собирали деньги, на которыя толпа игравшихъ пировала ([3]).

Въ послѣднее время характеръ игры этой измѣнился. Въ Тифлисѣ, напримѣръ, городъ дѣлился на двѣ части; въ каждой выбирали по одному шаху, одѣвали ихъ богато и сажали на тронѣ, на видномъ мѣстѣ, такомъ, съ котораго мнимый шахъ могъ бы видѣть всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ.

«На улицѣ, говоритъ князь Д. О. Бебутовъ, въ своихъ запискахъ ([4]), держали богато убраннаго коня для каждаго шаха, и тутъ же были отряды его войска, называвшіеся по именамъ улицъ. Каждая улица имѣла свое знамя; отрядомъ командовалъ знаменитый боецъ. Шахъ приказывалъ брать съ каждаго прохожаго, не принадлежавшаго къ его участку. Знаменщикъ, съ нѣсколькими ассистентами, бѣжалъ къ указанному шахомъ прохожему, преграждалъ ему дорогу и, поставивъ передъ нимъ знамя, требовалъ, именемъ шаха, дани. Никто не отказывался и давалъ по мѣрѣ своихъ средствъ. Жертвователя пропускали, провожали съ тріумфомъ, провозглашая его имя и сумму пожертвованія; шахскій казначей заносилъ имя въ списокъ, а деньги на приходъ».

Такъ какъ шахи избирались обыкновенно на первыхъ дняхъ масляницы,

([1]) Масляница у грузинъ. Кавк. 1846 г. № 6. „Маскар. грузинской черни". Кавказъ 1849 г. № 16.

([2]) Агебисъ-гаме (заговѣнье), И. Гзеліевъ. Закавк. Вѣст. 1855 г. № 6.

([3]) „Масляница у грузинъ". Кавк. 1846 г. № 6.

([4]) Біографія князя Д. О. Бебутова, стр. 6. Смотр. также Военный Сборникъ 1867 года № 6 и 7.

то они ежедневно, въ теченіе цѣлой недѣли, собирали деньги, употребляя на это утро, а послѣ обѣда прогуливались каждый въ своей части города.

Собранная каждымъ изъ шаховъ, сумма, достигала иногда до значительныхъ размѣровъ и употреблялась въ послѣдствіи каждою стороною на кутежъ и попойку участниковъ игры.

Въ понедѣльникъ, на первой недѣлѣ великаго поста, назначалось обыкновенно окончательное сраженіе между двумя шахами. Поутру, въ прощальное воскресенье, открывались переговоры между противниками. Каждый изъ шаховъ употреблялъ различныя хитрости къ тому, чтобы переманить на свою сторону какой-либо цѣлый отрядъ противника или отдѣльныхъ бойцевъ и предводителей, пользовавшихся извѣстностію по своей силѣ и ловкости. Если какая нибудь улица, составлявшая отдѣльный отрядъ, оставалась недовольною или шахомъ, или дѣлежемъ собранныхъ денегъ, то измѣняла — что было, впрочемъ, весьма рѣдко—или оставалась нейтральною.

Послѣ полудня того же дня, т. е. воскресенья, оба шаха выѣзжали за городъ съ особеннымъ церемоніаломъ. Впереди несли знамена каждой улицы, за ними шли сановники шаха, самъ шахъ верхомъ, и, наконецъ, его войско, съ запасомъ провизіи и напитковъ. Въ главѣ колонъ шли музыканты, играя на зурнахъ, бубнахъ, литаврахъ и большихъ трубахъ; пѣсенники пѣли военныя пѣсни, импровизаторы разсказывали речитативомъ народу о славныхъ подвигахъ предковъ, и, наконецъ, плясуны и скоморохи довершали картину параднаго шествія.

Выйдя за городъ, каждый изъ шаховъ старался занять тѣ стратегическіе пункты, которые считалъ или выгодными для защиты, или же такіе, съ которыхъ предполагалъ начать бой въ слѣдующій день. Разставивъ пикеты, установивъ разъѣзды и запасясь лазутчиками, для полученія точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ непріятеля, обѣ стороны пировали весь остальной день и ночь, встрѣчая въ полѣ первый разсвѣтъ великаго поста.

Съ ранняго утра понедѣльника, толпы народа, женщины и дѣти, гурьбою спѣшили за городъ и разсыпались живописною вереницею, по высотамъ окружающимъ Тифлисъ.

Завязывался бой, въ которомъ принимали участіе всѣ сословія народа: князья (¹), дворяне, ремесленники, взрослые и дѣти. Послѣднія всегда открывали военныя дѣйствія метаніемъ камней изъ пращей, въ защиту отъ которыхъ у каждаго бойца была бурка. По мѣрѣ сближенія сторонъ, противники переходили къ бою на деревянныхъ сабляхъ.

«Метаніе камней, пишетъ Д. О. Бебутовъ, и рукопашныя схватки продолжались безъ рѣшительнаго перевѣса на чью-либо сторону. Повидимому, чего-то боялись и чего-то ожидали. Около часу пополудни, вдругъ у непрія-

(¹) Кн. Бебутовъ разсказываетъ объ этой игрѣ, какъ участникъ боя, въ которомъ онъ поплатился разсѣченною губою.

теля поднялась тревога, отряды начали двигаться въ разныхъ направленіяхъ, а зрители, размѣстившіеся по гребню горы, переходили въ противоположную сторону.

«Наши стали приготовляться къ общему нападенію и заняли всѣ приступы и тропинки, ведущія на вершину Сололакской горы ([1]). Причина тому была слѣдующая: шахъ нашъ отправилъ въ полночь, секретно, одинъ отрядъ въ обходъ Сололакъ, верстъ за шесть, въ деревню Табахмелы. Отряду предписывалось выступить въ понедѣльникъ и, къ двѣнадцати часамъ, спуститься къ Сололакской горѣ во флангъ непріятелю, при чемъ на горѣ отъ Окроканы поставить лучшихъ пращниковъ, для обстрѣливанія врага съ тыла.

«Едва стали показываться передовые люди обходнаго отряда на флангѣ у непріятеля, младшіе воины уступили поле старшимъ, и послѣдніе начали приступъ къ горѣ. Пращники съ обѣихъ сторонъ вышли тысячами, осыпая другъ друга камнями, словно градомъ; раненые отходили, а мѣста ихъ заступали люди все старше и старше. Рубились повсемѣстно, атакующихъ опрокидывали и сбрасывали съ горы, товарищи ихъ поддерживали и возстановляли равновѣсіе. Бой продолжался около часу съ перемѣннымъ успѣхомъ. Нижняя сторона успѣла, однакоже, утвердиться на половинѣ горы, укрываясь, по возможности, отъ летѣвшихъ сверху камней. Въ это время обходная колонна подошла по гребню и завязала бой на флангѣ. Верхняя сторона должна была ослабить себя высылкою лучшихъ бойцевъ своихъ противъ упомянутаго отряда.

«Бой былъ въ полномъ разгарѣ; знаменитые бойцы приняли уже въ немъ участіе и дрались на сабляхъ.

«Метаніе камней изъ пращи прекращено, потому что, по правилу боя, когда начинается сабельная рубка между знаменитыми бойцами, тогда употреблявшій въ дѣло пращу считался трусомъ. Верхняя сторона начала отступать; отряды нижней заняли гору, и непріятель бѣжалъ внизъ по Сололакскому ущелью, преслѣдуемый до самаго дома главнокомандующаго, находившагося хотя и на томъ же мѣстѣ, гдѣ теперь, но внѣ черты города. Для воспрепятствованія бѣглецамъ ворваться въ городъ, всѣ городскія ворота были заперты.

«Главнокомандующій, кн. Цицiановъ, со свитою вышелъ на балконъ своего дома, чтобы посмотрѣть на сражавшихся. Ему сказали, что причиною неудачи былъ самъ шахъ верхней стороны, оскорбившій знаменитаго своего бойца Саато тѣмъ, что не далъ ему требованной части денегъ. Саато, съ 40 или 50 человѣками отборныхъ бойцевъ, согласились не принимать участія въ игрѣ.

«Главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Саато и на вопросъ: можетъ

([1]) См. Біографію кн. Дав. Оси. Бебутова. Описываемый бой происходилъ въ промежутокъ времени отъ 1803—1806 года.

ли онъ возстановить честь верхней части города, получилъ удовлетворительный отвѣтъ.

«Принявъ отъ князя Цицiанова кошелекъ съ червонцами, Саато бросился на противниковъ вмѣстѣ со своимъ отрядомъ.

«Преслѣдуя врага по пятамъ, Саато взобрался почти уже до вершины Сололака и думалъ сбросить противниковъ въ оврагъ.... Въ эту-то минуту пращникъ попалъ ему въ правый глазъ.... Саато упалъ. Завязалась ожесточенная свалка: одни хотѣли унести своего предводителя, другiе не давали и бились упорно.

«Къ мѣсту побоища подъѣхалъ верхомъ кн. Цицiановъ. Онъ тотчасъ же разослалъ всю свою свиту и князей, съ приказанiемъ прекратить битву и отыскать того пращника, который, вопреки законамъ «криви», дерзнулъ, во время сабельной рубки, вышибить камнемъ глазъ Саато. Бой прекратился. Саато остался живъ, но безъ праваго глаза; вѣроломнаго же пращника не нашли. Этотъ день обошелся безъ убитыхъ, ибо сраженiе происходило съ соблюденiемъ правилъ «криви», за исключенiемъ лишь единственнаго, только что упомянутаго случая. Не мало было, впрочемъ, разрублено головъ, выбито глазъ, переранено лицъ и носовъ. Добыча была также значительна» (¹).

Такъ Тифлисъ проводилъ первый день великаго поста. Въ другихъ городахъ и селенiяхъ характеръ кеенобы былъ отличенъ отъ тифлисской.

Обыкновенно, въ понедѣльникъ утромъ, выбирали *кеени* изъ числа лицъ, отличающихся своею бойкостiю, веселостiю и шутливостiю. На выбраннаго надѣвали колпакъ, сдѣланный изъ бурки, шубу на изнанку, лицо пачкали сажею, а въ руки давали мечъ, конецъ котораго украшенъ яблокомъ или чѣмъ нибудь подобнымъ. Ему предоставляли власть царя или шаха, и оказывали всевозможныя почести; каждый становился передъ нимъ на колѣни и снималъ шапку—горе тому, кто будетъ замѣченъ въ грубости или неучтивости. Неучтивцу кеени приказываетъ выколоть глаза. Виновнаго хватаютъ, намазываютъ сажею глаза и въ такомъ видѣ представляютъ повелителю.

Часто, между шутками, приходится нѣкоторымъ грузинамъ испытывать серьезное наказанiе и непрiятности.

Верхомъ на ослѣ, сопровождаемый народомъ, музыкою и предшествуемый знаменемъ, кеени объѣзжаетъ городскiя улицы или сельскiе переулки и, достигнувъ возвышеннаго мѣста, садится на скамью, замѣняющую ему тронъ. Каждый проходящiй, какого бы званiя онъ ни былъ, долженъ остановиться передъ повелителемъ, поклониться и что нибудь подарить. Свита его раздѣляется на двѣ стороны; изъ обѣихъ сторонъ выступаютъ лучшiе бойцы и завязывается кулачный бой, ободряемый и поощряемый криками присутствующихъ, принимающихъ въ немъ живое участiе, ибо, по народному предраз-

(¹) Бiографiя кн. Д. О. Бебутова, стр. 8—11. См также Воен. Сборн. 1867 года № 6 и 7.

судку, Господь благословляетъ обильнымъ урожаемъ земли той стороны, которая побѣдитъ на кулачномъ бою, бывающемъ въ этотъ день.

Вечеръ середы страстной недѣли простой народъ посвящаетъ обряду *кудіанеби*, въ которомъ главную роль играетъ нечистая сила.

Существуетъ между грузинами легенда, что однажды ночь застигла трехъ путниковъ, принужденныхъ расположиться на берегу какой-то рѣки. Путники были: Соломонъ премудрый, его жена-царица и служитель.

Закинувъ въ воду рыболовную сѣть, они вытащили три рыбы, положили ихъ въ котелъ, развели огонь и начали варить. Рыба сварилась, котелъ былъ снятъ съ огня.

— Меня называютъ всѣ опорою мудрости, говорилъ Соломонъ, но я недоумѣваю, когда вспомню сонъ, который я видѣлъ прошлою ночью. Снилось мнѣ, что на моемъ ложѣ спитъ неизвѣстный человѣкъ; въ головахъ его росла яблоня съ плодами, въ ногахъ тоже яблоня, но болѣе первой обремененная яблоками. Если это правда, то пусть оживетъ одна изъ пойманныхъ нами рыбъ, въ подтвержденіе моего видѣнія...

Вода въ котлѣ зашумѣла, выскочила одна рыба и изчезла въ рѣкѣ.

Служитель сталъ за тѣмъ разсказывать Соломону, что какой-то вѣщій голосъ твердитъ ему объ убійствѣ Соломона.

— Если мое предчувствіе справедливо, говорилъ онъ, стоя на колѣнахъ передъ своимъ повелителемъ, то одна изъ двухъ свареныхъ рыбъ пусть возвратится къ жизни и послѣдуетъ за своей подругой, ожившей по твоему слову.

Рыба ожила и погрузилась въ свою стихію; въ котлѣ осталась только одна рыба. Царицѣ сдѣлалось дурно; она упала въ обморокъ, около нея засуетились, начали тереть ей грудь розовою водою. Очнувшись, царица призналась Соломону, что она замышляла убить его.

— Двѣнадцать лѣтъ, говорила она, какъ я люблю *Кундзулеля*, царя острововъ; справедливость этого подтвердитъ даже рыба безгласная......

Послѣдняя рыба выпрыгнула вонъ—и котелъ опустѣлъ. Соломонъ потребовалъ къ себѣ *Кундзулеля* (островитянина), моурава (правителя) бѣсовъ. Кундзулель явился.

— У меня есть мѣдный кувшинъ, если возмешься наполнить его своими подданными, то выиграешь царицу, сказалъ Соломонъ.

Островитянинъ принялъ предложеніе съ восхищеніемъ. Три дня и три ночи шелъ въ кувшинъ потокъ чертей, подвластныхъ островитянину, но онъ все-таки не могъ наполниться до горлышка.

— Полѣзай уже и ты, сказалъ Соломонъ Кундзулелю, а за тобою, кстати, послѣдуетъ и выигранная тобою царица—твоя любовница.

Лукавый влѣзъ, крышку захлопнули, и Соломонъ приложилъ къ ней свою печать. Оковавъ крестообразо кувшинъ, бросили его въ самую глубь моря. Съ тѣхъ поръ не стало нечистой силы. Прошло послѣ того пятнадцать вѣковъ,

о злыхъ духахъ помину не было. Грузины жили спокойно. Рыболовы вытащили какъ-то, нечаянно, этотъ кувшинъ и, думая найти кладъ, разбили его. Темной тучей разсыпались черти изъ кувшина. «Тѣ, которые попали, при такой суматохѣ, въ воду, сдѣлались обладателями этой стихіи, т. е. водяными; инымъ удалось достигнуть лѣса и водвориться въ немъ—отчего произошли лѣшіе; другіе устремились въ ущелья, въ горы, въ пещеры и въ пропасти и основались тамъ».

Такимъ образомъ злые духи завладѣли всею землею. Съ ними вошли въ сношеніе люди и, по понятію грузинъ, преимущественно старухи, которыя, заключивъ контрактъ съ нечистымъ, обращаются въ кудіанеби, т. е. въ вѣдьмъ и колдуній съ хвостами.

Одинъ разъ въ году, въ страстной четвергъ, всѣ вѣдьмы и отовсюду собираются на гору Ялбузъ (Эльбрусъ) на шабашъ. Тамъ обитаетъ сатана или, какъ грузины называютъ, *тартаръ*, имѣющій необыкновенно большіе глаза и страшные зубы; изо рта у него выходитъ дымъ чадящій; глаза у него огненные. Каждая вѣдьма, представляясь тартару, бросаетъ ему въ родъ камешки, выражающіе жертву, и чѣмъ больше камешекъ, тѣмъ жертва важнѣе. Самою цѣнною жертвою считается человѣкъ, и тогда сатана, проглотивъ его и оставшись очень доволенъ столь лакомымъ приношеніемъ, даетъ еще большій даръ кудесничества.

Путешествіе свое на гору Эльбрусъ вѣдьмы совершаютъ при помощи зелья, извѣстнаго подъ именемъ *квинтила*. Ночью, когда всѣ спятъ, вѣдьмы встаютъ, намазываютъ своимъ зельемъ первый попавшійся имъ подъ руку предметъ: будетъ ли то метла, кувшинъ, камень или животное—все равно; сѣвъ на него верхомъ и вылетѣвъ въ трубу, онѣ въ одно мгновеніе достигаютъ до Эльбруса. Больше всего они однако любятъ путешествовать на кошкахъ, которыхъ хватаютъ у грузинъ.

Чтобы предохранить себя отъ посѣщеній вѣдьмъ, туземцы въ этотъ вечеръ зажигаютъ на дворѣ каждаго дома костры изъ соломы. Всѣ домочадцы, отъ шестидесяти-лѣтняго старца до пяти-лѣтняго ребенка, обязаны перепрыгнуть черезъ костеръ, не менѣе трехъ разъ, при ружейныхъ выстрѣлахъ и съ заклинаніемъ, состоящимъ въ повтореніи словъ: *ари-урули-урули-урули кудіанеби* (фраза не переводимая, но выражающая однако проклятіе надъ кудіанебами). Въ деревняхъ, кромѣ того, заслоняютъ крестообразными вѣтками шиповника окна, двери и отверстія трубы въ саклѣ.

Простой народъ вѣритъ чистосердечно, что, въ ночь съ среды на четвергъ страстной недѣли, кудіанеби, дѣйствительно, тревожатъ тѣхъ, кто не успѣлъ перепрыгнуть черезъ костеръ, называемый *чіа-кокона*, и забираются въ тѣ дома, которые не были ограждены вѣтками шиповника, гдѣ и воруютъ кошекъ, необходимыхъ имъ для путешествія на гору Ялбузъ. «Попытайте войти, говоритъ корреспондентъ «Кавказа», въ какой угодно домъ или, заглянувъ туда, прислушайтесь повнимательнѣе: вездѣ раздаются жа-

лобныя мяуканья; бѣдныя кошки тщательно заперты въ сундукахъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не похватали непріязненные ѣздоки-кудіанеби».

На горѣ Ялбузѣ, по преданію грузинъ, томится узникъ, богатырь *Амиранъ*, заключенный туда, по слову Божію, съ незапамятныхъ временъ. Желѣзная цѣпь, къ которой онъ прикованъ, такъ крѣпка, что никакія силы не въ состояніи ее разорвать сразу. Вмѣстѣ съ Амираномъ находятся въ пещерѣ собака—единственный сотоварищъ его одиночества. Вѣрный песъ безъ устали лижетъ оковы своего господина и давно бы ихъ разорвалъ, еслибы грузинскіе кузнецы ежегодно, въ утро страстнаго четверга, не ударяли три раза о наковальню. Отъ этихъ ударовъ цѣпь пріобрѣтаетъ прежнюю крѣпость, и Амирану суждено освободиться отъ оковъ только въ день втораго пришествія (1)....

Грузины соблюдаютъ строго только первую половину великаго поста и тогда почти всѣ говѣютъ и постятся; во вторую же половину мужчины не придерживаются строгаго воздержанія.

Въ народѣ разсказываютъ о томъ, что въ прежнія времена люди были гораздо религіознѣе, и что древніе грузины отличались твердою вѣрою въ Творца Вселенной. Тогда, разсказываетъ грузинская легенда, отъ купола монастыря Св. Креста, находящагося противъ Мцхета, на горѣ, у подошвы которой протекаетъ Арагва, до купола Мцхетскаго собора, была протянута желѣзная цѣпь. По этой цѣпи благочестивые монахи приходили въ Мцхетъ и уходили обратно въ монастырь. По мѣрѣ того, какъ религія падала въ народѣ, опускалась и цѣпь и, наконецъ, прервалась и изчезла неизвѣстно куда (2).

Съ именемъ Мцхета, древней столицы Грузіи, и его развалинъ народъ соединяетъ вообще множество легендъ.

Такъ, въ двухъ верстахъ отъ Мцхета, надъ Курою, возвышается отвѣсный утесъ, на вершинѣ котораго, по преданію, обиталъ великанъ, который, служа какъ бы стражемъ Мцхета, передъ закатомъ солнца всегда становился на колѣни и оттуда нагибался къ берегу р. Куры, чтобы изъ нея напиться. На этомъ утесѣ туземцы и до сихъ поръ показываютъ два углубленія, образовавшіяся будто бы отъ колѣнъ великана.

Недалеко отъ того же Мцхета, близъ шумной р. Арагвы, на холмѣ, видны развалины башни, извѣстной въ народѣ подъ названіемъ *Вороньей*. Преданіе говоритъ, что башня эта была построена давно, очень давно, на землѣ, принадлежавшей какому-то князю Симону.

Симонъ былъ человѣкъ щедрый, добродушный, заботившійся о благѣ своихъ подданныхъ и построившій эту башню для наблюденія за осетинами, которые

---

(1) „Кудіанеби" Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г. № 28. Очерки деревенскихъ нравовъ Грузіи, его же. Кавк. 1858 г. № 28 и 55. „Кудіаноба", Н. Берзеновъ. Кавк. 1850 г. № 33 Предразсудки у грузинъ Антонъ Пурцеладзе Кавк. 1866 г. № 43.

(2) Замѣтки на пути въ Мингрелію. Кавк. 1847 г. № 7.

часто грабили его крестьянъ и уводили ихъ въ плѣнъ. Поставленный въ башнѣ караулъ предупреждалъ намѣреніе осетинъ, и крестьяне благодарили Симона за его добрыя о нихъ заботы.

Старый князь имѣлъ двухъ дѣтей: дочь, красавицу Макрину, чистую какъ ангелъ, и сына Машуку, человѣка съ дѣтскихъ лѣтъ жестокаго, злаго, не пропускавшаго случая сдѣлать зло или обидѣть человѣка. Симонъ видѣлъ дурныя качества сына и скорбѣлъ о нихъ, но исправить ихъ не надѣялся и не успѣлъ. Добрый, праведный и ласковый князь скончался, къ несчастію для подданныхъ.

Послѣ его смерти все измѣнилось въ его домѣ, считавшемся пріютомъ для бѣдныхъ, для убогихъ и самымъ пріятнымъ и гостепріимнымъ убѣжищемъ для сосѣдей и пріятелей. Прислуга измучилась, исполняя частыя приказанія и прихоти молодаго князя; тяжело стало и народу. Князь отягощалъ его податями и разными поборами, за малѣйшій ропотъ и недоплату наказывалъ палками и плетьми, глумился и издѣвался надъ всѣми, а всего больше надъ беззащитной сестрой. «Та, чистая голубица, слыша стоны подвластныхъ, безъ укора, но съ мольбой и слезами, проситъ брата усмирить свое гордое сердце. Но для Машуки хуже ножа остраго просьбы сестры: бѣснуется онъ, какъ только Макрина начнетъ умолять его смириться, и грозитъ ей, что запретъ ее въ Арагвинскую башню и уморитъ съ голоду; страхъ чуждъ сердцу молодой княжны, доброта и вѣра въ Бога крѣпка въ ней—и снова пристаетъ она къ брату, чтобы не раззорялъ онъ крестьянъ и былъ милостивѣе къ близкимъ и слугамъ».

Разсвирѣпѣвшій братъ заключилъ ее въ башню, а караулъ свелъ внизъ и, оставивъ его на дождѣ, жарѣ и непогодѣ, поручилъ крѣпко сторожить Макрину. Узнали скоро осетины, что некому слѣдить за ихъ движеніями: стали отгонять скотъ и барановъ, таскали людей въ горы. Машука взыскивалъ съ караульныхъ и стращалъ ихъ лютою казнію.

Такъ прошелъ годъ со дня заключенія Макрины. Бѣдная дѣвушка усердно молила Бога смягчить злое сердце брата, не для того, чтобы быть самой свободной, а для спокойствія тѣхъ, которые страдали подъ его игомъ. Частая молитва непорочной дѣвы была услышана Богомъ. Однажды Машука согналъ людей на тяжелую работу и не позволялъ имъ идти домой за пищею; а около башни, на кострахъ, варили въ котлахъ скудную пищу бѣднымъ работникамъ. Заключенная княжна наблюдала сверху башни, какъ утомленные работники подходили къ котламъ, надъ которыми вереницей кружились и каркали черные вороны, и по два, да по три, падали въ котлы. Гадко стало труженикамъ, что въ котлахъ сварились нечистыя птицы, и стали выливать они пищу на землю.

— Что вы дѣлаете? кричалъ Машука я васъ... Но не успѣлъ онъ договорить, какъ изъ котловъ полѣзли змѣи и, переплетаясь, окружили изверга и разверзли пасти...

— Боже, спаси меня! проговорилъ струсившій Машука, каюсь во грѣхахъ моихъ.

— Боже, спаси его, повторилъ и на башнѣ кроткій голосъ Макрины; я отмолю грѣхи брата моего, надѣну власяницу и всю жизнь проведу въ монастырѣ.

И совершилось чудо: змѣи попадали на землю; стая вороновъ унеслась за горы, а надъ башнею взвился бѣлый голубь...

— То душа кн. Симона, говорилъ народъ.

Княжна свято исполнила обѣтъ свой: надѣла власяницу и безвыходно въ Мцхетскомъ храмѣ молила Бога за прежніе грѣхи брата и благодарила за чудесное его спасеніе. Раскаялся Машука—и привольно стало его народу. Машука далъ ему большія льготы, роздалъ свое добро тѣмъ, кого раззорилъ или обидѣлъ, но не могъ однако успокоиться.

Поступки съ сестрою постоянно мучили Машуку, и, не находя душевнаго спокойствія, рѣшился онъ, мірскимъ подаяніемъ, воздвигнуть храмъ во славу Божію. Босой, съ длинною бородою, въ бѣдномъ рубищѣ, побрелъ онъ въ дальнія, чужія страны...

Прошло 70 лѣтъ. Народъ толпами со всѣхъ сторонъ собирался къ Мцхетской церкви, поклониться праху представившейся Маріи (Макрины), святою жизнію заслужившей себѣ вѣнецъ безсмертія. Къ гробу ея подошелъ богомолецъ, сѣдой старикъ, изможденный, но добрый. Благоговѣйно преклонивъ колѣна надъ покойницею, онъ поцѣловалъ ее въ очи.

— Милая сестра, сказалъ онъ, мы исполнили наши обѣты.

И послѣ этихъ словъ, духъ его спокойно соединился съ душею сестры,—то былъ кн. Машука. Подлѣ могилы Симона похоронили обоихъ его дѣтей.

«Добрые люди говорятъ, что въ ту ночь сладко и звучно шептались, вокругъ родовой церкви, и зеленая трава, и густые листья деревъ; а къ утру расцвѣли яркіе цвѣты, которыхъ, ни прежде, ни послѣ, не видали въ ихъ сторонѣ» (¹).

У туземцевъ существуетъ преданіе, что «св. Іосифъ, въ страстную пятницу, выкопалъ могилу въ чистой скалѣ, до которой не касалось ничто грѣшное; потомъ снялъ со креста святое тѣло Христово, завернулъ его въ свѣжую, чистую и бѣлую бязь, отнесъ на своей спинѣ и похоронилъ въ приготовленномъ мѣстѣ». На другой день, въ страстную субботу, въ сумерки, пришли ко гробу Господню, въ отчаяніи, три святыя жены—небесная и земная царица Марія, Маѳа и Марія, сестры св. Лазаря. Говорятъ, что они въ рукахъ держали красныя яйца. Прійдя оплакивать Христа, жены встрѣтили восторженнаго ангела, объявившаго имъ, что Спаситель воскресъ и всталъ изъ гроба. Жены вернулись и пошли отыскивать Христа.

(¹) Воровья башня Н. Дункель-Веллинга. Кавк. 1860 г. № 34.

Отсюда грузины ведутъ, впрочемъ, общій обычай красить къ празднику Пасхи яйца—и ими поздравлять другъ друга.

У кого бываетъ недостатокъ яицъ, тѣ выдумали средство пріобрѣтать ихъ къ празднику Пасхи—извѣстному у грузинъ подъ именемъ *агдгома*—установленіемъ особаго обычая.

За нѣсколько дней до наступленія праздника, начиная съ пятницы страстной недѣли, мужчины собирались толпами, преимущественно охотники покутить, попить и поѣсть на чужой счетъ. Собравшаяся толпа предавалась предварительно кутежу: пила изъ красныхъ чашекъ или турьихъ роговъ, огромныхъ размѣровъ, и за тѣмъ обходила всѣ дома въ селеніи, поздравляя хозяевъ съ предстоящимъ праздникомъ Пасхи. Обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ *чона*—припѣва къ пѣснѣ. Въ самой пѣснѣ желаютъ хозяину, чтобы домъ его былъ такъ же обиленъ, какъ маранъ Шіо, чтобы въ немъ всѣ и все было полно, сыто и счастливо. Поздравляющіе взбираются на кровлю дома и, черезъ отверстіе ея, спускаютъ на веревкѣ корзину. Хозяева кладутъ въ корзину одно яйцо и отпускаютъ поздравителей. Чонисты, будучи по большей части на-веселѣ, часто не довольствуются поданнымъ.

— *Ороловаа* (двойное), кричатъ они сверху въ отверстіе, высказывая тѣмъ желаніе, чтобы хозяинъ не скупился и положилъ, вмѣсто одного, два яйца.

Собравши, такимъ образомъ, достаточное количество яицъ, чонисты съ нетерпѣніемъ ожидаютъ наступленія высокоторжественнаго дня.

Празднованіе Пасхи у грузинъ весьма мало отличается отъ празднованія ея у насъ, русскихъ. Въ этотъ день у многихъ хозяевъ и владѣльцевъ выставленъ столъ для убогихъ и нищихъ, и не одна рука спѣшитъ подать милостыню заключеннымъ въ тюрьмахъ.

Грузинъ, впрочемъ, не очень пристрастенъ къ христосованью, къ размѣну яицъ, катаніе которыхъ замѣняетъ игрою въ мячъ. Игра эта особенно въ большихъ размѣрахъ развита въ Имеретіи. Приготовляютъ мячъ, величиною съ арбузъ, и обшиваютъ его галунами. Народъ дѣлится на двѣ стороны, въ средину между которыми бросаютъ мячъ. Каждая сторона старается завладѣть имъ, поднимается жестокая драка; честь и слава той сторонѣ, которой достанется мячъ—онъ сулитъ ей, по народному вѣрованію и предразсудку, въ теченіе цѣлаго года изобиліе и удачу во всемъ. Иногда, послѣ боя, мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусочковъ, которые раздаются нѣсколькимъ домохозяевамъ, увѣреннымъ, что храненіе кусочка мяча доставитъ изобиліе ихъ домамъ, урожай и т. п.

Во вторникъ послѣ Пасхи, въ Тифлисѣ бываетъ праздникъ *джоджооба* или *додооба*—праздникъ ящерицъ. На Авлабарѣ, за Собачьею слободою (*дзаглисъ-убани*), подъ крутымъ навѣсомъ скалистаго берега рѣки Куры, существуетъ пещера. Не смотря на то, что путь къ ней труденъ и опасенъ, потому что идетъ по самому краю берега, каждая грузинка считаетъ своею обя-

занностію, запасшись кускомъ сахару, побывать въ этой пещерѣ, помолиться тамъ и оставить сахаръ на пищу ящерицамъ—жителямъ пещеры. На чемъ основано начало этого обычая—неизвѣстно; преданіе говоритъ только то, что здѣсь жилъ мужъ, имѣвшій способность, однимъ прикосновеніемъ рукъ, уничтожать на лицѣ веснушки (¹).

Во время праздника джоджооба посѣтители, а въ особенности посѣтительницы пещеры, цѣлый день смѣняютъ другъ друга, чтобы затеплить свѣчу передъ иконою, которая выносится на этотъ день изъ Анчисхатскаго собора.

Суевѣріе заставляетъ быть убѣжденнымъ каждаго грузина или грузинку, что если ихъ родственникъ въ заточеніи, въ плѣну у враговъ, или въ далекомъ отсутствіи, то въ этой пещерѣ можно безошибочно узнать: что ожидаетъ его—хорошее или дурное? Съ такимъ настроеніемъ, становясь на колѣни, молящійся мысленно вопрошаетъ джоджо о занимающемъ ихъ предметѣ, и если ящерица при этомъ взглянетъ вопрошающему прямо въ лицо, то это вѣрный знакъ, что все будетъ хорошо, а въ противномъ случаѣ нечего разсчитывать ни на что хорошее. Другіе оставляютъ кусочки сахару, и если на слѣдующій день они найдутъ ихъ съѣдеными ящерицами, то все будетъ хорошо, все удастся—и на оборотъ (²).

Начиная съ понедѣльника ѳоминой недѣли и до жатвы, бывающей въ іюнѣ, грузины, сверхъ воскресенья и церковныхъ праздниковъ, не работаютъ и по понедѣльникамъ, будто бы для отвращенія глада и саранчи, а въ сущности для кейфа и кутежа, къ чему тамошнія весна и лѣто куда какъ располагаютъ (³).

Въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, отпраздновавъ Пасху, грузины съ нетерпѣніемъ ждутъ мая мѣсяца. Февраль и мартъ имъ не нравится. «Февраль дуетъ, мартъ шубу шьетъ, говорятъ они, и если бы одинъ день жизни оставался марту, то и тогда ему довѣрять нельзя: подъ конецъ онъ любитъ замахать хвостомъ, чѣмъ производитъ снѣгъ, дождь и слякоть».

Существуетъ повѣрье, что 7-го мая бываетъ такой дождь, отъ котораго выростаютъ чрезвычайно длинные волосы. Весь этотъ день, молодыя дѣвушки, съ открытыми головами, танцуютъ до упаду на кровляхъ дома, ожидая орошенія своихъ волосъ (⁴).

Наканунѣ 1-го мая у одной изъ подругъ собираются дѣвушки и молодыя женщины. Изъ среды себя онѣ выбираютъ одну, которая должна собрать на завтрашній день воды изъ семи разныхъ источниковъ. Вода эта предназначается для *вичакъ*—гаданья.

Избранная дѣвушка встаетъ рано утромъ 1-го мая, такъ рано, что и

(¹) Мта-цминдскій праздникъ, Н. Берзенова. - Кавк. 1851 г. № 43.
(²) Замѣтки Тифлис. фельетониста. Кавказъ 1855 г. № 66.
(³) Очерки деревенск. нравовъ Грузіи Н. Берзеновъ. Кавк. 1858 г. № 55 и 56.
(⁴) Кавк. 1854 г. № 91 стр. 366 примѣч.

солнце еще не всходило, и молча отправляется изъ дому. Она не смѣетъ говорить ни съ кѣмъ во все время пути къ источнику и обратно. Если она забудется и станетъ говорить съ посторонними ранѣе, чѣмъ придетъ домой съ водою, то вода потеряетъ свою силу, и дѣвушка, выливъ ее изъ кувшина, должна снова идти за сборомъ. Подруги ея, поднявшись также рано, отправляются собирать цвѣты, для украшенія сосуда, въ которомъ будетъ вичакская вода.

Вода собрана и сосудъ украшенъ цвѣтами. Каждая изъ участницъ загадала о томъ, что ей хочется знать въ будущемъ, и на всякій вопросъ опустила въ воду: или кольцо, серьгу или наперстокъ, а за неимѣніемъ ихъ и просто камушекъ. Въ такомъ положеніи вичакская вода остается до Вознесенья.

Въ день Вознесенія, вичаки оканчиваются, и происходитъ розыгрышъ. Подруги собираются, приглашаютъ маленькую дѣвочку, но непремѣнно такую, которая была бы первенецъ у родителей; она обязана вынимать вещи изъ сосуда. Сосудъ съ вичакскою водою поставленъ посреди комнаты. Около него садится дѣвочка и, во избѣжаніе лицепріятія, закрывается, вмѣстѣ съ сосудомъ, покрываломъ. Вокругъ нея садятся всѣ участницы игры, въ ожидасіи рѣшенія своей будущей судьбы. Одна изъ дѣвушекъ начинаетъ пѣть особые вичакскіе стихи:

1.

Яблоко есть у меня
        Разукрашенное;
Братъ просилъ — не дала:
        Милымъ оно
Мнѣ въ подарокъ дано.

2.

Рѣчка бѣжитъ,
        Волнуется;
По рѣчкѣ плывутъ
        Два яблочка....
Вотъ и милый мой
        Возвращается:

Вижу, какъ рукой,
Шапкой манитъ онъ.

3.

У нашего дома цвѣтетъ огородъ
Въ огородѣ томъ травка ростетъ;
Нужно травку скосить молодцу—
Нуженъ молодецъ красной дѣвицѣ....

4.

Хлѣбъ испекла я изъ пшена,
Показался ячменнымъ онъ мнѣ....
Ахъ, далекъ ты отсюда, мой милый!
Но, какъ вернешься съ пути —
Рѣчи польются изъ устъ,
Словно сахаръ, сладкія.

5.

Воспѣвая розу, я цвѣты сбираю;
Соберу и насыплю цвѣтовъ я въ мѣшокъ,
И мѣшокъ тотъ кругомъ обошью;
И пойду поброжу съ сакли на саклю,
И лучше тебя я найду молодца.

6.

Поднялась я на гору крутую,
Мыть бѣлье подвѣнечное,
Мыло-жь было съ позолотою;
На глазахъ же слезы горькія....
Ахъ родные, не горюйте вы, —
На роду мнѣ такъ написано!...

7.

Пошла я подъ камень тяжелый, —
И пару лишь платья взяла....
Ахъ, скажите вы роднымъ моимъ —
Доля тяжкая мнѣ досталась.

Послѣ каждаго стиха, вынимается изъ сосуда одна вещь, и та, кому принадлежитъ она, выслушиваетъ объясненіе смысла выпавшаго на ея долю стиха. Первые четыре куплета сулятъ хорошее: долгую жизнь, счастіе, скорое возвращеніе милаго, исполненіе желанія, свадьбу и проч. Послѣдніе же три—потерю кого нибудь изъ близкихъ, разореніе или скорую смерть.

На волю гадавшей предоставляется, выслушавъ толкованіе, открыть или нѣтъ собранію то, о чемъ она гадала. Стихи поются до тѣхъ поръ, пока не будутъ вынуты всѣ вещи изъ сосуда.

Гаданіе кончено. Хозяйка угощаетъ гостей, и всѣ присутствующіе заключаютъ его рѣзвою лезгинкой, подъ звуки монотонной, но «живой, какъ горный потокъ, дайры (бубенъ)», или *томашею*—національною пляскою грузинъ, гдѣ дѣвушка сладострастно плыветъ подъ звуки національной музыки. Стройныя формы грузинки обрисовываются *кабою* (женская одежда): локоны небрежно падаютъ изъ-подъ шитой *тавксаквари* (головной уборъ) и переплетаются съ концами нѣжной *чикилы*—косынки съ опущенными концами, на которую надѣвается тавксаквари.

Мужчины, въ день Вознесенія, занимаются скачкою. Въ Тифлисѣ скачка происходитъ за-городомъ, на мѣстѣ весьма живописномъ. По направленію къ западу тянутся горы, медленно и спокойно течетъ рѣка Кура, кругомъ зеленые сады, перемѣшанные съ землянками. Группы женщинъ, въ бѣлыхъ чадрахъ, въ разныхъ мѣстахъ покрываютъ возвышенности или сидятъ на плоскихъ крышахъ домовъ. Съ утра раскидываются палатки и балаганы; въ нихъ сидятъ торговцы съ разными сластями. Въ этой живописной котловинѣ и происходятъ скачки. По двумъ концамъ ристалища собираются всадники, вооруженные пиками, винтовками и *джеридами* — длинная, тонкая палка съ острымъ наконечникомъ. Скачка начинается. «На встрѣчу другъ другу несутся всадники и, подскакавъ довольно близко одинъ къ другому, бросаютъ шесты и, поворотивъ коней, во весь опоръ пускаются назадъ. Ихъ съ крикомъ преслѣдуютъ противники и пускаютъ въ слѣдъ ружейные выстрѣлы и палки. Искусные верховые во всѣ глаза смотрятъ назадъ и, на лету, ловятъ палки; неопытные же поражаются въ спину и затылокъ». Громы рукопле-

сканій, столкновеніе и паденіе лошадей, выбиваніе изъ сѣдла, хохотъ и шумъ продолжаются до самаго вечера (1).

Изъ другихъ праздниковъ замѣчательны у грузинъ: праздникъ Успенія Божіей Матери и Геристоба, или праздникъ въ честь св. Георгія.

Народъ по преимуществу чтитъ Богоматерь. Часто грузинъ не знаетъ ни одной молитвы, но всегда призываетъ на себя покровительство Божіей Матери. Мѣсяцъ августъ, на грузинскомъ языкѣ, носитъ названіе *маріамобисъ-тве*, т. е. св. Маріи. Во все продолженіе августа, многія женщины ходятъ босикомъ по обѣту. Основаніемъ къ тому послужило то, что св. Нина, просвѣтительница Грузіи христіанскою вѣрою, столь чтимая народомъ, пошла въ Грузію по избранію и указанію Богоматери (2).

Праздникъ Успенія Божіей Матери извѣстенъ подъ именемъ *самеба*, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Грузіи празднуется съ особымъ торжествомъ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательны два праздника: Алёвскій — въ Карталиніи, неподалеку отъ г. Душета (3), и Марткопскій (4),—въ Кахетіи, въ древнемъ монастырѣ св. Антонія, въ 24 верстахъ отъ Тифлиса.

Подошвы горъ, у храмовъ, въ обыкновенное время пустынныя, оживляются въ этотъ день множествомъ богомольцевъ, располагающихся въ палаткахъ, шалашахъ или просто подъ открытымъ небомъ. Съ наступленіемъ сумерокъ, наканунѣ праздника, гора блистаетъ тысячами огней, оглашается звуками зурны и пѣснями сазандаровъ—поэтовъ-импровизаторовъ.

Въ Карталиніи, въ деревушкѣ Арбо, 22-го августа, празднуется съ особымъ торжествомъ *Геристоба*—праздникъ въ честь Георгія побѣдоносца.

Грузины признаютъ Георгія подъ шестидесятью-тремя различными названіями: Каппадокійскій, Виѳлеемскій, Квашветскій и проч. Оттого грузинъ, обращающійся съ молитвою къ святому, произноситъ: «Да управитъ Богъ руку нашу, и да сопутствуютъ намъ всегда шестьдесятъ три святыхъ Георгія».

Всѣ названія этого святаго прописываются въ *авгорозъ* — большомъ листѣ бумаги, на которомъ по краямъ изображенъ святой, и пишется первая глава Евангелія Іоанна и разныя молитвы. Чаще же всего, на такомъ лоскуткѣ бумаги, пишется письмо, по преданію, будто бы писанное Іисусомъ Христомъ къ Авгарю, царю эдесскому. «Кто его имѣть будетъ при себѣ, сказано въ письмѣ, къ тому не осмѣлится прикоснуться духъ и какія бы то ни

---

(1) „Грузія и грузины", Д. Бокрадзе. Кавк. 1851 г. № 15.

(2) Въ честь св. Нины бываетъ праздникъ 14 января. См. Закавк. Вѣстн. 1855 г. № 4. Подробности о жизни и проповѣди св. Нины можно найти въ Закавк. Вѣст. 1849 г. № 12—18, 44 и 45. Грузія и Арменія издан. 1848 г. ч. 1, 117—133, 209—217. Истор. изобр. Грузіи. ст. 46. Маякъ 1844 г. т. XV, смѣсь, стр. 31 и 33 и многія другія.

(3) См. Алевскій успенскій праздникъ въ Карталиніи, Закавк. Вѣстн. 1854 г. № 37.

(4) Закавказ. Вѣстн. 1845 г. № 4. Описаніе праздника, см. Кавк. „Письмо къ брату въ Орелъ 18 августа 1846 года" 1846 г. № 34. Закавказск. край, Гакстгаузена, изд. 1857 г. ч. 1, 98—105.

было опасности.....» Носящій это письмо застрахованъ отъ нечистой силы. Листъ складывается особеннымъ образомъ, зашивается въ канаусовый мѣшочекъ, носимый на груди вмѣстѣ съ крестомъ, или же пришивается на правомъ плечѣ бешмета, около разрѣзовъ, подъ мышкой.

Деревня Арбо лежитъ неподалеку отъ Патара-Ліахви. Въ центрѣ ея находится церковь во имя святаго Георгія, по преданію, построенная царицею Тамарою. Въ церкви стоитъ икона св. Георгія, сдѣланная въ видѣ креста изъ позолоченнаго серебра. Близъ храма есть особенное мѣсто, куда богомольцы приводятъ коровъ, овецъ и пѣтуховъ для принесенія въ жертву Георгію. Хозяинъ не можетъ самъ зарѣзать свою жертву, онъ проситъ о томъ *натэби*—лицо, собственно только для этого избранное. Зарѣзавъ приведенное животное, *натэби* беретъ за это въ свою пользу половину туловища, голову и шкуру. Послѣ жертвоприношеній и обѣдни, начинаются игры. Тутъ появляются и *кадаги* — личности, близко подходящія къ тѣмъ, которыя называются у насъ кликушами.

Въ глазахъ простаго народа, кадаги считаются провозвѣстницами гнѣва небеснаго и избранными для обличенія. Простолюдинъ полагаетъ, что эти существа больны отъ *образа*. Грузины толпою слѣдуютъ за кадагою ([1]) и, слушая съ полнымъ вниманіемъ ихъ несвязныя рѣчи, съ подобострастіемъ исполняютъ всѣ приказанія, какъ бы тягостны они ни были. Народъ вѣритъ словамъ ихъ безусловно. Передъ пророчествомъ такая женщина падаетъ на землю, приходитъ въ изступленіе, корчится, рветъ на себѣ волосы, ударяетъ руками и ногами о скалистую землю, во рту выступаетъ пѣна, лицо ея искажается— и въ такомъ видѣ начинается пророчество.

— Ты грѣшный человѣкъ, говоритъ кадага, обращаясь къ кому нибудь. Прошлаго года, въ такой-то день, передъ вечеромъ, ты затѣялъ богопротивное дѣло. Не отнѣкивайся! ты не помнишь.... забылъ, но отъ меня ничего не скрыто—я все знаю. Иди-ка лучше, несчастливецъ, вотъ въ такую-то церковь, помолись тамъ образу, да зарѣжь потомъ корову.

Иногда кадага приказываетъ взойти на какую нибудь высокую гору, гдѣ находятся остатки древняго монастыря, или просто покаяться въ своихъ грѣхахъ въ духанѣ (мелочная лавочка). Грузинъ, къ которому обращено было подобное обличеніе кадаги, припоминаетъ, что разъ, дѣйствительно, подумалъ о недобромъ дѣлѣ, беретъ деньги и отправляется куда приказано. Послѣ подобнаго пророчества, всякое веселье прекращается; народъ дѣлается унылымъ, повсюду слышатся глубокіе вздохи, удареніе себя въ грудь, сопровождаемые словами: «Очисти насъ, Боже, очисти» ([2]).

Кромѣ этихъ порченыхъ существъ, у грузинъ есть *мкитхави* (гадальщицы) и *екими* (знахарки).

([1]) Мужчины рѣдко бываютъ кадагами—это принадлежность женщинъ.

([2]) „Грузинскія гадальщицы", Кавк. 1853 г. № 56; Кавк. 1847 г. № 3.

Мкитхави—это женщины, которыя разсказываютъ будущее, не стѣсняясь ни лицемъ, ни званіемъ, но предсказанію ихъ преимущественно подлежатъ только сердечныя стороны и желанія. Знахарки — это туземные, доморощенные лекари, къ которымъ грузины часто обращаются за совѣтомъ.

У нихъ существуютъ свои собственныя лекарства. Отъ подагры надо достать лапку зайца, убитаго наканунѣ Рождества, и носить ее нѣсколько дней подъ рубашкою. Если болитъ правая нога, то надо носить лѣвую заячью ногу; если лѣвая — то правую. Отъ ревматизма надо живую змѣю поджарить на сковородѣ и, добытымъ такимъ образомъ жиромъ, производить втираніе, пока не получишь облегченія или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока не наскучитъ.

Отъ золотухи ребенка брѣютъ, надѣваютъ на голову холстинную ермолку, пропитанную смолою, и въ такомъ видѣ оставляютъ его на двѣ недѣли. Потомъ, когда смола вопьется въ тѣло, ермолку разомъ срываютъ съ головы. Туземцы полагаютъ, что эта операція помогаетъ росту волосъ.

Лихорадку прогоняютъ десятью зубками чесноку, который толкутъ, мѣшаютъ съ медомъ и даютъ больному на тощакъ. Цѣлый день больной не долженъ пить, не смотря на сильную жажду — иначе лекарство не подѣйствуетъ.

Отъ бѣльма толкутъ кизиловыя косточки и вдуваютъ въ глазъ; отъ глухоты прикладываютъ къ уху корень травы *харизъ-дзири*. Корень этотъ необходимо держать крѣпко, ибо онъ имѣетъ такое влеченіе къ больному уху, что можетъ вырваться изъ рукъ и войти внутрь головы больнаго (1).

Отъ глаза совсѣмъ другой способъ леченія. Взойдя на тахти, знахарка беретъ отъ хозяйки поясъ и, подойдя къ дѣвушкѣ, начинаетъ нашептывать надъ ея головою. Потомъ даетъ одинъ конецъ пояса въ руки паціентки, начинаетъ измѣрять его локтемъ, сопровождая это дѣйствіе вздохами и отчаянными зѣвками. Минутъ съ десять продолжается подобное заклинаніе отъ порчи глазомъ. Частое зѣваніе знахарки служитъ знакомъ тому, что дѣвушку сглазили очень сильно, ибо при послѣднемъ, третьемъ, измѣреніи поясъ оказался не въ мѣру длиненъ—значитъ помочь трудно.

III.

Суевѣріе и предразсудки грузинскаго народа.

Наступаетъ весна въ Грузіи. Черныя шиферныя горы, почти цѣлый годъ мрачныя, одѣваются теперь яркою зеленью, поля покрываются травою; мин-

(1) „Простонародныя лекарства грузинъ“ И. Сл. Кавк. 1851 г. № 9.

дальныя деревья укутаны серебромъ, персиковыя — пурпуромъ; воздухъ полонъ аромата. Длинныя вереницы журавлей тянутся на нашъ сѣверъ, ласточки щебечутъ...

Проснувшись рано утромъ, грузинъ торопится прежде всего выпить глотокъ вина, потому что безъ этого, онъ, по народному повѣрью, не можетъ побѣдить ласточки, а не побѣдивъ ее, будетъ страдать цѣлый годъ лихорадкою. Точно также, если онъ услышитъ голосъ кукушки прежде, чѣмъ успѣетъ съѣсть кусочекъ хлѣба, онъ уже не можетъ побѣдить ее.

Народная легенда заставила грузина уважать эту птицу, и вотъ по какому случаю:

Гдѣ-то далеко, близъ Индіи, есть царство карликовъ, куда попалъ одинъ грузинъ, неизвѣстно, впрочемъ, какимъ образомъ. Карлики ѣли и пили очень мало: одного чурека да полтунги вина имъ хватало на цѣлую недѣлю. Грузинъ, привыкшій къ обильной и разнообразной пищѣ, былъ въ отчаяніи.

Чужестранецъ сталъ размышлять о томъ, какъ бы ему убраться восвояси, но рѣшительно не зналъ, какъ это сдѣлать. Пока онъ раздумывалъ, прошло три зимы; тоска по родинѣ замучила бѣднаго странника. Непредвидѣнный случай вывелъ его изъ затруднительнаго положенія.

— Я отправляюсь въ Грузію, не хочешь ли идти вмѣстѣ со мною, предложилъ ему одинъ изъ карликовъ.

Грузинъ, конечно, обрадовался, и въ началѣ апрѣля, запасясь провизіею, они отправились въ путь.

Долго они шли, наконецъ достигли до границы, гдѣ оканчивалось царство карликовъ.

— Слушай, товарищъ! говорилъ карликъ грузину, я чуть только перешагну границы нашего царства, тотчасъ превращусь въ птицу, ту, которую зовутъ у васъ кукушкой. Тогда я не буду ходить, а летать, но полечу медленно, чтобы ты могъ поспѣвать за мною. Смотри же, будь остороженъ, не теряй меня изъ виду, а то не найдешь дороги.

Перешли границу. Не успѣлъ оглянуться грузинъ, какъ карликъ превратился въ птицу. Грузинъ, остолбенѣвъ, смотрѣлъ за полетомъ кукушки. Та полетѣла вдаль, а грузинъ стоялъ не двигаясь. Кукушка, видя что путникъ не слѣдуетъ за ней, вернулась назадъ и ударомъ крыла по щекѣ вывела товарища изъ задумчиваго положенія.

Путники пошли далѣе. Въ послѣднихъ числахъ мая, они достигли Грузіи. Грузинъ пригласилъ кукушку къ себѣ въ домъ, хотѣлъ угостить ее, но она, подъ предлогомъ того, что боится кошекъ и ребятишекъ, отказалась, говоря, будто «довольна и тѣмъ, что Богъ далъ ей въ день по одному воробью, которые летаютъ за нею всюду (¹).

Народное суевѣріе заставляетъ грузина побѣждать все вновь появляю-

---

(¹) „Признаки весны: царство кукушекъ". Кн. Р. Эристовъ, Кавк. 1849 г. № 18.

щееся весною: перелетныхъ птицъ, которыхъ зимою не бываетъ, вновь родившихся животныхъ и домашнихъ птицъ.

Кто обутый увидитъ гусенятъ—тотъ побѣдилъ ихъ; увидавшій ихъ босымъ рискуетъ страдать болѣзнью ногъ. Побѣдить утенятъ можетъ только причесанный — это спасеніе отъ головной боли. Слышать крикъ совы надо стоя на ногахъ и на одномъ мѣстѣ, иначе будешь шататься, какъ сова, съ мѣста на мѣсто.

Повѣрье это объясняется самою легендою о происхожденіи совъ. Злая мачиха играетъ тутъ первенствующую роль.

У крестьянина было два сына, которыхъ онъ любилъ искренно и нѣжно. Со смертью жены, оставшись вдовымъ, онъ перенесъ свою любовь и привязанность на дѣтей и успѣлъ ихъ на столько привязать къ себѣ, что они забыли о потерѣ матери.

Спустя нѣкоторое время, крестьянинъ также позабылъ о потерѣ нѣжно-любимой жены и женился на другой. Съ тѣхъ поръ прошли красные дни для дѣтей. Злая мачиха преслѣдовала ихъ всюду, бранила и била безъ всякой причины. Мальчики обращались съ жалобою къ отцу, но тотъ, будучи слабъ къ молодой женѣ, утѣшалъ дѣтей тѣмъ, что, взыскивая съ нихъ, мачиха желаетъ имъ добра.

Дѣти стали избѣгать мачихи и считали себя счастливѣйшими, когда посылали ихъ въ поле пасти коровъ и телятъ, гдѣ они могли вдоволь наиграться. Заигравшись однажды, они не замѣтили, какъ день склонялся къ вечеру, не замѣтили и того, что все стадо разбрелось по лѣсу. Собравъ стадо, они не досчитались одного теленка, и какія средства ни употребляли мальчики, но теленка все-таки найти не могли. Становилось все темнѣе и темнѣе. Испуганные темнотою ночи и воемъ шакаловъ, бѣдныя дѣти прижались другъ къ другу и горько плакали. Идти домой они не рѣшались. Угрозы мачихи и ея побои были для нихъ гораздо страшнѣе, чѣмъ всѣ предстоящія опасности въ лѣсу и во время ночи. Скотъ снова разбрелся въ разныя стороны, а это еще болѣе лишало мальчиковъ возможности возвратиться домой. Дѣти просили у Бога, какъ спасенія для себя, чтобы онъ превратилъ ихъ въ птицъ и тѣмъ избавилъ отъ злой мачихи. Молитва ихъ услышана: они сдѣлались совами, которыхъ, до этого времени, на свѣтѣ вовсе не было. Совы полетѣли въ глубь лѣса, «но страхъ, внушенный мачихою, былъ такъ великъ, что они, ставъ совами, все еще не забыли о теленкѣ. Да и теперь совы въ лѣсу не усидятъ на одномъ мѣстѣ, а все летаютъ съ дерева на дерево, ища теленка».

— Иповне (нашелъ-ли)? кричитъ одна.

— Вера, вера (нѣтъ, нѣтъ!) отвѣчаетъ другая.

Вообще, надо замѣтить, что суевѣріе у грузинъ проявляется во всей первобытной формѣ.

Прокричитъ ли пѣтухъ послѣ заката солнца—грузинъ вѣритъ, что врагъ собирается на хозяевъ пѣтуха.

Если говорить часто о чемъ-нибудь, то оно должно совершиться какъ-бы по неволѣ. Повѣрье это выразилось у русскаго народа въ поговоркѣ: «накликать бѣду».

Неблагословенной сѣтью грузинъ не станетъ ловить рыбу. Онъ вѣритъ, что такою сѣтью, вмѣсто рыбы, будешь таскать камни, а пожалуй вытащешь и бѣсенка.

Грузины имѣютъ множество признаковъ, по которымъ заключаютъ о будущемъ. Объясненіе примѣтъ зависитъ отъ того, кто и какъ на себѣ испыталъ ту или другую примѣту. Для одного чихнуть два раза сряду означаетъ добро, для другаго—напротивъ. У кого играетъ правый глазъ, тотъ надѣется на хорошее, а иной доволенъ и игрою лѣваго глаза. Объ этомъ существуетъ у грузинъ цѣлая рукописная книга: «О пѣніи членовъ (!)», пользующаяся большою популярностію. Въ книгѣ подробно изложено значеніе игры членовъ человѣческаго тѣла, всѣхъ и каждаго порознь, начиная съ бровей, до ногъ съ ихъ пальцами, суставами и ногтями (¹).

Кто привѣситъ зубъ волка къ лошади, тотъ увеличиваетъ быстроту ея хода. Къ волчьему хвосту прибѣгають для открытія домашняго вора, изъ числа нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ лицъ. Каждый изъ обвиняемыхъ долженъ перепрыгнуть черезъ зажженный хвостъ: виновный узнается по корчамъ, которыя поражаютъ его при этомъ. Укушенный бѣшеною собакою бросается къ зеркалу, и если въ немъ увидитъ ея морду вмѣсто своего лица, то вѣритъ въ непреложность своей смерти, а если наоборотъ, то считаетъ себя выздоровѣвшимъ.

По народному повѣрью, если лисица поваляется на засѣянномъ мѣстѣ, то оно лишается произрастанія. Отъ сообщенія лисы съ псомъ рождается искуситель. Если поймать удода во вторникъ, а въ середу зарѣзать и высушить каждое перышко и косточки птицы, то онѣ обладаютъ множествомъ талисмановъ. Кто имѣетъ въ своемъ кошелькѣ гребень удода, будетъ имѣть всегда успѣхъ въ судѣ; владѣющій клювомъ удода и пришившій нижнюю часть его къ рукаву можетъ, когда захочетъ, избавиться отъ соперника въ любви и избѣжать всякихъ ссоръ и треволненій. Носить на рукавѣ правый глазъ удода—значитъ пользоваться всегда расположеніемъ своего господина. Колдовство изчезаетъ, если мозгомъ удода окурить заколдованное мѣсто. «Если беременная женщина носитъ на рукавѣ сердце этой-же птицы, то она внѣ всякой опасности отъ преждевременныхъ родовъ. Кто на правомъ рукавѣ будетъ носить язычекъ удода, тому нечего бояться отравы. Когда соби-

---

(¹) „Очерки деревен. прав. Грузіи", Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г. № 1. стр. 282, примѣч.

раешься къ царскому порогу, сдѣлай напередъ мазь изъ крови удода и льняного масла, помажь ею себѣ ноздри и ступай съ Богомъ».

Всѣ эти любопытныя для себя указанія грузинъ находитъ въ рукописномъ лечебникѣ Карабадимъ, къ которому весьма часто обращается во время недуговъ.

Болѣзнь у грузинъ нерѣдко представляется въ видѣ пластическихъ образовъ или духовъ. Болѣзнь оспы, напримѣръ, не считается физическою, но болѣзнью живою—обществомъ высшимъ разумныхъ духовъ, которые, имѣя власть надъ человѣкомъ, посѣщаютъ непремѣнно каждаго—и обрекаютъ на смерть того, кто имѣлъ несчастіе навлечь на себя ихъ гнѣвъ. Господство духовъ надъ человѣкомъ послужило основаніемъ къ тому, что ихъ прозвали *батонами* (господинъ) и даже ангелами. Больнаго, съ самыми первыми признаками оспы, укладываютъ въ саклѣ на самомъ почетномъ мѣстѣ, и около него ставятъ столикъ, уставленный лучшими вещами, имѣющимися въ домѣ. Куски сахара, яблоки, преимущественно краснаго цвѣта, и другіе мѣстные фрукты, стаканъ съ молокомъ, крендели и обрѣзки разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій, все это размѣщается на столикѣ возлѣ больнаго.

По понятію грузинъ, духи, какъ и люди, нуждаются въ пищѣ и питьѣ. Они берутся за приготовленное имъ кушанье въ глубокую полночь, когда повсюду царствуетъ тишина и всѣ погружены въ мертвый сонъ.

Проготовивъ для духовъ столъ, грузины принимаются за музыку и пѣніе, какъ необходимыя принадлежности хорошаго стола. Если въ домѣ не случится чонгури (1), то достаютъ у сосѣда и играютъ подлѣ больнаго, а въ промежутокъ между музыкою всѣ домашніе считаютъ необходимымъ пѣть пѣсню, слѣдующаго содержанія: «Лилія-баюшки, роза-баюши, лилія-баюшки-баю! Къ намъ пожаловали батонеби, лилія-баюшки пожаловали и развеселились, лилія-баюшки-баю»!

По увѣренію старухъ, батонеби большіе охотники до пѣнія и музыки. Они, по разсказамъ, сами играютъ на чонгури и поютъ такъ сладко и очаровательно, что пѣніе ихъ можно сравнить только съ ангельскимъ пѣніемъ.

Во все время болѣзни, утромъ и вечеромъ, около больнаго курятъ *базму*—составъ изъ мелко-истолченныхъ грецкихъ орѣховъ, смѣшанныхъ съ хлопчатою бумагою. Составъ этотъ имѣетъ видъ курительныхъ свѣчей желтоватаго

---

(1) Чонгури—музыкальный инструментъ, употребительнѣйшій у грузинъ. Чонгури городской не то что деревенскій: „городской чонгури это аристократъ, въ сравненіи съ своимъ сельскимъ, буквально неотесаннымъ, собратомъ“. Въ городахъ существуютъ три видоизмѣненія этого инструмента: тори, просто чонгури и чіанури. Въ деревенскомъ чонгури нѣтъ украшенія, нѣтъ серебрянаго ободочка съ надписью: плаваю въ океанѣ блаженства и очарованія; струны его не металлическія, а изъ жилъ, нарѣзанныхъ на тонкія ниточки и навощеныхъ. Грузины любятъ этотъ инструментъ и сложили про него пѣсню: „Чонгури мой чонгури—поетъ селянинъ—вдали вырѣзанный изъ груши (дерева); наслѣдіе моего отца, временъ моего дѣда“. Вообще о музыкальныхъ инструментахъ грузинъ см. Кавк. 1850 г. № 65.

цвѣта. *Базмъ* приписываютъ волшебную силу. Разстазываютъ, что если оспа изуродовала больнаго или лишила его какого-либо органа, то стоитъ только мѣсяцъ или два покурить въ саклѣ базму, и тогда больному возвратится прежнее здоровье. Если въ домѣ есть отчаянно-больной оспою, то стоитъ только зажечь базму и поставить ее тайкомъ на кровлѣ соседа, гдѣ есть также больной: тогда первый выздоровѣетъ, а послѣднiй сдѣлается жертвою батонеби. Къ послѣднему средству прибѣгаютъ, впрочемъ, очень рѣдко.

Во время посѣщенiя батонеби никто не смѣетъ плакать по больномъ, ни носить трауръ, пока они не распростятся окончательно съ семействомъ, хотя бы умершiй отъ нихъ былъ единственный сынъ у родителей. Нельзя стрѣлять изъ ружья, рѣзать куръ и свиней, потому что батонеби, при посѣщенiи, считаютъ ихъ, и потомъ, если курица или свинья будетъ зарѣзана, то бѣда всему семейству (1).

Лихорадка представляется грузинами въ видѣ существа страшно худощаваго и блѣднаго, въ которомъ нѣтъ и признака живительной крови; тѣло ея одинъ скелетъ, движущiйся посредствомъ какой-то невѣдомой силы. Этотъ суровый образъ лихорадки странствуетъ по-бѣлу свѣту и, кого навѣститъ, тотъ неминуемая жертва болѣзни.

Раннею весною, по сказанiю грузинъ, у главнаго входа въ городъ Гумри (нынѣшнiй Александрополь) собираются три брата, генiи лихорадки. Отсюда они начинаютъ свое путешествiе: одинъ идетъ въ Кахетiю, другой въ Карталинiю, а третiй въ Арменiю. Съ наступленiемъ зимы, братья опять соединяются въ Гумри (2). По сказанiю «Карабадима», есть двадцать пять родовъ лихорадки, но противу всѣхъ существуетъ одна молитва: «Аврамъ, Саврамъ, Турманъ, гора лихорадки лекарственная, сказано въ молитвѣ. Если ты не христiанинъ, а жидъ, то ради имени священника Каiафы, если татаринъ или персiянинъ, то, ради Магомета, удались отъ сего раба Божiя. Авгсиръ (?) взобрался на кедръ ливанскiй, крича, рыдая и сокрушаясь. Отчего ты плачешь, сила трясущая? Разрѣжу я тебя вдоль и поперегъ и брошу въ пропасть клокочущую, и моя молитва да уничтожитъ тебя» (3).

Мигрень представляется въ образѣ быка, грызущаго желѣзо. Противъ него надо переписать на лоскуткѣ чистой бумаги, потомъ обмочить его въ уксусѣ и приложить ко лбу слѣдующую молитву: «На краю сѣнокоса (4), завелся шакеки (мигрень), грызущiй желѣзо, какъ волъ сѣно. Св. Георгiй проклялъ его, и на утро онъ изчезъ».

Чесотка, по понятiю народа, безродное чудовище, которое выходитъ изъ

---

(1) „Обрядъ у грузинъ во время болѣзни оспы". Закавк. Вѣст. 1854 г. № 44.
(2) Газ. Кавказъ. 1854 г. № 41.
(3) „О грузинской медицинѣ", Н. Берзеновъ. Кавк. календ. на 1857 г. 490.
(4) Аллегорическое изображенiе головы.

черныхъ скалъ, входитъ въ тѣло, гложетъ кости и, высасывая кровь, превращаетъ ихъ въ прахъ.

«Гой ты Іело, Іело юродивый, безпріютный! говоритъ заклинаніе. Откуда исходишь и куда входишь? Исхожу изъ черной скалистой горы, вхожу въ тѣло человѣка, обдираю плоть, гложу кости, пью кровь. Нѣтъ, да не допуститъ тебя Отецъ, Сынъ и св. Духъ; не позволю я тебѣ войти въ человѣка, раздроблю тебя на мелкія части, брошу въ мѣдный котелъ, раскалю его огнемъ и жупеломъ сѣрнымъ. Удались, отвяжись отъ раба Божьяго».

Надо трижды прочесть въ день субботній эту молитву надъ больнымъ, при двухъ зажженныхъ свѣчахъ. Части тѣла, на которыхъ больше сыпи, намазать мазью изъ толченой сѣры, смѣшанной съ чухонскимъ масломъ, и выздоровленіе несомнѣнно (1).

Вообще у грузинъ почти противу каждой болѣзни есть свои лекарства и различныя заклинанія.

Въ нихъ къ чистотѣ религіозной примѣшивается часто народное суевѣріе. Значительная часть необыкновенныхъ въ жизни приключеній, добрыхъ или худыхъ, приписывается вліянію невидимыхъ сверхъ-естественныхъ силъ, и весьма часто злыхъ. Противодѣйствія имъ народъ ищетъ въ одной силѣ Творца. Если туземный докторъ не помогаетъ больному, то старухи утверждаютъ, что несчастный болѣнъ отъ образа (хатисъ-ганъ), т. е. что онъ оскорбилъ образъ или словомъ, или помышленіемъ. Больнаго ведутъ въ церковь къ образу, служатъ молебенъ, приносятъ жертвы, и часто оставляютъ на церковномъ помостѣ, въ ожиданіи выздоровленія. Особенною извѣстностью пользуется, въ этомъ отношеніи, тифлисская церковь во имя св. Георгія, называемая Квашветы. Здѣсь часто можно встрѣтить одержимыхъ недугами, пріѣхавшихъ издалека искать защиты и милости этого святаго, особенно чтимаго народомъ (2).

Къ молитвѣ и заступничеству святыхъ грузины прибѣгаютъ и во дни бѣдствій.

Простой народъ приписываетъ многія бѣдствія нечистой силѣ. Появятся ли въ посѣвѣ гвардзли (плевела), онъ говоритъ, что нечистый портитъ ихъ нивы. Простолюдинъ вѣритъ, и весьма искренно, въ существованіе вѣдьмъ и колдуновъ. Въ случаѣ какого-нибудь бѣдствія, онъ хватаетъ нѣсколькихъ подозрѣваемыхъ въ колдовствѣ старухъ, и часто, въ присутствіи князей и духовенства, добивается признанія въ сношеніи съ нечистою силою. Въ 1834 году, въ нѣкоторыхъ деревняхъ случился неурожай гоміи и кукурузы. Народъ рѣшилъ, что это продѣлка вѣдьмъ и колдуновъ. Схвативши нѣсколькихъ лицъ, бросали ихъ въ воду, вѣшали за руки на деревья и прикладывали раска-

---

(1) „Слѣды прошедшаго". Кавк. 1852 г. № 33. Кавк. Кален. на 1857 г. 490.
(2) Кавк. 1847 г. № 3.

ленное желѣзо къ голому тѣлу, выпытывая, такимъ образомъ, отчего произошелъ неурожай ([1]).

Въ самой столицѣ Грузіи, хотя давно не слышно о колдунахъ и вѣдьмахъ, но нечистая сила водится однакоже и до сихъ поръ. Городскіе жители еще помнятъ о приключеніи, совершившемся съ одною старою повивальною бабкою, приключеніи, достовѣрность котораго, по ихъ мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію ([2]).

Даже въ 1851 году, послѣ бывшаго затмѣнія солнца, между народомъ распространилась вѣсть, что во внутренности всѣхъ тифлисскихъ куръ завелись змѣи, и что всѣ онѣ отравлены. Зараженіе объясняли тѣмъ, что куры клевали зерна, спадавшія съ неба отъ дракона, сражавшагося съ солнцемъ во время затмѣнія. Куры подвергнуты были жестокому гоненію. Ихъ или били, или продавали за безцѣнокъ, по 5 коп., тогда какъ обыкновенная средняя стоимость курицы была отъ 30 до 40 копѣекъ.

«Видитъ ли грузинъ-поселянинъ, что красная полоса, у обозначившейся на горизонтѣ радуги, болѣе и ярче полосы другаго цвѣта, онъ заключаетъ, что въ текущемъ году вина будетъ много, и онъ повеселится вдоволь. Падающія звѣзды ему вѣщаютъ смерть его собратій; ибо онъ убѣжденъ, что у всякаго есть своя звѣзда, отъ теченія которой зависитъ участь человѣка, обусловливающая его жизнь, счастливую или несчастную, смотря по тому, подъ какою звѣздою онъ родился на свѣтъ» ([3]).

Когда западъ горитъ заревомъ кроваваго цвѣта, суевѣрному грузину кажется, что будетъ кровавая война.

Каждый грузинъ непремѣнно суевѣренъ, и суевѣренъ съ малолѣтства. Суевѣріе всасывается съ молокомъ матери и переходитъ въ обряды и обычаи.

Въ Кахетіи, напримѣръ, во время засухи, крестьянскія дѣвочки собираются вмѣстѣ и, надѣлавъ куколъ, называемыхъ *лазарэ*, ходятъ по селенію, распѣвая самыя безсвязныя и безсмысленныя пѣсни.
«Лазарэ, Лазарэ, поютъ онѣ... Дай Богъ намъ грязи, не хотимъ засухи»...

Или поютъ слѣдующую пѣсню:

Лазарь подошелъ къ воротамъ
И все обводитъ глазами...
Обошелъ онъ всѣ углы
И сдѣлался какъ луна...
На тѣ, святой Илья,—
Чего ты нахмурилъ брови!—

([1]) „О святкахъ въ Тифлисѣ и народн. суевѣріи въ Грузіи“. Кавк. 1847 г. № 3.
([2]) Тамъ же. См. также Закав. Вѣстн. 1854 г. № 43.
([3]) Кавказъ, 1853 г. № 34.

Козла и козленочка
Мы приносимъ тебѣ въ даръ...
Боже, избавь отъ засухи
И подай намъ дождя...

Если же долго бываетъ дождливая погода, тогда, вмѣсто дождя, просятъ у Бога засухи.

Изъ дому, передъ которымъ поютъ дѣвочки, выходитъ хозяинъ, выноситъ пѣвуньямъ въ подарокъ нѣсколько яицъ или немного муки, и обливаетъ водою куклу, а иногда и самихъ дѣвочекъ. Отъ этого произошла, какъ полагаютъ нѣкоторые, грузинская поговорка: «онъ мокръ, какъ Лазарэ».

Окончивъ свое пѣніе, компанія продаетъ собранные продукты и, на вырученныя деньги, покупаетъ барана и козленка: первый приносится въ жертву Богу, а козленокъ пророку Ильѣ.

Просьба пѣвшихъ и принесшихъ жертвы услышана: тучи накопляются, но, вмѣсто ожидаемаго дождя, пошелъ градъ. Старухи тотчасъ же зажигаютъ свѣчи, сохраненныя отъ праздника Пасхи. Нѣкоторыя женщины выносятъ золу и развѣваютъ ее на воздухъ, приговаривая: «Дай Богъ, чтобы такъ развѣялся градъ»! Другія опрокидываютъ на дворѣ вверхъ дномъ котелъ или тазъ, полагая, что градъ превратится въ дождь.

Существуетъ также другое обыкновеніе пахать дождь или вёдро. Восемь паръ дѣвушекъ запрягаются въ плугъ и тащутъ его къ рѣкѣ или церкви. Если стоитъ продолжительная дождливая погода, то необходимо пропахать нѣкоторое количество земли возлѣ церкви. При продолжительной же засухѣ и желаніи испросить дождя, дѣвушки, по поясъ въ водѣ, протаскиваютъ плугъ взадъ и впередъ, и за тѣмъ, мокрыя, возвращаются домой (¹). Еще не такъ давно этимъ дѣломъ занимались княжны и княгини изъ первѣйшихъ фамилій.

Дождь запаханъ; онъ оросилъ поля, обѣщающія обильную жатву.

Богатые грузины во время жатвы разбиваютъ въ полѣ палатку. Недостаточные люди жнутъ сами. Богатые нанимаютъ осетинъ или имеретинъ, которые ходятъ цѣлыми толпами, отъ одной деревни въ другую. Помѣщики прежде созывали своихъ крестьянъ, и у богатыхъ собиралось иногда нѣсколько сотъ жнецовъ. Жать начинаетъ тотъ, кто славится своею быстрою работою. Съ крикомъ *опума*! *опума*! онъ бросается на ниву и идетъ впереди всѣхъ, ловко складывая на обѣ стороны сжатые снопы. Остальные работники слѣдуютъ за нимъ.

Наступаетъ полдень—пора обѣда—и сама хозяйка спѣшитъ на ниву. На встрѣчу ей выходитъ одинъ изъ жнецовъ и подаетъ крестъ, сложенный изъ колосьевъ. Хозяйка вынимаетъ пару шерстяныхъ чулокъ, заранѣе приготов-

---

(¹) Кавк. 1847 г. № 10. Кавк. 1854 г. № 52.

ленныхъ, и даритъ ихъ подателю. Крестообразно сложенные колосья выносятся на встрѣчу каждому, кто только проѣдетъ мимо нивы и работниковъ. По обычаю, привѣтствуемый долженъ отплатить также подаркомъ; но если онъ этого не сдѣлаетъ, то жнецы въ правѣ пропѣть на его счетъ какой-нибудь сатирическій куплетъ, съ припѣвомъ *опума*.

Съ окончаніемъ работы, жнецы возвращаются въ деревню, гдѣ ожидаетъ ихъ хорошій ужинъ. Особенно отличившійся работою получаетъ отъ хозяина, въ подарокъ, шапку и голову быка, зарѣзаннаго для угощенія, какъ почетный подарокъ (1).

Жатва окончена, хлѣбъ убирается, свозится на арбахъ и складывается, высокими продолговатыми скирдами (дзна), близъ гумна. За тѣмъ обмолачивается, при помощи незатѣйливаго механизма *кеври* (2), и ссыпается въ *ормо*—ровъ, обыкновенно вырываемый на дворѣ дома или на самомъ гумнѣ, въ два или болѣе аршина глубиною. Стѣны *ормо*, для предохраненія отъ сырости, приготовляютъ слѣдующимъ простымъ способомъ. Вырытую яму наполняютъ сухими дровами или бурьяномъ и зажигаютъ его. Потомъ, выбравъ изъ ямы песокъ и угли, обмазываютъ стѣны ея глиною, толщиною пальца въ два, и опять разводятъ огонь, жаръ котораго высушиваетъ глину. За тѣмъ дно и бока ямы выстилаютъ соломою или тонкимъ тростникомъ и ссыпаютъ туда всякаго рода хлѣбъ въ зернѣ. Сверхъ зеренъ кладутъ слой соломы или сухой мякины, закрываютъ отверстіе досками, и надъ ними насыпаютъ конусообразный земляной холмикъ, обозначающій мѣсто храненія хлѣба (3). Въ этомъ отношеніи грузины нисколько не подвинулись впередъ. Какъ молотили и хранили они хлѣбъ въ 1802 году, такъ молотятъ и хранятъ его и теперь (4).

Мякина и солома, искрошенная мелко отъ самаго способа молотьбы, складываются въ *сабдзели*—сараи, и служатъ единственнымъ кормомъ для скота и лошадей во время зимы.

За сборомъ хлѣба слѣдуетъ сборъ винограда (5).

Сборъ винограда самое веселое время для грузинъ. По окончаніи работъ и приготовленія вина, достаточные грузины начинаютъ разъѣзды другъ къ

---

(1) „Очерки деревенскихъ нравовъ Грузіи„ Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г. № 71 и 72.

(2) Описаніе устройства кеври смотри тамъ же.

(3) Записки Буткова, (рукоп.) Арх. Глав. Шт. Очерки деревенск. нравовъ Грузіи Н. Берзеновъ. Кавк. 1854 г. № 71 и 72.

(4) Любопытна замѣтка Буткова о способѣ печенія хлѣба въ Грузіи. „Хлѣбъ пекутъ, пишетъ онъ, въ большихъ глиняныхъ горшкахъ, въ кои входитъ 4 ведра и болѣе. Такой горшокъ вкапываютъ въ землю, либо облѣпливаютъ яму только глиною, потомъ разводятъ въ немъ огонь, отчего онъ скоро раскаляется, тогда вѣшаютъ хлѣбныя лепешки по внутреннимъ стѣнамъ надъ жаромъ, гдѣ онѣ скоро упекаются. Такъ приготовленный хлѣбъ носитъ названіе чурека.

(5) О сборѣ винограда см. „Десять лѣтъ на Кавказѣ“ Современникъ 1854 г. т. 47, а также статьи Н. Берзенова, помѣщенныя въ газетѣ Кавказъ.

другу и, собираясь цѣлыми компаніями, по нѣскольку дней гостятъ у своихъ знакомыхъ. Кутежъ, пиры и веселья служатъ началомъ къ праздной зимней жизни туземца, который любитъ уничтожать зимою то, чѣмъ запасся лѣтомъ...

IV.

Сословное дѣленіе грузинскаго народа.

Въ концѣ XVIII столѣтія, грузины, по сословіямъ, дѣлились: на *князей*, *дворянъ*, *купцовъ*, *макалаковъ*, *домовыхъ служителей*, или *дворовыхъ*, и *крестьянъ*.

Нѣтъ сомнѣнія, что высшее сословіе народа грузинскаго явилось еще въ то время, когда въ Грузіи не было царей и страна управляема была *мамасахлисами* (¹), или домоначальниками. Роды младшихъ братьевъ мамасахлисовъ, получая удѣлъ, составили фамиліи *товадовъ* или князей (²). Царскій титулъ въ Грузіи явился около 300 лѣтъ до Р. Хр. Царь грузинскій (Мепе) Фарнавазъ I, родомъ персъ, вводя въ Грузію персидскія постановленія, раздѣлилъ всю страну на нѣсколько областей (³). Въ составъ Грузіи входили тогда: верхняя Имеретія (т. е. области Рачи, Гуріи), нынѣшній Ахалцихскій Пашалыкъ, Карталинія и Кахетія. Въ каждой области Фарнавазъ установилъ должность *эриставовъ* (⁴), нѣчто въ родѣ нашего воеводы. Въ эти званія были опредѣляемы предпочтительно князья грузинскіе. Эриставство раздѣлялось на *моуравства*, или земское начальство, которое было ввѣряемо младшимъ князьямъ, подчиненнымъ эриставамъ. Званій этихъ достигали вообще черезъ заслуги. Такое административное управленіе Грузіи продолжалось до исхода VI вѣка по Р. Хр.

Царь Бакаръ III возвысилъ еще болѣе княжеское достоинство тѣмъ, что отдалъ эриставства и моуравства въ управленіе княжескихъ родовъ, что сдѣлало ихъ какъ бы вассалами царей и полными владѣтелями эриставствъ. Такимъ образомъ явились въ Грузіи намѣстники съ феодальнымъ управленіемъ. Между тѣмъ фамиліи князей увеличивались или младшими членами

(¹) Мамасахлисъ, въ буквальномъ переводѣ, означаетъ отецъ дома, т. е. глава семейства, начальникъ рода, племени.

(²) Названіе князя, которое, на грузинскомъ языкѣ, выражается словомъ *товади*, произошло отъ *тави*—голова.

(³) Въ запискахъ академика Буткова сказано, что тогдашняя Грузія была раздѣлена на 8 областей. Арх. Главн. Шт. въ. С.-Петерб.

(⁴) Эристи, по грузински, значитъ народъ, а тави—голова.

царствующей династіи, или знатными родами, при присоединеніи къ Грузіи чужихъ владѣній, вмѣстѣ съ ихъ владѣтелями. Такъ, съ присоединеніемъ Сомхетіи, присоединились и мелики ея Орбеліяни и другіе. *Мелики*, или владѣльцы армянскіе, были потомъ переименованы въ *товади*.

Владѣтельные князья, получившіе въ управленіе своего рода эриставства, старались, во всѣ послѣдующія времена, поддерживать свое значеніе и независимость. Мало повинуясь царямъ, они управляли своими удѣлами почти самовластно. Императоры константинопольскіе, цари и шахи персидскіе, а впослѣдствіи и султаны турецкіе, поддерживали могущество этихъ вассаловъ, съ цѣлію, ослабленіемъ власти царя, сохранять свое верховное владычество надъ Грузіею. Владѣтельные эриставы отказывались иногда помогать царямъ въ борьбѣ ихъ съ непріятелемъ. Царь не могъ доставить полной силы закону, если онъ не подтвержденъ былъ согласіемъ князей: это не мѣшало, впрочемъ, тѣмъ же князьямъ подчиняться обычаю, по которому царь имѣлъ право каждаго князя лишить жизни, членовъ, выколоть глаза, оставляя, въ то же время, изувѣченнаго въ княжескомъ званіи и при его владѣніи.

Главные князья (1) получали отъ шаховъ, вмѣсто ордена, шапку съ перьями, извѣстную подъ именемъ *тачжи*, въ отличіе царской, которая называлась *томаръ*.

Царь Ираклій II, пользуясь смутами, происходившими въ Персіи, нашелъ возможность стѣснить власть князей, въ особенности карталинскихъ, способомъ, который впослѣдствіи оказался весьма ненадежнымъ. Онъ отнялъ у нѣкоторыхъ сильнѣйшихъ князей, болѣе другихъ опасныхъ по мѣстоположенію удѣловъ, древнее ихъ достояніе и роздалъ его въ удѣлъ своимъ сыновьямъ и внукамъ, которые впослѣдствіи еще менѣе повиновались царю, чѣмъ князья. Мѣра эта была вызвана сколько предполагаемою пользою къ единству и силѣ государства, столько же и потому, что, съ размноженіемъ членовъ царскаго дома, не достаточно было царскихъ доходовъ на приличное ихъ содержаніе.

Князья грузинскіе происходили: 1) отъ царей грузинскихъ, 2) отъ владѣльческихъ княжескихъ сословій, переселившихся изъ другихъ странъ, преимущественно владѣтельныхъ княжескихъ фамилій Арменіи; и 3) возводились въ эти достоинства шахами персидскими и царями грузинскими, изъ дворянъ грузинскихъ и другихъ сословій (2).

Условіемъ, освященнымъ закономъ, для княжескаго достоинства признава-

---

(1) Высшее сословіе князей носило иногда названіе *батонисъ-швили*; см. ст. Кипіани: „О томъ, о семъ и, между прочимъ, о сословіяхъ закавказскихъ“. Газ. „Кавк.“ 1853 г. № 80, 347. По его мнѣнію, это названіе принадлежитъ дѣтямъ *мтаваровъ*—самаго высшаго и ближайшаго къ царю сословія грузинъ.

(2) При заключеніи трактата въ 1783 г. наше правительство требовало свѣдѣній о князьяхъ и дворянахъ. Ираклій II затруднился уровнять ихъ старшинство и достоинство. Онъ составилъ 8 списковъ, въ каждомъ помѣстилъ по 8, а въ друхъ по 7 фамилій, съ такимъ объясненіемъ, что паралельные въ каждомъ спискѣ князья равны между собою.

лось необходимымъ: 1) имѣть двѣ или три крѣпости (1) и столько же деревень; 2) такое состояніе, которое давало бы возможность князю содержать себя прилично званію; 3) имѣть церковь или монастырь, для погребенія членовъ семейства; и 4) имѣть въ своей зависимости нѣсколькихъ дворянъ. Безъ этихъ условій, и преимущественно безъ перваго, никто не могъ получить княжескаго достоинства даже и въ позднѣйшее время.

Цари грузинскіе выдавали обыкновенно дочерей своихъ за князей, причемъ избирали самыхъ богатыхъ, чтобы приданое стоило царю какъ можно меньше. Царицы грузинскія и невѣстки царя были также дочери князей грузинскихъ.

Первые чины военные и гражданскіе, какъ-то: сардарьство (высшее военное званіе) и должности мдиванъ-бековъ (судьи), были наслѣдственны въ родахъ князей (2). Если отецъ былъ сардарь, то и сынъ долженъ быть сардарь; если отецъ мдиванъ-бекъ, то и старшій сынъ его бывалъ тѣмъ же.

Князья почти никогда не дѣлили своихъ имѣній, а вся фамилія жила вмѣстѣ, въ зависимости отъ старшаго въ родѣ, который управлялъ всѣмъ имѣніемъ, безъ всякаго прекословія со стороны младшихъ. Онъ получалъ доходы и удѣлялъ часть изъ нихъ на содержаніе младшихъ членовъ своего дома. Если же братья раздѣлялись, то, въ этомъ случаѣ, старшій въ родѣ, сохраняя первенство и власть, пользовался особеннымъ уваженіемъ.

При заключеніи трактата 1783 г., считалось въ Грузіи княжескихъ фамилій: въ Кахетіи 24 и въ Карталиніи 38; въ 1801 году, явились новыя фамиліи, не помѣщенныя въ трактатѣ, пріобрѣвшія княжеское званіе въ слабое правленіе послѣдняго царя грузинскаго. Въ позднѣйшее время, цари грузинскіе, по недостатку доходовъ, для пріобрѣтенія ихъ, занимались продажею княжескихъ достоинствъ людямъ разнаго званія. Царевичи весьма не рѣдко прибѣгали къ такой же продажѣ. Имеретинскій царь, бывши уже подданнымъ Россіи, не отказывался въ такомъ злоупотребленіи власти (3). Наказанія лишеніемъ правъ, сколько извѣстно, не было въ употребленіи въ Грузіи, но конфискація имѣній была въ большомъ употребленіи.

Дворяне, или азнауры грузинскіе, дѣлились на два разряда: (4) дворянъ царскихъ и дворянъ княжескихъ. Происхожденіе этого сословія относится также къ отдаленной древности. Со времени плаванія аргонавтовъ въ Колхиду,

---

(1) Отсюда въ Грузіи и до сихъ поръ видно множество замковъ, башенъ и крѣпостей. Происхожденіе ихъ вызвано частыми вторженіями непріятеля, которымъ подвергалась Грузія. Въ это время, изъ товадовъ считался тотъ слабымъ и ненадежнымъ, у кого не было воздвигнуто твердыни на лучшемъ стратегическомъ пунктѣ, у кого не было сильной и хорошо вооруженной крѣпости. Кавк. 1853 г. № 83.

(2) Военное сардарьство было наслѣдственно въ родахъ князей Амилахваровыхъ, Багратіоновъ-Мухранскихъ, Циціановыхъ, Андрониковыхъ и проч.

(3) Записки Тучкова (рукоп.) въ Арх. Главн. Штаба.

(4) Г. Пурцеладзе дѣлитъ азнауровъ на три класса.

многіе изъ грековъ поселялись на ея берегахъ. Грузины называли ихъ по-своему *азонаурами* ([1]) Первый царь грузинскій, Парнаозъ или Фарнавазъ, получилъ за деньги, отъ колхидскаго владѣтеля, войско, къ которому присоединились и многіе изъ азнауровъ. При ихъ содѣйствіи, Парнаозъ выгналъ изъ Грузіи македонянъ, около 300 года до Р. Хр.

Въ признательность къ услугѣ азнауровъ, царь удержалъ ихъ при себѣ, далъ имъ земли и помѣстья. Азнауры-то и составили впослѣдствіи въ Грузіи классъ дворянства, уступающій только товадамъ или князьямъ грузинскимъ.

Сынъ Парнаоза лишенъ былъ господства надъ грузинскимъ народомъ, который желалъ возстановить прежнее владычество мамасахлисовъ. Но азнауры возстановили сына Парнаоза на престолѣ, и онъ, въ признательность за то, учредилъ изъ нихъ своихъ тѣлохранителей. Съ тѣхъ поръ, азнауры пользовались значительнымъ вліяніемъ въ Грузіи. Съ словомъ азнауръ грузинъ соединяетъ понятіе о благородствѣ и образованности. Свободныя науки, благородныя искуства назывались азнаурскими. Сословіе это было самымъ образованнымъ въ Грузіи.

Когда князья сдѣлались самовластными въ своихъ удѣлахъ, то давали своимъ приближеннымъ также названіе азнауровъ. Отъ этого въ Грузіи, съ самыхъ древнихъ временъ, явились азнауры царскіе и азнауры княжескіе.

Раздѣленіе это сохранилось только въ Карталиніи; въ Кахетіи же были только дворяне царскіе. Царь кахетинскій Леонъ, въ началѣ XVI стол., освободилъ дворянъ кахетинскихъ отъ зависимости князей, желая обезсилить этихъ послѣднихъ, такъ какъ дворяне княжескіе, занимаясь исключительно военнымъ ремесломъ и составляя храбрѣйшихъ и отличнѣйшихъ воиновъ Грузіи, принимали всегда дѣятельное участіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда властолюбивые князья противодѣйствовали царской власти.

Дворяне царскіе допускались къ нѣкоторымъ придворнымъ должностямъ, а по службѣ военной достигали иногда до званія *минъ-баши* (полковникъ), но, по большей части, предѣломъ ихъ возвышенія былъ чинъ *юсъ-баши* (капитанъ) ([2]). Выше этихъ чиновъ дворяне не достигали по весьма значительному числу княжескихъ фамилій, занимавшихъ всѣ важнѣйшія мѣста и тѣмъ препятствовавшихъ ихъ возвышенію. Азнауры пользовались тѣми же правами наслѣдства и старшинства въ родѣ, какъ и князья.

Дворяне, принадлежавшіе князьямъ, католикосу (глава духовенства) и ца-

---

([1]) По мнѣнію академика Буткова (см. записк. Буткова, Арх. Главн. Штаба въ С.-Петербургѣ), названіе это произошло отъ Язона, предводителя аргонавтовъ. Бутковъ, на этомъ основаніи, предполагаетъ, что первоначальное наименованіе этого сословія было язнауры. Г. Д. Кипіани происхожденіе этого слова приписываетъ Азону, одному изъ начальниковъ въ арміи Александра Македонскаго, и потому говоритъ, что первоначальное названіе было азонауры. Смот. Кавк. 1853 г. № 81, 350.

([2]) Акты Кавк. Арх. ком. т. 1, 329.

ревичамъ, владѣвшимъ княжескими удѣлами, считались ниже дворянъ царскихъ и были подданными своихъ владѣльцевъ, пользуясь данною имъ землею, населенною крестьянами. Дворяне эти не несли никакихъ повинностей и не располагали своими помѣстьями, и ежели продавали ихъ, то не иначе, какъ съ разрѣшенія владѣтеля, и при томъ только дворянамъ того же князя.

Князь же имѣлъ право продавать деревню, состоявшую въ вѣдѣніи его азнаура, но тогда азнауръ этотъ и его семейство дѣлались свободными. Княжескіе дворяне имѣли право мѣнять владѣльцевъ, но для этого должны были предварительно пріискать князя, который бы желалъ ихъ принять и доставить тѣ удобства, которыя составляли необходимое условіе дворянскаго достоинства.

Пріискавъ себѣ новаго владѣльца, азнауръ оставлялъ прежнему владѣльцу землю, домъ и отходилъ къ новому.

Въ военное время, азнауры обязаны были вооружаться поголовно и идти съ своими князьями; въ мирное время, они сопровождали князей во время охоты, путешествія, и исполняли различныя должности въ домашнемъ его быту.

При пожалованіи въ азнауры, царь предварительно доставлялъ возводимому въ это званіе, если онъ не имѣлъ своихъ средствъ, все то имущество, которое составляло необходимое условіе для званія дворянина. Каждый азнауръ царскій имѣлъ свою деревню, крѣпость или замокъ, посреди своихъ владѣній, церковь—для погребенія семейства, на случай похода—палатку, исправное вооруженіе; такъ какъ служба дворянъ была преимущественно конная, то требовалось отъ каждаго азнаура, чтобы онъ имѣлъ, сверхъ употребляемой, одну надежную заводную лошадь съ прислугою.

Князья имѣли право ходатайствовать о возведеніи въ азнауры своего подвластнаго, если только снабжали его изъ своего имѣнія всѣмъ необходимымъ для этого званія.

Возведенному въ дворяне выдавалась царская грамота съ особымъ церемоніаломъ. При послѣднемъ царѣ званія эти сдѣлались продажными, какъ и званія князей. По трактату 1783 г. состояло въ Грузіи дворянскихъ фамилій: царскихъ въ Кахетіи 36, въ Карталиніи 82; въ Карталиніи же княжескихъ 186 и католикосовыхъ тамъ же 13.

Купцы раздѣлялись на три степени: купецъ 1-й степени былъ какъ-бы именитый гражданинъ. Званіе это пріобрѣталось по наслѣдству и, вмѣстѣ съ нимъ, передавался капиталъ, крестьяне и земля.

Купцами 2-й степени были тѣ, которые сами, торговыми оборотами, пріобрѣтали капиталъ, крестьянъ и земли; и, наконецъ, 3-й степени, тѣ, которые имѣли только лавки, въ которыхъ и производили торгъ (1).

Купцы нерѣдко занимали должности въ царскомъ домѣ и, пользуясь

(1) Г. Пурцеладзе говоритъ, что купцовъ былъ 4 класса.

равными правами съ царскими дворянами, имѣли преимущества передъ княжескими.

Мокалаки, или мѣщане, имѣли почти тѣ же права, что и купцы. «Купцы и мокалаки почти все армяне, ибо грузины за стыдъ почитаютъ торговать» (1).

Мокалаки существовали только въ двухъ городахъ, Тифлисѣ и Гори; въ прочихъ городахъ не было и попытки къ ихъ учрежденію. Тифлисскіе мокалаки произошли отъ торгующихъ армянъ, которыхъ царь Вахтангъ Горгасланъ, при помощи значительныхъ привиллегій, вызвалъ во вновь основанный имъ Тифлисъ. Нерасположеніе самихъ грузинъ къ торговой дѣятельности было такъ сильно, что, не смотря на всѣ привиллегіи, данныя мокалакамъ, сословіе это, и по настоящее время, состоитъ по преимуществу изъ армянъ. Послѣдніе, сознавая свое значеніе въ городской жизни, конечно поддерживали и старались сохранить данныя привиллегіи и успѣли на столько, что цари имъ оказывали всякое вниманіе и уваженіе.

Мокалакъ могъ владѣть крестьянами, за уголовное преступленіе не подвергался смертной казни, а могъ откупиться денежнымъ штрафомъ; вносилъ деньги за то, чтобы дочь его и сына или родственницу и родственника не брали въ «*арбабъ*», т. е. для постыдной отсылки дѣвушекъ и мальчиковъ въ дань персидскому шаху, тогда какъ остальное населеніе не имѣло права откупаться отъ этого деньгами.

Мокалаки платили царю *махту*, опредѣленную подать, по количеству которой раздѣлялись на нѣсколько степеней, изъ которыхъ могли переходить по произволу, но которыхъ не могли ни продавать, ни получать наслѣдственно. Они могли служить и на нѣкоторыя мѣста имѣли исключительное право. При удовлетвореніи за кровь первоклассный мокалакъ ровнялся со второклассным дворяниномъ (2).

Амкары, или ремесленники, дѣлились на цехи: каменщиковъ, плотниковъ, ткачей, портныхъ, золотыхъ, серебряныхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ дѣлъ мастеровъ, иконописцевъ и другихъ.

До сихъ поръ каждый цехъ имѣетъ свое особое знамя или значекъ, подъ который они собираются въ торжественныхъ случаяхъ: въ праздники или при церемоніальной встрѣчѣ. Значки эти состоятъ изъ кусковъ различныхъ тканей, съ изображеніемъ какого нибудь лица святаго, покровителя извѣстнаго цеха. Такъ, оружейники изображаютъ на своемъ знамени Авраама съ ножемъ; маляры—апостола Ѳаддея, съ нерукотвореннымъ образомъ; бакальщики (продавцы фруктовъ)—архангела Михаила, съ мечемъ и вѣсами; на большей же части знаменъ изображаютъ пророка Илію.

Споры и несогласія между кастами ремесленниковъ и промышленниковъ

---

(1) Письмо Лазарева Кнорингу, 8 марта 1801 г. Акты Кавк. Арх. ком. т. 1, стр. 329.
(2) Нѣчто о городахъ грузинскихъ. Закавк. Вѣстн. 1850 г. № 12.

повели къ тому, что, для защиты отъ притѣсненій постороннихъ и для учрежденія суда между собою, ремесленники начали избирать изъ среды себя начальниковъ, которыхъ и назвали *уста-башами* (головы мастеровъ). Правила для избранія были утверждены царями. Уста-баши имѣли не только одно цѣлое ремесло, но и виды его, такъ, напримѣръ, водоносы дѣлились: на водоносовъ-кувшинниковъ и водоносовъ-бурдючниковъ. Каждый отдѣлъ этого ремесла, подчиняясь общему уста-башу всѣхъ водоносовъ, имѣлъ своего собственнаго уста-баша или старшину. Портные каждаго вида, русскихъ платьевъ, черкесокъ, чёхъ и т. д., кромѣ общаго уста-баша, имѣютъ своего особаго, но при этомъ нація ремесленниковъ не различается.

Выборъ уста-баша производится всегда возлѣ какой-нибудь церкви, по большинству голосовъ, изъ мастеровыхъ своего ремесла. Близость церкви избираютъ потому, что выборъ и вообще сходки эти кончаются часто присягою.

Стараются выбрать человѣка пользующагося всеобщимъ уваженіемъ, опытнаго и умнаго. Въ помощь ему избираютъ двухъ мастеровыхъ: *шитъ-башъ* (сильная голова), и *ахъ-сахкалъ* (что значитъ бѣлая борода). Избиравшіе составляютъ подписку объ избраніи такого-то уста-башемъ; потомъ цѣлуютъ ему руку и поздравляютъ съ должностію.

Старики освобождаются отъ цѣлованія руки; въ нѣкоторыхъ цехахъ ремесленники просто цѣлуются.

При поздравленіи каждый даритъ новому уста-башу яблоко, начиненное мелкими деньгами, соразмѣрно состоянію. Уста-башъ есть судья, хранитель мира и добраго согласія артели и оберегатель ея интереса. При царяхъ уста-баши были неограничены, но впослѣдствіи были лишены права наказывать тѣлесно. Никто не можетъ ослушаться его приказанія. Желающій отдать своего сына въ обученіе какому нибудь ремеслу долженъ прежде всего предупредить о томъ уста-баша, на какихъ условіяхъ отдаетъ мальчика и на сколько лѣтъ. По окончаніи срока ученья (отъ 5—6 лѣтъ), уста-башъ, съ двумя помощниками, производитъ ученику испытаніе, и если онъ знаетъ ремесло и былъ, по свидѣтельству хозяина, хорошаго поведенія, тогда посвящаетъ его въ мастера.

Собравъ со всѣхъ посвящаемыхъ отъ 10—25 руб. съ каждаго, смотря по состоянію, все общество мастеровыхъ этого цеха отправляется за городъ въ сады и задаетъ тамъ пиръ на славу. Передъ обѣдомъ ученикъ становится на колѣни; священникъ, приглашенный изъ того прихода, къ которому принадлежитъ ученикъ, читаетъ надъ нимъ евангеліе, потомъ благословляетъ имъ на добрыя дѣла и наставляетъ его, исполняя ремесло честно, жить со всѣми въ мирѣ.

Отъ священника ученикъ подходитъ къ уста-башу, который совѣтуетъ ему быть достойнымъ высокаго званія мастера, и за тѣмъ всѣ ремесленники заключаютъ наставленіе словомъ: аминь. Тогда уста-башъ, призвавъ на помощь св. Троицу, бьетъ рукою три раза по щекѣ каждаго посвящаемаго

и опоясываетъ ихъ шелковыми кушаками или платками, которые и носятся ими въ продолженіе трехъ дней, какъ знаки ихъ посвященія. По окончаніи обряда, они цѣлуютъ руки уста-баша и всѣхъ присутствующихъ мастеровъ, и затѣмъ начинается пиръ.

Ударъ уста-баша служитъ символомъ того, что эта рука имѣетъ право карать и миловать новаго члена.

Уста-башъ рѣдко остается болѣе пяти лѣтъ предводителемъ своего цеха, изъ опасенія, чтобы онъ не завладѣлъ на всегда этимъ почетнымъ званіемъ.

Уста-башъ собираетъ подати, повѣщаетъ своимъ подвластнымъ, чтобы они, въ высокоторжественные дни, присутствовали въ церквахъ, и творитъ судъ и расправу.

Въ день новаго года каждый мастеръ, поздравляя своего уста-баша, даритъ ему яблоко начиненное деньгами, за что тотъ угощаетъ его фруктами и водкой.

Въ случаѣ ссоры между мастеровыми, уста-башъ призываетъ ихъ черезъ игитъ-баша, разбираетъ дѣло и наказываетъ виновнаго или денежнымъ штрафомъ, называемымъ *уль*, или запираетъ его лавку на два и на три дня.

«Если подсудимый вздумаетъ не повиноваться, тогда, какъ, напримѣръ, между сапожниками, башмачниками, кожевниками, уста-башъ посылаетъ черезъ своего игитъ-баша яблоко къ уста-башу тѣхъ ремесленниковъ, у которыхъ непослушный покупаетъ товаръ для своей работы, или къ тѣмъ, которые у него берутъ товаръ, и тѣмъ извѣщаетъ, что такой-то мастеръ ему не повинуется, и потому проситъ: строго воспретить подвѣдомственнымъ мастерамъ и мясникамъ продавать тому, если онъ кожевникъ, сырую кожу, а если онъ сапожникъ, то кожевникамъ давать ему товаръ. Такимъ образомъ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, онъ принужденъ явиться къ своему уста-башу съ покорностію», просить прощенія, платить штрафъ, и тогда уста-башъ сообщаетъ, что такой-то свободенъ отъ запрещенія (1).

Уста-башъ постоянно отвлекается, по дѣламъ общества, отъ своихъ занятій, потому, въ вознагражденіе, онъ получаетъ по 1 руб. серебр., при рѣшеніи дѣла, съ обоихъ тяжущихся, и по одному руб. и по шелковому платку съ каждаго ученика, поступающаго въ мастера.

Родственники умершаго ремесленника приглашаютъ на похороны всѣхъ товарищей по ремеслу, и такъ какъ отвлекаютъ ихъ этимъ отъ дѣла, то даютъ мастерамъ деньги, на которыя тѣ справляютъ поминки, а остатки обращаютъ въ общественную сумму, куда поступаютъ также и штрафные 60 к. съ каждаго мастероваго, не бывшаго на похоронахъ безъ особенно важ-

(1) Уста-башъ, Кавк. 1846 г. № 41. Письмо къ петербургскому знакомому Н. Дункель Веллингъ. Кавказ. 1853 г. № 67.

ныхъ причинъ. Общественная сумма служитъ для помощи бѣднымъ больнымъ мастеровымъ, и часто употребляется на похороны бѣдныхъ мастеровыхъ. Одинъ разъ въ году общество покупаетъ барановъ и сарачинское пшено, готовитъ пловъ, шашлыкъ и посылаетъ ихъ съ хлѣбомъ: часть арестантамъ, часть нищимъ, а часть употребляетъ на свой обѣдъ, бывающій обыкновенно въ присутствіи священника.

Между каждымъ родомъ мастеровъ, есть свои особыя обыкновенія. Сапожникъ, какъ только появится плодъ персика, доставъ его, приноситъ своимъ ученикамъ, и тогда они должны работать по вечерамъ при свѣчахъ (¹); ученикъ, нашедшій весною полевой цвѣтокъ, показываетъ мастеру, это значитъ, что ночи коротки и ихъ слѣдуетъ избавить отъ вечерней работы. Эти обычаи исполняются весьма строго.

Ремесленники, по мѣрѣ увеличенія своего состоянія, переходили въ сословіе купцовъ.

Всѣ вообще, купцы и горожане, имѣли право покупать на свое имя крестьянъ и земли, платили подати съ капиталовъ и поголовно, кромѣ дѣлающихъ оружіе и иконописцевъ, изъятыхъ, по законамъ, отъ налоговъ. Хотя капиталъ каждаго и не приводился въ извѣстность, однако собственный ихъ между собою разборъ опредѣлялъ, сколько слѣдуетъ внести каждому въ составъ наложенной на все общество подати, бывшей, по большей части, постоянною.

Захури—домовые служители господъ, составляли въ Грузіи особое сословіе между дворянами и крестьянами—нѣчто въ родѣ нашихъ дворовыхъ людей. Захури находились при царяхъ, князьяхъ, дворянахъ и при знатномъ духовенствѣ. Кромѣ домашней услуги, они сопровождали своихъ господъ на войну въ качествѣ тѣлохранителей.

Захури поступали въ это званіе изъ крестьянъ, по волѣ своихъ господъ, цѣлыми семействами, и, по принятому обычаю, не могли быть обращены въ первобытное состояніе, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые возведены въ это сословіе своими владѣльцами. Захури могли покупать крестьянъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нерѣдко и сами продавались другимъ владѣльцамъ, всегда сохраняя, впрочемъ, при этомъ свое званіе и привиллегіи. Владѣлецъ могъ возводить захури въ азнауры, что и заставляло ихъ усердно исполнять свои обязанности. Повинности этого сословія людей были различны. Нѣкоторые ничего не платили помѣщику, и тогда одинъ или два человѣка изъ семейства находились на службѣ у своего господина (²), другіе исполняли повинности крестьянъ и проч.

(¹) Подробности см. Кавк. 1846 г. № 42, „Уста-башъ". О Тифлис. цехахъ, Кавк. 1850 года № 93.

(²) Въ этомъ случаѣ они обязаны были имѣть свое платье, вооруженіе, лошадь и продовольствіе.

Помѣщичьи крестьяне раздѣлялись на три категоріи: *кма* (отрокъ, дитя)—которые были приближенные слуги, и помѣщикъ относился къ нимъ какъ отецъ къ сыну; *мона*—рабъ въ полномъ смыслѣ слова, и *глехи*—чернорабочіе, несшіе барщину.

Мона пріобрѣтались покупкою, съ разрѣшенія царя. Прежде совершенія акта о покупкѣ, мона, въ теченіе 6 мѣсяцевъ, испытывались въ поведеніи и въ состояніи здоровья. Они не имѣли никакихъ человѣческихъ правъ: личности, свободы и самостоятельности. Они лишены были даже покровительства законовъ, вполнѣ отданные на произволъ владѣльца.

Глехи—это были крестьяне, жившіе на помѣщичьихъ земляхъ, на правахъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Никто не имѣлъ права укрѣпить ихъ за собою, и они только обязаны были отбывать барщину [1].

Сословіе земледѣльцевъ составлялось: изъ грузинъ, армянъ, татаръ, осетинъ, тушинъ, пшавовъ и хевсуръ [2]. Одни изъ нихъ принадлежали собственно царю, другіе женѣ царствующаго царя, наконецъ церквамъ [3], помѣщикамъ, князьямъ, дворянамъ и другимъ сословіямъ грузинскаго народа.

Прежде, чѣмъ говорить о правахъ этого класса людей, необходимо сказать о томъ способѣ, который былъ принятъ въ Грузіи при дѣленіи земель.

Надѣлъ крестьянъ землею зависѣлъ отъ владѣльца, но не было въ обыкновеніи отнимать часть земли изъ однажды назначенной во владѣніе какому-либо семейству. Сколько плугъ, запряженный 16-ю быками, могъ взрыть въ одинъ день—такое пространство земли называлось *дгыцри* и составляло 60 квадр. саж. или полторы тамошнія десятины. Шестьдесятъ такихъ частей, или 90 десятинъ (что называлось *миндорислища*, т. е. полевая земля), полагали необходимымъ имѣть каждому семейству вдали отъ селенія; восемь такихъ же частей, или 12 десятинъ, считалось необходимымъ имѣть по близости селенія, и, кромѣ того, для дальняго сада, отводилось отъ 2—3 десятинъ, а для ближняго отъ 1—1½ десятины.

Участки эти, вмѣстѣ взятые, называемые *сакомло* (равнявшееся 106½ десятинъ русскихъ или съ небольшимъ одной квадратной верстѣ), составляли полный надѣлъ для домоводства или земледѣлія; такое сакомло считалось едва достаточнымъ для семейства, при той многочисленности его членовъ, какое было въ ту эпоху, потому что дѣдъ, отецъ и всѣ члены семьи жили нераздѣльно. Если, при этомъ, въ такой участокъ входило мѣсто удобное для постройки водяной мельницы, то сакомло считалось выгоднымъ. По этимъ

---

(1) О крѣпостномъ состояніи въ Грузіи. Кавк. 1864 г. № 85.

(2) Къ соловію глеховъ принадлежали: мсахури, маджалабе и кма. См. Кипіани; „О томъ, о семъ и, между прочимъ, о сословіяхъ закавказскихъ“. Кавказъ 1853 г. № 80.

(3) Такъ, изъ сохранившейся въ древнемъ Манглисскомъ храмѣ грамоты, выданной въ 1404 г. Александромъ I, видно о пожалованіи храму крестьянъ и угодьевъ. Въ 1696 г. Назрали-ханъ, или Ираклій I, грамотою же освободилъ ихъ отъ всѣхъ казенныхъ податей, кромѣ обязанности идти на войну или на царскую охоту. См. кавк. кален. 1852 г. 468.

сакомло въ Грузіи вели счетъ земли, говорили: такая-то деревня, по числу семействъ, имѣетъ полное сакомло, въ такой-то на половину, а нѣкоторыя деревни имѣли двойное сакомло.

Подобное раздѣленіе земель было только у грузинъ, армянъ и осетинъ. Татары же, кочуя все лѣто, раздѣленія этого не имѣли.

Для поднятія земли требовалось 8 паръ воловъ и соразмѣрное число погонщиковъ. Очень часто земледѣлецъ не могъ ихъ выставить, по этому вошло въ обычай заимствовать недостающихъ у сосѣдей, при взаимной помощи, производить поочередную обработку земли. Татары дѣлали это иначе: они опредѣляли сперва, какое количество необходимо для пахаты всего селенія или аула, работали общими силами, и за тѣмъ, по жребію, дѣлили землю соразмѣрно числу работниковъ и воловъ, данныхъ отъ каждой семьи.

Въ случаѣ войны, земледѣльцы обязаны были идти на защиту отечества, имѣя свое оружіе, одежду и лошадь.

Повинности земледѣльцевъ опредѣлялись обычаями, вошедшими въ законъ, и не только помѣщики, но и цари не могли требовать того, что не введено обычаемъ, что не исполнялось изстари. Платившіе подать виномъ или десятиною съ произведеній земли не давали ничего другаго, и нарушеніе этого права вело къ побѣгамъ цѣлыми селеніями, а нерѣдко и къ возмущенію (¹).

Повинности земледѣльцевъ были слѣдующія: занимавшіеся хлѣбопашествомъ платили шестую часть урожая со всякаго хлѣба (²), выдѣлывавшіе вино—доставляли своимъ владѣльцамъ пятую часть дохода и проч.

Крестьяне, жившіе въ городахъ и занимавшіеся какимъ-либо ремесломъ, платили *махту*—окладной денежный сборъ или оброкъ, который владѣльцы налагали произвольно, смотря по промышленности рабочихъ; если же крестьяне жили въ городахъ только для поденной работы или торговли и не пользовались землею, то платили подушный сборъ—*мали*: женатые по 1 руб. 20 коп., а холостые, имѣющіе возрастъ дозволяющій имъ жениться, по 60 коп.

Кромѣ того, всѣ вообще крестьяне—будь то грузинъ, армянинъ, или татаринъ—должны были два раза въ годъ, въ день Пасхи и Рождества Христова, принести владѣльцу своему въ подарокъ съѣстнаго, каждый по своему состоянію. Женитьба помѣщика вызывала крестьянъ на чрезвычайный сборъ, денежный или хлѣбный, смотря по достатку каждаго.

Помѣщики имѣли полное право распоряжаться своею землею, и были полными владѣтелями того, что было въ ея нѣдрахъ. Они имѣли право собирать, въ извѣстной мѣрѣ, пошлины съ товаровъ, провозимыхъ чрезъ ихъ владѣнія, или запретить провозъ. Могли строить, гдѣ вздумается, на своихъ земляхъ, крѣпости, замки и башни.

(¹) Д. Кипіани приводитъ нѣсколько подробностей о родѣ повинностей и нѣсколько примѣровъ, указывающихъ на несообразность такого порядка. Кавказъ, 1853 г. № 84.

(²) Хлѣбная подать вообще называлась десятиною.

Въ Грузіи существовалъ обычай, весьма выгодный для владѣльцевъ, но раззорительный для крестьянъ. Когда царь или князь пріѣзжалъ въ деревню, то крестьяне должны были продовольствовать ихъ безденежно. Отправляясь въ чье-бы то ни было имѣніе, въ видѣ гостя, царь или князь предварительно извѣщалъ объ этомъ и требовалъ отъ владѣльцевъ или крестьянъ, безденежно, хлѣба, вина, скотъ на убой и проч. При посѣщеніяхъ царя, одиннадцатая часть доставленнаго принадлежала салтхуцесу и мдиванамъ. Мамасахлисъ, или старшина деревни, обязанъ былъ приготовить для посѣтителя помѣщеніе и извѣстить обывателей, кому и что именно слѣдуетъ доставить.

По прибытіи царя, каждый несъ ему на деревянномъ лоткѣ свою пищу и нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ съ виномъ; ставилъ все это передъ царемъ, сидящимъ съ своимъ слугою, и садился тутъ же самъ.

Смотря по населенію деревни, число приносившихъ угощеніе иногда было очень велико, но, сколько бы ихъ ни было, всѣ они садились вмѣстѣ, ѣли, пили и разговаривали. Отъ этого крестьяне и имѣли обо всемъ почти такія же свѣдѣнія, какъ ихъ князья или дворяне. Вступая въ разговоръ, каждый считалъ своею обязанностію употреблять все свое краснорѣчіе—такое, отъ котораго, по выраженію грузинъ, «могъ бы треснуть камень». Изысканныя выраженія, сравненія и уподобленія, существующія у азіятскихъ народовъ, находили и здѣсь мѣсто и считались необходимостію.

Грузинъ свыкся съ такимъ раззорительнымъ обычаемъ. Пріѣдетъ ли къ кому-нибудь толпа гостей или путниковъ—хозяинъ тотчасъ же очищаетъ для нихъ домъ, въ которомъ самъ помѣщается съ семействомъ; если окажется его мало, то и всѣ остальныя пристройки и службы его незатѣйливой усадьбы. На одинъ ужинъ онъ часто употребляетъ весь годовой запасъ безъ всякаго остатка, и все-таки повторяетъ грузинскую пословицу: «гость мнѣ дороже друга»—таковъ обычай.

Хотя владѣльцамъ закономъ и воспрещалось отнимать что-либо у своихъ крестьянъ, но, на самомъ дѣлѣ, они могли взять все, что хотѣли: деньги, оружіе, лошадь и проч.

Конечно, все это бралось въ видѣ подарковъ, но на столько было обязательно, что крестьянинъ не могъ отказать въ требованіи и защищался только тѣмъ, что, узнавъ о пріѣздѣ князя, торопился спрятать все лучшее. Отдѣлаться отъ поднесенія подарка было невозможно, изъ опасенія преслѣдованій и дурныхъ послѣдствій.

Доходы помѣщиковъ отъ крестьянъ были незначительны и вознаграждались платою за разборъ происходившихъ между ними ссоръ и тяжебныхъ дѣлъ. Помѣщики производили въ деревняхъ судъ сами, или, въ неважныхъ случаяхъ, чрезъ повѣренныхъ своихъ, по общимъ законамъ государства и по мѣстнымъ обычаямъ. Только о важныхъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, объ убійствѣ, разбоѣ и т. п., они доносили царю или мдиванъ-бекамъ. Князья имѣли право лишать зрѣнія своихъ подвластныхъ, но запрещалось помѣщикамъ

имѣть темницы для заточенія преступниковъ. Князь не могъ лишить жизни своего крестьянина, но могъ отнять у него имущество.

За убійство крестьянина, князь подлежалъ денежной пени, а впослѣдствіи изувѣченный крестьянинъ дѣлался свободнымъ со всѣмъ своимъ семействомъ, если только не желалъ принять отъ своего владѣльца денежной платы за свое увѣчье (¹).

Если кто убьетъ или изувѣчитъ крестьянина за преступленіе, сказано въ законахъ, тотъ заслуживаетъ гнѣвъ царя и католикоса. Впрочемъ, еслибы господинъ казнилъ или изувѣчилъ своего крестьянина, то послѣдній и наслѣдники его не въ правѣ были требовать удовлетворенія; семейство же его, братья и родственники освобождались отъ господина.

Переходъ и бѣгство крестьянъ, отъ одного помѣщика къ другому, были запрещены законами; попадавшіеся же въ плѣнъ считались утраченными для ихъ владѣльца. Кто выкупалъ изъ неволи, тому они и принадлежали, но если крестьянинъ вносилъ за себя, своему новому владѣльцу, все истраченное на выкупъ, то дѣлался свободнымъ.

Крестьяне имѣли право покупать земли и крестьянъ, но, безъ письменнаго дозволенія владѣльца, не могли ихъ продавать. Это же правило распространялось и на другія, значительной цѣны, крестьянскія вещи.

О существованіи въ Грузіи рабовъ, въ концѣ XVII ст., нѣтъ извѣстій, но что они были, доказывается законами страны, изъ которыхъ видно, что рабы происходили: отъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей; отъ купленныхъ иновѣрцевъ или, наконецъ, отъ тѣхъ, которые, женившись на рабѣ, отдавали себя въ рабство ея господину безусловно или по договору.

Свободные люди могли продавать себя въ рабство, или своихъ дѣтей и братьевъ.

Въ Грузіи существовалъ обычай продажи родителями дѣтей и старшими братьями младшихъ братьевъ. Проданный избавлялся отъ платы отцовскаго долга, если таковой былъ. Часто, не будучи въ состояніи заплатить долга, грузинъ отдавалъ себя въ рабство заимодавцу. Законъ допускалъ также отцамъ, по причинѣ ихъ убожества, продавать дѣтей въ рабство. Въ рабство могъ идти всякій свободный человѣкъ. Земледѣлецъ, принадлежащій господину, отдавалъ себя въ рабство ему же, но крестьянинъ одного господина не могъ продавать себя въ рабство другому.

Рабы не имѣли права приносить жалобъ на своихъ господъ и дурно отзываться о нихъ. Рабы могли быть подвергаемы всякому наказанію, но лишеніе жизни зависѣло отъ царя, какое бы преступленіе ни было ими сдѣлано. Въ неважной винѣ, законъ опредѣлялъ прощеніе рабу, дабы не нарушить выгодъ его владѣльца. Получивъ отъ своего господина землю или другое какое-либо недвижимое имущество, рабъ не имѣлъ права его продать или за-

(¹) О крѣпостномъ состояніи въ Грузіи: Кавк. 1864 г. № 84.

ложить, и еслибы отдалъ кому-либо свое имѣніе и, въ слѣдъ за тѣмъ, получилъ свободу, владѣлецъ имѣлъ право имѣніе это отобрать. Рабъ не имѣлъ юридическаго права ни самъ занять денегъ, ни давать ихъ въ займы кому-либо другому. Владѣлецъ имѣлъ право продавать своихъ рабовъ, дарить, мѣнять, кромѣ тѣхъ, которые куплены отъ родителей по причинѣ ихъ убожества. Такихъ помѣщикъ не имѣлъ права продавать, но потомки ихъ теряли это преимущество.

Рабы дѣлались свободными или выкупомъ, или по волѣ своего владѣльца, но еслибы впослѣдствіи владѣльцы эти обѣднѣли, отпущенникъ обязанъ былъ прислуживать своему бывшему владѣльцу, не укоряя его. Законъ и обычаи грузинскіе налагали на такого отпущеннаго обязанность «всегда чувствовать, лично изъявлять и, дѣйствіями, доказывать благодарность свою къ прежнему своему господину, не говорить о немъ ничего непристойнаго». Свидѣтельство раба, даже и отпущеннаго, ни противъ своего владѣльца, ни противъ его семейства не принималось въ судѣ.

Главою грузинскаго духовенства былъ *католикосъ*, который избирался въ это званіе царемъ и посвящался въ санъ соборомъ архіереевъ.

Въ католикосы избирались преимущественно младшіе сыновья царя или его братья, но могли быть избраны и князья грузинскіе, и даже лица низшаго состоянія, по личному достоинству.

Безъ согласія царя, даже и магометанскаго, католикосъ не могъ поставлять епископовъ, архимандритовъ, перемѣщать ихъ съ одного мѣста на другое. Онъ былъ главный распорядитель церковными имѣніями и, для собственнаго своего содержанія, имѣлъ особый удѣлъ, въ которомъ ему были подвластны тринадцать дворянскихъ семействъ, равныхъ по правамъ съ дворянами княжескими. Кромѣ доходовъ съ имѣній, католикосу присвоены были нѣкоторыя статьи доходовъ съ разныхъ откуповъ по государству. Управленіе духовными имѣніями возлагалось на дворянъ католикоса, и, безъ согласія царя, нельзя было продавать этихъ имѣній или увеличивать ихъ новою покупкою.

Въ монахи могли поступать изъ всѣхъ сословій, но въ архіереи избирались преимущественно князья и дворяне, прошедшіе низшія ступени монашества. Запрещалось закономъ помѣщикамъ, при раздѣлѣ имѣній, отдавать часть въ пользу людей духовнаго званія.

Въ бѣлое духовенство поступали не наслѣдственно, но по достоинству и по избранію изъ дворянъ и другихъ низшихъ сословій народа, не теряя никакихъ преимуществъ по своему происхожденію. «Если же, писалъ Лазаревъ, (1) изъ низкаго состоянія поступитъ кто на высшій классъ духовнаго достоинства и въ то мѣсто, какое прежде занималъ князь или дворянинъ, то пользуется тѣми же правами». Были въ Грузіи, въ званіи священниковъ, крестьяне, которые, и въ этомъ случаѣ, не освобождались отъ зависимости

(1) Письмо Лазарева Кнорингу, 8 мая 1801 г. Акт. Кавк. ком. т. I, 329.

своимъ владѣльцамъ, что распространялось и на ихъ дѣтей. Посвященіе въ священники и опредѣленіе церковнаго причта зависѣло отъ епархіальнаго архіерея, при чемъ запрещалось какъ раздробленіе прихода, такъ и присвоеніе его священникамъ по наслѣдству.

Приходскіе священникъ и причтъ церковный не пользовались ничѣмъ съ церковныхъ имѣній, а жили собственными трудами и доходами отъ прихода. Что же именно долженъ былъ получать священникъ съ прихожанъ, опредѣлялось закономъ. Причтъ церковный освобождался отъ податей.

По законамъ, домъ, продаваемый священникомъ, долженъ быть купленъ священникомъ же.

Всѣмъ вообще духовнымъ лицамъ запрещалось вмѣшиваться въ дѣла гражданскія, но и духовнаго человѣка не могъ судить свѣтскій, за исключеніемъ важнаго преступленія, какъ, напримѣръ, убійства, разбоя, дѣланія фальшивыхъ денегъ и проч.

«Вообще же, доносилъ Лазаревъ (¹) о всѣхъ сословіяхъ грузинскаго народа, никакихъ особыхъ привиллегій не имѣютъ; какъ князь, такъ и крестьянинъ равно служатъ; какъ князь, такъ и крестьянинъ равно наказываются».

V.

Юридическое, гражданское и военное устройство грузинскаго народа.

Особенности юридическаго, гражданскаго и военнаго устройства Грузіи, укорененныя вѣками, могутъ лучше всего объяснить намъ тѣ явленія, которыми сопровождалось русское господство въ этой странѣ съ первыхъ дней его утвержденія.

Съ самаго начала грузинской исторіи, монархическая форма правленія оставалась въ ней постоянно господствующею. Царь имѣлъ неограниченную власть и всѣ его повелѣнія считались закономъ; онъ былъ главою правосудія, и дворъ его служилъ почти обыкновеннымъ мѣстомъ суда. Но въ городахъ были *салакбо*—мѣсто общественной бесѣды, куда собирались грузины всѣхъ состояній для разговоровъ и разсужденій о дѣлахъ государственныхъ. Тутъ же производились судъ и расправа. Въ Тифлисѣ, *салакбо* было передъ царскимъ дворцомъ. Въ судахъ и при разборахъ тяжебныхъ дѣлъ, царь

(¹) Акты Кавк. Арх. ком. т. I, 330.

руководствовался однимъ собственнымъ произволомъ и обычаями востока: по его приговору, рубили преступнику члены, выкалывали глаза и т. п.

«Грузія есть страна, одаренная всѣми благами, говоритъ царь Вахтангъ въ введеніи къ собранію грузинскихъ законовъ; но, по непостоянству временъ и измѣненію обстоятельствъ, въ ней судили и рядили по своему мудрованію: одни—по родству и дружбѣ, другіе—изъ боязни, иные—по отсутствію страха Божія, а нѣкоторые по лихоимству—однимъ словомъ, кому какъ было угодно».

Вахтангъ былъ первымъ изъ царей, который позаботился о составленіи законовъ для грузинскаго народа. Собранные и изданные (1) имъ законы служили руководствомъ только однимъ судьямъ. Царь же, при своихъ рѣшеніяхъ, никогда ими не руководствовался, считая себя выше и внѣ всякаго закона. Вахтангово уложеніе было простымъ сборникомъ правилъ и народныхъ обычаевъ; помѣщенныя въ немъ статьи часто противорѣчили другъ другу. Такъ, духовные законы не сходились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ гражданскими. Первыми предоставлялось, напримѣръ, право лицамъ духовнаго званія быть рѣшительными судьями въ дѣлахъ свѣтскихъ, тогда какъ, гражданскими законами запрещено духовнымъ лицамъ мѣшаться въ мірскія дѣла (2). Въ уложеніи нашли мѣсто извлеченія изъ греческихъ, армянскихъ законовъ и книгъ Моисея. Законы варварскихъ народовъ, какъ, напримѣръ, плата за убійство и рану, оправданіе раскаленнымъ желѣзомъ и кипяткомъ, также вошли въ составъ уложенія.

Въ семейныхъ отношеніяхъ грузинъ было запрещено вдовцу жениться на дѣвицѣ. Христіане не должны были отдавать своихъ дочерей за иновѣрцевъ и, въ свою очередь, не жениться на ихъ дочеряхъ. Если кто женится на невѣсткѣ своей, того «да зальютъ съ нею другъ противъ друга известкою». За продажу ребенка или кого бы то ни было христіанину взыскивалось какъ за кровь, а за продажу того же лица магометанину, сверхъ того, удовлетвореніе за душу.

Мужъ и жена, по причинѣ бездѣтства, не могли быть разведены. Расторженіе супружества дозволялось только въ случаѣ прелюбодѣянія; тогда приданое и незаконный ребенокъ отдавались женѣ.

По убѣжденію грузинъ, «какъ бы мужъ и жена ни ненавидѣли другъ друга,

---

(1) Изданіе это ходило по Грузіи въ рукописи. Уложеніе никогда не было напечатано самими грузинами, хотя церковныя книги и печатались въ Тифлисѣ. Въ 1801 году, во всей Грузіи нашли едва три экземпляра, да и тѣ не полные. Въ самомъ уложеніи было сказано, что если въ какомъ либо мѣстѣ не окажется законовъ, то судъ долженъ производиться по обычаямъ того мѣста. Зап. Буткова (рукоп.) Арх. Глав. Шт.

(2) Противорѣчіе это произошло отъ того, что духовные законы и правила были составлены католикомъ Дементіемъ, братомъ царя Вахтанга, въ собраніи всѣхъ грузинскихъ архіереевъ. Вахтангъ утвердилъ ихъ безъ сличенія съ гражданскими, писанными другими лицами, не совѣщавшимися съ духовенствомъ.

но развестись имъ не дозволяется. Въ такомъ случаѣ католикосъ долженъ ихъ мирить увѣщаніемъ».

Грузинка не имѣла почти никакого положенія въ обществѣ, не пользовалась никакими юридическими правами, или весьма незначительными. Каждый мужчина, какого бы званія онъ ни былъ, имѣлъ преимущество предъ женщиною самаго высшаго рода. Женщина не бывала почти никогда въ обществѣ мужчинъ, ея совѣтовъ не спрашивали. Въ церкви, напримѣръ, мужчины всегда стояли впереди, женщины—позади; оба пола старались не смѣшиваться. Царскія особы не исключались изъ этого общаго правила. Если женщинѣ сопутствовалъ слуга, то онъ никогда не шелъ позади, а всегда впереди, изъ уваженія къ мужескому полу. Отъ женщины не принимали доносовъ, не допускали до суда, не приводили къ присягѣ.

«Женщина можетъ приносить жалобу въ судъ на мужчину, но не слѣдуетъ возлагатъ на отвѣтчика присягу или отбирать у него что-либо. Если она сошлется на свидѣтельство мужчины, то и такого свидѣтеля не допускать къ присягѣ». Споры и иски между женщинами не разбираются въ судебныхъ мѣстахъ, до которыхъ—сказано въ уложеніи—имъ нѣтъ дѣла, а оканчиваются выборнымъ отъ общества (¹).

Ни одна грузинка не могла быть ни въ чемъ поручительницею. За долги, сдѣланные ею до замужества, мужъ не отвѣчалъ: она сама должна была уплатить ихъ. Женщина ни за какое преступленіе не могла быть посажена въ темницу.

Жена не могла расточать своего приданаго, но посторроннимъ пріобрѣтеніемъ располагала по своей волѣ. Если женщина умретъ бездѣтною, то приданое возвращается въ домъ родителей, а прочее наслѣдство переходитъ къ мужу. Запрещено женамъ осуждать своихъ мужей въ военномъ дѣлѣ; на этотъ счетъ у грузинъ существуетъ даже пословица: «Мужъ съ поля битвы, а жена ему на встрѣчу разсказываетъ про войну» (²). Законъ запрещалъ: разлучать новобрачныхъ и требовать ихъ на войну; мужья не могли одѣваться въ женскую, а жены въ мужскую одежду.

Отецъ долженъ имѣть попеченіе о добромъ воспитаніи своихъ дѣтей. Мать не имѣла права наказывать сына. Сынъ не могъ равняться въ судѣ съ отцомъ и разсчитывать на одинаковое съ нимъ почтеніе.

Овдовѣвшую жену, въ теченіе девяти дней, запрещено было чѣмъ-либо безпокоить. Послѣ смерти жены, мужчина носилъ трауръ въ теченіе шести мѣсяцевъ, а женщина, послѣ смерти мужа, носила его нерѣдко до новаго замужества, которое могло быть не ранѣе десяти мѣсяцевъ—иначе она, по уложенію царя Вахтанга, лишалась всякаго наслѣдства и теряла даже добро

(¹) Законы Вахтанга, § 216.

(²) „Грузинскія пословицы и изреченія“ И. Евлаховъ. Зап. кавк. отд. Им. рус. геогр. общ. кн. I, стр. 263.

имя. Вдова, у которой послѣ смерти мужа умретъ сынъ и она останется затѣмъ бездѣтною, могла, если желала, остаться въ домѣ мужа и имѣла свою часть.

Если у крѣпостнаго останется малолѣтній сынъ, то господинъ долженъ былъ представить опекуна. Опекуномъ могъ быть не глухой, не нѣмой и не моложе 25 лѣтъ. Имѣніе послѣ родителей получали сыновья. Для того, чтобы въ родовыхъ имѣніяхъ не могли появляться посторонніе совмѣстничества, то незамужнимъ дочерямъ, при раздѣлѣ, выдѣлялось приданое. На этомъ основаніи женскій полъ въ большинствѣ случаевъ, не исключая и вдовъ, устранялся отъ наслѣдства недвижимымъ имѣніемъ. Родовое имѣніе не передавалось по произволу умирающаго никому, кромѣ сыновей, и только за неимѣніемъ ихъ поступало во владѣніе дочери; благопріобрѣтеннымъ же онъ могъ располагать по своей волѣ ([1]). Выморочныя имѣнія казенныхъ землевладѣльцевъ отписывались на царя, а помѣщичьихъ—на помѣщика. Духовныя завѣщанія совершались и признавались законами только тогда, когда къ нимъ приложена была печать мѣстнаго начальника. Духовное завѣщаніе слѣпаго признавалось законнымъ при подпискѣ шести или семи свидѣтелей. Не получалъ наслѣдства тотъ, кто женился безъ воли отца, и дочь, которая, по увѣщанію и по приготовленію ей приданаго, не желала выйти замужъ.

Раздѣлъ имѣній между наслѣдниками признавался вреднымъ, хотя и не запрещался закономъ. Со временъ Адама—сказано въ немъ—земля была раздѣляема, а потому нельзя и впредь не допускать этого.

«Какое бы несогласіе ни возникло, говорится въ § 98 Вахтанговыхъ законовъ, между братьями, между дядею и племянниками, между двоюродными братьями и нераздѣльными родственниками, они не могутъ раздѣлиться безъ царя или господина. Въ такомъ случаѣ, царь или господинъ долженъ всячески стараться, посредствомъ увѣщанія старшимъ, угрозъ младшимъ или наказанія посѣвающимъ между ними раздоръ, умиротворять ихъ и уклонять отъ раздѣла, а между тѣмъ опредѣлить особый за ними присмотръ, чтобы они не грабили общихъ крестьянъ и не тратили напрасно вина и хлѣба».

Этотъ законъ повелъ къ тому, что однимъ имѣніемъ владѣли нерѣдко цѣлыя фамиліи, и оттого раздоры между родственниками не прекращались. Старшій въ родѣ завѣдывалъ имѣніемъ и, соблюдая только свой личный интересъ, весьма мало заботился объ его улучшеніи.

Раздѣлъ имѣній между братьями дѣлался всегда письменно, иначе онъ не утверждался. Братья, приступая къ раздѣлу, должны были прежде всего отдѣлить приданое для своихъ сестеръ.

Старшій братъ получалъ лишнюю часть за свое старшинство, а изъ остальнаго имѣнія одна двадцатая часть за раздѣлъ поступала царю. Часть

([1]) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Главн. Шт.

эта называлась *гасамкрело*, и отдѣлялась та, которую царь пожелаетъ выбрать. Меньшему брату, сверхъ части, отдавался домъ и все, что расположено было внутри ограды. Затѣмъ все остальное имѣніе дѣлилось между братьями по-ровну. Кладбище, церковная утварь и церковное имѣніе оставалось въ общемъ владѣніи (¹).

Если старшій братъ умиралъ бездѣтнымъ, то часть, слѣдуемую за старшинство, получалъ второй братъ.

Никто, моложе 25-лѣтняго возраста, не имѣлъ права продавать своего недвижимаго имѣнія. При покупкѣ и продажѣ продавцы обязаны были извѣщать своихъ родственниковъ и утверждать сдѣлку при свидѣтеляхъ, изслѣдующихъ подробно обязательства, не внесено ли въ нихъ чего-нибудь чужаго. Продавецъ, взявшій задатокъ и отказавшійся потомъ продать вещь покупщику, обязанъ возвратить задатокъ вдвойнѣ.

Въ долговыхъ искахъ, законъ запрещалъ брать за отданныя въ долгъ деньги выше 12%. «На сей предметъ, говоритъ Вахтангъ, въ Грузіи не обращали вниманія: недавно еще отдавали въ заемъ за 120 процентовъ, а часто брали и проценты на проценты».

«Кто несправедливъ, говоритъ онъ далѣе, и ненавидитъ душу свою, тотъ отдаетъ деньги въ заемъ за 30%; кто хотя немного любитъ ее — за 24%; кто побольше любитъ—за 18%; а кто подлинно любитъ—за 12%. Всего же лучше для души совсѣмъ не брать процентовъ. Процентовъ на проценты ни въ какомъ случаѣ не требовать, не давать и не взыскивать; проценты прекращаются, если сравняются съ капиталомъ».

При займѣ же хлѣбомъ допускалось право взиманія до 36%. Должникъ обязанъ возвратить заимодавцу долгъ тою же монетою, какою получилъ. Послѣ 30 лѣтъ, со времени полученнаго долга, не дозволялось взыскивать уплату его за одинъ разъ.

«Когда братъ твой или же посторонній будетъ продавать недвижимое имѣніе, для уплаты долга, а ты заплатишь за нихъ долгъ и избавишь его отъ нужды, то можешь держать его въ закладѣ до семи лѣтъ».

Если хозяинъ въ это время не выкупитъ имѣнія, то оно считалось купленнымъ.

Заимодавецъ не можетъ взыскивать долга ни съ кого, кромѣ должника своего, но отецъ обязанъ платить за сына; долгъ же отца платятъ тѣ, которые владѣютъ оставленнымъ имѣніемъ. Если у умершаго должника осталась дочь, то изъ имѣнія его выдѣлялась сначала часть на ея содержаніе, и затѣмъ остальное шло на уплату долга.

(¹) Подробности раздѣла были слѣдующія. Старшій братъ получалъ «прежде всего двадцатое лучшее, по своему выбору, и двадцатое же худшее, по выбору другихъ братьевъ семейство крестьянъ; младшій братъ одно худшее съ двадцати, вмѣстѣ съ родительскимъ домомъ—средніе братья всѣ вмѣстѣ также одно съ двадцати, и затѣмъ остальное дѣлилось по ровну".

Никто за долгъ не могъ самовольно удерживать ничего чужаго безъ разрѣшенія царя.

По грузинскимъ законамъ, смертная казнь, отъ князя до раба, зависѣла единственно отъ царя. но вельможамъ предоставлено было право, у людей имъ подвластнымъ, выкалывать глаза, отсѣкать члены и проч.

Хищники, разбойники, воры, человѣкопохитители подвергались лишенію зрѣнія и другимъ лютымъ казнямъ. Поймавшій вора не имѣлъ права его убить или какъ-либо искалѣчить. За поджогъ сожигали; за наущеніе къ поджогу—рубили голову. Фальшивымъ монетчикамъ отрубали руки; кто ворожилъ свѣчею или зернами, того законъ признавалъ колдуномъ, а кто говорилъ, что, по такой-то звѣздѣ, слѣдуетъ умереть такому-то вельможѣ, того называли звѣздословомъ. Суды по поводу чародѣйства были ужасны.

Взысканіе за кровь существовало въ Грузіи и производилось деньгами, причемъ принимались въ разсчетъ родъ и званіе. Высшая степень взысканія за убійство первѣйшаго князя составляла сумму въ 15,360 руб. (1). Относительно католикоса (главы грузинскаго духовенства) сказано: досада (оскорбленіе) царю и католикосу одинаковы, ибо одинъ изъ нихъ имѣетъ власть надъ тѣломъ, а другой надъ душею. Благословеніе отъ Бога и почтеніе отъ людей также пріемлютъ они равно. Хотя царю и оказывается болѣе почтенія, но единственно изъ страха». Самая низшая плата за кровь хлѣбопашца и ремесленника была 120 руб. Вмѣсто денегъ можно было платить быками, коровами, лошадьми, оружіемъ, годными желѣзными и мѣдными вещами.

Убійство отцомъ сына, сыномъ отца и братомъ брата подлежало духовному суду, но если, послѣ смерти брата, оставались дѣти, то убійца платилъ полтора удовлетворенія за кровь. Разбойникъ подвергался тройному взысканію. Съ крестьянина, ранившаго или убившаго господина, сказано въ законѣ, нельзя опредѣлить удовлетворенія за кровь, ибо все, что только есть у крестьянина, принадлежитъ и безъ того господину.

Безъ разрѣшенія царя, законъ запрещалъ взыскивать за кровь. Если у убитаго человѣка не было дѣтей, а нѣсколько братьевъ, то плата за кровь отдавалась тому, кто былъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, за исключеніемъ нѣкоторой части, которая поступала на удовлетвореніе жены убитаго. Если всѣ братья были въ раздѣлѣ, то законъ опредѣляетъ правила, какъ дѣлить между ними получаемое за кровь. Если у убитаго были дѣти, то деньги, взысканныя за кровь, поступали на удовлетвореніе ихъ. Кто не въ состояніи былъ заплатить за кровь, тотъ осуждался или на смерть, или другую строгую казнь.

---

(1) Такихъ первѣйшихъ князей считалось только шесть: Арагвскій Эриставъ, самъ лично до раздѣла; Ксанскій Эриставъ лично до раздѣла; Амилахваръ лично до раздѣла; Орбеліанъ—старшій въ домѣ до раздѣла; старшій въ домѣ Цыціановыхъ, когда еще фамилія не была въ раздѣлѣ, и Сомхетскій меликъ. См. собраніе законовъ Вахтанга, § 17—41.

За неумышленное убійство не было взысканія за кровь, и убійца подвергался только церковному покаянію.

Къ числу неумышленныхъ убійствъ относились: убіеніе въ сраженіи, убійство при защитѣ отъ нападенія, но крестьянинъ не имѣлъ права убить нападающаго на него господина; если кто ранитъ кого саблею и захочетъ нанести другой ударъ, а тотъ убьетъ его.

Кровомщеніе не допускалось: если кто убьетъ соблазнителя, заставъ его въ прелюбодѣяніи со своею женою или дочерью; заставшій же въ прелюбодѣяніи съ служанкою и убившій соблазнителя долженъ былъ внести часть денегъ на похороны. Крестьянинъ могъ убить своего господина безнаказанно въ томъ только случаѣ, если застанетъ его лежащимъ съ своею женою.

Денежное взысканіе опредѣлено было и за нанесеніе раны. Законъ опредѣляетъ, за какую рану и что слѣдуетъ взыскивать.

Поврежденіе обоихъ глазъ, рукъ и ногъ равнялось смертоубійству, и подлежало удовлетворенію за кровь. За поврежденіе же одного изъ этихъ членовъ взыскивалась третья часть полнаго удовлетворенія; за каждый палецъ руки и за зубъ — пятая часть; за палецъ ноги—десятая. Рана, безъ поврежденія членовъ, измѣрялась ячменными зернами, положенными въ рядъ, причемъ за каждое зерно платилось: крестьянину по 2 руб., слугѣ по 4 р. и т. д. постепенно удваивая. Если рана была отъ пули, стрѣлы или копья, то измѣряли глубину, клали опять зерна и за каждое взыскивали вдвое противъ наружныхъ ранъ на тѣлѣ. Напавшій на чужой домъ и убившій или ранившій кого-либо платилъ двойное удовлетвореніе. Убійство или пораненіе въ пьяномъ видѣ не облегчало преступленія и взысканіе не уменьшалось.

За кражу со взломомъ и мошенничествомъ взысканіе опредѣлено было не однообразное: оно подлежало сужденію по древнимъ мѣстнымъ обычаямъ, и родъ суда этого употреблялся не только между грузинами, но и между армянами и татарами.

Въ большей части Грузіи, однако же, мѣра взысканія съ вора въ первый разъ составляла въ семь разъ болѣе украденаго. Изъ этого взысканія двѣ части шли на удовлетвореніе истца, четыре—царю или въ казну и одна моураву, разбиравшему дѣло.

Въ городахъ Тифлисѣ, Гори, Телавѣ, въ Кизихскихъ селеніяхъ и крѣпости Цхинвалѣ, гдѣ жили евреи, существовали особыя правила ([1]). По закону, установленному евреями, воръ обязанъ былъ возвратить вдвое противу украденаго.

Въ помѣщичьихъ имѣніяхъ преступники судились, относительно воровства, по установленію помѣщиковъ, правилами, освященными давностію. У армянъ въ Шулаверахъ съ вора взыскивалось въ пятеро, изъ нихъ двѣ части поступали истцу, двѣ царю и одна — моураву. У нѣкоторыхъ татаръ

([1]) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Главн. Ш т. въ С.-Петерб.

истцу возвращалась только стоимость потеряннаго или убытокъ, а съ виновнаго дѣлалось взысканіе по назначенію моурава. Изъ этого взысканія девять-десятыхъ принадлежали царю, и одна десятая — моураву. Въ другихъ татарскихъ селеніяхъ моураву предоставлена одна треть взысканія, а двѣ трети — царю. Въ княжескихъ, царскихъ и помѣщичьихъ имѣніяхъ доходъ съ этой статьи принадлежалъ весь владѣльцу.

За второе воровство, кромѣ матеріальнаго взысканія съ вора, ему рѣзали уши, носъ, руки и проч. Большая же часть дѣлъ этого рода вознаграждалась денежною платою.

Доносы принимались судьею не иначе, какъ письменные. Доносъ человѣка, наказаннаго за какое-либо преступленіе или бѣжавшаго съ поля сраженія, не могъ быть принятымъ.

По грузинскимъ обычаямъ и правиламъ, обвиняемый могъ оправдывать себя шестью способами: 1) присягою, 2) раскаленнымъ желѣзомъ, 3) кипящею водою, 4) вызовомъ на саблю или поединокъ, 5) свидѣтельствомъ, и 6) принятіемъ на себя грѣха или подверженіемъ себя заклятію.

Для того, чтобы доказать свою справедливость присягою, обвиняемый долженъ представить свидѣтеля своей невинности. Если онъ обвиняется по доносу, то долженъ, кромѣ своего свидѣтеля, выбрать еще одного свидѣтеля изъ числа лицъ, назначенныхъ доносчикомъ. Тотъ, кто заставляетъ присягать, долженъ принести образъ. Если обвиняемый и принятые имъ свидѣтели поклянутся передъ образомъ въ его невинности, то справедливость ихъ показанія не подвергается сомнѣнію.

Къ присягѣ прибѣгали рѣдко, а старались разобрать дѣло другими способами. Женщинъ къ присягѣ не допускали; за нихъ не могли присягать посторонніе, но одни только самые близкіе родственники.

Обвиняемому клали на руки листъ бумаги, а на нее раскаленное желѣзо. Если онъ, сдѣлавъ три шага впередъ и бросивъ потомъ желѣзо, не обожжетъ руки, то считался правымъ, и этотъ способъ оправданія носилъ названіе испытанія *раскаленнымъ желѣзомъ*.

Испытаніе *кипяткомъ* состояло въ томъ, что въ котелъ съ водою опускали грудной крестъ. Когда вода закипала, котелъ снимали съ огня — и обвиняемый долженъ былъ, во имя Божіе, вынуть изъ котла крестъ.

Послѣ того на руку надѣвали мѣшечекъ, завязывали его и прикладывали печать; если на третій день рука оказывалась не обожженною — то обвиняемый правъ.

Передъ оправданіемъ при помощи *поединка*, доносчикъ и обвиняемый молились Богу 40 дней; потомъ каждому изъ нихъ надѣвали на шею или на копье бумагу, на которой писалась краткая молитва.

Боже правосудный! сказано въ молитвѣ. Я, такой-то, прошу и молю тебя, не помяни днесь другихъ прегрѣшеній моихъ. Но если я, во взводи-

момъ на меня такомъ-то дѣлѣ, правъ, то предаждь мнѣ главу его; если же не правъ, то предаждь ему мою главу.

Вооружившись, они выѣзжали на арену, имѣя при себѣ секундантовъ, вооруженныхъ щитами и плетьми. Поединокъ происходилъ въ присутствіи царя и продолжался до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не собьетъ другаго съ лошади. Тогда секунданты представляли побѣжденнаго, какъ признаннаго виновнымъ, царю, который поступалъ съ нимъ по своему усмотрѣнію. Оружіе побѣжденнаго отдавалось побѣдителю, а конь — секунданту. Если оба упадутъ съ лошадей, то должны пѣшіе драться до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ сшибетъ другаго съ ногъ.

Поединокъ назначался преимущественно въ дѣлахъ объ измѣнѣ, разграбленіи церковной казны и святотатствѣ.

Если лицо обвиняемое принадлежало къ высшему сословію, а доносчикъ къ низшему, то законъ допускалъ, чтобы обвиняемый выслалъ на поединокъ одного изъ своихъ подвластныхъ, по состоянію равнаго доносчику. Въ томъ случаѣ, когда оставался побѣдителемъ доносчикъ, обвиняемый долженъ былъ заплатить за доносъ и удовлетворить за кровь или другое преступленіе. Но если доносчикъ бывалъ побѣжденъ, тогда обвиняемый получалъ удовлетвореніе и самого доносчика связаннымъ. Въ случаѣ несостоятельности, побѣдителю отдавалось все семейство побѣжденнаго.

Свидѣтелей умныхъ и добросовѣстныхъ достаточно двухъ лицъ; а въ противномъ случаѣ нужно двадцать и не менѣе десяти.

Принятіемъ на себя грѣха рѣшались иски весьма незначительные, не превышающіе одного марчила (около 60 коп. сер.). Иногда мѣра эта допускалась въ тяжбахъ о быкѣ. Обвиняемый долженъ поднять на своей спинѣ истца и сказать: «Да будетъ грѣхъ твой на мнѣ при второмъ пришествіи, и да буду самъ за тебя осужденъ, если я сдѣлалъ то, въ чемъ ты меня обвиняешь».

Законъ опредѣлялъ случаи, въ какихъ и какой именно родъ очищенія употреблялся. Никто изъ обвинителей или обвиняемыхъ не могъ уклониться отъ присяги. Присягающему давалось время обдумать, чтобы, поспѣшностію, не заставить дать ложную присягу: «ложная присяга есть отверженіе отъ Бога, и ложно принятой присяги Господь не предаетъ забвенію. Кто учинитъ ложную присягу, сказано въ уложеніи, тотъ есть жидъ, съ тѣмъ и хлѣба не слѣдуетъ ѣсть». Малолѣтнія дѣти и духовныя лица къ присягѣ не допускались.

Свидѣтель долженъ быть достойный человѣкъ и не менѣе 20 лѣтъ отъ роду. Свидѣтельство иновѣрца не принималось. По этому о свидѣтелѣ, прежде всего, узнавали, какого онъ вѣроисповѣданія и какихъ качествъ. Свидѣтельскія показанія принимались только тѣ, которыя самъ свидѣтель видѣлъ, а не слышалъ; но о границахъ земли, построеніи дома можно было свидѣтельствовать по наслышкѣ. Нищіе или убогіе, въ свидѣтели не допускались.

Купленный человѣкъ не могъ быть свидѣтелемъ ни для своего господина, ни для его сына. Отецъ для сына и сынъ для отца не могли быть также свидѣтелями. Свидѣтели должны быть представлены предъ тѣми лицами, о преступленіи которыхъ свидѣтельствуютъ.

Таковъ былъ, въ общихъ и краткихъ чертахъ, юридическій бытъ грузинскаго народа.

Для охраненія правъ каждаго члена общества, существовали правительственныя учрежденія и во главѣ ихъ стоялъ: *верховный царскій судъ*.

Въ судѣ этомъ предсѣдательствовалъ самъ царь и присутствовали: а) наслѣдникъ царскій; б) прочіе царевичи, по особому царскому назначенію; в) *мдиванъ-беки*—совѣтники или, собственно, судьи—четыре князя карталинскіе и четыре кахетинскіе (¹); г) *мдиваны*, или лица, назначаемыя собственно для исполненія дѣлъ, производимыхъ въ судѣ; и д) *тавалидаръ*, хранитель письменныхъ дѣлъ и разныхъ актовъ верховнаго царева суда. На его же обязанности лежало собирать и хранить деньги, взыскиваемыя, по суду, съ виновныхъ.

Въ верховномъ судѣ разсматривались дѣла какъ Карталиніи, такъ и Кахетіи.

Дѣла ясныя царь рѣшалъ самъ, но если они были запутаны, неполны, или особенно важны, то онъ передавалъ ихъ въ верховный судъ, гдѣ самъ иногда присутствовалъ при производствѣ дѣла. По большей же части, онъ поручалъ рѣшеніе однимъ судьямъ, которые, руководясь формою, установленною въ законахъ, призывали въ засѣданіе преступника, истца, отвѣтчика и свидѣтелей, разсматривали ихъ показанія, дополняли ихъ удостовѣреніями, и, приведя дѣло въ совершенную ясность, сообразуясь съ законами или съ обычаями того народа, у котораго произошелъ разбираемый случай, произносили приговоръ и вносили его къ царю на утвержденіе. Отъ произвола царя зависѣло поступить согласно приговору верховнаго суда, или иначе.

Къ царю же приносимы были жалобы на неправое рѣшеніе низшихъ судебныхъ мѣстъ и властей, и, въ такомъ случаѣ, дѣло разсматриваемо было или царемъ, или въ верховномъ судѣ.

Судьи могли быть не моложе 25 лѣтъ. Имъ запрещено было производить судъ въ торжественные и праздничные дни, но убійцъ и разбойниковъ законъ повелѣвалъ судить и въ св. четыредесятницу. Преступниковъ не наказывали тотчасъ же, а спустя нѣкоторое время. Въ законахъ сказано было, что, если царь велитъ наказать преступника, то есаулы должны помедлить. Если царь признаетъ преступника виновнымъ, то и народъ долженъ быть согласенъ.

Всѣ вообще дѣла рѣшались весьма скоро и почти безъ всякаго письменнаго производства, однимъ словеснымъ разбирательствомъ. О всякомъ же рѣ-

(¹) Въ 1804 г. они переименованы въ коллежскіе и надворные совѣтники.

шеніи верховнаго суда исходилъ *баратъ*, или указъ за царскою печатью, заключавшій въ себѣ содержаніе приговора.

За каждое дѣло, рѣшенное въ верховномъ судѣ, взималась установленная пошлина, изъ которой часть принадлежала царю, часть царевичамъ, участвовавшимъ въ судѣ, и часть мдиванъ-бекамъ, мдиванамъ, тавалидару и прочимъ членамъ суда.

Непосредственно за верховнымъ царевымъ судомъ, одною ступенью ниже, были такъ называемые *частные суды*: карталинскій, кахетинскій и телавскій. Первые два находились въ Тифлисѣ, а послѣдній въ Телавѣ. Вѣдѣнію этого послѣдняго суда подлежалъ самый городъ Телавъ и весь округъ средней Кахетіи; остальная же часть Кахетіи причислена была къ суду кахетинскому. Частные суды состояли первый изъ четырехъ мдиванъ-бековъ, князей карталинскихъ, а второй и третій—каждый изъ четырехъ мдиванъ-бековъ, князей кахетинскихъ. Будучи членами верховнаго царева суда и рѣшая тамъ дѣла совмѣстно съ прочими членами, здѣсь мдиванъ-беки имѣли отдѣльное присутствіе.

Обязанностью суда было разбирательство дѣлъ низшихъ классовъ жителей Тифлиса и такихъ мѣстъ Карталиніи, гдѣ волости, селенія и деревни управлялись моуравами, не имѣвшими власти судебной. На судъ мдиванъ-бековъ поступали всѣ тѣ иски по членовредительствамъ и насиліямъ, которыя составляли вторую степень уголовныхъ преступленій. По этимъ дѣламъ они представляли свои приговоры на разсмотрѣніе царя, безъ утвержденія котораго не могли приводить ихъ въ исполненіе.

Мдиванъ-беки принимали доносы въ разныхъ злоумышленіяхъ. Если изъ слѣдствія оказывалось, что преступленіе относилось до князей и пользующихся преимуществами дворянъ, то тогда мдиванъ-беки представляли дѣло на сужденіе верховнаго суда; въ дѣлахъ же второстепенныхъ, при обвиненіи людей низшаго состоянія, составляли сами приговоръ и препровождали его царю на утвержденіе.

Прежнее правленіе въ Грузіи было деспотическое и жестокое до крайности. За малую вину рубили часто носъ, уши, отнимали имѣніе и заключали въ темницу. Чтобы имѣть ясное понятіе о томъ положеніи, въ которомъ находилась Грузія при вступленіи ея въ подданство Россіи, я приведу современную тому времени записку, составленную княземъ М. С. Воронцовымъ. Грузины такъ привыкли къ жестокому правленію своихъ царей, говоритъ онъ, «что кроткая, въ обыкновенныхъ случаяхъ, и на законахъ основанная власть россійскихъ начальниковъ имъ кажется странною и болѣе отъ слабости, нежели отъ великодушія, происходящею. Многіе изъ ихъ князей и знатныхъ дворянъ говорятъ, что Грузія не можетъ быть иначе управляема, какъ скорымъ и жестокимъ во всѣхъ дѣлахъ наказаніемъ. Медлительныя справки и законныя рѣшенія имъ кажутся непонятными и несносными, и иной бы лучше хотѣлъ, чтобы ему въ тотъ же день отрубили уши, нежели дожидаться нѣ-

сколько мѣсяцевъ умѣреннаго наказанія. Князья и дворяне имѣютъ не болѣе понятія о порядкѣ и справедливости, какъ и простой народъ. Когда собирали дворянъ на выборы, никакъ нельзя было внушить имъ настоящаго понятія о ихъ дѣлѣ (обязанности). За малѣйшею нуждою, или ежели кому стало скучно, они уходили изъ собранія домой и не возвращались. Другіе же, любуясь разноцвѣтными шарами для выборовъ, клали ихъ потихоньку въ карманъ и уходили; другіе, не имѣвъ права входить въ собраніе, вкрадывались и таскали шары, такъ что всякій разъ пропадала большая часть ихъ. Князю Циціанову нужно было въ одно время арестовать дворянина въ провинціи, но такъ какъ тамъ не было военной команды, онъ спросилъ у нѣкоторыхъ сосѣдей: не возьмутся ли они за то, чтобы взять его подъ караулъ; они отвѣчали, что арестовать его не могутъ, а что, ежели князь прикажетъ, то они его застрѣлятъ. Никакой грузинъ не явится въ судъ иначе, какъ приведенный силою, и, сидя себѣ спокойно дома, не понимаетъ, какъ можно безпокоиться и идти туда, куда ему не хочется, по силѣ одного только приглашенія».

Народъ сроднился съ судомъ скорымъ, словеснымъ, хотя и жестокимъ. Такого суда грузины требовали отъ своего царя и отъ мдиванъ-бековъ.

Послѣдніе, сверхъ занятій по суду, были совѣтниками *салтхуцеса*, или государственнаго казначея. Послѣдняя должность возлагала на мдиванъ-бековъ обязанность—чрезъ каждые семь лѣтъ, осматривать лично внутреннее состояніе царства, приводить въ извѣстность народонаселеніе его, собирать и доставлять свѣдѣнія о народной промышленности, для соображеній правительства о соразмѣрномъ распредѣленіи повинностей. Салтхуцесовъ было два: одинъ для Карталиніи, другой для Кахетіи (1).

Для земскаго управленія страною, вся Грузія,—какъ Карталинія, такъ и Кахетія—была раздѣлена на *моуравства*. Слово *моуравъ* означаетъ собственно земскаго начальника (2). Пользуясь одинаковымъ названіемъ должности, различныя лица, въ ней состоявшія, пользовались различною властію. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли свой судъ и расправу, другіе же только одну расправу.

Въ моуравы, съ судомъ и безъ суда, опредѣлялись царемъ князья и дворяне, изъ которыхъ многіе имѣли эту должность наслѣдственно.

Вообще, отъ должности моурава не только не отказывались, но искали ее. За услуги отечеству, князья награждались пожалованіемъ моуравства въ родъ, по смерть, или на извѣстное время.

Армяне, составляя главнѣйшую часть населенія Тифлиса и имѣя въ

(1) Описаніе Грузіи, составленное Лазаревымъ. Акты Кавк. Арх. ком. изд. 1866 года т. 1, 193.

(2) Моуравъ происходитъ отъ слова *урва*—забота, попеченіе, управленіе. Слово моуравъ выражало сначала власть, которая стояла выше эристава и замѣнила ихъ потомъ. Впослѣдствіи званіе моуравовъ снизошло отъ важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ до мелкихъ правителей, уѣздныхъ, участковыхъ и сельскихъ.

своихъ рукахъ всю торговлю и ремесла, требовали управленія сообразнаго съ ихъ обычаями. Первоначально ими управляли *мамасахлисы* (что, въ тѣсномъ смыслѣ означаетъ домоначальника) и *нацвалы*, но потомъ обѣ эти должности соединены были въ *меликъ*. Званіе это учреждено еще въ то время, когда Грузія находилась подъ властію Персіи. Шахъ-Надиръ утвердилъ особою грамотою въ должность мелика карталинскаго князя Бебутова, и потомки его носили это званіе до введенія русскаго управленія. Грузины же и татары, жившіе въ Тифлисѣ, были подчинены тифлисскому *моураву* (изъ князей Иціановыхъ). Власть мелика и моурава была одинакова, и оба вмѣстѣ они составляли такъ называемое *тифлисское городовое правленіе*, существовавшее только въ одной столицѣ Грузіи. По законамъ, на *мелика* возлагалось: содержаніе купечества въ добромъ порядкѣ и наставленіе его въ правдѣ; наблюденіе за вѣрностію мѣры, вѣса; за продажею безъ обмана и подлога. Онъ обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы торгующіе довольствовались умѣренною прибылью, не заводили ссоръ и не причиняли другъ другу обидъ.

Когда въ Тифлисѣ происходили у купцовъ и мѣщанъ тяжбы объ имѣніи или споры при раздѣлахъ между наслѣдниками, по разсчетамъ торговымъ, также иски вексельные и другія гражданскія дѣла, меликъ созывалъ именитыхъ купцовъ, рѣшалъ дѣла письменнымъ приговоромъ, утверждая его печатью своею, и лицъ, участвовавшихъ съ нимъ при разборѣ дѣлъ. Разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ маловажныхъ меликъ имѣлъ право передавать на разсмотрѣніе и рѣшеніе двухъ или болѣе достойныхъ гражданъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ.

Князь, въ своихъ имѣніяхъ, имѣлъ власть мдиванъ-бека. Онъ давалъ судъ и расправу своимъ крестьянамъ по уложенію царства и по мѣстнымъ обычаямъ, лично или чрезъ своихъ повѣренныхъ, которыхъ могъ имѣть по закону. По преступленіямъ уголовнымъ, первой степени, представлялъ царю, а по насиліямъ второй степени князь дѣлалъ самъ приговоры и вносилъ къ царю на утвержденіе. Денежные сборы отъ дѣлъ, поступавшіе въ казенныхъ имѣніяхъ въ казну, въ помѣщичьихъ принадлежали помѣщику и составляли значительную часть ихъ доходовъ. Князья, имѣвшіе у себя дворянъ, пользовались преимуществомъ, по которому ихъ суду подлежали не только крестьяне дворянскіе, но и сами дворяне, по дѣламъ объ имѣніяхъ. Дворяне эти, владѣя недвижимостію, данною имъ князьями, располагали ею только съ дозволенія своихъ князей и допускаемы были къ закладу и продажѣ имѣній только дворянамъ того же князя, съ тою цѣлію, чтобы, не нарушать округлости вотчины, т. е. чтобы, по обычаю издревле существовавшему, князья не имѣли другъ съ другомъ черезполосныхъ владѣній.

Военное управленіе въ Грузіи распредѣлялось соотвѣтственно слѣдующимъ чинамъ:

1. *Сардаръ*—полный генералъ. Чинъ этотъ былъ самый высшій, и имъ

пользовались наслѣдственно знатнѣйшіе князья Грузіи, въ Карталиніи четыре, а въ Кахетіи одинъ.

2. *Минбаши* или *атасисъ-тави*—тысяченачальникъ. Они находились въ мирное время въ вѣдѣніи сардаря и всегда были готовы на службу. Каждый сардарь имѣлъ своихъ минбашей, соразмѣрно тому числу войскъ, которое могло соединиться подъ его начальствомъ, и потому у нѣкоторыхъ было трое, у другихъ меньше.

Комендантъ тифлисской крѣпости имѣлъ чинъ минбаши; въ другихъ же крѣпостяхъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи моуравовъ, комендантовъ вовсе не было.

3. *Хутасисъ-тави* или *гундиставu*—пятисотенникъ; *асиставu* или *усбаша*—сотникъ; *дасбаши*—начальникъ надъ десятью.

Первое учрежденіе въ Грузіи артиллеріи послѣдовало около 1770 года, при царѣ Ираклiѣ Теймуразовичѣ. Въ это время состояло въ грузинской полевой артиллеріи не болѣе 10-ти орудій и 60-ти рядовыхъ; начальство надъ ними ввѣрено было минбашѣ. Когда возвратился въ Грузію князь Паата Андрониковъ, пріобрѣвшій въ Россіи нѣкоторыя познанія въ артиллерійской наукѣ, то, съ принятіемъ въ свое вѣдѣніе грузинской артиллеріи, онъ пожалованъ царемъ въ чинъ *топчи-баши*—званіе, которое носилъ и самъ царь. Князь Андрониковъ устроилъ въ Тифлисѣ литейный дворъ, на которомъ отливались мѣдныя пушки, мортиры и снаряды. Онъ перелилъ орудія по европейскимъ калибрамъ, увеличилъ число ихъ до 15-ти, а по присоединеніи къ нимъ, въ 1787 году, еще 12-ти орудій, изъ числа 24-хъ, пожалованныхъ въ 1784 году императрицею Екатериною II царю Ираклію, онъ установилъ въ артиллеріи русскіе чины: маіора, капитана, поручика и сержанта. Нижніе чины носили названіе *топчи*, и число ихъ простиралось до 100 человѣкъ. Топчи набраны были изъ русскихъ солдатъ, оставшихся въ Грузіи дезертирами въ бытность тамъ русскихъ войскъ въ 1769—1787 г., и изъ выкупленныхъ царемъ изъ плѣна отъ кавказскихъ горскихъ народовъ. Въ 1794 году, считалось тѣхъ и другихъ 375 человѣкъ; а по выступленіи изъ Грузіи русскихъ войскъ, бывшихъ тамъ въ 1796 и 1797 году, осталось бѣглыхъ около 300 человѣкъ. Большая часть этихъ солдатъ были женаты на грузинкахъ и тамъ водворились. При открытіи русскаго правленія, всѣ изъ нихъ, которые оказались способными къ службѣ, опредѣлены въ учрежденныя въ Грузіи штатныя воинскія команды, по знанію ими грузинскаго языка.

Главный недостатокъ полевой артиллеріи состоялъ въ томъ, что ее возили въ походахъ на вьюкахъ.

Царь Георгій Ираклієвичъ, ввѣривъ артиллерію сыну своему царевичу Іоанну, наименовалъ его фельдцейхмейстеромъ.

Въ штабъ и оберъ-офицерскіе чины артиллеріи производили князей и дворянъ, а унтеръ-офицерами опредѣлялись лица и другихъ сословій.

Сверхъ гражданскаго раздѣленія обѣихъ областей Грузіи, Кахетіи и Кар-

таллиніи, каждой на верхнюю, среднюю и нижнюю, Грузія имѣла еще раздѣленіе военное по сардарьствамъ.

Въ Карталиніи было такихъ округовъ четыре, въ Кахетіи два.

Во всѣхъ карталинскихъ и въ одномъ Кахетинскомъ округѣ главные начальники были сардари; татары же составляли всегда особые корпуса, подъ предводительствомъ своихъ моуравовъ.

Всѣ князья и дворяне, имѣвшіе въ этихъ округахъ помѣстья и крестьянъ, точно также какъ и моуравы государственныхъ, удѣльныхъ и церковныхъ имѣній, въ случаѣ поголовнаго вооруженія, должны были, со своими людьми, присоединяться къ войскамъ своего сардаря. Царь каждый разъ опредѣлялъ, сколько и съ какого участка слѣдовало выставить войска. Люди эти должны были имѣть свое оружіе и запасъ провіанта, на назначенное время, и во все продолженіе войны находились подъ командою своего сардаря. Жители городовъ и мѣстъ неудобныхъ для хлѣбопашества, въ особенности осетины, получали въ походѣ провіантъ отъ царя. По древнимъ грузинскимъ обычаямъ, подчиненные обязаны были подносить своимъ сардарямъ 5-ю часть добычи, пріобрѣтенной на войнѣ.

Сосредоточившись на какомъ-либо пунктѣ, все ополченіе Карталиніи и Кахетіи устраивалось слѣдующимъ образомъ.

Передовой полкъ. Онъ состоялъ: 1) изъ войскъ нижней Карталиніи или Сомхетіи, подъ начальствомъ своего сардаря, князя Орбеліани, у котораго было подъ командою 6 другихъ княжескихъ фамилій; 2) изъ войскъ нижней Кахетіи, т. е. Кизика, подъ начальствомъ сардаря и моурава своего, князя Андроникова.

Большой полкъ. Его составляли: войска карталинскія, изъ селеній находившихся къ сѣверу отъ Тифлиса, по правому берегу Куры, подъ начальствомъ, сардаря князя Циціанова, у котораго подъ командою состояли еще 4 княжескія фамиліи.

Войска верхне-кахетинскія изъ хевсуръ, пшавовъ и тушинъ, подъ начальствомъ моурава князя Челокаева и своихъ деканозовъ [1]. Этимъ полкомъ предводительствовалъ самъ царь.

Правая рука или правое крыло. Этотъ полкъ составляли:

1. Войска средней или собственной Карталиніи, подъ начальствомъ сардаря и своего моурава князя Амилахварова, подъ командою котораго стояли 14-ть фамилій другихъ князей. При этомъ же отрядѣ находился всегда царскій наслѣдникъ; и

2. Войска средней Кахетіи, при нихъ находился архіепископъ Руставельскій. Преимущество это дано издревле архіепископу Руставельскому въ память важной военной услуги, оказанной Грузіи однимъ архіереемъ этой епар-

[1] Деканозъ—лицо духовное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правитель и предводитель народа.

хіи. Войсками начальствовалъ одинъ изъ князей, а архіепископъ поощрялъ ихъ къ храбрости.

Лѣвая рука или лѣвое крыло. Этотъ полкъ составляли: войска верхне-карталинскаго и мухранскаго округовъ и осетины, подъ начальствомъ сардаря князя Багратіона-Мухранскаго, у котораго подъ командою были эриставы ксанскій и арагвскій.

Войска татарскія составляли особый корпусъ, и татары казахскіе, съ своими моуравами, стояли всегда на правомъ флангѣ правой руки, а татары борчалинскіе, съ своимъ моуравомъ, на лѣвомъ флангѣ лѣвой руки.

Во всѣхъ военныхъ предпріятіяхъ царя Ираклія II Теймуразовича, во второй половинѣ XVIII стол., никогда не участвовало болѣе 10,000 человѣкъ. Князья, дворяне, слуги ихъ, кизики, татары и осетины, жившіе по берегамъ рѣкъ Терека, Арагвы и Ксани, служили преимущественно на конѣ, а пѣшими: хевсуры, пшавы, тушины и тѣ изъ земледѣльцевъ, которые не имѣли средствъ содержать въ походѣ лошадей.

Вооруженіе состояло изъ ружей, пистолетовъ, сабель и кинжаловъ. Хевсуры, пшавы и тушины употребляли еще небольшіе щиты. Но бывали въ пѣхотѣ и такіе бѣдняки, которые ходили на войну съ одними деревянными палками.

Такъ какъ продовольствіе не обезпечивалось отъ правительства, то военныя дѣйствія внѣ предѣловъ Грузіи не были продолжительны, въ особенности въ томъ случаѣ, если пропитаніе тамъ не пріобрѣталось отъ непріятелей или союзниковъ.

Русскіе офицеры видѣли неоднократно, какъ грузинскіе воины, израсходовавъ весь свой запасъ провіанта, возвращались домой при началѣ еще компаніи, для снабженія себя хлѣбомъ.

Царь Теймуразъ, желая оградить предѣлы Грузіи отъ хищническихъ вторженій горныхъ народовъ, учредилъ для этого особое военное сословіе, извѣстное подъ именемъ *нокари*, и поставилъ правиломъ, чтобъ изъ казенныхъ, удѣльныхъ, церковныхъ и помѣщичьихъ селеній высылалось на границу, по очередно и на одинъ годъ, 2,000 конныхъ воиновъ. Провіантъ и фуражъ этимъ войскамъ производился отъ казны, а жалованьемъ каждое селеніе снабжало своего воина, платя ему отъ 20 до 40 р. въ годъ.

Царь Ираклій Теймуразовичъ уничтожилъ *нокари*, а въ замѣнъ ихъ устроилъ въ 1773 г. другое ополченіе, подъ именемъ *мориге*, на томъ основаніи, чтобы каждый поселянинъ изъ грузинъ, армянъ или татаръ, имѣющій землю, хлѣбопашество, скотоводство, садоводство и другіе промыслы, отслужилъ одинъ мѣсяцъ въ году на границахъ Грузіи въ назначенномъ царемъ мѣстѣ.

По воинскому уставу царя Ираклія II, изданному въ 1774 году, всѣ состоянія народа подлежали военной повинности. Въ случаѣ вторженія въ Грузію хищныхъ лезгинъ или какого другаго непріятеля, всѣ князья, должностныя

лица, дворяне, крестьяне и бобыли съ каждаго дома, въ свою очередную службу, должны были выступать на встрѣчу врагу. Лица, занимавшіяся торговлею, могли вмѣсто себя нанимать желающихъ и отправлять ихъ на службу.

«Взыскиваемый доселѣ съ крестьянъ, вмѣсто кодиспури, сурсатъ (хлѣбная подать) и вино для войска, сказано въ уставѣ, слагаемъ мы съ тѣмъ, чтобы они таковую въ свою пользу, для очередной военной службы употребляли и тѣмъ свои недостатки восполняли. Мы, кромѣ хлѣбной и винной повинностей, собиравшихся до сихъ поръ съ казенныхъ крестьянъ нашихъ, хлѣба для войска повелѣваемъ ни съ кого не требовать».

Всѣ войска были раздѣлены по мѣсяцамъ, такъ что каждый долженъ былъ, по первому требованію отправляться на службу въ тотъ мѣсяцъ, въ который онъ подлежалъ службѣ. Такія лица въ началѣ назначеннаго имъ мѣсяца и въ срокъ должны были собраться тамъ, гдѣ было указываемо царемъ. Въ противномъ случаѣ, кто въ срокъ не являлся съ своимъ провіантомъ и огнестрѣльными припасами, подвергался наказанію—будетъ ли то князь, дворянинъ или крестьянинъ. Собраннымъ воинамъ и имѣвшимъ для своего продовольствія деньги предоставлялось самимъ заботиться о покупкѣ необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ, а тѣмъ, которые, для собственнаго продовольствія, принесли съ собою готовые продукты: хлѣбъ, вино и ячмень; царь обязывался дать подводы для перевозки за войсками.

«Но такое содержаніе, сказано въ уставѣ, постное и скоромное, кто бы ни былъ—князь-ли, дворянинъ-ли, или крестьянинъ—долженъ имѣть на цѣлый мѣсяцъ собственное: въ противномъ случаѣ, если мы и за сложеніемъ сурсата, будемъ давать провіантъ, то это будетъ обременительно и истощится казна наша. При этомъ всякъ долженъ помнить, что для святой вѣры и закона, для устраненія врага и водворенія тишины въ своемъ отечествѣ и для службы Богу и нашей, никто ничего своего не долженъ щадить».

Отъ похода и очередной службы избавлялись только больные и такія лица у которыхъ, передъ самымъ походомъ, заболѣетъ или умретъ отецъ, мать, сестра или братъ. Тѣ же лица, которыя уличались въ притворствѣ и мнимой болѣзни, подвергались двойному сроку службы.

При слѣдованіи войскъ черезъ селенія, на обязанность сардарей (предводителей войска), минбашей (тысяченачальники) и усбашей (сотники) возложено было наблюдать за тѣмъ, чтобы войска, подъ страхомъ строгаго взысканія, не производили никакихъ грабежей и не брали даромъ ничего у жителей. Послѣднимъ вмѣнено однакоже въ обязанность доставлять фуражъ для лошадей и дрова для войскъ.

Всѣмъ военачальникамъ вмѣнялось въ обязанность осматривать своихъ подчиненныхъ каждую недѣлю и слѣдить затѣмъ чтобы «войско имѣло на цѣлый мѣсяцъ въ запасѣ, въ достаточномъ количествѣ, пули и порохъ. У кого же при осмотрѣ окажется въ оныхъ недостатокъ, того подвергаютъ взысканію».

По распоряженію царя при арміи назначены были лекаря, хирурги и устраивался временный базаръ.

За ослушаніе и неявку на службу князь подвергался штрафу въ 200 р. дворянинъ—100 р., сельскій старшина, нацвалъ, кевха и мамасахлисъ—60 р. Штрафъ этотъ назначался за просрочку одного дня, такъ что кто опоздалъ явиться на службу два дня платилъ въ двое, три — въ трое и т. д.

«Такимъ же образомъ, сказано въ уставѣ, если крестьянинъ въ первый день назначеннаго мѣсяца не явится къ намъ и не покажетъ себя готовымъ къ походу и просрочитъ одинъ день: то его за одинъ день одинъ разъ прогнать *порусски сквозь строй*, за два дня два раза и т. д., а за побѣгъ четыре раза. За отказъ же отъ выхода въ походъ въ свою очередную службу, сопротивленіе начальнику или помѣщику и скрываніе въ лѣсу или гдѣ нибудь, или должны сыскать его и представить къ намъ его односельцы или уплатить за него въ штрафъ 60 р., для раздѣла той дружинѣ, въ которой онъ не будетъ состоять. Если же онъ бѣжавши будетъ скрываться въ другой деревнѣ, у своихъ родственниковъ или свойственниковъ, или будетъ скрывать его деревня, то они должны представить его къ намъ и заплатить въ штрафъ 60 р.; также должно поступить съ тѣмъ семействомъ, которое будетъ скрывать у себя бѣглеца и съ тѣмъ селеніемъ, которое приметъ его къ себѣ».

Если лица подвергавшіяся штрафу, за уклоненіе отъ военной повинности, не могли уплатить его даже и за продажею всего имущества, то взысканіе замѣнялось соотвѣтствующимъ наказаніемъ. Такъ князь заковывался въ кандалы и сажался на одинъ мѣсяцъ въ темницу, гдѣ содержался на хлѣбѣ и водѣ, но при этомъ полагалось давать извѣстное количество вина. Дворянинъ несостоятельный для уплаты штрафа, наказывался ста палочными ударами и содержался въ темницѣ на тѣхъ же условіяхъ какъ и князь.

«Каждый воинъ оказавшій неповиновеніе начальству подвергается тѣлесному наказанію, долженъ быть связанъ цѣпями и забитъ въ колодки.

«Взыскиваемый доселѣ съ деревень, писалъ царь, гостинецъ для насъ и для свиты нашей, исключая гостинца для угощенія иностранцевъ, слагаемъ съ оныхъ, по той причинѣ, что когда мы бывали въ Карталиніи и Кахетіи, слѣдовали за нами многіе коммисіонеры, и черезъ нихъ жители терпѣли притѣсненія. Послучаю же сего новаго для войска учрежденія, таковый гостинецъ, каждый вызываемый въ чередную службу человѣкъ долженъ употреблять въ свою пользу».

«Если по обстоятельству дѣла случится намъ ѣхать въ какое либо мѣсто нашего царства, кромѣ военныхъ случаевъ, то изъ учрежденной арміи, сколько намъ угодно будетъ человѣкъ столько и должны провожать насъ.» Всѣмъ должностнымъ лицамъ и свитѣ сопровождающей царя вмѣнено въ обязанность ограничиться самымъ необходимымъ числомъ прислуги, для которой царь самъ доставлялъ содержаніе. «Но въ какое селеніе ни прибудемъ, писалъ Ираклій II, оно должно приготовить намъ содержаніе, въ скоромные дни—

скоромное, а въ постные дни, постное съ виномъ; для содержанія же лошадей повелѣваемъ: съ половины апрѣля до октября, не требовать ячменя, а съ половины октября до исхода марта требовать, по двѣ и три литры (литра 9 фунтовъ), равно и тогда, когда случится намъ остаться въ селеніи два дня; конвойные же люди должны имѣть собственное содержаніе, такъ какъ они берутся изъ арміи, которой повелѣно имѣть свое содержаніе на цѣлый мѣсяцъ».

Таковы были главныя основанія воинскаго устава въ Грузіи. Царь Ираклій II, сознавая, что только при справедливости требованій и одинаковой обязательности исполненія этого устава всѣми сословіями народа, онъ можетъ принести значительную пользу государству, оговорилъ въ немъ, что не допускаетъ изъятій въ немъ ни для мамушекъ, ни для бабушекъ, ни для нѣжныхъ сынковъ и племянниковъ.

«Да будетъ всѣмъ малому и великому извѣстно, писалъ царь [1], что какъ нельзя измѣнить закона вѣры, такъ и сего воинскаго устава отмѣнить или облегчить въ чемъ либо нельзя, и ни мы, ни сыновья наши, не можемъ даровать провинившемуся ни какой пощады. Духовное лице или знаменитый князь, дворянинъ или крестьянинъ, или почетная женщина, принявши на себя ходатайство объ отмѣнѣ изъ онаго чего либо, какого бы почтенія и уваженія ни былъ, будетъ виновенъ и подвергнется отвѣтственности душею и тѣломъ».

Отъ этой воинской повинности освобождались только осетины, хевсуры, пшавы, тушины и другіе горскіе жители, жившіе на границахъ, въ сосѣдствѣ хищныхъ народовъ, требовавшихъ постоянной защиты и охраны. Такого ополченія въ одну очередь собиралось до 5 т. человѣкъ при князьяхъ, тысяченачальникахъ, пятисотникахъ и сотникахъ. Войска эти частію были конныя, частію пѣшія и всѣ на собственномъ содержаніи. Въ случаѣ нужды соединяли двѣ и три очереди вмѣстѣ.

Изъ этихъ отрядовъ содержались караулы, человѣка по четыре въ каждомъ, изъ людей надежныхъ и знающихъ всѣ скрытнѣйшія мѣста, чрезъ которыя проникали въ Грузію лезгины изъ Ахалцыха и другихъ мѣстъ. По своей малочисленности, караулы могли укрывать себя весьма удобно и при появленіи лезгинъ тотчасъ извѣщали отряды и ближайшія селенія.

Для возбужденія въ подданныхъ усердія къ охраненію отечества, царь Ираклій Теймуразовичъ находился самъ ежегодно одинъ мѣсяцъ на стражѣ. Примѣру его послѣдовали царевичи, и служба эта скоро стала почетною, такъ сказать, аристократическою, хотя не надолго. Старшій сынъ Ираклія II, Георгій, первый подалъ поводъ къ ослабленію этого учрежденія неисполненіемъ своей очереди. Тогда и прочіе царевичи, а потомъ и князья, избѣгая

---

[1] Воинскій уставъ царя Ираклія II. Зак. Вѣст. 1848 г. № 28 и 29.

исполненія этой обязанности, скоро совершенно уничтожили это учрежденіе. Въ послѣдніе годы жизни престарѣлаго Ираклія, при раздробленіи Грузіи на удѣлы между царевичами, мало уважавшими повелѣнія царя, Грузія была поставлена въ такое положеніе, что царь, по опустошеніи Тифлиса Агою-Магометъ-ханомъ въ 1795 г., не имѣя средствъ оградить страну отъ хищничества горскихъ народовъ, рѣшился содержать у себя по найму отъ 5 до 10 т. лезгинъ. Ихъ продовольствовали припасами, взятыми у народа чрезвычайными поборами. Въ такомъ положеніи получилъ Грузію и царь Георгій XII; хотя бѣдствія страны извнѣ, казалось, и уменьшились, но за то наемные лезгины производили безнаказанно ужасные грабежи, пока не прибыли въ Грузію русскія войска.

ИМЕРЕТИНЫ, МИНГРЕЛЬЦЫ И ГУРІЙЦЫ.

I.

Природа Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. — Богатство растительности. — Климатическія особенности. — Дома туземцевъ.

Берегъ Чернаго моря, начиная отъ р. Ингура и до границы нашей съ Турціею, занятъ мингрельцами и гурійцами. Пространство, заключенное р. Ингуромъ, нижнимъ теченіемъ р. Ріона, до впаденія въ него р. Цхенисъ-Цхали, и правый берегъ этой послѣдней рѣки, населены мингрельцами. Рѣка Ріонъ отдѣляетъ Мингрелію съ юга отъ Гуріи, съ востока отъ Имеретіи.

Гурія прилегаетъ на югѣ къ Турціи, отъ которой отдѣляется небольшимъ горнымъ ручьемъ Чолокою (иначе Антопурою) и горами Чальякретами, а съ востока прилегаетъ частію къ Ахалцыхскому уѣзду, а частію къ Имеретіи. Послѣдней принадлежитъ все пространство между лѣвымъ берегомъ р. Цхенисъ-Цхали, Сванетіею и Грузино-Имеретинскимъ хребтомъ горъ, отдѣляющимъ Имеретію отъ Грузіи.

Вся область Имеретіи имѣетъ три различныхъ климата. Возвышенныя мѣста, равнины и небольшія плоскости на горахъ, примыкающихъ къ главному Кавказскому хребту, словомъ, полоса, занятая Рачинскимъ участкомъ, имѣетъ климатъ умѣренный. Природа здѣсь величественна, но угрюма; съ горъ, поросшихъ высокими соснами, березами и чинарами, сбѣгаютъ частые и шумные водопады; рожь, ячмень и овесъ составляютъ главныя произведенія земли; виноградъ попадается рѣдко и не вызрѣваетъ. Подымаясь еще выше къ главному хребту, встрѣчается вѣчная осень и зима. Большая же часть населенія живетъ въ долинахъ, между горъ, въ защитѣ лѣсовъ и пользуется пріятнѣй-

шимъ и теплымъ климатомъ. Здѣсь ростетъ сарачинское пшено, шелковица, виноградъ и множество разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Третья полоса, составляющая собственно бассейнъ Ріона—жаркая, влажная и поражающая своею растительностію. Здѣсь двѣ весны. Трава, выжженная солнцемъ во время лѣта, снова ростетъ и покрывается цвѣтами осенью. Здѣсь туземецъ живетъ даромъ, не снискивая себѣ пропитанія въ потѣ лица.

Оттого въ нижней, подгорной Имеретіи, женщины не занимаются никакой земледѣльческой работой. Въ полѣ работаютъ мужчины, не смотря на свою лѣнь. Женщины же послѣ срѣзанія хлѣба, выходятъ на поля и подбираютъ оставшіеся на нивѣ колосья, которые и жертвуютъ или въ пользу церкви, или причта. Напротивъ того, въ верхней или горной Имеретіи, въ мѣстахъ гористыхъ и суровыхъ, гдѣ земля не такъ плодородна или недостаточна для продовольствія, по малому ея количеству, особенно въ Рачѣ, работаютъ все одни женщины, а мужья ихъ отправляются на заработки къ сосѣдамъ. Среди высшаго сословія, домашнее хозяйство все лежитъ на попеченіи женскаго пола.

Природа большей части равнины Имеретіи очаровательна, а растительность и еще того больше. Многіе мѣста утопаютъ въ зелени и цвѣту рододендроновъ,— растеній весьма рѣдкихъ, даже и въ оранжереяхъ, а здѣсь имѣющихъ значеніе простаго хвороста, которымъ огораживаютъ сады, или плетутъ курятники.

Поднявшись на возвышенность, а тѣмъ болѣе на возвышенную гору, виды одинъ другаго восхитительнѣе смѣняются передъ глазами наблюдателя. Роскошная растительность видна повсюду; запахъ ацалей и миндаля, плющъ и боярышникъ выглядываютъ изъ-за зелени. Тамъ по оврагу бѣжитъ ручей, а тутъ изъ-подъ ногъ густаго лѣса, стоящаго по отвѣсу, какъ будто роскошный лиловый коверъ, разстилаются великолѣпные цвѣты рододендрона, перемѣшаннаго съ своею лоснящеюся и темною зеленью. Издали журчитъ кой-гдѣ невидимый нагорный источникъ, да у самаго экипажа распѣваютъ соловьи перелетая съ вѣтки на вѣтку. Узкая дорожка, вырѣзанная въ склонѣ горы, вьется по обрывамъ, и изъ отвѣсныхъ уступовъ горъ бьетъ чистый родникъ, сбѣгая въ подставленный желобокъ, и стоитъ только протянуть руку со стаканомъ, чтобы достать себѣ чистой и холодной воды. Густая и ароматная струя воздуха, живительно дѣйствуетъ на организмъ. Съ наступленіемъ ночи, картина еще болѣе принимаетъ фантастически-очаровательный колоритъ,— когда весь лѣсъ наполняется маленькими, порхающими вокругъ огоньками. Миріады летающихъ мушекъ съ фосфорическими свѣтящимися желудками, какъ будто микроскопическія лампадки, наполняютъ весь воздухъ и лѣсъ. Они храбро усаживаются на гривы лошадей, на спину ямщика, залетаютъ въ экипажъ, и рѣя повсюду и описывая свѣтящіяся голубоватыя линіи, даютъ путнику волшебный видъ на яву.

Сосѣдняя съ Имеретіею—Мингрелія, по характеру мѣстности, раздѣляется: на горную и низменную.

Первая простирается по границамъ Сванетіи, и доходитъ до Рачинскаго участка въ Кутайской губерніи, а низменная соединяется съ Гуріею, и тянется потомъ до самаго Чернаго моря.

Климатъ верхней Мингреліи пріятенъ, повсюду здоровъ и почва плодородна. Нижняя Мингрелія, болѣе поросшая лѣсомъ, изобилуетъ болотами и топями, никогда не высыхающими, и потому климатъ ея нездоровъ и тяжелъ, даже для самихъ туземцевъ: горячка, цынга и лихорадки существуютъ въ этихъ мѣстахъ почти постоянно. Природа такъ обильно расточаетъ свои блага на жителей, что мингрельцу предстоитъ только одинъ трудъ собирать въ свою житницу то, что дастъ ему почва, безъ всякаго труда и заботъ съ его стороны.

Если взглянуть на Мингрелію à vol d'oiseau, то она представится сплошнымъ густымъ лѣсомъ, среди котораго лишь изрѣдка попадаются пространства, покрытыя кустарникомъ и папоротникомъ. Но болѣе пристальный взглядъ обнаружитъ, что большая часть пространства, кажущагося лѣсомъ, покрыто виноградными и фруктовыми садами, скрывающими въ себѣ жилища туземцевъ, разбросанныя въ поэтическомъ хаосѣ на значительномъ между собою разстояніи, такъ что одна какая-нибудь деревушка тянется на нѣсколько верстъ. Каждый имѣетъ близь и вокругъ своей сакли виноградникъ, пашни и пастбища. Селенія представляютъ почти неразрывную связь между собою.

Смастеривъ себѣ кое-какъ и на скоро хижину, подъ тѣнью гигантскаго орѣшника, туземецъ ожидаетъ только когда созрѣютъ его плоды, и собираетъ ихъ часто такое количество, что на вырученныя отъ продажи деньги, можетъ легко просуществовать цѣлый годъ. Этотъ же орѣшникъ или чинаръ защищаетъ его жилище отъ вѣтра и дождя, а подъ его тѣнью находится вся усадьба и все хозяйство туземца.

Засѣявъ въ полѣ гоми и кукурузу, мингрелецъ мѣстами получаетъ отъ первой отъ 70 до 100 зеренъ прибыли, а отъ кукурузы бываютъ урожаи въ 2 и 3 т. зеренъ. Растительность вообще такъ богата, что можно подъѣхать къ деревнѣ, въ которой считается до 200 домовъ, и видѣть передъ собою только одинъ домъ. Такое богатство природы способствуетъ къ сохраненію жителями первобытнаго состоянія младенствующихъ племенъ. Лѣнь, развитая до высшей степени, сдѣлала мингрельца способнымъ только вспахать себѣ поле, да сшить одежду, но многіе изъ нихъ ходятъ босыми зимою и лѣтомъ. «Часто въ Редутъ-Кале приходятъ мингрельцы, принося на продажу куръ, зелень, орѣхи, каштаны и т. п., зимою при 3° и 5° мороза. Отправляясь на рынокъ босикомъ, мингрелецъ несетъ подъ мышкою клочекъ сѣна; останавливаясь на мѣстѣ для продажи своего товара, онъ бросаетъ подъ одну ногу сѣно, чтобы нога не примерзла къ камнямъ, другую поднимаетъ какъ гусь и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ продажу; тогда по-

добравъ сѣно, онъ идетъ дальше». Точно такой же способъ отогрѣванія ногъ употребляется въ Имеретіи и Гуріи (1).

На небольшомъ пространствѣ Мингреліи, можно встрѣтить и море, и горы значительной высоты, долины, зеленѣющія безконечными виноградниками, и гряды скалъ, увѣнчанныя замками и храмами. Тутъ есть и нѣжные плоды роскошнаго юга, и дары суроваго сѣвера. Вся Мингрелія представляетъ собою непрерывный садъ, въ которомъ около каждаго дерева вьется виноградная лоза, съ тяжелыми гроздями. Перекидываясь часто съ дерева на дерево, виноградныя лозы образуютъ естественныя качели, на которыхъ женщины сидя качаются. Повсюду раздаются веселыя восклицанія карабкающихся на деревья и кидающихъ въ большія корзины кисти винограда, насаженнаго самою природою и не требующаго отъ туземца никакого ухода. Отъ времени до времени, раздается пронзительное мингрельское ауканье, рѣзко отдѣляющееся отъ журчанія ручейковъ и шума рѣкъ. Въ Мингреліи какой-то свой особый шумъ. Въ немъ участвуютъ «и люди, и потоки, и деревья, и насѣкомыя, и лѣсные звѣри, и голоса ихъ сливаются въ какой-то странный убаюкивающій голосъ... Кое гдѣ изъ подъ густаго навѣса деревьевъ, перевитыхъ плющемъ и виноградными лозами, показывается сакля, и у плетня, глядя на васъ, группируются двѣ или три женщины, бѣлокурыя съ большими голубыми глазами, съ гибкимъ стройнымъ станомъ».

Небольшое пространство Гуріи, лежащее на берегу Чернаго моря и составляющее Озургетскій уѣздъ Кутайской губерніи, имѣя весьма много общаго съ сосѣдними ей Мингреліею и Имеретіею, отличается вредностью своего климата.

Вся страна покрыта густыми лѣсами, во многихъ мѣстахъ не проходимыми. Почва ея обладаетъ необыкновенною силою растительности: трава и деревья достигаютъ значительныхъ размѣровъ. Пахатное поле въ нѣсколько лѣтъ заростаетъ такъ густо, что обращается въ лѣсъ. Кукуруза своимъ ростомъ закрываетъ всадника и самыя нѣжные плоды и растенія встрѣчаются въ лѣсу въ естественномъ видѣ; шелковичныхъ деревьевъ цѣлыя лѣса.

Зато климатъ повсюду сырой и почва болотистая, такъ что почти въ каждой деревнѣ встрѣчаются люди безъ рукъ, безъ ногъ и въ вѣчной лихорадкѣ. Сырость почвы такъ велика, что если въ саклѣ начнутъ разводить на землѣ огонь, то онъ часто тухнетъ отъ притока къ нему грунтовой воды и потому, чтобы предупредить это, туземцы въ землю подъ очагомъ врываютъ глиняный горшокъ, стѣны котораго не пропускаютъ влажность (2).

Домъ простаго гурійца деревянный, безъ оконъ съ однимъ отверстіемъ въ

---

(1) Путешествіе отъ Одесы до Тифлиса въ 1847 г. Кавк. 1849 г. № 13. Селеніе Мухури В. Цвѣткова Кавк. 1851 г. № 32.

(2) Изъ записокъ о Гуріи Н. Дункель Веллингъ Кавк. 1853 г. № 77. Кутаисъ въ настоящее время. Кавказъ 1860 г. № 54. Съ дороги. Кавказъ 1861 г. № 74. Путешествіе отъ Одесы до Тифлиса. Кавк. 849 г. № 15. Возвращеніе. Кавказъ 1852 г. № 76.

потолкѣ, замѣняющимъ и трубу и окно; посреди комнаты разложенъ очагъ, который и грѣетъ и кормитъ гурійца, дымъ выходитъ частію въ потолочное отверстіе, частію въ двери. У высшаго класса дома строятся по европейской архитектурѣ.

Жилища имеретинскихъ князей строятся въ два этажа, большею частію каменныя, покрытыя тесомъ или дранью, со многими службами для помѣщенія прислуги. Имеретинскія деревни, монастыри и церкви раскинуты на горахъ и по холмамъ, между обширными и тучными полями. Имеретинъ точно также какъ мингрелецъ и гуріецъ любитъ просторъ, хочетъ чтобы подъ рукою около его дома была пашня, виноградники, шелковица и фрукты. Обширный дворъ имеретина обсаженъ деревьями; поодаль отъ дома небольшая пристройка *бегели*—амбаръ для проса, гоми, кукурузы и ячменя, а у помѣщиковъ сверхъ того кухни, конюшни, овчарни и проч. Отъ этого деревни тянутся на большое пространство и часто одна деревня сливается съ другою. Вся Нижняя Имеретія, можно сказать, составляетъ одно громадное селеніе, гдѣ жители, окруженные со всѣхъ сторонъ садами, живутъ какъ на дачахъ.

Имеретинъ даже и не богатый не живетъ въ саклѣ съ плоскою крышею, но имѣетъ досчатый домъ въ полтора этажа, крытый тесомъ или соломою; крыша имѣетъ остроконечный видъ и спускаясь низко, образуетъ надъ стѣнами навѣсъ, подъ которымъ обыкновенно вокругъ всего дома устраивается балконъ.

Балконы бываютъ большею частію широки, украшаются рѣзьбою, столбами и составляютъ лучшую часть помѣщенія туземца, въ особенности когда они бываютъ обвиты виноградными лозами. Балконъ—лучшая пріемная для гостей и любимое помѣщеніе для семейства. «Тутъ постоянно можно видѣть и работающихъ женщинъ и играющихъ дѣтей и разряженныхъ въ праздничные дни имеретинокъ. Балконы здѣсь тоже что плоскія крыши въ старомъ Тифлисѣ».

Имеретинъ не сидитъ поджавши ноги какъ грузинъ, но сидитъ на креслахъ и скамьяхъ хотя первобытнаго и грубаго устройства. Онъ не пьетъ вина азарпешею и кулою, а пьетъ его глинянымъ или оловяннымъ бокаломъ. Имеретины очень любятъ роскошь, но пользуются ею страннымъ образомъ: женщины одѣваются въ богатѣйшія платья, а ходятъ босикомъ; полы устилаютъ отличными коврами, а стѣны кое-какъ побѣлены (1). Конечно, все это относится до людей средняго и бѣднаго класса населенія. Богатые имеретины живутъ несравненно лучше и чище своихъ бѣдныхъ собратій. Внутри дома богатаго убранство комнатъ довольно красиво: широкія тахты изъ прекраснаго дерева, потолки, по большей части рѣзные, имѣютъ иногда четыреугольный куполъ съ разными украшеніями, большіе широкіе камины въ ком-

---

(1) Путешествіе отъ Одесы до Тифлиса. Кавк. 1849 г. № 15. Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавк. 1857 г. № 77. Карт. Кавк. края, Зубова, ч. IV, 246. Разсказы о Кутаисѣ, Кавказскій календарь на 1853 годъ.

натахъ напоминаютъ средніе вѣка и дѣлаются изъ гладко тесаннаго камня, на которомъ выводятся разныя красивыя арабески.

Хорошъ и красивъ такой домъ лѣтомъ, но зимою жить въ немъ нѣтъ возможности и въ этомъ конечно виноватъ способъ постройки.

Поставивъ нѣсколько столбовъ, на нихъ кладутъ перекладины, а потомъ стелятъ доски—это и фундаментъ и полъ. На трехъ четвертяхъ этого пола сколачиваютъ изъ тонкихъ досокъ родъ сундука или ларя, въ которомъ прорубаютъ окна и двери, а на остальномъ пространствѣ устраиваютъ галлерею. Покрывъ все это остроконечною крышею изъ драни, имеретинъ считаетъ свой домъ оконченнымъ. Такой домъ выходитъ рѣшетчатымъ, ажурнымъ.

«Мнѣ случилось жить въ такомъ домѣ, говоритъ авторъ разсказовъ о Кутаисѣ. Осенью я имъ любовался; балконъ у меня былъ увитъ виноградными лозами, въ комнатахъ всегда такой свѣжій воздухъ, сквозь обои проницали пурпуровые лучи восходящаго и заходящаго солнца, черезъ полъ я отдавалъ приказанія людямъ, которые слышали внизу малѣйшее мое слово, на потолкѣ щели свѣтились какъ звѣздочки, но когда наступили холода, пошли морозы, подулъ зимній вѣтеръ — я не зналъ гдѣ отыскать теплый уголъ».

Зажиточный мингрелецъ строитъ домъ изъ досокъ, покрываетъ его соломою и въ тѣхъ отдѣленіяхъ, въ которыхъ принимаются гости, устраивается деревянный полъ и потолокъ. Бѣдные живутъ въ шалашѣ, сплетенномъ изъ гибкихъ древесныхъ прутьевъ съ конусообразною крышею. Такой домъ имѣетъ снаружи видъ корзины, свободно продуваемой вѣтромъ. Зимою онъ обшивается вокругъ соломою и нагрѣвается устроеннымъ въ полу очагомъ или каминомъ.

Уголъ комнаты направо отгороженъ перекладиною, прямо противъ дверей чернѣетъ каминъ или очагъ съ тусклымъ огонькомъ, налѣво рядъ ясель, а за ними буйволы, огромныя морды которыхъ въ полусвѣтѣ представляютъ что-то фантастическое. Они безсмысленно устремляютъ глаза на вошедшаго, жуя жвачку и скрежеща зубами. Рѣзкій аміачный запахъ наполняетъ комнату.

Въ саклѣ только дверныя части и самыя двери дѣлаются изъ толстыхъ каштановыхъ досокъ; остальные матеріалы какіе попало, а крыша изъ камышу и рѣдко изъ драни.

Комната низка, покрыта потолкомъ изъ деревянныхъ перекладинъ съ наложеннымъ на нихъ хворостомъ, а сверху землею, которая то и дѣло сыплется въ глаза. Въ потолкѣ продушина для выхода дыму. Мингрельцу построить домъ ничего не стоитъ. Необходимо только выкопать въ землѣ яму, глубиною аршина на два, а шириною какую вздумается, обложить стѣны ея камнемъ; въ одной стѣнѣ, обращенной къ скату сдѣлать входъ и тогда мокрота не потечетъ внутрь дома. Все выкопанное пространство раздѣлить на

двѣ половины: на одной супруга и семейство, на другой—лошадь и рогатый скотъ; обѣ половины покрыть землею и хата готова [1].

Обрубокъ дерева и доска вмѣсто стола замѣняютъ мингрельцу мебель; двѣ-три чашки изъ чинароваго дерева и глиняные кувшины составляютъ всю его посуду.

Вся усадьба мингрельца состоитъ изъ сакли или шалаша и двухъ-трехъ амбарчиковъ, также плетеныхъ, огороженныхъ заборомъ изъ колючки, представляющей непроницаемую защиту отъ звѣря и человѣка.

Подлѣ дома устраивается иногда скотный дворъ — это просто большой огороженный лугъ, наполненный домашними животными.

Такъ туземецъ жилъ изстари, такъ онъ живетъ и теперь. Въ холодную пору на очагѣ горитъ постоянный огонь, среди комнаты на земляномъ полу. Топливомъ запасаются безъ всякаго разбора, такъ что жители очень часто срубаютъ на дрова фруктовыя деревья, строевой лѣсъ и проч., что только не составляетъ въ ихъ глазахъ особой необходимости для другихъ хозяйственныхъ потребностей.

II.

Характеръ Имеретинъ, Мингрельцевъ и Гурійцевъ и ихъ одежда. — Гостепріимство. — Пища туземцевъ.

Составляя одинъ народъ по вѣрѣ и языку съ грузинами, имеретины, мингрельцы и гурійцы имѣютъ одинаковые нравы и обычаи. Не повторяя всего сказаннаго о грузинахъ, и въ равной степени относящагося до всѣхъ жителей Ріонской долины, мы коснемся только тѣхъ незначительныхъ особенностей, которыя составляютъ исключительную принадлежность этихъ трехъ поколѣній грузинскаго народа.

Имеретинки большею частію брюнетки и при томъ стройны, но не выдѣляются своею красотою передъ мужчинами, которые если не превосходятъ ихъ, то и не уступаютъ въ красотѣ.

Мужчины преимущественно средняго роста, въ лицѣ ихъ болѣе пріятности, чѣмъ правильности.

Почти всѣ мужчины носятъ или бороду или усы, причемъ къ послѣднимъ они имѣютъ особое влеченіе. Туземецъ страшный защитникъ не только

(1) Путевыя замѣтки по Мингреліи и Гуріи М. Мансурова. Закавк. Вѣс. 1854 г. № 26.

своихъ усовъ, но и каждаго отдѣльнаго волоса; нѣкоторые оставляли службу изъ-за того только, что приходилось сбрить усы.

— Какой же совѣстливости ожидать отъ человѣка, говорятъ имеретины, у котораго нѣтъ ни бороды, ни усовъ.

Имеретины закручиваютъ и заворачиваютъ на ночь свои усы въ *саулваши*—особаго рода наусники.

Вотъ что разсказываютъ туземцы по поводу своихъ усовъ.

Какой-то имеретинъ попался въ плѣнъ къ горцамъ и не имѣя средствъ выкупиться, обратился съ просьбою къ своему владѣльцу отпустить его домой.

— Знаешь что, хозяинъ, говорилъ имеретинъ, меня не выкупаютъ; отпусти домой. Вотъ тебѣ въ залогъ волосъ изъ моихъ усовъ. Пойду, буду просить милостыню и собравши деньги сколько ты назначишь, принесу тебѣ и выкуплю свой волосъ.

Хозяинъ взялъ у него волосъ, посмотрѣлъ на него, завернулъ и спряталъ.

— Ну, Аллахъ тебѣ помоги! проговорилъ онъ; иди—да смотри!

Пошелъ имеретинъ домой, собралъ сумму, но далеко не ту, которая была назначена. Онъ такъ цѣнилъ волосъ своего уса, что ни за что не хотѣлъ оставлять его въ рукахъ горца и потому рѣшился идти добровольно въ неволю, чтобы только выручить свой усъ.

Придя въ горы онъ разсказалъ своему хозяину все дѣло, какъ было.

Горецъ, не долго думая, вынулъ изъ-за пазухи завернутый въ тряпку волосъ, отдалъ его имеретину и не взявъ съ него денегъ, отпустилъ домой.

Этотъ анекдотъ, хотя и вымышленный, хорошо рисуетъ привязанность имеретина къ своимъ усамъ. Туземецъ, сбрившій усы, подвергается насмѣшкамъ и эту операцію допускается произвести только при потерѣ родственника въ знакъ глубочайшаго траура.

Будучи добръ, ласковъ, обходителенъ, имеретинъ невѣжественъ и страшный охотникъ до процесовъ и тяжебъ всякаго рода. Рѣдкій изъ жителей не тягается съ сосѣдомъ за свою землю, рѣдкій крестьянинъ не споритъ съ помѣщикомъ за повинности и почти нѣтъ князя или дворянина, который бы не имѣлъ наслѣдственныхъ враговъ «по процесу, подобно тому, какъ въ Дагестанѣ имѣютъ наслѣдственныхъ враговъ по кровомщенію». Разница только въ томъ, что въ Дагестанѣ враги тѣшились кинжалами, а здѣсь бумагою, перомъ и чернилами. Среди населенія явились подъячіе, ябедники и законники, которыхъ всѣ боятся, которымъ низко кланяются и ищутъ знакомства и расположенія какъ у людей необходимыхъ и до нѣкоторой степени полезныхъ. Такіе люди пользуются извѣстностію, обираютъ добродушныхъ поселянъ и живутъ на ихъ счетъ припѣваючи. Это благосостояніе крючкотворцевъ заставило многихъ молодыхъ людей, даже и хорошей фамиліи, добиваться должности писца какъ почетнаго званія, при помощи котораго каждый разсчитываетъ на лишнюю копѣйку, на вѣрный источникъ дохода.

Разсчеты ихъ болѣе чѣмъ вѣрны, потому что ни одинъ поселянинъ не

пройдетъ мимо присутственнаго мѣста безъ того, чтобы не завернуть туда, не взять какой-нибудь справки или не попросить написать просьбу.

Пріѣхавъ на базаръ и выручивъ хорошіе барыши отъ продажи своихъ продуктовъ, крестьянинъ не прокутитъ ихъ, не купитъ обновы, а зайдетъ въ казначейство и возьметъ гербовой бумаги.

— На что тебѣ эта дрянь? скажетъ ему добрый человѣкъ односелецъ.

— Какъ на что? отвѣтитъ онъ—это вещь нужная; она всегда пригодна, даже въ праздникъ можно подарить родственнику, да кромѣ того я и самъ думаю подать просьбу; нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ писаки, такъ, недорогаго абаза (20 коп.) за три съ листа?

— Какъ не быть — ихъ какъ собакъ. Да вѣдь ты недавно подавалъ просьбу.

— А какъ недавно! мѣсяца три будетъ, тогда отказали, а теперь можетъ быть и не откажутъ.

— Почему-жъ не откажутъ?

— А потому, что у насъ начальникъ новый. Авось не откажетъ, а откажетъ, такъ пойду жаловаться губернатору; губернаторъ откажетъ, пойду къ намѣстнику, а тамъ подамъ просьбу въ сенатъ, а сенатъ откажетъ, тогда утоплюсь или надѣну на шею *сабели* (крученая веревка, изображающая висѣлицу) и опять пойду къ намѣстнику.

Не смотря на столь большую охоту къ сутяжничеству, имеретины въ сущности весьма добродушны и честны.

Мингрельцы имѣютъ черты лица нѣжныя и болѣе женственныя. Мужской красоты въ нихъ нѣтъ, зато типъ мингрельской женщины—одинъ изъ изящнѣйшихъ въ свѣтѣ; даже женщины изъ крестьянскаго сословія и тѣ поражаютъ своею красотою. Въ Мингреліи нѣтъ особаго типа; здѣсь одинаково попадаются и брюнетки и блондинки. Правда, они не такъ красивы какъ сосѣдки ихъ гурійки, но стройный ростъ, умныя выразительныя лица, миловидныя головки, длинныя и шелковистыя волосы, вьющіеся по плечамъ, и правильныя роскошныя формы тѣла—приковываютъ вниманіе. Движенія ихъ смѣлы, граціозны, страстны и высказываютъ вполнѣ окружающую ихъ природу, «которая истощила всѣ свои прелести на эти чудныя созданія».

Мингрелецъ, мужчина, чрезвычайно способенъ, воспріимчивъ, упрямъ и мстителенъ, но въ обращеніи скроменъ и вкрадчивъ; на мингрельца слишкомъ трудно положиться и повѣрить на слово, тогда какъ гуріецъ, напротивъ того, гордится выполненіемъ даннаго обѣщанія. Воровство, сильно развитое въ Мингреліи, составляетъ главный порокъ, глубоко проникнувшій въ среду народа и составляющій исключительную особенность мингрельцевъ.

Воровство преимущественно распространяется на скотъ и въ особенности на лошадей и въ этомъ отношеніи мингрельцы ловки до чрезвычайности. Они не могутъ равнодушно смотрѣть на чужаго коня и въ особенности когда онъ гуляетъ на свободѣ.

— Попалъ мингрелецъ въ рай, говорятъ имеретины, но увидавъ тамъ отличнаго катера (мула), принадлежащаго Николаю Чудотворцу, прогуливающагося на свободѣ и щиплящаго траву, не выдержалъ—укралъ и далъ тягу изъ рая.

Туземный конокрадъ употребляетъ множество ухищреній для укрытія похищенной лошади. Онъ поведетъ ее оврагами, балками, лѣсомъ и даже по руслу рѣки, чтобы избѣжать преслѣдованія, или подучитъ пастуха гнать за нимъ стадо овецъ, для того, чтобы затоптать слѣды украденаго коня, который въ двѣ или три ночи даже и изъ Имеретіи попадетъ въ Абхазію. Мингрельскій воръ подкуетъ ворованную лошадь подковами задомъ на передъ, такъ что кажется она бѣжитъ по направленію къ сѣверу, а она бѣжала на югъ; онъ подстелетъ нѣсколько бурокъ и станетъ мѣнять ихъ подъ ногами лошади, чтобы провести ее незамѣченную на разстояніи полуверсты и болѣе въ противуположную сторону. Конокрадствомъ занимались почти всѣ сословія, не исключая духовенства. Занятіе это доведено здѣсь до художества. Самому простому и неопытному вору ничего не стоитъ провезти мясо уворованной коровы въ винномъ кувшинѣ, установленномъ на арбѣ, или зарѣзанную корову въ видѣ покойника, со всею траурною обстановкою, слѣдуя за арбою съ плачемъ и оханьемъ, будто бы по случаю потери любимаго родственника. Еще легче ему справиться съ козою. Онъ сажаетъ ее къ себѣ на лошадь, ее окружаютъ товарищи по ремеслу и чтобы скрыть блеянія животнаго, вся компанія «вторитъ ей хоромъ въ родѣ абхазской пѣсни. Въ послѣднемъ случаѣ коза бываетъ въ роли запѣвалы».

Воровство въ Мингреліи не считается постыднымъ и ведется издавна. Говорятъ, что одинъ изъ мингрельскихъ азнауровъ укралъ у Андрея Первозваннаго, бывшаго здѣсь для проповѣди слова Божія, сандаліи, которыя апостолъ собравшись отдохнуть, повѣсилъ на дерево. Потомки этого азнаура не обижаются этимъ поступкомъ и доказываютъ тѣмъ древность своего дворянскаго происхожденія. Большинство же жителей сознаетъ свой порокъ и называетъ вора словомъ *махенджи*—уродъ, доказывающимъ, что въ народѣ есть инстинктъ къ добру и задатокъ хорошихъ нравственныхъ началъ.

Типъ гурійцевъ значительно отличается отъ имеретинъ и мингрельцевъ. Причиною такого измѣненія одного и того же грузинскаго племени — было вліяніе природы и сосѣдство турецкихъ племенъ, съ которыми гурійцы роднились и были въ постоянныхъ сношеніяхъ черезъ продажу невольниковъ. Вліяніе это оказало хорошее дѣйствіе: «такихъ граціозныхъ, похожихъ на испуганныхъ птичекъ, ребятишекъ, такой мужественной красоты мужчинъ, и изящнаго тонкаго профиля женщинъ, трудно найти и на Кавказѣ. Своею манерою и граціею гурійки очень похожи на южныхъ италіянокъ». Господствующая черта характера гурійца — необыкновенная подвижность, страстность, живость, любопытство и увлеченіе.

Гурійцы чрезвычайно привѣтливы и горды. Будучи разсудительны и

хитры они вѣрны данному слову. Гдѣ дѣло касается народной гордости, семейства или личности, тамъ гуріецъ крайне вспыльчивъ и раздражителенъ. Поступокъ или слово, на которое другой не обратилъ бы вниманія, вызываетъ часто у гурійца неудовольствіе и кончается нерѣдко кровавою развязкою. Гуріецъ набоженъ до фанатизма, исполняетъ самымъ строгимъ образомъ посты, но вмѣстѣ съ тѣмъ допускаетъ такіе обряды, которые кажутся странными для христіанина. Считая непростительнымъ грѣхомъ оскоромиться въ среду или пятницу, онъ готовъ въ ту же среду или пятницу продать туркамъ чужихъ и даже своихъ собственныхъ дѣтей или убить человѣка. Молясь усердно въ церкви онъ условливается съ товарищами на разбой и грабежъ. Вотъ одинъ изъ примѣровъ наивности и противорѣчія въ характерѣ. Однажды разсерженный старикъ убилъ свою невѣстку и проскитавшись довольно долгое время по лѣсу, отощавшій и измученный онъ предалъ себя въ руки правосудія, повѣсивъ по обычаю себѣ веревку на шею. Обезсиленному старику, по задержаніи, предложили подкрѣпить свои силы пищею и подали мясо.

— Какъ можно, отвѣчалъ гуріецъ, теперь у меня въ домѣ лежитъ мертвое тѣло, а я буду ѣсть скоромное!

Гуріецъ не жаждетъ мести; но отмститъ врагу, если можно. Онъ не такъ гостепріименъ какъ, напримѣръ, абхазецъ или черкесъ; «онъ не такъ свято чтитъ кровъ свой, и въ немъ нѣтъ простодушія и ласковости имеретинскаго крестьянина, онъ суровъ какъ горецъ, но уже не имѣетъ первобытныхъ нравовъ своего сѣвернаго сосѣда, а заимствовалъ лукавство, роскошь (1) и сладострастіе турка».

Всѣ гурійцы храбры, хорошіе стрѣлки и отличные пѣшеходы въ отношеніи дальности и скорости переходовъ. Гурійцу не составляетъ никакого труда пройти, напримѣръ, въ полтора сутокъ изъ Озургетъ до Кутаиса, что составляетъ разстояніе около 190 верстъ по прямому пути и тропинкамъ.

Гуріецъ корыстолюбивъ, но не для наживы, а для исполненія своихъ прихотей; простой крестьянинъ рѣшится на самое ужасное преступленіе, чтобы доставить только себѣ предметъ роскоши.

Гурійская женщина такъ хороша собой, и такъ граціозна ея походка, что достаточно взглянуть вечеромъ при закатѣ солнца на дѣвушку, идущую съ кувшиномъ воды на головѣ, чтобы помириться и съ ея синимъ вѣтхимъ платьемъ, и съ ея красными, также не первой молодости, шальварами (2). Красота женщинъ была побудительною причиною къ плѣно-продавству, которое суще-

---

(1) Роскошь по понятію азіатца состоитъ во множествѣ оружія, лошадей и въ угощеніи въ важныхъ случаяхъ жизни.

(2) Изъ записокъ о Гуріи, Дункель Веллинга. Кавк. 1853 г. № 77. Поѣздка на родину, Какадзе. Кавк. 1853 г. № 69. Замѣтки на пути въ Мингрелію, И. Евлахова. Кавк. 1847 г. № 9. Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавк. 1857 г. № 76.

ствовало даже въ 1850-ыхъ годахъ, не смотря на всю бдительность нашей кордонной стражи.

Гурійскія женщины скромны, ласковы, привѣтливы и замѣчательной красоты, впрочемъ много теряющей отъ чрезмѣрнаго употребленія бѣлилъ, румянъ и сурьмы. Они любятъ наряды, преимущественно яркихъ цвѣтовъ, и самыхъ дорогихъ тканей, но обращаютъ болѣе вниманія на внѣшнюю роскошь и наружныя украшенія: бѣлье не считается важною частію одежды и пренебрегается гурійками, лишь бы только верхнее платье отличалось пышностію и великолѣпіемъ.

Гурійская женщина пользуется большею свободою, чѣмъ въ Грузіи; мужчины въ разговорахъ съ женщинами весьма вольны, не стѣсняются въ выраженіяхъ даже съ матерью и сестрами, и допускаютъ рѣчи предосудительныя по мнѣнію европейцевъ. Мужчины, а въ особенности юноши, имѣютъ свободный доступъ въ семейство, который бываетъ тѣмъ легче, чѣмъ менѣе ревнивъ глава семейства. Въ отсутствіе мужа, жена принимаетъ къ себѣ въ гости только женщинъ, дабы избѣжать толковъ, сплетенъ и пересудовъ. Но въ присутствіи мужа посѣщенія безпрерывны, и гости принимаются весьма радушно.

Одѣваясь совершенно по грузински, имеретинъ носитъ на головѣ *папанаки*— небольшую плоскую шапочку. Папанаки—полукруглый кусокъ сукна или матеріи, вершка въ два ширины и полтора длины. На головѣ онъ поддерживается тесьмою, пришитою по угламъ и задѣваемою за подбородокъ. Прикрывая только маковку головы, *папанаки* носится однакоже во всякое время года. На ногахъ туземецъ носитъ сапоги съ высокими каблуками, съ подбитыми подковами и съ длинными носками, загнутыми вверхъ. Вся подошва его обуви, часто, сплошь начиная отъ выемки, и не исключая носковъ, подбита мелкими гвоздями, что необходимо для спуска и подъема на горы.

Имеретинки носятъ *лечаки* и *тавса-крави*, вышитую серебромъ по темно-малиновому бархату. Богатые носятъ *кать-ибу*—родъ кацавейки съ открытыми рукавами,—темно-малиноваго бархату и опушенную куницею; изъ подъ *кать-ибы* виднѣется архалукъ изъ розоваго канауса, обшитый вдоль въ два ряда серебрянымъ галуномъ, съ серебряными застежками сверху до низу, и перетянутый широкою лентою, касающеюся двумя концами своими носковъ иногда очаровательныхъ ножекъ. Роскошныя косы красавицъ, переплетаются и перевиваются иногда розовымъ шелкомъ. Имеретинки отличныя наѣздницы, онѣ садятся на коня также скоро и одинаково съ мужчинами, на мужскихъ сѣдлахъ, и въ состояніи сдѣлать верхомъ значительныя переѣзды. За то женщина сочтетъ за безчестіе, если ей предложатъ сѣсть на катера. Причина та, что въ прежнее время безнравственныхъ женщинъ сажали на катера или на осла, и возили ихъ публично по селенію, подвергая тѣмъ тяжкому наказанію.

Богатые мингрельцы носятъ темносинюю чуху, всю отороченную и изукрашенную золотыми галунами. Чуха надѣвается сверхъ блѣдно-голубаго шел-

коваго архалука; на голову надѣваютъ также пананаку, обшитую золотомъ. Мингрельскія и гурійскія женщины кать-ибъ не носятъ, а вмѣсто *лечаки* въ Мингреліи употребляютъ тюлевые или газовые куски фантастически намотанные на голову. Женщины простаго званія ходятъ въ ситцевыхъ и холщевыхъ платьяхъ грузинскаго покроя, а на головѣ носятъ большой платокъ, закрывающій все лицо, кромѣ глазъ и носа.

Гуріецъ одѣвается въ куртку съ патронами и серебряными галунами; изъ подъ куртки видна часть *элеги* (жилета), сверхъ котораго надѣваетъ еще *зубуни* (тоже родъ жилета). Онъ носитъ узкіе до нельзя шаровары, обшитыя серебряными галунами, ноги въ ноговицахъ и коротенькихъ кожаныхъ сапожкахъ, съ проплетенными подошвами. Широкій, шелковый турецкій платокъ охватываетъ его талію, на головѣ башлыкъ.

Военные доспѣхи гурійца и боевыя принадлежности никогда не разлучаются съ нимъ. Сверхъ кушака, на ременномъ широкомъ поясѣ, служащемъ и хранилищемъ денегъ, виситъ *дчурмушъ-оглы*, гдѣ лежатъ: кресало, трутъ, пули и форма для ихъ отливки, *матара*, кожаный складной сосудъ для питья; пороховница изъ верблюжей кожи съ красивою рѣзьбою; ножикъ, мѣдная сальница, кожаная солонка, навощеный холстъ—*липа*, чтобы въ темную ночь освѣтить дорогу; веревка для связыванія плѣнныхъ, шомполъ со вдѣланными въ него маленькими щипцами для огня, и длинный кисетъ со вложенною въ него маленькою трубочкою. Если ко всему этому прибавить, что у него за кушакомъ заткнуты: кинжалъ, карабинъ и пистолетъ, сверхъ которыхъ подвязанъ патронташъ, да въ рукахъ онъ держитъ винтовку, тогда будетъ полная картина гурійца ([1])».

Со временъ глубокой древности, жители Имеретіи, Мингреліи, Гуріи, точно также какъ и Грузіи сохранили уваженіе и заботы о путникѣ. Лишь только путникъ подъѣзжаетъ къ дому, какъ хозяинъ спѣшитъ его встрѣтить и если это случится ночью, то онъ выходитъ къ гостю съ факеломъ въ рукѣ, торопясь снять съ него башлыкъ и бурку.

Едва пріѣзжій сойдетъ съ лошади, какъ слуги указываютъ ему саклю, въ которой онъ располагается какъ дома. Спустя нѣсколько минутъ, является сынъ или ближайшій родственникъ хозяина, и предлагаетъ гостю омыть ему ноги, тотъ, конечно, отказывается, и тогда вносятъ скамейку или супру съ трапезой и входитъ самъ хозяинъ привѣтствуя гостя.

Для почетнаго гостя убиваютъ лучшаго быка или корову и за тѣмъ приглашаютъ ужинать.

Часъ ужина возвѣщается появленіемъ большаго котла съ пшеномъ варен-

---

([1]) Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавказъ 1857 г. № 76. Изъ Гуріи. Кавк. 1865 г. № 28. Селеніе Мухури, Цвѣткова. Кавк. 1851 г. № 31 и 37. Возвращеніе. Кавк. 1857 г. № 77. Путевыя замѣтки по Мингреліи и Гуріи, Мансурова. Закавк. Вѣстникъ 1854 г. № 27.

нымъ въ водѣ безъ соли и нѣсколькихъ большихъ кувшиновъ съ разнаго рода винами. За котломъ появляется служитель и часто въ лохмотьяхъ, съ кувшиномъ воды, щедро поливаетъ ее на руки гостей и подаетъ полотенце, иногда столь грязное и толстое, что нѣтъ возможности употребить его въ дѣло.

Вода въ изобиліи проливается на землю и образуетъ подъ ногами присутствующихъ нѣчто въ родѣ домашняго болота. Гости садятся на тахту: двое слугъ вносятъ длинный и узкій столъ на короткихъ ножкахъ и ставятъ его передъ гостями, иногда передъ узкою и низкою скамейкою на которой вы сидите, ставятъ другую, немножко повыше, но тоже узкую: она замѣняетъ столъ. Поставивъ передъ гостемъ такой столъ, часто передъ глазами присутствующихъ, его начинаютъ приводить въ благообразный видъ: его скоблятъ и счищаютъ отъ крошекъ и масла, которое впиталось въ дерево при употребленіи. Однакоже подобное скобленіе не очищаетъ стола отъ кушаньевъ накопившихся и засохшихъ на немъ послѣ двадцати или тридцати выдержанныхъ имъ обѣдовъ и ужиновъ. Туземцы не чистятъ столовъ, а предоставляютъ имъ самимъ умываться только во время дождя, когда можно ихъ поставить подъ водосточныя жолобы.

Такіе столы служатъ только для важныхъ и избранныхъ лицъ, а прочіе гости распологаются тамъ гдѣ удобнѣе: на пняхъ, на бревнахъ или просто на землѣ и ожидаютъ остатковъ отъ великодушія почетныхъ гостей.

Туземцы любятъ покушать и сытно и жирно. На *супрѣ*, означающей въ буквальномъ переводѣ скатерть, и замѣняемой описанною выше длинною и легкою скамейкою, кладется нѣсколько хлѣбовъ и ставятся самыя разнообразныя кушанья. Между ними занимаетъ первое мѣсто *гомія*—кушанье похожее на нашу пшенную кашу. Она приготовляется безъ соли, подается горячей и составляетъ легкую и пріятную приправу къ соленымъ кушаньямъ какъ то сыру и рыбѣ.

Человѣкъ, во власти котораго находится это кушанье, при помощи деревянной лопатки накладываетъ его передъ каждымъ гостемъ въ формѣ кучки, и потомъ, въ видѣ особенной благосклонности, подбавляетъ инымъ пшена поджарившагося на краяхъ котла. Далѣе приносятъ хлѣбы изъ маисовой муки, испеченные передъ огнемъ въ видѣ поддонниковъ отъ цвѣточныхъ горшковъ и порядочно подогрѣтые передъ ужиномъ, приносятъ какую нибудь зелень: горохъ, бобы, и наконецъ печеныя яйца.

Каплуны и цыплята, которыми особенно славится Мингрелія по всему южному Кавказу, въ большомъ изобиліи и самаго разнообразнаго вида занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ при угощеніи. Одинъ изъ нихъ приправленъ гранатовымъ сокомъ, другой начиненъ грецкими орѣхами, третій изжаренъ на вертелѣ и наконецъ четвертый отваренъ въ соленой водѣ. На столъ кладутъ вареную или жареную баранину и куски мяса, подаваемаго преимущественно холоднымъ и употребляемаго въ пищу съ приправою *мдзагѣ*, похо-

жей на кофейную гущу и приготовляемой изъ перегнившихъ орѣховъ. Мдзагѣ замѣняетъ туземцамъ горчицу и хрѣнъ. Въ нее обыкновенно вливаютъ немного уксусу и она имѣетъ способность возбуждать апетитъ. Пироги съ творогомъ, сыръ, разныя душистыя травы, лобіо—родъ крупной чечевицы съ перцомъ, чуреки изъ кукурузы, чихиртма и бозбашъ—все это приносится и подается за столомъ. Разнообразные соусы и шашлыки смѣняютъ другъ друга. Самымъ тонкимъ кушаньемъ считается соусъ изъ *киндзи* или желтыхъ каріандровыхъ листьевъ, передъ которыми облизываются всѣ кавказскіе народы. Начиная отъ гриба и до языка теленка, только что разрубленнаго ловкимъ ударомъ шашки, все жарится, подается на столъ, а о винѣ и говорить нечего—въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи въ немъ нѣтъ недостатка; разныхъ сортовъ и разныхъ годовъ оно льется рѣкою въ стаканы, бокалы, азарнеши, турьи рога, которые быстро осушаются до дна. Къ концу обѣда въ Гуріи подается самое лакомое блюдо, молочная каша съ корицею и сахаромъ. Разнаго рода фрукты: виноградъ, грецкіе орѣхи, каштаны, айвы и гранаты тутъ же сорванные съ дерева, подаются въ видѣ десерта, для лакомства съ избыткомъ насыщенныхъ желудковъ.

На столѣ бываетъ большой безпорядокъ, хорошо еще если у хозяина есть старыя деревянныя или глиняныя блюда, на которыхъ можно подавать разные похлебки и соусы, но если ихъ нѣтъ, то гости довольствуются и совмѣстнымъ употребленіемъ пищи. Когда священникъ или кто либо изъ почетныхъ присутствующихъ прочитаетъ молитву, тогда каждый бросается на то кушанье, которое ему приглянулось или пришлось болѣе по вкусу и беретъ его *адамовою ложкою* т. е. горстью. Цыпленка разрываютъ на части придерживая его сначала за ноги, а потомъ за крылья.

«Если какая нибудь баранья голова слишкомъ долго сопротивляется усиліямъ руки человѣческой, кравчій вынимаетъ кинжалъ, и раскалываетъ имъ голову на двое какъ арбузъ».

Кости оглоданные зубами болѣе почетныхъ гостей и остатки отъ цыплятъ не пропадаютъ—ихъ передаютъ съ главнаго стола низшему классу гастрономовъ съ жаднымъ вниманіемъ выжидающихъ, пока кто нибудь изъ сильныхъ міра сего швырнетъ имъ ногу отъ цыпленка или кусокъ какого нибудь кушанья. Принимая этотъ подарокъ какъ знакъ высокой снисходительности и вниманія, получающій встаетъ, низко раскланивается и снимаетъ шапку. Считается весьма неучтивымъ и совершенно неблагопристойнымъ «уронить что нибудь брошенное вамъ со стола, когда бросающій предварительно назвалъ васъ по имени и тѣмъ явилъ особенную свою благосклонность».

Пить и ѣсть ни кто не торопится, а ѣдятъ и пьютъ столько сколько потребно «чтобы не лопнуть». Туземцы въ обыкновенное время очень умѣрены въ пищѣ, но на званныхъ обѣдахъ ѣдятъ много и оттого часто болѣютъ. Малое употребленіе хлѣба, часто замѣняемое густою кашею изъ гоми или лепешками изъ кукурузной муки, до того пріучаютъ ихъ переносить голодъ,

*

что многіе изъ нихъ довольствуются самымъ незначительнымъ количествомъ пищи въ теченіи нѣсколькихъ дней.

Во все время угощенія передъ гостями стоитъ слуга, который держитъ въ одной рукѣ рогъ или стаканъ, а въ другой кувшинъ съ холоднымъ виномъ; онъ поминутно подаетъ то одному, то другому изъ кушающихъ стаканы полные вина.

Первый рогъ съ виномъ принадлежитъ хозяину. Онъ встаетъ, обнажаетъ свою голову и произноситъ рѣчь, составленную преимущественно изъ разныхъ комплиментовъ гостю. Хозяинъ поздравляетъ его съ благополучнымъ пріѣздомъ, желаетъ ему провести пріятно время среди веселой компаніи и молитъ небо о счастливомъ окончаніи путешествія, о благополучномъ успѣхѣ дѣлъ и проч. Второй стаканъ съ виномъ подносится почетному гостю, который благодаритъ тогда хозяина за хлѣбъ, за соль, за гостепріимство, призываетъ благословеніе на его семейство и перечисляя жену и дѣтей не забываетъ никого изъ домашнихъ со включеніемъ рогатаго и нерогатаго скота.

— Желаю, говоритъ онъ, чтобы пшено умножилось въ вашихъ амбарахъ; чтобы вино въ вашихъ кувшинахъ образовало море и чтобы скотина была всегда въ добромъ здоровьѣ.

Отъ почетнаго гостя стаканъ переходитъ къ менѣе почетнымъ гостямъ и такимъ образомъ, путешествуетъ вокругъ всего стола. Послѣ первыхъ тостовъ вино пьется безъ всякой очереди когда кто хочетъ, и столько сколько дозволяетъ растяжимость и упругость желудка. Выпить тунгу (5 бутылокъ) вина за обѣдомъ совсѣмъ не диковинная вѣщь между туземцами. Люди не пьющіе также должны пить по необходимости изъ вѣжливости. Если хозяинъ поздравитъ васъ съ пріѣздомъ и выпьетъ за здоровье стаканъ вина, вы должны отвѣтить ему тѣмъ же. Такимъ образомъ какъ ни отговаривайся, а придется все-таки выпить нѣсколько стакановъ, потому что отказавшись можно заслужить имя невѣжи, человѣка незнающаго свѣта.

Туземцы любятъ попировать и если въ этомъ отношеніи не перещеголяли грузинъ, то и не отстали отъ нихъ. Старшему изъ гостей во время обѣда подносится обыкновенно самый большой кусокъ *махаршули* (вареное мясо), который долженъ быть уничтоженъ гостемъ. Обычай далъ средство гостю облегчить себѣ этотъ не легкій трудъ: онъ отрѣзываетъ пластинки махаршули и предлагаетъ ихъ нѣкоторымъ изъ присутствующихъ, что показываетъ вниманіе и вѣжливость со стороны предлагающаго. Пластинки эти принимаются съ знаками глубокаго уваженія и благодарности.

Тосты не прерываются во все время обѣда, они сопровождаются шумными возгласами, пѣснями толпы *бичо* (слугъ) и стрѣльбою изъ ружей и пистолетовъ. Все что только можетъ быть разбито, разбивается и обѣдъ мало по малу принимаетъ самый веселый и разнообразный характеръ: является похвальба и хвастовство удальцовъ: одинъ выпиваетъ залпомъ турій рогъ вмѣщающій въ себѣ, огромное количество вина, другой схвативъ тарелку подбра-

сываетъ надъ головами пирующихъ и въ дребезги разбиваетъ ее пулей изъ пистолета. Громкія крики одобренія сыплются со всѣхъ сторонъ. Послѣ угощенія бываютъ обыкновенно джигитовка и пляска. По окончаніи стола подаютъ снова воду и полотенце для омовенія рукъ, замѣняющихъ во время трапезы и вилки и ножи.

Самая любопытная церемонія бываетъ послѣ ужина; она особенно строго соблюдается въ Мингреліи. Въ дверяхъ показывается молодая женщина или двѣ, которыя несутъ тюфякъ, одѣяло и подушки. Разостлавши все на тахтѣ и приготовивъ постель, онѣ обращаются къ гостю и поклонившись ему подходятъ снять съ него сапоги, таковъ обычай, несоблюденіе котораго со стороны гостя крайне обидѣло бы хозяина. Снявши сапоги, приносятъ тазъ холодной воды, моютъ гостю ноги, вытираютъ ихъ полотенцемъ, укладываютъ его въ постель, старательно укрываютъ теплымъ одѣяломъ и, пожелавъ доброй ночи, оставляютъ комнату.

Если хозяинъ засуетится и станетъ хлопотать объ ужинѣ, а гость будетъ отказываться, то хозяинъ почтетъ это за оскорбленіе.

— Посѣтивши бѣдную хату мингрельца, скажетъ онъ гостю, не дѣлай ему обиды, добрый человѣкъ: гоми, вино, курица найдутся у меня!

Попробуйте что нибудь предложить хозяину въ вознагражденіе за гостепріимство, на лицѣ его пробѣжитъ судорожная дрожь и негодованіе.

— Дорогой гость! отвѣтитъ онъ вамъ, нѣтъ платы въ мірѣ, цѣною которой можно бы было купить наши обычаи гостепріимства, сохраняемые нами какъ святыня и наслѣдство предковъ. Мы бѣдны, но Богъ далъ намъ кусокъ насущнаго хлѣба; а я удѣляю его моему ближайшему брату! Благодарю тебя, дорогой гость, что удостоилъ посѣтить бѣдную мою саклю, желаю тебѣ счастливаго пути, но нежелаю отъ тебя ни золота, ни серебра, кромѣ твоей доброй памяти обо мнѣ [1].

III.

Церковные праздники и народные обычаи. — Суевѣріе. — Рожденіе. — Похороны. — Поминки.

Встрѣчая и отправляя большую часть праздниковъ совершенно сходно съ грузинами, жители Имеретіи, Мингреліи и Гуріи придали нѣкоторымъ изъ

---

[1] Поѣздка на родину, г. Кикадзе. Кавк. 1853 г. № 68. Отрывки изъ путевыхъ замѣтокъ о Гуріи, Егора Мелешко. Кавк. 1849 г. № 9. Изъ записокъ о Гуріи, Н. Дункель Вел-

нихъ своеобразный характеръ, и кромѣ того, установили у себя нѣкоторые собственно имъ принадлежащіе, такъ сказать мѣстные праздники.

Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Имеретіи въ день новаго года существуетъ обыкновеніе отламывать вѣтку отъ дерева и, обойдя съ нею вокругъ дома, втыкать ее въ дверяхъ. Тутъ же иногда прибиваютъ и крестъ, сдѣланный изъ дикой черешни. Туземцы дѣлаютъ это для того, чтобы избавить домъ отъ глаза и чтобы нечистый не пробовалъ войти въ него ([1]).

Въ Гуріи, за нѣсколько недѣль до новаго года, извѣстнаго подъ именемъ *коландоба*, хозяинъ сажаетъ въ клѣть и откармливаетъ по одной курицѣ на каждаго члена семейства. Независимо отъ этого каждый хозяинъ, даже и самый бѣдный, запасается значительнымъ количествомъ вина и лучшею пищею. Праздникъ новаго года въ Гуріи считается однимъ изъ первыхъ праздниковъ, съ которымъ связано весьма много повѣрій. Гуріецъ вѣритъ, что если въ этотъ день не исполнитъ всѣ обычаи, установленныя вѣками, то весь будущій годъ будетъ потеряннымъ и можно ожидать всякаго рода несчастій. «Если въ году случится съ нимъ какое-нибудь несчастіе, то онъ непремѣнно припишетъ тому, что онъ на новый годъ не выполнилъ какое-нибудь изъ повѣрій.»

Новый годъ есть полный разгулъ въ Гуріи. Гурійцы часто выносятъ на продажу самыя необходимыя вещи для того только, чтобы на вырученныя деньги гулять весь день новаго года; и тотъ кто по бѣдности не въ состояніи отпраздновать его надлежащимъ образомъ, будетъ считать себя самымъ несчастнѣйшимъ человѣкомъ.

Наканунѣ новаго года въ семействѣ, гдѣ только есть свинья, убиваютъ ее и приготовляютъ кушанье.

Съ вечера наканунѣ новаго года населеніе деревень, кромѣ женъ и дѣтей, выселяется на площадь, гдѣ и проводитъ всю ночь въ играхъ, пѣсняхъ, стрѣльбѣ изъ ружей, ожидая съ нетерпѣніемъ наступленія утра.

Съ появленіемъ зари все приходитъ въ движеніе на площади, все спѣшитъ къ домамъ.

— Проснитесь, св. Василій идетъ! кричатъ мужья, подымая своихъ женъ и дѣтей.

Крикъ будитъ всѣхъ членовъ семейства. Мужчины съ зажжеными въ рукахъ свѣчами, кучами и по одиночкѣ обходятъ дома. Глава семейства заслышавъ издали ихъ приближеніе, подходитъ къ дверямъ, запираетъ ихъ, и ждетъ посѣтителей у порога.

— Отворяй! кричитъ подошедшая толпа, и стучитъ въ двери.

— А что вы несете? спрашиваетъ хозяинъ.

линга. Кавк. 1853 г. № 87. Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавказъ 1857 года № 77.

([1]) Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавк. 1857 г. № 85.

— Образъ св. Василія, драгоцѣнныя каменья, крестъ, золото, серебро— словомъ все, что нужно.

Хозяинъ не отворяетъ пока гости три раза не повторятъ послѣдней фразы. Съ окончаніемъ третьяго повторенія дверь дома распахивается. Прежде всего въ домъ входитъ человѣкъ, одѣтый богаче другихъ и съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ лежитъ хлѣбъ, а вокругъ него образъ св. Василія, драгоцѣнные каменья, фрукты и свиная голова. За нимъ слѣдуетъ другой съ палкою, убранною длинными стружками и называемою *чичилаки*, подъ которою туземцы подразумѣваютъ бороду св. Василія [1]. Далѣе слѣдуютъ всѣ остальные посѣтители, несущіе съ собою: ячмень, вино, птицъ и другіе продукты.

Начинается церемонія поздравленія. Каждый подходитъ къ присутствующимъ и поздравляетъ другъ друга, дотрогиваясь при этомъ до каждой вещи.

По окончаніи этой церемоніи, подносъ ставится по срединѣ комнаты, всѣ присутствующіе окружаютъ его, молятся передъ образомъ св. Василія, «а окончивъ обрядъ, при выходѣ каждый бросаетъ немного дровъ на огонь восклицая: хо! хо! хой! Обойдя такимъ образомъ всѣ дома, стрѣляютъ цѣлый часъ, и отправляются въ церковь».

По окончаніи обѣдни, пируютъ до самаго вечера.

Среди высшихъ сословій, у князей и владѣтеля Гуріи праздникъ этотъ нѣсколько видоизмѣняется. Каждый князь собираетъ всѣ свои драгоцѣнности на подносы и блюда и передаетъ ихъ своимъ слугамъ, которые одѣвшись въ самые богатые національные костюмы выходятъ съ вещами на дворъ, гдѣ и ожидаютъ духовенство.

Между тѣмъ въ домъ князя собираются гости также наряженные въ лучшія платья и раздѣляются на двѣ части: на одной сторонѣ становятся дамы, на другой—мужчины. Всѣмъ собравшимся раздается по восковой свѣчѣ, которую каждый зажигаетъ и держитъ въ рукѣ. Духовенство бѣлое и черное, въ полномъ облаченіи, съ образами и хоругвями, со множествомъ пѣвчихъ, выходитъ изъ церкви и отправляется къ дому князя. Одновременно съ этимъ за духовною процессіею слѣдуетъ толпа гурійцевъ съ веселыми пѣснями, въ праздничномъ нарядѣ и съ оружіемъ.

Во дворѣ дома князя духовенство встрѣчаетъ слугъ его съ разными вещами, которыя пропустивъ процессію, присоединяются къ ней сзади. Хозяинъ затворяетъ входныя двери.

— Отворите двери! произноситъ старшій изъ духовныхъ лицъ.

— Что несешь? спрашиваетъ хозяинъ.

— Счастіе, благополучіе и всякое добро.

Дверь по прежнему остается запертою.

— Отворите двери! произноситъ вторично священникъ.

— Что несешь? спрашиваетъ опять хозяинъ.

---

[1] Иногда чичилаки замѣняетъ просто пучекъ цвѣтокъ.

— Изобиліе во всемъ: много хлѣба, вина, кукурузы, гоми и всего необходимаго въ домѣ.

Дверь и на этотъ разъ не отворяется.

— Отворите двери! слышится въ третій разъ.

— Что несешь?

— Царскую милость и побѣду надъ врагами.

Дверь отворяется, духовенство входитъ въ залу, служится молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому и хозяину. По окончаніи службы всѣ прикладываются къ образамъ и встрѣчаютъ другую процессію «съ разными драгоцѣнными и съѣстными припасами, въ слѣдующемъ порядкѣ: впередъ несутъ чичилаки, затѣмъ на подносѣ свиную голову, означающую кабана, въ древности истреблявшаго народъ, и убитаго, по преданію, Василіемъ Великимъ, — затѣмъ хлѣбъ, вино, гими, кукурузу и прочее съѣстное; на серебряныхъ подносахъ несутъ разныя старинныя драгоцѣнности, золотыя, серебряныя и разныя бриліантовыя вещи».

Каждый изъ присутствующихъ дотрогивается до вещей руками съ разными пожеланіями хозяину въ родѣ того, чтобы въ настоящій годъ онъ имѣлъ много такого добра. Обойдя всѣхъ три раза процессія удаляется и тогда начинаются взаимныя поздравленія съ новымъ годомъ.

«Обычай этотъ, говоритъ очевидецъ, самъ по себѣ былъ бы ничего, но съ присоединеніемъ къ нему духовенства съ хоругвями, придается ему какой-то особенный характеръ, которому сочувствовать не каждый можетъ...» (1)

Постоянная стрѣльба, шумъ, пѣсни и всеобщее веселье сопровождаютъ весь день новаго года.

Съ наступленіемъ сумерокъ, каждый хозяинъ входитъ въ погребъ, зажигаетъ свѣчу и молитъ Бога объ изобиліи вина. Взявъ послѣ молитвы въ руки топоръ, ударяетъ имъ въ корыто, произнося при этомъ громко.

Агуна (2) переходи къ намъ!
У насъ много винограда,
А у нихъ одни листья!

На другой день новаго года, каждая женщина въ домѣ, беретъ посуду, наполненную пшеномъ, и, поставивъ ее у курятника, кормитъ птицу.

— Дай Богъ, говоритъ она при этомъ, чтобы у меня въ продолженіи года было столько куръ, сколько въ этой посудѣ зеренъ.

На третій день новаго года, въ прежнее время всѣ крестьяне приносили своимъ господамъ подарки и оставались у нихъ обѣдать.

(1) Новый годъ и другіе обряды гурійцевъ. Накашидзе, Кавк. 1848 г. № 27. О народныхъ праздникахъ христіанскаго населенія за Кавказомъ. Кавк. 1855 г. № 2. Озургеты Кавк. 1870 г. № 15. Встрѣча новаго года въ Гуріи. Кавк. 1870 г. № 20.

(2) Ангелъ винограда.

Къ празднику крещенья, тѣ же гурійцы пекутъ *гведзели* или сдобный хлѣбъ, начиненный сыромъ и круто сваренными яйцами.

Въ субботу, за недѣлю до масляницы, жители нижней Рачи (въ Имеретіи) празднуютъ *бослобу* или праздникъ *буйлятниковъ* (погонщиковъ буйволовъ).

За нѣсколько дней до наступленія этого праздника, хозяева, какъ мужчины, такъ и женщины оставляютъ всякія работы, и стараются оставаться все время праздными; кого же застанетъ эта недѣля на работѣ, въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ дома, тому продолжать работу не воспрещается. Въ эту же недѣлю никто не долженъ плесть веревокъ, дабы въ продолженіи года телята не рождались уродами. Земледѣльцы не чешутъ волосъ, чтобы сѣмена, засѣянныя на поляхъ, не сгнили, и хлѣбъ не родился рѣдкій. Не починяютъ также сапогъ, чтобы не ослѣпли телята. Членъ семейства, который обыкновенно завѣдуетъ скотомъ, наканунѣ этого праздника, постится цѣлый день до самаго вечера. Съ наступленіемъ сумерокъ, старшій въ семействѣ, собираетъ всѣхъ дѣтей отъ 4 до 9 лѣтняго возраста и «взваливши ихъ всѣхъ себѣ на руки, на шею, на спину» несетъ ихъ къ мѣсту празднества въ буйлятникъ, т. е. по просту въ хлѣвъ, гдѣ стоятъ буйволы. Если въ домѣ живетъ не одно, а нѣсколько семействъ, то дѣти совершаютъ эту поѣздку на плечахъ своихъ отцовъ. Дѣти запасаются предварительно всѣмъ необходимымъ для празднества, и обыкновенно старшій изъ нихъ держитъ въ рукахъ пирогъ, куриное яйцо и хлѣбъ, а остальные кусокъ свинины или бурдюкъ вина.

— Босилъ, босилъ-бу! кричатъ дѣти, обращаясь съ этимъ привѣтствіемъ къ животнымъ, въ гости къ которымъ они пріѣхали.

Хозяинъ освободившись отъ своей ноши, начинаетъ обходъ скота.

— Да дастъ вамъ Господь всесильный необыкновенную силу, говоритъ онъ подходя къ быкамъ и лошадямъ и показывая имъ куриное яйцо, — и да сохранитъ васъ такими же цѣлыми и полными, какъ это яйцо.

Передавъ яйцо въ руки старшаго ребенка, хозяинъ подходитъ съ другимъ яйцомъ къ коровамъ и кобылицамъ.

— Да будете и вы въ полномъ тѣлѣ, говоритъ онъ, показывая и имъ также яйцо, какъ крупно и полно это яйцо, и да вознаградите хозяина рожденіемъ такихъ полныхъ, хорошихъ телятъ и жеребятъ, какъ это яйцо.

— Растите, растите, говоритъ онъ подходя къ телятамъ и жеребятамъ, и будьте полны, какъ это яйцо.

Обойдя такимъ образомъ весь свой скотъ, хозяинъ останавливается передъ быкомъ самаго большаго роста, и начинаетъ молиться тихо, такъ чтобы посторонніе не слыхали.

— О Боже! произноситъ онъ, Творецъ всѣхъ животныхъ, хранитель всѣхъ существъ и веществъ, и установитель всѣхъ праздниковъ въ нашемъ краѣ, какъ и въ другихъ! Ты благословилъ насъ встрѣтить этотъ радостный праздникъ съ этими нашими тружениками, посредствомъ которыхъ мы кормимъ себя, женъ и дѣтей; ниспошли благоденствіе на земледѣльцевъ дома сего, на ро-

гатыхъ скотовъ, быковъ, лошадей, коровъ и телятъ, и благослови, чтобы они имѣли у себя пищу, припасы, и были здоровы, и чтобы во славу Твою, Творецъ, исполнилась воля Твоя размноженіемъ ихъ; да пошли благословеніе свое и на земледѣліе и растительность, и сохрани насъ отъ болѣзней, научи, какъ тебя любить!

Молитва окончена. Хозяинъ дома подходитъ къ присутствующимъ, поздравляетъ съ праздникомъ, благословляетъ принесенные съ собою припасы и всѣ садятся за закуску, запиваемую виномъ домашняго издѣлія. Первымъ тостомъ благодарятъ Господа за милость въ прошломъ году и за наступающій праздникъ; второй тостъ за здоровье дома, родныхъ и близкихъ добрыхъ людей; третій—за здоровье скотины за каждую по очереди, и такъ до тѣхъ поръ, пока принесенный бурдюкъ окажется пустымъ. Оставивъ въ какомъ-нибудь темномъ углу хлѣва яйцо, хозяинъ, по окончаніи закуски, взваливаетъ на себя по прежнему дѣтей, и отправляется въ саклю. Дверь сакли заперта; ее притворила старшая изъ женщинъ въ домѣ; хозяинъ стучится.

— Кто тамъ? спрашиваетъ она пришедшихъ.

— Я пришелъ, отвѣчаетъ хозяинъ, съ радостнымъ извѣстіемъ отъ нашихъ дѣтей: коровъ, телятъ и лошадей.

— Но правда-ли это? Ты можетъ быть нечистый духъ, и хочешь искусить насъ, послать зло нашему дому?

— Я тебѣ говорю, что я добрый человѣкъ, глава дома, и принесъ хорошія вѣсти.

Двери отворяются, но едва хозяинъ перешагнетъ порогъ, какъ хозяйка бросаетъ ему въ лицо жидко-растворенныя отруби. Спустивъ съ себя дѣтей и омывшись отъ отрубей, хозяинъ молится Богу, и по окончаніи молитвы садятся снова за пиръ, продолжающійся часто за полночь (¹).

Наступающее утро особенно интересуетъ дѣтей; каждый изъ нихъ старается проснуться ранѣе другаго, чтобы завладѣть яйцомъ, оставленнымъ въ хлеву, потому что, кто первый его получитъ, тотъ будетъ счастливъ въ продолженіи всего года.

Въ то время, когда жители нижней Рачи (въ Имеретіи) оканчиваютъ празднованіе *бослобы*, у жителей верхней Рачи наступаетъ праздникъ *гочисэ-хучафати*—четвергъ поросятъ.

Обрядъ этотъ совершается за недѣлю до наступленія масляницы. Мѣсяца за четыре, а иногда и болѣе, хозяинъ назначаетъ число поросятъ, каплуновъ и проч. для пиршества, по тому числу гостей, какое намѣренъ пригласить. Съ послѣдняго понедѣльника, предшествующаго четвергу поросятъ, многіе жители верхней Рачи, и всѣ обитатели въ селеніи *Гебахэ*, начинаютъ поститься. Нѣкоторые не ѣдятъ только говядины, и довольствуются молочными

(¹) Бослоба, Вас. Переваленко. Кавк. 1850 г. № 25. О народныхъ праздникахъ. Кавк. 1855 г. № 2.

блюдами, а другіе не ѣдятъ даже и рыбы. Туземцы считаютъ эту недѣлю приготовительною къ великому посту.

Съ разсвѣтомъ дня желаннаго четверга, въ домѣ каждаго хозяина приготовляется обѣдъ. Съ первымъ звукомъ церковнаго колокола, одинъ человѣкъ изъ каждаго семейства, преимущественно хозяинъ, идетъ въ церковь со свѣчею и небольшимъ денежнымъ приношеніемъ. По окончаніи литургіи онъ возвращается домой съ зажженною свѣчею и требуетъ отъ пастуха отчета о числѣ скота и его благосостояніи. По полученіи отвѣта, онъ передаетъ свѣчу старшему по немъ члену семейства, который отправляется на скотный дворъ и обойдя скотъ, читаетъ надъ нимъ молитвы, а затѣмъ, возвратившись въ саклю, находитъ уже въ сборѣ всѣхъ гостей, приглашенныхъ на праздникъ. Передъ присутствующими стоитъ накрытый столъ, уставленный зеленью, пшеницею, вареными, жареными и копчеными поросятами и такими же каплунами, окруженными яйцами, сыромъ и зеленью. Хозяинъ подходитъ къ столу и читаетъ молитву.

— Мы благодаримъ Бога, говоритъ онъ затѣмъ, обращаясь къ гостямъ, что дождались желаннаго дня, который намъ предвѣщаетъ начало весны, а съ нею и благословеніе Божіе на все въ мірѣ плодящееся, растущее—весны, въ которую мы должны забыть лѣнь и отдыхъ зимній, и новыми трудами прославить Творца вселенной за его къ намъ милость посылаемую, и средства, указываемыя Имъ къ благосостоянію нашему.

— Это, продолжаетъ онъ далѣе указывая на поросятъ, хотя и есть простое животное, служащее для нашего продовольствія, но мы подъ нимъ будемъ разумѣть всю тварь: такъ, напримѣръ, самая потребность стола нашего, указываетъ уже намъ на нужды наши; взгляните мои гости на каплуновъ, потомъ на яйца, а потомъ на что хотите... Не означаетъ ли это, что въ домѣ для хозяина нужны поросята, куры, коровы и т. д. Далѣе всмотритесь, это болѣе ничего, какъ завялая зелень, а это пшеница, но всемогущею волею Творца—все это переродится, и мы въ продолженіе весны и лѣта, будемъ питаться зеленью сочною, вкусною и безвредною; а изъ посѣянной пшеницы соберемъ другую новую, въ достаточномъ количествѣ для нашего пропитанія. Слава же за то Творцу, небу и землѣ.

По окончаніи рѣчи, хозяинъ благодаритъ гостей за посѣщеніе и проситъ ихъ покушать героевъ праздника—поросятъ (1).

Въ первый день великаго поста, женщины Гуріи приготовляютъ изъ тѣста нѣсколько шариковъ, величиною въ глазъ; кладутъ ихъ на тарелку, окруженную зажженными восковыми свѣчами, молятся Богу и просятъ, чтобы оспа не повредила тому, кого посѣтитъ. Шарики бросаются потомъ въ воду. Тѣ, у которыхъ не было еще оспы, въ этотъ день не чешутся, не читаютъ книгъ, не шьютъ, потому что, по народному повѣрью, сколько зубьевъ въ гребнѣ,

(2) Гочисъ-Хучафати, В. Переваленко. Кавказъ 1850 г. № 50.

сколько увидятъ буквъ въ книгѣ, или сколько сдѣлаютъ швовъ, столько будетъ у нихъ рябинъ и пятенъ на тѣлѣ.

Въ субботу, на первой недѣлѣ великаго поста, совершается *бедисъ-гамоцда* (испытаніе счастія). Праздникъ этотъ справляется по очереди. Князь, котораго очередь справлять въ своемъ домѣ *бедисъ-гамоцда*, приглашаетъ къ себѣ сосѣдей, окрестныхъ князей помѣщиковъ, которые всегда охотно спѣшатъ на такое приглашеніе. Они являются въ сопровожденіи близкихъ дворянъ и нѣсколькихъ крестьянъ. Съ наступленіемъ полудня, хозяинъ вводитъ своихъ гостей въ залу, гдѣ князья садятся, а крѣпостные ихъ люди становятся поодаль отдѣльными группами.

Тостъ за здоровье хозяина и небольшое угощеніе открываетъ праздникъ. За тѣмъ вносится огромная мѣдная чаша, ставится посреди комнаты и наполняется виномъ, котораго помѣщается въ нее отъ 5 до 7 ведеръ. Въ ту же чашу опускаютъ испеченныя изъ тѣста фигуры людей, монетъ, лошадей, быковъ и проч. Открывается гаданье. Къ чашѣ подходятъ одинъ за другимъ, сначала крестьяне хозяина, потомъ старшаго гостя, потомъ слѣдующаго и т. д. соблюдая старшинство и достоинство. Заложивъ за спину руки, каждый подошедшій къ чашѣ долженъ зубами или губами достать изъ нея фигуру, по изображеніи которой судятъ о его счастіи. Фигура человѣка означаетъ, что помѣщикъ будетъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нужными ему людьми; монета—пріобрѣтеніе денегъ; лошадь—богатство лошадьми; быкъ—стадами и т. п. Если крѣпостной человѣкъ вовсе ничего не поймаетъ въ чашѣ, то помѣщикъ его въ теченіе этого года не будетъ имѣть ни въ чемъ успѣха.

Когда всѣ фигуры переловлены, тогда начинается пиръ, въ которомъ тостовъ не жалѣютъ и особенно въ честь того, чьи крестьяне болѣе всего наловили счастія для своего господина (¹).

Въ простонародіи обрядъ этотъ исполняется проще и съ особою молитвою. Надѣлавъ изъ тѣста фигурки на подобіе лошадей, молотка, подковы, гвоздей, сѣдла, яслей и т. п.—пекутъ ихъ; потомъ наполняютъ большую глубокую чашу виномъ съ водою, бросаютъ туда эти фигурки, ставятъ вокругъ чаши свѣчи, молятся св. Ѳедору, чтобы онъ умножилъ у нихъ число лошадей; потомъ каждый подходитъ съ заложенными за спину руками, наклоняется и ртомъ ловитъ плавающія въ чашѣ фигурки, и какъ только что поймаетъ, въ ту же минуту бѣжитъ подражая ржанію лошади, ударяетъ ногою въ дверь и скрывается, это повторяютъ до тѣхъ поръ, пока все изъ сосуда не будетъ вынуто.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Имеретіи существуетъ обычай, по которому, въ день Пасхи, родители крестниковъ приносятъ своимъ кумовьямъ гостинцы, а

(¹) Бедисъ-Гамоцда, В. Переваленко. Кавк. 1850 г. № 29. Народные праздники. Кавк. 1855 г. № 3.

тѣ въ замѣнъ должны подарить имъ на каждаго члена въ семействѣ по одной цвѣтной и съ разными украшеніями восковой свѣчкѣ.

На ѳоминой недѣли имеретины занимаются *игрою въ мячъ*. Мячикъ, употребляемый для игры, приготовляется величиною въ арбузъ, обшивается галунами и представляетъ не только простую или невинную забаву, но и составляетъ предметъ народнаго уваженія и даже суевѣрія. На второй день ѳомина воскресенья народъ дѣлится на двѣ части. Раздается звукъ *буки* (трубы) и священникъ въ облаченіи выноситъ мячъ на серебряномъ блюдѣ. Мячъ бросается въ середину однимъ изъ старшихъ почетныхъ въ родѣ (¹); обѣ стороны бросаются къ мячу, спорятъ между собою, стараются завладѣть имъ и донести до назначеннаго мѣста; честь и слава той сторонѣ, которой достанется мячъ: она будетъ имѣть круглый годъ изобиліе и удачу во всемъ. Конечно, каждый желаетъ этого счастія и потому споръ и свалка бываютъ жестокіе. Мячъ перебрасывается товарищамъ изъ рукъ въ руки, то скрывается въ толпѣ, то вновь появляется при всеобщемъ крикѣ и шумѣ. Часто, послѣ боя, мячъ разрѣзывается на нѣсколько кусковъ и раздается домохозяевамъ. Получившій кусочекъ мячика увѣренъ, что храненіе его доставитъ дому изобиліе, урожай и прочее. Разсказываютъ, что имеретинскіе цари выдумали эту забаву для упражненія народа въ военныхъ движеніяхъ (²).

На первой недѣли свѣтлаго Христова Воскресенья въ пятницу въ имеретинское селеніе *Они* собираются жители со всѣхъ окрестностей. Туземцы убѣждены что недѣля пасхи счастлива для всевозможныхъ благихъ начинаній и потому въ полдень тѣ семейства, у которыхъ есть сговореные невѣста и женихъ, собираются въ церковной оградѣ и раздѣлившись на кружки садятся каждый отдѣльно: невѣста съ своими родителями и приглашенными гостями, отдѣльно отъ жениха, окруженнаго такимъ же обществомъ. Начинается обѣдъ, за которымъ хотя и провозглашаются тосты, но безъ упоминанія именъ жениха и невѣсты. Спустя нѣкоторое время послѣ обѣда женихъ встаетъ, наливаетъ три стакана вина и передавъ два своимъ родителямъ, отправляется вмѣстѣ съ ними и съ третьимъ стаканомъ къ кругу своей невѣсты.

— Христосъ Воскресе! произносятъ родственники и окружающіе невѣсту, привѣтствуя родителей жениха.

Послѣдніе въ свою очередь поздравляютъ съ радостною недѣлею праздника, указываютъ на важность этого праздника, его значеніе не только для каждаго человѣка, «но и перелетной птицы, и наводятъ рѣчь на то, что есть двѣ души, которыя томятся неизвѣстностію и слѣдовательно не могутъ раздѣлить

(¹) Въ м. Хони прежде всегда бросалъ мячъ восьмидесяти лѣтній старикъ Кайхосро Микеладзе, убитый въ чолокскомъ дѣлѣ. Въ 1857 году народъ просилъ бросить мячъ Кутаисскаго губернатора, случившагося въ этотъ день въ мѣстечкѣ.

(²) О народныхъ праздникахъ. Кавказъ, 1855 г. № 4. Замѣтки по пути въ Мингрелію, И. Евлахова Кавк, 1847 г. № 9.

общей радости. Родители невѣсты отвѣчаютъ, что они помнятъ свои молодые годы, пылкую страсть юношеской любви, знаютъ то же, что семейную жизнь благословилъ Богъ, и поэтому постараются успокоить томленіе двухъ особъ своимъ согласіемъ».

Тостъ за здоровье обручаемыхъ служитъ отвѣтомъ на подобныя слова и затѣмъ слѣдуетъ обрядъ обрученія. Взявъ кольца жениха и невѣсты родители читаютъ надъ ними молитвы и благословивши ими дѣтей перемѣняютъ кольца, отдавая женихово невѣстѣ и обратно, причемъ женихъ цѣлуетъ свою невѣсту въ плечо.

Тогда невѣста подноситъ жениху яйцо расписанное разными красками.

— Дай Богъ, говоритъ она, чтобы наша жизнь была такъ весела, какъ свѣжо это яйцо и такъ усыпана добрыми дѣлами, какъ расписано оно.

Тосты, поздравленія, пѣсни, пляски и обильное угощеніе заканчиваютъ радость двухъ семействъ, соединяющихся узами родства (1).

Въ двухъ селеніяхъ Опишквиты (Кутаискаго уѣзда) и Бандза (въ Мингреліи) существуетъ обыкновеніе въ день храмоваго праздника великомученика и побѣдоносца Георгія, 23 апрѣля, раскачивать огромное дерево. Толпа, собравшаяся вокругъ дерева, охватываетъ его, а нѣкоторые взлѣзаютъ и размѣщаются на вѣтвяхъ и до тѣхъ поръ качаютъ пока не вырвутъ съ корнемъ. Тогда дерево обносится вокругъ церкви три раза, прислоняется къ ея стѣнѣ вверхъ корнями и закидывается каменьями (2).

Откуда явился этотъ обычай и что онъ означаетъ, никто объяснить не можетъ.

Въ монастырѣ на рѣкѣ Хопи, 13 и 14 августа бываетъ ярмарка, на которую стекается множество народа. На горѣ расположенъ монастырь, имѣющій видъ крѣпости. Стѣны его прячутся въ зелени плюща, винограда и другихъ разнообразныхъ породъ вьющихся растеній, которыми такъ богата тамошняя природа. Видъ съ монастыря очарователенъ: открытая на значительное пространство, долина рѣки Хопи окаймляется съ одной стороны зеленымъ лѣсомъ, гдѣ растутъ грецкій орѣхъ, фиговое дерево и виноградникъ; съ другой—холмами верхней Мингреліи, изъ—за которыхъ на темносинемъ фонѣ неба подымаются до облаковъ снѣжныя вершины Сванетскихъ горъ, заканчивающихъ картину.

Обширная поляна передъ монастыремъ въ это время кишитъ народомъ; со всѣхъ сторонъ пріѣзжаютъ и приходятъ новыя лица, по большей части женщины, которыхъ часто бываетъ болѣе мужчинъ. Каждая держитъ въ рукахъ мотокъ шелку, почти исключительный предметъ торговли на мѣстныхъ рынкахъ.

Среди толпы можно встрѣтить и княгиню или богатую дворянку, верхомъ на лошади, сопровождаемую всадникомъ и нѣсколькими непремѣнно босыми

---

(1) Ахалквирисъ-Параскевы (новая недѣля), В. Переваленко Кавк. 1850 г. № 42.
(2) Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавк. 1857 г. № 77.

бичо (слуги); нѣсколько незатѣйливыхъ, на скорую руку устроенныхъ магазиновъ съ ситцами и прочими простыми матеріями, довершаютъ картину. Собственно праздникъ и увеселенія начинаются послѣ обѣдни. По окончаніи службы народъ группами располагается подъ деревьями за скромную трапезу, состоящею изъ огурцовъ и дынь съ чуреками запиваемыхъ достаточнымъ количествомъ вина. Веселые возгласы, слышные по временамъ изъ разныхъ угловъ, пляска лезгинки подъ звуки балалайки и пистолетные выстрѣлы, лучшіе свидѣтели веселящагося народа.

Собравшіеся на праздникъ начинаютъ свои увеселенія скачкою и джигитовкою и за тѣмъ переходятъ къ національному танцу. Толпа мужчинъ и женщинъ, взявшись въ перемежку за руки, становится другъ подлѣ друга локоть къ локтю и составляетъ такимъ образомъ кругъ или хороводъ, паръ въ 50 и болѣе. Одинъ изъ участвующихъ затягиваетъ пѣсню, послѣ короткаго стиха или куплета которой, послѣдніе звуки подхватываетъ весь хороводъ. Вмѣстѣ съ началомъ пѣсни начинается и движеніе хоровода вправо или влѣво; всѣ дѣлаютъ незатѣйливое *pas* изъ четырехъ тактовъ. Вдругъ запѣвало начинаетъ пѣть самымъ одушевленнымъ образомъ и толпа начинаетъ прыгать вмѣстѣ, въ тактъ, дѣлая въ припрыжку то же самое *pas*, и это повторяется нѣсколько разъ.

«Чрезвычайно интересно видѣть этотъ кругъ, говоритъ очевидецъ, изъ мужчинъ и женщинъ въ живописныхъ туземныхъ костюмахъ, такъ нежданно и быстро переходящихъ отъ плавныхъ, стройныхъ движеній къ необузданнымъ, дикимъ. Впрочемъ какъ тѣ, такъ и другія, особенно у женщинъ были исполнены граціи, такъ рѣзко отличающей здѣшнюю породу (¹)».

Въ пѣснѣ мингрельской мало словъ, но чрезвычайно разнообразенъ напѣвъ. Послѣдній не унылъ и одинаковъ, какъ при веселыхъ, такъ и печальныхъ случаяхъ. По большей части простая импровизація пѣсни отличается цинизмомъ. Въ кругу высшаго класса поются духовныя пѣсни, на грузинскомъ языкѣ, перенятыя у имеретинъ и гурійцевъ; почти во всѣхъ пѣсняхъ есть запѣвало и часто пѣсни поются на два хора.

У гурійцевъ нѣтъ привиллегированныхъ импровизаторовъ; да и народъ не можетъ указать на людей, которые славились бы быстрымъ поэтическимъ воображеніемъ и умѣньемъ сложить пѣсню, «но всякое эффектное, геройское предпріятіе, а также пирушка, празднество, и страстная, не рѣдкая въ Гуріи, любовь воодушевляютъ каждаго молодаго, свободнаго человѣка, и весьма многіе изъ нихъ выражаютъ свои чувства въ легкой и довольно мелодичной импровизаціи».

«Хотя большинство гурійцевъ, говоритъ далѣе И. Пантюховъ, отказываются переводить свои пѣсни на русскій языкъ, отговариваясь невозможностію передать выраженія и смыслъ ихъ въ другой рѣчи, но мнѣ удалось собрать

(¹) 14-го августа въ монастырѣ на р. Хопи, П. Бибикова. Кавказъ 1854 г. № 70.

нѣкоторыя и я давно не встрѣчалъ такой милой и страстной, поэтической чепухи какая выражена въ нихъ».

Всѣ существующія пѣсни относятся къ новѣйшему времени, воспѣваютъ преимущественно любовь и по содержанію заключаютъ въ себѣ поэтическій смыслъ.

Вотъ образчикъ одной изъ нихъ въ переводѣ М. Мансурова.

У меня вдалекѣ
Былъ не братъ, не супругъ,
Былъ, какъ солнце во тьмѣ,
Милый другъ, добрый другъ;

У меня вдалекѣ,
Былъ какъ въ сердцѣ недугъ,
Былъ какъ жемчугъ въ пескѣ
Милый другъ добрый другъ.

Онъ былъ молодъ и милъ,
Онъ былъ строенъ какъ лучъ,
Онъ былъ жарокъ и жгучъ, —
И меня онъ любилъ. . . . . .

Когда вѣтеръ порой
Передъ сномъ утихалъ,
И бульбули (соловей) ночной
На цвѣтокъ прилеталъ;

Когда мѣсяцъ свой блескъ
Не скрывалъ отъ земли, —
И вторились вдали
Моря шумъ, моря плескъ, —

И тогда милый другъ,
На конѣ подъ чалмой,

Какъ съ небесъ свѣтлый духъ,
Какъ посланецъ святой, —

Весь закованъ въ металлъ,
И съ ружьемъ за плечомъ,
Онъ ко мнѣ прилеталъ, —
. . . .

И дарилъ онъ меня
Не конемъ, не богатымъ ковромъ, —
Поцѣлуемъ. . . . .
. . . .

И съ собой милый другъ
Приносилъ съ далека,
Не жемчугъ, изумрудъ,
Но любовь. . . . . .

И лаская меня,
Онъ къ груди прижималъ,
И весь полонъ огня
Цѣловалъ, цѣловалъ. . . . . .

Указавши на нѣкоторыя особенности праздниковъ, существующихъ въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи мы видимъ, что ко многимъ изъ нихъ примѣшано народное суевѣріе, а нѣкоторыя даже и основаны на суевѣріи и ложномъ пониманіи истинъ религіи. Религія и здѣсь не служила главнымъ проводникомъ нравственныхъ началъ, а осталась только въ формѣ обряда.

Вообще въ религіозныхъ понятіяхъ всѣхъ трехъ поколѣній много наивнаго и дѣтскаго. Случалось, напримѣръ, что крестьяне, недовольные священникомъ, берутъ въ руки образъ и присягаютъ никогда не ходить къ нему въ церковь, не исповѣдываться, не причащаться, не крестить дѣтей, и не приглашать его для исполненія требъ. Иногда даже туземцы проклинали своего священника. Имеретины напримѣръ не считаютъ грѣхомъ принять ложную присягу, если она производится не по ихъ древнему обычаю передъ образомъ — а передъ крестомъ и Евангеліемъ, и послѣднюю они называютъ

русскою присягою. Явный воръ, неоднократно изобличенный въ своемъ дурномъ поведенiи и пойманный съ поличнымъ, принимаетъ ложную присягу безъ всякаго страха и угрызенiй совѣсти, потому что предварительно онъ успѣлъ забѣжать въ домъ и вынувъ изъ люльки своего ребенка, полежалъ нѣсколько минутъ на его мѣстѣ.

У имеретинъ есть обычай: въ случаѣ спора за право владѣнiя какого либо участка земли, одна изъ тяжущихся сторонъ беретъ въ руки образъ и обходитъ съ нимъ спорный участокъ; этимъ способомъ доказывается принадлежность его обходящимъ. «При одномъ такомъ случаѣ замѣтили, что взявшiе образъ начали обходить не только спорный участокъ, но и тѣ полосы, о которыхъ никогда не было дѣла и которыя составляли неотъемлемую собственность посторонняго лица. Поэтому начался споръ, драка и чтоже обнаружилось? что господа присягатели, насыпавъ въ сапоги земли съ своей пашни, думали что въ слѣдствiе этой хитрости, они могутъ обходить какiя угодно земли и нисколько не согрѣшатъ передъ Богомъ, присягая, что они идутъ по своей собственной землѣ».

Такiя странности проявляются весьма часто и указываютъ на какiя-то оригинальныя и дѣтскiя понятiя народа, считающаго себя весьма религiознымъ. Что туземцы преданы вѣрѣ и тверды въ ней—это не подлежитъ сомнѣнiю.

Постъ соблюдается весьма строго и ни одинъ изъ дней его не нарушается скоромною пищею: церкви посѣщаются народомъ весьма часто, но все это дѣлается по привычкѣ и безъ всякаго сознанiя.

Употребляя различнаго рода хитрость для принятiя ложной присяги и утѣшая себя софизмами въ непогрѣшимости такихъ дѣйствiй, туземецъ сохраняетъ спокойствiе духа до первой болѣзни и въ особенности, если она случится вскорѣ послѣ ложной клятвы. Тогда приписывая свою болѣзнь наказанiю того образа, передъ которымъ онъ ложно присягнулъ, больной призываетъ къ себѣ священника и признается ему во всемъ, а прiобрѣтенную несправедливою присягою вещь возвращаетъ своему противнику.

Отсутствiе яснаго пониманiя началъ религiи породило глубочайшее суевѣрiе во всякаго рода самые нелѣпые толки..

Никто не сомнѣвается въ существованiи колдуновъ и вѣдьмъ и въ способности ихъ портить людей, нагонять падежъ скота и прочiя невзгоды.

«Послѣ турецкой войны въ деревняхъ сосѣднихъ съ Зугдиди (въ Мингрелiи), пишетъ К. Бороздинъ, открылся падежъ скота; приписали это явленiе дѣйствiю вѣдьмъ и вызвали изъ Самурзакани турка, славившагося распознаванiемъ этихъ барынь. Турокъ собралъ старухъ съ деревни и приказалъ бросать ихъ въ воду: которая тонула та не вѣдьма, а которая не тонула та—вѣдьма. Нашлось нѣсколько несчастныхъ бабъ, которыхъ, быть можетъ, платье удерживало на водѣ и съ ними повелъ турокъ слѣдующую расправу. Разложены были два огромныхъ костра и между нихъ прогонялись взадъ и впередъ нагiя

старухи до тѣхъ поръ, покуда онѣ не сознавались, что онѣ дѣйствительно нагнали падежъ и что онѣ отрекаются отъ своего чародѣйства» ([1]).

Нѣсколько старухъ были такимъ образомъ изпечены за-живо. Другимъ-же подозрѣваемымъ накладывали каленымъ желѣзомъ крестообразное тавро на ногу, иногда на лобъ, съ цѣлію уничтожить ихъ силу дѣлать зло.

Туземцы больше всего боятся порчи отъ глаза и чтобы избѣжать вреда отъ взгляда человѣка, носятъ амулеты, а новорожденнаго долгое время не показываютъ никому изъ постороннихъ.

Суевѣрное почитаніе иконъ также развито въ массѣ народа. Въ каждомъ почти селеніи есть особая икона отличающаяся своею силою, покровительствующая населенію въ однихъ случаяхъ и карающая въ другихъ. Всякая ложная присяга передъ такою иконою, по мнѣнію народа, вызываетъ со стороны иконы наказаніе и страшное бѣдствіе на ложно-присягнувшаго, но за то каждый житель можетъ придти къ сильной иконѣ и проклясть передъ ея ликомъ своего врага, вполнѣ увѣренный, что икона нашлетъ на проклятаго всякую пакость на этомъ свѣтѣ и въ будущей жизни. Вѣра въ послѣднее дѣйствіе ея такъ сильна, что услышавшій о своемъ проклятіи спѣшитъ помириться съ проклявшимъ и удовлетворяетъ его часто съ излишкомъ, чтобы только получить прощеніе образа. Кромѣ вѣры въ силу образа, многіе приписываютъ подобное же свойство и разнымъ неодушевленнымъ предметамъ, вѣрятъ въ предсказанія, предзнаменованія и различныя примѣты. Такъ если путнику перебѣжитъ дорогу коза, какъ нибудь вырвавшаяся изъ стада, то онъ будетъ считать это предзнаменованіемъ несчастія, и долженъ непремѣнно опередить козу или объѣхать ее, иначе всѣ предпріятія будутъ запутаны.

Представителями зла на землѣ есть змѣи, которые, по словамъ жителей Ріонской долины, бываютъ трехъ родовъ: красные, черные и крылатые. Они живутъ обществами, имѣютъ свои обычаи и, между прочимъ, празднуютъ свадьбы. Хорошо попасть на такую свадьбу, потому что въ каждомъ змѣѣ можно найти драгоцѣнный, стоющій милліоны камень, имѣющій къ тому же чудесное дѣйствіе. Будучи назначены въ міръ для того, чтобы стеречь зарытыя въ землѣ сокровища, змѣи пожираютъ каждаго, кто къ нимъ приближается. Съ ними могутъ сражаться неустрашимые витязи, преимущественно святые, которые и побѣждаютъ ихъ. Такъ, по понятію туземцевъ, гроза есть ни что иное, какъ преслѣдованіе змѣя св. Георгіемъ на летящемъ конѣ; громъ — это звуки отъ его ударовъ, а молнія—стрѣлы, которыми онъ поражаетъ врага. Туземцы увѣряютъ, что недавно видѣли куски убитыхъ змѣй въ долинѣ р. Квирило. Облака туземцы представляютъ себѣ исполинскими губками, которыя по мѣрѣ надобности и по повелѣнію высшей, управляющей ими силы, спускаются къ морю, втягиваютъ въ себя воду и выпускаютъ потомъ ее надъ сушею.

([1]) Крѣпостное состояніе въ Мингреліи. Зап. Кавк. отд. Им. Рус. геогр. общ. кн. VII.

Иметинъ вѣритъ въ существованіе *дчинки* — существо небольшаго роста, похожее на человѣка и все сплошь обросшее волосами. *Дчинка* соблазняетъ и топитъ людей и, преимущественно, дѣтей. Дчинки живутъ въ пещерахъ и ущельяхъ и выходятъ оттуда въ послѣднихъ числахъ октября и первыхъ ноября, для ловли людей; живутъ они и въ лѣсахъ, гдѣ показываются, то въ образѣ женщины-красавицы, то въ образѣ птицы или звѣря [1].

Всѣ, напримѣръ, имеретины, носятъ на шеѣ вмѣсто креста небольшую икону, въ серебряномъ ковчежкѣ, на серебряной цѣпочкѣ и часто съ мощами; иногда ковчежекъ обшиваютъ кожею. Иконы эти въ такомъ уваженіи, что клятва, произнесенная передъ нею, считается непоколебимою. Ни мужчина, ни женщина, не снимутъ съ себя этой иконы даже и во время купанья. Въ простомъ народѣ существуетъ повѣрье, что если снять этотъ образъ во время купанья, то *духъ-деви* утопитъ купающагося. Верстахъ въ пяти отъ сел. Амоглеби, по дорогѣ къ Багдаду, въ горахъ, которыми окружено это мѣсто, говорятъ и живетъ этотъ духъ. Туземцы показываютъ на берегу р. Сулори камень, имѣющій форму сѣдалища съ подножками, на которомъ есть отпечатокъ слѣда двухъ ступней человѣческихъ, а это-то и говорятъ ступни духа-деви. Духъ этотъ способенъ на различнаго рода превращенія: можетъ обернуться красавицей и тогда того, кого соблазнитъ, надо окурить волосами, отрѣзанными отъ русыхъ косъ.

Сплошные роскошные лѣса вызвали у туземцевъ повѣріе въ существованіе лѣсныхъ женщинъ, лѣснаго человѣка и въ разнаго рода лѣсныя сверхестественныя силы. Они вѣрятъ, что въ глубинѣ ихъ обширныхъ лѣсовъ, живутъ *трисъ-кали*—лѣсныя женщины и *каджи* — лѣсные мужчины, одаренные безсмертіемъ и самыми блестящими качествами.

«Лѣсныя женщины, говоритъ И. Пантюховъ, молоды, очень красивы; они ночью неожиданно появляются одинокому путнику, останавливаютъ его лошадь, стараются прельстить его своею красотою и увлечь въ свое таинственное жилище. Двое, изъ которыхъ одинъ офицеръ, какъ очевидцы, разсказывали мнѣ, что сами видѣли этихъ женщинъ и одинъ изъ нихъ отдѣлался тѣмъ, что произнесъ особенную молитву и много разъ повторилъ имена самыхъ уважаемыхъ здѣсь святыхъ—св. Петра, Илію, Георгія (цминда Петре, Иліямъ, Георгій), а другой выстрѣлилъ въ нее, и спасся быстротою своего коня. Впрочемъ, если кто согласится уйти съ лѣсною женщиною, то она прекрасно угощаетъ его, даритъ дорогіе вещи и заставляетъ быть своимъ мужемъ. При этомъ онъ можетъ иногда уходить домой, жить съ семьею, но не долженъ бывать въ церкви, и, повидимому, только отъ того связь эта считается большимъ грѣхомъ. Однако бывали случаи, что попавшіеся къ лѣсной женщинѣ и чѣмъ-либо прогнѣвившіе ее, возвращались домой помѣшанными или избитыми».

---

[1] Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавк. 1857 г. № 59 и 63.

«Лѣсной человѣкъ, весьма здоровый и сильный, ходящій всегда съ двумя топорами, остановивъ путника, предлагаетъ ему нѣсколько загадокъ и если остановленный рѣшитъ ихъ, то *каджи* его отпускаетъ; а нѣтъ — то убиваетъ. Нѣкоторые охотники находятся съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, даютъ ему часть добычи и каджи благоволитъ къ нимъ и указываетъ, гдѣ есть звѣри. Но въ случаѣ крайности и отъ него, какъ отъ лѣсной женщины, можно отдѣлаться произнесши болѣе ста разъ: цминда Петре, цминда Илія, цминда Георгій. Сила этихъ словъ такъ велика, что противъ нихъ не устоитъ никакое волшебство» (1).

Въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, всѣ базары бываютъ по пятницамъ потому, что въ этотъ день жители не занимаются земледѣліемъ, считая это за большой грѣхъ. Ни одинъ крестьянинъ въ пятницу не станетъ работать плугомъ и не повернетъ колеса своей арбы ни за какія сокровища.

— Въ этотъ день, говорятъ старики, земля была орошена пречистою кровію—она и породитъ кровь. Сама земля выбросила изъ себя сѣмена въ этотъ великій день, отъ сильнаго землетрясенія; ночь продлилась на цѣлые три часа въ этотъ день — чего же еще вамъ нужно? Ни за что не будемъ тревожить земли въ пятницу!

— Отчего же вы не хотите повернуть колеса вашей арбы? спрашивалъ ихъ одинъ изъ путешественниковъ.

— Но развѣ вы не слыхали, отвѣчали ему, что земля въ этотъ день повернулась и произвела сильное колебаніе.

Чтобы имѣть понятіе насколько суевѣрны имеретины, мы приведемъ одинъ изъ недавнихъ случаевъ, разсказанный корреспондентомъ Кавказа (2).

Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ того какъ одинъ крестьянинъ изъ селенія Алхети (въ Рачѣ) женился, но дѣтей у него не было. Имѣя непреодолимое желаніе оставить послѣ себя прямаго наслѣдника, онъ нѣсколько разъ обращался къ туземнымъ ворожеямъ и просилъ ихъ угадать причину его бездѣтности. По совѣту ихъ онъ то отправлялся на богомолье за нѣсколько десятковъ верстъ, то поилъ свою жену различными лекарствами, но успѣха не было. Наконецъ одна изъ знахарокъ приписала причину бездѣтности тому обстоятельству, что мѣсто, на которомъ живетъ злополучный имеретинъ, заколдовано и онъ до тѣхъ поръ не будетъ имѣть дѣтей, пока не переселится на другое мѣсто—и вотъ имеретинъ переноситъ свое жилище на новое пепелище, но и это средство оказывается безполезнымъ — у него всетаки не родится ребенокъ.

Однажды ночью—когда имеретинъ вѣроятно думалъ о наслажденіи и ра-

(1) О миѳахъ и повѣрьяхъ туземцевъ Ріонской долины. И. Пантюхова. Кавказъ 1867 г. № 27 и 28.

(2) Рача. Кавказъ 1870 г. № 105.

дости имѣть дѣтей — видитъ онъ сонъ: къ нему является сѣдой какъ лунь старикъ въ длинномъ платьѣ.

— У твоего сосѣда, говоритъ старецъ, есть палка, если ты ее пріобрѣтешь, у тебя непремѣнно родится сынъ.

Обрадованный такими словами имеретинъ встаетъ очень рано, отправляется къ сосѣду и проситъ уступить ему палку. Тотъ сначала говоритъ, что у него нѣтъ никакой палки, но когда никакъ не могъ отвязаться отъ просьбы пришедшаго, то отыскиваетъ гдѣ-то въ углу палку и отдаетъ ее просителю. Послѣдній возвратившись домой съ палкой и прячетъ ее подъ постель. Черезъ годъ послѣ пріобрѣтенія палки, по странному стеченію обстоятельствъ, у имеретина рождается ребенокъ. И вотъ палка пріобрѣтаетъ огромное значеніе среди жителей селенія; никто не сомнѣвается въ чудотворномъ дѣйствіи палки и многія хотятъ пріобрѣсти ее, но напрасно: настоящій владѣлецъ скорѣе согласится отдать кому-нибудь все свое имущество, чѣмъ эту палку.

Спустя много времени, у сосѣда, въ углу хаты котораго отыскалась палка, заболѣлъ сынъ и не было надежды на его выздоровленіе. Отчаявающійся отецъ вспоминаетъ при этомъ свою палку, которую уступилъ бездѣтному имеретину и приписываетъ этому болѣзнь своего сына. Бывшій владѣлецъ палки бѣжитъ къ настоящему ея хозяину и требуетъ ее обратно. Тотъ не отдаетъ, говоря, что если онъ возвратитъ палку, то можетъ быть отъ этого умретъ его сынъ. Дѣло доходитъ до сельскихъ судей. Судьи до сихъ поръ ничего не могутъ сдѣлать и разсказываютъ, что дѣло о палкѣ будетъ передано мировому судьѣ.

Суевѣріе, вкоренившееся въ народѣ, перешло и въ обычай, которымъ, напримѣръ, въ Гуріи сопровождается рожденіе ребенка.

Родильницу помѣщаютъ въ комнатѣ, гдѣ нѣтъ пола, накидываютъ сѣно и на немъ стелютъ постель. Надъ постелью прикрѣпляется къ потолку веревка, такъ чтобы родильница могла ухватиться за нее при самомъ разрѣшеніи. Въ головахъ постели ставится образъ Божіей Матери. Священникъ читаетъ Евангеліе, до самаго разрѣшенія, а мужъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ. Родится сынъ — радуются, веселятся и стрѣляютъ, а дочь — ничего не бываетъ. Кто первый скажетъ отцу *«у тебя родился сынъ»*, тому дѣлаютъ подарокъ.

По окончаніи стрѣльбы, родильницу переводятъ въ другую убранную комнату, покрываютъ сѣтью, чтобы не упалъ на нее нечистый духъ и завѣшиваютъ парчевымъ занавѣсомъ. Подъ подушки кладутъ раковины. До благополучнаго разрѣшенія отъ бремени, родственники плачутъ. Первую ночь семейство не спитъ до самаго разсвѣта. Едва разнесется вѣсть о рожденіи дитяти, какъ всѣ знакомыя спѣшатъ поздравить, наряжаясь при этомъ въ разныхъ животныхъ и костюмы. Собравшіеся пьютъ, веселятся и тѣшатся (1).

---

(1) Новый годъ и другіе обряды Гурійцевъ. Накашидзе, Кавк. 1848 г. № 27.

Въ Мингреліи и Гуріи существуетъ также обычай *усыновленія* взрослыхъ лицъ. Человѣкъ, питающій особое уваженіе къ какой-либо женщинѣ, можетъ просить ее, чтобы она усыновила его. Въ Гуріи, какъ усыновляющая, такъ и усыновляемый передъ совершеніемъ обряда нѣсколько дней постятся и затѣмъ усыновляемый сосетъ грудь у нареченной матери, въ присутствіи родственниковъ и близкихъ знакомыхъ. Въ Мингреліи предварительный постъ не составляетъ необходимости. Здѣсь усыновляющая и усыновляемый призываютъ священника и нѣсколькихъ свидѣтелей. Усыновляемый становится на колѣна, усыновляющая раскрываетъ грудь, а священникъ читаетъ надъ ними приличную этому случаю молитву. Затѣмъ усыновляемый беретъ въ ротъ сосокъ нареченной матери, которая одну ногу ставитъ ему на спину, какъ бы для большаго скрѣпленія родства. Это родство высоко уважается мингрельцами и гурійцами и никакія тѣлесныя связи не допускаются послѣ этого, ни между лицами совершившими этотъ обрядъ, ни между дѣтьми ихъ. По окончаніи обряда, они пируютъ празднуя свое новое родство.

Впрочемъ, въ настоящее время, обычай этотъ ослабѣваетъ и замѣняется родствомъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ *молочнаго*. У туземцевъ еще и до сихъ поръ существуетъ обыкновеніе отдавать своихъ новорожденныхъ дѣтей на воспитаніе другимъ, безъ различія сословія, гдѣ питомецъ остается иногда до 10 лѣтъ. По окончаніи этого времени, воспитатели привозятъ своего воспитанника съ подаркомъ къ родителямъ, которые вознаграждаютъ его вдвое и втрое большими подарками.

Молочное родство считается священнѣйшимъ и воспитатели предпочитаютъ воспитанника своимъ дѣтямъ; нигдѣ молочный братъ или сестра не пользуются такими правами, какъ въ Гуріи.

Говоря объ обычаяхъ, нельзя пройти молчаніемъ особенно характеристичнаго — оплакиванія умершаго и обряда погребенія одинаково соблюдаемыхъ всѣми поколѣніями картвельскаго или грузинскаго племени. Конечно соблюдаемыя при этомъ обычаи нельзя назвать тождественными въ подробностяхъ, но ниже слѣдующій разсказъ представляетъ сводъ всѣхъ тѣхъ особенностей, которыя замѣчаются какъ у грузинъ и гурійцевъ, такъ у имеретинъ и мингрельцевъ —это, такъ сказать, общая картина похоронъ у всѣхъ поколѣній.

Со смертію одного изъ членовъ семейства, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, дѣлаются приготовленія къ публичному его оплакиванію. Присутствующіе ближайшіе родственники, родители, братья, однимъ словомъ *чирисъ-упали*, разсылаютъ во всѣ концы письма къ родственникамъ и друзьямъ покойнаго, съ извѣщеніемъ о постигшемъ ихъ несчастіи и съ приглашеніемъ на оплакиваніе, продолжающееся иногда нѣсколько дней и даже цѣлую недѣлю, смотря по достоинству и званію умершаго лица, по числу оплакивающихъ лицъ, близости или дальности ихъ мѣстожительства.

Пока не соберутся родственники или же не получится извѣстіе, что такіе то не могутъ пріѣхать, покойникъ не смотря на жаръ, остается въ домѣ не

похороненымъ иногда очень долго и въ особенности это чаще всего случается въ Гуріи ([1]).

Кромѣ родныхъ и друзей, созываются также и сосѣди, которыя, кромѣ оплакиванія, исполняютъ при этой церемоніи нѣкоторыя собственно для этого случая установленныя должности.

Нѣсколько человѣкъ изъ самыхъ почетнѣйшихъ сосѣдей покойнаго, выбираются въ *мимгебели*, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобы встрѣтить каждое вновь пріѣхавшее лицо, привѣтствовать его поклономъ и проводить къ гробу покойника. Другой сосѣдъ назначается для исполненія обязанности *чихаули*—наблюдателя за тѣмъ, чтобы всѣмъ оплакивающимъ лицамъ и посѣтителямъ во время угощеній было подаваемо всего въ достаточномъ количествѣ. Остальные принимаютъ названіе *мезаре*—что-то въ родѣ пѣвчихъ—и раздѣляются на хоры отъ 8 до 15 человѣкъ, такъ чтобы въ каждомъ были: баса, тенора и даже альта. Два или нѣсколько хоровъ, стоя въ домѣ, гдѣ поставленъ гробъ, должны непрерывно тянуть *зари*—пѣніе, выражающееся не въ словахъ, а въ громкихъ, крикливыхъ, нераздѣльныхъ и дикихъ звукахъ. Остальные хоры пѣвчихъ остаются на дворѣ, и, съ пѣніемъ *зари* сопровождаютъ къ гробу приходящихъ сосѣдей и прочихъ постороннихъ *матирале*, т. е. плакальщиковъ, исключая родственниковъ, которые сопровождаются ихъ собственными хорами. Когда всѣ приготовленія окончены, должности распредѣлены и хоры составлены, тогда начинается самая церемонія.

Священникъ совершаетъ литургію, по окончаніи которой, онъ, въ полномъ облаченіи и въ сопровожденіи другихъ лицъ духовнаго званія отправляется въ домъ гдѣ лежитъ покойникъ и остается тамъ цѣлый день для пріема пріѣзжающихъ па оплакиваніе.

Чирисъ-упали одѣваются въ трауръ и всѣ женщины становятся по одну сторону гроба, оставляя другую свободною, для доступа постороннихъ оплакивающихъ лицъ (матирале); мужчины становятся неподалеку отъ гроба, прислонившись спинами къ стѣнамъ сакли. Громкое рыданіе близкихъ родственниковъ и пронзительно-унылые звуки пѣвчихъ, даютъ знать, что церемонія и оплакиваніе начинается. Спустя нѣкоторое время, со двора слышны точно такіе же рѣзкіе звуки другихъ хоровъ пѣвчихъ и громкое рыданіе,—то спѣшатъ на оплакиваніе новые родственники, сопровождаемые 20 или 30 спутниками обоего пола; они ѣдутъ или идутъ съ большою церемоніею. Если умершій или умершая принадлежатъ къ числу почетныхъ лицъ, то свита родственниковъ или знакомыхъ, ѣдущихъ на оплакиваніе, доходитъ иногда до огромной цифры 200 человѣкъ и болѣе. Подъѣзжая къ дому, свита эта обыкновенно раздѣляется на эшелоны, которые посылаются одинъ за другимъ па

([1]) Одинъ изъ очевидцевъ присутствовавшій на оплакиваніи княгини говоритъ, что оно продолжалось 17 дней. См. обычай оплакиванія въ Гуріи. Кавказъ 1856 г. № 37.

значительномъ разстоянiи, съ тою цѣлiю, чтобы сдѣлать прiѣздъ свой параднѣе и дольше протянуть обрядъ оплакиванiя.

Весьма часто ѣдущiе на оплакиванiе, берутъ съ собою хористовъ, которые во все время поютъ монотонно *вай, вай, вай!* Если въ числѣ ѣдущихъ на оплакиванiе бываетъ женщина, то она ѣдетъ также верхомъ и одѣвается въ черное платье, имѣя распущенныя, но гладко причесанные волосы. У воротъ дома, прiѣзжихъ встрѣчаютъ: протодiаконъ съ кадиломъ и священникъ съ крестомъ. Начиная отъ воротъ и до самой галлереи дома, стоятъ безъ шапокъ улицею, въ два ряда, крестьяне умершаго, обязанные плакать при появленiи каждаго новаго лица.

— Гдѣ вашъ господинъ? спрашиваетъ крестьянъ прибывшiй посѣтитель. Гдѣ вашъ отецъ?—вы осиротѣли бѣдные?..

— Господинъ NN! отвѣчаютъ крестьяне—сожалѣйте о насъ бѣдныхъ, несчастныхъ! забросайте насъ каменьями!..

— Утѣшьтесь, друзья мои, вмѣстѣ со мною, онъ будетъ за насъ молиться, а мы за него помолимся.

— Помилуй насъ NN, помилуй!.. Вай, вай наши головы! вай, вай, вай!..

У крыльца стоитъ лошадь покойнаго въ траурѣ и осѣдланная обратно—лукою къ хвосту. Она отдается потомъ священнику или лучшему другу покойнаго. Подлѣ лошади стоитъ кто-либо изъ прислуги, вооруженный оружiемъ покойнаго, которое надѣто на немъ вверхъ ногами.

— Что ты плачешь, бѣдное благородное животное? говоритъ посѣтитель, обращаясь къ лошади. Ты лишилась друга! того ужъ нѣтъ, съ кѣмъ ты бросалась въ станъ непрiятельскiй, попирала враговъ и выходила съ могучимъ и ловкимъ сѣдокомъ, цѣла и невредима. Да, мы съ тобой осиротѣли! Никто тебя уже не потреплетъ по шеѣ. Плачь со мною, бѣдный конь!..

Входя съ галлереи въ комнату, вы встрѣтите нѣсколько человѣкъ или однофамильцевъ, или друзей, почетныхъ лицъ, или сосѣдей! Тутъ же стоитъ гробъ умершаго, окруженный духовными лицами, и въ сторонѣ отъ котораго помѣщается ближайшая и лучшая прислуга, одѣтая въ черномъ платьѣ. Въ комнатѣ, гдѣ стоитъ тѣло покойника, всѣ окна завѣшаны черною тканью, а посреди ея въ полумракѣ, смѣшанномъ съ облаками ладона, стоитъ катафалкъ, осѣняющiй гробъ и тѣло. Въ одномъ изъ угловъ комнаты устроенъ навѣсъ изъ чорной матерiи, подъ которой, поджавъ подъ себя ноги, сидятъ родственники умершаго. Иногда же они сидятъ въ особой и также полуосвѣщенной комнатѣ. Всѣ они одѣты въ самое лучшее платье, съ распущенными волосами, съ растегнутыми рубашками и обнаженною грудью. Самый близкiй изъ родственниковъ сидитъ на голомъ полу, и только чрезъ нѣсколько дней соглашается пересѣсть на коверъ. Наконецъ, въ третьей комнатѣ вы встрѣтите *нишнеби* (*знаки или куклы*), изображающiе собою мужа и жену, и одну куклу, если покойный былъ холостъ. Куклы также одѣты въ лучшiя платья, и бываютъ или въ лежачемъ, или сидячемъ положенiи, причемъ представляю-

щая мужчину держитъ въ рукахъ книгу и перо, а женщину—орудія рукодѣлія. Изъ этой послѣдней комнаты вы выходите снова на галлерею, гдѣ на одной сторонѣ разложены серебряныя вещи и другія драгоцѣнности умершаго.

Такова картина дома, къ которому подходятъ пріѣзжіе, встрѣчаемые у галлереи почетными лицами. Въ сопровожденіи послѣднихъ посѣтитель входитъ въ комнату, гдѣ стоитъ покойникъ.

— О другъ мой, говоритъ онъ ударяя себя въ грудь, всхлипывая за каждымъ періодомъ рѣчи, что я вижу! кого я потерялъ, кого лишился, кто же мнѣ замѣнитъ тебя? кто же теперь будетъ моимъ утѣшителемъ, моею славою? за чѣмъ ты осиротилъ меня, жену и дѣтей?..

— Проснись! встань! кричитъ онъ наклонившись къ гробу покойника. Внимай рыданіямъ стольких лицъ? скажи намъ хоть слово?

Конечно всѣ его восклицанія и просьбы остаются безъ отвѣта.

— Безжалостный ты! кричитъ тогда пришедшій упрекая покойника, не хочешь насъ слушать!.. идешь на тотъ свѣтъ, куда ушелъ твой дѣдъ (и еще такія-то лица) и откуда никто не возвращался?.. Да дастъ тебѣ Богъ счастливый путь!..

Затѣмъ посѣтитель проситъ покойника кланяться отъ него лицамъ прежде умершимъ и передать имъ то-то. Чѣмъ больше и краснорѣчивѣе говоритъ оплакивающій, тѣмъ больше довольны родственники, видя въ этомъ большую привязанность оплакивающаго къ умершему.

Выразивъ свою печаль съ плачемъ и рыданіемъ, надъ гробомъ усопшаго, посѣтитель переходитъ въ слѣдующую комнату, и становясь на колѣни передъ ближайшимъ родственникомъ, называетъ его по имени.

— Батоно (господинъ) NN, говоритъ онъ—какъ тоскуетъ и изнываетъ сердце мое при твоемъ несчастіи!

— Какими глазами, отвѣчаетъ тотъ, я смотрю на себя, братъ мой! Да какъ же ты не закидаешь меня каменьями?!

— Какую драгоцѣнность потерялъ ты!

— Что онъ съ нами сдѣлалъ, осиротивъ насъ; какъ же ты не сожалѣешь обо мнѣ?

— Гдѣ же нашъ возвеличитель, гдѣ нашъ утѣшитель? Куда вы его дѣли? о! о! о!

— Не лучше ли было мнѣ умереть? спрашиваетъ родственникъ; что съ нами будетъ?

— Крѣпись, братъ мой! отвѣчаетъ посѣтитель, чтожъ дѣлать! Такова была воля Господня! мы должны повиноваться Ему.

— Ты ли говоришь мнѣ это?.. могу ли я жить послѣ него.

— Довольно, братъ мой, довольно!.. Ты долженъ жить для дѣтей, для дома, чтобы не попралъ ихъ врагъ! ты долженъ жить, чтобы молиться за покойнаго!..

Проговоривъ эти слова, посѣтитель встаетъ и переходитъ въ слѣдующую комнату, гдѣ видитъ *нишнеби* (куклы).

— Вотъ гдѣ изволите обрѣтаться! говоритъ онъ останавливаясь передъ куклами, а я думалъ, что вы оставили насъ... я былъ обманутъ!.. но нѣтъ! я обманываю себя, свои чувства! его уже нѣтъ здѣсь... намъ осталось только тлѣнное платье твое... дѣйствительно ты оставилъ насъ...

Съ этимъ грустнымъ убѣжденіемъ посѣтитель выходитъ на галлерею, гдѣ разложено оружіе покойнаго.

— Гдѣ же тотъ, кто владѣлъ тобою геройски? спрашиваетъ онъ; кто страшилъ и попиралъ враговъ? Гдѣ та сильная рука, которая разрубала тобою врага пополамъ? гдѣ тотъ могучій Голіаѳъ? Онъ умеръ, онъ уже прахъ!

— Не нужны ужь вы намъ! говоритъ онъ обращаясь къ серебрянымъ и другимъ драгоцѣннымъ вещамъ; того ужъ нѣтъ, съ кѣмъ мы веселились, распивая этими чашами вино, кто украшался вами; онъ хуже чѣмъ вы: онъ земля!.. Нѣтъ! онъ не хуже! нисколько!.. онъ — священная для меня земля.

Обойдя съ подобными восклицаніями всѣ комнаты дома и вещи покойнаго, посѣтитель идетъ къ себѣ домой или возвращается во вторую комнату, въ ту гдѣ родственники, но непремѣнно другимъ путемъ, отнюдь не входя въ тѣ комнаты, въ которыхъ уже былъ. Родственники также могутъ уходить домой, но обязаны, каждый день утромъ и вечеромъ, приходить и поплакать вмѣстѣ съ ближайшимъ родственникомъ покойнаго, почти съ тѣми же причитаніями, какъ и въ первый разъ.

Изъявленіе сожалѣнія зависитъ отъ краснорѣчія плакальщика, которому присутствующіе отвѣчаютъ также пронзительнымъ воемъ. Отъ этого въ комнатѣ по мѣрѣ накопленія посѣтителей, раздается раздирающій душу плачъ, невольно заставляющій разчувствоваться и самаго безчувственнаго человѣка. По окончаніи плача, всѣ выходятъ изъ комнатъ и прихлопываютъ три раза дверями. Но одна толпа родственниковъ не окончила своего оплакиванія, какъ на горѣ появляется другая еще большая, оглашающая своимъ крикомъ и рыданіемъ всю окрестность. Съ увеличеніемъ числа оплакивающихъ, увеличиваются крики и рыданія.

Когда всѣ родственники окончили свой *очередной* плачъ, то прежде чѣмъ приступятъ къ выносу покойника изъ дому, начинается плачъ *всеобщій*. Каждый старается перекричать своего сосѣда и отличиться плачемъ: шумъ, крикъ и неистовыя движенія, наполняютъ комнату. Родственники плачутъ и кричатъ, отъ чистаго сердца отъ скорби, а сосѣди бьютъ себя въ грудь и рвутъ волосы, бьютъ себя головою объ стѣну, можно сказать, по обязанности, по изстари заведенному обычаю. Лица, которыя, при жизни покойнаго, были въ разладѣ съ нимъ и даже ненавидѣли его, теперь до крови царапаютъ себѣ

лица и груди, рвутся, чтобы броситься въ воду, показываютъ видъ, что намѣрены убить себя какимъ-либо оружіемъ, и мечутся такъ, что два человѣка едва въ состояніи удержать ихъ. Они бранятся, просятъ не держать, пустить ихъ, и умоляютъ, чтобы дозволили прекратить несносную для нихъ жизнь. Они бросаются къ гробу и не дозволяютъ поднять его, чтобы вынести изъ дому—такова сила обычая.

Съ разнаго рода затрудненіями удается вынести умершаго изъ дому [1] и тогда у гурійцевъ передъ гробомъ является человѣкъ, которому даютъ *сулис-сагзали* [2] (путевая провизія для души) состоящую изъ кувшина съ виномъ и печенаго хлѣба. Провизію эту необходимо нести прямо на кладбище отнюдь не оглядываясь ни разу назадъ, иначе *сулис-сагзали* не достигнетъ своего назначенія. Гурійцы убѣждены, что душа человѣка, оставляя тѣло и отправляясь въ дорогу, имѣетъ нужду въ провизіи. По вѣрованію туземца, послѣ смерти душа человѣка остается на землѣ въ теченіи 40 дней и нуждается въ пищѣ точно также какъ все живущее на землѣ; съ переселеніемъ же, послѣ этого срока, на небо она, забывая все земное, отвыкаетъ мало по малу и отъ пищи. Отъ этого родственники умершаго въ теченіи 40 дней во время обѣда и ужина оставляютъ для покойнаго особую порцію, и, отдавая ее нищему, думаютъ что она чудеснымъ образомъ достигаетъ до умершаго.

Въ Имеретіи при выносѣ покойника изъ дому разбиваютъ нѣсколько стеколъ въ окнахъ. Самые близкіе родственники разуваются и идутъ за гробомъ босые, хотя бы въ это время былъ снѣгъ или морозъ.

Возвращаясь съ кладбища, въ воротахъ дома умываютъ руки виномъ съ водою и потомъ садятся за столъ, исключая близкихъ родственниковъ. За обѣдомъ подаютъ постныя кушанья и это постничанье продолжается: для близкихъ посторонних пріѣзжающихъ каждый день, семь дней, а для близкихъ родственниковъ, 40 дней. Члены семейства умершаго постятся обыкновенно круглый годъ; не ѣдятъ въ это время сладкихъ блюдъ и фруктовъ, а иногда отказываются на всегда отъ тѣхъ блюдъ, которыя любилъ покойный.

Начиная съ пятнадцатаго дня послѣ похоронъ самые близкіе родственники надѣваютъ трауръ и носятъ его въ продолженіе года, а иногда и болѣе; дальніе же родственники носятъ его 15 или 40 дней, или до перваго торжественнаго храмоваго праздника.

Во время траура носятъ самое грубое черное платье, не брѣютъ бороды, не стригутъ волосъ, избѣгаютъ общества и развлеченія; члены же семейства

---

(1) Но иногда затрудненія эти такъ велики, что тѣло уносятъ тайкомъ на кладбище. См. обычай оплакиванія въ Гуріи. Кавк. 1856 г. № 37.

(2) Сули—душа, сагзали—путевая провизія.

часто запираются въ темную комнату на 40 дней и въ теченіи цѣлаго года не входятъ въ ту комнату, въ которой скончался покойный.

Въ седьмой и сороковой день совершаютъ *гамотирили* (выплакиваніе или послѣднее оплакиваніе). Родственники собираются на кладбище и около могилы ставятъ столъ, разстилаютъ на немъ ковры, а на нихъ кладутъ платье покойнаго, надъ которымъ снова плачутъ и рыдаютъ. Опустя нѣсколько времени совершаются *агапи* (поминки). Пригласивъ духовенство, родныхъ, друзей и знакомыхъ, закалываютъ нѣсколькихъ быковъ, или коровъ, овецъ и куръ, при чемъ въ Гуріи окрашиваютъ куриныя яйца въ красный цвѣтъ. Послѣ панихиды, духовенство благословляетъ приговленныя яства и всѣ принимаются за обѣдъ. «Священникамъ и особенно духовнику умершаго подаются лучшія кушанья и по нѣскольку красныхъ яицъ. Порціи эти, священникамъ поданныя и называемыя *аршиви*, довольно велики, такъ что они отсылаютъ часть ихъ къ своимъ семействамъ. На *агапи* между прочимъ духовникъ покойника, съ большимъ усиліемъ, побуждаетъ *чирисъ-упалъ* принимать скромныя яства (¹)».

Чтобы имѣть лучшее понятіе о поминкахъ я опишу тѣ, которыя были совершены 12 сентября 1846 года надъ прахомъ владѣтеля Мингреліи князя Левана Дадіана.

На равнинѣ, подъ горою, собирались толпы пѣшихъ и конныхъ Мингрельцевъ. Они въ безпорядкѣ стремились къ Мартвирской горѣ, на которой стоитъ древній монастырь Мартвири, гдѣ погребено тѣло Дадіана. Унылый похоронный благовѣстъ монастырскихъ колоколовъ призывалъ молящихся въ церковь. Передъ церковною папертью стояли улицею дворяне и служителя въ траурѣ и съ открытыми головами. У входа въ храмъ конюхи держали двухъ коней въ траурныхъ попонахъ; а у самыхъ дверей храма два знамени: одно пожалованное императоромъ Александромъ I, какъ знакъ власти Дадіана, другое Георгіевское, заслуженное мингрельскою милиціею, на полѣ брани.

Внутри храма, по правую сторону царскихъ вратъ, виденъ помостъ, гдѣ покоится прахъ усопшаго, покрытый парчевымъ покровомъ. Въ головахъ помоста, въ серебряныхъ подсвѣчникахъ, горѣли три восковыя свѣчи, а кругомъ помоста причетъ и духовенство въ погребальномъ облаченіи. Печальные стоны и рыданія слышались издали: двое князей вели подъ руки дряхлаго старика, за ними слѣдовала толпа народу босикомъ, съ обнаженными головами, и одѣтая вся въ трауръ. Столѣтній старецъ, рыдая, рвалъ на себѣ волосы, билъ по лицу и головѣ и стоналъ голосомъ, раздирающимъ душу. Толпа вторила его рыданіямъ. Онъ опустился на парчевый покровъ и предался неутѣшной скорби и сѣтованію, стучалъ головою о помостъ и всѣ предстоящіе

(¹) Погребальные обряды у Гурійцевъ Кавк. 1855 г. № 21.

въ храмѣ отвѣчали ему громкимъ рыданіемъ, жалобнымъ крикомъ и ударами по различнымъ частямъ тѣла.

— Бѣда! бѣда постигла насъ! кричалъ старикъ, люди, кого мы лишились?

— Вай, вай, отвѣчалъ народъ, возгласы котораго глухо отдавались подъ сводами церкви.

— За тѣмъ-ли я жилъ столько времени, продолжалъ тотъ же старецъ, чтобы оплакивать твоего отца, плакать и надъ тобою?.... Пустите я разобью себѣ голову объ эту могилу! Мнѣ жизнь не нужна, когда тотъ, который былъ отцомъ народа и моимъ, оставилъ насъ....

— Вай, вай, прерывали его нѣсколько голосовъ.

— Зачѣмъ ты оставилъ насъ? Или мы тебя мало любили, не слушались, не жертвовали послѣднимъ своимъ достояніемъ и кровію?... Сочти капли крови въ жилахъ моихъ, сочти ихъ въ каждомъ изъ твоихъ подвластныхъ и ты увидишь что много пролито ея въ битвѣ съ врагами твоими и нашего царя. Зачѣмъ же ты оставилъ насъ?...

— Вай, вай!...

— Кто же поведетъ сыновъ и внуковъ моихъ на толпы враговъ, когда они сойдутъ съ горъ раззорять наши жилища? Кто защититъ насъ; кто оправдаетъ невиннаго, кто призритъ нищаго? Отецъ, зачѣмъ ты оставилъ насъ сиротами? Возьми, возьми, призови меня къ себѣ, несчастнаго твоего слугу!...

Старецъ сильно сталъ бить себя головою о помостъ, народъ смотря на него рыдалъ и вопилъ: *вай*! *вай*! Наконецъ, его подняли, оторвали отъ могилы и повели прочь.

Онъ остановился противъ одного изъ родственниковъ покойнаго.

— Николай, кого мы лишились, спросилъ онъ.

— Неспрашивай! отвѣчалъ тотъ... Я выплакалъ глаза, солнце для меня погасло, очи превратились въ камни, изъ которыхъ безпрерывно текутъ два горькихъ ключа, а не могутъ выплакать горе души!...

— Какое несчастіе постигло насъ!...

И переговаривавшіеся громко рыдая обняли другъ друга.

Народъ стоналъ смотря на эту сцену и удары истязаній заглушали всеобщій плачъ.

— Бѣда, бѣда постигла насъ несчастныхъ! раздался среди плача жалобный голосъ рачинскихъ старшинъ, повергшихся на парчевый покровъ.

— Я думалъ найти тебя только на одрѣ болѣзни, говорилъ одинъ изъ нихъ, а ты уже въ сырой землѣ, увлаженный слезами и кровію плачущихъ, осиротѣлыхъ дѣтей твоихъ!...

— Ты оставилъ насъ! произносилъ второй, вырывая клочья своихъ волосъ, ты закрылъ глаза на вѣки, а кто же будетъ оберегать насъ отъ хищныхъ сосѣдей, кто дастъ намъ хлѣбъ, когда не серпъ, а буря сожнетъ его?

Теперь и вихри и молніи, градъ и снѣгъ будутъ нищить насъ, будутъ заживо погребать несчастныхъ! Люди, чѣмъ вы прогнѣвили, что сдѣлали такое, что отецъ оставилъ васъ, ушелъ съ земли на небо и покинулъ насъ всѣхъ сиротами?...

Послѣднія слова его были прерваны оглушительнымъ крикомъ; больно, отчаянно и мучительно повторился подъ сводами крикъ женщины, которую вели подъ руки. Сѣдые волосы ея были окровавлены, грудь истерзана и раскрыта, руки судорожно царапали тѣло.

— Пустите! кричала она бросаясь на покровъ, дай-те мнѣ вмѣстѣ со слезами источить кровь на его могилѣ!... Ты оставилъ меня, а мать однимъ молокомъ вскормила насъ обоихъ, и я пережила тебя... А какъ я любила тебя, какъ молила: солнце, луну и звѣзды, небо, море и землю, пули и сабли—щадить тебя и миловать, любить какъ сама любила, не похищать у дѣтей отца любимаго, но земля не послушала и весь свѣтъ осиротѣлъ!... Солнце, луна и звѣзды на кого вы станете теперь любоваться, о чемъ теперь будете радоваться? Вездѣ лишь плачъ и стонъ, всѣ выплакали глаза, не увидятъ вашего сіянія—вай, вай! кого мы отдали землѣ.

— Вай, вай, отвѣчалъ ей народъ.

— Земля, для кого же теперь будетъ цвѣсти твоя красота, для кого созрѣваютъ твои плоды! кто станетъ преслѣдовать хищныхъ звѣрей, кто дастъ людямъ защиту, правду, любовь, кто изгладитъ мою печаль, осушитъ мои слезы? Лейтесь, лейтесь, пока всю душу невыплачу вами, пока отъ тоски не разорвется сердце, пока не разобью головы объ твою могилу! Заройте меня живую въ эту землю, не могу пережить, насъ одна мать вскормила своимъ молокомъ, пусть и одна земля покроетъ!

Толпа за толпой входила въ храмъ и вопли однихъ смѣнялись плачемъ и возгласами другихъ пришедшихъ. Изъ церкви каждый отправлялся оплакать лошадь покойнаго, его сѣдло, людей ихъ державшихъ, и затѣмъ въ домъ покойнаго. Тамъ тотъ же обрядъ оплакиванія производился надъ куклой, изображавшей покойнаго съ его регаліями.

Не говоря уже о близкихъ родныхъ, обрядъ этотъ имѣетъ потрясающее дѣйствіе на каждаго присутствующаго въ церкви и надо имѣть крѣпкіе нервы, чтобы, смотря на эту печальную картину, не прослезиться (¹).

Похороны стоятъ дорого семейству и облегчаютъ расходы его только тѣмъ, что сосѣди и знакомые жертвуютъ деньги и живность. Пожертвованія эти записываются въ приходо-расходные списки, съ тою цѣлію, чтобы имѣть впослѣдствіи основаніе, какому жертвователю сколько послать въ случаѣ подобнаго его несчастія (²).

(¹) Поминки надъ прахомъ владѣтеля Мингреліи кн. Левана Дадіана. Кавк. 1846 года № 39.

(²) Письма изъ Имеретіи, кн. Р. Эристова. Кавказъ 1857 г. № 79.

IV.

Взаимныя отношенія членовъ семейства: уваженіе къ старшимъ.—Туземная вѣжливость.—Управленіе существовавшее въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи.—Образъ жизни владѣтелей.—Административныя учрежденія въ Имеретіи.—Военное устройство.—Сословія, существовавшія въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи. — Духовенство и его положеніе. — Права и обязанности сословій.

Уваженіе къ старшимъ сохранилось въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи во всей первобытной силѣ. Взрослый сынъ безъ особаго разрѣшенія не сядетъ передъ отцомъ; точно также молодой человѣкъ, находясь въ обществѣ съ старикомъ преклонныхъ лѣтъ, не сядетъ пока не получитъ приглашенія. Дѣти хотя и обѣдаютъ съ своими родителями, но точно будто гости, участвующіе въ трапезѣ по особому приглашенію; «ни одно громкое или нескромное слово не можетъ быть произнесено дѣтьми въ присутствіи отца или старшихъ».

Старшій братъ, въ особенности если онъ послѣ смерти отца заступаетъ мѣсто главы семейства, пользуется уваженіемъ не только братьевъ и сестеръ, но и матери, которая покоряясь его волѣ и распоряженіямъ, сохраняетъ только за собою право на услуги и почтеніе старшаго ея сына. Въ Гуріи эта особенность доведена до такой тонкости, что младшіе члены семейства «считаютъ своею обязанностію не только повиноваться отцу или брату, но даже прислуживать имъ наравнѣ съ слугами».

Семейное начало, основанное на уваженіи старшихъ, перешло и въ общество, отразившись на отношеніяхъ владѣтеля къ его подданнымъ и крестьянъ къ ихъ владѣльцамъ.

Входить въ комнаты владѣтеля безъ его приглашенія никто не смѣлъ, но если царь или дадіанъ призывалъ къ себѣ нѣкоторыхъ князей и дворянъ, то войдя въ пріемную комнату, въ полномъ вооруженіи, они стояли вытянувшись до тѣхъ поръ, пока вышедшій къ нимъ владѣтель привѣтствовалъ ихъ легкимъ наклоненіемъ головы. Тогда всѣ находившіеся въ пріемной опираясь одною рукою на ружье, преклоняли колѣно и привѣтствовали владѣтеля приложеніемъ къ груди свободной руки. Если при этомъ владѣтель подзывалъ кого нибудь къ себѣ, тотъ нагибался чтобы поцѣловать полу его платья или колѣно.

Тотъ же самый обычай перешелъ изъ царскихъ чертоговъ и къ низшимъ слоямъ общества. Питая величайшую покорность къ своему господину, крестьянинъ—гуріецъ кланяется ему въ землю и по азіятскому обычаю цѣлуетъ полу

его одежды. Если при этомъ у крестьянина въ рукахъ плоды, рыба или дичь онъ подноситъ въ подарокъ своему господину лучшую часть и тѣмъ показываетъ что вся собственность его принадлежитъ владѣльцу. Отказаться въ этомъ случаѣ значитъ, хотя и наружно, но оскорбить крестьянина.

Въ Мингреліи относительно привѣтствія существуетъ совершенно обратный обычай. Тамъ при встрѣчѣ князя или дворянина съ крестьяниномъ, послѣдній до тѣхъ поръ не поклонится, пока князь или дворянинъ не скажетъ ему *здравствуй*!

При встрѣчѣ же двухъ равныхъ лицъ, или покрайней мѣрѣ такихъ, которыя хотятъ оказать другъ другу взаимную вѣжливость и учтивость, существуетъ опять новый этикетъ: каждый старается уступить другому честь перваго поклона. Встрѣтившіеся просятъ другъ друга, настаиваютъ, взаимно умоляютъ кланяться первымъ, но учтивость и благопристойность требуетъ, чтобы каждый не менѣе упорно отказывался отъ подобной чести.

— Ради-Бога начните вы, говоритъ одинъ.

— Никогда! отвѣчаетъ другой—я не хочу быть невѣжей.

— Если вы меня любите...

— Не могу ни за что унизить васъ.

Послѣ жаркихъ споровъ, продолжающихся обыковенно нѣсколько минутъ, спорящіе одновременно кланяются другъ другу и разъѣзжаются или расходятся спокойно.

Часто случается что встрѣтившіеся поспорятъ-поспорятъ между собою, да такъ и разойдутся не поклонившись, показывая этимъ, что въ высшей степени воспитаны и обладаютъ равною вѣжливостью.

Владѣлецъ, проѣзжающій по усадьбамъ своихъ крестьянъ, бывалъ всегда останавливаемъ ими. Изъ каждой сакли выходили отцы семействъ и выносили на небольшомъ лоткѣ все что было лучшаго въ домѣ. Чтобы не обидѣть хозяевъ, владѣльцу приходилось послѣ сладкаго винограда, отвѣдать кусочекъ соленаго творога; послѣ смоквы, сушеную рыбу или запеченую въ тѣсто форель.

Точно въ такомъ же положеніи были царь Имеретіи и владѣтельныя лица въ Мингреліи и Гуріи. Въ прежнее время правители проводили большую часть времени въ разъѣздахъ и обозрѣніи своихъ владѣній. Они ѣздили всегда въ сопровожденіи значительнаго числа свиты, состоявшей изъ князей и дворянъ.

Посѣщая своихъ вассаловъ имеретинскій царь, назначалъ обыкновенно день своего пріѣзда и посылалъ гонцовъ съ этимъ извѣстіемъ.

— Будь славенъ и полонъ радости, говорилъ обыкновенно царскій гонецъ хозяину, царь, сынъ царя будетъ твоимъ гостемъ.

Осчастливленный и обрадованный такою вѣстью, владѣлецъ устраивалъ торжественный праздникъ, чтобы достойно принять знаменитаго гостя. Хотя внутренно хозяинъ и не былъ радъ подобному посѣщенію, но наружно обычай исполнялся во всей строгости. Созывались окрестные дворяне, поэты,

пѣвцы, музыканты и угощеніе слѣдовало за угощеніемъ, вино лилось рѣкою.... Изъ зеленыхъ древесныхъ вѣтвей строились длинные балаганы; посреди ихъ возвышалась большая палатка, покрытая шелковою матеріею голубаго или краснаго цвѣта, а на верху палатки развѣвалось царское знамя. Два дерева, вѣтви которыхъ покрывались лаврами и цвѣтами, представляли иногда тріумфальную арку, красовавшуюся у наружной двери царской палатки.

Ведя жизнь кочующую, владѣтельныя особы не брезгали и худшимъ помѣщеніемъ. Первая сакля, шалашъ или густое дерево, служили дворцомъ: развареное или жареное мясо, а въ постъ, пшенная каша, бобы и зелень— составляли ихъ обѣдъ. Изысканность стола опредѣлялась не по качеству, а по количеству подаваемыхъ блюдъ и кушаній.

Столъ дворянина, князя и самаго владѣльца, ничѣмъ не различался. Владѣлецъ нерѣдко видѣлъ за своимъ столомъ нищаго, калѣку изуродованнаго и часто отвратительными струпьями покрытаго. Простота въ жизни была доведена до того, что владѣтельный князь, кочуя по такимъ мѣстамъ своихъ владѣній, гдѣ не было порядочной сакли, не гнушался жить съ царицею въ избѣ безъ пола, безъ потолка, грѣться около огонька, разведеннаго посреди избы, выкуривать себѣ глаза и «очень счастливымъ называться долженъ, если ходя по своимъ чертогамъ, не тонетъ по колѣно въ грязи».

Превосходный воздухъ и вода и обиліе даровъ природы, дозволяли вести такую кочевую жизнь и дѣлали ее довольно сносною. Туземцы пользовались мѣстными произведеніями природы. О доставкѣ ихъ изъ отдаленныхъ краевъ не хлопотали, довольствовались тѣмъ, что было подъ рукою, и слѣдовали точно русской пословицѣ: *хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ*. Дадіанъ мингрельскій, во время рыбной ловли, жилъ обыкновенно у р. Ріона; во время ловли фазановъ, оленей, дикихъ козъ и кабановъ — въ Одиши, куда дичь собиралась на зиму; во время жаровъ—въ Лечгумѣ, гдѣ нѣсколько разъ въ году мѣнялъ свое мѣстопребываніе. Пшеничный хлѣбъ онъ ѣлъ въ Лечгумѣ, а просяную кашу или гоми, вмѣсто хлѣба—въ Одиши, гдѣ пшеницу не сѣяли и гдѣ привозную не всегда было имѣть можно.

Доходы владѣтелей были вообще незначительны и ихъ можно раздѣлить на *прямые*, *косвенные* или правильнѣе *негласные*, *правительственные* и *личные*.

Подъ первыми слѣдуетъ разумѣть доходы съ недвижимыхъ имѣній, принадлежавшихъ собственно владѣтелю; подъ вторыми доходы со штрафовъ, за драки, воровство, съ таможенъ и проч. Третій видъ доходовъ получали съ городовъ и мѣстечекъ за право торговли, за ввозъ и вывозъ товаровъ и мѣстныхъ произведеній. Наконецъ, подъ послѣдними или *личными* доходами, надо подразумѣвать подарки отъ жителей, когда владѣтель удостоивалъ кого нибудь своимъ посѣщеніемъ, что изстари имѣло характеръ обычая освященнаго временемъ.

Отсюда видно, что доходы соразмѣрялись съ количествомъ крестьянъ, находившихся въ населенныхъ имѣніяхъ. Они заключались преимущественно въ сырыхъ произведеніяхъ земли, въ скотѣ, разнаго рода живности, количество и качество которыхъ трудно опредѣлить даже и приблизительно.

Главнѣйшій же доходъ ихъ заключался въ томъ, что владѣльцы, ведя постоянно кочующую жизнь, жили на счетъ тѣхъ селеній, которыя посѣщали. «Пока царь и окружающіе его находятъ пищу, жителями съ великимъ стараніемъ скрываемую, до тѣхъ поръ онъ съ того мѣста не выѣзжаетъ. Голодъ и жалобы народа въ насильствѣ и грабежѣ, возвѣщаютъ царю о необходимости выѣхать; простота сей жизни сливаетъ самовластіе съ рабствомъ. Царь, не смотря на лицо, лишающій безъ суда жизни своихъ подданныхъ, въ походахъ сихъ мало чѣмъ отличается: общій столъ и общая постель со всѣми; разность состоитъ только въ томъ, что мужикъ прислуживаетъ дворянину, дворянинъ—князю, а князь—царю».

До распаденія грузинскаго царства, Имеретія, Мингрелія и Гурія, управлялялись одними и тѣми же положеніями и на основаніи тѣхъ же мѣстныхъ обычаевъ, какія существовали во всѣхъ остальныхъ провинціяхъ царства. Съ распаденіемъ же Грузіи на отдѣльныя части, власть въ Имеретіи сосредоточилась въ лицѣ *Царя*, въ Мингреліи—въ лицѣ *Дадіана*, а въ Гуріи — въ лицѣ *Хесмиципе*, *Батони* или *Гуріеля*.

Гуріею управлялъ удѣльный наслѣдственный владѣтель, именовавшій себя иногда въ граматахъ и исходящихъ отъ него актахъ *хесмиципе* или *батони*, что въ переводѣ означаетъ: господинъ, властитель, государь. Впослѣдствіи, когда Гурія подпала подъ власть Порты, владѣтели ея принимали иногда званіе *хана*, и управляли страною съ утвержденія султана. Болѣе же популярнымъ въ это время наименованіемъ владѣтелей Гуріи, было названіе *Гуріель*, подъ которымъ знали его подданные, сосѣди, посторонніе владѣтели, мы русскіе, и даже самъ владѣтель называлъ себя большею частію Гуріелемъ.

Гуріель имѣлъ точно такое же значеніе, какъ дадіанъ и шамхалъ—исключительныя достоинства владѣтелей Мингреліи и Тарковъ. «Въ грамотахъ, при началѣ, гдѣ упоминалось имя владѣтеля, неупустительно было при немъ достоинство гуріеля, а хесмиципе, батони и ханъ, были въ родѣ прилагательныхъ титуловъ, и эти послѣдніе часто пропускались. Послѣ поступленія Гуріи въ подданство Россіи, правительство признало за ними титулъ *мтавари*, т. е. князь первенствующій, prince, fürst, а по русски титулъ этотъ переведенъ словомъ *владѣтель* или *владѣтельный князь*».

Жены владѣтелей Гуріи, именовались *дедопали*, что означаетъ царица и государыня. Этимъ же именемъ назывались и жены царей грузинскихъ, имеретинскихъ и дадіановъ мингрельскихъ. Слово *дедопали* грузинское и есть испорченное отъ *дедаупали*; послѣднее происходитъ отъ словъ *деда*—мать, женщина, и *упали*—господинъ или госпожа.

Дѣти и родственники, какъ царей, такъ и владѣтелей, именовались *ба-*

тоношвили, т. е. государевы дѣти, а имѣнія или удѣлы имъ принадлежавшіе, назывались *сабатонишвило*. Эти принцы крови составляли прежде во всѣхъ четырехъ поколѣніяхъ грузинскаго народа особое сословіе, нерѣдко довольно многочисленное и пользующееся большимъ значеніемъ и вліяніемъ среди народа. При вступленіи этихъ владѣній въ подданство Россіи, сословіе это, какъ увидимъ, было главнымъ источникомъ, откуда исходили всѣ подстреканія, волненія, заговоры и сопротивленіе русской власти.

Царь имеретинскій, дадіанъ мингрельскій и гуріель, были деспотами надъ своими подданными. По одной прихоти они рубили носъ, уши, выкалывали глаза и звѣрски поступали съ тѣми князьями, которые были слабы и не могли имъ противиться, страшились же сами тѣхъ, которые запершись въ своихъ замкахъ и пренебрегая властью владѣтеля, защищали себя отъ его нападеній. По одному капризу, безъ суда и расправы, истязали подданныхъ, точно также, какъ и награждали ихъ безъ видимыхъ заслугъ. Такъ однажды Соломонъ II, послѣдній царь имеретинскій, любуясь на джигитовку, происходившую передъ его глазами, замѣтилъ въ толпѣ неизвѣстнаго ему человѣка, обвѣшаннаго оружіемъ.

— Ты кто такой? спросилъ его царь.

— Ахалцихскій торговецъ, государь, отвѣчалъ тотъ преклонивъ колѣно.

— А за чѣмъ у тебя такъ много оружія и такая отличная винтовка?

— Этотъ товаръ мнѣ дороже всякаго инаго, отвѣчалъ торговецъ. Я не столько умѣю владѣть аршиномъ, сколько винтовкою.

— И хорошо стрѣляешь?

— Промахи даю рѣдко.

— Ну, вонъ тебѣ цѣль. Если попадешь—награжу, а если промахнешься, будешь хвастунъ и не долженъ мнѣ показываться на глаза.

Торговецъ выстрѣлилъ и попалъ въ цѣль.

— Молодецъ, молодецъ, сказалъ царь—я за это жалую тебя дворянствомъ.

Это былъ Мамаджанъ Тинтиковъ, послѣднее лицо, пожалованное царемъ въ дворянское достоинство.

Любуясь играми, царь быстро переходилъ отъ пожалованія дворянствомъ къ разбору жалобъ, къ постановленію рѣшеній, не обусловливавшихся никакими письменными постановленіями. Судъ и расправа были коротки и просты до патріархальности. Въ Мингреліи и Гуріи до вступленія ихъ въ подданство Россіи, не было никакихъ административныхъ учрежденій, а слѣдовательно, о письменномъ производствѣ при рѣшеніи дѣлъ, ни правители, ни народъ, не имѣли понятія. Тяжущіеся и обиженные шли прямо къ самому владѣтелю и получали отъ него рѣшеніе. Встрѣчали ли просители своего владѣтеля на пути во время его переѣздовъ, или на охотѣ, въ гостяхъ или дома, они излагали передъ нимъ свою просьбу. Всюду онъ принималъ ихъ, разсматривалъ, творилъ судъ и расправу, постановлялъ рѣшенія по своему разумѣнію, и ко-

нечно, сообразно съ расположеніемъ духа въ данную минуту. Преимущественно же подобное разбирательство происходило на открытомъ воздухѣ, подъ тѣнью какого-нибудь развѣсистаго дерева, вблизи резиденціи владѣтеля. Обыкновенно обиженный, ставъ на колѣна поодаль, разсказывалъ со всевозможными подробностями, и иногда съ историческою послѣдовательностью, сущность своего дѣла, начиналъ его съ Адама, украшалъ разными прибаутками, а затѣмъ вставалъ на ноги и ожидалъ рѣшенія. Если отвѣтчика при этомъ не было, то онъ призывался немедленно, становился также на колѣна и опровергалъ возводимыя на него обвиненія. Затѣмъ, по указанію жалобщика или отвѣтчика, призывались свидѣтели, отъ которыхъ точно также отбирались показанія. Всѣ они начинали разсказъ издалека, говорили долго и приводили такія подробности, которыя, не относясь вовсе къ дѣлу, запутывали только истину. Высказавъ все, что только было можно, тяжущіеся удалялись, а почетныя лица, окружавшія владѣтеля, послѣ совѣщаній, произносили приговоръ, а иногда произносилъ его одинъ владѣтель. Рѣшеніе это тутъ же приводилось въ исполненіе и на него не было апеляціи.

Въ такомъ положеніи былъ юридическій бытъ Мингреліи и Гуріи, когда они вступили въ подданство Россіи. Что же касается до Имеретіи, то въ ней существовали, какъ административныя должности, такъ и административныя учрежденія, изъ которыхъ самою обширною была часть придворная, во главѣ которой стоялъ *салтъ-ухуцесъ* или гофъ-маршалъ. Съ этимъ званіемъ иногда соединялась должность въ родѣ государственнаго министра, т. е., что салтъ-ухуцесъ завѣдывалъ всѣми дѣлами Имеретіи. Главная обязанность салтъ-ухуцеса заключалась въ раскладкѣ податей и сборовъ, и въ завѣдываніи таможенными статьями и доходами.

Званіе салтъ-ухуцеса давалось лицамъ по выбору царя, но случалось, что оно бывало наслѣдственно въ одной и той же фамиліи, хотя и не въ прямомъ поколѣніи. Должности этой не было присвоено никакого опредѣленнаго содержанія, но въ пользу салтъ-ухуцеса поступали: десятая часть съ доходовъ по податямъ и сборамъ, подарки откупщиковъ, простиравшіеся отъ двухъ до трехъ *кесъ*, и одна пара платья приличнаго его званію; при пожалованіи царемъ кому-либо изъ своихъ подданныхъ крестьянъ, въ пользу салтъ-ухуцеса поступало по одному быку съ каждаго подареннаго двора.

Для управленія царскими доходами, салтъ-ухуцесъ имѣлъ нѣсколькихъ помощниковъ, изъ которыхъ каждый исполнялъ различнаго рода спеціальныя должности. Такъ *хабасъ-ухуцесъ* или начальникъ пекарей, обязанъ былъ собрать и хранить гомію и пшеницу, за что и получалъ десятую часть со всего сбора; *мингвинетъ-ухуцесъ*—виночерпій или оберъ-шенкъ, собиралъ и сохранялъ вино, десятая часть котораго поступала въ его пользу, и наконецъ, *местумретъ-ухуцесъ*—царскій дворецкій, прислуживавшій всегда за царскимъ столомъ, собиравшій податной скотъ и получавшій за то всѣ шкуры и по батману мяса съ каждой штуки скота.

При особѣ царя состояли: *мордали*—хранитель печати, при приложеніи которой онъ получалъ по пяти марчилъ съ каждаго пожалованнаго царемъ дыма крестьянъ и по одной коп. съ рубля таможенныхъ доходовъ. *Молфетъ-ухуцесъ*—казначей, хранитель всѣхъ царскихъ денегъ, имущества, и пользовавшійся десятою частію цѣнности тѣхъ вещей, которыя царь давалъ кому-либо въ подарокъ.

Парештъ-ухуцесъ—начальникъ царской прислуги, завѣдывавшій всѣми припасами царскаго дома. Содержаніе его составляли: десятая часть съ цѣнности платья, жалуемаго царемъ различнымъ лицамъ, и старыя пришедшія въ негодность: ночное царское одѣяніе, постели, ковры, войлоки, рукомойники и тазы. *Меджинебетъ-ухуцесъ*—конюшій, завѣдывавшій царскими табунами, и получавшій: десятую часть съ даримыхъ царемъ лошадей, по одному въ годъ жеребенку изъ царскаго табуна, всѣхъ лошадей съ дурными глазами, царское платье, мѣняемое на охотѣ или войнѣ, и старыя сѣдла.

Наконецъ *базіертъ-ухуцесъ*—сокольничій и *медзаглетъ-ухуцесъ* — завѣдывавшій царскими собаками. Оба они довольствовались десятою частію съ тѣхъ птицъ и скота, которыя собирались собственно для корма ястребовъ и собакъ.

Такое содержаніе было бы, конечно, весьма недостаточно, если бы каждый изъ должностныхъ лицъ не имѣлъ побочныхъ доходовъ отъ своей должности и не собиралъ въ свою пользу много лишняго.

«Тѣ же чиновники, говоритъ авторъ статьи о царѣ Соломонѣ II (¹), которые ничего не собирали (по своей должности), а, напротивъ того, передавали другимъ подарки царя, увеличивали для своей выгоды цѣнность оныхъ. Напримѣръ, царь дарилъ ружье, лошадь или иную вещь. Она стоила 50 р., а ее цѣнили въ 200 р. И кто бы сталъ возражать противъ такой оцѣнки? Во первыхъ, не смѣлъ уменьшать значенія царскаго подарка, а во вторыхъ, тщеславіе каждаго требовало, чтобы подарокъ казался для другихъ значительнѣе, нежели есть въ самомъ дѣлѣ. У *меджинебетъ-ухуцеса* часто оказывались лошади съ худыми глазами; у постельничаго, чаще нежели у другихъ, портились ковры и линяли войлоки—и такъ далѣе, какъ водится не въ одной Имеретіи. Даже составители царскихъ грамотъ на пожалованіе деревень и тѣ находили возможность получать особенное вознагражденіе. Измѣнить или отсрочить царскаго назначенія они не смѣли, но для того, кто былъ скупъ на вознагражденіе, грамоты писались простымъ слогомъ и въ концѣ оныхъ прибавлялись обыкновенно фразы: *а кто нарушитъ сію пожалованную грамоту, тотъ будетъ проклятъ.* Для того же, отъ кого ожидали подарка хорошаго, истощалось всевозможное краснорѣчіе и заключеніе состояло изъ подобныхъ фразъ: *Нарушителя сей бумаги, да постигнетъ гнѣвъ Божій мгновенно и да падетъ домъ его, какъ домъ братоубійца Каина и да*

(¹) Кавказскій Календарь на 1859 годъ.

свяжетъ его Матерь Божія и двѣнадцать верховныхъ апостоловъ неразрѣшимо, и да будетъ онъ затѣмъ ввергнутъ въ бездну геены, въ огонь вѣчный діавола. Утверждающіе же сію неизмѣнную бумагу да будутъ благословенны и на земли и на небеси. А подобныя фразы не были пустымъ щегольствомъ: они показывали степень вниманія царскаго и придавали большее значеніе грамотѣ».

Таже самая неопредѣленность содержанія и скудость его проявлялась и относительно лицъ, завѣдывавшихъ различными частями гражданскаго управленія.

Въ административномъ отношеніи Имеретія раздѣлялась на шесть округовъ, не имѣвшихъ, впрочемъ, никакого значенія, а все управленіе страны сосредоточивалось въ двадцати шести *моуравствахъ* съ поставленными во главѣ ихъ правителями — *моуравами*, которые завѣдывали и жили или въ крѣпостяхъ или среди управляемыхъ ими царскихъ крестьянъ.

Моуравы разбирали споры и жалобы, возникавшіе между поселянами ихъ участка, приводили въ исполненіе царскіе указы и приказанія, наблюдали за тишиною и спокойствіемъ и, наконецъ, въ крайнихъ случаяхъ, выступали въ походъ вмѣстѣ съ жителями своего моуравства.

Въ имѣніяхъ же, принадлежавшихъ церквамъ и монастырямъ, моуравы назначались отъ духовнаго вѣдомства, а въ помѣщичьихъ деревняхъ должность моуравовъ исполняли сами помѣщики. Въ своихъ рѣшеніяхъ по тяжебнымъ дѣламъ, какъ помѣщики, такъ и моуравы были подчинены *мдивангъ-бегамъ.*

Должность моурава надъ извѣстнымъ участкомъ переходила по большей части къ лицамъ одной и той же фамиліи, въ которой можно считать ее наслѣдственною и случалось иногда, что дѣлами участка завѣдывало одно лицо, а доходы съ моуравства принадлежали не исключительно ему, а шли въ раздѣлъ между нѣсколькими лицами его фамиліи. Моураву присвоены были нѣкоторые источники доходовъ. Во время разъѣздовъ моурава, онъ продовольствовался на счетъ жителей, приносившихъ ему, кромѣ того, на домъ *дзгвени*—извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ. Одинъ изъ дымовъ по выбору моурава, вносилъ ему всѣ тѣ подати, которыя подлежали уплатѣ въ казну. Моуравъ получалъ особую пошлину со вдовъ, выходящихъ вторично замужъ; имѣлъ право наряжать жителей своего участка на полевыя работы и брать къ себѣ въ услуженіе. Крестьяне обязаны были во время войны доставлять своему моураву провіянтъ и съ захваченной добычи выдѣлять нѣкоторую часть. Лица, которымъ царь жаловалъ крестьянъ или землю, вносили моураву *самоураво*—особую и опредѣленную пошлину.

Самымъ важнымъ изъ всѣхъ моуравовъ, былъ моуравъ кутаисскій, въ подчиненіи у котораго находились: *мамасахлиси*—градоначальникъ и *мсудискари* — таможенный комисаръ.

Кутаисскій моуравъ, пользуясь сравнительно съ прочими моуравами значительно большими доходами съ таможни, соли, рыбы, приводимаго на про-

дажу скота, съ вьюковъ, проходившихъ черезъ мосты, и проч., соединялъ кромѣ того, въ своемъ лицѣ званіе *сардаря* и въ рѣшеніи дѣлъ не подчинялся *мдиванъ-бегамъ*, составлявшимъ *диванъ*—верховное судилище, какъ по уголовнымъ, такъ и гражданскимъ дѣламъ.

Диванъ состоялъ изъ двухъ *мдиванъ-беговъ*, часто неграмотныхъ и имѣвшихъ у себя помощниками *мдивановъ*, или секретарей. Составляя диванъ мдиванбеги, не рѣшали дѣла общимъ совѣтомъ, а каждый отдѣльно, безъ опредѣленнаго мѣста и времени засѣданій, а когда и гдѣ случится или скорѣе гдѣ поймаютъ ихъ тяжущіеся. Они жили, то въ деревнѣ, то въ городѣ, смотря по желанію, и случалось, что просители ожидали или искали ихъ по нѣскольку дней.

Самый разборъ дѣлъ производился или въ домѣ мдиванбеговъ, или на чистомъ воздухѣ, подъ тѣнью какого нибудь дерева, во всякое время дня и ночи. Принявъ просьбу или жалобу, судьи начинали съ того, что прежде всего отбирали *сабчо*—плату за рѣшеніе дѣла въ пользу присутствія, величина которой сообразовалась съ важностію дѣла. «Всѣ дѣла гражданскія рѣшались присягою, которую принималъ отвѣтчикъ съ извѣстнымъ числомъ соприсягателей равныхъ по своему званію истцу. Обыкновенно же на каждые десять марчилъ спорнаго предмета требовался одинъ соприсягатель, на двадцать марчилъ двое и т. д. За присягу платились деньги. Не имѣвшій возможности уговорить или нанять положеннаго числа соприсягателей, терялъ тяжбу; представившій ихъ узаконенное число и принявшій съ ними присягу выигрывалъ дѣло. И тутъ же составлялось, на небольшомъ клочкѣ бумаги, судебное опредѣленіе и выдавалось на руки правой сторонѣ. По уголовной части соприсягатели допускались только въ маловажныхъ случаяхъ, а въ дѣлахъ по воровству, грабежамъ, плѣннопродавству и смертоубійству мдиванбеги выслушивали жалобщиковъ и потомъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, спрашивали свидѣтелей: извѣстныхъ и почетныхъ лицъ обыкновенно безъ присяги, а простыхъ людей подъ присягою».

Въ случаѣ запутанности дѣла, допускалось оправданіе обвиняемаго тѣми же средствами, которыя существовали и въ Грузіи

Основаніемъ при опредѣленіи мѣры взысканій или наказаній, какъ въ Имеретіи, такъ и въ Мингреліи, служили законы царя Вахтанга, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями и установившимися обычаями.

Обвиненнаго въ убійствѣ сожигали на кострѣ, зарывали въ землю или засыпали въ котлѣ известью, а съ имѣнія его взыскивали штрафъ въ пользу семейства убитаго. За плѣннопродавство отсѣкали руки и ноги, а иногда сожигали на кострѣ. За воровство взыскивалось въ пять разъ болѣе украденнаго, а воровство, нѣсколько разъ повторенное, наказывалось отсѣченіемъ членовъ. За присвоеніе чужой земли, лѣса и порубку его, взыскивалось вдвое противъ цѣны въ пользу обиженнаго и т. п.

Разборы дѣлъ производились всегда при открытыхъ дверяхъ, каждый могъ

ихъ слышать, а нѣкоторые приглашались даже и къ участію въ разбирательствѣ. Приговоры въ Имеретіи были всегда письменные, составлялись мдиванами, получавшими за то особую плату, извѣстную подъ именемъ *самдивно*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ подлежалъ смертной казни, тогда въ засѣданіе дивана приглашались духовныя и почетнѣйшія гражданскія лица, которыя совокупно и постановляли приговоръ.

Для преслѣдованія всякаго рода преступниковъ, въ Имеретіи было два *хевисъ-тава* или начальника сыскной полиціи, получавшіе въ свою пользу пятую часть штрафа. Исполненіе всѣхъ рѣшеній суда, въ которыхъ съ виновнаго взыскивался штрафъ, лежало на обязанности *бокауловъ*, подчиненныхъ *бокаултъ-ухуцесу*—нѣчто въ родѣ оберъ-полиціймейстера. Подъ вѣдѣніемъ послѣдняго находились сто человѣкъ конной гвардіи царя составленной изъ князей и дворянъ и сопровождавшей царя во всѣхъ его походахъ и поѣздкахъ. Должности бокаултъ-ухуцеса были присвоены слѣдующіе доходы: десятая часть цѣнности иска или штрафа съ виновнаго и съ денегъ полученныхъ присягателями; по одному абазу (20 коп.) съ каждаго свидѣтеля и извѣстная часть съ подати *саури*, которая дѣлилась на двѣ части, одна половина поступала бокаултъ-ухуцесу, а другая шла въ раздѣлъ между бокаулами. Послѣдніе, сверхъ того, пользовались содержаніемъ отъ жителей и частью военной добычи.

Званія бокаултъ-ухуцеса, бокауловъ и мдиванбеговъ были учреждены въ послѣднее время и въ Мингреліи, но организація ихъ и обязанности были еще въ худшемъ состояніи чѣмъ въ Имеретіи. Сами владѣтели Мингреліи не слѣдили за ихъ дѣйствіями и имѣли отвращеніе къ письменному производству дѣлъ. Мдиванбегамъ былъ предоставленъ полный произволъ, пользуясь которымъ они рѣшали дѣла вкривь и вкось, какъ находили для себя болѣе выгоднымъ. Въ самое ближайшее къ намъ время, когда владѣніе перешло въ руки кн. Давида, администрація получила лучшее направленіе.

Были назначены новые мдиванбеги и къ нимъ помощники съ необходимымъ числомъ бокауловъ. Эти лица составили низшую инстанцію суда, а высшею считалось верховное мингрельское управленіе, составленное изъ первоклассныхъ мдиванбеговъ и почетныхъ членовъ отъ дворянства. Уголовныя преступленія судились въ кутаисскомъ областномъ судѣ, учрежденномъ русскимъ правительствомъ.

Недовольные рѣшеніемъ дивана могли жаловаться царю или дадіану, который разобравъ дѣло или рвалъ постановленіе мдиванбеговъ, если былъ не согласенъ съ ихъ рѣшеніемъ, и приказывалъ составить новое, или, въ противномъ случаѣ, прикладывалъ свою печать и тогда постановленіе дивана принимало видъ царской грамоты или указа.

Во всѣхъ случаяхъ при рѣшеніи дѣлъ существовалъ полнѣйшій произволъ; играло весьма большую роль минутное настроеніе судей, а иногда и преднамѣренное искаженіе ими истины. Основаніемъ для всѣхъ рѣшеній служила

присяга или самаго ответчика или свидѣтелей. Отвѣтчикъ могъ быть совершенно правъ, но если раскаленное желѣзо оставляло слѣдъ на его рукѣ онъ признавался виновнымъ и никакія заявленія съ его стороны не могли служить къ его оправданію. Съ другой стороны оправданіе или обвиненіе свидѣтелями было часто весьма несправедливо. Свидѣтели, не имѣя ни малѣйшаго понятія о правильности или неправильности иска, вѣрили на слово тому, за кого присягали и отъ кого получали плату въ свою пользу.

«Такимъ образомъ, не смотря на энергичаскія дѣйствія правителей, на быстроту дѣлопроизводства моуравовъ и мдиванбеговъ, Имеретія тогдашняго времени, какъ видно изо-всѣхъ оставшихся фактовъ, была въ самомъ жалкомъ, разстроенномъ и угнетенномъ состояніи, продолженія котораго желалъ только тотъ, кто пользовался имъ для своихъ частныхъ, своекорыстныхъ цѣлей и кто любилъ мутную воду, для того, чтобы ловить въ ней для себя рыбу.»

Въ Имеретіи не было регулярнаго и постояннаго войска; его замѣняли *азнаури* и особое сословіе крестьянъ *мсахури*, что въ переводѣ означаетъ служивые. Они обязаны были всегда быть готовыми къ войнѣ и по первому призыву слѣдовать на защиту отечества.

Мсахури содержали въ крѣпостяхъ постоянный гарнизонъ, извѣстный подъ именемъ *мецихевале* и управляемый особыми моуравами или воинскими начальниками. Послѣдніе принимали всѣ мѣры къ защитѣ крѣпости, распоряжались стоявшимъ тамъ гарнизономъ и, получая содержаніе отъ окрестныхъ жителей, пользовались еще особою податью, извѣстною подъ именемъ *сацихо* и состоявшею изъ разныхъ припасовъ необходимыхъ для гарнизона.

Надъ всѣми начальниками крѣпостей былъ поставленъ сначала *цихисъ-тави* —начальникъ всѣхъ моуравовъ, а потомъ съ уничтоженіемъ этого званія *Сардаръ* или начальникъ надъ всѣми ополченіями. При послѣднемъ царѣ Соломонѣ II, было три сардаря, изъ которыхъ каждый имѣлъ свое особое знамя, выставленіе котораго на крѣпостяхъ означало всеобщую тревогу. Тогда всѣ жители Имеретіи, обязанные военною повинностью и призываемые большими мѣдными трубами (буки), находившимися при церквахъ и монастыряхъ, спѣшили подъ знамена своего сардаря. Собравшись вокругъ храма ратники получали отъ пастырей церкви напутственное благословеніе и нерѣдко оставляли свои семейства въ стѣнахъ монастырей, которыя, будучи построены на высокихъ скалахъ, служили сильными и часто недоступными для непріятеля укрѣпленіями. Князья, дворяне и мсахури выступали въ походъ, а остальное народонаселеніе занимало укрѣпленія, горы, ущелья, и составляло резервъ, который, въ случаѣ надобности, также выходилъ въ поле подъ начальствомъ своихъ моуравовъ.

Каждый изъ слѣдовавшихъ на войну долженъ былъ самъ позаботиться о продовольствіи и взять его на нѣсколько дней; для перевозки же провіанта, съ мѣста на мѣсто, при отрядахъ существовали вьючныя лошади. При про-

должительныхъ стоянкахъ и при истощеніи продовольствія ополченіе занималось реквизиціею и мародерствомъ у своихъ соотечественниковъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. «Провіантъ забирался изъ ближайшихъ селеній съ кого ни попало, безъ всякаго разбора и уравнительности. Дисциплины и подчиненности въ тогдашнемъ ополченіи было не много. Частныхъ начальниковъ никакихъ не назначалось, исключая моураловъ, которые командовали мужиками своего округа, и сардарей, командовавшихъ цѣлымъ ополченіемъ. А потому нерѣдко въ ополченіи возникали безпорядки и самоуправіе. Кто уклонялся отъ службы, тому для срама надѣвали на голову, вмѣсто башлыка, женское покрывало, кто вовсе упорствовалъ идти на войну, у того царь отнималъ крестьянъ, такъ какъ послѣдніе жаловались собственно для того, чтобы дворянинъ имѣлъ возможность нести военную службу и выступать въ походъ съ порученными ему ратниками или мсахурами. Знаковъ отличія и установленныхъ наградъ въ Имеретіи никакихъ не существовало, но оказавшихъ особенныя услуги или подвиги царь жаловалъ, по своему усмотрѣнію: ружьемъ, шашкою, платьемъ, конемъ, деревнями или же приближалъ къ своей особѣ и давалъ потомъ доходныя должности. Но самою главною приманкою дти въ походъ была надежда на добычу и такимъ образомъ пограничные жители Мингреліи, Гуріи и Имеретіи были постоянными жертвами, чужихъ и своихъ ратниковъ, которые забирали у нихъ все что только могли».

Съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій, все ополченіе распускалось по домамъ за исключеніемъ гарнизоновъ крѣпостей и *кишиковъ*, или царской стражи. Состоя подъ начальствомъ *кишикт-ухуцеса*, стража эта оберегала царскій дворъ, а три человѣка находились постоянно при особѣ царя съ заряженными ружьями. Кишики всюду слѣдовали за царемъ, даже до дверей покоевъ царицы, а ночью стояли на часахъ въ царской спальнѣ ([1]). Въ кишики набирались преимущественно жители селенія Банođжи, обязанные исключительно этою службою. Служить при царѣ, считалось дѣломъ почетнымъ одинаково какъ для князей и дворянъ, такъ и для всѣхъ сословій, виды которыхъ въ Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, были весьма разнообразны.

Непосредственно за владѣтелями слѣдовало сословіе *товади*—главные, главнѣйшіе, отъ слова *тави*—голова. Сословіе это было названо нашимъ правительствомъ *князьями*. Въ Грузіи сословіе князей раздѣлялось на три степени, но въ Гуріи этого не было, хотя нѣкоторыя фамиліи товадовъ пользовались большимъ уваженіемъ или значеніемъ въ народѣ, и даже большими гражданскими правами. Точно также было это и въ Имеретіи. Въ Мингреліи же князья раздѣлялись на два разряда: *на князей подвластныхъ принцамъ*

([1]) О царѣ Соломонѣ II и бывшемъ при немъ управленіи, П—ръ Гн—въ. Кавказскій Календарь на 1859 годъ. Поѣздка на родину, г. Кикодзе. Кавказъ 1853 г. № 68. Изъ записокъ о Гуріи, Н. Дункель Веллинга. Кавказъ 1854 г. № 10. Свэти Имеретинское преданіе Н. Соколовскій Кавказъ 1853 г. № 51.

крови, т. е. потомкамъ бывшихъ владѣтелей, которымъ они достались въ удѣлъ. Князья этого разряда были обязаны личною службою своему принцу крови, и, кромѣ того, крестьяне такихъ князей, были обязаны тѣмъ же принцамъ крови, нѣкоторыми податями и повинностями. Второй видъ высшаго сословія были *князья подвластные особѣ самого владѣтеля.* Они-то собственно и составляли въ Мингреліи высшее сословіе, такъ сказать, первостепенныхъ дворянъ, подчиненныхъ одному правителю и обязанныхъ тѣмъ же, чѣмъ обязанъ каждый русскій дворянинъ своему государству и правительству.

Непосредственно за князьями слѣдовало сословіе *сапатіокаци*—почетные, отъ слова *нативи*—честь, почесть. Это сословіе было среднимъ между товадами и азнаурами, и въ позднѣйшее время присоединилось къ сословію князей. *Азнауры*—люди свободные, вольные, пользовавшіеся всѣми правами дворянскаго сословія. Въ Мингреліи сословіе это было полусвободное и подвластное или церквамъ, владѣтелю или князьямъ. Азнауры служили своимъ владѣльцамъ лично, а крестьяне ихъ въ свою очередь обязаны были главнымъ помѣщикамъ нѣкоторыми опредѣленными податями и повинностями, извѣстными подъ именемъ *саудіеро*.

Въ числѣ особыхъ сословій Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, было духовенство, въ составъ котораго поступали весьма часто лица зависимыхъ сословій. Хотя въ Гуріи духовенство, и въ особенности высшее, кромѣ духовныхъ правъ, имѣло весьма важное гражданское значеніе, но если духовное лицо происходило изъ сословія крестьянъ, то какъ бы оно высоко не было поставлено, ни самъ священникъ, ни дѣти его, не освобождались изъ крѣпостнаго состоянія.

Въ Мингреліи же все духовенство образовалось преимущественно изъ крестьянскаго сословія. Здѣсь священникъ былъ не столько пастырь духовный и блюститель нравственности своихъ прихожанъ, сколько чернорабочій, обработывавшій не только собственныя земли, но и земли своихъ господъ. Случалось также и то, что при переѣздахъ владѣльцевъ, священники и пастыри церкви носили за своими владѣльцами разный скарбъ. Однимъ словомъ, большинство духовенства въ Мингреліи были рабы со всѣми ихъ обязанностями и тягостнымъ, безотраднымъ общественнымъ положеніемъ. Будучи лишено всѣхъ средствъ къ пропитанію, духовенство погрязло въ невѣжествѣ и отличалось своею безнравственностію—обжорствомъ и нетрезвою жизнію. При такихъ условіяхъ, оно не могло внушать уваженіе къ себѣ народа, какъ сословіе несамостоятельное и чуждое тѣхъ свойствъ, которыя возлагаются на служителей церкви. Все это было сознано послѣднимъ владѣтелемъ Мингреліи княземъ Давидомъ, который въ 1846 году освободилъ духовенство отъ личной зависимости, за исключеніемъ дѣтей священниковъ, рожденныхъ до изданія указа, но которые, впрочемъ, въ силу того же указа, получили право выкупа на волю за двадцать пять рублей съ души.

Если сравнить это духовенство собственно съ грузинскимъ, то между ними найдемъ значительную разницу. Въ Грузіи духовенство пользовалось большимъ почетомъ и вліяніемъ, не только въ дѣлахъ вѣры, но и въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи, что подтверждается указаніемъ царевича Вахушта. Послѣдній говоритъ, что съ самаго начала распространенія христіанства, цари грузинскіе старались образовывать истинныхъ пастырей церкви, которые пользовались уваженіемъ: епископы наравнѣ съ царемъ, а іереи—наравнѣ съ князьями. По свидѣтельству того же писателя, царь грузинскій Вахтангъ Горгасланъ учредилъ званіе *католикоса*, и, поставивъ епископовъ во всей Грузіи, приказалъ воздавать почесть католикосу наравнѣ съ царемъ, епископамъ наравнѣ съ эриставами, а священникамъ наравнѣ съ дворянами. Такимъ образомъ видно, что въ Грузіи духовенство играло весьма видную роль, и даже преобладало надъ самимъ дворянствомъ, потому что въ распоряженіи архіереевъ состояли азнауры, обязанные по вызову и подъ предводительствомъ ихъ идти на войну. Ко всему этому надо прибавить и то, что грузинское духовенство было представителемъ тогдашняго образованія и грамотности, и люди ученые были преимущественно изъ лицъ духовнаго званія. Въ Мингреліи же и Гуріи, духовенство стояло на низкой степени развитія, чему причиною было, конечно, его крѣпостное состояніе и зависимость отъ различнаго рода покровителей. Нѣсколько выше и ближе къ грузинскому подходило духовенство имеретинское, но и здѣсь встрѣчались священники изъ зависимыхъ сословій.

Откуда и какимъ образомъ въ древности произошло зависимое сословіе— опредѣлить весьма трудно, по отсутствію всякихъ письменныхъ актовъ, изъ которыхъ можно бы было прослѣдить начало зависимости человѣка отъ человѣка. «Оно могло образоваться здѣсь, говоритъ Ад. Пет. Берже ([1]), какъ и вездѣ на началахъ порабощенія сильнымъ слабаго, обращенія плѣнныхъ въ рабовъ, и защиты слабаго сильнымъ, къ покровительству котораго тотъ долженъ былъ прибѣгнуть рано или поздно. Съ теченіемъ времени право это укрѣплялось *жалованными грамотами* въ воздаяніе заслугъ того или другаго владѣльца. Подобныя грамоты, какъ факты, восходятъ не далѣе XVI столѣтія».

Во всякомъ случаѣ, крѣпостное право представляется здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Но какимъ образомъ и чѣмъ выражалось это право въ древности, чѣмъ именно обусловливалась зависимость крестьянина отъ помѣщика—на это пока нельзя дать положительнаго отвѣта. Въ позднѣйшее же время, а именно въ прошедшемъ еще столѣтіи, господинъ имѣлъ безуслов-

---

([1]) Изъ путешествія по Мингреліи въ 1862 г. (рукоп.) Я уже нѣсколько разъ имѣлъ случай заявить о содѣйствіи, оказанномъ мнѣ А. П. Берже доставленіемъ различныхъ матеріаловъ. На этотъ разъ я считаю необходимымъ вновь изъявить ему мою глубочайшую благодарность отъ имени всѣхъ лицъ сочувствующихъ наукѣ.

ное право на жизнь и смерть подвластнаго ему крестьянина: онъ продавалъ его съ цѣлымъ семействомъ или порознь, когда и куда бы ему не вздумалось.

Не смотря на то, что мингрельцы не имѣютъ письменъ, всѣ эти факты глубоко врѣзались въ памяти народа и до сихъ поръ передаются отъ отца къ сыну, какъ мрачная картина объ ихъ минувшихъ бѣдствіяхъ. Крестьяне не могутъ не помнить, что помѣщикъ всегда и во всѣ времена, составлялъ для нихъ самую тяжкую обузу, что онъ всегда жилъ на ихъ счетъ, что почти исключительно питался тѣми продуктами, какими природа и трудъ надѣлили крестьянина; плоды и усилія послѣдняго въ теченіе долгаго времени, уничтожались господиномъ часто въ одинъ день, безъ остатка, такъ что у крестьянина нерѣдко, за угощеніемъ помѣщика, не оставалось и куска насущнаго хлѣба.

Въ силу народнаго обычая и радушнаго гостепріимства, крестьянинъ не рѣшался возставать противъ своего господина, уничтожавшаго его трудъ и жизненные запасы, но за то въ податяхъ и повинностяхъ, крестьяне отстаивали по возможности свои права, и въ этомъ случаѣ, отношеніе ихъ къ владѣльцамъ были болѣе точны и болѣе опредѣленны. Уклончивость крестьянъ отъ выполненія излишнихъ требованій помѣщиковъ, заставила послѣднихъ утвердить правильность своихъ притязаній такъ называемыми *отписными бумагами*, и въ этомъ случаѣ, при неустойчивости помѣщика, крестьянинъ сдѣлался мало уступчивымъ въ виду неправильныхъ и постоянно возраставшихъ домогательствъ своего патрона. Отсюда произошли и опредѣлились сословныя права и самыя сословія по степени ихъ зависимости раздѣлялись на нѣсколько степеней, извѣстныхъ, впрочемъ, подъ однимъ общимъ именемъ *глехи-каци*, т. е. крестьянинъ.

Самый низшій раздѣлъ зависимыхъ сословій, были *моджалабе*, происходящіе отъ слова *джалаби*—семейство, т. е., что они обязаны были помѣщику цѣлымъ семействомъ, и находились въ его власти на столько, что онъ можетъ съ ними дѣлать все, что угодно. Въ Гуріи ихъ иногда называли *глехами*, что означаетъ крестьянинъ, а въ Мингреліи, на оборотъ, всѣхъ крестьянъ вообще называли иногда *моджалабами*.

Моджалабе былъ рабъ въ полномъ значеніи слова, обязанный самыми грубыми работами, выполненіе которыхъ помѣщикъ былъ не вправѣ возложить на другихъ своихъ крестьянъ. Сословіе это составляло домашнюю прислугу, ничѣмъ не обезпеченную и умиравшую часто въ самой крайней нищетѣ и бѣдности. Въ Мингреліи, напримѣръ, по понятію всѣхъ и каждаго, считалось самою грубою работою очищеніе гоміи отъ шелухи, и эта работа лежала на обязанности моджалабовъ, хотя эта обязанность въ дѣйствительности не была такъ трудна, какъ другія. Гораздо труднѣе было другимъ сословіямъ таскать на своей спинѣ дрова, или переносить разный скарбъ помѣщика при его переѣздахъ съ одного мѣста на другое. Послѣдняя обязанность называлась *твир-тоба*, что буквально означаетъ *тягость*—слово характеризующее самую по-

винность. Но очищеніе гоміи въ народѣ считалось низкимъ занятіемъ и этого было совершенно достаточно, чтобы никто кромѣ моджалабовъ не взялся за эту работу.

Моджалабе со всѣмъ своимъ семействомъ жилъ, большею частію, при дворѣ или близъ дома помѣщика. Онъ самъ и его семья питались остатками отъ господскаго стола, и пользовался только тѣми зернами гоміи, которыя оказывались забытыми въ шелухѣ отъ очищенія снопа. Они не имѣли собственныхъ полей и посѣвовъ за исключеніемъ ничтожныхъ огородовъ и только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, имъ давался небольшой клочекъ или участокъ земли для засѣванія кукурузою. Одѣвались моджалабе въ платье, пожалованное господиномъ или домочадцами его съ своихъ плечъ, но не раньше того, какъ оно переслужило уже срокъ и готово было обратиться въ лохмотья. Владѣлецъ весьма часто не называлъ слугу по имени, а давалъ ему какую-либо кличку нехристіанскую и вымышленую.

Положеніе женщины этого сословія было еще тягостнѣе, чѣмъ положеніе мужчины. Послѣдній могъ жениться и имѣть семейство потому, что это было выгодно для помѣщика, какъ увеличеніе хозяйственной силы въ лицѣ дѣтей моджалабе, но женщина могла только тогда вступить бракъ, когда находила себѣ мужа тоже изъ сословія моджалабе, и при томъ находившагося непремѣнно среди дворни ея господина. Если у моджалабе было нѣсколько дочерей, то онъ обязанъ былъ давать своему господину для женской прислуги старшую изъ нихъ, съ тѣмъ, что если эта дѣвушка найдетъ себѣ жениха и выйдетъ замужъ, то въ замѣнъ ея поступаетъ къ господину вторая дочь, за нею третья и т. д. При этомъ необходимо замѣтить, что кромѣ моджалабовъ, какъ увидимъ, были и другія сословія, которыя также обязаны были давать женскую прислугу своему господину. Бывали случаи, когда моджалабе откупался отъ помѣщика, но никогда не получалъ полной свободы, а только ограниченную, и переходилъ въ сословіе мебегре, съ исполненіемъ всѣхъ обязанностей этого сословія, о которыхъ будетъ сказано ниже.

Приближенная дворовая дѣвка, составляющая необходимую принадлежность приданаго каждой дочери владѣльца, носила названіе *моахле*, что въ переводѣ съ грузинскаго означаетъ служанка. Она исполняла всѣ обязанности, свойственныя вообще этому названію. Господинъ могъ ее продать, подарить, отдать въ приданое, и вообще отчуждать по разнымъ актамъ, сдѣлкамъ и условіямъ. Рѣдко когда подобная дѣвушка выдавалась замужъ, а чаще всего обречена была на вѣчную, хотя и мнимую дѣвственность, послѣдствіемъ которой бывало однакоже значительное количество незаконнорожденныхъ дѣтей. Послѣднія въ прежнее время поступали въ число церковныхъ крестьянъ, но могли быть выкуплены помѣщикомъ за самую ничтожную цѣну, и обращались имъ въ домашнюю прислугу. Иногда сами помѣщики дѣлали честь моахле и жили съ нею до тѣхъ поръ, пока она была молода и хороша собою; а потомъ отвергнувъ ее, держали въ старости въ загонѣ и крайней нищетѣ. Случалось

и то, что помѣщикъ приживъ съ моахле нѣсколькихъ дѣтей, продавалъ свою наложницу другому помѣщику, а дѣтей оставлялъ у себя или распродавалъ мать и дѣтей въ разныя руки своимъ сосѣдямъ. Въ отношеніи моджалабе и моахле помѣщикъ имѣлъ только одну обязанность—кормить и одѣвать ихъ, но все это давалось въ самомъ скудномъ объемѣ. Былъ, впрочемъ случай, когда моахле пользовалась уваженіемъ въ семействѣ—это тогда, когда она няньчила дѣтей своего господина. Получивъ званіе *гамдели* (няни), она, по окончаніи воспитанія, получала свободу.

Прислуга, взятая въ домъ помѣщика изъ семейства крестьянина, носила названіе *пареши*. Въ это же сословіе поступали и лица, родившіяся въ домѣ помѣщика и неимѣвшіе, какъ говорится, ни роду ни племени, не имѣвшія семейства и крова, кромѣ господскаго. Дѣти крестьянъ, поступавшія во дворъ владѣльца, брались не моложе 12 лѣтъ, чтобы могли исполнять извѣстныя работы. «Въ этихъ работахъ есть своя наслѣдственная спеціальность, которой онъ строго держится». Такъ, были пареши, которыя подавали только умываться или одѣваться, другіе только носили и рубили дрова, третьи топили камины или подметали полъ и проч. Лица, исполнявшія эти обязанности, носили общее названіе *пирис-пареши*, т. е. личный слуга. Затѣмъ слѣдовали другіе виды пареши: тѣ, которыя обязаны были готовить кушанье, назывались *мзареули*, т. е. поваръ; обязанные печь хлѣбъ—*хабази*—хлѣбникъ, обязанные смотрѣть за мельницей—*медицисквиле*, т. е. мельникъ; обязанные ходить за лошадьми—*меджинибе*, или конюхъ; обязанные хранить домашнее имущество—*моларе*, ключникъ; обязанные собирать подати — *хелосани*, т. е. сборщикъ податей.

Отправляя пареши въ домъ господина, его семейство обязано было одѣвать посланнаго и снабжать всѣмъ необходимымъ, за исключеніемъ пищи, которая давалась отъ помѣщика. Прослуживъ извѣстное опредѣленное время, пареши возвращался въ семейство, а вмѣсто него во дворъ помѣщика поступалъ изъ того же семейства или братъ или сестра.

Третій видъ прислуги носилъ названіе *шинакма* и комплектовался изъ крестьянъ и тѣхъ азнауровъ, которые находились въ поземельной зависимости отъ князей, церковнаго вѣдомства или отъ самаго владѣтеля. Слово *шинакма* составное и происходитъ отъ словъ *шинз* — домъ, дворъ и *кма* — крестьянинъ, т. е. дворовый человѣкъ. По самому происхожденію этихъ лицъ видно, чта они предназначались для исполненія болѣе почетной службы во дворѣ владѣльца, чѣмъ всѣ остальные. Шинакма были обязаны провожать князя или его семейство при переѣздахъ, подавать стремя, прислуживать за столомъ и развлекать своего патрона бесѣдой. Они посылались владѣльцами къ разнымъ лицамъ и съ такими порученіями, въ которыхъ требовалась дипломатическая тонкость, и вмѣстѣ съ тѣмъ исполняли при дворѣ помѣщика должности: *салтхуцеса*—управителя, *мдурава*—прикащика, *гамгебели*—распорядителя и проч.

Изъ такихъ разнохарактерныхъ должностей и лицъ складывался весь домашній бытъ помѣщика. «Тутъ есть, говоритъ К. Бороздинъ, нѣсколько различныхъ слоевъ общества, не сходныхъ одинъ съ другимъ и собранныхъ вмѣстѣ одною лишь зависимостію господину. Господинъ и его семейство смотрятъ на этихъ домочадцевъ, какъ на свою принадлежность вещную, созданную для ихъ благополучія; но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не выходятъ изъ той рамки отношеній, которая установилась обычнымъ правомъ: парешу нельзя никакими силами принудить къ работѣ моджалаба, шинакму—къ занятіямъ пареши. Только при условіяхъ отправленія каждымъ своей спеціальности сохраняется миръ въ домѣ и въ дворѣ».

Всѣ остальные виды зависимыхъ сословій носили названіе *мебегре*, а въ Гуріи *кма* или *глехи-каци*, т. е. крестьяне. Названіе мебегре происходитъ отъ слова *бегара*—извѣстная натуральная повинность, состоявшая изъ свиньи, курицы, гоми и вина. Мебегре, въ переводѣ съ грузинскаго, значитъ, отбыватель извѣстныхъ, опредѣленныхъ податей. Этотъ видъ сословія обязанъ былъ чѣмъ нибудь исключительно помѣщику или владѣтелю, напримѣръ: тохать землю (1), пахать, платить разную подать, въ натурѣ или деньгами, отбывать барщину и давать прислугу на барскій дворъ. Обязанности мебегре бывали чрезвычайно разнообразны и къ тому же зависѣли отъ того, былъ ли мебегре освобожденъ помѣщикомъ отъ нѣкоторыхъ соотвѣтственныхъ податей, за извѣстную единовременную плату, или не былъ. Въ сущности главною особенностью его зависимости отъ своего господина было ежегодное приношеніе послѣднему *свиньи*, и если мебегре успѣвалъ откупиться отъ этого оригинальнаго приношенія, то переходилъ въ сословіе *азатовъ*.

Мебегре въ Мингреліи раздѣлялись на два разряда: *глеховъ* и *мсахуровъ*. Первые, иначе называемые *казахи* или *маргали*, обязаны были давать отъ семейства по одному пареши и освобождались отъ этого только тогда, когда въ дымѣ не было болѣе одного работника; иногда же они поставляли и женскую прислугу, исполнявшую обязанность моджалабе. Обыкновенно помѣщикъ, выбравъ себѣ дѣвочку изъ семейства глеха, надѣвалъ ей на шею красный шелковый шнурокъ и съ этихъ поръ она считалась взятою во дворъ. По требованію господина, каждый дымъ выставлялъ на барщину одного работника, безъ опредѣленія числа рабочихъ дней въ недѣлю; приносилъ подать *бегара* и, кромѣ того, другіе продукты, которые были весьма разнообразны и различны въ каждой деревнѣ, но состояли преимущественно изъ хлѣба, сыра, барановъ, козлятъ и проч. Послѣднія приношенія образовались изъ *дзгвени* или гостинцевъ, которые крестьяне приносили своимъ господамъ. Гостинцы эти, повторенные два года сряду, по установившемуся обычаю, пре-

---

(1) Тоха, земледѣльческое орудіе, которымъ чистятъ хлѣбъ на корнѣ: отъ этого произошло слово *тохать*, которое въ общемъ употребленіи въ грузинскихъ провинціяхъ и значитъ очищать хлѣбъ на корнѣ и землю подъ хлѣбъ тохою.

вращались въ *дебулоба* — обязанность или повинность. Отъ этого помѣщики разными ласками и уловками старались заставить своихъ крестьянъ повторить какую-либо услугу, а крестьяне, напротивъ того, всѣми мѣрами упирались, чтобы не сдѣлать отступленій отъ тѣхъ обязанностей и приношеній, которыя исполнялись ихъ отцами.

Обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ были основаны или на письменныхъ сдѣлкахъ, или на преданіяхъ, тщательно передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Крестьяне такъ сильно стояли за свои исключительныя повинности, что никакая сила, даже и при всевозможномъ самоуправствѣ помѣщиковъ, не могла заставить ихъ согласиться на малѣйшее отступленіе. Кто обязанъ былъ тохать землю въ извѣстное время, тотъ не соглашался дѣлать этого въ другое время года, а тѣмъ болѣе пахать ее, убирать хлѣбъ или косить: для этого, говорили они, есть другіе люди, обязанные этими повинностями.

Не смотря однако же на такое сопротивленіе, бѣдность и необходимость въ защитѣ сильнаго были причиною того, что въ теченіе вѣковъ крестьяне приняли на себя столь разнообразныя повинности, исчислить которыя нѣтъ возможности. Такъ, они очищали три раза въ годъ господскіе посѣвы, переносили на себѣ вещи помѣщика, при его переѣздахъ изъ одной деревни въ другую; кормили нѣсколько дней въ году помѣщичьихъ лошадей, вмѣстѣ съ конюхомъ, или въ замѣнъ того давали отъ 100 до 200 пучковъ соломы; приносили подарки въ торжественныхъ случаяхъ: на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ и поминкахъ. Иногда при несчастныхъ случаяхъ крестьяне помогали своему помѣщику, выкупали его отъ долговъ и исполняли самую тягостную обязанность—кормленія своего владѣльца, что обыкновенно приходилось на долю каждаго по нѣскольку дней въ году. Подобный наѣздъ, съ цѣлымъ семействомъ и прислугою, былъ для крестьянина гораздо хуже налета саранчи, потому что, кромѣ уничтоженія до тла жизненныхъ запасовъ, у крестьянина изчезали самыя лучшія и цѣнныя вещи.

Сверхъ этихъ, такъ сказать, главнѣйшихъ обязанностей, было еще множество мелочныхъ, странныхъ и доходящихъ до смѣшнаго. Такъ, напримѣръ, если къ помѣщику пріѣзжалъ гость, то извѣстное семейство крестьянина обязано было для его угощенія поймать форель. Въ мѣстечкѣ Хони былъ одинъ крестьянскій домъ, обязанный къ празднику св. Пасхи сдѣлать мячъ, составляющій въ этотъ день предметъ народной забавы. Въ Имеретіи была одна деревня, состоявшая изъ двадцати трехъ дымовъ, которая разъ въ годъ давала помѣщику по половинѣ варенаго яйца и т. п.

Тѣ изъ крестьянъ, которые не давали помѣщику работника на барщину и женской прислуги въ домъ, носили названіе *мсахури*. Въ Гуріи званіе это давалось крестьянамъ или моджалабамъ по особымъ бумагамъ, въ родѣ грамотъ и притомъ за заслуги такимъ лицамъ, которыя отличались расторопностію или какими-нибудь личными достоинствами, или, наконецъ, «по ходатайству служившихъ при владѣтелѣ особъ, а часто даже за подарки, прини-

маемые въ родѣ выкупа». Мсахури освобождены были отъ нѣкоторыхъ натуральныхъ и денежныхъ податей, отъ хлѣбопашества въ пользу владѣльца и вообще отъ трудныхъ работъ. Главнѣйшая обязанность ихъ заключалась въ угощеніи разъ въ годъ или въ два года разъ своего владѣльца. Званіе мсахури въ Гуріи было самое почетное между крестьянами.

Въ Мингреліи второй видъ крестьянъ, поселенныхъ на земляхъ помѣщиковъ, были *азаты*—названіе, которое можетъ быть переведено словомъ *освобожденный, но не вполнѣ свободный человѣкъ*, а скорѣе крестьянинъ, освобожденный отъ нѣкоторой части податей и повинностей. Азаты обязаны были сопровождать господина въ его поѣздахъ и давать въ два года одну корову или же, зарѣзавъ ее, угостить своего владѣльца гомерическимъ обѣдомъ.

Переходъ изъ сословія мебегре въ сословіе азатовъ считался весьма важнымъ, въ томъ отношеніи, что послѣдніе освобождались отъ приношенія помѣщику свиньи, что считалось постыднымъ, хотя повинности и взносы азатовъ большею частію обходились и дороже взносовъ мебегре.

Переходъ изъ сословія мебегре въ азаты производился точно такимъ же образомъ, какъ въ Гуріи въ сословіе мсахури, т. е. за заслуги и по письменнымъ актамъ или грамотамъ.

Сверхъ исчисленныхъ сословій крестьянъ были еще рабы, находившіеся въ зависимости крестьянъ, или ихъ крестьяне, которые пріобрѣтались для того, чтобы посылать вмѣсто себя на господскую работу или службу. Бывали случаи, хотя впрочемъ очень рѣдкіе, что крестьянскіе моджалабы, въ свою очередь, имѣли точно также моджалабовъ и т. д. Участь такихъ лицъ была еще безотраднѣе, чѣмъ всѣхъ остальныхъ зависимыхъ сословій.

Въ заключеніе необходимо сказать, что въ Мингреліи, кромѣ всѣхъ этихъ видовъ крестьянъ, были еще *свободные поселяне*, образовавшіеся съ 1860 года, по распоряженію нашего правительства, въ тѣхъ видахъ, чтобы крестьяне, освобожденные изъ зависимости помѣщиковъ, не возращались уже снова въ крѣпостное состояніе зачисленіемъ ихъ въ разрядъ собственныхъ крестьянъ владѣтеля. Необходимо сказать и то, что среди зависимыхъ сословій Имеретіи, Мингреліи и Гуріи замѣтно было всегда стремленіе перейти въ сословіе сравнительно болѣе приличное по общественному положенію въ народѣ, а на послѣдокъ и совершенно освободиться отъ тѣхъ тяжкихъ податей и повинностей, которыя обременяли крестьянина и держали его въ черномъ тѣлѣ. Такимъ образомъ задушевное желаніе моджалабе заключалось въ томъ, чтобы сдѣлаться мебегре, мебегре—азатомъ и т. д.

Взаимныя отношенія, существовавшія между зависимыми сословіями и ихъ владѣльцами представляли собою смѣсь семейнаго начала съ начальническимъ господствомъ.

Всмотрѣвшись въ эти отношенія попристальнѣе, мы увидѣли бы, что крестьяне сидѣли зачастую за однимъ столомъ со своими господами, что вмѣстѣ съ ними они пили и ѣли, раздѣляли радость и горе, и нерѣдко, къ

какому бы сословію человѣкъ ни принадлежалъ, хотя бы былъ и моджалабе, онъ плясалъ съ княжною рука объ руку, въ хороводѣ мѣстнаго туземнаго танца. Крестьянинъ оплакивалъ умершихъ членовъ семьи своего господина, точно также и послѣдній платилъ ему этотъ христіанскій долгъ и исполнялъ народный обычай безукоризненно и съ сочувствіемъ.

Между высшими сословіями существовали тѣ же отношенія, какъ и между низшими, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отношеніе это въ дворянскомъ сословномъ кругу, кромѣ того, имѣло на себѣ отпечатокъ чисто феодальный. Такъ, напримѣръ, азнауръ, по нашимъ понятіямъ точно такой же дворянинъ какъ и князь, поддерживалъ стремя, когда послѣдній садился на лошадь, или подавалъ ему трубку, снималъ съ его ногъ сапоги, ходилъ за княжескимъ ястребомъ, лошадью, возился съ охотничьими собаками, не считая нисколько постыднымъ для себя нести подобную службу. Одновременно съ этимъ тотъ же самый азнауръ или князь сидѣли за однимъ столомъ съ владѣтелемъ, бесѣдовали, шутили, позволяли себѣ иногда разнаго рода выходки, которыя не оскорбляли самолюбія даже и въ томъ случаѣ, когда лицо, къ которому были обращены эти выходки, принадлежало къ самому высшему сословію. Между тѣмъ старшій въ правѣ былъ послать кусокъ мяса или просто кость подвластному и тотъ принималъ ее съ благодарностью, какъ знакъ вниманія, и, въ свою очередь, передавалъ обглоданные остатки низшему по себѣ. Отказаться отъ чужихъ объѣдковъ считалось дѣломъ неприличнымъ и обсосанную кость низшій считалъ необходимымъ обсосать съ особымъ раченіемъ.

Въ странѣ, гдѣ феодализмъ съ одной стороны и рабство съ другой находились въ постоянной междоусобной враждѣ, гдѣ личности феодаловъ утратили много существеннаго, гдѣ матеріальныя силы ихъ раздробились на мелочь, между тѣмъ какъ потомки этихъ феодаловъ, не желая покинуть своихъ надменныхъ привычекъ и выходокъ, вытягивали изъ подвластныхъ послѣдніе соки, тамъ нельзя было обойтись безъ слезъ, стоновъ и проклятій...

«Жалокъ крестьянинъ, пишетъ Ад. П. Берже, подъ ферулой господина, предки котораго считали у себя рабовъ сотнями и которому осталось въ наслѣдіе, быть можетъ, не болѣе десятка дворовъ. Жалокъ крошечный феодалъ при такомъ числѣ крестьянъ, когда онъ, нисколько не умѣривъ своихъ прихотей и расходовъ, норовитъ изо всѣхъ силъ, чтобы не отстать въ этомъ отношеніи отъ своего предка, располагавшаго несравненно большими средствами. Послѣдній имѣлъ у себя конюховъ, поваровъ, сокольничихъ, сапожниковъ, портныхъ и всякаго подобнаго люда въ большомъ числѣ; потомокъ же его корчитъ того же феодала и хочетъ имѣть ту же обстановку, по крайней-мѣрѣ въ миніатюрѣ, и требуетъ всѣхъ подобныхъ услугъ отъ доставшихся ему нѣсколькихъ дворовъ крестьянъ. Эти, въ свою очередь, упираются руками и ногами, ни за что не хотятъ исполнить сумасбродныхъ требованій, которыя для нихъ обременительны и даже вовсе не подходящи, отзываясь, что такой-то обязанъ печь хлѣбъ, а не варить кушанье, ухаживать за лошадью,

а не за соколомъ, что предокъ такого-то хотя шилъ на господина сапоги, но такъ какъ прямой потомокъ его вымеръ, то другому не приходится выполнять означенную повинность въ цѣлости, а готовъ сшить одинъ только сапогъ».

Прямымъ послѣдствіемъ притязанія съ одной стороны и упорства или сопротивленія съ другой было то, что владѣльцы прибѣгали иногда къ насилію, въ слѣдствіе котораго бывало или бѣгство крестьянина, если это ему удавалось, или конечное раззореніе. Крестьяне не могли и не могутъ забыть, что члены семьи ихъ продавались помѣщиками въ плѣнъ; не могутъ забыть, что цѣлыя семьи ихъ безжалостно разразнивались, что ихъ обирали чужіе и свои помѣщики, что крестьянинъ не былъ увѣренъ въ своей собственности, что судъ и расправа ими покупались дорого, и все-таки безъ надежды на правосудіе, и наконецъ, что ихъ объѣдали сильные, объѣдали начальники и безчисленные ихъ разсыльные. Крестьянинъ не зналъ, что будетъ завтра съ нимъ, съ его скотомъ и имуществомъ. Поэтому онъ никогда не строился прочно, а какъ будто всегда готовился къ перекочевкѣ.

Тавади, сапатіокаци и азнауры были владѣльцами поземельной собственности и крестьянъ на ней поселенныхъ. Первыя два сословія зависѣли только отъ владѣтелей, какъ вассалы, обязанные службою въ войскѣ, въ гражданскомъ управленіи, при дворѣ и при особѣ владѣтеля, а иногда повинностью отъ земли и, частью, доходовъ отъ другихъ источниковъ, какъ, напримѣръ, таможенъ и проч. — Хотя большая часть азнауровъ имѣла одинаковыя права съ князьями и подчинялась только одному владѣтелю, но были, какъ мы видѣли, и такіе, которые находились въ зависимости князей, церкви и помѣщиковъ изъ такого же сословія азнауровъ. Между зависимыми и независимыми азнаурами, въ народномъ взглядѣ, не было никакой разницы. Только древность и знатность происхожденія давали первенство азнаурскимъ фамиліямъ, не обращая вниманія на то, были ли они вольными или зависимыми.

Владѣлецъ имѣлъ право передать другому власть надъ имѣніемъ зависѣвшаго отъ него азнаура, но не имѣлъ никакого вліянія на благопріобрѣтенное имѣніе послѣдняго. Выморочныя имѣнія зависимыхъ азнауровъ поступали въ собственность помѣщика. «Съ другой стороны, помѣщичьи азнауры не могли, безъ согласія своихъ владѣльцевъ или церкви, уступать и освобождать своихъ крестьянъ и продавать земли, зависѣвшія отъ ихъ владѣльцевъ».

По уложенію царя Вахтанга, примѣнявшемуся во всѣхъ провинціяхъ, населенныхъ грузинскимъ племенемъ, помѣщикъ, кто бы онъ ни былъ, имѣлъ полную власть надъ своимъ крестьяниномъ, за исключеніемъ лишенія жизни. Господинъ не имѣлъ права изувѣчить своего крестьянина; но въ одномъ мѣстѣ тѣхъ же законовъ сказано, что если господинъ нападаетъ на своего слугу, то послѣдній долженъ всѣми мѣрами избѣгать того, чтобы защищаться. Помѣщикъ имѣлъ право продавать, отдавать въ замѣнъ, заложить, дарить и освобождать на волю своихъ крестьянъ; могъ наказывать за преступленія, но не причиняя

увѣчья. Владѣлецъ не признавалъ обязанности содержать своихъ крестьянъ въ случаѣ голода или другаго общественнаго несчастія, точно также онъ отказывался слѣдить за нравственностію своихъ подвластныхъ. Помѣщики имѣли полное право располагать недвижимымъ имѣніемъ крестьянина, но на благопріобрѣтенное имъ имѣніе права не имѣли. Въ случаѣ смерти крестьянина, не оставившаго по себѣ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола, имѣніе поступало въ пользу помѣщика, помимо дочерей и наслѣдницъ женскаго пола, которыя не могли наслѣдовать имѣніе отца, но при выходѣ за-мужъ, при жизни своихъ родителей, могли получить часть имѣнія въ приданое.

Крестьяне не могли продавать недвижимаго имѣнія безъ согласія помѣщика, не могли переселяться изъ одного селенія въ другое, но *ассаство* (бѣгство или переселеніе помимо воли владѣльца) существовало и здѣсь точно въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ Абхазіи.

Крестьянинъ имѣлъ право пріобрѣтать землю на свое имя и владѣть ею на полныхъ правахъ собственности. «Помѣщикъ можетъ переводить своихъ поселянъ съ однихъ земель на другія только при обоюдномъ съ ними согласіи, причемъ дается имъ полная льгота въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ подати и повинности установляются все тѣ же, какъ и на прежнихъ земляхъ».

Крестьяне могли, съ позволенія помѣщика, заниматься торговлею, ремеслами и промышленностью, и пріобрѣтенною черезъ то собственностію какъ движимою, такъ и недвижимою распоряжаться по своей волѣ, безъ участія помѣщика, но съ вознагражденіемъ послѣдняго условною платою при полученіи позволенія (1).

---

(1) Изъ путешествія по Мингреліи въ 1862 г. Ад. П. Берже, рукопись, обязательно сообщенная мнѣ авторомъ. Крѣпостное состояніе въ Мингреліи, К. Бороздина. Записки Кавк. отд. Имп. Р. Геогр. общ. кн. VII изд. 1866 г. О сословіяхъ въ Гуріи, изъ записокъ капитана Тржасковскаго. Кавказъ 1847 г. № 40.

ТУШИНЫ, ПШАВЫ И ХЕВСУРЫ.

I.

Тушины, пшавы и хевсуры; ихъ характеристика и мѣсто ими занимаемое. — Наружный видъ, одежда и вооруженіе.

Сѣверный и южный скаты главнаго Кавказскаго хребта, верховья рѣкъ Арагвы, Аргуна, Алазани, Іоры и Эрцойское ущелье, населены тушинами, пшавами и хевсурами, составлявшими особый округъ, простиравшійся до 3,932 квадр. верстъ, съ населеніемъ въ 31,449 душъ.

Округъ этотъ граничитъ съ сѣвера народами чеченскаго племени: кистами галгаевскаго общества, немирными кистами и землею горныхъ чеченцевъ, населяющихъ верховья р. Аргуна; съ востока—дагестанскими обществами: Ункратль, Дидо, или Цунта, и частію Телавскаго уѣзда; съ юга—Тифлисскимъ уѣздомъ и гудомакарскими горцами.

Громадныя скалы, весьма скудно обросшія по берегамъ рѣкъ соснами, пропасти и безвыходныя ущелья, до которыхъ весьма рѣдко достигаютъ солнечные лучи, шумные потоки, покрытые во многихъ мѣстахъ обледенѣлыми обвалами, по которымъ часто приходится проѣзжать какъ подъ сводами, едва проходимыя тропинки и села, повисшія на уступахъ скалъ — все это представляетъ величественную, хотя и дикую, картину мѣстности, на которой поселились эти народы.

Земли удобной для хлѣбопашества весьма мало. Смотря на маленькіе клочки пашни, разбросанные между скалъ и на вершинахъ горъ, трудно повѣрить, чтобы человѣкъ могъ забираться на такую высоту,—а хевсуръ идетъ туда съ парою быковъ, для посѣва только нѣсколькихъ зеренъ ячменя. Лѣсъ на топливо добывается съ бо̀льшими еще затрудненіями, и страшно смотрѣть на

хевсурскую женщину, когда она спускается съ крутизны съ тяжелою ношею хвороста. За то Хевсуретія изобилуетъ отличными пастбищами и сѣнокосами.

Зима непривѣтлива въ Хевсуретіи: огромные сугробы снѣга заносятъ всѣ ущелья, сообщеніе между деревнями прекращается и нѣсколько мѣсяцевъ сряду слышенъ только вой вѣтра, глухое журчаніе полускованныхъ льдинами водопадовъ, да вой волковъ, не находящихъ чѣмъ утолить свой голодъ. Обрушившіеся съ страшной высоты отвѣсныхъ скалъ завалы образуютъ, мѣстами, крѣпкіе своды надъ руслами рѣкъ; вмѣсто деревень, виднѣются только верхушки сосенъ, да закопченныхъ башенъ.

Съ наступленіемъ весны, вся эта снѣжная масса начинаетъ осѣдать, и ходьба по ней дѣлается еще труднѣе. На каждомъ шагу путникъ погружается по поясъ въ снѣгъ, и, не успѣвъ выкарабкаться изъ него, опять тонетъ. Глаза страдаютъ отъ необыкновеннаго блеску солнечныхъ лучей, играющихъ на безпредѣльномъ снѣжномъ морѣ. Крутость подъемовъ и удивительная прозрачность рѣдкаго горнаго воздуха спираютъ дыханіе...

Часто нѣтъ другаго пути, какъ по заваленному огромными каменьями руслу рѣки, катящей съ шумомъ цѣлыя массы пѣны. Тогда, держа другъ друга за руки, опираясь на остроконечныя палки, путники едва переступаютъ и борятся съ сильнымъ напоромъ воды. Мѣстами, снѣгъ образуетъ надъ рѣками своды, *живые мосты*, проходя по которымъ трескъ даетъ знать о возможности провала и паденія съ высоты нѣсколькихъ саженъ прямо въ потокъ, съ глухимъ ревомъ пробивающій себѣ грудью дорогу сквозь глыбы снѣга [1].

Природа Пшавіи не менѣе грозна и величественна. Повсюду горы и лѣсъ, лѣсъ и горы, кой-гдѣ разбросаны деревушки; дорога также пролегаетъ по большей части вдоль рѣкъ, какъ, напримѣръ, вдоль Арагвы, оглушающей своимъ шумомъ. Арагвское ущелье отличается своею живописностію, но крайне затруднительною дорогою. Часть ея еще сносна, но большею частію путешественникъ предается волѣ привычнаго коня, и если онъ самъ первый разъ въ этомъ мѣстѣ, то невольно закрываетъ глаза и творитъ молитву. Нужно пересѣчь быстрину рѣки, обдающей оглушительнымъ ревомъ. «Волны кипятъ, все дно течетъ мимо ногъ коня, вотъ-вотъ васъ уноситъ... голова идетъ кругомъ... рѣка хлещетъ прибоемъ въ берегъ... конь напрягаетъ силы—и вы выбрались на сушу въ виду пшавскаго селенія Шуапхо. Поѣзжайте дальше, и вамъ предстоитъ то подъемъ до небесъ, то спускъ въ преисподнюю, по тропинкѣ не болѣе полъ аршина ширины, справа которой отвѣсная скала, а слѣва непроницаемая бездна, и тогда вы достигнете до Аргуна, который реветъ и шумитъ еще болѣе Арагвы. Путники должны кричать, чтобы передать что-нибудь другъ другу. Брызги падаютъ на лицо и всего обдаетъ водяною пылью [2]».

---

[1] Воспоминаніе о кистахъ А. Зиссермана. Кавказъ 1851 года № 93.
[2] Поѣздка въ Шатиль А. Зиссермана. Кавказъ 1847 года № 18.

Природа Тушетіи представляетъ самую разнообразную картину. Тамъ есть высокія горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ и пересѣкаемыя въ разныхъ направленіяхъ глубокими ущельями; есть ледники, неприступныя скалы, живописныя долины и непроходимые лѣса. Серебристые каскады водъ, съ шумомъ падающіе съ окрестныхъ горъ, образуютъ небольшіе ручейки, которые, протекая по долинамъ, соединяются потомъ въ большіе потоки и образуютъ или самостоятельныя рѣки, или ихъ притоки. Недоступныя горы, покрытыя мрачнымъ сосновымъ лѣсомъ, сдавливая бѣшеную рѣку въ тѣсныхъ и крутыхъ берегахъ, и неожиданные изгибы ущелій и огромные камни, низверженные съ вершинъ скалъ, еще болѣе увеличиваютъ ея ярость, и она, прядая съ камня на камень, мечетъ высоко мутныя и пѣнистыя свои волны и заглушаетъ слабый говоръ человѣка, вой хищныхъ звѣрей и крикъ пустынныхъ орловъ.

Основываясь на томъ, что въ языкѣ тушинъ, пшавовъ и хевсуръ слышится древній грузинскій языкъ, сохранившійся даже въ ихъ книгахъ священнаго писанія, многіе считаютъ ихъ народомъ грузинскаго происхожденія (1).

Другіе, напротивъ того, полагаютъ, что тушины выходцы изъ горной Тушетіи, спустившіеся къ берегамъ р. Алазани, гдѣ они, войдя въ непосредственное сношеніе съ грузинами, позабывъ свой родной языкъ, усвоили себѣ грузинскій, хотя и не въ совершенной чистотѣ, а въ смѣси съ своимъ первоначальнымъ (2).

Во всякомъ случаѣ, какого бы происхожденія они ни были, достовѣрно то, что тушины, пшавы и хевсуры, въ отдаленнѣйшія времена, населяли занимаемую ими теперь землю. Въ лѣтописяхъ грузинскихъ, всѣ три поколѣнія извѣстны подъ именемъ *пховеловъ*, которые жили здѣсь въ самыя отдаленныя времена и еще при св. Нинѣ обращены были въ христіанство. Сосѣдство кистинъ, отъ которыхъ они отдѣлялись только Становымъ хребтомъ Кавказа, имѣло на нихъ вліяніе на столько, что въ языкѣ этихъ народовъ слышится много кистинскихъ словъ. Такъ, хевсурскія общества Архотіони и Шатиліони, тушины двухъ обществъ, Цовскаго и Пирикительскаго, говорятъ кистинскимъ нарѣчіемъ чеченскаго языка, а остальныя два общества тушинъ— Гомецарское и Чаглинское, говорятъ древне-грузинскимъ языкомъ (3), тѣмъ языкомъ, на которомъ написано священное писаніе грузинъ.

Тушины *Цовскаго* общества происходятъ отъ кистинскаго племени, общества Гилго, что доказываетъ сходство ихъ языковъ и въ особенности преданій, живо сохранившихся въ народной памяти. По преданію, нѣсколько ки-

(1) Записки академика Буткова (рукоп.) Арх. Главн. Штаб. въ С.-Петерб. О Тушино-Пшаво-Хевсурс. округѣ, кн. Р. Эристова. Зап. Кав. отд. Имп. Р. Геогр. общес. кн. III изд. 1855 г. См. также Кавказъ 1868 г. № 42.

(2) Кавказскій календарь 1858 г. 302. Краткая характеристика тушинскаго языка, Шифнера въ Bulletin histor. philolog. т. VII. См. также Кавказъ 1855 года № 12 и 13.

(3) Кавказскій календарь 1858 г. 302. Кавказъ 1855 г. № 70.

стинскихъ семействъ, оставивъ родной аулъ, искали себѣ пріюта въ дальнихъ горахъ и нашли его между горъ Цовата, въ долинѣ неплодородной, небольшой, но способной лишь удовлетворить ихъ самою скудною пищею. Превосходный здоровый климатъ заставилъ переселенцевъ остановиться на этомъ мѣстѣ и основать аулъ *Ца*—домъ, отъ котораго и сами переселенцы получили названіе *цовцевъ*.

По обычаю всѣхъ горцевъ, выстроивъ себѣ четыреугольные каменные дома съ башнями, замѣнявшими имъ крѣпости, они въ короткое время поставили себя въ возможность отстаивать свою независимость отъ хищническихъ нападеній своихъ сосѣдей.

При присоединеніи Грузіи къ Россіи хевсуры жили въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ нынѣ, т. е. въ верховьяхъ Арагвы и Аргуна и въ Эрцойскомъ ущельѣ.

Нынѣшняя Хевсуретія занимаетъ «сѣверную часть Кавказскаго хребта, примыкающаго къ военно-грузинской дорогѣ, горнымъ чеченскимъ обществамъ и Тушетіи». Главныя селенія ея находятся въ ущельяхъ Арагвы и по Аргуну; нѣсколько деревень разбросано по ущельямъ боковыхъ рѣкъ, вливающихъ свои воды въ Арагву и Аргунъ; нѣсколько лежатъ у истока р. Ассы, на границѣ съ галгаевцами.

Селеніе Шатиль, лежащее на Аргунѣ, на самой границѣ съ кистинами, служитъ воротами для входа въ Хевсуретію. Поэтому жители этой деревни пользуются особымъ уваженіемъ своего племени. Ихъ часто избираютъ посредниками и свято исполняютъ ихъ рѣшенія, какъ лицъ безукоризненной храбрости—лучшаго и единственнаго достоинства по понятію хевсура (1).

Въ 1800 году, считалось тринадцать хевсурскихъ фамилій, составлявшихъ пять обществъ, и все населеніе ихъ не превышало 400 дымовъ. Нѣсколько хевсуръ, сверхъ того, жили вмѣстѣ съ грузинами въ селеніи Тіонеты (2).

Народъ этотъ былъ на столько дикъ, что никого не допускалъ въ свои жилища, кромѣ царствующей въ Грузіи фамиліи Багратіоновъ и своего моурава, съ незначительною впрочемъ свитою. Домашняя жизнь ихъ не отличалась богатствомъ и излишествомъ. За неимѣніемъ мѣстъ годныхъ для земледѣлія, они ограничивались посѣвомъ проса и ячменя; хлѣбопашество ихъ и до сихъ поръ находится въ первобытномъ состояніи (3).

---

(1) „Очерки Хевсуріи". Изъ записокъ А. Зиссермана. Кавказ. 1851 года № 22. „Десять лѣтъ на Кавказѣ". Соврем. 1854 г. т. 47.

(2) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Главн. Штаба въ С.-Петербургѣ. Въ запискахъ о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ, кн. Р. Эристова сказано, что въ 1854 г. у хевсуръ было пять обществъ. (См. газету Кавказъ 1854 г. № 43 или Записки Кавк. отд. Имп. Р. геогр. общ. книга III) а въ Кавказскомъ календарѣ 1858 г. сказано, что у хевсуръ четыре общества.

(3) Кавказъ 1854 года № 49.

Рогатый скотъ составлялъ главное ихъ богатство, а приготовленіе довольно сноснаго сукна единственную фабричную производительность ([1]).

Хевсуръ сложенъ не пропорціонально своему высокому росту. Смуглое лицо, длинный носъ, сѣрые или каріе глаза, бритая голова, рыжеватые усы и борода, составляютъ типъ хевсура. Онъ грубъ, надменен, придирчивъ, гордъ и безпеченъ. Уважаетъ только храбрыхъ и считаетъ себя выше всѣхъ народовъ. Низкая шапка его опушена бараньимъ мѣхомъ; на ней нашиты кресты изъ красной бязи (бумажная ткань) и иногда она обвязана кускомъ полосатой матеріи или тряпки, концы которой висятъ на бокъ въ родѣ кокардъ; синяя или красная чёха, съ короткими разрѣзными рукавами и сборками на нихъ, съ нашитыми также, на груди и плечахъ, красными крестами, составляютъ его костюмъ. Подъ чёхой надѣтъ архалукъ и рубашка; шаровары короткія и узкія, обшитыя тесьмою; сапожки, вязаные изъ разноцвѣтной шерсти и, «кромѣ того, *хунчи* или *бандули*, кожаные башмаки, съ проплетеннымъ низомъ».

До 16-ти лѣтъ хевсурскія дѣвушки очень милы и стройны, но изнурительныя работы, неопрятность и грубая пища дѣлаютъ ихъ въ 25 лѣтъ уже старухами. Послѣднія крайне безобразны и, по выраженію очевидца, напоминаютъ кіевскихъ вѣдьмъ.

Женщины моются коровьею уриною, которая, по ихъ понятію, предохраняетъ отъ струпьевъ и коросты, а во вторыхъ и потому, что способствуетъ рощенію волосъ.

Хевсурки носятъ довольно красивую одежду. Черная шаль охватываетъ ихъ голову, не закрывая маковки, и оканчивается кисточкою надъ правымъ ухомъ; въ ушахъ огромныя серебряныя или мѣдныя серьги. Заплетенные волосы, обогнувъ щеки и уши, дугой связываются на затылкѣ.

«Рубашка шалевая, съ оборкою до колѣнъ чернаго цвѣта, а ниже колѣнъ пришивается кругомъ по одному вершку разноцвѣтная шаль, пока длина не дойдетъ до икръ; задняя же пола рубашки, съ линіи противоположной колѣнямъ, должна быть со складками.

«Кромѣ того, къ рубашкѣ, противоположно груди, пришивается еще кусокъ шали, а на ней мелкія монеты, бусы и разныя мелочи и погремушки». Поясъ шерстяной, концы его доходятъ до колѣнъ. Сверхъ рубашки надѣвается коротенькая чёха со складками. Вмѣсто шароваръ вязаные ноговицы, а на ногахъ вязаные сапожки. Зимою какъ мужчины, такъ и женщины носятъ нагольные тулупы.

([1]) Записки Буткова. О промышленности пшавовъ и хевсуръ, ихъ богатствѣ, земледѣліи и скотоводствѣ. См. Кавк. 1851 г. № 81 и 82. О Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. З. к. о. И. Р. Г. о. книга III.

Почти всѣ женщины курятъ изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой; въ 30 лѣтъ они начинаютъ нюхать ([1]).

Пшавы живутъ къ востоку отъ хевсуръ, въ вершинахъ рѣкъ Арагвы и Іоры, раздѣляются на одинадцать фамилій и имѣютъ до 1 т. дымовъ населенія ([2]).

Территорія ихъ хотя также весьма гориста, но богаче, чѣмъ у хевсуръ. Главнѣйшій промыселъ ихъ составляетъ также скотоводство и преимущественно разведеніе овецъ. Скотъ свой они пригоняютъ на поля Кахетіи, гдѣ и пасутъ. Многіе изъ пшавовъ владѣли и нынѣ владѣютъ въ Телавскомъ уѣздѣ виноградными и фруктовыми садами, съ которыхъ получаютъ вино и водку.

Пшавецъ средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія; круглое лицо, каріе глаза, каштановые волосы, голова и борода бритые; на головѣ оставляется чубъ, похожій на тотъ, который носятъ малоросіяне. Походка пшава важная, характеръ добродушный. Пшавецъ чрезвычайно дикъ и, не стѣсняясь ни чьимъ присутствіемъ, дѣлаетъ все что ему захочется, не имѣя никакого понятія о стыдливости. Пшавскія женщины большею частію блондинки, миловидны, не такъ скоро старѣются какъ у хевсуръ, но за то скоро тучнѣютъ.

Хевсуры называютъ пшавовъ жирными дойными коровами и притѣсняютъ ихъ. Претензіи хевсуръ на пшавовъ, предъявляемыя въ судахъ, бываютъ сколько смѣшны, столько же и нелѣпы ([3]).

Въ настоящемъ своемъ мѣстопребываніи, въ сосѣдствѣ тушинъ и хевсуръ, пшавы живутъ только весною и лѣтомъ, потому что имѣютъ тамъ свои сѣнокосы и пастбища. Осенью и зимою они откочевываютъ на далекое разстояніе отъ своихъ жилищъ, туда, гдѣ находятъ болѣе подножнаго корма для своихъ стадъ. Они кочуютъ на Аланскомъ полѣ у рр. Алазани и Іоры. Пшавы подымаются на кочевья не одновременно, но нѣсколько семействъ, забравъ весь свой скарбъ, тянутся небольшими партіями, вмѣстѣ со своимъ скотомъ и лошаками, навьюченными багажемъ. Хижины свои они строятъ въ долинахъ, на вершинахъ или по скатамъ горъ, и живутъ не болѣе какъ двумя–тремя семействами.

Сравнительно съ своими сосѣдями пшавы оказываются болѣе трудолюби-

---

([1]) „Очерки Хевсуріи“ А. Зиссерманъ. Кавк. 1851 г. № 22—24. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. Кавказъ 1854 г № 43—49. Записки Кавказ. отд. Имп. Рус. Геогр. общества кн. III. „Десять лѣтъ на Кавказѣ“. Современникъ 1854 года. т. 47.

([2]) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Главн. Штаба. „Жители каждаго общества пшавовъ, говоритъ кн. Эристовъ, всѣ однофамильцы и это заставляетъ меня думать, что они происходятъ отъ одиннадцати семействъ, нося фамиліи по именамъ своихъ родоначальниковъ.“ Сличивъ предположеніе кн. Эристова съ фактическими записками Буткова, гдѣ сказано, что пшавы раздѣлялись на десять или одиннадцать фамилій, я принялъ послѣднее число какъ болѣе вѣрное. Въ кавказскомъ календарѣ на 1855 годъ показано у пшавовъ 12 обществъ.

([3]) Подробности объ этихъ претензіяхъ можно найти въ газ. Кавк. 1851 г. № 24. Кавказ. 1854 г. № 43—49. Зап. Кав. отд. И. Р. г. общества кн. III.

выми: они приготовляютъ сукна, бурки, переметныя сумы, войлоки и разныя принадлежности для аробъ; приготовляютъ посуду, чашки, ложки и прочее. «Все это, вмѣстѣ съ дичью, которую бьютъ, и съ лѣсными продуктами, они продаютъ въ грузинскихъ селахъ, гдѣ также, при уборкѣ винограда и въ другое время, нанимаются въ работники. Земледѣліе пшавцамъ не понутру и многіе изъ нихъ вовсе имъ не занимаются, да и пахатныхъ земель у нихъ мало. У зажиточныхъ есть сады и мельницы. Исключительный ихъ промыселъ овцеводство, и нѣкоторые пшавцы мѣняютъ овецъ кахетинцамъ на хлѣбъ и вино (¹)».

Многіе пшавы сознаютъ, что кочевая жизнь вредно отзывается на ихъ благосостояніи, но измѣнить свой образъ жизни они не рѣшаются изъ одной приверженности къ старинѣ и примѣру отцовъ.

— Вы пожалѣете насъ, говорила одна пшавская женщина Дм. Бокрадзе, если узнаете всѣ неудобства нашей жизни. У другаго масла, меда и дичи вдоволь, мы во всемъ этомъ нуждаемся. Очень рѣдко бываетъ у насъ за столомъ мясо, даже хлѣба иногда нечѣмъ печь, потому что сухія дрова съ большимъ трудомъ достаешь. Вотъ какова уединенная жизнь! Хорошо бы поселиться за этой горою въ деревнѣ; да что дѣлать, привычка... Здѣсь мы должны бояться каждую ночь за свою жизнь, потому что кругомъ рыщутъ медвѣди, волки ходятъ стадами и поднимаютъ такой страшный вой, что волосы становятся дыбомъ; на дняхъ съѣли нашу корову у самыхъ дверей. Мы привыкли къ страшнымъ ударамъ грома и присмотрѣлись къ молніи, но каково намъ, когда свирѣпствуетъ ураганъ! На всѣхъ находитъ тогда ужасный страхъ, животныя убѣгаютъ въ свои норы и долго не показываются. Вы видите, сколько деревьевъ покачнулось или же совсѣмъ свалилось: все это дѣйствіе бури. Насъ, впрочемъ, Богъ милуетъ отъ несчастій; хорошо, что нашъ домъ въ самой почти землѣ. Мы жили прежде въ лощинѣ, но тамъ сырость и вонь отъ болотъ поражаютъ человѣка болѣзнями. Но и на вершинѣ горы намъ не лучше, потому что болѣемъ и здѣсь...

Пшавъ одѣвается въ черную чеху съ небольшими откидными рукавами, зеленый или синій архалухъ и широкія шаровары, изъ чернаго или бураго сукна собственнаго приготовленія. На ногахъ носитъ *каламяны* изъ сыромятной кожи. На головѣ круглая войлочная шапочка; на поясѣ кинжалы, а на большомъ пальцѣ правой руки желѣзное острое кольцо.

Женщины одѣваются почти такъ же какъ и грузинки. Бѣлое покрывало на головѣ, красная рубаха и шальвары; обувь та же что и у мужчинъ.

Тушины живутъ еще далѣе къ востоку. Владѣнія ихъ граничатъ съ Кахетіею, Пшавіею, Хевсуретіею, Кистетіею, Ункратлемъ и Дидойскимъ обществомъ. По своему мѣстоположенію, Тушетія раздѣляется: *на горную*, заключенную почти въ самой глубинѣ Кавказскихъ горъ, при истокахъ тушинской

(¹) Мое знакомство съ пшавами Дм. Бокрадзе. Кавк. 1850 г. № 97.

Алазани, текущей по Дагестану подъ именемъ Андійскаго-Койсу и Сулака, и на *кахетинскую*, состоящую изъ Алванской равнины, простирающейся до самаго берега Кахетинской Алазани.

Почва земли въ горной Тушетіи вообще безплодная и каменистая и только нѣсколько селеній пользуются плодородною почвою. Самое Алванское поле, будучи однимъ изъ плодороднѣйшихъ мѣстъ западной Кахетіи, совершенно не обработано и употребляется тушинами только для пастбы скота и огромныхъ отаръ. На Алванскомъ полѣ могутъ произрастать многія произведенія Закавказскаго края, тогда какъ въ горной Тушетіи прозябаютъ произведенія, свойственныя только суровому климату. Воздухъ Тушетіи преимущественно горный и здоровый. Пути сообщенія, по неразработкѣ дорогъ, неудобны во время лѣта, а зимою и совсѣмъ прекращаются.

Хотя постоянное мѣсто жительства тушинъ есть горная Тушетія, но, со времени пріобрѣтенія ими Алванскаго поля, нѣсколькихъ ущелій и Ширахской степи, они стали спускаться съ горъ на зиму въ Кахетію, сначала только со стадами, а потомъ и съ семействами, такъ что теперь на Алванскомъ полѣ «видно порядочное населеніе и постройки, куда на зиму спускается съ горъ почти половина тушинъ». Съ наступленіемъ же лѣта, въ іюнѣ мѣсяцѣ тушины, какъ народъ, занимающійся исключительно скотоводствомъ, отправляются опять въ горы».

Въ концѣ мая они собираются, а въ началѣ іюня отправляются въ путь. Навьюченныя лошади ихъ едва переступаютъ подъ тяжестію ноши; за ними слѣдуютъ женщины пѣшкомъ, а дѣти сидятъ въ перекидныхъ сумахъ; кругомъ каравана идутъ вооруженные мужчины, ожидающіе поминутно нападенія непріятеля. Съ шумомъ, говоромъ, ржаніемъ коней, блеяніемъ овецъ и стрѣльбою, приближаются они къ своимъ лѣтнимъ жилищамъ.

Двухъ-этажные каменные домики ихъ разбросаны тамъ на живописныхъ мѣстахъ, покрытыхъ соснами. Виды оттуда одинъ другаго величественнѣе. Надъ вами высятся горы, вѣчно покрытыя снѣгомъ, блестящимъ отъ падающихъ лучей солнца разноцвѣтными, радужными цвѣтами; внизу глубокія пропасти и ущелья, по которымъ шумятъ и пробиваются шумящіе ручейки, покрытые кой-гдѣ маленькими мельницами; кругомъ сосновый лѣсъ, вѣнчающій вершины, растущій по скатамъ горъ и долинъ, оглашается шумомъ падающихъ водопадовъ, крикомъ орловъ, воемъ шакаловъ—все это дѣлаетъ природу Тушетіи дико-величественною ([1]). Здѣсь они остаются до сентября, а на зиму опять спускаются на равнины Кахетіи.

«Впрочемъ, говоритъ И. Цискаровъ, Цовское общество тушинъ, съ нѣкотораго времени отчасти переступило это завѣтное обыкновеніе. Одна деревня изъ этого общества, Сагирта, была раззорена потокомъ набѣжавшимъ съ горъ; большая часть жителей ея погибла; уцѣлѣвшіе же отъ сего раз-

([1]) Изъ моихъ записокъ, Зиссермана. Кавказъ 1846 г. № 22.

зоренія, долгое время проживая въ разныхъ мѣстахъ горъ, наконецъ рѣшились просить правительство о дозволеніи имъ поселиться на горѣ Тбатани за Панклесскимъ ущельемъ, на пути въ горную Тушетію. Просьба ихъ была исполнена и въ слѣдъ за тѣмъ жители остальныхъ трехъ деревень этого общества не замедлили присоединиться къ нимъ по причинѣ тѣсной связи съ своими братьями и особенно по удобству близкаго сообщенія съ Кахетіею. Такимъ образомъ, лѣтній кочевой таборъ этого общества теперь находится на горѣ Тбатани. И рѣдко кто, сначала недовольный таковою перемѣной и забвеньемъ могилъ праотцовъ, прійдетъ, бывало, въ Цовато, въ родной аулъ, зажечь очагъ въ заглохшей своей саклѣ, кромѣ тѣхъ, которымъ по жребью досталась обязанность охранять священные жертвенники и исполнять постановленные при нихъ обряды».

Такіе люди назывались *аборбады*, выбирались по одному изъ каждой деревни и въ продолженіе года оставались при жертвенникахъ безотлучно. Нѣсколько бѣдныхъ кистинскихъ семействъ, съ дозволенія хозяевъ, переселились въ Цоватъ и жили въ оставленныхъ сакляхъ, а потомъ и сами цовцы стали переселяться опять въ Цовато и обновляли свои прежнія жилища.

Въ 1801 году у тушинъ считалось 22 селенія (1), которыя составляли четыре общества; и всѣ вмѣстѣ могли выставить до 500 человѣкъ войска (2).

Считаясь подданными Грузіи, тушины въ то же время платили дань дагестанцамъ. Дань эта состояла изъ 600 овецъ, изъ коихъ каждая цѣнилась въ 80 к. на наши деньги. Въ свою очередь, владѣя хорошими пастбищами, тушины за плату дозволяли имъ пасти свой скотъ на ихъ поляхъ. Отъ этого сосѣдніе къ нимъ дагестанцы считались самыми спокойнѣйшими.

Грузинскому царю тушины вносили ежегодно одну опредѣленную дань, не признавая кромѣ ея никакой другой. Дань эта состояла изъ 400 барановъ и 200 барашковъ и извѣстна была подъ именемъ *сабалахо* (3). Всѣ три поколѣнія этихъ народовъ считались подданными Грузіи. Они управлялись лицами, назначенными отъ царей преимущественно изъ грузинскихъ князей. Тушины имѣли особаго правителя отъ пшавовъ и хевсуръ, которые управлялись однимъ лицомъ. Власть правителей простиралась только до того, чтобы держать ихъ въ зависимости грузинскаго царя и, въ случаѣ военной надобности, имѣть отъ нихъ вспомоществованіе. Испытанная храбрость этихъ народовъ заставляла грузинскихъ царей дорожить подданствомъ ихъ. Тушины, пшавы и хевсуры всегда составляли лучшіе отряды въ войскахъ грузинскихъ. Въ старину, каждое общество, по обычаю, охраняло не только извѣстный пунктъ своей родины, но, въ случаѣ тревоги, изъ конца въ конецъ, каждое обще-

---

(1) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Главн. Штаб. въ С.-Петербургѣ.

(2) См. Кавк. 1849 г. № 7; 1854 г. № 43. Кавк. календ. на 1855 г стр. 303. О тушинахъ вообще: См. Кавк. 1846 г. № 20, 21 и 50.

(3) Записки Буткова. Въ пятидесятыхъ годахъ сабалахо съ пшавовъ составляло 1425 руб., а съ тушинъ 1040—руб.

ство подавало другому весьма скорую помощь. Тушины были рѣдко побѣждаемы и почти всегда нападавшій на нихъ непріятель претерпѣвалъ сильный уронъ. Народъ этотъ издревле, и даже во время русскаго правленія, составлялъ самый лучшій оплотъ для Грузіи, отъ вторженія въ ея предѣлы хищныхъ горцевъ.

Въ 1846 году, жители нѣсколькихъ деревень *чагминскаго* общества, которые могли выставить не болѣе 60 защитниковъ, отразили напавшее на нихъ въ расплохъ скопище болѣе 3 тыс. лезгинъ и дидойцевъ. Въ этомъ отраженіи принимали участіе мальчики моложе пятнадцати лѣтъ. Они, по мѣстному обыкновенію, съ торжествомъ несли кисти рукъ убитыхъ ими непріятелей. Не считая множества раненыхъ и погибшихъ безъ-вѣсти, уронъ непріятеля простирался до ста тѣлъ, доставшихся въ трофей побѣдителямъ, не имѣющимъ обыкновенія брать плѣнныхъ.

О храбрости тушинъ разсказываютъ во всѣхъ углахъ Кавказа. Горцы рѣдко хвалятъ и воспѣваютъ храбрость — считая ее дѣломъ весьма обыкновеннымъ—но про тушинъ въ центрѣ самаго Дагестана, въ Аваріи и другихъ мѣстахъ, сложены и поются пѣсни. Тушинъ рѣшится лучше умереть, чѣмъ попасться въ плѣнъ, но если бы это случилось какимъ-нибудь образомъ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, то онъ умретъ въ тяжкой неволѣ, какъ говорится со славою, но не согласится быть вымѣненнымъ на непріятельскую плѣнную дѣвушку.

— Изрублю семерыхъ въ куски, говоритъ тушинская пѣсня, не то промѣняйте меня на дѣвушку татарскую — это верхъ стыда, какой только можетъ быть для храбраго тушина.

До сихъ поръ еще существуетъ опасная тушинская тропа, проложенная по хребтамъ горъ въ Джары и Бѣлаканы. Пробраться по этой тропѣ и отогнать у лезгинъ скотъ было для тушинъ дѣломъ обыкновеннымъ. Близъ селенія Буно, въ Дагестанѣ, и до сихъ поръ существуетъ камень, о которомъ разсказываютъ, что тушины, отправляясь въ походъ, въ глубь Дагестана, останавливались здѣсь для перековки лошадей, отчего самый камень называютъ *камнемъ, гдѣ тушины ковали лошадей*, нерѣдко на выворотъ, чтобы сдѣлать слѣдъ свой незамѣтнымъ (¹).

«Тушины, пшавы и хевсуры, говоритъ одна грузинская пѣсня (²), обращаясь къ Царю, всѣ обступятъ твою голову (т. е. защитятъ всѣми силами); грянемъ на враговъ соколами, обратимъ въ бѣгство ихъ хаджіевъ. Но если Богъ попуститъ раззорить твою добрую столицу, то направься къ намъ (арагвцамъ)—мы, горцы, постоимъ за тебя. Тушины, пшавы и хевсуры по-

---

(¹) „Записки о Тушетіи“ И. Цискарова. Кавказъ 1849 г. № 13. См. также Кавказъ. 1855 г. № 33.

(²) Пѣсня эта относится къ царствованію Ираклія II и сложена въ 1795 г. при нашествіи Аги-Магометъ-хана на Грузію. См. Закавк. Вѣст. 1853 г. № 14. Кавказ. 1853 г. № 25.

ложатъ голову за тебя, послужатъ тебѣ въ конецъ, посмотримъ, кто будетъ послѣ тебя Иракліемъ...»

Съ такимъ увѣреніемъ въ своей вѣрности, мтіулетинцы (горные грузины) отправили, какъ гласитъ преданіе, одного гонца, и для того, чтобы онъ прибылъ поспѣшнѣе, его ввѣрили быстрой Арагвѣ и, бросивъ просто въ рѣку, пропѣли ему экспромтомъ пѣсню.

«Иди такъ, пѣли они, до Мцхета, отъ Мцхета начинается гладкая равнина (1). Береги бумаги, не замочи ихъ, а то прогнѣвается *батони* (царь). Сыръ, да хлѣбъ съ тобою—въ водѣ также не будетъ недостатка; гребень у тебя за пазухой—борода твоя не обростетъ мхомъ. Какъ придешь къ царскому дворцу, тебя встрѣтитъ *назирь* (царедворецъ). Тогда пригладь рукою бороду, чтобы не была она растрепана, чтобъ растилалась на груди... Назирь тебя хорошо знаетъ, въ дарбазъ (комнату) тебя онъ проведетъ. Палку не бери съ собою—осрамишь себя и насъ. Какъ увидишь батони, привѣтствуй его съ побѣдою, скажи ему *гамарджоба!* обними его колѣна; онъ улыбнется улыбкою царскою, которою дорожитъ весь народъ. Какъ начнешь говорить, не кашляй—это будетъ непріятно батону.

«Изложи ему, какъ умѣешь, все, что показали мы тебѣ. Скажи, что арагвцы—дескать имѣютъ къ тебѣ, государь, просьбу; да не устрашитъ тебя старость; не бери на себя поношенія людскаго; простри еще мечъ свой, ты это можешь и въ старости» (2).

Вѣрность этихъ народовъ была причиною того, что грузинскій царь всегда имѣлъ при себѣ тѣлохранителей изъ тушинъ, пшавовъ и хевсуръ. По востребованію его они шли на войну, подъ предводительствомъ своихъ духовныхъ пастырей.

Собираясь въ дѣло, хевсуръ весь замыкается въ желѣзо. На голову надѣваетъ *чачкани* (шишакъ съ сѣткой покрывающей шею), рубаху плетеную изъ желѣзной проволоки, рукавицы, прямые палаши и *дашна* — короткая сабля, употребляемая вмѣсто кинжала. Обыкновенное ружье въ чехлѣ изъ медвѣжьей шкуры и щитъ, въ защиту отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, дополняютъ его вооруженіе (3). Пика, какъ оружіе, есть принадлежность стариковъ, точно также, какъ и стрѣлы.

Пшавы и тушины не столько заботятся о средствахъ защиты, сколько хевсуры. Хорошая винтовка и сабля составляютъ все ихъ оружіе (4). Всѣ

---

(1) Ложе Арагвы до Мцхета круто и каменисто. У Мцхета Арагва сливается съ Курою и становится ровнѣе.

(2) Кавказъ 1853 г. № 25.

(3) Замѣчательно, что всѣ щиты и прямые палаши имѣютъ надписи: Genua, Souvenir, Vivat, Stephan Batory, Vivat Husar и проч. См. „Очерки Хевсуріи“ А. Зиссермана. Кавк. 1851 г. № 24

(4) „Записки о Тушино-Пшаво-Хевсур. округѣ“ кн. Эристова. Кавказъ 1854 года № 43—49.

три поколѣнія дрались всегда храбро и получить рану въ тылу своего тѣла считалось весьма постыднымъ.

У этихъ племенъ существовало обыкновеніе *мѣняться пулями*, и тогда помѣнявшіеся скорѣе выстрѣлятъ въ отца, чѣмъ другъ въ друга.

Соблюденіе товарищества, такъ называемаго *дибъ-аларъ* (выраженіе клятвы—обреченіе) при дѣйствіи противъ непріятеля считается у тушинъ первою и главною обязанностію. Товарищи не покидаютъ другъ друга, даже еслибы стоило имъ жизни. Для доказательства братской любви и вѣрности, товарищи, въ самую рѣшительную и горячую минуту сраженія, связываютъ другъ другу полы платья или, взявшись за руки, бросаются вмѣстѣ на врага. Нарушившій этотъ обычай подвергается всеобщему презрѣнію. Тушины никогда не оставляютъ трупа своего соотечественника въ рукахъ непріятеля,—у нихъ считается это точно такимъ же безчестіемъ, какъ покинуть живаго. Убитаго въ бѣгствѣ отъ непріятеля не оплакиваютъ и не изъявляютъ своего сожалѣнія его роднымъ (1).

II.

Религія, обряды, капища и юридическое устройство тушинъ, пшавовъ и хевсуръ.

Трудно увѣрить хевсура въ томъ, что Богъ одинъ. По его понятію, есть Богъ востока и Богъ запада; есть Богъ душъ, Христосъ Богъ, большой Богъ и маленькій Богъ. Народъ болѣе всего уважаетъ Бога войны и сына Божія, но никто не можетъ объяснить истинныхъ догматовъ своей религіи. Постороннему человѣку опредѣлить религію этихъ народовъ еще труднѣе. Уважая крестъ Господень, покланяясь св. Георгію, апостоламъ Петру и Павлу и другимъ святымъ христіанской церкви, они въ то же время почитаютъ своихъ собственныхъ, ими изобрѣтенныхъ, боговъ.

Тушины исповѣдуютъ христіанскую вѣру греко-восточной церкви. Водвореніе здѣсь христіанской религіи надо отнести къ незапамятнымъ временамъ царствованія первыхъ христіанскихъ царей Грузіи. Впослѣдствіи ученіе Магомета имѣло сильное вліяніе и на судьбу вѣры въ Тушетіи. Для защиты христіанства тушины должны были вести безпрестанную борьбу съ мусульманскими горцами, и хотя съ твердостію и успѣхомъ отстаивали свою независимость, но воинственный звукъ оружія сталъ заглушать голосъ проповѣдниковъ Евангелія. Духовенство грузинское не въ состояніи было поддер-

(1) Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавк. 1849 года № 11.

жать падающее христіанство, и въ особенности когда прекратилось сообщеніе съ Тушетіею, окруженною врагами. Въ Тушетіи не стало священниковъ, богослуженіе прекратилось, церкви обветшали и рушились, а сами тушины представляли собою осиротѣвшихъ христіанъ, безъ наставниковъ религіи, какъ стадо лишенное пастыря.

Народъ, потерявъ истинную нить религіи, создавалъ свою собственную. Въ замѣнъ развалившихся церквей, тушины строили на развалинахъ ихъ жертвенники въ честь тѣхъ же святыхъ, которымъ были воздвигнуты храмы. Но для такого новаго жертвенника необходимо было, по мнѣнію народа, принести какой-нибудь знакъ—*ниши*—образъ, крестъ или камень отъ церкви, находящейся въ Грузіи, въ Пшавіи или Хевсуретіи и воздвигнутой въ честь того святаго, которому сооружался жертвенникъ. Кромѣ образовъ, крестовъ, церковныхъ сосудовъ и множества другихъ подобныхъ вещей, сохранившихся при жертвенникахъ, въ честь каждаго святаго приготовлялись священныя знамена, состоявшія по большей части изъ пики, обвѣшанной разноцвѣтными лоскутами матеріи, а иногда и колокольчиками.

Хевсуръ, пшавовъ и тушинъ нельзя назвать язычниками, потому что они вѣруютъ въ истиннаго Бога и его святыхъ; но ихъ нельзя назвать и христіанами, потому что они слишкомъ далеки отъ догматовъ христіанской церкви. Сами себя они называютъ христіанами, а всѣхъ иновѣрцевъ считаютъ бусурманами и обижаются, если назвать ихъ нехристами.

У нихъ есть великій постъ, но его соблюдаютъ большею частію только одни мужчины; женщины ѣдятъ въ это время масло и сыръ.

Рождественскій постъ соблюдаютъ въ теченіе двухъ недѣль, и такъ строго, что ничего не ѣдятъ кромѣ хлѣба (¹).

Въ вѣрованіи этого народа видны одновременно оттѣнки христіанства, магометанства, талмудизма и язычества. Народъ создалъ себѣ ангеловъ покровителей, которыхъ также почитаетъ. Такъ, у хевсуръ существуетъ мать земли *(адгилисъ-деда)*, ангелъ дуба *(мухисъ-ангелози)*, ангелъ горы *(горисъ-ангелози)*, ангелъ имущества *(унджисъ-ангелози)*, большая гора *(дидъ-гори)*, бѣлый Георгій *(тетри-Георгій)*, сосѣдъ дверей *(карисъ-мезобели)* и проч. (²).

Въ Хевсуретіи былъ древній дубъ, извѣстный подъ именемъ *Багратіона*. Народъ считалъ его священнымъ, и если кто изъ рода Багратіоновъ уходилъ къ нимъ и, обнявъ дубъ, произносилъ: *«предокъ мой, защити своего потомка»*, то народъ всѣми силами обязанъ былъ защищать его (³).

(¹) Очеркъ Хевсуріи А. Зиссермана Кавказъ 1851 года № 23.

(²) Записки Буткова (рукопись) Очерки Хевсуріи А. Зиссермана. Кавказъ 1851 года № 23. Тушино-Пшаво-Хевсурс. округъ кн. Р. Эристова. Кавказъ 1854 года № 45.

(³) Записки Тучкова (рукоп.), Арх. Глав. Штаба въ С.-Петербургѣ.

Пшавы точно также поклонялись нерѣдко деревьямъ, имѣли священную рощу и другія мѣста, считаемыя ими святыми. Увѣковѣчивъ древній дубъ, къ которому никто не смѣлъ прикасаться, и назвавъ *его ангельскимъ* дубомъ, пшавы были увѣрены, что въ немъ живетъ ихъ ангелъ–хранитель.

Питая весьма мало уваженія къ ангеламъ-хранителямъ, созданнымъ хевсурами, пшавы имѣли своихъ собственныхъ боговъ. *Лошарисъ джвари* (крестъ грузинскаго царя Георгія Лаша) и *Томарь мепé* (царица–Тамáра), почитались ими за святыхъ, которымъ пшавы приносили жертвы.

Такая смѣсь вѣрованій не мѣшала однако же тушинамъ, пшавамъ и хевсурамъ, самимъ по себѣ, быть увѣренными, что исповѣдуютъ христіанскую религію и принадлежатъ къ греческой церкви. Изъ грузинскихъ церквей, въ прежнее время, имъ посылался ежегодно, подъ видомъ мура, обыкновенный елей, который они употребляли, по обрядамъ своимъ, при крещеніи. Младенца, умершаго до крещенія, поливали въ гробѣ елеемъ и окропляли святою водою. Всѣ три поколѣнія вѣрили въ существованіе рая и ада и содержали нѣсколько постовъ въ году.

Вообще вѣрованія ихъ были весьма неопредѣленны и шатки. Такъ, въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія у тушинъ явился какой–то бродяга и увѣрилъ ихъ, что онъ выходецъ съ того свѣта; разсказывалъ о житьѣ бытьѣ ихъ умершихъ родственниковъ и утверждалъ, что кто въ здѣшнемъ свѣтѣ постился, тотъ и на томъ свѣтѣ лишенъ права ѣсть скоромное. Это послужило поводомъ къ тому, что многіе тушины перестали почитать посты.

Царь грузинскій, Ираклій II, желалъ возстановить у этихъ народовъ православную вѣру, но желанія и усилія его остались напрасными.

Собранные въ совѣтъ, по этому вопросу, представители всѣхъ трехъ поколѣній отклонили намѣреніе грузинскаго царя.

— Если мы, говорили они, при теперешнемъ богослуженіи тверды въ повиновеніи и вѣрности царю, то чего желать тебѣ болѣе?

Въ 1801 году, у тушинъ было три священника изъ ихъ же поколѣнія и греческаго закона. Священники эти, по приказанію Ираклія II, были съ дѣтства воспитаны въ правилахъ христіанской религіи, потомъ посвящены въ іереи и отправлены въ Тушетію, но они не имѣли никакого успѣха между своими соотчичами.

Пшавы, какъ мы сказали, признавали за высшую святыню единственный крестъ, подаренный имъ царемъ Георгіемъ Лашемъ (¹). Крестъ этотъ, называемый *лашарисъ джвари* (т. е. Лашевъ крестъ), состоялъ изъ дерева. «Время, говоритъ Бутковъ, изгладило бывшее на немъ изображеніе, но онъ

(¹) Георгій Лаша значитъ губастый Георгій; онъ царствовалъ въ XI и XII столѣтіи и былъ сынъ царицы Тамары. По сказаніямъ другихъ, какой то монахъ Латіани въ этомъ мѣстѣ обращалъ народъ въ христіанство, оставилъ крестъ и въ честь его установленъ праздникъ.

какъ пшавами, такъ равно хевсурами и тушинами весьма уважается». Прикасаться къ нему никто не могъ, кромѣ фамиліи Багратіоновъ, которая, по народному повѣрію, происходила по прямой линіи отъ библейскаго царя Давыда.

Въ извѣстный день, обыкновенно въ іюнѣ мѣсяцѣ, всѣ три поколѣнія собирались къ развалинамъ церкви, построенной тѣмъ же царемъ Георгіемъ Лашемъ (около 1200 года, какъ говоритъ преданіе) и находящейся неподалеку отъ Тіонетъ, за селеніемъ Джавлеби, у подножія горы Ахади.

Въ память Лаша приносили въ жертву барановъ. Заколовши барановъ, сжигали на огнѣ ихъ внутренности, изрѣзывали мясо ихъ въ куски и раздавали народу. Потомъ точно также закалывали козла, въ память борзой собаки того же царя, по преданіямъ въ ихъ землѣ зарытой (1).

Такъ созданныя у каждаго народа вѣрованія отражаются на его обрядностяхъ. Всѣ три поколѣнія не ѣдятъ заячьяго мяса, точно также какъ не ѣдятъ его армяне. Подобно евреямъ, празднуютъ субботу и, сверхъ того, пятницу, воскресенье и понедѣльникъ. Подражая магометанамъ, не ѣдятъ свинины, брѣютъ голову и придерживаются многоженству, но магометанъ ненавидятъ и презираютъ (2).

Смѣшанность вѣрованій, неопредѣленность религіи, требовала созданія особыхъ служителей вѣры, которые, какъ у всякаго младенствующаго народа, пользуясь властію духовною, присвоили себѣ и свѣтскую. Тринадцать хевсурскихъ фамилій имѣли (въ 1800 г.) четырехъ *деканозовъ* (протопоповъ), т. е. служителей вѣры и предводителей народа въ его войнахъ (3). Пшавы имѣли также четырехъ деканозовъ.

Деканозъ собственно значитъ монахъ ущелья, жрецъ и служитель капища. Онъ закалываетъ приводимый на жертву скотъ и исполняетъ обрядъ вѣнчанія; онъ же смотритъ и за священными знаменами.

Каждый желающій носить это званіе притворяется больнымъ, и затѣмъ говоритъ, что видѣлъ во снѣ святаго, который объявилъ ему, что можетъ выздоровѣть только тогда, когда посвятитъ себя въ деканозы къ такому-то капищу. Собравъ къ этому капищу нѣсколькихъ деканозовъ, онъ приводитъ туда же корову, закалываетъ ее и, угощая своихъ будущихъ товарищей, даетъ клятву соблюдать строго обряды религіи и употреблять въ пищу только одно мясо рогатаго скота. Послѣ клятвы онъ вступаетъ въ званіе деканоза, чего, впрочемъ достигнуть можно и безъ всякаго притворства, простымъ подкупомъ другихъ деканозовъ (4). У тушинъ званіе деканоза сдѣлалось впослѣдствіи наслѣдственнымъ.

Соблюдая строгую жизнь, деканозы держатъ себя въ почтительномъ от-

---

(1) Записки Буткова.
(2) Тушино-Пшаво-Хевсурскій округъ кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 года № 46.
(3) Въ 1854 г. въ Хевсуретіи считалось 52 деканоза См. Кавказ. 1854 г. № 44.
(4) Кавк. 1854 г. № 45.

даленіи отъ народа, стараются казаться святыми и тѣмъ поддержать свое значеніе и силу, которою, въ дѣйствительности, и пользуются неограниченно. Они должны соблюдать чистоту и цѣломудріе, не прикасаться къ трупамъ умершихъ, къ новорожденному въ продолженіе извѣстнаго времени, не ѣсть свинины и никакого другаго мяса, кромѣ какъ отъ рогатой скотины, не употреблять въ пищу куръ, яицъ и проч.

Деканозы увѣряютъ народъ, что въ нихъ обитаетъ св. духъ, не дозволяющій имъ прикасаться ни къ чему нечистому. Въ доказательство присутствія божественной благодати, они, при стеченіи народа, во время жертвоприношеній, выпускали прежде скрытыхъ у себя голубей, для убѣжденія легковѣрныхъ, что божество присутствуетъ въ нихъ въ образѣ голубиномъ (¹).

Пророчество и предсказанія придаютъ имъ еще большее значеніе и силу въ народѣ.

Народъ часто проситъ деканоза вопросить святаго, какія могутъ случиться въ теченіе года происшествія. Деканозъ отказывается, говоря, что боится безпокоить святаго. Неотступныя просьбы толпы заставляютъ его приготовиться къ предсказанію. Деканозъ подходитъ къ иконѣ, молится и приноситъ въ жертву преимущественно овецъ. Затѣмъ начинаетъ бѣсноваться, вертится, бьетъ себя камнемъ въ грудь и, прійдя въ изнеможеніе, падаетъ на землю, притворяясь безчувственнымъ. Съ пѣною на губахъ, онъ вѣщаетъ волю святаго, въ такихъ общихъ выраженіяхъ, которыя могутъ быть легко примѣняемы къ каждому дѣйствительному происшествію.

Способность предсказывать будущее не принадлежитъ, впрочемъ, исключительно однимъ деканозамъ. У хевсуръ, пшавовъ и тушинъ есть, подобно грузинамъ, такъ называемые *кадаги*—проповѣдники, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола. Послѣднія отличаются наибольшимъ фанатическимъ ожесточеніемъ. Народъ считаетъ ихъ если не совершенно святыми, то праведными. Передъ пророчествомъ онѣ употребляютъ точно такіе пріемы, но, не отличаясь смѣтливостью деканозовъ, кадаги, въ своихъ пророчествахъ, произносятъ пустыя безсвязныя слова.

— Тѣлесные! кричитъ кадаги. Исполните всѣ мои приказанія, иначе отступлюсь отъ васъ... Слушайте—или уничтожу... Гдѣ мой золотой мячъ... сокрушу васъ!.. жертвы! жертвы!..

Кадаги падаетъ затѣмъ безъ чувствъ, оставляя народъ въ недоумѣніи, чѣмъ онъ могъ прогнѣвать святаго (²).

Деканозы, впрочемъ, на столько умны, что считаютъ своею обязанностію поддерживать кадаги въ глазахъ народа и увѣрять его въ ихъ святости. Лег-

---

(¹) Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавказ. 1849 года № 8.

(²) Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. Кавказ. 1854 г. № 45. Записки о Тушетіи, И. Цискарова. Кавк. 1849 г. № 8. Письмо изъ Тіонетъ А. Зиссермана. Кавк. 1848 г. № 6.

ковѣрный, полудикій народъ находится всецѣло въ рукахъ своихъ деканозовъ. Старшій между деканозами принималъ прежде названіе *хевисбера* и былъ начальникомъ одного или нѣсколькихъ селеній. Избраніе въ эту должность происходило безъ особыхъ затѣйливыхъ обрядностей.

Въ минуту кончины хевисбера, тотъ, кто заранѣе рѣшилъ наслѣдовать его должность—обыкновенно изъ числа лицъ наиболѣе уважаемыхъ обществомъ—бѣжалъ къ иконѣ, падалъ передъ нею ницъ и пророчествовалъ передъ собравшеюся и изумленною толпою.

Предсказанія продолжались до тѣхъ поръ, пока народъ не повѣритъ о вдохновеніи его свыше, и тогда пророчествующій признавался въ званіи хевисбера, званіи, носимомъ имъ по смерть ([1]).

У всѣхъ вообще хевсуровъ, изъ числа хевисберовъ, выбирался еще одинъ верховный деканозъ, обязанный слѣдовать всегда съ ними на войну, тогда какъ прочіе деканозы только очередовались. Попеченію этого главнаго хевисбера ввѣрено было охраненіе главной священной иконы всего поколѣнія. Икона эта была св. побѣдоносецъ Георгій, которую они, всѣ безъ исключенія, боготворили и которой поклонялись ([2]).

Каждый хевисбери былъ судья въ своемъ селеніи и, какъ увидимъ ниже, опредѣлялъ наказаніе за всякую обиду и оскорбленіе. За неимѣніемъ въ селеніи хевисбера, обязанность судей исполняли деканозы, или старики, выбранные тяжущимися и пользующіеся уваженіемъ народа.

Кромѣ деканозовъ, у пшавовъ и хевсуръ есть *хуцесы*, также духовныя особы, не имѣющія однако же права вѣнчать и закалывать животныхъ, приносимыхъ въ жертву.

Они могутъ только хоронить покойниковъ, отъ чего деканозы себя устранили. Прежде поступленія въ это званіе, *хуцесъ* долженъ выучить всѣ молитвы, употребляемыя при похоронахъ. Будучи безграмотны, они, по необходимости, заучиваютъ молитвы наизусть отъ другихъ, и хотя всѣ молитвы взяты были первоначально изъ обрядовъ православной церкви, но до того искажены, что теперь ихъ трудно узнать.

При капищахъ состоятъ: образной (*мехате*), считающійся главнымъ и первымъ служителемъ; хоругвеносецъ (*медроше*) и хранитель всякаго имущества (*мезандури*).

Дастури у хевсуръ и *мулта* у пшавовъ—нѣчто въ родѣ старостъ, которые обязаны придти, за недѣлю до праздника, къ капищу и приготовить *луду* (пиво). У пшавовъ они постоянные сторожа капища, выбираемые на годъ, поочередно, изъ жителей селенія.

Въ теченіе этого времени, они не только не могутъ возвратиться домой и имѣть сношенія съ женами, но и не смѣютъ говорить съ посторонними, ни

([1]) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Глав. Штаб.
([2]) Записки Тучкова (рукоп.) тамъ же.

съ кѣмъ, кромѣ деканоза. Пища ихъ состоитъ изъ чернаго хлѣба и воды. Для приготовленія хлѣба, они получаютъ пшеницу изъ общественнаго магазина, мелютъ ее на мельницѣ, принадлежащей капищу, и затѣмъ пекутъ лепешки, называемыя *хміади*. Обязанные самымъ тщательнымъ образомъ соблюдать чистоту и опрятность, они должны «отправляться разъ въ недѣлю къ рѣчкѣ, по особой тропѣ, по которой никто не смѣетъ ходить, и купаться въ ней, какое бы время года не было, какая бы погода ни стояла» ([1]).

При особенности и смѣшанности вѣрованія, очень естественно должны были, для исполненія религіозныхъ обрядовъ, установиться особыя правила, праздники и мѣста для богослуженій, или капища.

Капища строятся изъ плитняка не на извести, въ мѣстахъ заросшихъ лѣсомъ, и преимущественно на горѣ.

Четырехъ-угольная большая комната, называемая *крвиви* или *хати* (образъ), безъ оконъ, составляетъ главный храмъ, въ которомъ, часто, нѣтъ ни одного образа. Хотя въ ней хранятся только серебряные кувшины и другая посуда, изъ которой пьютъ въ торжественные праздники, тѣмъ не менѣе комната эта священна, и никто, кромѣ деканоза, не можетъ входить въ нее. Въ ней находится только одна святыня и страхъ народа—*дроша*—значекъ, нѣчто въ родѣ хоругви, состоящей изъ простой палки, оправленной въ серебро, съ *баракчи* на верху, т. е. серебрянымъ мячемъ, оканчивающимся пикою.

На дроша наматывается платокъ, называемый *сакадриси* (т. е. достойный), и часто дроша бываетъ съ колокольчиками ([2]). При появленіи дроши, народъ оказываетъ ей глубочайшее благоговѣніе: наклоняется до земли, дѣлаетъ движеніе рукою вдоль груди, какъ бы творя крестъ, и даже снимаетъ свои шапки, чего въ остальное время онъ никогда не дѣлаетъ.

Вокругъ главнаго капища построено нѣсколько другихъ помѣщеній: одно для храненія общественной *луды* (родъ пива) и водки, употребляемыхъ во время праздниковъ. Эта комната доступна также однимъ только деканозамъ. Вторая пристройка къ капищу назначается собственно для варенія пива и водки; третья—для помѣщенія деканозовъ, на все время праздниковъ; четвертая для народа. Всѣ эти строенія украшены прибитыми къ стѣнамъ рогами дикихъ животныхъ и обнесены каменною оградою, за которую женщины не имѣютъ права входить. Въ чертѣ ограды строится иногда *бегели*—анбаръ, гдѣ хранится пшеница и ячмень, доставляемые жителями за годъ впередъ, для приготовленія къ празднику пива. Повинность эта извѣстна подъ именемъ *садцесо*.

([1]) Кавказъ. 1848 г. № 9. Кавказ. 1854 г. № 45.
([2]) Кавказъ 1854 г. № 45.

У хевсуръ считается четыре главныхъ капища (1), у пшавовъ два (2), а у тушинъ три (3). Впрочемъ, независимо отъ этихъ главныхъ капищъ, почти каждое селеніе имѣетъ особое капище. Главныя капища обладаютъ значительными богатствами. Для пріобрѣтенія ихъ, деканозы дѣлаютъ раскладку на жителей, объявляя, что святой, видѣнный ими во снѣ, требуетъ такой-то посуды.

Народъ свято исполняетъ приказаніе своихъ декановозъ (4).

При нѣкоторыхъ капищахъ хранятся серебряные сосуды, которыхъ общая цѣнность достигаетъ отъ одной до двухъ тысячъ рублей; они тщательно скрываются деканозами, по ямамъ и скрытымъ мѣстамъ. По словамъ П. Г. Буткова, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, у хевсуръ богатство, принадлежащее образамъ, доходило до 200 тысячъ. Такое накопленіе произошло частію отъ приношенія по обѣтамъ, а болѣе изъ добычи, пріобрѣтенной на войнѣ (5), которая, по обычаю, дѣлилась на три части: одна поступала въ пользу капища, вторая моураву, а третья шла въ раздѣлъ тѣмъ, кто отбилъ ее (6).

Наиболѣе богатые по сокровищамъ жертвенники нынѣ находятся въ Тушетіи, куда, во время праздниковъ, стекается множество поклонниковъ (7). Капище Тамаръ-Мепе у пшавовъ имѣло стада овецъ, къ которымъ пастухи назначались, по указанію святаго, четырьмя монашенками, жившими отдѣльно при деревнѣ *Хатхеви*. Пастухъ, которому ввѣрено было это стадо, во все время исполненія своей обязанности, не могъ возвратиться домой и имѣть свиданія съ женами.

Въ Кахетіи были земли и виноградные сады, принадлежащіе хевсурскимъ и пшавскимъ капищамъ (8). Собираемая съ нихъ дань носила названіе *калухи*. За сборомъ ея ѣздили съ *дроша* и, по возвращеніи, каждаго встрѣчнаго на дорогѣ подчивали виномъ, приговаривая при этомъ: *«милости господина»*, и ожидая такого же отвѣта отъ проходящаго (9).

(1) Гуданисъ-джвари, Хахматисъ-джвари, Сенебисъ-джвари и Каратисъ-джвари. Названія эти произошли отъ близъ-лежащихъ селеній; джвари значитъ крестъ. Кавказ. 1854 года № 45.

(2) Лошарисъ-джвари и Тамаръ-Мепе. Тамъ же.

(3) Хитано, Цабкикло и Чигое. Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавказъ 1849 года № 8.

(4) Въ пятидесятыхъ годахъ пшавы постигли плутни своихъ деканозовъ и просили объ ихъ уничтоженіи. По приказанію нашего правительства оба главныя капища были разрушены, имущество продано, а вырученныя деньги приказано обратить на постройку церкви во имя св. Георгія. См. Кавк. 1854 г. № 45.

(5) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Глав. Шта. въ С.-Петербургѣ.

(6) Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ, кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 г. № 51.

(7) „Записки о Тушетіи" И. Цискарова. Кавк. 1849 г. № 8.

(8) Сады эти были подарены: одинъ послѣднимъ царемъ Грузіи Георгіемъ XII, а другой сыномъ его царевичемъ Давыдомъ.

(9) Кавказъ 1854 г. № 46.

За нѣсколько дней до праздника, дастури гонятъ водку и варятъ пиво въ огромныхъ котлахъ, стоющихъ отъ 100 до 200 руб., и вмѣщающихъ въ себѣ нѣсколько десятковъ, а иногда и сотню ведеръ. Между тѣмъ собираются и остальные служители капища, приводя съ собою по одному барану для жертвоприношенія. Еще ближе къ празднику—и приходитъ деканозъ. Осмотрѣвъ кадушки съ напитками, зажигаютъ свѣчи, и деканозъ произноситъ молитву. Превознося святаго, онъ проситъ новыхъ милостей молящимся (¹), затѣмъ подходитъ къ чану, черпаетъ ковшемъ пиво и, отпивъ немного, передаетъ его товарищамъ.

Праздникъ открытъ. Жители обоего пола со всѣхъ сторонъ стремятся къ капищу, ведя съ собою скотъ для жертвоприношенія. Каждый подноситъ деканозу восковую свѣчу, сдобный хлѣбъ, кувшинъ пива или водки и подводитъ скотину.

— Милости господина! милости его да предшествуютъ тебѣ, произноситъ деканозъ.

— Милости вамъ, вашей особѣ, вашему семейству, отвѣчаетъ народъ.

Старшій деканозъ беретъ въ одну руку пукъ зажженныхъ свѣчей, а въ другую священную хоругвь или дрошу и, подойдя къ образу, начинаетъ обрядъ *дамцколобнеба*. Причетники разбираютъ остальныя хоругви, сколько ихъ есть при капищѣ, а богомольцы съ благоговѣніемъ становятся на колѣни въ почтительномъ отдаленіи отъ духовенства. Передъ ними стоятъ приношенія въ пользу деканоза: *каду*—сдобный слоеный хлѣбъ, сыръ или что-либо изъ съѣстнаго. Деканозъ проситъ благословенія Божія на приведшаго жертву и на улучшеніе его хозяйства.

Обратившись лицомъ къ востоку, деканозъ читаетъ при всѣхъ случаяхъ одну и ту же молитву.

— Боже Великій! произноситъ онъ. Прежде всего да восхвалится и прославится достойно имя Твое, ибо небо и земля суть царствіе Твое! И пресвятая Дѣва Марія, Матерь Божья! Слава и благодареніе тебѣ. Прослави Боже Твоихъ святыхъ покровителей нашихъ, черезъ которыхъ изливается на насъ Твоя милость. Св. Георгій Цоватиставскій, св. Феодоръ, имена которыхъ славны передъ Богомъ! Вамъ приносятся сіи малые и скудные дары. Пріймите ихъ достойно и свято! Требуйте ихъ отъ насъ и не лишайте насъ своего покровительства и ходатайства у Бога! Услышьте воззванія и призрите на предстоящихъ со смиреніемъ — готовыхъ исполнить свои обѣты! Умножьте потомство, пошлите обиліе и богатство на скотъ и земные плоды наши; возростите родителямъ дѣтей; не имѣющимъ—даруйте ихъ. Удостоивайте насъ встрѣчать лѣто благополучно и съ побѣдою надъ врагами! Богомъ прославленный и побѣдоносный св. Георгій Лашарскій, царица Тамара, образъ Хахмадскій, образъ Копала Каратіонскаго, Пицело Дочуставскій, Цо-

(¹) Молитва эта напечатана въ Кавказѣ 1854 г. № 46.

раулъ Дадикуртскій, св. Лазарь, Іоаннъ Креститель Алавердскій (1), св. Архангелъ и всѣ святые горные и дольные, молимъ васъ съ смиреннымъ и чистымъ сердцемъ—простите согрѣшенія наши, избавьте насъ отъ вѣчной погибели и наказанія; не предавайте въ руки мусульманскія, сопутствуйте намъ вашею помощью при переходѣ изъ долинъ въ горы и обратно! Враговъ и злонамѣренныхъ людей, идущихъ на стада наши, совращайте съ пагубнаго пути ихъ. Призовемъ-ли васъ противъ враговъ, не отказывайте въ прославленіи именъ вашихъ. Пошлите успѣхъ въ набѣгахъ и на охотѣ. Преслѣдуемъ-ли враговъ—помогайте въ погонѣ. Убѣгаемъ-ли отъ нихъ—посылайте защиту. Даруйте избавленіе отъ всякихъ бѣдъ, заразъ, проклятій, злаго привидѣнія, наводненія, усилившагося врага, разрушенія горъ, заваловъ, огня, съ колѣнопреклоненіемъ молящихъ васъ, мужскому и женскому полу. Аминь!

— Аминь твоей благодати, аминь!... произноситъ толпа за каждымъ словомъ деканоза.

Младшіе деканозы или причетники звонятъ въ это время въ колокольчикъ, а старшій потряхиваетъ дрошею (2).

По окончаніи молитвы, деканозъ дѣлаетъ нѣсколько глотковъ пива изъ принесеннаго ему кувшина и передаетъ его затѣмъ же другимъ деканозамъ, которые остатокъ выливаютъ въ приготовленный чанъ, а пустой кувшинъ возвращаютъ хозяину. По окончаніи молитвы, народъ прикладывается къ священнымъ знаменамъ и вещамъ.

Деканозъ сжигаетъ свѣчей клочекъ шерсти на лбу животныхъ, обреченныхъ жертвѣ, закалываетъ и сбрасываетъ ихъ съ горы или же отрѣзаетъ голову и, оставивъ ее у себя, остальное передаетъ хозяину.

— Бери съ собою милости, милости этого господина, говорятъ служители хозяину, уходящему съ жертвою.

— Желаю вамъ того же, отвѣчаетъ тотъ.

При закланіи жертвы кровь выпускается въ корыто, въ которомъ деканозъ умываетъ руки, подходитъ къ богомольцу, дѣлаетъ ему знаменіе креста, а остальною кровью окропляетъ стѣны капища.

«Молельщикъ, взявъ съ собою убитую скотину, долженъ снять съ нея шкуру и принести обратно къ деканозу, который производитъ такого рода дѣлежъ: отрѣзавъ отъ скотины заднее звено, отдаетъ хозяину, а остальное мясо оставляетъ для себя» (3).

---

(1) Имена различныхъ, существовавшихъ прежде, образовъ и жертвенниковъ въ честь разныхъ святыхъ, но въ настоящее время потерявшихъ свое названіе, и оттого неизвѣстныхъ гдѣ находятся.

(2) Записки о Тушетіи И. Цискарова Кавказъ 1849 г. № 7 и 8; 1853 г. № 56 и 1854 г. № 46.

(3) Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавк. 1849 г. № 8. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 г. № 46.

Пока главный деканозъ закалываетъ жертвы прочихъ посѣтителей, обращая капище и мѣсто праздника въ обширную бойню, тѣмъ временемъ прочіе деканозы занимаются вареніемъ мяса.

Усадивъ народъ кружками, по селеніямъ, отдѣливъ мужчинъ отъ женщинъ, начинается раздача варенаго мяса, пива, вина и прочихъ припасовъ. Пиръ продолжается до тѣхъ поръ, пока не иссякнутъ приготовленная луда, всѣ принесенные съѣстные припасы и вино.

У хевсуръ бываетъ одинъ важный праздникъ въ ноябрѣ. Отсчитавъ отъ него тринадцать недѣль впередъ, они заговляются и признаютъ начало великаго поста. Тогда въ каждомъ домѣ вѣшаютъ *боболо*—яблоко или рѣдьку съ воткнутыми семью перышками, которыя и выдергиваютъ по одному черезъ каждые семь дней. Съ послѣднимъ перомъ оканчивается великій постъ и тогда они празднуютъ Пасху (¹).

Тушины-христіане греческаго исповѣданія, на другой день Свѣтлаго Христова Воскресенія, отправляютъ храмовой праздникъ церкви во имя св. Іоанна Крестителя, построенной на небольшой горѣ Санагаро, у подошвы Кавказскаго хребта, неподалеку отъ Алванскаго поля. Довольно значительное пространство около церкви наполняется богомольцами, и преимущественно богомолками, одѣтыми вѣчно въ черное шерстяное платье. До начала обѣдни у дверей церкви тушины рѣжутъ барановъ, въ видѣ жертвоприношенія святому. Послѣ же обѣдни располагаются въ церковной оградѣ, обросшей мхомъ, и принимаются за трапезу, мужчины отдѣльно отъ женщинъ.

Составивъ большіе круги, они подчуютъ другъ друга мясомъ, яйцами и сдобнымъ хлѣбомъ—*када*, наполненнымъ съ лицевой стороны, какъ на ватрушкахъ, мукою, поджаренною на маслѣ. *Матара*—кожаный сосудъ для напитковъ—неутомимо ходитъ по кругу, и кахетинское выпивается въ огромномъ количествѣ.

Наѣвшись, напившись, поссорившись, а иногда и подравшись, подъ хмѣльную руку, хотя ихъ и нельзя назвать пьяницами, тушины расходятся по домамъ (²).

Пѣніе, пляски, джигитовка и стрѣляніе въ цѣль часто сопровождаютъ праздники. Тутъ же деканозы разбираютъ жалобы и рѣшаютъ ихъ по своимъ обычаямъ.

Важнѣйшія дѣла, касающіяся до цѣлаго общества, рѣшаются въ собраніяхъ всѣхъ почетныхъ старшинъ (у тушинъ *хевисбери*), извѣстныхъ своимъ умомъ, нравственностію и опытностію. Мѣсто собранія—*саанджмое*, назначается или около жертвенниковъ, близъ могильныхъ кургановъ, памятниковъ, или просто подъ открытымъ небомъ.

Основанія суда бываютъ чрезвычайно странны и запутаны.

(¹) Кавказъ 1854 г. № 46.

(²) Мои замѣтки кн. Р. Эристова. Кавказ. 1855 г. № 33.

Прежде всего соблюдается наружная форма.

Спорящіе выбираютъ двухъ судей—*пче*, изъ числа деканозовъ или стариковъ, пользующихся уваженіемъ въ народѣ. У тушинъ судьи называются *хелхой* и судятъ по собственному ихъ адату — *хелъ*, который основанъ на древнихъ обычаяхъ и постановленіяхъ, получившихъ силу закона. Противники приходятъ къ судьямъ и просятъ назначить день и мѣсто разбирательства. Рѣшеніе ихъ признается неизмѣннымъ и удовлетвореніе обиженнаго должно послѣдовать тотчасъ же.

Истецъ становится передъ судьями на колѣни и снимаетъ шапку.

— Господи, помоги Грузіи, произноситъ онъ, помоги правдивому судьѣ, правому истцу. Покриви пристрастному судьѣ и тому, кто жалуется ложно.

Затѣмъ онъ разсказываетъ обстоятельства своего дѣла. Отвѣтчикъ повторяетъ тоже. На сравненіи показаній обоихъ составляется рѣшеніе судей. У тушинъ, въ случаѣ иска, истецъ уводитъ у своего должника корову или барана и потомъ объявляетъ ему о томъ въ присутствіи постороннихъ. Оба тяжущіеся выбираютъ затѣмъ посредниковъ по одному или по два (*тешъ*) и обращаются къ суду старшинъ числомъ не менѣе трехъ. Старшины разбираютъ и рѣшаютъ дѣло, а посредники черезъ три дня объявляютъ его рѣшеніе. Дѣло можетъ перерѣшаться не болѣе семи разъ. Въ случаѣ затрудненія или запутанности дѣла судьи прибѣгаютъ къ присягѣ, которая, вообще, у всѣхъ трехъ поколѣній, бываетъ двухъ родовъ: съ церемоніею и безъ церемоніи, смотря по важности дѣла.

Въ случаяхъ не особенно важныхъ у пшавовъ и хевсуръ присяга состоитъ въ произнесеніи спорящими нѣсколькихъ фразъ.

— Я клянусь св. Георгіемъ, произноситъ присягающій, клянусь такимъ-то великимъ капищемъ и его дрошей, что слова мои истинны; въ противномъ случаѣ пусть они поразятъ меня, мой домъ, семью, скотъ и не даруютъ никогда побѣды надъ врагомъ.

Если дѣло, подлежащее рѣшенію судей, очень важно, тогда прибѣгаютъ къ присягѣ съ церемоніею. У пшавовъ и хевсуръ выбирается двѣнадцать человѣкъ постороннихъ свидѣтелей. При свидѣтеляхъ менѣе этого числа присяга считается не дѣйствительною. Присягающій и свидѣтели обязаны, до окончанія обряда, содержать себя въ особой чистотѣ: не спать съ женами, а въ день присяги ни пить и не ѣсть.

Въ назначенный для присяги день, всѣ участвующіе въ церемоніи отправляются въ ограду капища. Присягающій беретъ въ руки дрошу и серебряную чашу, а свидѣтели кладутъ руки на его плечи. Присягающій клянется въ томъ, что говоритъ истину, а свидѣтели за каждымъ его словомъ произносятъ *аминь*.

У тушинъ присяга и клятва бываетъ также двухъ видовъ. Присягающій произноситъ ее или обойдя три раза вокругъ жертвенника со знаменемъ, или же ставятъ его на колѣни близъ могилъ своихъ предковъ, кладутъ передъ

нимъ ослиное сѣдло и сосудъ, изъ котораго ѣли собаки, и, указывая на присягающаго, присутствующія обращаются къ душамъ покойниковъ.

— Усопшие наши! говорятъ они. Проводимъ къ вамъ этого человѣка на судъ; предоставляемъ вамъ полное право надъ нимъ: отдайте его кому хотите въ жертву и услуженіе и дѣлайте съ нимъ что хотите, если онъ не скажетъ истину.

Послѣ этого присягающій произноситъ клятву.

Судья при рѣшеніяхъ своихъ налагаетъ взысканіе изъ имѣнія виновнаго, однажды на всегда опредѣленною суммою. Съ вора взыскивается цѣна украденной вещи въ семеро. За побои, смотря по силѣ и оружію, которымъ они причинены, отъ 5 до 25 коровъ. За увѣчье глаза—30 коровъ; ноги—24; правой руки—25; лѣвой руки—22; большаго пальца на рукѣ—5, указательнаго—4, средняго—3, четвертаго — 2 и мизинца 1 корова (1). Рану на лицѣ измѣряютъ палочкою, накладываютъ на нее пшеничныя зерна, одно вдоль, другое поперегъ (2), и, по числу помѣстившихся зеренъ, взыскиваютъ съ виновнаго столько же коровъ. За каждый выбитый зубъ взыскивается по одной коровѣ; за побои, причиненныя женщинѣ, одиннадцать барановъ. Ранившій обязанъ послать раненому одного барана за безчестіе и заплатить лекарю. Если же послѣднему заплатитъ самъ раненый, тогда онъ взыскиваетъ съ ранившаго ту сумму вдвое.

Такимъ образомъ мѣра взысканія опредѣляется числомъ коровъ. За неимѣніемъ ихъ, виновный можетъ уплатить другими животными или вещами. Для этого установлена разъ на всегда сравнительная стоимость между скотомъ и вещами. Такъ, жеребецъ стоитъ семь коровъ, кобыла—4 или 20 руб.; катеръ—8 коровъ или 40 руб.; быкъ—7 барановъ, корова — 4 барана или 5 руб.; баранъ отъ 1 руб. 20 коп. до 2 руб.; овца 1 руб. 40 коп.; козелъ 80 коп.; козленокъ 40 коп.; масла литра (9 фунт.) 1 руб.; куничій мѣхъ 1 руб. 20 коп.; пахатное поле, дающее 60 сноповъ или одну коду (2 пуд. 9 фунт.) пшеницы, стоитъ 5 коровъ. Ружье стоитъ 20 коровъ или 100 р. лошадь 10 коровъ, 2 барана, 1 овцу или 55 руб. 40 коп (3).

Бывали случаи, когда судьи, по запутанности дѣла или его важности, не рѣшались произносить приговора, тогда они переносили его на рѣшеніе царскаго моурова. Деканозы, судьи, свидѣтели и тяжущіеся—все шло къ начальнику, у котораго собиралась такимъ образомъ толпа до 60 человѣкъ. Собранія эти, впрочемъ, имѣли мѣсто тогда только, когда моуравъ находился среди этихъ народовъ. Отсюда слѣдовали къ главной иконѣ, и здѣсь, подъ предводительствомъ главнаго деканоза и въ присутствіи моурава, окончательно

---

(1) У пшавовъ, какое бы ни было увѣчье, взыскивается 16 коровъ.

(2) Хевсуры укладываютъ зерна одно пшеничное, а другое ячменное.

(3) Очерки Хевсуріи Ар. Л. Зиссермана. Кавк. 1851 г. № 23. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсур. округѣ кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 г. № 51.

и словесно рѣшали дѣло, которое уже не могло быть переносимо на рѣшеніе грузинскаго царя. Судьи никогда казни не исполняли. Виновные въ убійствахъ нерѣдко выдавались головою на произволъ обиженнаго. Случалось, хотя и рѣдко, соглашеніе и примиреніе тяжущихся. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, спорившіе дарили другъ другу по ковшу и ковшъ виноватаго отдавался къ образамъ [1].

По установившимся мѣстнымъ законамъ туземцев важнѣйшими уголовными преступленіями считаются: смертоубійство, прелюбодѣяніе и воровство. Всѣ три вида этого рода преступленій почти всегда сопровождаются кровомщеніемъ. Оскорбленіе чести женщины у тущинъ всегда вело за собою кровопролитіе.

Въ случаѣ невѣрности жены или бѣгства ея, мужъ имѣетъ право отрѣзать ей носъ, отрубить руку и въ такомъ видѣ отправить ее къ ея родителямъ. Если этого не желаетъ дѣлать, то налагаетъ *кветилу*—извѣстный срокъ, до истеченія котораго никто не можетъ жениться на ней. Обольстившій дѣвушку долженъ на ней жениться, въ противномъ случаѣ платитъ ей 60 коровъ или 300 руб., но такія дѣвушки рѣдко потомъ выходятъ замужъ.

За оклеветаніе въ невѣрности жены у другаго, обиженный рѣжетъ корову у обидчика, отсылаетъ свою жену къ ея родителямъ, а тѣ требуютъ обидчика къ суду и взыскиваютъ съ него 60 коровъ; если обидчикъ публично сознается въ своей клеветѣ, то мужъ беретъ жену обратно, а обидчика удовлетворяетъ за убитую корову.

Кровомщеніе существуетъ у всѣхъ трехъ поколѣній этихъ народовъ. У хевсуръ и тушинъ, какъ бы ни было совершено убійство, т. е. нечаянно или съ намѣреніемъ, убійца подлежитъ кровомщенію. Родственники убитаго хевсура предаютъ огню все имущество убійцы, скрывающагося со всѣмъ своимъ семействомъ въ сосѣднюю деревню, которая принимаетъ его подъ свое покровительство. Если убійца тушинъ, то онъ, во все время пребыванія своего у сосѣдей, не носитъ обуви и отпускаетъ волосы, какъ бы въ знакъ раскаянія въ своемъ преступленіи. Спустя нѣкоторое время, убійца, при согласіи родственниковъ убитаго, можетъ возвратиться на родину и, вмѣстѣ со своею роднею, предложить плату за кровь — *цейгѳ*, состоящую за убитаго мужчину въ 120 коровахъ или 600 руб., а за женщину половину. Повѣсивъ на осѣдланную лошадь лучшую шашку и ружье, всѣ родственники убійцы идутъ къ дому убитаго, плачутъ по усопшемъ и просятъ прощенія. Обиженные родственники, въ знакъ примиренія, задаютъ пирушку и никогда почти не берутъ платы за кровь, считая это оскорбленіемъ для души покойнаго. Такимъ образомъ вражда прекращается [2].

У пшавовъ и хевсуръ, каждый мѣсяцъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, убійца

---

(1) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Глав. Штаб. въ С.-Петербургѣ.
(2) Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавк. 1849 г. № 11.

присылаетъ семейству убитаго по одному барану. На четвертый годъ, черезъ своихъ родственниковъ, онъ проситъ принять въ плату за кровь 280 барановъ и 70 коровъ. Если плата принята, то онъ можетъ возвратиться въ свою деревню, но не избавляется отъ мщенія. Дядя убитаго по матери можетъ, напримѣръ, требовать себѣ 220 барановъ. «По удовлетвореніи и этого лица, говоритъ кн. Р. Эристовъ (1), жизнь убійцы все еще въ опасности. Его могутъ убить на томъ же основаніи и кровомщеніе не прекращается, потому что родственники убитаго вновь начинаютъ мстить, и тогда повторяется та же самая исторія, съ тою только разницею, что, въ послѣднемъ случаѣ, за кровь платится только 120 барановъ и взысканіе это называется у нихъ *сауканъ-момквердо*—за обратную смерть.»

Пшавы не сжигаютъ, подобно хевсурамъ, имущества убійцы. У нихъ общество, къ которому принадлежитъ убійца, посылаетъ обществу убитаго трехъ быковъ, трехъ барановъ и одну саблю—за безчестіе. Самъ убійца долженъ заплатить 180 барановъ родственникамъ и столько же обществу, къ которому принадлежалъ убитый.

Не меньшему штрафу и взысканію подлежали прежде и тѣ, которые, по призыву деканоза, не являлись на войну. Передъ походомъ деканозъ выносилъ дрошу и всѣ стекались подъ его знамена. По обыкновенію, съ каждаго двора шло по одному человѣку (2). Кто не явится, на того накладывалось запрещеніе. Деканозъ вѣшалъ на деревѣ, передъ домомъ неявившагося, серебряную чашу изъ капища, и, пока она висѣла, ни одинъ изъ сосѣдей не смѣлъ съ нимъ говорить, не могъ одолжить его ничѣмъ. Наказанный не могъ бывать на праздникахъ и общественныхъ сходкахъ, пока не заплатитъ огромнаго штрафа (3), въ пользу убитыхъ и раненыхъ въ походѣ. Народъ особенно боялся этого рода наказанія, влекущаго, кромѣ матеріальнаго разворенія, еще оскорбленіе чести и достоинства. Понесшаго это наказаніе считали трусомъ; онъ находился въ презрѣніи общества, каждый членъ котораго считалъ для себя неприличнымъ и низкимъ имѣть съ нимъ какое бы то ни было дѣло. Пшавы имѣли свое главное знамя Георгія (Лашарисъ-джвари), пожалованное имъ, по преданію, царицею Тамарою и хранящееся близъ дер. Наквалесави. По одному извѣстію, что *дроша ушла впередъ въ походъ*, всѣ спѣшили безъ всякаго приказанія. Когда деканозъ проносилъ знамя мимо собранныхъ жителей, то всѣ снимали шапки и крестились, приговаривая: *«честь нашему защитнику царю»* (4).

---

(1) Кавк. 1854 г. № 51.
(2) Записки Буткова (рукопись) Арх. Глав. Штаба.
(3) Кавказъ 1854 года № 51.
(4) Письмо изъ Тушетіи. Кавк. 1852 г. № 45.

III.

Домъ хевсура, пшава и тушина; ихъ семейный бытъ и гостепріимство. — Суевѣріе и обычаи при свадьбахъ, рожденіи и похоронахъ.

На уступахъ скалъ едва доступныхъ, по узкимъ тропинкамъ, какъ орлиныя гнѣзда, повисли хевсурскія деревни, выстроенныя изъ дерева или плитняка безъ извести и въ нѣсколько ярусовъ съ бойницами. Башни, построенныя на извести, очень рѣдки въ Хевсуріи, а тѣ, которыя есть, составляютъ особую надежду на ихъ защиту.

— Ты наша большая надежда, говоритъ одна хевсурская пѣсня, башня на извести строенная.

Селенія пшавовъ, разбросанныя въ долинахъ и по скатамъ горъ, не многолюдны. «Мы видѣли, говоритъ Дм. Бовредзе, только одну деревню изъ двадцати пяти или тридцати семействъ, между тѣмъ какъ всѣ прочія состояли изъ двухъ-трехъ дымовъ».

Дома пшавовъ сколочены на скорую руку, а землянки едва виднѣются надъ поверхностью земли.

Между кустарниками и на зеленыхъ лужайкахъ ходитъ все богатство пшава: лошади, рогатый скотъ, куры и индѣйки.

Небольшое и низкое отверстіе, нѣчто въ родѣ двери, ведетъ въ домъ хевсура или пшава, построеннаго у жителей низменныхъ мѣстъ въ одинъ ярусъ, изъ бревенъ крытыхъ соломою, а у горныхъ изъ плитняка, и на столько низкаго, что крыша его доходитъ почти до самой поверхности земли. Дверь служитъ единственнымъ отверстіемъ для входа свѣта и выхода дыма.

Внутренность дома не затѣйлива и состоитъ изъ одной, часто обширной, комнаты. Она темна, стѣны ея покрыты копотью и облѣплены паутиною. Посреди комнаты видѣнъ очагъ или, скорѣе, костеръ выстланый плитнякомъ, въ которомъ разведенъ огонь. Вокругъ него собралась вся семья, «немытая и нечесаная».

Въ одномъ углу комнаты стоятъ корова, лошадь и телята; въ другомъ плетеныя носилки съ соломою. Растянувшись на нихъ, спитъ глава семейства, прикрывшись буркою или нагольнымъ тулупомъ. Прочіе члены семьи спятъ у огня, по одну сторону мужской полъ, по другую женскій.

На столбѣ, поддерживающемъ крышу, виситъ оружіе, корзины и нѣсколько паръ носковъ. Два-три мѣдные котла, изъ которыхъ одинъ повѣшанъ надъ

очагомъ, нѣсколько глиняныхъ кувшиновъ, немного деревянной посуды, выдолбленной изъ одного куска дерева, составляютъ всю домашнюю утварь поселянина.

Главнѣйшее богатство заключается въ оружіи и мѣдной посудѣ; деньги весьма рѣдки.

Богатымъ считается тотъ, кто имѣетъ отъ 14 до 15 коровъ; отъ 4 до 5 быковъ, отъ 2—3 лошадей и одного котера.

Жители горныхъ деревень, не владѣя большимъ богатствомъ домашняго хозяйства, но ощущая иногда недостатокъ въ лѣсѣ, строятъ себѣ дома изъ плитняка: пшавы въ три этажа, хевсуры въ два. У пшавовъ въ верхнемъ этажѣ помѣщаются мужчины, сѣно, солома и разная рухлядь; во второмъ— семья; въ нижнемъ скотъ. У хевсуръ верхній этажъ, или *черхо*, раздѣленъ на двѣ половины: одна для главы семейства, а другая для домашняго хозяйства; въ нижнемъ этажѣ, или *босели*, помѣщается вся семья.

Мужчинѣ, а въ особенности главѣ семейства, не прилично входить въ двери нижняго этажа; онъ спускается туда съ верхняго, въ отверстіе, по сдѣланной лѣстницѣ. Поколѣнія эти рѣдко живутъ большими семействами; женившись, каждый обзаводится собственнымъ домомъ и хозяйствомъ. Отецъ глава семейства, которое повинуется ему безпрекословно. У пшавовъ и хевсуръ въ 20 лѣтъ, а у тушинъ въ 27 лѣтъ сына женятъ. Тушины не вступаютъ въ супружество до двѣнадцатаго мужскаго и *шестаго* женскаго колѣна. Жители одной деревни, хотя бы и не были родственники между собою, не вступаютъ въ браки. Тушинская дѣвушка выходитъ замужъ не ранѣе 23 лѣтъ, а у хевсуръ и пшавовъ не ранѣе 20 лѣтъ отъ роду. Женившійся горецъ тотчасъ же раздѣляется съ семьей. При раздѣлѣ отецъ отдаетъ все свое имѣніе сыновьямъ поровну, а старшему, кромѣ того, какую нибудь вещь за старшинство. Не оставляя при раздѣлѣ для себя ничего, онъ живетъ потомъ у сыновей поочереди. Вдова не получаетъ никакой части изъ имѣнія мужа, если не имѣетъ сыновей. Она можетъ, впрочемъ, остаться въ домѣ мужа, и тогда наслѣдники должны ее содержать. Дочерей умершаго, у тушинъ, родственники должны воспитать и выдать замужъ съ приличными *семкауры*, состоящимъ изъ серебряныхъ нагрудныхъ ожерелій и разныхъ украшеній. Если изъ братьевъ умретъ кто нибудь бездѣтнымъ, то имѣніе его дѣлится между остальными братьями.

Богатство не имѣетъ однакоже вліянія на благосостояніе жителей. Какъ бѣдный, такъ и богатый довольствуются одинакими удобствами жизни. Во всемъ домѣ, тѣхъ и другихъ, видна грязь, нечистота и неопрятность. Дымъ, наполняющій комнату, рѣжетъ глаза; вонь, распространяемая вокругъ коптящеюся дохлятиною, которую туземцы предпочитаютъ въ пищѣ свѣжей говядинѣ, запахъ отъ навоза, милліоны блохъ, мыши, постоянно бѣгающія по потолку и обсыпающія сажею—все это такія вещи, которыя лишаютъ возможности человѣка не-

привычнаго оставаться долгое время въ комнатѣ и заставляютъ обратиться въ бѣгство (1).

Пшавы очень нечистоплотны. Дома ихъ не болѣе какъ хлѣвы, никогда не выметаемые и служащіе жилищемъ одновременно и для людей, и для скота. Пшавецъ валяется на пыльныхъ войлокахъ, разостланыхъ на навозѣ. Платье на пшавцѣ нечисто, сально и рубашка снимается только тогда, когда, обратившись въ клочки, сама свалится съ плечъ. Пшавецъ не разбираетъ пищи и ѣстъ всякую мерзость.

Не смотря на эти неудобства, туземецъ доволенъ своимъ помѣщеніемъ. Исполняя изъ полевыхъ работъ только пахату и покосъ, мужчина возложилъ все остальное хозяйство на попеченіе женщинъ, а самъ все свободное время проводитъ дома или въ гостяхъ у сосѣда.

Мужчины любятъ бывать въ обществѣ и посѣщать другъ друга. Гостепріимство у этихъ народовъ развито до высшей степени, и гость, кто бы онъ ни былъ, считается священною особою. Гостя встрѣчаютъ обыкновенно у дверей, берутъ лошадь и оружіе и приглашаютъ въ покой. «Тамъ заученными фразами распрашиваютъ о состояніи здоровья его, семьи, скота, положеніи оружія и нѣтъ ли несчастія побудившаго къ пріѣзду» (2). Когда гость входитъ, тогда всѣ встаютъ.

— Садитесь, говоритъ онъ; вставайте только предъ врагами.

Въ честь гостя созываются сосѣди и открывается пиръ. Пріѣзжій кушаетъ, а хозяинъ стоитъ передъ нимъ на колѣняхъ или играетъ на пандурѣ. Наѣвшись до-сыта, гость встаетъ и, посадивъ хозяина, угощаетъ его, а самъ прислуживаетъ. Безъ согласія хозяина, гость не можетъ уйти, хотя бы первый не отпускалъ его цѣлую недѣлю. Между этими народами существуетъ обычай *братовства*. Для того, чтобы побрататься, необходимо совершить обрядъ среброкушанія, т. е. наскоблить въ вино серебряную монету и потомъ обоимъ по очереди выпить по три глотка. Послѣ этого обряда, выпившіе дѣлаются болѣе чѣмъ братьями. Каждый входитъ въ домъ другаго, какъ въ собственный; сестры хозяина дѣлаются его сестрами. Новый братъ будетъ защищать васъ даже и тогда, если бы пришлось пожертвовать жизнію (3).

Туземецъ проводитъ время среди разсказовъ о геройскихъ подвигахъ предковъ, безпрерывнаго куренія и бряцанія на *пандурѣ*, сопровождаемой дикими пѣснями. Въ такомъ положеніи отецъ поучаетъ семью или разсказываетъ ей

---

(1) Очерки Хевсуріи А. Зиссермана. Кавк. 1851 г. № 22. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсур. округѣ кн. Эристова. Кавк. 1854 г. № 49 См. Такъ же Записки К. О. И. Р. Г. в. кн. III.

(2) „Очерки Хевсуріи“ Зиссермана. Кавказ. 1851 г. № 22.

(3) „Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ“ кн. Р. Эристова. Кавказъ 1854 года № 50 и 51.

случаи изъ житейскаго опыта. Онъ разсказываетъ о народныхъ повѣрьяхъ, о примѣтахъ, которыя долженъ знать каждый, чтобы избѣжать отъ многихъ невзгодъ въ жизни.

— Весною, когда начинаютъ появляться перелетныя птицы, говоритъ старикъ, необходимо ихъ побѣждать. Удода надо стараться видѣть причесаннымъ и тогда, побѣдивъ его, избавишься на цѣлый годъ отъ головной боли. Кукушку можно побѣдить только тогда, когда услышишь ее съ сытымъ желудкомъ. Прежде чѣмъ увидишь ласточку, старайся выпить глотокъ вина; слушай крикъ совы стоя—иначе цѣлый годъ будешь спать. Услыхавши громъ, хватай скорѣе камень и ударь имъ себя нѣсколько разъ по спинѣ.

— Крѣпись, крѣпись спина! говоритъ горецъ, ударяя себя камнемъ, и этимъ средствомъ избавляется на цѣлый годъ отъ боли въ поясницѣ.

— Прежде чѣмъ увидишь молнію, говорятъ люди опытные, старайся схватить зубами кусокъ желѣза и тогда молнія побѣждена, а ты спасенъ отъ зубной боли.

Тушины вѣрятъ въ существованіе злыхъ духовъ; бредъ приписываютъ нечистой силѣ и, для изгнанія ея, обносятъ вокругъ головы больнаго чернаго козленка, а иногда курицу и восковую свѣчу. Козленка и курицу потомъ закалываютъ и зарываютъ на перепутьѣ, а свѣчу зажигаютъ при жертвенникахъ, и иногда прибѣгаютъ съ ней въ кадагамъ. Затмѣніе луны приписываютъ злымъ духамъ *мегой*, не дающимъ ей ходу, и, для разогнанія ихъ, стрѣляютъ.

Вѣрятъ въ то, что люди, а особенно женщины, могутъ быть оборотнями и принимать видъ различныхъ животныхъ.

Въ великій постъ, въ извѣстный вечеръ, собираются въ домъ недавно умершаго, приносятъ туда *самотхай*—кутью изъ варенаго пшена съ медомъ, для совершенія *хачи-кхеуйлае* — райскихъ жертвоприношеній, и, съ благословенія деканоза, ѣдятъ приготовленную кутью. Въ это время нѣкоторыя изъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ отправляются подслушивать *эшмилердаръ* — чертей. Они садятся гдѣ нибудь около рѣки и подкладываютъ подъ пятку правой ноги горсть золы. Караульщицы безъ шутокъ увѣряютъ, что слышатъ плачъ или смѣхъ въ такомъ-то домѣ. Первое предвѣщаетъ смерть хозяевамъ, а второе — радость и здоровье.

Въ субботу, на масляницѣ, тушины празднуютъ сошествіе ангеловъ на землю и увѣрены, что въ теченіе двухъ дней у каждаго свой ангелъ-хранитель сидитъ на плечѣ. По этому въ это время они стараются не махать въ правую сторону, чтобы не вышибить ангелу глазъ.

Въ этотъ день въ честь каждаго изъ живыхъ и умершихъ членовъ семьи пекутъ по одному пирогу и разсылаютъ ихъ сосѣдямъ.

Карканье вороны, крикъ сороки предвѣщаютъ у тушинъ пріѣздъ гостей; вой собаки, лисицы, паденіе ночью домашнихъ птицъ съ насѣстъ предвѣ-

щаетъ бѣду хозяевамъ (¹) и разсказы объ этихъ примѣтахъ переходятъ отъ родителей къ дѣтямъ.

Во время бесѣдъ, и вообще въ семействѣ, женщина не имѣетъ никакого значенія. Считается за стыдъ быть съ женою при другихъ. До глубокой старости мужъ и жена сохраняютъ между собою нѣкоторый родъ стыдливости: избѣгаютъ фамильярнаго обращенія, разговора при постороннихъ и никогда не употребляютъ нѣжныхъ выраженій. Супружескія свиданія дѣлаются тайкомъ, съ особою осторожностію, какъ бы запрещенное свиданіе....

Глухая полночь; всѣ спятъ давно и глубокая тишина царствуетъ во всемъ домѣ.... Прокравшись украдкою къ отверстію, ведущему въ нижній этажъ, мужъ тихо окликаетъ жену и спрашиваетъ согласія. Внизу молчатъ—значитъ согласны. Оставивъ свою одежду на верху, онъ тихо спускается по лѣстницѣ.... подходитъ къ женѣ.... онъ близокъ къ своей цѣли....

— Дехсенъ медзинебисъ (оставь, мнѣ хочется спать), отвѣчаетъ жена на ласки мужа, и тотъ, не возразивъ ни слова, молча подымается опять на верхъ (²).

Всякая просьба и ласка въ этомъ случаѣ роняетъ мужчину въ глазахъ женщины.

Разсвѣло; наступилъ день и все шло бы обычнымъ порядкомъ, если бы въ саклю горца не ворвалось силою нѣсколько человѣкъ: это сваты, посланные отъ жениха—одна женщина и два добросовѣстныхъ съ четырьмя баранами.

Насильный входъ гостей не новость для хозяина — таковъ народный обычай.

Его дочь достигла такого возраста, когда можетъ выдти замужъ. Сватовство совершается только между родителями жениха и невѣсты и, по большей части, безъ согласія послѣднихъ. Весьма часто женихъ и невѣста не знаютъ другъ друга лично. Видѣть лицо невѣсты не дозволяется ни въ какомъ случаѣ; подойти мужчинѣ къ женщинѣ, а дѣвицѣ, въ присутствіи молодаго человѣка, не скромничать и не закрываться считается преступленіемъ, которое мало того что порождаетъ дурное мнѣніе о дѣвушкѣ, но можетъ довести даже и до кровавой ссоры. О достоинствѣ своей будущей супруги можно судить только по разсказамъ знакомыхъ, которые ее видѣли и знаютъ. Не смотра однако же на такую изолированность женщины, молодые люди находятъ средство выбирать для себя невѣстъ. Въ зимній вечеръ, тайкомъ, они прокрадываются къ окну или дверной щели, когда дѣвушки, на вечернихъ посидѣлкахъ, въ кругу своихъ подругъ, не замѣчая посторонняго

(¹) „Записки о Тушетіи“ И. Цискаровъ. Кавк. 1849 г. № 12.

(²) „Очерки Хевсуріи„ Кавк. 1851 г. № 22. „Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ“ кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 г. № 47.

глаза, не скрываютъ лица. Тогда не только можно посмотрѣть лицо, но и подслушать разговоры и даже оцѣнить работу.

Похищеніе невѣстъ не рѣдкость у этихъ народовъ.

Тотъ не молодецъ, кто не съумѣетъ похитить своей невѣсты, не смотря на то, что поступки эти часто влекутъ за собою ужасные споры, убійства и кровомщеніе...

Невѣста выбрана. Въ знакъ обрученія у хевсуръ посылается родителямъ невѣсты 20 коп. (абазъ); у пшавовъ 1 р. 20 коп. (*нишани*—знакъ обрученія), а у тушинъ хлѣбъ-соль, который и переломляется родителями невѣсты въ знакъ согласія.

Принявъ подарокъ, родители не имѣютъ права выдать свою дочь за другаго; въ противномъ случаѣ, обязаны уплатить жениху нѣсколько коровъ—штрафъ за безчестіе. При сватовствѣ обращаютъ вниманіе на происхожденіе, доблестныя качества, а не на наружность жениха и невѣсты. О приданомъ заботятся весьма мало. У хевсуръ женихъ даетъ родителямъ невѣсты извѣстное число коровъ, а у пшавовъ женихъ присылаетъ невѣстѣ подвѣнечное платье и 30 барановъ, составляющихъ *сатавно* — капиталъ жены.

Засватанной невѣстѣ родители жениха посылаютъ, обыкновенно въ день новаго года, *ципъ*—треугольный пирогъ, собственно для этого случая испеченный, а родители невѣсты обязаны, за этотъ подарокъ, угостить и отдарить посланнаго. У пшавовъ, за недѣлю до свадьбы, посылаютъ 5 чапъ вина (чапа вмѣщаетъ 20 бутылокъ) и одного барана, по выраженію ихъ для *осмотра дома*.

Вообще родители невѣсты, не смотря на загонъ женщины у этихъ народовъ, пользуются большими преимуществами, чѣмъ родители жениха. Они притворяются и показываютъ видъ, что не желаютъ впустить сватовъ.

Тѣ, напротивъ того, стараются ворваться силою и, ворвавшись, сообщаютъ о цѣли своего прибытія. Родители невѣсты отказываютъ имъ, говоря, что женихъ не достоинъ ихъ дочери. Посланные, выставляя его достоинства, рѣжутъ барановъ, не спрашивая на то позволенія. Такой поступокъ побѣждаетъ родителей невѣсты: они созываютъ родственниковъ и пируютъ на счетъ жениха. Въ день свадьбы, у хевсуръ, невѣсту отправляютъ прямо въ домъ жениха, куда слѣдуютъ за ней всѣ односельцы, по одному человѣку съ дома, Туда же приводятъ и жениха, который, отправивъ сватовъ, самъ, по обычаю, долженъ скрыться изъ дома и найти пріютъ у кого либо изъ сосѣдей. Пшавы, наканунѣ свадьбы, посылаютъ невѣстѣ вьюкъ вина и двухъ барановъ. Посланный остается ночевать въ домѣ невѣсты и, на другой день, приводитъ ее въ церковь. У тушинъ женихъ самъ ѣдетъ за невѣстою, при сопровожденіи толпы всадниковъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, и самъ ведетъ ее въ церковь.

У огня, разведеннаго посреди комнаты, хевсуры сажаютъ жениха и невѣсту, непремѣнно съ той стороны, «гдѣ бы дымъ вѣялъ имъ прямо въ лицо». Деканозъ ставитъ передъ ними кушанье и вино и даетъ по восковой

свѣчкѣ. Новобрачные встаютъ, а деканозъ прокалываетъ имъ иглой концы платья. Шафера подносятъ деканозу ковшъ съ пивомъ или водкой. Принявъ его и произнеся молитву, просящую о размноженіи ихъ семейства, деканозъ выпиваетъ ковшъ и поздравляетъ молодыхъ съ бракосочетаніемъ. У хевсуръ этимъ и кончается. У тушинъ и пшавовъ вѣнчаются въ церкви. При выходѣ изъ церкви, женихъ производитъ выстрѣлъ и переступаетъ черезъ лезвіе шашки; при переправѣ черезъ рѣку также стрѣляютъ. Изъ церкви возвращаются домой верхами, при чемъ у пшавовъ молодая слѣдуетъ пѣшкомъ, окутанная чадрою и, по обычаю, очень не кстати, вяжетъ чулокъ. Къ пріѣзду молодыхъ у тушинъ въ домѣ жениха зажигаютъ на длинномъ шестѣ факелъ, который искусные стрѣлки должны или свалить, или потушить стрѣльбою.

Отецъ или мать жениха, при входѣ молодыхъ, преломляютъ палку и подносятъ невѣстѣ какое-нибудь лакомство (¹). Въ домѣ молодые должны обойдти три раза *сакидели*— желѣзную цѣпь, на которой виситъ котелъ, опущенный надъ огнемъ. Шафера, слѣдуя за ними, рубятъ кинжалами вѣшалку. Молодыхъ сажаютъ на тахти, устланной разноцвѣтными коврами, при чемъ невѣста остается подъ покрываломъ. Всѣ гости садятся подлѣ нихъ: мужчины со стороны жениха, а женщины со стороны невѣсты.

Передъ молодыми ставится деревянный крестъ, обвѣшанный фруктами и разными подарками. Столъ этихъ племенъ слишкомъ незатѣйливъ.

Они пекутъ въ золѣ прѣсные хлѣбы, *хміади*, нѣчто въ родѣ лепешекъ и *лаваши*—овальный и чрезвычайно толстый хлѣбъ. Любимое блюдо ихъ *хинкали*—родъ галушекъ, а вонючее копченое мясо считается ими большимъ лакомствомъ. Ежедневную пищу ихъ составляетъ сыръ, масло и молоко. «Хевсуры предпочитаютъ вонючее мясо свѣжему, а когда рѣжутъ скотину, кровь ея напускаютъ въ посуду, чтобы она сгустилась, и потомъ уже варятъ и ѣдятъ». Кромѣ всѣхъ этихъ кушаній, въ торжественные дни, какъ, напримѣръ, въ день свадьбы, пекутъ на той же золѣ *када*, родъ пирога, начиненнаго саломъ и кусками копченаго мяса (²).

Обрядъ вѣнчанія оконченъ; всѣ усѣлись и веселый пиръ загорается. Пѣнистое вино не перестаетъ литься; кутилы стараются блеснуть своимъ искусствомъ пить. «Стукъ огромныхъ турьихъ роговъ, выпиваемыхъ за многолѣтіе новобрачныхъ, звукъ музыкальныхъ инструментовъ, танцы и пѣсни сливаются въ одинъ общій веселый гулъ пирующихъ. Даже черноокія молодыя дѣвушки, тѣ, забывъ застѣнчивость, плѣняютъ зрителей граціозностію своихъ танцевъ и унылымъ напѣвомъ горскихъ пѣсенъ. Жениху и невѣстѣ, на первый вечеръ свадьбы, не только не прилично пѣть или танцовать, но не позволено пить

(¹) Записки о Тушетіи И. Цискаровъ. Кавк. 1849 г. № 8. „Очерки Хевсуріи“ А. Зиссермана. Кавк. 1851 г. № 22. „Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ“ кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 г. № 47. „Десять лѣтъ на Кавказѣ“ Современ. 1854 г. т. 47.

(²) О Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. Записки К. О. И. Р. Г. О. книга III.

и ѣсть, ни разговаривать съ кѣмъ-нибудь, кромѣ того, что невѣста не должна показывать своего лица. Они оба должны казаться какими-то невольными жертвами, ведомыми будто на закланіе. Но такъ какъ это свадебное веселіе продолжается до самаго утра, то новобрачныхъ не заставляютъ ждать его конца» (1).

Первые три дня сряду послѣ бракосочетанія молодые должны лежать вмѣстѣ не разлучаясь, но считается большимъ стыдомъ, если молодая сдѣлается беременною ранѣе чѣмъ черезъ три года послѣ свадьбы (2).

По обычаю, молодые двѣ недѣли чуждаются другъ друга и не говорятъ между собою при постороннихъ. Слѣдующія двѣ недѣли молодая проводитъ въ домѣ своихъ родителей, и только черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы начинается семейная жизнь сочетавшихся.

Браки вообще не имѣютъ прочнаго основанія.

Женщина считается рабою, съ нею обходятся чрезвычайно грубо, безъ всякой нѣжности и привязанности. Мужъ можетъ прогнать жену во всякое время, хотя бы черезъ недѣлю послѣ свадьбы, и безъ всякихъ поводовъ со стороны послѣдней. Мужъ говоритъ просто, что она ему не нравится, или что дурная хозяйка. Поступокъ этотъ не порочитъ женщины: она отправляется въ домъ родительскій и скоро выходитъ замужъ за другаго.

У пшавовъ прогнанной и забракованной женѣ выдается *самтцунебро*, т. е. пять коровъ, а забракованному жениху родители невѣсты должны выдать за безчестіе 16 коровъ, если только передъ отказомъ дочь ихъ была съ нимъ обручена.

У тушинъ мужъ, за нарушеніе супружеской вѣрности, можетъ обрѣзать женѣ руку и носъ, и въ такомъ видѣ отправить ее къ родителямъ, или же, прогнавъ просто, налагаетъ срокъ, ранѣе котораго она не можетъ выдти замужъ за другаго.

Часто женщина и сама уходитъ отъ мужа, и тогда, по обычаю хевсуръ, родители ея должны уплатить оставленному мужу 80 руб., иначе дочь ихъ не можетъ вторично выдти замужъ. Прогнавшій жену выбираетъ себѣ новую невѣсту и тотчасъ же женится. Онъ можетъ прогнать и эту, можетъ прогнать десять женъ и жениться на одиннадцатой, которая также ничѣмъ не обезпечена отъ такого же поступка.

При разводѣ у тушинъ жена не получаетъ никакой части изъ имѣнія мужа. Вдова, если у нея нѣтъ дѣтей мужескаго пола, также не получаетъ ничего изъ имѣнія покойнаго мужа, но она можетъ оставаться въ домѣ мужа, и родственники его должны содержать ее. Дочерей же умершаго и его сестеръ родственники, какъ мы сказали выше, обязаны воспитать и выдать замужъ съ приличнымъ *семкауры*—приданомъ, состоящимъ изъ серебряныхъ нагруд-

---

(1) Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавказъ. 1849 г. № 8.
(2) Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ. Кн. Эристова Кавк. 1854. № 47.

ныхъ ожерелій и разныхъ украшеній одежды. Послѣ смерти женщины, не оставившей дѣтей, и семкауры возвращается ея родителямъ или родственникамъ (¹).

Пшавецъ, женившись на вдовѣ, даетъ ея родителямъ три коровы. Хевсуры считаютъ постыднымъ, если вдова, имѣющая сына, выйдетъ вторично замужъ.

Вообще въ семейномъ быту отецъ предпочитаетъ сына дочери. Къ сыновьямъ онъ болѣе привязанъ, хотя, при рожденіи сына, стыдится изъявить свою радость, даже между родственниками и друзьями, а, напротивъ того, по обычаю, долженъ казаться серьезнѣе обыкновеннаго. Рожденіе не сопровождается у нихъ никакими особенными торжествами. Напротивъ того, беременная женщина считается нечистою. Отъ нея убѣгаютъ, сторонятся даже и отъ тѣхъ, кто былъ съ нею и коснулся ея рукою. Мужъ беременной женщины не имѣетъ права бывать на праздникахъ и принимать участія въ ихъ пиршествахъ. Съ трудомъ и долго скрываетъ женщина свое интересное положеніе. Когда же приближается время къ родамъ, то, не смотря ни на какую погоду, ни на время года, ни на болѣзнь, ее выгоняютъ изъ дому, изъ селенія, въ какую-нибудь пещеру или хижину, гдѣ она и остается въ теченіе нѣсколькихъ недѣль.

Чувствуя приближеніе родовъ, беременная женщина обыкновенно проситъ своихъ подругъ построить ей *сачехи*—шалашъ, воздвигаемый въ одной верстѣ отъ деревни. Переселившись въ этотъ шалашъ, родильница остается тамъ все время, пока не разрѣшится отъ бремени, что весьма часто сопровождается ужасными мученіями. Если больная мучится родами, и крики ея слышны въ селеніи, то жители подкрадываются къ шалашу и производятъ залпъ изъ ружей, чтобы испугомъ облегчить страданіе больной.

На другой день послѣ родовъ, больной приносятъ хлѣба и, боясь всякаго съ нею сообщенія, кладутъ его вдали отъ шалаша. Больная живетъ въ шалашѣ у хевсуръ мѣсяцъ, у пшавовъ 40 дней, а у тушинъ шесть недѣль (²).

Для окончательнаго очищенія себя отъ всякія скверны, родильница должна прожить съ ребенкомъ двѣ недѣли въ особой лачужкѣ, называемой *самревло*.

Съ этимъ переходомъ *сачехи* у хевсуръ сжигается, а у пшавовъ оставляется съ тою цѣлію, чтобы злой духъ не поселился у матери.

Выдержавъ этотъ карантинъ, женщина возвращается къ своему семейству. Родственники и сосѣди поздравляютъ другъ друга съ рожденіемъ ребенка и приносятъ разные подарки. Новорожденному ребенку, если онъ мужескаго пола, даютъ самыя грубыя имена, а женскаго, напротивъ, самыя нѣжныя названія. Мальчиковъ называютъ: мчела (волкъ), датвія (медвѣдь), вепхія (барсъ)

(¹) Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавк. 1849 года № 11.

(²) Записки Буткова (рукоп.) Арх. Глав. Штa. „Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавк. 1849 г. № 8. Записки о Хевсуріи А. Зиссермана. Кавк. 1851 г. № 23. Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 г. № 49.

и проч.; дѣвочекъ именуютъ: мзія (солнышко), вардуа (роза), маргалита (жемчужина), дзуддзуна (сисочка) и проч.

Существующее между горцами суевѣрное обыкновеніе не прикасаться къ беременнымъ женщинамъ и къ родильницамъ перешло и на покойниковъ. По этому избѣгаютъ того, чтобы больной скончался въ самомъ домѣ. Замѣтивъ приближеніе кончины, родственники больнаго выносятъ его тотчасъ же или въ сѣнцы, или просто на дворъ, гдѣ онъ и умираетъ. Покойника брѣютъ, моютъ и одѣваютъ въ новое платье и лучшее оружіе. Въ такомъ положеніи онъ остается въ теченіе четырехъ дней. Хуцесъ читаетъ надъ нимъ молитвы.

Жители деревни, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ихъ сосѣда, стекаются отвсюду, чтобы совершить обряды: *чирисъ-дикена* (горе отъ потери) и *митиреба* (оплакиваніе).

Не бритый, съ надвинутою на глаза шапкою, съ распущенною рубашкою и обнаженною грудью, сидитъ въ саклѣ ближайшій родственникъ умершаго. Посѣтитель входитъ, становится передъ нимъ на колѣни, и оба вмѣстѣ начинаютъ плакать, высчитывая достоинства умершаго.

— Отчего не я умеръ, говоритъ посѣтитель, прежде чѣмъ увидѣлъ тебя въ такомъ положеніи.

— Твоему врагу и злодѣю это, отвѣчаетъ хозяинъ.

— Великій грѣхъ! большое несчастіе!.. Ты лишился человѣка, онъ долженъ укрыться землею, а подобный мнѣ ходитъ подъ солнцемъ и говоритъ съ тобою.

— Ради твоей побѣды! Минуетъ ли насъ хорошее, къ добру ли мы живемъ?.. для несчастій и стыда. Умремъ — успокоимся, избавимся отъ бѣдствій, освободимся отъ горести сердечной... Скрыть бы нашу жизнь.

— Кто же лучше васъ?.. Мужчины достойны быть господами, женщины — царицами. Вамъ то и имѣть большой домъ, табуны, оружіе... быть во главѣ войска и предводительствовать хевсурами.

— Да наградитъ тебя Господь за сожалѣніе о насъ несчастныхъ. Насъ минуетъ солнце, мы не достойны вашихъ утѣшеній.

— Да постигнетъ это несчастіе того, кто радуется твоему бѣдствію и не сожалѣетъ объ этомъ. Да постигнетъ тебя спокойствіе и устранишься отъ новаго удара...

— Да не пошлетъ Богъ зла на вашу голову...

Посѣтитель встаетъ для того, чтобы уступить свою роль и мѣсто новому лицу.

На дворѣ или въ сѣнцахъ происходитъ другая, наиболѣе раздирающая сцена. Вокругъ покойника сидятъ мужчины, женщины и наемныя плакальщицы. Не вдалекѣ отъ плачущихъ стоитъ скамья, облѣпленная кругомъ маленькими зажженными восковыми свѣчами. На скамьѣ лежитъ нѣсколько хлѣбовъ и стоитъ чаша съ растопленнымъ масломъ. Всѣ присутствующіе и окружающіе покойника преданы скорби.

Мужчины плачутъ не долго, и закрываютъ при этомъ лицо шапкою; напротивъ того, женщины «отличаются весьма искусными панегириками объ усопшемъ, въ которыхъ онѣ большею частію любятъ придавать оплакиваемымъ всѣ доблестныя качества героя, падшаго на полѣ брани» (1).

Выбирается парадная плакальщица; она выходитъ на средину, и если умершій мужчина, то опирается на его саблю, если же женщина—то на палку, на концѣ которой привязанъ кусокъ красной бязи (бумажная ткань).

— Встань герой, начинаетъ плакальщица протяжнымъ голосомъ, войска ждутъ тебя... Не идти же имъ безъ предводителя.

— Вай, вай! общимъ хоромъ, протяжно, отвѣчаютъ на это всѣ присутствующіе мужчины и женщины, при чемъ послѣднія бьютъ себя по колѣнямъ.

— Что же, герой, ты не отвѣчаешь? продолжаетъ плакальщица. Неужели не отдашь никакого приказанія? Конь твой ржетъ не чуя всадника.

— Встань же, герой, встань!.. Встань, а то щитъ твой заржавѣетъ, сабля потускнѣетъ, на радость врагамъ! Дай услышать еще твой голосъ, потрясающій горы и наводящій страхъ на кистинъ... Встань и развѣй пепломъ дома ихъ. Увы! онъ насъ не слышитъ, онъ намъ не отвѣчаетъ!

Всеобщій плачъ, гвалтъ и завываніе служатъ отвѣтомъ на послѣднія слова плакальщицы (2).

На четвертый день послѣ кончины является деканозъ. По окончаніи послѣдняго обряда оплакиванія, онъ беретъ въ руки зажженную свѣчу и произноситъ надъ усопшимъ молитвы «безъ всякаго смысла» (3). Съ покойника снимаютъ оружіе и относятъ на фамильное кладбище, гдѣ, выложивъ могилу досками или плитнякомъ, опускаютъ въ нее тѣло безъ гроба, воздвигнувъ на немъ насыпь безъ крестовъ и надписей. «По окончаніи всѣхъ этихъ обрядовъ, гости должны выкурить за упокой души усопшаго трубки, набитыя махоркой. Потомъ ихъ угощаютъ вареной бараниной, слоеными лепешками, пивомъ и водкой».

Въ день похоронъ назначается скачка и *хабахи*—стрѣльба въ цѣль на призы. Родственникъ умершаго назначаетъ призъ, состоящій изъ нѣсколькихъ паръ носковъ, привязанныхъ ниткою къ длинному шесту. Кто пулею, съ разстоянія 40 шаговъ, перерветъ нитку, тому и достается призъ (4).

Въ теченіе года по умершемъ совершается весьма много поминокъ, такъ

---

(1) „Бывали примѣры, говоритъ И. Цискаровъ, что многіе тушинскіе наѣздники, хладнокровно бросаясь въ самые жаркія битвы и умирая, съ восторгомъ вспоминали, что они будутъ оплакиваемы какъ герои, что пѣсни о ихъ дѣяніяхъ зазвучатъ на устахъ красавицъ и воспламенятъ соревнованіе храбрыхъ....“ Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавк. 1849 года № 10.

(2) Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ. Кавк. 1854 г. № 47 и 49.

(3) Очерки Хевсуріи. А. Зиссермана. Кавк. 1851 г. № 23.

(4) Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. Кавказ. 1854 года № 46.

что они часто ведутъ семью къ совершенному раззоренію. Родственники въ это время носятъ трауръ, который надѣвается на нѣсколько дней, на годъ, а иногда и на три года, смотря по желанію. Мужчины отпускаютъ себѣ бороду, избѣгаютъ публичныхъ и увеселительныхъ собраній, не носятъ безъ нужды оружія и не скачутъ верхомъ—одно изъ лучшихъ наслажденій горца. Женщины привѣшиваютъ къ платью черныя шерстяныя кисточки и небольшіе лоскутки панцыря.

Годичная и послѣдняя пирушка по усопшемъ совершается съ особенными обрядностями, скачкою и ружейною пальбою.

На площадь, въ толпу званыхъ и не званыхъ гостей, выносятъ одежду усопшаго, для послѣдняго оплакиванія. Подлѣ одежды лежитъ коверъ и на немъ насыпано нѣсколько ячменя. Вокругъ разставлены огромные ушаты съ пивомъ; подлѣ ушатовъ, разложено до 25 хлѣбовъ, съ воткнутыми въ нихъ значками изъ красной и бѣлой матеріи; на хлѣбы положены бараньи ножки, кусочки сыра проч.

Лошадей, выбранныхъ для скачки, поочередно подводятъ къ ковру и даютъ имъ съѣсть немного ячменя, а одна изъ плачущихъ женщинъ обливаетъ молокомъ колѣна каждой лошади. Всадники садятся верхомъ и подъѣзжаютъ къ одеждѣ, имѣя въ рукахъ точно такіе же хлѣбы со значками. Зрители обступаютъ ихъ. На лошади покойника въѣзжаетъ въ кругъ извѣстный пѣвецъ и начинаетъ пѣть трогательное похвальное слово усопшему, сопровождаемое припѣвомъ: *далай*, *далай*, который повторяется всѣми всадниками, за каждымъ куплетомъ импровизатора.

— Провозгласимъ, начинаетъ пѣвецъ, удалые наѣздники, печальную пѣснь: *далай* падшему герою. Чье сердце не тронется жалостію, при видѣ боевыхъ его доспѣховъ и лихой лошади, покинутыхъ хозяиномъ и осужденныхъ на вѣчное забвеніе?... Его родныхъ и друзей, облеченныхъ въ траурныя одежды?... Несчастной матери, оплакивающей смерть единственнаго сына — послѣднее свое утѣшеніе?... Его нѣжныхъ сестеръ, сраженныхъ злой судьбой, подобно полевымъ цвѣтамъ подъ хладною рукой осени?... Неутѣшной жены, тающей въ горючихъ слезахъ, какъ воскъ отъ лучей солнечныхъ?... Погибшій другъ! ужели бранная одежда и прекрасные усы твои не будутъ болѣе красою нашего общества?... Нѣтъ! мы не разгласимъ о твоей смерти и не порадуемъ этимъ враговъ нашихъ!... Спросятъ ли о тебѣ въ Лезгистанѣ лезгины—мы скажемъ: въ Кистетіи, у дичинскаго владѣтеля... Спросятъ ли кистины — скажемъ: въ Кахетіи, при грузинскомъ царѣ... Спросятъ ли самые грузины — скажемъ: онъ тамъ.... у Господа! Проснись, храбрый! или ты не слышишь звука военной тревоги?... или ты отказываешь просьбѣ тушинскихъ наѣздниковъ, предлагающихъ тебѣ предводительство въ предстоящемъ набѣгѣ?... Или ты не въ силахъ болѣе принять начальство, или не можешь управиться съ конемъ и извлечь изъ ноженъ смертоносную шашку? Гроза и кара кичливыхъ враговъ!... Не ты ли одинъ отразилъ когда-то сильный натискъ по-

гони съ своимъ знаменитымъ *сіято* (особый родъ винтовки)? Слава предковъ, ярче просіявшая въ потомкѣ! Ты былъ закономъ, ты былъ властителемъ Тушетіи!... Блаженна твоя будущность, преобразившаяся въ голубя, облегченнаго веселіемъ невинности?... Воззри же и на приношеніе твоей блаженной памяти: полныя коды (боченки съ пивомъ), пышная трапеза и гости всѣхъ сословій и званій; воззри на гласящихъ тебѣ за серебряной чашей: вѣчная память!

— Вѣчная память, повторяютъ громко всадники и произноситъ шопотомъ народъ (1).

За тѣмъ всадники скорою рысью посѣщаютъ всѣ деревни, въ которыхъ живутъ родственники умершаго, хотя бы деревни эти и были разбросаны на разстояніи 30 верстъ. Побывавъ въ этихъ деревняхъ и отвѣдавъ на-скоро приготовленнаго для нихъ угощенія, они торопятся къ той деревнѣ, гдѣ совершаются поминки. За семь верстъ отъ деревни они пускаютъ лошадей въ скачь, для выигранія призовъ. У тушинъ назначается одинъ призъ первому прискакавшему: *аламъ* — знамя, обвѣшанное подарками женской работы. У хевсуръ и пшавовъ призы выигрываются въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва прискакавшей лошади достается одна корова; второй пришедшей лошади—три барана, третьей—два барана; четвертой—одинъ баранъ и пятой—одинъ козленокъ. При подобныхъ скачкахъ всадники не обращаютъ вниманія на опасность; черезъ скалы, крутизны, рытвины и по обрывамъ горъ они скачутъ, въ надеждѣ заслужить крики удивленія, поздравленія и похвалу лошади.

По окончаніи скачки является деканозъ, читаетъ молитву и благословляетъ приготовленную трапезу. Всѣ пьютъ за упокой души усопшаго и, по грузинскому обычаю, проливаютъ нѣсколько капель на скатерть. Лошадь покойника дарится или лучшему его другу, или отдается кому-либо изъ бѣдныхъ; въ раздѣлъ бѣднымъ же поступаетъ и платье умершаго.

Родственники во время поминокъ стараются угостить на славу; гости объѣдаются бараниною и пивомъ, а многіе выпиваютъ всю теплую кровь зарѣзаннаго барана.

Напившись и наѣвшись, народъ расходится по домамъ съ веселымъ шумомъ (2).

Родственники умершаго стараются во время поминокъ наготовить какъ можно болѣе кушаній, вполнѣ увѣренные въ томъ, что дѣлаютъ угодное покойнику. Народъ вѣритъ въ безсмертіе души, но имѣетъ весьма темное и сбивчивое понятіе о будущей жизни.

По его понятію, люди на томъ свѣтѣ живутъ такою же матеріальною жизнію; что тамъ существуютъ богатство и бѣдность, и чѣмъ болѣе умер-

(1) Записки. о Тушетіи. И. Цискарова Кавказъ 1849 года № 10.
(2) Кавказъ 1854 г. № 47 и 49. Кавк. 1849 г. № 10.

шему приношеній отъ живыхъ, тѣмъ душѣ его легче. Они вѣрятъ въ то, что чѣмъ болѣе будутъ закалывать животныхъ на поминкахъ, тѣмъ и у него ихъ будетъ больше. Они думаютъ, что душа лишившагося жизни отъ чужихъ рукъ, должна находиться въ вѣчномъ рабствѣ у своего убійцы. Отъ этого явилось обыкновеніе мстить за кровь убитаго. Этимъ дѣйствіемъ, по мнѣнію ихъ, не только освобождается страждущая въ рабствѣ душа ихъ родственника, но и порабощаетъ себѣ душу убитаго (1).

Эта пластичность и матеріальность представленія будущей жизни породила особый классъ людей *месултане* — лицъ, которымъ извѣстна жизнь и похожденія усопшихъ. Родственники часто съ подарками приходятъ къ нимъ для того, чтобы спросить объ участи покойника. У этихъ народовъ существуютъ также *мкитхави* (вопроситель)—лица, къ которымъ приходятъ родные больнаго спросить: не прогнѣвалъ ли онъ чѣмъ нибудь святаго.

Наматываніемъ на досчечку нитокъ и разными гаданіями мкитхави опредѣляетъ, что больнаго слѣдуетъ отнести къ такому-то капищу, помолиться тамъ и принести жертву. Если обязанность *мкитхави* исполняетъ деканозъ, то, вмѣстѣ съ больнымъ, приводятъ къ нему овцу. Деканозъ, заколовъ животное, омываетъ его кровью руки и плечи больнаго. Послѣ этого обряда, называемаго *хелмхрисъ-габона,* больной долженъ непремѣнно выздоровѣть (2).

---

(1) Записки о Тушетіи И. Цискарова. Кавк. 1849 г. № 10.

(2) Очерки Хевсуріи А. Зиссермана. Кавк. 1851 г. № 23, Записки о Тушино-Пшаво-Хевсурскомъ округѣ кн. Р. Эристова. Кавк. 1854 г. № 46.

МУСУЛЬМАНСКІЯ ПРОВИНЦІИ ЗАКАВКАЗЬЯ.

Нѣсколько словъ о существовавшихъ прежде ханствахъ и ихъ населеніи.

При присоединеніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Грузіи къ Россіи, страна эта была окружена съ востока и юга различными ханствами, признававшими до того власть Персіи

Самымъ ближайшимъ сосѣдомъ и, можно сказать, самымъ безпокойнымъ для Грузіи былъ ханъ Ганжинскій. Южная часть Сигнахскаго округа (впослѣдствіи уѣзда) только рѣкою Курою отдѣлялась отъ сѣверной части *Ганжинскаго ханства*, по присоединеніи къ Россіи переименованнаго въ Елисаветпольскій округъ.

Сѣверная граница Ганжинскаго ханства, отъ пункта, гдѣ рѣка Джагиръ сливаетъ свои воды съ рѣкою Курою, шла по правому берегу послѣдней рѣки, отдѣлявшей его отъ владѣній Грузіи; далѣе таже рѣка Кура служила раздѣломъ между Ганжинскимъ и Шекинскимъ ханствомъ, составлявшимъ сѣверо-восточную границу Ганжинскаго ханства. Послѣднее на юго-востокѣ прилегало къ Карабагу, составлявшему также и часть южной его границы, вмѣстѣ съ Эриванскою областью. На западѣ рѣка Джагиръ отдѣляла Ганжинское ханство отъ Шамшадильской татарской дистанціи, входившей въ составъ Грузіи.

Ганжинское ханство заключало въ себѣ часть той обширной равнины, которая, начинаясь въ Казахской дистанціи, пролегаетъ по теченію рѣки Куры и, по мѣрѣ отдаленія отъ послѣдней рѣки, по направленію къ Ганжинскимъ горамъ, она постепенно возвышается. Оканчиваясь на юго-востокѣ угломъ, равнина эта раздѣляется небольшимъ отрогомъ горъ на двѣ части, которые извѣстны жителямъ подъ именами двухъ различныхъ равнинъ: *Аджибулахской* и *Джагирской*.

Будучи безлѣсны и подвержены чрезвычайнымъ жарамъ, обѣ равнины

представляютъ собою самую безплодную часть ханства, гдѣ травы истребляются палящими лучами солнца. Удушливый зной какъ этихъ равнинъ, такъ и многихъ другихъ низменностей Ганжинскаго ханства, способствовалъ развитію многихъ болѣзней, изъ которыхъ господствующими считались желчная горячка, лихорадки и поносы, сопровождаемые воспаленіемъ желудка и кишечнаго канала. Цынга, обыкновенно появлявшаяся весною, свирѣпствовала здѣсь часто съ необыкновенною жестокостію.

Вообще, по топографическому очертанію, мѣстность бывшаго ханства представляетъ собою три харктеристическія части, отличныя по своему положенію: одна изъ нихъ гориста, другая перерѣзана лишь небольшими возвышеніями и, наконецъ, третья совершенно ровная. Песокъ и глина составляютъ преимущественно тотъ грунтъ земли, которымъ покрыты горы, при чемъ толщина его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ довольно значительна, а въ другихъ не превышаетъ четверти аршина. По ущельямъ горъ и оврагамъ почва земли состоитъ преимущественно изъ чернозема и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ глины; большая же часть равнины имѣетъ также глинистый грунтъ, но плотный и свободный отъ камней.

Не смотря на то, что большая часть земель бывшаго Ганжинскаго ханства, при орошеніи, весьма пригодны для земледѣлія, онѣ были весьма мало обработаны. Двѣ трети Ганжинской равнины, вся Аджибулахская, значительное пространство въ горахъ и по берегу рѣки Куры оставались не воздѣланными, по недостатку орошающихъ каналовъ и малой населенности ханства.

Берега рѣкъ и многія мѣста ханства покрыты лѣсомъ, который можно раздѣлить на строевой, фруктовый и кустовый или кустарники. Дубъ и тополь достигаютъ здѣсь до семи съ половиною аршинъ въ окружности и растутъ преимущественно по берегу рѣки Куры; въ горахъ ростетъ букъ, на равнинѣ чинаръ, доставляющій туземцу отрадную тѣнь во время лѣтняго зноя; ясень, ива, яблонныя, грушевыя, миндальныя и абрикосовыя деревья, колючка, барбарисъ, камышъ, черемша, спаржа, употребляемая жителями въ пищу, и марена, растущая въ изобиліи, составляютъ естественныя произведенія природы.

Изъ камыша жители приготовляютъ циновки, строятъ дома, сараи для шелковичныхъ червей, употребляютъ на подпорки для винограда и прочее. Обиліе лѣса и разнообразіе его породъ не дѣлали однако же его дешевымъ по отсутствію путей сообщенія и трудности доставки; почти всѣ тяжести здѣсь, не исключая лѣса, перевозились на вьюкахъ.

Въ прежнія времена торговля и мануфактура были главнѣйшими источниками богатства ганжинцевъ, но, съ паденіемъ ханства, Ганжа (Елисаветполь) утратила свое торговое значеніе, и жители, по необходимости, должны были обратить свою дѣятельность на земледѣліе, скотоводство, шелководство и другія сельскія занятія, и настоящій трудъ ихъ не пропадаетъ даромъ: урожай пшеницы доходитъ здѣсь до самъ-двадцати.

Къ сѣверо-востоку отъ Ганжинскаго ханства и непосредственно примыкая къ нему, находилось ханство *Шекинское* (переименованное потомъ въ шекинскую провинцію), ограниченное съ сѣвера Главнымъ хребтомъ Кавказа отъ Салавата до Баба-дага и частію Кубинскаго ханства съ востока Ширванскимъ ханствомъ, отъ котораго въ сѣверной части отдѣлялось р. Гокъ-чаемъ, съ юга р. Курою, отдѣлявшею его отъ Карабага; на юго-западѣ тою же рѣкою, служившею раздѣломъ между Шекинскимъ и Ганжинскимъ ханствами, и, наконецъ, на западѣ Шекинское прилегало къ Грузіи и владѣніямъ султана Элисуйскаго.

Вѣтви Главнаго Кавказскаго хребта, пролегающія по Шекинскому ханству, состоятъ преимущественно изъ безплодныхъ скалъ, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрытыхъ землею и служащихъ пастбищами. Передовые отроги горъ, прилегающіе къ равнинамъ, будучи наноснаго свойства, состоятъ изъ желтой или красноватой глины, смѣшанной нерѣдко съ камнями; почва долинъ черноземна.

Земли здѣсь не такъ плодородны, какъ въ Ганжинскомъ ханствѣ, но все-таки съ избыткомъ вознаграждаютъ трудъ земледѣльца и пшеница родится здѣсь до самъ-десяти. За то ущелья горъ и ихъ покатости представляютъ здѣсь тучныя пастбища, весьма пригодныя для прокормленія многочисленныхъ стадъ.

Территорія бывшаго Шекинскаго ханства весьма богата лѣсомъ, который состоитъ преимущественно изъ дуба, вяза, тополя, клена и липы. Изъ плодовыхъ деревьевъ здѣсь встрѣчаются грецкій орѣхъ и каштаны, а нухинскія груши славятся своимъ вкусомъ. Произростающій въ большомъ изобиліи крупный камышъ идетъ на стѣны и крыши строеній. Главный источникъ благосостоянія шекинцевъ заключался въ хлѣбопашествѣ, шелководствѣ, разведеніи фруктовыхъ садовъ и хлопчатой бумаги. Скотоводствомъ занимались преимущественно жители кочующіе, которыхъ было весьма немного.

Впрочемъ и люди осѣдлые, занимавшіеся земледѣліемъ, имѣли рогатый скотъ, и преимущественно быковъ, употребляемыхъ въ работу. Лошадей держали только для ѣзды, и при томъ верховой, потому что, по отсутствію удобныхъ путей сообщенія, шекинцы рѣдко употребляли арбы, ѣздили верхомъ и перевозили всѣ тяжести на вьюкахъ.

Климатъ Шекинскаго ханства, съ октября по іюль, благопріятенъ для здоровья; лѣтомъ же бываютъ сильныя жары, и во многихъ мѣстахъ испареніе болотъ и чалтычныхъ нивъ дѣлаютъ климатъ зловреднымъ. Дѣйствіе его обозначается на туземцахъ блѣдностію и истощеніемъ, а чужестранцы совсѣмъ не могутъ выдержать его вліянія. Горячки и лихорадки повсемѣстны здѣсь, за исключеніемъ ущелій Главнаго хребта, гдѣ климатъ вообще благопріятенъ для здоровья. На равнинѣ жители подвергаются особому заразительному кашлю (ятаглыхъ) и опухолямъ иногда смертельнымъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ростетъ камышъ, и въ особенности по берегамъ р. Куры, лѣтомъ бываетъ такое оби-

ліе мошекъ, что люди спасаются отъ нихъ, закрываясь сѣтками, намазанными нефтью, а животныя часто теряютъ зрѣніе и задыхаются.

Восточная часть Шекинскаго ханства составляла западную границу *Ширванскаго* или *Шемахинскаго* ханства, ограниченнаго съ сѣвера Кубинскимъ ханствомъ, съ востока Бакинскимъ ханствомъ и Каспійскимъ моремъ; съ юга Кизилъ-агачскимъ заливомъ того же моря, частью Талышенскаго ханства и р. Курою, отдѣлявшею Ширванъ отъ Карабага.

Слѣдуя въ юго-восточномъ направленіи, Главный хребетъ Кавказскихъ горъ своими острогами дѣлитъ весь Ширванъ на двѣ части: *верхнюю и нижнюю*. Первая весьма гориста, а вторая составляетъ часть обширной Курской равнины, которая заключается между Главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, Малымъ Кавказомъ и Каспійскимъ моремъ.

Равнина эта, простираясь по обоимъ берегамъ р. Куры, составляетъ сѣверную окраину Карабага, наполняетъ собою часть пространства бывшаго Бакинскаго ханства, островъ Сальянъ, всю Муганскую степь и даже часть территоріи Талышенскаго ханства.

Почва земли Ширвана состоитъ преимущественно или изъ чернозема съ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ глины и песку, или изъ чистой глины, весьма пригодной для земледѣлія; только немногія горныя пространства не способны къ воздѣлыванію и хлѣбопашеству.

Богатая природа Ширвана представляетъ всѣ средства къ благосостоянію ея жителей, но тамошніе обитатели, отчасти отъ неумѣнья, а больше отъ лѣни и безпечности, не хотѣли ею пользоваться. Каждый старался только обезпечить себя и свое семейство годовымъ содержаніемъ, а о дальнѣйшихъ выгодахъ и пріобрѣтеніяхъ не хлопоталъ. По этому хлѣбопашество было развито на столько, что лишь удовлетворяло внутренней потребности. Кромѣ лѣни, присущей жителямъ, недостатокъ воды для орошенія полей препятствовалъ земледѣлію. Корыстолюбіе хановъ и другихъ лицъ, которыя, по собственному усмотрѣнію, надѣляли поселянъ водою, сдѣлало изъ этого постыдный торгъ и охладило въ поселянахъ охоту къ воздѣлыванію своихъ полей.

Въ цѣломъ своемъ объемѣ Ширванъ бѣденъ лѣсомъ, и только одна сѣверо-западная его часть, находящаяся въ горахъ, изобилуетъ имъ; во многихъ же мѣстахъ лѣсу не хватаетъ и на топливо.

Садоводство въ Ширванѣ составляетъ весьма важный предметъ промышленности, а шелководствомъ своимъ Ширванское ханство считалось богатѣйшимъ въ Закавказьѣ, и славилось своими заведеніями для тканья шелковыхъ матерій. Шелкъ былъ и главнымъ предметомъ торговли. Осѣдлые жители, занимаясь преимущественно сельскими работами, содержали только необходимое въ домашнемъ быту количество скота. Многія мѣста Закавказья изобилуютъ болѣе обширными пастбищами, чѣмъ Ширванъ, но нигдѣ, по разнообразію климата, не представляется такихъ удобствъ для кочевниковъ, какъ здѣсь, и

оттого нигдѣ не было столько кочующаго поселенія, сколько было его въ Ширванѣ.

Этому послѣднему способствовала еще и та разительная разница въ климатѣ, которая существуетъ въ Ширванѣ.

На островѣ Сальянѣ и Муганской степи, зима бываетъ весьма кратковременна и часто безснѣжна; конецъ осени и начало весны считаются лучшими временами года, но за то, съ первыхъ чиселъ мая и до половины сентября, стоитъ невыносимая жара. Берега р. Куры имѣютъ точно такую же температуру, и только съ приближеніемъ къ горамъ климатъ становится умѣреннѣе и здоровѣе. Островъ Сальянъ принадлежитъ къ числу самыхъ пагубныхъ мѣстъ для здоровья, и господствующія тамъ болѣзни составляютъ лихорадки и горячки. Туземцы, какъ этой, такъ и многихъ другихъ мѣстностей, въ предохраненіе себя отъ болѣзней, въ самый сильный зной надѣваютъ шубу, а, напротивъ того, въ холодное время носятъ сравнительно легкое платье; съ наступленіемъ жаровъ, не ядятъ мясной пищи, и вообще всего жирнаго, а довольствуются овощами и зеленью.

Главный хребетъ Кавказскихъ горъ, слѣдуя въ юго-восточномъ направленіи, отдѣлялъ Шекинское и Ширванское или Шемахинское ханство отъ *Кубинскаго*. Рѣка Самуръ составляла тогда сѣверную границу Кубинскаго ханства и отдѣляла его отъ обществъ Дагестана; восточную границу ханства составляло Каспійское море; южную—ханство Бакинское и Шемахинское, а западную—Шекинское ханство и различныя дагестанскія общества.

Большая часть Кубинскаго ханства представляетъ равнину (около 80 верстъ длины и до 50 верстъ ширины), ограниченную р. Самуромъ, горами и моремъ. Грунтъ земли на равнинѣ состоитъ изъ чернозема, а покатости горъ изъ глины; но какъ тѣ, такъ другія земли весьма плодородны. Изъ всѣхъ восточныхъ владѣній Россіи въ Закавказьѣ только одинъ Талышъ превосходитъ Кубинское ханство богатствомъ природы.

Лѣсъ составляетъ весьма важное богатство этой мѣстности. Вся нижняя часть равнины и передовые хребты горъ покрыты лѣсомъ, состоящимъ изъ дуба, клена, вяза, ивы, дикой яблони, бука, липы, чинара, айвы и гранатовыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Яблоковъ такъ много, что Кубинское ханство снабжало ими сосѣдей.

Въ отношеніи температуры и климата, Кубинское ханство раздѣляется на три полосы: на верхнюю, съ холоднымъ и здоровымъ климатомъ, на среднюю, съ умѣреннымъ, и южную, съ жаркимъ климатомъ, гдѣ жители подвергаются лихорадкамъ и горячкамъ, происходящимъ, впрочемъ, не столько отъ вліянія климата, сколько отъ недостатка въ лѣтнее время свѣжей и чистой воды.

Вообще же температура, большей части ханства, не высока и дожди идутъ весьма часто. Такое естественное состояніе представляетъ всѣ выгоды для скотоводства, составлявшаго главное богатство жителей; зимою стада овецъ и рогатаго скота спускаются на равнину, а на лѣто уходятъ въ горы, такъ что,

въ теченіе цѣлаго года, питаются подножнымъ кормомъ. Хотя между кубинцами не было кочующихъ въ полномъ смыслѣ слова, но за то почти всѣ жители вели жизнь полукочевую. Торговля была только внутренняя и незначительная. Хлѣбопашествомъ жители занимались только для собственнаго потребленія, и лишь немногіе воздѣлывали свои сады, разводили хлопчатую бумагу и занимались рыбными промыслами. Ремесленная промышленность ограничивалась тканьемъ ковровъ и паласовъ, да и то она была развита только въ двухъ-трехъ магалахъ (участкахъ) и между жителями старой Кубы.

Полуостровъ Апшеронскій, совершенно вдавшійся въ Каспійское море, составлялъ большую часть *Бакинскаго ханства*, которое, съ востока, частію съ сѣвера и съ юга, омывалось Каспійскимъ моремъ; къ западу и юго-западу прилегало къ Ширвану, а на сѣверѣ къ Кубинскому ханству.

Бакинское ханство есть безжизненная и голая равнина, на которой попеременно встрѣчаются смѣсь песчаныхъ, глинистыхъ и каменистыхъ мѣстъ. Природа уныла, однообразна и оставляетъ самое грустное впечатлѣніе. Откуда бы ни вступилъ путешественникъ въ ханство, онъ внезапно переходитъ отъ живой природы къ мертвой, отъ шелковичныхъ и фруктовыхъ садовъ, полныхъ зелени, къ совершенно голой мѣстности, ни однимъ деревомъ, ни кустарникомъ не разнообразящейся природы. Только въ сѣверной части ханства, у самаго взморья, встрѣчалось нѣсколько виноградныхъ садовъ.

Жаркій климатъ и рѣдкіе дожди, сухость воздуха и частые удушливые вѣтры есть принадлежность этой мѣстности.

Бой тюленей, добываніе нефти, соли, и въ особенности разведеніе шафрана, составляло главное богатство Бакинскаго ханства. Овцеводство и скотоводство были незначительны. Тканье ковровъ, паласовъ, разныхъ шерстяныхъ матерій и бумажной бязи составляло все заводское, но незначительное производство. За то г. Баку былъ всегда самымъ торговымъ городомъ и главнымъ персидскимъ рынкомъ, въ которомъ производилась торговля Закавказья съ Персіею.

На югѣ теперешнихъ нашихъ владѣній и на границѣ съ Персіею расположено было *Талышенское ханство*, заключенное въ пространствѣ, ограниченномъ Каспійскимъ моремъ и Талышенскими или Ленкоранскими горами. Къ сѣверной части ханства прилегала безплодная Муганская степь; на востокъ — южное устье р. Куры, Кизилъ-ачагскій заливъ и Каспійское море, а на югѣ и западѣ—владѣнія Персіи.

Природа нѣкоторыхъ мѣстъ Талыша очаровательна. «Все пространство, пишетъ П. Ф. Рисъ, отъ персидской границы почти до города Ленкорана, покрыто безконечнымъ дремучимъ лѣсомъ; почва вообще сырая и болотистая, но пересѣченная холмами и рѣчками: къ западу и юго-западу, эти горы становятся выше, и, наконецъ, въ Себидажскомъ участкѣ принимаютъ величественные размѣры. Растительность вездѣ роскошная; гигантскія деревья, обвитыя плющемъ, дикимъ виноградомъ и множествомъ вьющихся растеній, при-

нимаютъ самыя чудныя, самыя необыкновенныя формы; растительная сила такъ велика, что иногда вѣтви разнородныхъ деревъ, находясь въ соприкосновенiи, сростаются и образуютъ натуральную прививку. Берега безчисленныхъ рѣчекъ необычайно живописны; они, по большей части, каменисты, обрывисты; съ обѣихъ сторонъ деревья, растущiя на самомъ краю, наклоняются надъ водою и, сцѣпляясь съ одного берега на другой, составляютъ красивыя аркады. Фруктовыя деревья ростутъ почти безъ всякаго ухода за ними. Кромѣ того, лѣса изобилуютъ дикими ягодами, особливо такъ называемыми у русскихъ шишками, изъ которыхъ дѣлаютъ очень вкусный квасъ. Это же дерево разводится въ садахъ и даетъ хорошiе плоды. Вдоль морскаго берега тянется почти безпрерывною полосою высокiй камышъ».

Въ лѣсахъ много дичи и звѣрей, между которыми попадаются, хотя и рѣдко, тигры и барсы.

Почва земли Талышенскаго ханства чрезвычайно плодородна и способна къ произведенiю самыхъ нѣжнѣйшихъ растенiй; но деревья, будучи не тверды по составу, подвергаются весьма скоро порчѣ и гнилости. Сверхъ домашняго употребленiя, талышенцы снабжаютъ лѣсомъ Баку и Сальянъ въ довольно значительномъ количествѣ и не смотря на неудобство перевозки.

Виноградъ и разныя лекарственныя травы составляютъ также принадлежность этой мѣстности, но главное занятiе и богатство талышенцевъ составляло земледѣлiе, преимущественно посѣвы чалтыка (сарачинское пшено) и пчеловодство; торговля здѣсь была весьма незначительна.

Въ отношенiи климата, Талышъ можно раздѣлить на двѣ части; гористыя мѣста пользуются хорошимъ климатомъ, не испытывая ни сильнаго жара, ни значительнаго холода, а на равнинѣ климатъ жаркiй и нездоровый. Зимою морозы здѣсь почти никогда не переходятъ за 5°; снѣгъ показывается рѣдко и тотчасъ же изчезаетъ; дожди идутъ часто, въ особенности осенью и зимой. Приморское положенiе Талыша и испаренiя, отдѣляющiяся отъ болотъ, спертыя густою сѣнью деревьевъ, причиною тому, что воздухъ большею частiю такъ влаженъ, что по вечерамъ одежда бываетъ почти всегда мокрою. Эта постоянная сырость дѣлаетъ климатъ не совсѣмъ здоровымъ. Сверхъ того, огромные посѣвы чалтыка, для котораго вода должна быть проведена въ такомъ количествѣ, чтобы затопляла все засѣянное пространство, также усиливаетъ злокачественность климата. Застаивающаяся на поляхъ вода, при жаркой температурѣ, портится и, производя гнилыя испаренiя, заражаетъ воздухъ. Сильныя лихорадки лѣтомъ, тифъ и чесотка, осенью и зимою, составляютъ здѣсь обыкновенныя болѣзни.

Муганская стэпь, пролегающая вдоль сѣверной части Талыша, отдѣляетъ ее отъ Карабага, расположеннаго на югъ отъ Ганжинскаго ханства, въ углу, образуемомъ слiянiемъ рѣвъ Куры и Аракса.

Карабагское ханство граничило: съ сѣвера Ганжею, Шекою и Ширва-

номъ; съ востока Муганскою степью; съ юга и юго-востока р. Араксомъ; съ запада Нахичеванскимъ ханствомъ и частію Эриванской области.

Изобилуя лѣсами, Карабагъ получилъ отъ нихъ и свое названіе, означающее на татарскомъ языкѣ *черный садъ*. Всѣ горы, которыми изрѣзано ханство, покрыты большею частію крупнымъ строевымъ лѣсомъ и густою травою. Лѣсъ состоитъ преимущественно изъ дуба, чинара, орѣха, тополя, кипариса, вяза, березы и другихъ породъ.

Грунтъ земли въ Карабагѣ весьма разнообразенъ: гористыя мѣста покрыты черноземомъ, равнины—глинисты.

Въ гористыхъ мѣстахъ Карабага климатъ во всякое время здоровый и прохладный; снѣгъ выпадаетъ здѣсь въ началѣ октября; морозы достигаютъ не болѣе 10°. Въ концѣ апрѣля начинается весна и сопровождается почти непрерывными дождями. Лѣто умѣренно, осень большею частію дождливая. На равнинахъ, зима настаетъ въ концѣ декабря или въ началѣ января, но выпавшій снѣгъ не остается болѣе недѣли, весна и осень превосходны, но лѣто жарко до чрезвычайности. Чрезвычайно жаркій климатъ равнинъ Карабага причиняетъ горячки и лихорадки. Вообще на обширныхъ равнинахъ Шушинскихъ, Ганжинскихъ и Казахскихъ, богатыхъ условіями развитія различнаго рода міазмовъ, лѣтомъ климатъ весьма нездоровъ.

Въ горахъ Карабага, по причинѣ умѣреннаго климата, ростетъ только пшеница, ячмень, ленъ и частію просо; равнина же способна къ воспроизведенію всѣхъ видовъ растеній, свойственныхъ жаркому климату, но только тамъ, гдѣ достаточно воды для орошенія полей.

Шелководство здѣсь было незначительно; винодѣліе въ самомъ младенческомъ состояніи, а фруктовыхъ садовъ весьма мало. Скотоводствомъ занимались преимущественно кочующіе жители. Лошади карабагскія хотя и до сихъ поръ славятся въ Закавказьѣ, но заводовъ было очень немного. Фабричной промышленности не существовало вовсе, точно также какъ и торговлею поселяне не занимались.

Даралагезскія горы отдѣляютъ Карабагъ отъ такъ называемый Армянской области, составленной изъ ханства Нахичеванскаго и Эриванской провинціи.

Нахичеванское ханство ограничено было съ сѣверо-востока Даралагезскими горами; съ юга и юго-востока р. Араксомъ, отдѣляющимъ ханство отъ персидскихъ владѣній; съ сѣверо-запада—Эриванскою провинціею.

За исключеніемъ трехъ четвертей пространства, покрытаго горами, остальная часть ханства волнистая равнина, склоняющаяся къ лѣвому берегу р. Аракса. Глинистая почва дѣлаетъ землю плодородною только при хорошей вспашкѣ и поливкѣ, а потому плодородныя пашни находились тамъ по близости рѣкъ, горныхъ потоковъ, родниковъ и на нѣкоторыхъ скатахъ горъ.

Нахичеванцы не богаты лѣсомъ, ростущимъ преимущественно по склонамъ

и близъ Даралагезскихъ горъ. Ханство не имѣло ни особаго вида промышленности и никакой торговли.

Треугольное пространство, заключенное между Даралагезскими горами, Даръ-дагскимъ ихъ отрогомъ и р. Араксомъ, по присоединеніи къ Россіи составившее *Ордубадскій округъ*, по своему климату и плодородію получило названіе отъ нахичеванцевъ *земнаго рая*. И дѣйствительно; здѣсь нѣтъ эпидемическихъ болѣзней, страна пользуется прекраснымъ воздухомъ, роскошною природою, обильно орошена рѣками и чрезвычайно плодородна.

Жители занимались, преимущественно, разведеніемъ фруктовыхъ и отчасти тутовыхъ и виноградныхъ садовъ; потомъ хлѣбопашествомъ, посѣвомъ хлопчатой бумаги, чалтыка и льна. Шелководство было здѣсь однакоже не значительно.

Непосредственно къ Нахичеванскому ханству прилегала *Эриванская провинція*, ограниченная съ сѣвера Ганжинскимъ ханствомъ, Шамшадыльскою, Казахскою, Бамбакскою и Шурагельскою дистанціями, принадлежавшими Грузіи; съ востока Карабагомъ и Нахичеванскимъ ханствомъ; съ юга и запада персидскими и турецкими владѣніями.

Отроги Арарата и обширная равнина, орошаемая р. Араксомъ, составляла территорію Эриванской провинціи. Почва земли черноземна, но съ примѣсью глины; устья рѣкъ южнаго и сѣвернаго Карасу топки и болотисты; пространство между Араксомъ и Араратомъ солонцевато, а южныя отлогости горъ покрыты известковымъ камнемъ, смѣшаннымъ съ песчанникомъ.

Лѣсомъ провинція бѣдна; онъ ростетъ лишь въ сѣверной ея части, да и то такого сорта, что годенъ только для дровъ. Главное богатство составляла кошениль и соляной промыселъ. Затѣмъ слѣдовало хлѣбопашество, садоводство и винодѣліе. Вся торговля находилась въ рукахъ Сардаря и состояла въ продажѣ хлопчатой бумаги, сарачинскаго пшена, пшеницы, ячменя и соли.

Равнинамъ эриванскимъ и нахичеванскимъ свойственъ самый удушливый зной. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда небольшія горы только начинаютъ освобождаться отъ снѣга и по ущельямъ показывается первая зелень, на равнинѣ персики, абрикосы, груши и сливы находятся въ полномъ цвѣту, а нивы близятся къ жатвѣ. Въ концѣ мая трава уже выгораетъ, въ іюнѣ сохнутъ листья на деревьяхъ, луга представляютъ безплодныя степи и воздухъ становится удушливымъ. Желчныя горячки и лихорадки свирѣпствуютъ повсюду; плантаціи чалтыка, засорившіяся канавы своими испареніями заражаютъ воздухъ, и жители спѣшатъ перекочевать въ горы, гдѣ воздухъ чистъ и лѣтній зной не такъ ощутителенъ; множество горныхъ потоковъ охлаждаютъ жаръ въ горахъ и доставляютъ чистую, здоровую воду для потребленія жителей.

Таково было, въ краткихъ чертахъ, экономическое положеніе ханствъ передъ разновременнымъ присоединеніемъ ихъ къ Россіи.

Касаясь этнографіи, мы должны сказать, что все населеніе ханствъ принадлежитъ, главнѣйшимъ образомъ, къ двумъ племенамъ: *татарскому* и *армянскому*.

Татары составляютъ господствующее населеніе во всѣхъ ханствахъ, а армяне, да и то только теперь, въ бывшей Армянской области. Татары исповѣдуютъ магометанскую религію и принадлежатъ къ двумъ сектамъ: Алія (шіиты) и Омара (сунниты). Обѣ секты большею частію живутъ смѣшанно и въ одномъ ханствѣ преобладаютъ *шіиты*, въ другомъ *сунниты*. Островъ же Сальянъ, Бакинское ханство и большая часть Талышинскаго были населены исключительно одними *шіитами*.

Въ Бакинскомъ ханствѣ армяне жили только въ самомъ городѣ Баку; въ Кубинскомъ ханствѣ они жили въ двухъ селеніяхъ: Кальваръ и Хачмазъ.

Кубинцы сами раздѣляли свое ханство на двѣ части: одну, заключенную между рѣками Самуромъ и Кудіяломъ, они называли *Лезгистаномъ*, а другую, отъ Кудіяла далѣе въ горы — *Туркистаномъ*. Изъ этого видно, что часть населенія принадлежитъ къ выходцамъ изъ Дагестана, а другая къ татарскому племени. Кромѣ того, въ ханствѣ поселилось много потомковъ монголовъ, извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ *муганлинцевъ*.

Почти всѣ безлѣсныя равнины Ленкоранскаго уѣзда, бывшаго Талышенскаго ханства, заняты татарскимъ населеніемъ; въ астаринскомъ же и зувандскомъ магалахъ и въ юго-восточной половинѣ Себидажскаго участка поселились *талышенцы*, составляющіе отрасль персидскаго племени и называющіе сами себя *толышъ*.

Близъ города Кубы и селен. Набрань, жило нѣсколько семействъ евреевъ, поселившихся также въ незначительномъ числѣ въ Шекинскомъ и Ширванскомъ ханствахъ. Въ селен. Карачи, Кубинскаго ханства, въ Ширванѣ, Карабагѣ и Эриванской провинціи, жило нѣсколько цыганъ. Въ Шекинскомъ ханствѣ жили *удины;* въ Эриванской провинціи—курды, турки и іезиды, а въ Нахичеванскомъ ханствѣ — кенгерлы (выходцы изъ Діарбекира) и караджаларскіе куртины.

Всѣ эти племена были немногочисленны и жили разбросанно между господствующими народностями татаръ и армянъ.

Татары раздѣлялись на осѣдлыхъ и кочевыхъ, и хотя, въ строгомъ смыслѣ, кочующихъ татаръ было не такъ много, но за то большая часть изъ нихъ вела жизнь полукочевую.

ТАТАРЫ.

I.

Религія татаръ. — Раздѣленіе ихъ на двѣ секты: суннитовъ и шiитовъ. — Особенности каждой секты. — Праздники. — Шахъ-Гуссейнъ, или праздникъ шiитовъ въ память убіенія имама Гуссейна. — Суевѣріе и легенды татаръ.

Нерѣшимость Магомета назначить себѣ наслѣдника послужила къ раздѣленію мусульманъ на двѣ враждебныя партіи: *суннитовъ* и *шiитовъ*. Не оставивъ послѣ себя дѣтей мужескаго пола и не указавши на преемника себѣ, Магометъ подалъ тѣмъ поводъ къ спорамъ при избраніи халифа или намѣстника. Вскорѣ послѣ смерти пророка, Алій, двоюродный братъ и зять Магомета, и Абубекеръ, вотчимъ, стараясь сдѣлаться преемниками пророка, стали различно толковать его ученіе. Отъ этого съ самаго начала произошло несогласіе. Со смертію Абубекера, Омаръ, а за нимъ, Османъ, продолжали эти споры съ Аліемъ.

Въ этомъ разномысліи главныхъ послѣдователей Магомета и заключается причина раздѣленія мусульманъ на двѣ главныя секты: *сунни* и *шiи*, изъ которыхъ первые признаютъ Абубекера, Омара и Османа истинными наслѣдниками Магомета, а послѣдніе—Алія.

Сверхъ вышеназванныхъ лицъ, сунниты признаютъ еще четырехъ имамовъ: Ганифа, Маликъ, Шаффей и Ганбалъ, какъ главныхъ толкователей корана и въ честь ихъ назвали четыре столба главной мечети въ Меккѣ, гдѣ ихъ считаютъ четырьмя подпорами вѣры.

Шiиты же остаются при твердомъ убѣжденіи, что законнымъ наслѣдникомъ Магомета былъ зять его Алій. Права его на наслѣдство они объясняютъ тѣмъ, что онъ первый принялъ магометанство, что былъ двоюродный братъ

пророка, женатъ на его единственной дочери и, наконецъ, что самъ Магометъ, желая оставить его наслѣдникомъ, неоднократно и передъ народомъ объявлялъ его своимъ преемникомъ. Шииты увѣряютъ, что Магометъ говорилъ о томъ въ домѣ своей жены и что, умирая, хотѣлъ изложить свою послѣднюю волю письменно, но что Омаръ не далъ чернилъ и бумаги, увѣряя всѣхъ, что пророкъ въ бреду.

Шииты признаютъ двѣнадцать имамовъ, изъ коихъ послѣднiй, Мегти, по ихъ вѣрованiю, еще живъ и изъ уединеннаго, неизвѣстнаго людямъ мѣста управляетъ правовѣрными. Они вѣрятъ, что при концѣ мiра Мегти явится для борьбы съ антихристомъ.

Послѣдователи одной секты не имѣютъ никакого довѣрiя къ книгамъ другой. Шииты отвергаютъ всѣ постановленiя и толкованiя корана суннитами и ненавидятъ послѣднихъ болѣе, чѣмъ каждаго человѣка посторонней вѣры.

Между тѣмъ разница въ обрядахъ той и другой секты незначительна и заключается въ разномъ положенiи рукъ во время молитвы, поклонахъ и обрядахъ омовенiя. Сунниты украшаютъ верхушки своихъ мечетей полумѣсяцемъ, а шииты, по большей части, дѣлаютъ руку, звѣзду или яблоко и почти никогда полумѣсяца. Шииты допускаютъ временныя женитьбы, на годъ, мѣсяцъ и недѣлю, лишь бы только былъ соблюденъ обрядъ настоящей женитьбы; сунниты отвергаютъ это съ негодованiемъ. Сунниты считаютъ шiитовъ отверженными Богомъ, обреченными истребленiю въ этой и вѣчному осужденiю въ будущей жизни.

Собственно закавказскiе сунниты болѣе знакомы съ догматами религiи чѣмъ шiиты; честность не чужда имъ, и они болѣе преданы русскому правительству по самому толкованiю ими корана. Въ книгѣ Магомета, между прочимъ, сказано: «*повинуйся Богу, пророку и царю*». Сунниты слово «повинуйся царю» объясняютъ такъ, что они должны повиноваться всякому государю, будетъ ли онъ христiанинъ, магометанинъ или другой какой вѣры, лишь бы только не нарушалъ шарiата потому, что въ толкованiи корана сказано: «*мусульманинъ, бѣги съ той стороны, гдѣ законъ твой будетъ преслѣдуемъ*».

Шiиты же, напротивъ, слово «*повинуйся царю*» объясняютъ иначе: они говорятъ, что въ этомъ случаѣ разумѣется царь магометанской вѣры, а не какой-либо другой, и что мусульмане могутъ безгрѣшно повиноваться только царю магометанскому.

Отличаясь наибольшимъ фанатизмомъ, шiиты отличаются и наибольшею испорченностiю нравовъ; грабежъ, разбой и обманъ, и въ особенности послѣднiй, считаются похвальными качествами.

Затрудненiе, съ которымъ шiиты допускаются въ Мекку и Медину, заставили ихъ прибѣгнуть къ предосудительному поступку, вкравшемуся въ ихъ характеръ. Шiиты говорятъ, что, въ случаѣ нужды, можно скрыть свою вѣру и притворно исполнять обряды другой. «Отъ этого клятва для нихъ ничего

не значитъ и, при слѣдствіяхъ, они всегда готовы присягнуть, согласно желанію слѣдователя или сильнѣйшей стороны».

Обѣ секты имѣютъ однакоже одно основаніе и нѣкоторыя общія правила религіи. Правила эти двухъ родовъ: *ваджинъ*—тѣ, которые каждый магометанинъ долженъ исполнять непремѣнно, и *сюннетъ*—правила, которыя можно и не исполнять. Ваджинъ одинаковъ для обѣихъ сектъ и состоитъ изъ пяти пунктовъ: *маарифитулла*—ученіе о познаніи Бога; *адалетулла*—вѣрованіе въ правосудіе Божіе; *небювветъ*—вѣрованіе въ пророчество; *меадъ*—въ воскресеніе, и *имамэтъ*—въ послѣдованіе двѣнадцати имамовъ или намѣстниковъ.

Кромѣ того, каждому мусульманину предписывается соблюденіе чистоты тѣлесной, отправленія установленныхъ молитвъ, раздача милостыни, соблюденіе постовъ и поклоненіе святому мѣсту въ Меккѣ.

Основаніемъ магометанской религіи служатъ слѣдующія слова корана-*нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ Бога.* Кто признаетъ только первую половину этого изреченія, тотъ не можетъ считаться истиннымъ мусульманиномъ.

Ученіе Магомета раздѣляется на вѣру собственно и на исполненіе обрядовъ вѣры, заключающихся въ отправленіи молитвъ или совершеніи *намаза* въ установленное для того время; въ отправленіи *джумы*, т. е. празднованіе пятницы, которую правовѣрные обязаны посвящать Богу и собираться въ этотъ день въ мечети; они обязаны соблюдать *рамазанъ*, или праздникъ поста, *эйди-азга*—праздникъ жертвъ, въ воспоминаніе жертвоприношенія Авраама; путешествіе въ Мекку на поклоненіе и, наконецъ, пожертвованіе духовныхъ податей: *зякатъ*, *хумсъ* и проч. Исполненіе этихъ обрядовъ признается одинаково необходимымъ какъ для суннитовъ, такъ и для шіитовъ. Точно также для обѣихъ сектъ необходимо исполненіе тѣхъ требованій корана, которыми воспрещается каждому предаваться азартной игрѣ, употреблять спиртные напитки, а въ пищу свинину, кровь вообще и мясо нечистыхъ животныхъ.

Для совершенія молитвъ назначено: утро до восхожденія солнца, полдень; вечеръ, при захожденіи солнца и, наконецъ, при наступленіи ночи. Предъ наступленіемъ времени для совершенія намаза, муэззины, съ минаретовъ или крышъ домовъ, обратившись лицемъ къ Меккѣ, приглашаютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ: у суннитовъ пять разъ, а у шіитовъ только три раза, и при томъ съ прибавленіемъ у послѣднихъ особой фразы, не употребляемой суннитами.

Омовеніе, въ глазахъ истиннаго мусульманина, играетъ весьма важную роль По ихъ понятію, прикосновеніе человѣка, не совершившаго законнаго омовенія, оскверняетъ физически и нравственно; молитва такого человѣка не можетъ быть услышана; посуда, изъ которой онъ пилъ, должна быть разбита, «какъ будто какая-нибудь собака ѣла изъ нея». На этомъ-то основаніи омовеніе передъ молитвою считается необходимымъ у мусульманъ.

Посты установлены примѣняясь къ образу жизни и припасамъ, которые легче получить въ извѣстное время года. Особенно строго соблюдается постъ, въ теченіе цѣлаго девятаго мѣсяца года—*рамазанъ*, когда ниспосланъ былъ Богомъ коранъ Магомету. Этотъ постъ состоитъ не только въ томъ, чтобы удерживаться отъ какой-либо пищи, дозволенной кораномъ въ другія времена года, но истинный мусульманинъ обязанъ не пить, не ѣсть, не курить, не нюхать и не имѣть сообщенія съ женщинами. Всѣ эти дѣйствія воспрещаются отъ утренней до вечерней зари, или, говоря словами корана, во весь промежутокъ времени, когда глазъ отличаетъ бѣлую нитку отъ чорной. Строгость этого поста доходитъ до того, что истинный мусульманинъ не глотаетъ слюны и проходя во время рамазана по улицѣ въ сильный вѣтеръ, зажимаетъ себѣ ротъ платкомъ, боясь, чтобы пыль не попала въ горло—иначе считаетъ постъ нарушеннымъ. Замужняя женщина или вдова, во время поста рамазана, не должна входить въ воду выше колѣнъ. Путешествующіе и больные не исключаются изъ общаго правила и обязаны соблюдать постъ. Въ случаѣ невозможности постить въ установленное время, они должны исполнить это по минованіи препятствія.

За дневную воздержанность во время поста, пророкъ дозволилъ своимъ послѣдователямъ съ избыткомъ вознаграждать свои желудки утромъ до восхожденія и вечеромъ послѣ захожденія солнца.

Духовная подать считается обязательною для каждаго мусульманина; она состоитъ изъ *зяката* и *хумса*. Въ зякатъ поступаютъ: десятая часть отъ произведеній земли, хлѣба, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ финиковъ и винограда; сороковая часть съ дорогихъ металловъ, остающихся безъ обращенія; особо опредѣленныя доли отъ всякаго рода скота, кромѣ рабочаго, и наконецъ, въ концѣ мѣсяца рамазана, взимается съ каждаго по десяти халваровъ хлѣба или, по разсчету, деньгами. Подать эта, называемая *фитре*, разсчитывается съ каждой души обоего пола, не исключая и прислуги. Зякатъ установленъ для раздачи нищимъ, на жалованье и вообще содержаніе сборщиковъ этихъ податей; для раздачи тѣмъ изъ невѣрныхъ, которые, покровительствуя магометанской религіи, воюютъ за нее; на выкупъ угнетаемаго невольника; людямъ обремененнымъ долгами, если долги сдѣланы на употребленія, непротивныя религіи; на общественныя нужды, устройство мечетей, мостовъ и проч., и, наконецъ, на содержаніе иностранцевъ, которые, прибывъ въ землю магометанскую, не имѣютъ средствъ къ содержанію.

Хумсъ у суннитовъ составляется только изъ пятой части добычи пріобрѣтенной на войнѣ, а у шіитовъ составляется изъ пятой части доходовъ, оставшихся отъ годовыхъ издержекъ. Относительно хумса шіиты, толкователи корана, постановили различныя правила: одни говорятъ, что хумсъ дается однажды въ жизни и пятая часть капитала съ одного лишь приращенія; другіе напротивъ того установили хумсъ съ лошадей, товаровъ и хлѣба, остающагося отъ годоваго употребленія.

Изъ какихъ бы источниковъ хумсъ ни былъ составленъ, онъ дѣлится на двѣ половины: одна отдается въ распоряженіе главнаго духовнаго лица для употребленія по его усмотрѣнію, а другая идетъ въ раздѣлъ между потомками Магомета, происходящими отъ Алія и дочери Магомета, Фатьмы. Потомки эти извѣстны въ мусульманскомъ мірѣ подъ различными именами: сеидовъ, гуссейновъ, мюсавовъ и проч.

Эти послѣднія лица пользуются особымъ уваженіемъ магометанъ и принадлежатъ, можно сказать, къ числу тунеядцевъ, которымъ, по происхожденію ихъ, предоставлены многія права. Сеиды по закону, не платятъ никакихъ податей, а, напротивъ того, пользуются половиною хумса; они не отбываютъ никакихъ повинностей, и если бы кому нибудь изъ верховныхъ владѣтелей вздумалось обложить ихъ податью, то правовѣрные обязаны платить за нихъ. Каждый мусульманинъ, увидѣвшій сеида въ нищетѣ, обязанъ взять къ себѣ въ домъ и считать за своего господина. Отличительною особенностью сеида составляетъ чалма зеленаго цвѣта, какую прочіе мусульмане не могутъ носить, потому что зеленый цвѣтъ составлялъ принадлежность въ одеждѣ Магомета.

Населеніе закавказскихъ мусульманскихъ провинцій, въ прежнее время, съ появленіемъ магометанства, принадлежало къ ученію Омара, но впослѣдствіи, когда персидскій шахъ Исманлъ Софи въ XVI столѣтіи овладѣлъ Ганжею, Карабагомъ, южною частію Шеки, Ширваномъ, Баку и Дербентомъ, то сталъ распространять въ этихъ провинціяхъ ученіе Алія. Въ сѣверной части Шеки, Ширванѣ, а также во всемъ Дагестанѣ долгое время остались исключительно послѣдователи Омара, но съ теченіемъ времени послѣдователи обѣихъ сектъ, переселяясь по разнымъ случаямъ изъ одного ханства въ другое, перемѣшались между собою, такъ что въ одномъ и томъ же ханствѣ есть послѣдователи того и другаго ученія.

Антагонизмъ и взаимная ненависть, существовавшая между обоими сектами, усиливалась еще и отъ тѣхъ гоненій, которымъ подвергалась слабѣйшая секта отъ господствующей. Гоненіе это не простиралось однако же до воспрещенія молиться, и какъ сунниты, такъ и шіиты имѣли свое духовенство и свои собственныя и отдѣльныя мечети. Послѣднія строились или самими прихожанами, или на счетъ зяката. Многія лица жертвовали на постройку мечетей свои движимыя и недвижимыя имѣнія. Въ селеніяхъ мечети рѣдко отличались своею постройкою отъ обыкновенныхъ домовъ жителей и лишь только богатыя имѣли минареты. Въ селеніяхъ незначительныхъ часто не было во все мечетей и правовѣрные собирались въ домъ, гдѣ мулла отправлялъ богослуженіе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ молились и на открытомъ воздухѣ; послѣднее допускается и уставами магометанской религіи.

Между многими религіозными обрядами магометанъ особенно замѣчателенъ праздникъ *Курбанъ-байрамъ*, въ день котораго каждый истинный мусульманинъ долженъ раздавать милостыню нищимъ и угощать своихъ сосѣдей. Рас-

ходы на это должны быть сдѣланы изъ правильно и честно нажитыхъ денегъ, иначе милостыня и угощеніе ближнихь не будутъ считаться угодными Богу. Для соблюденію этого правила въ день праздника многіе суевѣрные мусульмане бѣгаютъ съ деньгами и признаются, «что онѣ неправильно пріобрѣтены; просятъ промѣнять неправильный ихъ прибытокъ на честный и даютъ десять неправильныхъ, называемыхъ *голамъ* (запрещенныхъ), за пять правильныхъ, именуемыхъ *гелалъ* (позволительныхъ) (¹).»

Шіиты, сверхъ праздниковъ общихъ всѣмъ мусульманамъ, празднуютъ *Наврузъ-бейрамъ*— открытіе весны въ началѣ марта, когда солнце вступитъ въ знакъ Овна, и первыя десять дней мѣсяца Мухаррема посвѣщаютъ оплакиванію Гуссейна, сына Али.

Наступленіе Навруза возвѣщается обыкновенно во всѣхъ концахъ города или селенія ракетами или выстрѣлами. Мальчики и взрослые молодые люди, собираясь на главныхъ улицахъ, приносятъ огнестрѣльное оружіе. Вмѣстѣ со стрѣльбою открывается взаимное угощеніе конфектами, приготовляемыми изъ плодовъ, муки, сахару и коровьяго масла.

Праздникъ же, установленный въ память имама Гуссейна, совершается съ особымъ торжествомъ во многихъ мѣстахъ Закавказья: въ Шушѣ, Шемахѣ, Кубѣ, Эривани, Дербентѣ, словомъ тамъ, гдѣ господствующее населеніе составляютъ шіиты.

Закавказскіе шіиты отличаются даже большимъ фанатизмомъ при исполненіи этого религіознаго праздника, чѣмъ персіяне. Этотъ фанатизмъ придаетъ имъ большой вѣсъ среди заграничныхъ ихъ собратій, и многіе персіяне спѣшатъ въ Закавказье чтобы провести тамъ важнѣйшій свой праздникъ —обрядъ оплакиванія имама Гуссейна или, какъ говоритъ народъ, Шахъ–Гуссейна, считающагося основателемъ шіитской секты.

Въ продолженіе всего праздника ни одинъ правовѣрный не вступаетъ въ супружество, а проводитъ время въ слезахъ, потому что, по сказанію народа, одна капля слезъ пролитая въ это время, смываетъ пятно грѣховное величиною съ гору Синай. Въ этотъ праздникъ творить милостыню есть непремѣнная обязанность каждаго послѣдователя шіитской секты.

Преданіе говоритъ что Гуссейнъ родился въ четвертомъ году Хиджры отъ Алія и Фатьмы, дочери Магомета, послѣ шестимѣсячной ея беременности.

Такое раннее рожденіе его персіяне провозгласили чудомъ и объяснили тѣмъ, что Гуссейнъ, своимъ появленіемъ на свѣтъ, долженъ былъ предупредить всѣхъ дѣтей, долженствовавшихъ родиться въ одинъ день съ нимъ.

Татары разсказываютъ, что будто бы, когда родился внукъ Магомета, Гассанъ, то Моавія, владѣлецъ Дамаска, пришелъ съ женою поздравить Магомета.

(¹) Обозрѣніе Россійс. влад. за Кавказомъ, ч. III. Рамазанъ Лейлятъ-Уль-Кадръ Имамъ Али. Кавказъ 1860 г. № 35. Нѣсколько свѣдѣній о религіозныхъ обычаяхъ мусульманъ шіитовъ и причинахъ различія ихъ съ сунитами: М. Мансурова Кавк. 1860 г. № 23.

— Я очень радъ, отвѣчалъ пророкъ, что дочь моя родила сына; у ней и еще родится сынъ, и у тебя, Моавія, будетъ также сынъ, который истребитъ весь мой родъ.

— Лучше я нынѣ же сдѣлаю себя евнухомъ, отвѣчалъ на эти слова Моавія, нежели соглашусь имѣть такого сына.

— Нѣтъ, отвѣчалъ пророкъ, Богу угодно избрать твоего сына убійцею моихъ дѣтей, и да будетъ его воля.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жена Моавія родила сына Іезида, а у Фатьмы послѣ того родился имамъ Гуссейнъ (1).

Когда скончался Магометъ, Гуссейну было восемь лѣтъ, а когда умеръ отецъ его Али, тогда онъ имѣлъ 37 лѣтъ отъ роду. Халифъ Сиріи и Дамаска, Іезидъ, сынъ Моавіи, объявилъ себя противникомъ Магомета, и, видя въ Гуссейнѣ соперника на халифство сталъ преслѣдовать его, заставилъ бѣжать въ Мекку, гдѣ тотъ и поселился. Спустя нѣкоторое время, жители города Куфы пригласили къ себѣ Гуссейна, обѣщая сдѣлать его своимъ халифомъ. Съ 72 спутниками, состоявшими изъ дѣтей и родственниковъ, Гуссейнъ отправился тайно въ Куфу, но, при деревнѣ Кербелаэ, былъ окруженъ 4,000-нымъ войскомъ Іезида, узнавшаго о его переселеніи.

Отрѣзанные войсками Іезида отъ Ефрата, Гуссейнъ и всѣ его спутники страдали жаждою. Имамъ послалъ къ рѣкѣ брата своего съ тридцатью всадниками, который долженъ былъ брать воду съ бою. Вступивъ въ переговоры съ непріятелемъ, Гуссейнъ просилъ позволенія ѣхать въ Дамаскъ къ Іезиду, для личныхъ съ нимъ переговоровъ, или возвратиться въ Аравію, или удалиться за предѣлы Хоросана. Въ отвѣтъ на это отъ него требовали присяги Іезиду, но Гуссейнъ отказался исполнить это требованіе. Тогда губернаторъ Куфы предписалъ Омару, начальнику отряда окружившаго Гуссейна и его семейство, если Гуссейнъ не покорится Іезиду, убить его и истоптать копытами лошадей своихъ. Омаръ объявилъ имаму рѣшеніе губернатора и далъ ему отсрочку до утра обдумать свое положеніе.

Гуссейнъ рѣшился умереть. Задумчивый, онъ долго сидѣлъ у входа въ свою палатку. Облокотившись на мечъ, онъ предался размышленіямъ о предстоящемъ днѣ, долженствующемъ рѣшить его судьбу. Въ такомъ настроеніи онъ обратился къ своимъ друзьямъ и приверженцамъ.

— Вы знаете, говорилъ онъ имъ, что войско непріятельское окружаетъ насъ съ тѣмъ, чтобы предать меня смерти, и что имъ нужна только моя жизнь. Зачѣмъ вамъ медлить здѣсь и дожидаться гибели? Разойдитесь и предоставьте меня моей судьбѣ.

— Боже сохрани, отвѣчалъ Аль-Аббасъ, чтобы мы пережили тебя, и всѣ повторили въ одинъ голосъ эти слова.

Тогда начались приготовленія къ сопротивленію. Гуссейнъ и его спутники

(1) Мусульманскій праздникъ Могаррамъ. Кавк. 1852 г. № 69.

поставили палатки въ два ряда и переплели веревки прикрѣплявшія ихъ такъ, что обѣ стороны лагеря образовали преграды, трудно доступныя для кавалеріи. Позади палатокъ вырыли глубокій ровъ и наполнили дровами, чтобы, въ случаѣ атаки этого пункта, противупоставить непріятелю огненный оплотъ. Словомъ, старались сдѣлать свою позицію доступною только съ фронта.

Приготовленія эти не спасли однако же Гуссейна. Проведя остальную ночь въ молитвѣ Гуссейнъ и его спутники на утро увидѣли передъ собою непріятеля стремительно ихъ атаковавшаго. Жестокій и продолжительный бой былъ прерванъ на время обѣими сторонами по необходимости совершить намазъ. Тогда-то имамъ Гуссейнъ прочелъ ту молитву, которую его послѣдователи шиты читаютъ въ случаѣ крайней опасности.

По окончаніи намаза битва закипѣла съ бо́льшимъ еще ожесточеніемъ. Непріятель подошолъ почти къ самымъ палаткамъ и сподвижники Гуссейна падали одинъ за другимъ, поражаемые непріятельскими стрѣлами. На рукахъ Гуссейна были пронзены стрѣлами сначала его сынъ, а потомъ племянникъ; онъ видѣлъ какъ убита была сестра его и, наконецъ, пораженный стрѣлами въ затылокъ и грудь, самъ имамъ палъ на мѣстѣ сраженія. Гуссейну отрубили сначала лѣвую руку и сорвали съ него платье. На тѣлѣ имама оказалось 30 ранъ и 34 синихъ пятна отъ ударовъ. За тѣмъ въ глазахъ семейства ему отрубили голову и отправили ее какъ кровавый трофей къ губернатору въ Куфу (¹).

Таковы подробности преданія, къ которому шииты прибавляютъ еще, что когда Гуссейнъ былъ обезглавленъ, то два голубя спустившись на землю отгоняли насѣкомыхъ и непозволяли имъ дотрогиваться до крови имама обагрившей землю. По разсказу тѣхъ же мусульманъ, голова Гуссейна послѣ долгихъ странствованій похоронена въ Каирѣ въ мечетѣ *Мамеха-Гуссейнъ* т. е. гробница Гуссейна. По сказанію другихъ она похоронена въ Кербелаэ.

Избіеніе Гуссейна и его семейства произошло въ десятый день Мухаррема 63 г. хиджры (680 г. по Р. Х.).

Семейство Гуссейна было представлено Іезиду, который даровалъ имъ жизнь только по ходатайству какого-то случившагося тутъ франкгистанскаго посланника.

Свидѣтельство исторіи смѣшанной съ преданіями и служитъ основаніемъ при отправленіи обряда оплакиванія (²).

Преданія о гибели Гуссейна въ различныхъ мѣстахъ закавказья видоизмѣ-

---

(¹) Имамы Хасанъ и Хусейнъ, сыновья Али. Царствованіе Халифовъ Моавіи и сына его Езида Севрюгина. Кавк. 1861 г. № 19.

(²) Имамы Хасанъ и Хусейнъ сыновья Али. Царствованіе Халифовъ Моавіи и сына его Езида. Севрюгина. Кавк. 1861 г. № 19. Нѣсколько свѣдѣній о религіозныхъ обычаяхъ мусульманъ шіитовъ и причинахъ различія ихъ съ сунитами. М. Мансурова. Кавказъ 1860 г. № 23.

няются въ подробностяхъ, и въ Шемахѣ или Дербентѣ разскажутъ вамъ не то что, напримѣръ, въ Шушѣ. Такъ, карабагскіе татары разсказываютъ, что Гуссейнъ, имѣвшій много послѣдователей, былъ тайно приглашенъ для проповѣди въ калифатъ Багдадскій, куда и отправился онъ со всѣмъ своимъ семействомъ и имуществомъ въ пустыню. Они говорятъ, что, будучи окруженъ войсками Іезида и видя себя въ опасности, Гуссейнъ успѣлъ извѣстить о своемъ отчаянномъ положеніи преданные ему народы, а чтобы выиграть время и дождаться ихъ прибытія, онъ предложилъ главнокомандующему Іезидовыми войсками рѣшить участь сраженія единоборствомъ, на которое должны были выступить по очереди сынъ и племянники Гуссейна. «Сынъ Гуссейна, Аббасъ, вызванъ былъ на поединокъ въ ту минуту, когда онъ ѣхалъ съ подарками къ своей невѣстѣ, и былъ убитъ. За нимъ пали племянники Гуссейна, потомъ самъ Гуссейнъ, неожиданно пораженный кинжаломъ во время молитвы, и наконецъ все остальное семейство».

Подобные разсказы о судьбѣ основателя шіитской секты служатъ содержаніемъ для мистерій, разыгрываемыхъ въ первые десять дней мѣсяца мухаррема.

Не касаясь исключительно ни одной мѣстности или города, гдѣ совершается этотъ обрядъ, мы постараемся изобразить общую картину дѣятельности въ эти дни мусульманъ-шіитовъ.

За нѣсколько дней до наступленія праздника все населеніе деревни, мѣстечка или города, по ночамъ, приходитъ въ движеніе. На площадяхъ и перекресткахъ главныхъ улицъ устраиваются троны, украшаемые коврами, мишурою, сахарными головами на полкахъ, расположенныхъ амфитеатромъ, зеркалами, блюдечками, торелками, покрытыми шалями, и увѣнчиваемые изображеніемъ руки приготовляемой изъ жести (¹). Балконы домовъ украшаются изящно драпированными кіосками, гдѣ хозяева ихъ угощаютъ прохожихъ шербетомъ. Въ городахъ, около четырехъ часовъ пополудни, запираются всѣ лавки, мастерскія и жители спѣшатъ или къ мечетямъ, или къ караванъ-сараямъ, убраннымъ на этотъ разъ богатыми шалями и коврами, гдѣ и происходитъ представленіе.

Внутренность караванъ-сараевъ, построенныхъ обыкновенно четыреугольникомъ, съ лавками выходящими во дворъ, представляетъ всѣ удобства для подобнаго представленія. Посреди внутренняго двора каждаго караванъ-сарая почти всегда существуетъ бассейнъ, который на время праздника закрывается досками и служитъ готовыми подмостками для сцены. Два или три этажа лавокъ, опоясанныхъ открытыми галлереями, представляютъ собою готовыя ложи для помѣщенія зрителей.

Религіозная церемонія открывается, обыкновенно, пожертвованіями. Нѣсколько муллъ входятъ на возвышеніе, устроенное надъ бассейномъ, и собираютъ деньги, передаваемыя присутствующими на праздникѣ, одинъ черезъ

(¹) Путевыя записки Н. Истомина. Кавк. 1861 г. № 41.

другаго, въ родѣ того, какъ, при тѣснотѣ, передаются у насъ въ церкви свѣчи. Одинъ изъ муллъ, принимая деньги, считаетъ ихъ и громко произноситъ: *столько-то и за здравіе такого-то*, а другой читаетъ молитву и затѣмъ произноситъ слово *аминь*! повторяемое всѣми присутствующими.

По окончаніи приношеній и молебствія, на сцену появляется Гуссейнъ, въ сопровожденіи своего семейства и главнокомандующаго Іезидовыми войсками. Изображающіе этихъ лицъ актеры декламируютъ и поютъ пѣсни, соотвѣтствующія этому случаю. «Даже и на посторонняго зрителя, говоритъ очевидецъ, совершенно незнакомаго съ языкомъ, содержаніе мистеріи, ея унылые напѣвы и восторженная декламація производили грустное впечатлѣніе. Что же касается до шіитовъ, то чѣмъ дальше шло представленіе, тѣмъ сильнѣе они рыдали, а когда сестра Гуссейна стала передъ нимъ на колѣна, умоляя принять кровную жертву ея сыновей и допустить ихъ къ единоборству, стенаніе народа огласило весь театръ.»

Съ окончаніемъ подобной мистеріи и въ ожиданіи вечера всѣ присутствующіе расходятся по домамъ.

Съ наступленіемъ вечера троны освѣщаются люстрами, уставленными свѣчами стеориновыми или сальными, смотря по богатству жителей квартала, на счетъ которыхъ воздвигнутъ самый тронъ. Площади, гдѣ стоятъ троны, также освѣщаются мангалами, а иногда и кострами. Между тѣмъ, въ разныхъ мѣстахъ, преимущественно близъ мечетей, около десяти часовъ вечера, по барабанному бою или другому сигналу, собирается кучками молодежь около выставленнаго значка: она изображаетъ собою тѣ толпы народа, которыя спѣшили на выручку Гуссейна.

Зарево пылающихъ факеловъ, сосредоточенныхъ группами въ десяти или одиннадцати мѣстахъ, стукъ барабановъ, трескъ ракетъ, голоса молельщиковъ, безпрерывные выстрѣлы и говоръ снующей по разнымъ направленіямъ толпы, все сливается въ одинъ общій гулъ и стонъ, стоящій въ воздухѣ. Группы факеловъ означаютъ мѣста, гдѣ происходятъ пляски въ память Гуссейна.

Собравшаяся у мечети группа открываетъ свое шествіе. Окруженные факелами и подъ звуки музыки, съ разныхъ сторонъ и непрерывною цѣпью тянутся отъ 50 до 100 человѣкъ правовѣрныхъ, лѣвою рукою придерживающихъ другъ друга за поясъ, а въ правой, приподнятой вверхъ, держащихъ длинный загнутый къ верху посохъ, обнаженный кинжалъ, пистолетъ или шашку, которыми и размахиваютъ въ воздухѣ. Мѣрными прыжками, шагъ впередъ и шагъ назадъ, въ два такта, совершается это движеніе, при чемъ съ каждымъ прыжкомъ поворачиваютъ голову то на право, то на лѣво. Литаврщики и барабанщики сопровождаютъ партіи; крайніе въ цѣпи несутъ *мушалы*—родъ сквозныхъ желѣзныхъ фонарей, надѣтыхъ на длинныя жерди и заключающихъ въ себѣ разное тряпье, пропитанное нефтью; мушалы горятъ ярко, но распространяютъ ужасный запахъ.

Въ срединѣ партіи, кромѣ двухъ тулумбасистовъ, мечется какъ полуумный

изъ стороны въ сторону шiитъ, съ надѣтою на головѣ четырехъ-гранною призмою.

Призма эта, составленная изъ нѣсколькихъ зеркалъ и оканчивающаяся сверху пирамидой, увѣшана яркихъ цвѣтовъ шелковыми платками и шалями, но значенiе ея въ этой церемонiи неизвѣстно. Тулумбасисты учащаютъ удары въ турецкiе барабаны и всѣ, подъ тактъ ихъ и мѣдныхъ тарелокъ, учащаютъ подпрыгиванiе. Толпа постепенно разгорячается и приходитъ въ изступленiе.

— Шахъ Гуссейнъ, вай Гассанъ! кричатъ одни.

— Ага имамъ, ага имамъ! произносятъ другiе.

— Али джапъ, Али джапъ! кричатъ третьи.

Между рядами прыгающихъ снуютъ мальчики, взрослые и старики, бьющiе себя въ грудь немилосердно. Три-четыре человѣка, одѣтые арлекинами, своими комичными движенiями потѣшаютъ публику, а музыканты неистово колотятъ въ турецкiе барабаны, мѣдныя тарелки и другiе инструменты туземной музыки.

Каждая изъ такихъ партiй должна обойти весь городъ или селенiе и побывать непремѣнно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ почетныя лица. Если случится, что одна партiя встрѣтится съ другою, то движенiя въ обоихъ учащаются, прыжки увеличиваются, всѣ потрясаютъ своимъ оружiемъ и еще болѣе воспламеняются.

— Сейдаръ-гейдаръ (государь идетъ)! кричитъ толпа, какъ бы готовая на защиту своего имама.

Пляшущiе впадаютъ въ страшную экзальтацiю и увлекаются до того, что не сознаютъ своего положенiя и не чувствуютъ своей усталости; потъ течетъ съ нихъ градомъ, они захлебываются и самое дыханiе ихъ превращается въ свистъ и шипѣнiе.

«Кромѣ того, говоритъ очевидецъ, они отдаютъ другъ другу честь; этотъ салютъ выражается умѣньемъ ловко, не прерывая цѣпи, свернуться въ кругъ и пропустить впередъ гостей или партiю другаго околодка. Всѣ партiи посѣщаютъ непремѣнно тѣ дома, гдѣ въ теченiе года былъ покойникъ. Домъ, которому сдѣлана эта честь, высылаетъ, по состоянiю, деньги и сахаръ».

Среди самаго разгара бѣснованiя раздается гдѣ-нибудь голосъ муллы, остававшагося до сихъ поръ празднымъ зрителемъ людскаго увлеченiя. Сохраняя до времени глубокое молчанiе, мулла держитъ въ рукахъ большое черное знамя съ жестанымъ наконечникомъ, изображающимъ кисть руки—то изображенiе руки, отрубленной у Гуссейна. Съ первымъ воззванiемъ и звуками его пѣсни, все смолкаетъ и всѣ останавливаются какъ вкопанные. Заунывная священная пѣснь муллы одна лишь оглашаетъ тихiй ночной воздухъ. Послѣднiя слова муллы вся толпа повторяетъ въ одинъ голосъ и снова принимается за бѣснованiе.

—Вай Гуссейнъ! Шахъ Гуссейнъ! слышатся повсюду возгласы, отъ частаго и скораго повторенiя сливаемые въ два слова: Вахсей! Шахсей!

*

Безъ рубахъ, въ однихъ шароварахъ, съ открытыми бритыми головами, украшенными клочками волосъ на вискахъ, шіиты доходятъ здѣсь до такой степени самозабвенія и фанатизма, что бьютъ себя изо всей силы кулаками въ грудь, палками, а иногда и кинжалами по головѣ. Дикое выраженіе лицъ, освѣщаемыхъ довольно яркимъ свѣтомъ мангаловъ и факеловъ, представляетъ поражающее дѣйствіе для глаза непривычнаго къ такимъ картинамъ (¹).

Дня за два до окончанія праздника, устраивается нѣсколько гробовъ въ воспоминаніе убіенія Гуссейна, брата его Гассана и дѣтей. Въ день смерти Гуссейна, гробы эти убираютъ, самымъ затѣйливымъ образомъ, дорогими шалями, парчами, золотомъ и даже зеркалами, и носятъ ихъ по улицамъ съ приличнымъ торжествомъ и пѣніемъ. По краямъ гроба становится по одному пѣвцу, которые поютъ стихи изъ корана, и заунывная пѣснь ихъ, какъ далекое эхо, жалобно носится въ бѣснующейся толпѣ (²).

Въ Кубѣ и Шушѣ это исполняется нѣсколько иначе. Въ Кубѣ, посреди улицы, во главѣ каждой партіи, старики и пожилые шіиты, рыдая, несутъ на своихъ плечахъ и головахъ носилки, на которыхъ положена одежда Алія, а возлѣ нея посаженъ живой воронъ, изображающій собою того ворона, который, по преданію, слетѣлъ на остатки Алія, но не дотронулся до нихъ. За носилками несутъ тяжеловѣсный и большихъ размѣровъ *тахъ-таравань* — крытыя носилки. Онъ раззолоченъ и украшенъ разноцвѣтною фольгою, парчею, бархатомъ, мишурою, зеркалами и унизанъ червонцами, которыхъ иногда бываетъ на паланкинѣ тысячи на четыре. Въ *тахъ-таравань* сидитъ дѣвочка въ одномъ отдѣленіи, и два мальчика въ другомъ. Дѣвочка, рыдая, рветъ на себѣ волосы, а мальчики, въ чалмѣ и плащѣ, какой носятъ муллы, читаютъ коранъ. Передъ паланкиномъ идетъ толпа, повторяющая слова одного грамотѣя, читающаго какой-то исписанный лоскутъ бумаги, а позади его молодой шіитъ ведетъ подъ уздцы богато убраннаго коня, на которомъ лежитъ кто-то, не шевелясь, въ продолженіе всей церемоніи. Лежащій изображаетъ собою одного изъ убитыхъ родственниковъ Гуссейна. Ноги его въ стременахъ богатаго азіятскаго сѣдла, а самъ онъ лежитъ на лошади, ухватившись за гриву; на немъ надѣта хорошая черная чуха, за поясомъ пара пистолетовъ съ серебряною отдѣлкою, а съ боку шашка.

Такое шествіе направляется къ сосѣднему обществу, и потомъ, обойдя нѣсколько магаловъ, возвращается на свое мѣсто. Вечеромъ по городу опять носятся паланкины, но уже не блестящіе, а траурные, и сопровождающіе ихъ правовѣрные не истязаютъ себя, а слѣдуютъ за ними со свѣчами и поютъ стихи изъ корана (³).

Въ Шушѣ носятъ нѣсколько *тахъ-тараванов*. Обыкновенно за перед-

---

(¹) Путевыя замѣтки Н. Истомина. Кавк. 1861 г. № 41.
(²) Имамъ Гуссейнъ, И. Евлахова. Кавк. 1857 г. № 74.
(³) Путевыя замѣтки Н. Истомина. Кавк. 1861 г. № 42.

нимъ, бѣлаго цвѣта, ведутъ бѣлую лошадь, а за нею несутъ зеленый тахъ-тараванъ, въ которомъ сидитъ женщина надъ тѣломъ убитаго имама Гуссейна; она рыдаетъ и рветъ на себѣ волосы. За зеленымъ тахъ-тараваномъ несутъ на носилкахъ льва, котораго изображаетъ мальчикъ, одѣтый въ телячью шкуру. Онъ все время стонетъ, стоя на колѣняхъ и безпрестанно отбивая поклоны. Левъ—олицетвореніе того преданія, по которому звѣрь этотъ, бросившійся на тѣло Алія, отступилъ, началъ плакать и молиться. Въ 1864 году, въ Шушу была привезена, на праздникъ изъ Персіи, настоящая львица, которая, участвуя въ процессіи безъ цѣпей, сохранила спокойствіе, соотвѣтствующее торжеству, и тѣмъ дала поводъ мулламъ толковать правовѣрнымъ, что причиною тому святость изображенія одеждъ пророка. Передъ львомъ иногда лежитъ сабля имама Гуссейна, а на ней сидитъ пара голубей, защищавшихъ его кровь отъ насѣкомыхъ. За львомъ слѣдуетъ гробница Гуссейна, убранная червонцами, парчей и шалями. Потомъ несутъ тѣло сына Гуссейна; подарки его невѣстѣ на блестящихъ подносахъ; въ тахъ-тараванѣ несутъ группу дѣвицъ, посланныхъ на встрѣчу молодой женѣ сына Гуссейна. Дѣвушки поютъ молитвы и рвутъ на себѣ волосы.

Въ нѣкоторыхъ городахъ подобная процессія бываетъ очень длинна, и участвующіе въ ней олицетворяютъ различныхъ историческихъ личностей. Такъ, часто за дѣвушками ѣдетъ главнокомандующій Іезидовыхъ войскъ, одѣтый въ красную чуху, съ сѣдою подвязанною бородою, въ стальномъ шлемѣ съ забраломъ. Позади его служитель ведетъ двухъ плѣнныхъ, привязанныхъ за шею веревкою—это два родственника Гуссейна. Далѣе ѣдетъ въ арбѣ Іезидъ и посланникъ, одѣтый въ обыкновенное татарское платье, но съ круглою шляпою, сшитою изъ ситца; его волосы заплетены въ мелкія косы и распущены по лицу.

Передъ Іезидомъ и поланникомъ стоитъ блюдо съ пловомъ. За Іезидомъ арба везетъ висѣлицу, ѣдутъ верхами жены, дѣти и служители имама, и наконецъ верблюды, которые везутъ имущество Гуссейна (¹).

Шествіе замыкаютъ горнисты, барабанщики, а иногда и полный хоръ военной музыки, наигрывающій то сигналы, то тревогу, то похоронный маршъ.

Смотря на эту процессію, каждый шіитъ еще больше увлекается и доходитъ до самоистязанія. Женщины также принимаютъ участіе въ процессіи и, слѣдуя по обѣимъ сторонамъ ея, ударяютъ себя въ обнаженную грудь, царапаютъ лицо, рвутъ свои волосы, и въ самоистязаніи рѣдко уступаютъ мужчинамъ. Послѣдніе, обнаженные до пояса, рубятъ себя кинжаломъ или шашкою по тѣлу и головѣ. Кровь струится по лицу, а на головѣ ихъ въ живыя раны бываютъ воткнуты стрѣлы изъ тонкаго, заостреннаго камыша. Еще болѣе ужасное зрѣлище готовится впереди. «Двѣ тысячи человѣкъ, говоритъ очевидецъ, съ бритыми и изранеными головами, въ бѣлыхъ длинныхъ саванахъ,

(¹) Мусульманскій праздникъ могарремъ. Кавк. 1852 г. № 69.

густо запятнанныхъ, или скорѣе залитыхъ кровью, проходили мимо насъ въ двѣ линіи, обращенныя лицомъ къ лицу. Взявшись лѣвою рукою за поясъ сосѣда, въ правой держа обнаженную шашку, они подпрыгивали съ ноги на ногу, какъ въ ночныхъ пляскахъ, но тише и плавнѣе, при крикахъ: Шахсей! Вахсей!

«Блестящія шашки часто съ размаха опускались на головы, и кровь лилась струями, заливая бѣлый новый коленкоръ. Многіе, не пройдя и половины пути, изнемогали, но позади ихъ шли туземные доктора, которые клали имъ въ ротъ ледъ, а иныхъ сажали на лошадей и довозили до мѣста. Если доктора замѣтятъ, что кто-нибудь уже черезъ-чуръ порѣзался, то къ ранамъ прикладываютъ свѣжій навозъ—весьма полезное и сподручное лекарство, потомъ крѣпко стягиваютъ голову платкомъ».

Эти добровольные мученики спѣшатъ на городскую площадь или за-городъ, чтобы принять участіе въ послѣднемъ дѣйствіи мистеріи.

На обширной равнинѣ или площади, усыпанной зрителями, стоитъ возвышеніе въ родѣ ложи; въ ней сидитъ актеръ, принявшій на себя вполнѣ неблагодарную роль—осуществлять въ лицѣ своемъ Іезида. Одѣтый въ зеленой чалмѣ и курткѣ краснаго цвѣта и окруженный свитою, онъ ожидаетъ извѣстій о Гуссейнѣ. Противъ грознаго халифа, посреди площади, сидятъ полунагія и окровавленныя лица, фанатически вѣрующія въ святость этого обряда.

«На сихъ лицахъ, пишетъ очевидецъ, рукахъ, колѣнахъ, виднѣлись струи крови, запекшейся отъ раскаленныхъ лучей солнца. У однихъ изъ добровольныхъ мучениковъ, по обѣимъ сторонамъ шеи прикрѣплены были по три или четыре кинжала, воткнутыхъ остріями въ кожу около грудей, оттянутыхъ отъ своихъ мѣстъ; у другихъ висѣли замки отъ локтей до плечъ, продѣтые въ тѣло; третьи страшно бичевали себя желѣзными цѣпями и наводили ужасъ... И что же? на изсохшихъ блѣдныхъ лицахъ изувѣровъ, трудно было уловить выносимое ими мученіе. И дѣти, и старики равно выдерживали эти пытки съ варварскимъ хладнокровіемъ.

«Я уже не говорю о цѣлыхъ рядахъ шіитовъ, сидѣвшихъ чинно, поджавъ ноги, вокругъ площади, съ надрѣзанными лбами, носами и щеками, изъ которыхъ просачивалась кровь, вытираемая ими кусками бѣлаго коленкора. Раны ихъ казались легкими царапинами, въ сравненіи съ сидѣвшими посреди площади; истязанія послѣднихъ превосходили, кажется, человѣческія силы».

«Видъ всѣхъ этихъ истязаній, пишетъ женщина, присутствовавшая на праздникѣ, поразилъ меня; я выразила мой ужасъ бывшему со мною беку, но онъ увѣрялъ меня, что отъ этого не умираютъ, и указалъ на одного старика, бывшаго въ группѣ фанатиковъ, который уже третій разъ, по обѣщанію, исполнялъ свою роль. Тутъ же находился мальчикъ лѣтъ четырнадцати, который самоистязался по обѣту матери; эта женщина, по временамъ, подходила къ нему, поправляла кинжалы, всаживала ихъ глубже въ тѣло, а изъ-подъ кинжаловъ брызгала при этомъ струя крови».

Таковъ бываетъ видъ площади и правовѣрныхъ, собравшихся на обрядъ оплакиванія. Не смотря на огромное стеченіе народа, тишина ничѣмъ не нарушается; всѣ присутствующіе ожидаютъ начала мистеріи.

Въ это время на площадь, представляющую на этотъ разъ пустыню, въѣзжаетъ на бѣломъ конѣ самъ Гуссейнъ. Онъ въ чалмѣ, одѣтъ въ бѣлый балахонъ и весьма печаленъ. За нимъ слѣдуетъ братъ его Гассанъ, а тамъ дальше, позади, его жены, дѣти, родственники и все имущество, нагруженное на верблюдовъ. Съ первымъ появленіемъ Гуссейна, толпа волнуется; глухой шумъ пробѣгаетъ по полю; всѣ слѣдятъ за движеніями Гуссейна: еще одна минута—и всѣ готовы броситься къ нему на встрѣчу, пасть передъ нимъ и путь его омочить своими слезами. Но дѣло въ томъ, что Гуссейнъ находится въ пустынѣ; онъ тамъ одинъ со своею семьею, изнемогающею отъ жажды и, вспоминая это, толпа дѣлается еще тише. По всей окрестности громко раздаются слова Гуссейна, прославляющаго пророка, завѣщавшаго ему умереть въ пустынѣ. Его растерзанной душѣ нѣтъ отвѣта, его окружаетъ пустыня и четыре тысячи воиновъ Іезида.

Проходитъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи. Гуссейнъ подъѣзжаетъ къ одному изъ окрестныхъ поселянъ, какъ будто нечаянно встрѣтившемуся съ имамомъ.

— Какъ называется земля, спрашивается Гуссейнъ у крестьянина, на которой я теперь нахожусь?

Крестьянинъ называетъ ее тремя именами: *Арзитафъ*, *Нейнава* и *Тештъ-Маръ*. Не довольствуясь этимъ отвѣтомъ, Гуссейнъ умоляетъ поселянина сказать настоящее, дѣйствительное ея названіе.

— Кербелаэ, говоритъ тогда поселянинъ.

— Кербелаэ! восклицаетъ со слезами Гуссейнъ; и видитъ въ этомъ исполненіе предсказанія—свой смертный приговоръ.

— Да, ты говоришь правду, продолжаетъ Гуссейнъ, земля эта наывается Кербелаэ—это мѣсто предназначено мнѣ пророкомъ; здѣсь должна пролиться моя кровь!

При этихъ восклицаніяхъ Гуссейна, воздухъ оглашается стономъ правовѣрныхъ мусульманъ.

— Шахъ Гуссейнъ! Вай Гуссейнъ! слышны отовсюду возгласы народа, возгласы, сливающіеся съ печальною пѣснью Гуссейна.

Послѣдній находится въ самомъ критическомъ положеніи: семейство имама обступаетъ брата его и проситъ воды, чтобы утолить жажду; въ пустынѣ нѣтъ воды и всѣ знаютъ, что они окружены многочисленнымъ непріятелемъ. Видя вопли дѣтей, Гассанъ вырывается онъ нихъ и клянется, что или принесетъ воду, или не возвратится къ нимъ. Гассанъ скачетъ по степи, вдали видитъ уже воду, но натыкается на воиновъ Іезида. Онъ умоляетъ ихъ дать воды, чтобы утолить жажду маленькихъ дѣтей.

— Если вся вселенная превратится въ воду, отвѣчаютъ ему, то и тогда не дадимъ тебѣ капли ея.

Гассанъ вступаетъ въ неравный бой и падаетъ жертвою своей храбрости.

Враги нападаютъ на Гуссейна. Толпа видитъ, какъ, подъ ударами ихъ, падаютъ одинъ за другимъ сыновья Гуссейна, и какъ, наконецъ, ему самому отрубаютъ голову. Послѣ каждаго убійства, для большаго дѣйствія на воображеніе присутствующихъ, выбѣгаютъ на сцену нѣсколько растрепанныхъ дѣвочекъ, съ криками *Шахъ-Гуссейнъ, вай Гуссейнъ!*

Жены и родственники убитаго Гуссейна бросаются на его трупъ оплакивать, но воины Іезида не только отталкиваютъ, а отбрасываютъ несчастныхъ, тащутъ къ Іезиду, къ которому приносятъ на блюдѣ и голову Гуссейна.

— Вотъ участь всѣхъ, кто мнѣ противится, говоритъ гордо халифъ, обращаясь къ посланнику, и, сброшенная его ногою, голова катится по ступенькамъ трона.

— Человѣкъ этотъ, продолжаетъ Іезидъ, былъ родственникомъ Магомета, хотѣлъ быть халифомъ; многіе звали его пророкомъ, заступникомъ молитвы, имамомъ: и что теперь онъ?—прахъ!

Европейскій посолъ выражаетъ удивленіе, что такъ обошлись съ пророкомъ.

— Съ лже-пророкомъ, объясняетъ ему съ гнѣвомъ Іезидъ.

— Въ такомъ случаѣ легко можно убѣдиться, говоритъ посолъ, ложный былъ онъ, или настоящій пророкъ... Голова Гуссейна! произноситъ онъ, обращаясь къ головѣ, уже воткнутой на копье: если ты истинно пользовалась откровеніемъ Бога мусульманъ, и если вѣра тобой проповѣданная, не обманъ, скажи мнѣ символъ ея, и я, христіанинъ, клянусь — обращусь въ мусульманство.

Голова отверзаетъ уста и произноситъ: «*нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его*».

— Я мусульманинъ, вскрикиваетъ посолъ—я шіитъ!

Фанатическій крикъ толпы правовѣрныхъ заглушаетъ слова европейскаго посла.

Іезидъ приходитъ въ бѣшенство и отдаетъ приказаніе истребить всѣхъ родственниковъ Гуссейна, но заступникомъ несчастныхъ является тотъ же посолъ въ европейскомъ костюмѣ. То мольбами, то угрозами Іезиду, онъ спасаетъ несчастныхъ...

Этимъ оканчивается, въ послѣдній день праздника, обрядъ оплакиванія, производящій самое глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ мусульманъ шіитской секты [1]. Они расходятся по домамъ, напѣвая стихи въ честь Гуссейнова побоища:

---

[1] Имамъ Гуссейнъ И. Евлаховъ Кавк. 1857 г. № 74 и 75. Шахъ Гуссейнъ. Русскій Вѣстникъ 1866 г. т. 65 и друг.

Неджа кань аглямассынъ, дашъ бугюнъ!
Кеселибты етмишъ-еки, башъ бугюнъ!

Какъ сегодня не прослезиться тебѣ камень кровью?
Сегодня отрублено семьдесять двѣ головы!

По окончаніи представленія, всѣ участники спѣшатъ въ баню, гдѣ прикладываютъ къ ранамъ цѣлебныя мази, по увѣренію туземцевъ весьма быстро залечивающія язвы. Считая отъ послѣдняго дня праздника, всѣ шіиты надѣваютъ на сорокъ дней траурныя одежды, которыя, по окончаніи срока, раздаются бѣднымъ и нищимъ.

Быть убитымъ или умереть въ этотъ день считается дѣломъ завиднымъ и большимъ счастіемъ.

Въ этомъ отношеніи мусульмане чрезвычайно суевѣрны и убѣждены, что такой счастливецъ достигаетъ до обѣщаннаго имъ Магометомъ рая и пользуется вѣчнымъ блаженствомъ.

Кромѣ праздника мухаррема, мусульмане-шіиты празднуютъ ежегодно 29-го ноября—день кончины халифа Омара. Праздникъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *Баба-Шуджаэль-Динъ*.

О происхожденіи этого праздника сохранилось слѣдующее сказаніе. Нѣкто персіянинъ Абу-Левлу, жившій въ городѣ Мединѣ, извѣстенъ былъ какъ отличный технологъ своего времени. Однажды Омару понадобилось построить мельницу, и, по совѣту своихъ придворныхъ, онъ пригласилъ къ себѣ для этого Абу-Левлу. Послѣдній былъ искреннимъ приверженцемъ Али, зятя Магомета, и потому ненавидѣлъ Омара за различіе его исповѣданія, но призналъ, въ этомъ случаѣ, нужнымъ притвориться и оказать Омару всѣ наружные знаки почести. Онъ явился съ благоговѣніемъ къ халифу, и когда получилъ приказаніе, мастеръ, ударивъ челомъ, поцѣловалъ землю и объявилъ, что онъ— вѣрнѣйшій рабъ — сочтетъ себя весьма счастливымъ, если можетъ оказать пользу благополучнѣйшему повелителю правовѣрныхъ.

Мельница построена—и Абу-Левлу отправился къ халифу, чтобы пригласить его осмотрѣть постройку. Дорогою ему пришла преступная мысль обезсмертить свое имя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угодить Алію посягательствомъ на жизнь Омара, когда онъ останется съ нимъ на мельницѣ одинъ-на-одинъ. Хотя Левлу и твердо рѣшился на этотъ поступокъ, но сознаніе его ужаса нагнало на него страхъ, и сильная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Онъ не выдержалъ характера и вернулся домой. Однако же мысль, что за подвигъ этотъ его осыплютъ благами въ будущемъ, ободрила его и онъ на другой день пошелъ опять къ халифу. Омаръ, по приглашенію, отправился

обозрѣвать мельницу. День склонялся къ вечеру. Мастеръ, показывая халифу свою новую постройку, приподнялъ шестомъ верхній жерновъ и просилъ повелителя правовѣрныхъ благословить мельницу протираніемъ плоской поверхности жернова своими руками, «*напитанными запахомъ священности и благополучія*». Ничего не подозрѣвавшій Омаръ сунулъ обѣ руки подъ жерновъ; Левлу опустилъ верхній камень, поддерживаемый шестомъ и, ранивъ Омара, самъ бѣжалъ. Напрасно потомъ искали Левлу: онъ успѣлъ благополучно добраться до Алія, который былъ въ восторгѣ отъ этого поступка, и чтобы лучше скрыть Левлу, отправилъ его съ письмомъ въ Персію къ одному знатному вельможѣ, прося послѣдняго оказать посланному защиту.

Отъ полученнаго ушиба, Омаръ сильно заболѣлъ и вскорѣ послѣ того, по сказанію шіитовъ, скончался. Абу-Левлу благополучно достигъ Персіи и былъ принятъ тамъ подъ покровительство. Персидскій вельможа, для предупрежденія всякаго дальнѣйшаго подозрѣнія, назвалъ его Баба-Шуджаэль-динъ — что означаетъ *ревнитель процвѣтанія религіи*, «намекая этимъ на то, что, послѣ смерти Омара, власть его наслѣдовалъ Али и ученіе послѣдняго стало распространяться...» (1).

Въ день праздника, каждый шіитъ, по обычаю, старается какъ бы нечаянно облить другаго водою. Избавиться отъ этого можно только платою денегъ. Обливаніе же призываетъ, по вѣрованію туземцевъ, на обливаемаго счастіе и великое благополучіе. Будучи убѣжденъ въ пользѣ обряда, шіитъ окачиваетъ водою своего друга, не обращая вниманія на то, въ какомъ бы платьѣ тотъ ни былъ; облитый не сердится, потому что онъ самъ также суевѣренъ и считаетъ это счастіемъ для себя.

Суевѣріе магометанъ лежитъ въ основаніи ихъ религіи.

Признавая Бога въ единомъ лицѣ, магометанская религія учитъ вѣрить въ существованіе *меляйне*—безплотныхъ ангеловъ, сотворенныхъ изъ свѣта, изъ коихъ два ангела пребываютъ у каждаго человѣка и записываютъ: одинъ добрыя его дѣла, другой—всѣ дурныя.

По ученію мусульманъ, архангелъ Джибраилъ (Гавріилъ) со словъ самого Творца Вселенной, диктовалъ Магомету коранъ и обязанъ разносить всѣ приказанія Всевышняго. Кромѣ того, существуютъ и другіе ангелы, имѣющіе каждый опредѣленное назначеніе: Азраилъ—ангелъ смерти, Михаилъ—управляетъ достояніемъ міра, а Исрафаилъ — будетъ трубить въ день страшнаго суда.

По представленію магометанъ, *шайтанъ* (сатана, чортъ) былъ прежде старшій изъ всѣхъ ангеловъ, но изгнанъ изъ рая за ослушаніе приказанія Бога—поклониться Адаму.

Народъ вѣритъ въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ (джины), сотворенныхъ изъ огня и питающихся костями, остатками человѣческой трапезы.

---

(1) Баба-Шуджаэль-динъ Мамедъ Али Софіева. Закав. Вѣс. 1854 г. № 46.

Существованіе ихъ обусловлено тѣмъ же, чѣмъ и человѣческое: они пьютъ, ѣдятъ, плодятся и умираютъ, подвергаясь точно также въ будущей жизни наградамъ и наказаніямъ.

Магометане признаютъ страшный судъ и воскресеніе мертвыхъ. По ихъ понятію, когда тѣло опущено въ могилу, то являются туда два грозныхъ ангела, Накиръ и Мюнкяръ.

— Вѣришь ли ты въ единаго Бога и пророка его, спрашиваютъ они покойника?—и какіе въ продолженіе земной жизни дѣлалъ ты похвальные и предосудительные поступки.

Если покойникъ окажется вѣрующимъ и не очень грѣшнымъ, то тѣло его оставляется въ покоѣ, а въ противномъ случаѣ, предается мученіямъ *а'рафа* (чистилища). Только однѣ души пророковъ поступаютъ въ рай тотчасъ послѣ смерти, всѣ же остальныя поступаютъ въ частилище, гдѣ или наслаждаются, или мучаются, смотря по заслугамъ умершихъ. Тамъ же остаются на всегда и души *кяфировъ* (невѣрныхъ), которыя хотя и отличались праведными дѣлами, но, не будучи мусульманами, не могутъ поступить въ *джаннатъ* (Магометовъ рай).

По ученію Ислама, послѣ страшнаго суда, праведные поступятъ въ рай, а грѣшники въ адъ, гдѣ кяфиры (невѣрные) будутъ страдать вѣчно, а мусульмане будутъ отправлены туда на срокъ, по истеченіи котораго поступятъ въ рай. Надъ адомъ находится *пули-сератъ*—такой мостъ, который тоньше волоса и лезвея сабли; по немъ пройдетъ весь родъ человѣческій: праведники легко и свободно, а грѣшники слетятъ съ него въ бездонную пропасть ада.

По сказанію мусульманъ, рай Магомета находится на седьмомъ небѣ, и воображеніе человѣка не можетъ нарисовать картину тѣхъ наслажденій, которыя въ немъ уготованы. У самаго входа рая, находится озеро чистой воды, столь обширное, что надо мѣсяцъ пути, чтобы обойти его окружность; одна капля этого чистѣйшаго водоема утоляетъ жажду навсегда. Шафранъ и мускусъ составляютъ почву рая; жемчугъ и изумрудъ — обыкновенные камни; стѣны домовъ украшены золотомъ и серебромъ, а деревья золотыя и среди ихъ *туба*—дерево счастія, огромныхъ размѣровъ, и стоитъ оно въ самомъ дворцѣ Магомета. Дерево это такъ необъятно, что по одной вѣтви его, «отягченной вкусными плодами, входитъ въ жилище каждаго правовѣрнаго. Стоитъ только пожелать какой-либо особый плодъ и апетитъ желающаго тотчасъ же удовлетворяется; для предпочитающихъ мясную пищу, жареныя птицы являются на его вѣтвяхъ, а плоды его доставляютъ вѣрующимъ даже верховыхъ лошадей, выходящихъ изъ плодовъ въ полной сбруѣ».

По всему раю протекаетъ множество источниковъ молочныхъ, винныхъ и медовыхъ, доставляющихъ средство насладиться ими, но безъ всякаго опьяненія и лишенія разсудка.

Изъ всѣхъ этихъ источниковъ *каусаръ* есть главный источникъ жизни.

Онъ течетъ по песку, составленному изъ яхонтовъ и изумрудовъ, ложе его изъ янтаря и мускуса, а берега шафранные.

Таково внѣшнее представленіе рая, въ которомъ самому ничтожному мусульманину обѣщано не менѣе двѣнадцати гурій, сверхъ законныхъ женъ этого свѣта, если только они удостоятся рая, а великіе праведники вкусятъ съ ними такое блаженство, которое нѣтъ никакой возможности выразить словами.

Основываясь на изреченіи корана: *«мы (т. е. Богъ) привязали дѣла всякаго человѣка вокругъ его шеи»*—мусульмане вѣрятъ въ предопредѣленіе, говоря, что должно совершиться, того не избѣгнешь. Хотя магометанская религія и отрицаетъ фактическое поклоненіе святымъ, но у татаръ есть нѣсколько такихъ лицъ, къ которымъ они питаютъ глубокое уваженіе.

По лѣвую сторону дороги изъ Тифлиса въ Кубу, не доѣзжая до Хидырзандинской почтовой станціи, тянется длинная цѣпь горъ, покрытыхъ пожелтѣлою выгорѣвшею травою. На вершинѣ одной изъ нихъ, почти у самой почтовой станціи, какъ стражъ всей Кубинской долины, стоитъ громадная отвѣсная скала, издали совершенно похожая на башню, а правѣе почтовой дороги, изъ-за песчаныхъ бугровъ, выглядываетъ Каспійское море.

Существуетъ преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ въ настоящее время скала, прежде давно, очень давно, спасались три брата-татарина. Отшельники ничего не ѣли и не пили. Однажды жажда мучила старшаго брата до такой степени, что онъ не могъ вытерпѣть, и отправилъ младшаго изъ братьевъ за водой въ море. Ждать-пождать—братъ не возвращается, а жажда мучитъ еще болѣе. Тогда онъ отправилъ за тѣмъ же средняго брата, но и тотъ долго не возвращался (1). Не дождавшись воды, онъ проклялъ обоихъ своихъ братьевъ, купавшихся въ морѣ, и они обратились въ два утеса, коихъ черныя головы и до сихъ поръ виднѣются надъ поверхностію моря довольно далеко отъ берега.

Здѣсь преданіе о старшемъ братѣ двоится: одни говорятъ, что, послѣ смерти, онъ обратился въ скалу, а другіе—что онъ похороненъ на ней, но оба преданія единогласно утверждаютъ, что скала эта приняла имя святаго и называется Хыдыръ-Зынде. Многіе разсказываютъ при этомъ, что по средамъ и пятницамъ, на самомъ верху скалы, показывается вода, сначала каплями, а потомъ обильною струею, и татары увѣряютъ, что это плачетъ ихъ святой. Остальные два брата назывались: одинъ Хыдыръ-Иліасъ, а другой Хыдыръ-Набе. Нѣкоторые татары говорятъ, что Хыдыръ-Набе не обращенъ въ скалу въ морѣ, а находится въ Тифлисѣ. Во всякомъ же случаѣ татары признаютъ всѣхъ трехъ братьевъ своими святыми: Хыдыръ-Зынде считается покровителемъ и обладателемъ земли; Хыдыръ-Иліасъ — всѣхъ водъ, а Хадыръ-Набе — вѣтра и воздуха. Разсказываютъ, что и персіяне,

(1) Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ отправилъ братьевъ для совершенія намаза.

въ случаѣ кораблекрушенія, обращаются съ просьбою къ Хыдыръ-Иліасу, прося его спасенія и помощи. Прежде стекалось сюда множество богомольцевъ, что видно по сохранившимся въ скалѣ отпечаткамъ рукъ и ногъ ([1]).

По дорогѣ изъ селенія Аргаджи, лежащаго при подошвѣ каменистыхъ скалъ, отдѣлившихся отъ Арарата, къ развалинамъ древняго города Оргова, находится огромный камень, въ которомъ высѣчена пещера, а возлѣ нея лежитъ другой камень, нѣсколько меньшихъ размѣровъ, на верху котораго всегда можно встрѣтить кучу турьихъ роговъ. Преданіе о камнѣ напоминаетъ библейское сказаніе о жертвоприношеніи Авраама.

По разсказу, сохранившемуся у татаръ, въ древнія времена жилъ здѣсь правовѣрный Ибрагимъ, человѣкъ бѣдный, но добродѣтельный. Однажды, во время *Курбанъ-байрама*, онъ, не имѣя барана, рѣшился принести въ жертву Богу собственнаго сына, и когда возложилъ его на этотъ камень и готовился заколоть сына, въ это время изъ Агридага (Арарата) пришелъ туръ и добровольно отдалъ принести себя въ жертву Богу вмѣсто сына Ибрагимова. Въ воспоминаніе этого чуда, жители окрестныхъ селеній и до сихъ поръ кладутъ на этотъ камень рога туровъ, которыхъ имъ удается застрѣлить.

Въ деревянномъ порогѣ самой пещеры, при ея входѣ, вколочено много гвоздей, на стѣнахъ навѣшены лоскутки одежды и сдѣланные изъ палочекъ луки со стрѣлами; на надгробномъ камнѣ, находящемся въ пещерѣ, поставлено множество глиняныхъ плошекъ, служащихъ лампадами—все это приношенія окрестныхъ жителей, приходящихъ въ пещеру или изъ религіозной набожности, или изъ суевѣрія. Такъ, гвозди вколачивались татарками въ знакъ просьбы къ погребенному въ пещерѣ объ избавленіи ихъ отъ неплодія и зубной боли; лоскутки одежды означаютъ просьбу о дарованіи хорошаго мужа, богатства, счастія и прочее. Лукъ со стрѣлами—желаніе имѣть храбрыхъ сыновей; глиняные плошки, наполненныя масломъ, зажигаются ночью по четвергамъ, въ благодарность погребенному подъ камнемъ за полученіе просимаго ([2]).

У татаръ есть много такъ называемыхъ священныхъ лѣсовъ, получившихъ это названіе, потому что, по преданію, посреди ихъ похоронены святые и богоугодные люди, *пиры*. Лѣса эти состоятъ изъ массивныхъ деревьевъ, занимаютъ довольно большіе участки и, обнесенные кругомъ оградой, образуютъ непроходимыя чащи, потому что туземцы считаютъ за великій грѣхъ срубить въ такомъ лѣсу хоть одну вѣтку ([3]).

Во всемъ почти Закавказьѣ, какъ у татаръ, такъ и у армянъ, существуетъ

([1]) Путевыя замѣтки Н. Истомина. Кавказъ 1859 г. № 14.

([2]) Тифлис. Вѣдомос. 1830 г. № 59. Изъ записокъ кавказскаго старожила. Кавказъ 1853 г. № 51. Послѣдняя статья есть перепечатка первой.

([3]) Тамъ же № 20.

повѣріе, что въ Персіи, въ Ширазѣ и близъ монастыря Св. Іакова въ Эриванскомъ уѣздѣ есть источники, изъ которыхъ если человѣкъ безукоризненной нравственности возметъ воды и принесетъ на поля опустошаемыя саранчею, то въ слѣдъ за нею появляется водящаяся при тѣхъ источникахъ птица, извѣстная подъ именемъ *мурадъ-куши* (розогрудые скворцы), пожирающая саранчу во множествѣ. Въ случаѣ народнаго бѣдствія и истребленія хлѣба саранчею, мусульмане прибѣгаютъ къ источнику, находящемуся въ Ширазѣ, а армяне— къ находящемуся близъ монастыря св. Іакова. Вотъ что говоритъ, по этому поводу, корреспондентъ Кавказа.

«Въ прошедшемъ году (1845-мъ), саранча, опустошивъ значительно поля въ Карабагскомъ уѣздѣ и оставивъ сѣмяна свои, грозила жителямъ тѣмъ же бѣдствіемъ и нынѣшнимъ лѣтомъ. Побуждаясь общимъ повѣріемъ, а также желая успокоить жителей и показать имъ, что начальство не пренебрегаетъ никакими мѣрами къ предотвращенію угрожающаго имъ бѣдствія, карабахскій уѣздный начальникъ, въ январѣ мѣсяцѣ настоящаго года, отправилъ, по желанію жителей, избраннаго ими поселянина Кеберлинскаго участка, мирзу Джалалъ-бека-Наврузъ-бекъ-Оглы въ Ширазъ, за этою водою; издержки путешествія были покрыты добровольными приношеніями однихъ бековъ. Нынѣ мирза Джалалъ-бекъ возвратился съ водою, а за нимъ, 6-го мая утромъ, мурадъ-куши (розогрудые скворцы) въ безчисленномъ множествѣ покрыла всѣ поля, отъ рѣки Аракса верстъ на пятнадцать, и съ такою жадностію истребляетъ саранчу, что черезъ нѣсколько дней не останется и слѣдовъ ея (1)».

Черезъ два года послѣ того, въ 1847 году, была въ Тифлисѣ торжественная встрѣча армянами воды, принесенной съ тою же цѣлію изъ источника святаго Іакова.

По преданію армянъ, неподалеку отъ Арарата, близъ селенія Ахуры, мыцпинскій архіепископъ Св. Іаковъ построилъ, около 1300-го года, монастырь, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ праотецъ Ной, сошедши съ Арарата, посадилъ первую виноградную лозу. Вознамѣрясь достигнуть вершины Арарата, чтобы увидѣть ковчегъ, св. Іаковъ просилъ Господа сподобить его этого блага и отправился въ путь. Но когда, утомленный долгимъ восхожденіемъ, св. Іаковъ ложился отдыхать, то каждый разъ находилъ себя на томъ мѣстѣ, съ котораго онъ начиналъ свой путь. Такимъ образомъ онъ трудился семь лѣтъ, пока не явился къ нему во снѣ св. ангелъ, который вручилъ ему кусочекъ отъ Ноева ковчега, сказавъ, что Господь, видя его труды и моленіе, послалъ ему часть дерева ковчега для удовлетворенія его любопытства. Св. Іаковъ, проснувшись, нашелъ подлѣ себя часть ковчега, которая и до нынѣ хранится въ Эчміадзинскомъ монастырѣ. Св. Іаковъ просилъ Вседержителя запечатлѣть то мѣсто, гдѣ была послана ему часть ковчега, какимъ либо чудомъ—и вскорѣ за тѣмъ открылся ключъ, никуда не стекающій и вода котораго имѣетъ ту

(1) Мурадъ-куши. Кавказъ 1846 г. № 22.

дивную силу, что за нею слѣдуютъ стаи птицъ, истребляющія всякихъ червей и саранчу.

По вѣрованію армянъ, для спасенія полей ихъ отъ истребленія саранчею, необходимо, чтобы цѣломудренный юноша сходилъ одинъ босикомъ къ этому источнику и принесъ кувшинъ святой воды. Тогда за юношею, неизвѣстно откуда, слѣдуютъ цѣлыя стаи спасительныхъ птицъ.

Въ 11 часовъ утра, 27 апрѣля 1847 г., армянское духовенство, въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и крестами встрѣчало воду, принесенную изъ источника св. Іакова въ двухъ серебряныхъ кувшинахъ. Съ пѣніемъ гимновъ, вода внесена была въ церковь Сурпъ-Саркиса, а потомъ, послѣ двукратнаго молебствія—на татарской площади и мейдане—и послѣ окропленія сосѣдственныхъ полей, вода отнесена была въ Ванкскій соборъ и поставлена на престолѣ (1).

Татары уважаютъ аиста на томъ основаніи, что будто бы птицы эти со всѣхъ сторонъ стекаются въ Мекку, отчего они называются, на татарскомъ языкѣ, *хаджи-леглекъ* (2). Ни одинъ мусульманинъ не только не трогаетъ аиста, но, напротивъ того, ухаживаетъ за нимъ; всѣ деревья увиты ихъ гнѣздами и аисты здѣсь проживаютъ цѣлыми семействами. Мальчики приносятъ имъ пищу, и если аистъ околѣетъ, то его хоронятъ точно такъ же какъ человѣка, какъ правовѣрнаго мусульманина.

У дербентскихъ татаръ есть обычай, наканунѣ нашего Свѣтлаго Христова Воскресенія, выбрасывать куръ изъ своихъ домовъ, чтобы съ этого дня призвать къ себѣ теплоту весенняго солнышка. Татары съ нетерпѣніемъ ожидаютъ дня праздника Св. Пасхи, который называютъ *Кизилъ-сомурта-байрамъ* (праздникъ золотыхъ яицъ) (3).

Въ случаѣ продолжительной засухи, тѣ же дербентцы прибѣгаютъ къ языческимъ обрядамъ, съ цѣлію испросить себѣ у неба дождя. На всѣхъ перекресткахъ мальчики разстилаютъ свои платки и собираютъ съ проходящихъ деньги на воскъ и розовую воду. Собравъ достаточное количество добровольныхъ приношеній, они обвязываютъ одного изъ мальчиковъ вѣтвями, обвѣшиваютъ и разукрашиваютъ этотъ пукъ цвѣтами и лентами и, въ такомъ видѣ, бѣгутъ вмѣстѣ съ нимъ по улицамъ, напѣвая въ честь *Гудуля*—вѣроятно бога дождей—особую пѣсню съ слѣдующимъ припѣвомъ:

Гудуль, Гудуль, добро пожаловать!
Во слѣдъ тебя дождикъ идетъ!

---

(1) Кавказъ 1847 г. № 18. Встрѣча у Арарата. Кавк. 1857 г. № 22.

(2) Слово *хаджи* присоединяетъ къ своему имени каждый мусульманинъ, побывавшій въ Меккѣ.

(3) Письмо изъ Дербента въ Малороссію. Кавказъ 1854 г. № 50.

Встань, красавица, на ноги,
Поди наполнить свой ковшъ.

Во время затмѣнія луны жители Нухинскаго уѣзда стрѣляютъ вверхъ изъ ружей, а въ прочихъ мусульманскихъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Карабагѣ, бьютъ съ крикомъ и визгомъ въ тазы, тарелки, бубны и прочее. Туземцы твердо вѣрятъ, что затмѣніе луны происходитъ отъ того, что на нее забирается шайтанъ (чортъ) и своимъ присутствіемъ производитъ затмѣніе; они говорятъ, что шайтанъ боится шума, и потому его можно прогнать криками и выстрѣлами (¹).

II.

Татарское селеніе и домъ. — Бытъ татарина. — Кочевка. — Характеръ татаръ. — Татарская женщина. — Татарскія пѣсни, танцы и музыкальные инструменты. — Одежда мужчинъ и женщинъ.—Положеніе женщины въ семействѣ. — Деспотизмъ мужа и стремленіе женщины выйти изъ рабскаго положенія.

По обѣимъ сторонамъ дороги тянутся, иногда на нѣсколько верстъ, покрытые зеленью бугорки, похожіе на логовища звѣрей: это татарскія сакли, изъ которыхъ, какъ изъ норъ, выходятъ туземцы и собираются въ кучки, избирая для этого или возвышенное мѣсто, или зеленѣющій лужокъ.

Татары, въ отношеніи устройства домовъ своихъ, слѣдуютъ правиламъ восточной архитектуры и, не смотря на то, что многія селенія находятся по сосѣдству съ снѣговыми хребтами, гдѣ морозы зимою доходятъ иногда до 25° по Реомюру, они строятъ свои жилища точно такъ же, какъ и тѣ изъ ихъ соплеменниковъ, которые никогда не испытываютъ морозовъ.

Домъ каждаго достаточнаго жителя раздѣляется почти всегда на два отдѣленія, изъ коихъ одно предназначается для гарема. Жилище татарина строится или изъ камня, или изъ глины. Въ первомъ случаѣ оно складывается изъ нежженнаго кирпича или голышеваго камня, взятаго изъ рѣки; во второмъ случаѣ, глина, смѣшанная съ саманомъ (солома), составляетъ главнѣйшій матеріалъ, а ненастное время, производящее готовую грязь на улицѣ, считается самымъ удобнымъ временемъ для постройки и лѣпной работы. Не смотря на первобытность такого зодчества, подобныя жилища существуютъ иногда по нѣсколько сотъ лѣтъ.

(¹) Письмо изъ Нухи. Кавказъ 1846 г. № 5.

Татарскіе кочевники располагаются обыкновенно на мѣстахъ болѣе возвышенныхъ и лѣсистыхъ. Они устраиваются изъ тростника или изъ нѣсколькихъ жердей или тычинокъ гибкихъ деревьевъ, согнутыхъ въ дугу и воткнутыхъ обоими концами въ землю. Эти жерди переплетаются другими въ горизонтальномъ направленіи, такъ что внутренность такого помѣщенія представляетъ видъ купола или, скорѣе, изображаетъ копну сѣна, которую накрываютъ войлокомъ, лохмотьями изъ войлоковъ или камышевою рогожею, оставляя только для входа одно отверстіе, которое завѣшивается также войлокомъ. Чтобы войлоки не очень тяготили жерди, для этого, посреди палатки, становится шестъ, который и поддерживаетъ все зданіе. На верху вырѣзываютъ круглое или четвероугольное отверстіе для выхода дыма, а иногда оно же служитъ и для освѣщенія внутренняго помѣщенія. Такая кибитка, извѣстная подъ именемъ *алачуги*, заключаетъ въ себѣ все имущество татарина. Противъ входа въ алачугу, у стѣны, сложены подушки, одѣяла, платье, оружіе, конская сбруя и проч. По одну сторону, за перегородкою, хранится масло, молоко и сыръ, а по другую сторону, также за перегородкою, мука, сарачинское пшено и все съѣстное.

У богатаго татарина подобное помѣщеніе еще довольно сносно и удобно, но у бѣднаго—алачуга не предохраняетъ обитателей ея ни отъ вѣтра, ни отъ дождя. Каждая палатка раздѣляется тростниковыми перегородками на нѣсколько комнатъ, имѣющихъ каждая свое назначеніе. Въ хорошую погоду края палатки приподнимаются, и вѣтеръ освѣжаетъ жаръ палящаго солнца; въ дурную же она закрывается вся войлокомъ, и если хорошо устроена, то, сохраняя внутреннюю теплоту, можетъ выдержать непогоду и дождь не хуже другаго дома. Иногда кочевые татары вмѣсто алачуги устраиваютъ и живутъ въ *карачадрахъ* — четыреугольныхъ палаткахъ, сдѣланныхъ изъ шерстяной матеріи чернаго цвѣта. Карачадры составляютъ, впрочемъ, по преимуществу жилище кочевыхъ курдовъ, и татары устраиваютъ ихъ очень рѣдко.

На пространной и плоской горѣ, покрытой густою зеленью, тамъ и сямъ разбросаны эти алачуги. Кругомъ кибитокъ пасутся около десятка воловъ «не то подъ попонами, не то подъ сѣдлами, прикрѣпленными подпругами».

Между скотомъ бѣгаютъ полунагія, а чаще и совершенно нагія дѣти, играя съ собаками. Возлѣ кибитокъ лежатъ, растянувшись, оборванные и грязные татары; другіе сидятъ и стругаютъ палочки; не менѣе оборванныя татарки таскаютъ воду изъ балокъ, переносятъ разныя снадобья — словомъ копошатся въ шалашахъ и возлѣ нихъ.

Въ алачугѣ грязно и нечисто, точно такъ же, какъ не чистоплотны ея обитатели одѣтые въ лохмотья.

Осѣдлые татары живутъ или въ деревняхъ, или въ *обахъ*. Селенія ихъ раскинуты гдѣ-нибудь у рѣчки или у овражка, окружены часто густымъ лѣсомъ или группою пирамидальныхъ тополей, плакучихъ ивъ, огромныхъ орѣховыхъ деревьевъ и чинара.

Аулы расположены большею частію безъ всякаго порядка, а иногда образуютъ родъ кривыхъ улицъ и неправильныхъ площадокъ. Многія селенія пользуются превосходною мѣстностію, счастливымъ климатомъ, утопаютъ въ обширныхъ шелковичныхъ плантаціяхъ, почти всегда окружены лѣсомъ и тянутся на весьма значительное разстояніе.

Если большинство зданій прочны, если они каменныя, двухъ-этажныя, то такое селеніе носитъ названіе деревни и часто въ ней можно встрѣтить и мечеть. Напротивъ того, дома, построенные на скорую руку и состоящіе преимущественно изъ турлучныхъ землянокъ, разбросанныхъ какъ попало, безъ всякаго порядка, составляютъ въ совокупности то, что называется *обами*. Окна въ такихъ землянкахъ не имѣютъ стеколъ и закрываются камышевыми рогожами. *Обу* обыкновенно населяютъ жители нагорныхъ деревень, спускающіеся въ долину только весною для воздѣлыванія полей, а осенью удаляющіеся въ свои горы.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ татары свои избы называютъ *сарай*.

Жители татарскихъ дистанцій, входившихъ нѣкогда въ составъ Грузіи, помѣщаются въ хижинахъ, вырытыхъ въ землѣ и называемыхъ по татарски *дамъ* или *евъ*, покрытыхъ деревомъ и сверху засыпанныхъ землею. Для поддержанія потолка такого дома укрѣпляютъ внутри четыре деревянныхъ столба; крышу дѣлаютъ большею частію круглую. Въ Ширванѣ домъ камышевый, обмазанный изнутри и снаружи глиною. Для постройки домовъ въ горахъ вырываютъ обыкновенно яму въ полтора или два кубическихъ аршина и въ ней устанавливаютъ стѣны, одна половина которыхъ находится въ ямѣ, а другая выходитъ на поверхность. Такіе дома состоятъ преимущественно изъ одной небольшой комнаты, гдѣ помѣщается очень часто огромное семейство и все имущество. Нахичеванцы строятъ свои дома на равнинѣ, изъ глины, смѣшанной съ рубленною соломою и мелкимъ булыжникомъ, а въ горахъ изъ камня. Дома ихъ всѣ одно-этажные и обносятся вокругъ каменною стѣною. У богатыхъ главный фасадъ обращенъ къ сѣверу въ садъ или на небольшой дворъ, съ бассейномъ проточной воды.

Каждый зажиточный татаринъ имѣетъ отдѣльныя жилища для женъ, лѣтнее помѣщеніе независимо отъ зимняго, и часто, сверхъ того, особое помѣщеніе для пріема гостей.

Лѣтній домъ почти всюду имѣетъ стѣны только съ трехъ сторонъ, а четвертая, оставаясь открытою, во время непогоды завѣшивается войлокомъ.

Собственно комната для пріема гостей устраивается преимущественно въ конюшнѣ: это только уголъ послѣдней, въ которомъ насыпана земля на аршинъ выше пола и который отдѣленъ перилами. Гости, въ особенности зимою, предпочитаютъ это мѣсто, потому что оно теплѣе всего остальнаго помѣщенія татарина, и въ особенности въ мѣстахъ безлѣсныхъ, гдѣ топливо составляетъ роскошь. Съ двухъ сторонъ возвышенія устраиваются нары, или длинныя скамейки, на нихъ наложены войлоки, тюфяки, которые, съ прибытіемъ гостя,

покрываются коврами. Въ углу такой комнаты можно встрѣтить и каминъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ гостиная, составляя часть жилаго помѣщенія, состоитъ изъ двухъ капитальныхъ стѣнъ, а съ двухъ другихъ сторонъ ограничивается перилами, но и въ этомъ случаѣ за перилами почти всегда помѣщается семейство хозяина, а иногда и домашній скотъ. У нахичеванцевъ иногда вмѣсто перилъ, отдѣляющихъ гостиную отъ прочаго жилья, устраивается во всю стѣну рѣшетчатое окно, украшенное разноцвѣтными стеклами. Передъ входомъ въ такую гостиную устраивается нѣчто въ родѣ сѣней.

Въ горахъ всѣхъ провинцій татары складываютъ свои жилища изъ камня, какъ изъ матеріала наиболѣе дешеваго и находящагося подъ рукою.

Каменныя постройки дома издали похожи на русскія, но всегда съ плоскою крышею. Жители строятъ свои дома изъ алыза, или нетесанаго камня, связываемаго между собою глиною и деревянными перекладинами; плоская крыша туземца засыпается землею.

При каждомъ почти домѣ имѣется нѣчто въ родѣ балкона, который состоитъ изъ комнаты о трехъ стѣнахъ съ нишами, а четвертая, обращенная на дворъ, не строится. Въ этой комнатѣ все хозяйство татарина: котелки, чувалы, кувшины, шерсть, масло въ бурдюкахъ и грубый станокъ для выдѣлки ковровъ. Многіе дома двухъ-этажные: въ верхнемъ живутъ хозяинъ и его семейство, а въ нижнемъ—скотъ, лошади и одна комната предназначается для исполненія обязанности кладовой. У кого домъ одно-этажный, тотъ, для всего помѣщающагося въ нижнемъ этажѣ, строитъ особый сарай. На каждомъ дворѣ построено нѣсколько вышекъ, гдѣ ночуютъ хозяева, такъ какъ въ комнатахъ мухи и комары не даютъ заснуть, не смотря ни на какую усталость. Вышки эти бываютъ часто въ два и три этажа, смотря по числу членовъ семейства. У богатыхъ бель-этажъ дѣлается на подобіе бесѣдки съ тесовою крышею и весь малюется яркими красками.

Въ богатыхъ татарскихъ домахъ вмѣсто печей устраиваютъ камины, а надъ ними широкую и прямую трубу; чаще же въ саклѣ не бываетъ ни печи, ни камина, ни трубы и огонь раскладывается на полу посреди хижины, въ небольшомъ углубленіи, обложенномъ камнями. Дымъ отъ горящаго костра стелется по потолку, коптитъ всю внутренность сакли и выходитъ въ двери; если же въ потолкѣ сакли туземецъ сдѣлаетъ небольшое отверстіе для выхода дыма, то считаетъ свое помѣщеніе роскошнымъ.

Случается, что недостатокъ дровъ и топлива во многихъ мѣстахъ лишаютъ хозяевъ возможности пользоваться и этого рода прихотью, тогда, съ наступленіемъ холода, туземцы устраиваютъ въ одной изъ комнатъ что-то въ родѣ стола на весьма короткихъ ножкахъ, который и носитъ названіе *курси* и, въ общежитіи, часто называется *братскимъ диваномъ*. Подъ курси ставится мангалъ (жаровня) съ раскаленными углями, т. е. глиняный или мѣдный сосудъ, на подобіе небольшаго котла. Курси накрываютъ толстымъ длиннымъ и широкимъ одѣяломъ, подъ которымъ и прячется до самой груди все

семейство, располагающееся вокругъ курси. Пользуясь жаромъ отъ мангала, удерживаемымъ одѣяломъ, жители согрѣваютъ такимъ образомъ нижнія части своего тѣла. «Такой неудобный и вредный способъ согрѣванія себя составляетъ одно изъ любимѣйшихъ наслажденій татарина, тѣмъ болѣе, что этимъ способомъ удовлетворяется его наклонность къ бездѣйствію и лѣнивой неподвижности (1).»

Для печенія хлѣбовъ складываютъ печи слѣдующимъ образомъ: вырываютъ неглубокую яму и вмазываютъ въ нее круглый глиняный сосудъ; чтобы испечь хлѣбъ, раскаливаютъ этотъ сосудъ и, сдѣлавъ изъ тѣста лепешки, прилѣпляютъ ихъ къ стѣнкамъ сосуда.

Полъ комнатъ устилается паласами или коврами и цвѣтными хоросанскими войлоками. Два-три окна, съ узорчатой рѣшеткой (2), или съ рамами и стеклами, а иногда только одно круглое отверстіе въ потолкѣ (3), освѣщаютъ комнату, въ стѣнахъ которой подѣланы ниши, наполненныя домашними вещами. Тамъ стоятъ огромные сундуки, а на нихъ положена постель и завѣшена бумажной или клеенчатой шелковой матеріей, которая впослѣдствіи пойдетъ на чадру невѣстѣ-татаркѣ, молодой дочери хозяевъ. Нерѣдко, противъ входа въ саклю, возлѣ стѣны, ставится низкая скамья, на которую кладутъ шерстяные чемоданы съ одеждою и другими пожитками. По стѣнамъ иногда развѣшивается оружіе хозяина, а въ свободныхъ нишахъ или на полкахъ разставляются пузатые кувшины, узкогорлыя, кривыя бутылки, чашки и всякая домашняя утварь. Часто можно встрѣтить, что къ высокому, раскрашенному потолку, у богатыхъ привѣшены фруктовыя гирлянды винограда, грушъ, сливъ и персиковъ, предназначенныхъ для сушенія.

Посреди стоитъ огромный четыреугольный ящикъ, слѣпленный изъ глины и выбѣленный, а надъ нимъ другой такой же ящикъ, въ видѣ трубы до самаго потолка. Эти ящики, съ виду похожіе на русскую печь, предназначаются для склада муки (закрома). У богатыхъ ящики эти устраиваются не въ комнатѣ, а въ особыхъ кладовыхъ.

Одно или два зеркала въ простыхъ рамахъ, окрашенныхъ голубою краскою, дополняютъ убранство комнаты.

Вечеромъ, въ каминѣ подъ трубой, привѣшивается *чрахъ* (4)—небольшой, наполненный нефтью, кувшинчикъ, ко дну котораго придѣлана горизонтальная трубочка, съ пылающимъ пламенемъ концомъ. Этотъ кувшинъ есть туземная лампа, освѣщающая комнату весьма удовлетворительно.

На чистоту своего семейнаго и обыденнаго помѣщенія татары не обра-

---

(1) Письмо изъ Дербента въ Малороссію. Кавказъ 1854 г. № 50.

(2) Рѣшетки деревянныя выбиваются долотомъ изъ цѣльныхъ досокъ.

(3) У бѣдныхъ бываетъ только одно окно въ потолкѣ, а всѣ стѣны дѣлаются глухими.

(4) Подробности устройства *чрахъ* см. „Путевыя записки“ Н. Истомина. Кавк. 1859 г. № 11.

щаютъ особеннаго вниманія: люди зажиточные, и тѣ нерѣдко въ саклѣ, какъ въ конюшнѣ, помѣщаютъ на цѣлую зиму одну изъ самыхъ любимыхъ лошадей. Бѣдные же, по необходимости, должны помѣщать въ саклѣ на зиму весь свой скотъ, кромѣ овецъ, для которыхъ стараются всѣми мѣрами построить отдѣльное помѣщеніе.

Конечно, лучшія постройки домовъ принадлежатъ жителямъ городовъ. Фасадъ городскаго дома обращается всегда къ сторонѣ двора, а на улицу выводится глухая стѣна, безъ оконъ и дверей. Причиною такого безобразія постройки было, въ прежнее время, желаніе скрыть отъ постороннихъ взоровъ свое имущество и семейную жизнь. Каждый татаринъ зналъ и имѣлъ случай убѣдиться, что если ханъ или кто-либо изъ его приближенныхъ увидитъ зажиточность обывателя и чистоту его помѣщенія, то, при общественныхъ раскладкахъ повинностей, на него будетъ наложена такая часть податей, что онъ, по необходимости, сравняется съ своими бѣдными и грязными сосѣдями. Если же случалось, что хану бросалось въ глаза, что у такого-то красивая жена, или что она одѣвается нарядно, то онъ всѣми мѣрами старался добровольно или насильно отнять жену у мужа, дочь у отца или брата, и перевести ее въ свой гаремъ, а когда это не удавалось, то мщеніе всѣми способами сыпалось на сопротивлявшагося.

Обороняясь всѣми средствами отъ такого рода невзгодъ, татаринъ сосредоточивалъ всю свою жизнь внутри двора, какъ въ мѣстѣ, скрытомъ отъ постороннихъ взоровъ. Каждый хозяинъ старался вымостить свой дворъ камнемъ и содержать его въ опрятности.

Въ срединѣ двора почти всегда устраивался *гоузъ* (бассейнъ) съ водометомъ. За дворомъ—садъ безъ аллей и безъ дорожекъ; «вода вездѣ проведена канавами; все вниманіе хозяина обращено на доходъ и ничего рѣшительно не придумано для симетріи, комфорта и удобности гуляющихъ.

«Входъ въ домъ устраивается въ срединѣ фасада; восемь или десять ступеней ведутъ въ прихожую, занимающую всю ширину дома и имѣющую обыкновенно двѣ двери на право, двѣ двери на лѣво и одну дверь прямо, насупротивъ входа».

«Первыя двери, на право и на лѣво, вводятъ въ лучшія комнаты дома, отлично отштукатуренныя гипсомъ и украшенныя лѣпными и рѣзными узорами вокругъ окошекъ, дверей, нишъ, и въ особенности вокругъ камина; эти комнаты достойны любопытства даже утонченнаго европейца. Въ стѣнахъ комнаты оставлены два ряда нишъ, между которыми въ иныхъ домахъ нарисованы яркими красками на гипсѣ цвѣты, гирлянды, птицы, и т. п.; но все искуство штукатурщика и живописца истощается на отдѣлку карнизовъ».

Вторыя двери на право и на лѣво ведутъ съ одной стороны въ кухню, съ другой въ кладовую, которыя обѣ не отдѣланы и темны. Дверь, расположенная прямо противъ входа въ прихожую, ведетъ въ верхній этажъ, въ

такъ называемую *балахано* или дѣтскую. Это родъ балкона или мезонина, расположеннаго надъ прихожею.

Въ парадныхъ комнатахъ вмѣсто наружной стѣны дома, обращенной на дворъ, устраивается огромное, съ разноцвѣтными стеклами, окно, раздѣленное на отдѣленія, которыя опускаются и подымаются каждый особо и независимо другъ отъ друга. Окна эти весьма красивы лѣтомъ, но зимою, допуская во внутренность жилища холодъ, теряютъ свою прелесть для полузамерзшихъ его обитателей.

Главное украшеніе комнатъ составляютъ цѣлыя кипы подушекъ, одѣялъ, множество мелкой посуды и ковры, которыми убираютъ полы, а иногда и стѣны.

Жилища талышинцевъ отличаются отъ обыкновенныхъ татарскихъ построекъ. Селенія ихъ разбросаны по лѣсамъ, и тянутся обыкновенно на нѣсколько верстъ; каждое семейство имѣетъ одинъ или два дома, окруженные или низкимъ заборомъ, или вовсе безъ всякой ограды. Талышинцы любятъ жить въ лѣсу, и не вырубаютъ его даже вокругъ своихъ жилищъ. Дома строятся изъ бревенъ, часто неровныхъ и кривыхъ, которыя на углахъ кладутся крестъ на крестъ, какъ въ русскихъ избахъ; снаружи и изнутри домъ обмазывается глиною и имѣетъ высокую камышевую крышу.

Внутренность домовъ характеризуется особаго устройства каминомъ, имѣющимъ видъ выдолбленной сахарной головы въ продольномъ разрѣзѣ; онъ расположенъ всегда у передней стѣны, недалеко отъ наружныхъ дверей. По неимѣнію трубы, дымъ, поднимаясь къ верху и окоптивши потолокъ и верхнюю часть стѣнъ, выходитъ въ дверь, которая дѣлается очень высокою и, также какъ въ нашихъ курныхъ избахъ, остается растворенною во время топки.

«Окно, пишетъ П. Ф. Риссъ (¹), не есть необходимая принадлежность талышинскаго жилища; въ нѣкоторыхъ только домахъ дѣлается квадратное отверстіе между каминомъ и боковой стѣной у самаго пола; оно затворяется деревяннымъ ставнемъ; употребленіе же стеколъ совершенно неизвѣстно въ этомъ первобытномъ уголкѣ земли. Талышинскіе дома имѣютъ ту замѣчательную особенность, что вдоль стѣны, отъ двери до камина, дѣлается обыкновенно глиняная, довольно узкая лавка для сидѣнія; кромѣ того, задняя часть комнаты, по крайней мѣрѣ, на полъ аршина выше передней; возвышеніе идетъ также по боковымъ стѣнамъ, съ одной стороны до двери, а съ другой почти до камина; полъ земляной, но это возвышеніе обкладывается толстыми бревнами; потолокъ же досчатый».

На чистоту улицъ въ селеніи и даже въ городѣ туземцы не обращаютъ никакого вниманія; тамъ и сямъ наваленъ огромными кучами скотскій пометъ;

(¹) О талышинцахъ, ихъ образѣ жизни и языкѣ П. Ф. Рисса. Запис Кавк. отд. Им. Рус. Геогр. общес. кн. III изд. 1855 г.

прислонившись къ стѣнамъ домовъ или вышекъ, стоятъ огромныя арбяныя колеса, кошелки для муки, плетенки для саману. На площадкахъ, образующихъ у каждаго дома родъ балкона, валяется домашняя посуда, горшки съ масломъ, шерсть, разная мелочь, а на нѣкоторыхъ размѣщены и станки съ начатыми коврами.

У одного станка сидитъ женщина и работаетъ; другая размоченною глиною замазываетъ растрескавшійся полъ своего балкона или площадки. За обѣими ими слѣдятъ ревнивые ничего не дѣлающіе мужья, которые, развалившись на солнцѣ въ толстой овчинной шубѣ, поглаживаютъ, зѣвая во весь ротъ, свою бороду, или выпускаютъ клубы дыму изъ маленькой трубочки съ длиннымъ и тоненькимъ чубукомъ. Они погружены въ апатію и созерцательное состояніе. По деревнѣ снуютъ взадъ и впередъ телята, въ навозной кучѣ копаются куры, а тамъ, среди грязной лужи, полощутся утки или возятся оборванныя запачканныя дѣти.

«У мостиковъ, перекинутыхъ черезъ садовую канаву, или просто тамъ, гдѣ канава, въ слѣдствіе частыхъ переѣздовъ черезъ нее въ арбахъ, разлилась и образовала родъ небольшаго болота, торчатъ загрязненныя рогатыя головы буйволовъ, предающихся по-своему кейфу». Туземное населеніе такъ свыклось съ неопрятностію, что дворъ и улица безъ грязи, навоза и мусора, по видимому, производитъ на него непріятное впечатлѣніе.

Таковъ общій видъ татарской деревни.

Богатая и плодородная почва, жаркій климатъ и обиліе природы сдѣлали изъ татаръ всего Закавказья народъ крайне лѣнивый. Туземцы болѣе всего склонны къ торговлѣ, не требующей особенной дѣятельности, и часто татаринъ проводитъ всю свою жизнь въ струганіи палочки, въ совершеніи омовенія и намаза.

Весною у рѣдкаго татарина есть пища, чтобы накормить себя и семейство.

Зимою, сидя въ своей норѣ праздно, онъ все съѣлъ, кромѣ пары воловъ, да десятка овецъ. Парою тощихъ воловъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, татаринъ взроетъ крючкомъ какъ попало и гдѣ попало землю, броситъ въ нее нѣсколько четвериковъ проса да чалтыка (сарачинскаго пшена), и тѣмъ заканчиваетъ свои полевыя работы, которыя, при всемъ томъ, хорошо окупаютъ его трудъ.

Кочующіе татары, называемые *таракяма*, по образу жизни, не претерпѣваютъ ни жестокости холода, ни несносныхъ жаровъ, потому что, перемѣняя мѣсто часто и по произволу, они отыскиваютъ и хорошо знаютъ мѣста съ одинаковою температурою. Для этого, съ наступленіемъ жаровъ, они отправляются въ горы, на возвышенныя мѣста, а въ холодъ спускаются въ долины, находя тамъ новую траву и тучныя пастбища. Такой образъ жизни весьма пригоденъ татарину: удовлетворяя прежде всего своей лѣни, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ всякаго труда, можетъ содержать значительныя стада рогатаго скота, составляющаго источникъ его средствъ, жизни и богатства.

Съ наступленіемъ осени, въ ноябрѣ и до начала весны въ концѣ марта

или начала апрѣля, кочевой татаринъ сидитъ *въ кишлагахъ*—зимнихъ помѣщеніяхъ, одинаково ничего не дѣлая, предаваясь азіятской лѣни, и ожидаетъ, когда настанетъ время его скитаній. Съ наступленіемъ весны, когда на возвышенныхъ мѣстахъ покажется трава, что бываетъ обыкновенно въ апрѣлѣ, а въ долинѣ жара сдѣлается чувствительною, кочевники, вмѣстѣ со своими стадами, медленно подымаются вверхъ, такъ что только въ началѣ мая достигаютъ до *яздаговъ* или весеннихъ пастбищныхъ мѣстъ.

Въ небольшомъ лѣсу располагаютъ они свои кочевики. Подъ тѣнью развѣсистыхъ деревъ стоитъ нѣсколько раскинутыхъ кибитокъ; татары и татарки занимаются каждый своимъ дѣломъ: женщины работаютъ, мужчины, безпечно развалившись на сухихъ листьяхъ или на зеленой травѣ, покуриваютъ трубки; полунагія ребятишки, обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ, играютъ и бѣгаютъ среди кустовъ, по зеленымъ лужайкамъ; тамъ и сямъ по кустамъ и камышамъ бродитъ распущенная скотина; собаки съ лаемъ бросаются на прохожаго; татары крикомъ и швырками разгоняютъ ихъ.... Такая жизнь привольна, безпечна и заманчива.

Здѣсь кочевникъ проводитъ весь май мѣсяцъ, и за тѣмъ, когда кормъ для скота изсякнетъ, онъ, подымаясь еще выше въ горы, достигаетъ до *эйлаговъ* — лѣтнихъ мѣстъ кочевки. Оставаясь тамъ до сентября, онъ съ половины этого мѣсяца начинаетъ точно такимъ же образомъ спускаться и только въ ноябрѣ приходитъ опять въ свои *кишлаги*.

Переселеніе кочующихъ, кажущееся съ перваго взгляда безпорядочнымъ, какъ видно, подчинено строгой системѣ и находится въ прямой зависимости отъ подножнаго корма, обезпечивающаго содержаніе скота. Сознавая, что послѣдній составляетъ его единственный источникъ богатства, каждый изъ кочевыхъ татаръ особенно заботится о сохраненіи своего стада. Онъ не требуетъ для себя никакихъ выгодъ, никакихъ удобствъ и готовъ жертвовать ими, лишь бы только стадо его было въ довольствѣ. Эта забота о послѣднемъ подала поводъ самимъ туземцамъ называть своихъ кочующихъ собратій *коино-нукеръ*— слуги барановъ.

Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ татаринъ назначенія дня, когда можно подняться на кочевку. Назначеніе такого дня зависитъ отъ рѣшенія совѣта старшинъ. За недѣлю, или за нѣсколько дней, кочевники отправляютъ въ назначенное мѣсто свой скотъ, оставляя въ кишлагахъ только нѣсколько лошадей, воловъ и ословъ. Наконецъ, въ назначенный и радостный для татарина день, всѣ снимаютъ свои алачуги, связываютъ жерди и укладываютъ весь домъ на одного быка, а имущество на другаго. «Мужчины идутъ пѣшкомъ, а женщины и дѣти ѣдутъ верхомъ, на быкахъ, на буйволахъ, на ослахъ и лошадяхъ; въ перекидныхъ корзинахъ разсаживаются маленькія дѣти. Часто случается, что, вмѣстѣ съ ними, слѣдуютъ и многочисленныя стада барановъ, рогатаго скота, лошадей. Крикъ, шумъ, пестрота одеждъ, разнообразіе положеній, все это дышетъ какою-то дикостью, но чрезвычайно занимательно. Съ

приходомъ на мѣсто, домы ихъ устраиваются въ полчаса: все получаетъ прежній порядокъ и тотъ же самый видъ. Лачуги бѣдныхъ и богатыхъ не имѣютъ отличія; разница бываетъ иногда въ томъ, что лачуга богатаго обширнѣе, наполнена лучшими подушками, устлана коврами».

Кочуя, татаринъ не имѣетъ никакого уваженія къ чужой собственности; онъ воруетъ, грабитъ и топчетъ посѣвы осѣдлыхъ жителей, травитъ ихъ сѣнокосы и, такимъ образомъ, живетъ на чужой счетъ. Днемъ и ночью снуютъ по разнымъ направленіямъ татары-кочевики по пастбищамъ, не раздѣленнымъ между обществами, а часто и по землѣ, принадлежащей осѣдлымъ жителямъ. Запасшись лѣтомъ, во время кочевки, чужимъ добромъ татаринъ, возвращается осенью въ свое зимнее логовище и проводитъ зиму точно такъ же, какъ проводилъ предъидущую.

Татары, знатные и простые, богатые и бѣдные, одинаково сохранили азіятскій бытъ, въ которомъ удовольствія гарема смѣняются тѣмъ состояніемъ полнѣйшаго покоя, о которомъ европѣецъ не можетъ составить себѣ яснаго понятія. Фигура татарина, просиживающаго по цѣлымъ днямъ съ кальяномъ въ рукахъ, съ поджатыми ногами, съ неопредѣленно, устремленнымъ взглядомъ, съ выраженіемъ апатіи на лицѣ, есть одна изъ наиболѣе знакомыхъ всякому жителю (1)...

Относительно своихъ единоплеменниковъ и русскихъ начальниковъ, татары весьма гостепріимны; для всѣхъ же остальныхъ лицъ, говоритъ одинъ изъ путешественниковъ, у нихъ существуетъ прекрасное правило, *не рѣзать дома*. Съ пріѣздомъ гостя татаринъ встрѣчаетъ его очень привѣтливыми словами.

— Добро пожаловать, говоритъ онъ; милости просимъ, мою душу, дѣтей и все имѣніе дарю вамъ.

Говоря это, онъ вполнѣ убѣжденъ, что вы не воспользуетесь его предложеніемъ, но если, почему либо, вамъ необходимъ пріютъ въ татарской саклѣ, онъ не откажетъ въ немъ, угоститъ, но за порогомъ своей сакли не сочтетъ грѣхомъ ограбить и даже убить.

Принимая гостя, хозяинъ сажаетъ его близъ камина, по правую сторону входа. Однимъ изъ первыхъ угощеній подаютъ трубку, а иногда и кальянъ, который и обходитъ по очереди всѣхъ присутствующихъ; за тѣмъ слѣдуетъ насыщеніе желудковъ.

Какъ всѣ вообще жители жаркихъ странъ, татары ѣдятъ мало и хлѣба почти вовсе не употребляютъ въ пищу. Послѣдняя состоитъ преимущественно изъ зелени, молока, сыра, плодовъ и особенно любимаго всѣми—плова.

Изъ мяса они приготовляютъ кебабъ или шашлыкъ—баранина жареная на вертелѣ. При пловѣ у богатыхъ подаютъ вареныя въ меду коренья и мел-

---

(1) Кавказъ 1868 г. № 105. ст. Нахичевань. Обозрѣн. Россійс. владѣн. За Кавказомъ С.-Петерб. 1836 г.

кіе фрукты. Хлѣбъ пекутъ только изъ пшеничной муки и въ видѣ тонкихъ лепешекъ. Бульонъ никогда не употребляется въ пищу и онъ дѣйствуетъ на татарскій желудокъ какъ отрава. «Отъ супа его рветъ, слабитъ, дѣлаются колики въ желудкѣ, головокруженіе, однимъ словомъ чуть-чуть не всѣ болѣзни открываются у него въ организмѣ».

Туземцы употребляютъ пищу по два, а иногда по три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ, когда начинаетъ смеркаться. Кушанья подаются всѣ вдругъ, на большихъ жестяныхъ подносахъ, на которыхъ помѣщаются одновременно огурцы, яйца съ разными травами, чашки съ молокомъ въ разныхъ видахъ: кислымъ, съ снятыми сливочными пѣнками, съ сахаромъ и т. п. Угощеніе происходитъ на полу; каждый беретъ съ подноса руками то, что ему нравится. Для питья употребляютъ воду, а въ жаркое время *айракъ*—кислое молоко, разведенное водою; зажиточные же пьютъ шербетъ и лимонадъ. Послѣ ѣды обыкновенно курятъ кальянъ или трубку, при чемъ первый подносится прежде всего почетному гостю.

Наибольшимъ гостепріимствомъ отличаются татары, поселившіеся по близости дагестанскихъ горцевъ. Такъ, кубинскіе татары отличаются своею предупредительностію, и въ особенности если гость принадлежитъ къ числу начальниковъ, или почетныхъ и вліятельныхъ лицъ. Съ пріѣздомъ такого гостя хозяинъ, даже если бы онъ былъ старшина селенія, предлагаетъ ему снять сапоги въ знакъ особаго уваженія. Не смотря на отказъ пріѣзжаго, онъ неотступно надоѣдаетъ своею излишнею вѣжливостью и, ставъ на колѣни, снимаетъ обувь. Потомъ становится въ почтительномъ отдаленіи, сложа на крестъ руки и опустивъ ихъ на рукоять кинжала. На просьбу сѣсть, онъ безмолвно отвѣситъ поклонъ, не забывая приличія опустится тутъ же на коверъ, но не сидитъ, а скорѣе стоитъ передъ посѣтителемъ на колѣняхъ (1).

Гостепріимство татаръ есть слѣдствіе праздной жизни, жажды къ новостямъ, разсказамъ, хотя бы и вымышленнымъ. Не зная какъ убить время, татары часто посѣщаютъ другъ друга и толпами стекаются отовсюду на всякаго рода увеселенія и зрѣлища.

Конская скачка, джигитовка и пляски составляютъ любимѣйшее занятіе народа.

Въ дни праздниковъ, богатыхъ свадьбъ, туземцы выѣзжаютъ попарно на лучшихъ коняхъ на ближайшій лугъ или на площадь и тутъ развертываютъ всю свою молодецкую удаль. При звукахъ азіятской музыки, они мчатся въ скачь, ловко бросая въ противника *джиридъ* (небольшая палка), и каждый удачный ударъ вызываетъ одобреніе толпы. Ловкость татаръ доходитъ иногда до невѣроятія. Часто на всемъ скаку наѣздникъ, держа въ зубахъ кинжалъ, заряжаетъ ружье, ловко и быстро вертитъ его надъ головою, и едва произведенъ выстрѣлъ, какъ ружье уже за плечами, а въ рукахъ наѣздника блеститъ

(1) Путевыя замѣтки Н. И—нъ Кавказъ 1861 г. № 39.

кривое лезвее персидской сабли. На всемъ скаку наѣздникъ подымаетъ шапки, джириды и даже самыя мелкія монеты.

Татаринъ выше, чѣмъ средняго роста, имѣетъ преимущественно смуглое и продолговатое лицо и темные глаза; онъ хорошо сложенъ и, не смотря на классическую лѣнь, во всѣхъ его движеніяхъ проглядываетъ живость, ловкость и сила.

Въ характерѣ туземца нѣтъ ничего постояннаго и опредѣленнаго.

Татары вообще словоохотливы, ловки въ обращеніи, пронырливы, льстивы и, по наружности, всегда преданные друзья, не смотря на недавнее знакомство. При врожденной словоохотливости, все населеніе татаръ говоритъ медленно и лицо ихъ имѣетъ видъ задумчивости, ясно свидѣтельствующей о свойственной имъ скрытности. Если туземецъ говоритъ, то всегда соображается съ обстоятельствами, мѣстомъ и тѣми лицами, съ которыми онъ ведетъ разговоръ; онъ говоритъ такъ, какъ будто не имѣетъ собственной воли въ сужденіяхъ, даже о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, не имѣетъ желаній и старается не обнаруживать своихъ, даже и самыхъ сильныхъ движеній души. Татары ловко скрываютъ истину, имѣютъ особую способность говорить много и не высказывать ничего, особенно если этого требуетъ разсчетъ и собственная выгода говорящаго. Сохраняя до нѣкоторой степени гордость, татаринъ, въ случаѣ нужды, искателенъ и низокъ передъ высшими, но, при малѣйшемъ возвышеніи, становится гордымъ и надмѣннымъ съ равными себѣ. Почти всѣ они принадлежатъ къ числу такихъ людей, которые прежде всего соображаютъ свои поступки и поведеніе съ характеромъ и взглядомъ тѣхъ лицъ, которыя стоятъ во главѣ управленія ими и при строгомъ начальникѣ, татаринъ далеко не позволитъ себѣ того, что позволитъ при слабомъ, нерѣшительномъ или непостоянномъ. Татаринъ хитеръ, но не тонокъ, склоненъ къ обманамъ и интригамъ. Онъ храбръ, когда находится въ сообществѣ другихъ, но въ одиночку, къ сожалѣнію, часто свою храбрость замѣняетъ хитростью, вѣроломствомъ и незнаніемъ законовъ чести. Корыстолюбіе побуждаетъ ихъ къ дѣламъ предосудительнымъ всякаго рода. Татаринъ можетъ быть трудолюбивъ и дѣятеленъ, но онъ всегда предпочтетъ такой промыселъ, который доставитъ ему скорѣйшее обогащеніе безъ усиленныхъ трудовъ, хотя бы для этого потребовались и предосудительные поступки. Имѣя пристрастіе къ грабежу, онъ готовъ для того перенести всевозможныя лишенія. Будучи въ обыкновенное время страшно лѣнивъ, онъ въ тоже время неутомимъ въ бродяжничествѣ и кочевкѣ.

Кочующіе народы, будучи вспыльчиваго характера, готовы на смертоубійство, лживы, легкомысленны, невоздержны въ пищѣ и напиткахъ и весьма склонны къ воровству, грабежамъ и разбоямъ.

Чуть ли не съ колыбели и со дня рожденія, молодой татаринъ всасы-

ваетъ съ молокомъ матери всю язву разврата и за тѣмъ воспитывается въ однихъ правилахъ безчестія.

«Есть кочевыя общества, пишетъ Прушановскій, между коими умирающій дома на постели не отъ насильственной смерти, вмѣсто того, чтобы видѣть въ окружающихъ состраданіе къ себѣ, слышитъ одни упреки, что онъ осрамилъ родъ свой, умирая не отъ кинжала и пули, что для него нѣтъ рая въ будущей жизни и мулла неохотно пойдетъ на его могилу. Напротивъ, трупъ павшаго на разбоѣ и грабительствѣ сопровождается рыданіями родственниковъ, друзей и цѣлаго общества».

Для юноши, который пріобрѣтаетъ насущный хлѣбъ и самое состояніе трудолюбіемъ, а не воровствомъ и разбоемъ, для того преграждается даже путь къ любви красавицы.

Похитить дѣвушку и, при сопротивленіи этому, убить брата и даже родителей ея, а потомъ жениться на похищенной, составляло еще не такъ давно похвальное молодечество. Преступникъ тщеславился такимъ поступкомъ и становился предметомъ удивленія и зависти для всего юношества.

Татаринъ, какъ на кочевкѣ, такъ и у себя дома, проводитъ все почти время въ бездѣйствіи и занимается только тѣмъ, что украдетъ у сосѣда лошадь или уведетъ быка. Укрывательство вора и клятвопреступленіе среди татаръ развито въ высшей степени. Сами татары хорошо сознаютъ это и, терпя отъ сильнаго, многіе отъ души желали бы искорененія этого зла.

— У насъ нѣтъ, говорятъ сами туземцы, ни простаго татарина, ни агалара, ни даже хаджія, который бы самъ не воровалъ или не держалъ партіи воровъ изъ сосѣднихъ деревень или уѣздовъ. Чтобы производить слѣдствія по всѣмъ воровствамъ, надо одну половину уѣзда сдѣлать судьями для того, чтобы судить другую половину; за тѣмъ, по окончаніи подобнаго суда, я уже не знаю, кто будетъ судить самихъ судей, которые ничѣмъ не лучше тѣхъ, которыхъ они осудили.

Татаринъ признаетъ присягу передъ кораномъ непремѣнно съ омовеніемъ, съ жертвами, и тогда онъ не станетъ думать одно, а говорить другое. Присягу же по нашимъ законамъ они ставятъ ни во что, считая ее не клятвою, а простымъ свидѣтельствомъ передъ русскими чиновниками (¹).

Татары весьма большіе охотники до всякаго рода тяжебныхъ и кляузныхъ дѣлъ. Рѣдкій изъ жителей, и въ особенности горожанъ, изъ какого бы сословія онъ ни былъ, не имѣетъ нѣсколькихъ дѣлъ въ судѣ или не состоитъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтелемъ или ходатаемъ по какому нибудь дѣлу. Даже и въ настоящее время «изъ дружбы, родства, вражды, а изъ бѣднаго класса весьма часто за рубль и дешевле, рѣдкій татаринъ не явится заочнымъ свидѣтелемъ происшествія, о которомъ онъ часто мелькомъ только слышалъ на

(¹) Запис. о карабагѣ Прушановскаго (рукоп.) Арх. Глав. Штаб. Очерки Елисаветпольскаго уѣзда Мевеса, Кавказъ 1865 г. № 353 6 и 37. Путевыя замѣтки. Кавказъ 1858 г. № 6.

базарѣ, и не приметъ ложной присяги въ судѣ. Случалось, что присягали въ несуществовавшемъ фактѣ цѣлыя деревни, а при разборѣ пустаго дѣла въ здѣшнемъ мировомъ судѣ, по легкости пріобрѣтенія свидѣтелей, каждая сторона запасается, по возможности, большимъ количествомъ, и при разборѣ дѣлъ въ судѣ нерѣдко приходится допрашивать по 60 и болѣе свидѣтелей» ([1]).

Вообще въ характерѣ татаръ встрѣчается странное сочетаніе хорошихъ и дурныхъ началъ. У нихъ нѣтъ той строгости, которая бы дѣлала ихъ разборчивыми въ выборѣ средствъ для достиженія предположенной цѣли; любовь къ корысти руководитъ поступками и часто они готовы разсыпаться въ увѣреніи въ преданности и вредить тайно. Татаринъ кровожаденъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удивительно покоренъ начальству, уважаетъ строгость и тщательно скрываетъ преступника. Склонные къ проискамъ и интригамъ, они лесть считаютъ должною учтивостью, а хитрость и умѣнье обмануть — умомъ; покорные и раболѣпные въ необходимости — они мстительны; лицемѣрные и скрытные—они въ тайнѣ способны питать ненависть и злобу.

Столь мрачная характеристика татаръ явилась и можетъ быть нѣсколько оправдана слѣдствіемъ того гнета, которому они подвергались отъ разнаго рода правителей. Дурные пороки туземца есть слѣдствіе обстоятельствъ его жизни; они навязаны ему постороннимъ вліяніемъ. Сами татары сознаютъ свою настоящую испорченность и готовы перейти къ лучшему. Въ народѣ очень много хорошихъ началъ, которыя заглушались вѣками.

«Хорошее въ характерѣ татаръ, пишетъ г. И. Ш. ([2]), имѣетъ перевѣсъ надъ дурнымъ, и полагать должно, что они очень близки были бы слиться съ русскими, если бы посредничество между двумя народами, чувствующими симпатію одинъ къ другому, не приняли на себя армяне, которые извлекаютъ изъ этой роли важныя выгоды, получая съ одной стороны деньги за мнимое покровительство, а съ другой награды и почести; убытка же они ни въ какомъ случаѣ имѣть не могутъ, такъ какъ въ распряхъ кровь льется не армянская, а между тѣмъ нужны поставки хлѣба, лазутчики и т. п. Врожденная привязанность русскихъ къ татарамъ обнаруживается и въ томъ, что, по прибытіи въ мусульманскія провинціи, мы очень скоро изучаемъ звучный ихъ языкъ, между тѣмъ какъ армяне, поставленные ближе по вѣрѣ, не могутъ научить насъ двухъ словъ ихъ неудобопроизносимаго языка, но служатъ болѣе факторами».

Тамъ, гдѣ не было этого факторства, гдѣ татаринъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ разнымъ изворотамъ, обману, лжи, гдѣ трудъ его и собственность были болѣе обезпечены и не зависѣли отъ большаго произвола и, наконецъ, тамъ, гдѣ онъ не скитался, не кочевалъ, а имѣя недвижимую собственность, велъ жизнь осѣдлую—тамъ и характеръ его, имѣющій хорошія нравствен-

---

([1]) Нахичевань. Кавказъ 1870 г. № 98.
([2]) Нѣкоторыя замѣч. на книгу: Обозрѣніе Россійс. влад. за Кавказомъ изд. 1840 г.

ныя начала, развивался въ совершенно обратную сторону. Въ подтвержденіе послѣдняго можно указать на шекинцевъ, и въ особенности на ихъ простой народъ. Они тихи, трудолюбивы и храбры; чуждаются воровства и вообще далеко не склонны къ преступленіямъ обдуманнымъ и умышленнымъ. Будучи весьма покорны приказаніямъ начальства, они, даже въ случаѣ воровства, явно производимаго лезгинами, не рѣшались на самоуправство. Что же касается до талышенцевъ, то они очень смирнаго нрава, далеко не храбры, гостепріимны, безкорыстны и склонны къ лѣности.

Татарки живы, но осторожны, охотницы поговорить, любятъ веселье и наряды. По характеру и «въ физіологическомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ польками». Въ отсутствіе мужчинъ онѣ снимаютъ съ себя покрывала и ходятъ въ самомъ легкомъ костюмѣ ([1]).

При постороннихъ мужчинахъ, женщина обязана ходить постоянно подъ покрываломъ, и если она, въ присутствіи одного или нѣсколькихъ мужчинъ, раскроетъ свое лицо, то слѣдствіемъ этого бываетъ непремѣнный разводъ съ мужемъ. Нѣкоторыя изъ женъ пользуются этимъ, чтобы развязаться съ нелюбимымъ человѣкомъ, который, по обычаю, считаетъ невозможнымъ жить съ подобною, безстыдною женщиною ([2]). Тѣ же, которыя не желаютъ подобныхъ послѣдствій, все-таки, по врожденной своей натурѣ, не прочь отъ того, чтобы пококетничать. Замѣтивъ, что послѣднее можно дозволить себѣ сдѣлать безопасно женщина, какъ будто нечаянно, оступится, опуститъ край покрывала и, какъ бы невзначай, покажетъ свои огненные глаза, розовыя щечки, алый ротъ, черные локоны и пухлую ручку. Женщина — вездѣ женщина, и между азіятскими племенами кокетливыя движенія ихъ дѣлаются такъ же граціозно, мило, ловко, обдуманно, проворно и натурально, какъ и нашими барынями.

Одежда татарокъ состоитъ изъ широкихъ шальваръ, называемыхъ *туманами* и теряющихся вверху подъ разрѣзнымъ коротенькимъ архалукомъ, сквозь прорѣзы котораго, служащіе вмѣсто рукавовъ, проходятъ рукава рубашки. Подъ архалуками нѣкоторыя носятъ родъ нашихъ корсетовъ. На головѣ небрежно повязанъ платокъ въ видѣ чалмы, съ оставленными позади длинными концами, а на шеѣ ожерелье изъ бусъ или нанизанныхъ монетъ. Вмѣсто чулокъ, татарки носятъ узорчатые шерстяные носки, и почти всегда самыхъ яркихъ цвѣтовъ.

Татары одѣваются вообще весьма неопрятно, почти никогда не мѣняютъ бѣлья, отговариваясь тѣмъ, что его некому мыть, и говорятъ, что лучше надѣть новое, чѣмъ мыть старое. Вообще они нечистоплотны и грязны; у рѣдкаго жителя двѣ перемѣны бѣлья, а больше по одной рубашкѣ, да и та

([1]) Характерис. племенъ обитающихъ въ Эриванской губ. М. Мансурова. Кавказъ 1860 г. № 69.

([2]) Очеркъ дагестанскихъ нравовъ. Кавк. 1860 г. № 85.

дырявая, пропитанная потомъ и саломъ. Оттого и запахъ отъ нихъ бываетъ весьма характеристиченъ, какъ отъ овецъ или другихъ животныхъ. Не смотря однакоже на то, что одежда женщинъ часто состоитъ изъ лохмотьевъ, но чрезвычайно оригинальна, а лица ихъ, не смотря на всклокоченные и нечесанные волосы, красивы и замѣчательны по строгой правильности овала, тонкости и художественности чертъ. Смуглый цвѣтъ лица, окрашенный полуденнымъ жгучимъ солнцемъ, оживляется черными какъ уголь глазами (1).

Татаринъ одѣвается въ черную шерстяную чуху съ золотыми галунами и длинными рукавами, разрѣзанными сзади отъ плеча до кисти рукъ. Эти рукава обыкновенно висятъ, но въ дурную погоду и холодъ ихъ плотно застегиваютъ отъ кисти руки и почти до локтя. Подъ чуху надѣвается черный шелковый архалукъ, изъ подъ котораго виднѣется красная канаусовая сорочка съ золотыми шнурками. Не смотря на стужу, грудь туземца всегда раскрыта, шея голая, подпоясанъ онъ красивымъ серебрянымъ поясомъ или шерстянымъ персидскимъ кушакомъ, на которомъ виситъ длинный дагестанскій кинжалъ; широкіе зеленые шаровары его или подняты выше колѣнъ, или обтянуты ниже ихъ черными бинтами, называемыми *толагъ-алты*. Пестрые персидскіе чулки его прикрываютъ ступни ногъ, а кожаные зеленые коши, съ загнутыми къ верху носками, довершаютъ обувь. На сельскихъ работахъ, или въ дурную погоду, мужчины обертываютъ ноги толстыми тканями и надѣваютъ башмаки безъ каблуковъ. При верховой ѣздѣ употребляются длинные сапоги, съ острыми, загнутыми вверхъ концами.

Высокій мѣховой папахъ изъ бараньей шкуры, нѣсколько загнутый назадъ, составляетъ головной уборъ. Имѣя видъ усѣченнаго конуса, папахъ у бѣдныхъ бываетъ или бѣлый, или рыжій, а у богатыхъ—черный.

Впрочемъ, въ лѣтнее время и богатые, въ защиту отъ солнечныхъ лучей, носятъ также бѣлые папахи, которыхъ туземцы никогда не снимаютъ (2). На плечахъ зимою татаринъ носитъ въ накидку нагольный, дубленый тулупъ темно-шафраннаго цвѣта, съ узкими и предлинными рукавами (3).

Въ прежнее время, татары были отличными наѣздниками; все дышало въ нихъ воинственнымъ духомъ. Отправляясь за нѣсколько верстъ, они были всегда отлично вооружены: ружье повѣшено черезъ плечо, за поясомъ сзади заткнутъ пистолетъ, а спереди кинжалъ, съ боку — шашка. Татары и до сихъ поръ страстно любятъ хорошее оружіе, но оно, какъ и богатство въ конской сбруѣ, встрѣчается рѣдко.

Татаринъ, когда только сытъ, предается лѣни и по цѣлымъ днямъ лежитъ гдѣ-нибудь подъ тѣнью дерева, погрузившись въ блаженство кейфа. До

(1) Даралагезское ущелье Токарева. Кавк. 1852 г. № 39.

(2) Нѣкоторые изъ талышинцевъ, напротивъ того, часто ходятъ постоянно безъ шапки, хотя всѣ брѣютъ голову.

(3) Шемаха П. Егорова. Кавк. 1852 г. № 13. Очерки дагестанскихъ нравовъ. Кавказъ 1860 г. № 85.

хозяйственныхъ работъ ему нѣтъ дѣла—это забота женъ или жены, на которую возложенъ весь трудъ. Жена у татарина—мать семьи, хозяйка, работница и раба мужа. Сохрани Богъ, если она понимаетъ не буквально значеніе этихъ словъ: удары плети, сыплющіеся съ избыткомъ на ея спину, скоро убѣждаютъ ее въ истинномъ значеніи этихъ словъ. Она дѣлается тогда безсловеснымъ животнымъ, надъ которымъ мужъ вполнѣ тѣшится, а подъ-часъ, если благовѣрный супругъ слишкомъ вышелъ изъ терпѣнія, то считаетъ не лишнимъ, сверхъ побоевъ и отвратительныхъ грубыхъ ругательствъ, кольнуть свою жену остріемъ кинжала на вѣчную память своего негодованія.

Относительно своихъ чувствъ, татаринъ не обязанъ давать отчета своей женѣ: онъ знаетъ, что она его собственность, его рабыня, и потому дѣлиться съ нею чувствами считаетъ совершенно лишнимъ. Чувство любви мало извѣстно татарину.

— Ласкай женщинъ, говоритъ татарская мудрость, но не люби ихъ, если не хочешь изъ властелина сдѣлаться рабомъ. Любовь сладка только въ пѣсняхъ, на дѣлѣ же начало ея—страхъ, средина—грѣхъ, а конецъ—раскаяніе. Не заглядывайся на чужихъ женъ и не слушай свою собственную.

Что такое жена въ понятіи татарина?—женщина... слѣдовательно, въ ней нѣтъ ни души, ни сердца, она создана для того только, чтобы быть терпѣливымъ животнымъ. Жена не смѣетъ высказывать чувства ревности—это дѣло мужа, но спаси ее Аллахъ, если послѣдній замѣтитъ что-нибудь и станетъ подозрѣвать жену въ невѣрности. Тогда расправа бываетъ коротка: кинжалъ наказываетъ преступницу. Женщина, какого бы возраста или сословія ни была, не имѣетъ права говорить съ мужчиной. Мужчина-соблазнитель подвергается кровавой мести, которая только одна можетъ снять пятно безчестія съ оскорбленнаго мужа. «Никакой законъ, никакая сила, никакія угрозы не могутъ заглушить голоса мести въ обезчесченномъ татаринѣ. Пока преступленіе не отомщено, до тѣхъ поръ татаринъ-мужъ не можетъ говорить съ открытымъ челомъ ни съ какимъ мужчиной (1)».

Бѣдные рѣдко имѣютъ болѣе одной жены; но едва татаринъ начинаетъ богатѣть, едва стада его увеличиваются, обороты дѣлаются обширнѣе, какъ часто мужъ получаетъ намекъ отъ жены о необходимости взять другую. Это понятно потому, что у нихъ нѣтъ обыкновенія нанимать прислугу. Вторая жена дѣлается вѣрною работницею, отъ которой, впрочемъ, мужъ прячетъ ключи, запирающіе деньги и лакомства. Многіе однакоже считаютъ многоженство дѣломъ безумнымъ потому, что въ домѣ не бываетъ много спокойствія: безпрестанныя сплетни, споры, драка, требуютъ разбирательства мужа. Часто послѣдній предпринимаетъ путешествіе въ Мекку, чтобы только отдохнуть отъ прекрасныхъ подругъ его жизни.

Уваженіе къ старшимъ составляетъ основу семейнаго быта татаръ. Стар-

(1) Очерки дагестанскихъ нравовъ. Кавк. 1860 г. № 84.

шій въ семействѣ пользуется большимъ уваженіемъ отъ всѣхъ прочихъ членовъ. Въ случаѣ смерти отца, старшій сынъ заступаетъ его мѣсто, и сколько бы ни было братьевъ, они большею частію живутъ нераздѣльно въ одномъ семействѣ, признавая старшаго своимъ главою. Женщины никогда не показываются постороннимъ мужчинамъ и даже закрываютъ часто свое лицо отъ живущихъ въ одномъ домѣ родственниковъ мужескаго пола. Занимаемыя женщинами комнаты недоступны для посторонняго глаза.

Угнетеніе женщины, затворническая жизнь и крайне деспотическое обращеніе съ нею мужчины, очень естественно, породило въ первой желаніе выйти изъ столь стѣснительнаго состоянія и пріобрѣсти себѣ права въ обществѣ и семействѣ. Злоупотребленіе мужей, праздная гаремная жизнь, были двигателями къ тому, что женщина стремилась сравнять свои права съ мужчинами. По складу взаимныхъ отношеній мусульманскаго семейства, женщина должна была прежде всего считать своими личными врагами всю родню мужа, съ которою она, съ давнихъ поръ, ведетъ вражду самую упорную и неутомимую; невѣстка непремѣнно сдѣлаетъ противное тому, что желаетъ и говоритъ свекровь.

Дѣйствуя скрытно, и въ виду оппозиціи мужчинамъ, явились женщины–законодательницы, которыя, стараясь улучшить свое положеніе, составили свои собственныя правила и назвали ихъ *женскимъ кораномъ*, который сталъ скоро извѣстенъ всѣмъ послѣдовательницамъ шіитской секты, если не весь, то все–таки каждая изъ женщинъ знаетъ многія мѣста его. Понятно, что женскій коранъ долженъ быть совершенно противенъ законамъ Магомета, какъ главнаго виновника униженія женщины и того рабскаго положенія, въ которомъ она находится до настоящаго времени въ мусульманскомъ мірѣ. Съ другой стороны, подобный коранъ долженъ быть далеко не по вкусу мужчинѣ, и дѣйствительно, по словамъ издателя корана, мужья съ ужасомъ узнали «цѣлый міръ адскихъ коварствъ и самыхъ демоническихъ происковъ нашихъ дражайшихъ половинъ—*этого гнуснаго отродья*»!...

Женщины–законодательницы пустили въ ходъ тѣ невидимыя силы, которыя составляютъ ихъ особенность, и противъ которыхъ мужчина, при всемъ его умственномъ и физическомъ превосходствѣ, почти не въ состояніи бороться.

Женскій коранъ отвергаетъ омовеніе не рѣдко въ теченіе трехъ дней для тѣхъ изъ женщинъ, которыя только что нарумянились и выкрасили себѣ брови и рѣсницы. Женщина, которой главное назначеніе нравиться мужчинамъ, не соблюдшая этого правила, должна считаться беззаконницей. Омовенія не слѣдуетъ дѣлать, если мужъ, отправившись на долго изъ дому, не оставилъ женѣ денегъ на баню, и когда обѣщалъ женѣ подарокъ, то до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ своего обѣщанія.

Женщина можетъ не совершать намаза, т. е. не молиться, когда услышитъ музыку; въ день обрученія кого–нибудь изъ знакомыхъ; когда мужъ

возвращается изъ путешествія; если есть гости; когда женщина одѣта въ платье убранное галунами, и проч.

Въ коранѣ мусульманокъ установлены свои особые посты, которые составляютъ смѣсь настоящей религіи съ законами древнихъ временъ. Женщины соблюдаютъ *постъ дѣвы солнца*. Пропостившись цѣлое утро 17 числа реджаба мѣсяца, онѣ должны, по своему корану, разговѣться сахаромъ съ нѣсколькими зернышками риса, купленнаго на деньги, добытыя непремѣнно милостынею. Во время *поста али* не ѣдятъ до самаго вечера, и потомъ, доставъ воды изъ разныхъ источниковъ, перемѣшавъ ее и выпивъ, постившаяся дѣлаетъ намазъ двумя колѣнопреклоненіями и затѣмъ разгавливается.

Самый трудный постъ для женщины есть *постъ молчанія*. Отъ восхода и до заката солнца она не должна говорить, а въ часъ разговѣнья взять деревянную ложку и идти просить милостыню. Постучавъ семь разъ въ двери первыхъ встрѣчныхъ домовъ, она проситъ подаянія и на собранныя деньги покупаетъ молоко, рисъ и финики для начинки пирога, которымъ и обязана разговѣться.

Если у мужа одна жена, то, конечно, онъ болѣе ласкаетъ и тѣшитъ ее подарками, и тогда женскій коранъ, считая такого мужа достойнымъ, предписываетъ женѣ платить ему вѣрностью и любовью. Мужъ, раззоряющійся для своей жены, по словамъ женщинъ, угождаетъ Богу и будетъ наслаждаться вѣчнымъ счастіемъ на томъ свѣтѣ въ раю. Мужъ не можетъ, или, по крайней мѣрѣ, не долженъ запрещать женѣ посѣщать четыре мѣста: бани, представленія во время мухаррема, ея родныхъ и гулянья. Если же онъ запрещаетъ это, то жена въ правѣ ослушаться его.

Съ нелюбимымъ мужемъ слѣдуетъ развестись, а для этого коранъ совѣтуетъ обходиться грубо съ дѣтьми, бить чаще служанокъ, ломать мебель, а если и при этомъ не достигнешь цѣли, то, говоритъ онъ, «прокляни и заколдуй тирана».

Женщина должна тщательно закрываться и бѣжать, какъ чумы, отъ всѣхъ мужчинъ, украшенныхъ чалмами, муллъ, учителей, однимъ словомъ отъ всѣхъ тѣхъ, отъ кого отзывается мечетью и школою. Но ежели, учитъ женскій коранъ, у отца есть молодой прекрасный сынъ, вы можете оказать особое вниманіе къ отцу—поднявъ передъ нимъ конецъ вашего покрывала и показавъ ему хоть одинъ вашъ глазъ. «Не закрывайтесь передъ красивымъ юношей, пока онъ еще безъ бороды; не закрывайтесь передъ молодымъ мужемъ, передъ жидомъ—а въ особенности передъ музыкантомъ. Ежели хотите, можете также не закрываться передъ цирульниками, передъ сторожами бань, передъ фиглярами, передъ лавочниками и, наконецъ, передъ золотыхъ дѣлъ мастерами—это въ вашей волѣ»...

Вообще бани и музыканты пользуются особою благосклонностью женщинъ. Въ банѣ мусульманки предаются полному веселью, кейфу и слушанію музыки;

музыканты приглашаются въ гаремы и женщины передъ ними не закрываютъ своихъ лицъ.

По своему характеру, мусульманка чрезвычайно добра, попечительна о бѣдныхъ, гостепріимна и, какъ видно изъ только что приведеннаго, охотница пококетничать. При посѣщеніи мужа молодымъ и красивымъ мужчиною, жена изъ-за двери старается сказать ему нѣсколько ласковыхъ словъ, и даже взглянуть на него привѣтливо. Хотя всѣ эти ухищренія, употребляемыя женщинами противъ мужчинъ, и не составляютъ исключительной принадлежности татарокъ, но они извѣстны и общи имъ, какъ и всякой мусульманской женщинѣ. Про женщину-же татарку можно сказать только то, что если онѣ не поступаютъ совершенно противоположно, то, во всякомъ случаѣ, не придерживаются во всей строгости закону пророка, въ которомъ сказано: «И повѣдай правовѣрнымъ женамъ, да потупляютъ очи свои и да хранятъ цѣломудріе, да не обнажаютъ прелестей своихъ; да скрываютъ перси свои подъ фатою, и да не узритъ ихъ никто, кромѣ мужа».

Напротивъ того, одежда мусульманскихъ женщинъ по большей части открыта спереди, такъ что груди просвѣчиваютъ сквозь тончайшую фату.....

III.

Свадебные обряды татаръ и ихъ увеселенія. — Татарскія пѣсни, танцы и музыкальные инструменты. — Борьба силачей. — Расторженіе браковъ. — Рожденіе. — Болѣзни и способы туземнаго леченія. — Погребеніе умершихъ.

Женщины-мусульманки убѣждены, что для мужчины на этомъ свѣтѣ не можетъ быть ничего лучше какъ красивая жена. Мнѣніе свое онѣ основываютъ на разрѣшеніи и страсти самого Магомета къ многоженству. Дѣйствительно, безбрачіе считается у мусульманъ преступленіемъ. Каждый находитъ себя тѣмъ болѣе счастливымъ, чѣмъ многочисленнѣе его потомство. Дѣти—это благо ниспосланное свыше и достойное зависти каждаго правовѣрнаго. Плодовитая жена пользуется большимъ почтеніемъ и уваженіемъ мужа, рѣдко рѣшающагося развестись съ такою женою или продать невольницу, отъ которой имѣлъ дѣтей.

Отецъ обязанъ отыскать для сына невѣсту, для дочери—жениха; обязанъ сочетать ихъ бракомъ и исполнить это не позже того времени, когда сынъ или дочь достигнутъ совершеннолѣтія, иначе проступки, въ которыхъ они будутъ виновны и которые не разлучны съ безбрачіемъ, лежатъ на отвѣтственности отца.

— Я воспиталъ тебя, говоритъ отецъ сыну, взявъ его за руку, обучилъ,

женилъ и не отвѣчаю теперь болѣе за твое поведеніе ни въ этомъ мірѣ, ни въ другомъ.

Такая обязанность, возлагаемая на отца, часто заставляетъ послѣдняго торопиться скорѣйшимъ бракосочетаніемъ своихъ дѣтей и прибѣгать не рѣдко къ преждевременнымъ союзамъ. Преждевременная женитьба дѣтей мужескаго пола влечетъ за собою множество злоупотребленій въ семейной жизни. Мать и жены, если ихъ нѣсколько у татарина, твердятъ мальчику, достигшему только четырнадцати-лѣтняго возраста, что ему пора жениться; мать особенно хлопочетъ объ этомъ. Женившись, онъ, на первыхъ порахъ, предается съ излишествомъ чувственнымъ наслажденіямъ, умъ его притупляется, сердце черствѣетъ, и онъ, конечно, забываетъ при этомъ что надо учиться. «На востокѣ зрѣлый возрастъ никогда не оправдываетъ надеждъ подаваемыхъ въ дѣтствѣ и юности».

Татарская дѣвушка предпочитаетъ выйти замужъ за человѣка, который прославилъ себя воровствомъ; она убѣждена, что воръ легче можетъ содержать свою семью и жить безбѣдно, чѣмъ всякій другой. Дѣвушки презираютъ тѣхъ молодыхъ людей, которые не отличились ни въ какомъ разбоѣ, оттого у туземцевъ ограбить на дорогѣ путешественника не считается дѣломъ постыднымъ: не жажда корысти, а удальство ведетъ его иногда на разбой и грабежъ (1).

Браки зависятъ отъ воли родителей, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ согласія жениха. Мусульманскій законъ, воспрещающій всякое сношеніе съ прекраснымъ поломъ, дѣлаетъ то, что жениху приходится выбирать невѣсту на обумъ или по слухамъ, не видавъ ея лично. Мужчины женятся рѣдко моложе двадцати-пяти лѣтъ, потому что, для совершенія этого акта, необходимо имѣть достаточное состояніе, чтобы сдѣлать невѣстѣ подарки и уплатить *кебинъ*, или *вено*.

При заключеніи брачнаго договора, родители условливаются о величинѣ вносимаго женихомъ кебина. Величина эта бываетъ различна и зависитъ отъ состоянія жениха, важности его происхожденія и красоты невѣсты. Такъ, у казахскихъ татаръ бѣдный вносилъ прежде за невѣсту отъ 20 до 40 руб. сер., а богатый до 500 руб; у кубинцевъ кебинъ былъ не менѣе 20 червонцевъ, а беки платили отъ 50 до 100 червонцевъ; у шекинцевъ кебинъ вовсе не платился, а въ актѣ бракосочетанія обозначалась только та сумма, которая должна быть уплачена мужемъ въ случаѣ развода съ женою. Кромѣ кебина, во многихъ мѣстахъ, женихъ дѣлаетъ подарки родителямъ невѣсты, состоящіе изъ извѣстной суммы денегъ, рогатаго скота, лошади, ружья, кинжала и прочее. За тѣмъ женихъ дѣлаетъ подарки невѣстѣ и весьма часто, какъ напримѣръ у бакинцевъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до самой свадьбы. Кебинъ, вносимый въ брачный актъ, составляетъ собствен-

(1) Возвращеніе. Кавк. 1852 г. № 74.

ность невѣсты, точно также какъ и тѣ вещи, которыя подарены женихомъ до свадьбы. Невѣста, въ свою очередь, приноситъ въ домъ мужа приданое, состоящее по большей части изъ мѣдной посуды, разныхъ женскихъ украшеній ея собственной работы, ковровъ, паласовъ и другихъ вещей необходимыхъ въ хозяйствѣ.

Послѣ изъявленія согласія на бракъ, бываетъ обрученіе—*ширини*, собственно означающее сласти, но употребляемое и въ смыслѣ обрученія. Женихъ посылаетъ въ домъ невѣсты сласти и часто нѣсколько пудовъ сахару. Туда приглашается мулла, родственники и друзья съ обѣихъ сторонъ. Мулла читаетъ молитву, утверждаетъ взаимное желаніе брачущихся на вступленіе въ бракъ, а присутствующіе поздравляютъ родителей жениха и невѣсты. Гостямъ раздаются угощенія и они, пожелавъ молодымъ всякаго счастья, отправляются домой, захвативъ съ собою и угощеніе.

Во время обрученія молодыхъ, если посторонняя дѣвушка желаетъ найти себѣ мужа, то, по укоренившемуся суевѣрію, должна вдѣть въ иглу зеленую шелковинку и, вмѣшавшись въ толпу окружающую невѣсту, стараться продѣть иглу вмѣстѣ съ шелковинкою въ покрывало невѣсты. За тѣмъ тотчасъже, вынувъ обратно иглу, носить ее постоянно на груди. Тогда, говоритъ женскій коранъ, «какъ бы вы ни были стары и дурны, крикливы и сварливы, не бойтесь ничего: иголка, съ шелковинкою не пробудетъ у васъ и болѣе мѣсяца, какъ какой-нибудь богатый и красивый мужчина пришлетъ сватать васъ».

Духовная сторона обряда бракосочетанія у татаръ одинакова со всѣмъ остальнымъ мусульманскимъ міромъ. Передъ совершеніемъ свадебнаго акта, въ которомъ излагаются условія брака и количество кебина, мулла, или другое духовное лицо, обращается прежде всего къ жениху.

— Хочешь ли ты взять такую-то женою? спрашиваетъ онъ жениха. Она (невѣста) можетъ сдѣлаться лѣнивою, сварливою, будетъ мотать и т. п.

Женихъ отвѣчаетъ на это, что онъ готовъ все перенести.

— Хочешь ли имѣть такого-то своимъ мужемъ? спрашиваетъ мулла невѣсту. Онъ будетъ тебя бить, принуждать къ работѣ, дурно одѣвать и дурно кормить.

— Все перенесу, отвѣчаетъ невѣста.

Тогда мулла читаетъ *сигу* (молитву) и заключаетъ кебинъ. По магометанскимъ законамъ, если женщина, помолвленная замужъ, произнесетъ при свидѣтеляхъ слово *радде* (что значитъ отступаюсь и отрекаюсь отъ клятвы), добровольно, безъ принужденія и до брачнаго ложа, то она освобождается отъ брачныхъ узъ и, по очищеніи себя молитвою, можетъ выйти за другаго.

Послѣ заключенія кебина начинается свадебный пиръ. Наполнивъ свои желудки свадебнымъ обѣдомъ, гости расходятся по домамъ, а молодой, въ сопровожденіи шафера и близкихъ людей, отправляется въ баню, при шумѣ азіатской музыки, сопровождающей его туда и обратно.

У талышинцевъ, съ наступленіемъ вечера, пиръ возобновляется. Собираются

гости и, усѣвшись на коврахъ и поджавъ подъ себя ноги, присутствующіе пьютъ чай и наслаждаются туземною музыкою, пѣніемъ и танцами.

Ни одна свадьба не обходится безъ музыкантовъ, пѣвчихъ и танцовщицъ. Послѣднія, заинтересовавъ публику своимъ искуствомъ, вдругъ останавливаются, съ умысломъ получить вознагражденіе. Зрители бросаютъ имъ мелкія монеты столько, сколько кто можетъ; собранныя деньги обращаются частію въ пользу музыкантовъ и частію въ пользу самого хозяина. Получивъ подаяніе, труппа продолжаетъ увеселять гостей, которые, въ очарованіи и упоеніи, покуриваютъ кальянъ. Иногда на арену выходитъ сказочникъ или пѣвецъ и, своимъ разсказомъ, занимаетъ праздное воображеніе присутствующихъ.

Татары поютъ большею частію арабскія или персидскія пѣсни, хоромъ, въ одинъ или два тона, по строфамъ и непремѣнно съ акомпаниментомъ *чонгури* или *сазы*—туземная балалайка съ металлическими струнами, по которымъ перебираютъ тростинкой. Для подобныхъ случаевъ употребляются также бубны и небольшія скрипки особой формы, на которыхъ играютъ смычкомъ. Музыка татаръ оглушительна и состоитъ преимущественно изъ барабановъ и разнотонныхъ гобоевъ. Пѣсни ихъ рѣдко выражаютъ любовь, но чаще воспѣваютъ красоту женщины, подвиги богатырей, дѣянія шаховъ и хановъ; напѣвъ ихъ монотонный, протяжный, унылый, разсыпающійся въ какія-то гортанныя трели.

Одновременно съ этими увеселеніями мужчинъ, въ небольшой комнатѣ женскаго отдѣленія сидитъ невѣста. Она одѣта такъ хорошо, какъ позволяютъ только средства. Голова ея повязана краснымъ шелковымъ платкомъ, къ которому сзади прикрѣпленъ кисейный вуаль розоваго же цвѣта съ разными узорами; на ней надѣта *нимтане*—курточка изъ малиноваго бархата съ большими золотыми пуговицами по рукавамъ и бортамъ; швы и края нимтане обшиты золотымъ шнуркомъ; широкіе шелковые шальвары, свѣтло-голубаго цвѣта, обложены внизу узкимъ серебрянымъ галуномъ, а рубашка изъ желтаго канауса. На шеѣ висятъ, какъ ожерелье, нанизанные въ два ряда червонцы; на груди къ сорочкѣ пристегнута большая золотая брошка, осыпанная мелкими алмазами; на рукахъ браслеты, а въ ушахъ тяжелыя серьги съ драгоцѣнными камнями.

Невѣста окружена женщинами и подругами; она старается быть задумчивою и показываетъ видъ, что не совсѣмъ довольна своимъ положеніемъ. Передъ нею стоитъ серебряный подносъ, наполненный сухими фруктами, а по краямъ подноса горятъ прилѣпленныя восковыя свѣчи, разукрашенныя разными красками. Всѣ присутствующіе поютъ общимъ хоромъ, по временамъ играютъ на бубнѣ и танцуютъ. Такъ тянется время до ужина, послѣ котораго, около 12 часовъ ночи, гости расходятся. Шафера и другіе близкіе знакомые отправляются къ невѣстѣ и, съ торжествомъ и музыкою, отвозятъ ее въ домъ жениха.

Невѣсту, покрытую съ головы до ногъ чардою (покрываломъ), сажаютъ

верхомъ на лошадь и, помѣстивъ позади ее, на ту же лошадь, одну изъ родственницъ, отводятъ шагомъ въ домъ мужа. Толпа окружаетъ проводника, ведущаго въ поводу лошадь; крики неистовой радости, бросаніе вверхъ шапокъ, стрѣльба изъ ружей, музыка—все это сливается въ одинъ общій гулъ. Тутъ же, во главѣ процессіи, слѣдуютъ обыкновенно плясуны, которые останавливаются передъ домомъ каждаго знатнаго человѣка и отдаютъ ему честь ногами, часто въ продолженіе получаса.

На сколько пріятно смотрѣть на танцующую татарку, на столько же въ танцѣ мужчины-татарина нѣтъ ничего привлекательнаго.

Татарки пляшутъ обыкновенно вдвоемъ и имѣютъ въ рукахъ кастаньеты, которыми пощелкиваютъ то часто, то медленно, то вдругъ удары кастаньетъ вовсе умолкаютъ и пляшущіе остаются какъ бы неподвижны, а затѣмъ, съ судорожнымъ движеніемъ тѣла, съ ускореннымъ дребезжаніемъ кастаньетовъ и будто въ изступленіи, танцующая бросается впередъ, но, одинъ шагъ—и она опять идетъ тихо, плавно, выражая своими легкими и стройными движеніями томленіе и страстную нѣгу. При каждомъ подобномъ движеніи, красная шелковая рубашка татарки, съ большимъ разрѣзомъ впереди и съ застежкою на шеѣ, обнаруживаетъ стройныя формы бронзоваго тѣла, татуированнаго въ разные узоры; густые черные волосы ея, кудрями разсыпанные по плечамъ, влажные и огненные глаза свидѣтельствуютъ, что, въ самый разгаръ танца, самая душа женщины какъ будто изнемогаетъ въ томленіи и пылкомъ наслажденіи.

«Другой родъ пляски, говоритъ И. Шопенъ, называемый *гюванкъ*, вѣроятно изобрѣтенъ олицетворенною лѣнью, потому что исполняется сидя. При началѣ пляски, двѣ пары, поджавъ ноги подъ себя, садятся одна противъ другой въ довольно дальнемъ разстояніи и, подъ тактъ музыки, придаютъ своему стану разныя положенія, прищелкивая пальцами и въ руку; вмѣстѣ съ этимъ всѣ пары, не вставая, подвигаются впередъ и сходятся вмѣстѣ, такъ что колѣна ихъ дотрогиваются; тутъ они придаютъ движеніямъ своимъ болѣе страсти и живости и, выказывая всю красоту стана, танцующія, то перегибая голову назадъ, такъ чтобы распущенными волосами касаться пола, то забрасывая ее впередъ, скрываютъ свои пламенные взгляды подъ густымъ покрываломъ волосъ.

«Вообще въ пляскѣ татарокъ всѣ движенія дышатъ роскошью, нѣгою. Конечно, такія пляски не совсѣмъ благопристойны, но такъ какъ онѣ совершаются въ тайнѣ гаремовъ, передъ людьми, ищущими сильныхъ побужденій страсти, то восторгъ и рукоплесканія служатъ наградою искуснѣйшей плясуньѣ».

Татары пляшутъ лезгинку и танецъ весьма похожій на *русскую*, но только болѣе лѣнивую. «Таже плавность, тѣ же pas, иногда присядка; тѣ же пріемы, только нѣтъ одушевленія русской пляски, нѣтъ чувствъ въ жестахъ и въ физіономіи. Пляска выражаетъ одну только ловкость, силу, мужество и отвагу».

Собравшись вмѣстѣ по нѣскольку человѣкъ и взявшись за руки, татары-мужчины составляють полукружіе. При медленныхъ звукахъ музыки, цѣпь танцоровъ раскачивается медленно, какъ бы желая расшевелить свои заснувшіе члены; съ ускореніемъ такта музыки, и движенія танцующихъ становятся болѣе порывистыми. Перестанавливая одну ногу за другую, танцующіе принимають въ сторону, переваливаясь въ ту же сторону и всѣмъ корпусомъ; затѣмъ слѣдуетъ обратное движеніе, такъ что цѣпь двигается то въ право, то въ лѣво. Тактъ музыки постепенно ускоряется, а съ нею ускоряются и всѣ движенія танцующихъ и доходять до неистовства; но сильный ударъ въ барабанъ и быстрыя движенія прекращаются—танецъ по прежнему принимаетъ лѣнивый характеръ.

Въ прежнее время у татаръ былъ еще особый родъ пляски, имѣвшій въ себѣ что-то мистическое и религіозное. При ханахъ въ Нухѣ была цѣлая труппа особыхъ плясуновъ, состоявшая изъ двѣнадцати человѣкъ *погливановъ* — борцовъ или силачей. Люди эти, находясь подъ непосредственнымъ покровительствомъ хана, освобождались отъ всякихъ податей и повинностей. Съ уничтоженіемъ ханской власти и труппа эта разсѣялась, но въ 1846 году въ Нухѣ жило еще семь человѣкъ такихъ погливановъ. Люди эти въ самомъ дѣлѣ обладали и значительною силою, и геркулесовскими мускулами. Выступая на сцену боя, они снимали съ себя лишнее платье, засучивали рукава, и преклонялись долу во все время чтенія молитвы, призывающей на нихъ божественное благословеніе, и затѣмъ, по окончаніи ея, прикладывали руку къ землѣ и челу.

При тихихъ и мѣрныхъ ударахъ музыки, погливаны брали огромныя палицы, въ родѣ большихъ кеглей, фунтовъ въ 20 каждая, и становились вокругъ главнаго погливана, вооруженнаго лукомъ, на тетивѣ котораго насаживались серебряныя бляхи и погремушки... «Потрясая гремящимъ лукомъ, погливанъ-дирижеръ подаетъ сигналъ и дубины, поднявшись надъ головами геркулесовъ, начинаютъ вертѣться въ тактъ, сперва медленно, потомъ чаще, образуя разныя узловатыя фигуры; потомъ силачи, не переставая вертѣть палицами, пляшутъ на маломъ пространствѣ съ какою-то систематическою точностію; дирижеръ-погливанъ, своими знаками и гремящей тетивою, ободряетъ усталыхъ; они становятся на колѣна, тактъ переходитъ изъ половиннаго въ четвертной и, наконецъ, погливаны, дойдя до совершеннаго изнеможенія, прекращаютъ пляску».

Послѣ небольшаго отдыха, погливаны начинали борьбу. Двое изъ нихъ выходили на состязаніе и, какъ бы пробуя силы, ударялись обѣими ладонями, и потомъ оба, склонившись головою, сталкивались затылками. Одинъ изъ присутствующихъ читалъ надъ выступившими борцами молитву.

— Царь-Али пособи! произноситъ онъ, достойнѣйшему рая пособи! Когда раздастся крикъ раба твоего, пособи!...

По окончаніи молитвы, читавшій ее ударялъ по спинѣ каждаго изъ бор-

цовъ, стоявшихъ преклоненными къ землѣ. Удары эти производились въ знакъ благословенія на предстоящій бой. «Противники расходятся при звукахъ музыки, въ позиціи гладіаторовъ, крадутся другъ къ другу, дразнятъ, испытываютъ знаніе, осторожность, и вдругъ, съ быстротою, одинъ прядаетъ къ другому, старается захватить за какую-нибудь часть тѣла—но осторожный противникъ удаляетъ отъ его рукъ весь корпусъ назадъ, пропуская голову къ плечу врага и позволяя ему сдѣлать тоже. Тогда руки обоихъ борцовъ бороздятъ одни только напряженные мускулы голой спины; но если удалось кому-либо ухватить противника за ногу или за поясъ, то борьба скоро прекращается въ пользу перваго, и тогда противники цѣлуются, чтобы вражда не оставалась между ними. Иногда бои эти сопровождаются несчастіемъ. Въ заключеніе погливаны дѣлаютъ разныя гимнастическія упражненія, выказывающія необыкновенную силу и ловкость. Одинъ становится по срединѣ бокомъ, немного наклонившись, а прочіе, на бѣгу, касаясь одною только рукою головы его, перевертываются на воздухѣ и становятся на ноги, а послѣ и безъ всякой опоры дѣлаютъ эти воздушные обороты» (1).

Подобныя лица весьма часто являлись на свадьбы, и иногда безъ всякаго приглашенія. Потѣшая публику, они не ждали себѣ вознагражденія отъ хозяина, но надѣялись на добровольное приношеніе присутствующихъ.

За хозяина расплачивались обыкновенно присутствующіе зрители, добровольно бросая деньги или покрывая плечи побѣдителей кусками какой нибудь матеріи, аршинъ въ шесть.

Такъ какъ невѣсту большею частію отвозятъ ночью, то картина, представляемая пляшущими, при яркомъ красноватомъ свѣтѣ нефтяныхъ факеловъ, темной южной ночи и густой зелени огромныхъ каштановыхъ деревьевъ, представляетъ очаровательную картину. Не любуется ею только одна невѣста, все время представленія сидящая верхомъ подъ чадрой и сѣткой на лицѣ. Путешествуя въ такомъ видѣ къ мужу, неспокойная духомъ, ей надоѣдаетъ нѣсколько часовъ сряду смотрѣть на одно и тоже, а мало-ли бываетъ подобныхъ остановокъ!...

Когда молодая введена первый разъ въ спальню своего мужа и оставлена съ нимъ наединѣ, то опытные наставницы совѣтуютъ ей не соглашаться ни за что снимать покрывала съ своего лица безъ хорошаго подарка, точно также какъ за трудъ пошевелить губами долженъ быть полученъ еще большій подарокъ, для достиженія котораго молодой необходимо сидѣть на коврѣ какъ приклеенной, неподвижной и нѣмой, не слушать мужа и обращаться съ нимъ по возможности сурово.

— Мужчина коваренъ, говорятъ магометанки, и болѣе или менѣе скупъ: ежели, напримѣръ онъ такъ богатъ, что можетъ подарить тебѣ деревню, то ужъ вѣрно начнетъ съ какого-нибудь пустаго подарка.

(1) Кавк. 1846 г. № 12.

Законъ дозволяетъ каждому мусульманину имѣть четырехъ законныхъ женъ и столько наложницъ, сколько онъ пожелаетъ. «Берите въ супружество, говоритъ коранъ, изъ женъ, которыя вамъ нравятся, двухъ, трехъ или четырехъ; если же боитесь, что это не хорошо, то берите одну или тѣхъ, кого пріобрѣла десница ваша, т. е. вашихъ рабынь». Пользуясь послѣднимъ разрѣшеніемъ пророка, каждый мусульманинъ, вмѣстѣ съ законною женою, обзаводится нѣсколькими наложницами.

Мужья рѣдко имѣютъ болѣе одной законной жены, потому что послѣднія рѣдко уживаются между собою и требуютъ отъ мужа, чтобы для каждой было отведено особое хозяйство, а это возможно только для людей богатыхъ.

— У насъ рѣдко бываетъ болѣе одной жены, говорятъ правовѣрные; мы только имѣетъ право прогонять нашихъ женъ, когда ими недовольны, и брать на ихъ мѣсто другихъ.

Неудобства, встрѣчаемыя во многоженствѣ, весьма легко обходятся мусульманами тѣмъ, что они мѣняютъ одну жену на другую. Есть мужья, которые на своемъ вѣку перемѣнили до 30 женъ, и есть женщины, которыя перебывали у дюжины мужчинъ. Безплодіе женщины законный и основательный предлогъ къ разводу, и мусульманину стоитъ только сказать своей женѣ при свидѣтеляхъ: *ты отвергнута*—и бракъ расторгнутъ.

Точно также какъ бракъ, такъ и разводъ есть простая сдѣлка, называемая *талагъ*. Хотя магометанскій законъ и опредѣляетъ случаи, когда мужъ и жена могутъ требовать развода, но послѣдователи ислама допустили множество дополненій и измѣненій и расторгаютъ браки большею частію безъ особенно уважительныхъ причинъ. Въ этомъ отношеніи мусульманское право предоставило въ пользу мужчины значительно бо́льшія права, чѣмъ въ пользу женщины, поставленной, въ этомъ случаѣ, въ весьма незавидное положеніе.

Отверженная жена можетъ выдти замужъ за другаго черезъ три мѣсяца послѣ развода, а если она беременна, то черезъ 40 дней послѣ родовъ. Прогнанную жену мужъ обязанъ обезпечить только на условленное время.

Каждый правовѣрный можетъ два раза развестись съ своею женою и столько же разъ взять ее обратно. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ имѣетъ право поступить помимо воли своей жены, но съ соблюденіемъ только назначеннаго закономъ срока: для беременной женщины послѣ ея разрѣшенія, а для не беременной черезъ три мѣсяца послѣ ея развода. Въ продолженіе времени беременности мужъ обязанъ содержать жену. Въ третій разъ онъ можетъ взять разведенную жену только съ ея согласія и долженъ снова жениться на ней.

Для вторичнаго соединенія съ женщиною, послѣдняя должна раздѣлить брачное ложе съ постороннимъ мужчиною или, другими словами, быть замужемъ за другимъ и получить новый разводъ. Но это правило легко обходится мусульманами: они покупаютъ раба, который и женится на такой женщинѣ. На другой день владѣлецъ раба даритъ его женѣ и тѣмъ расторгаетъ ея бракъ, потому что женщина не можетъ быть женою своего раба, хотя,

впрочемъ, она можетъ тотчасъ же отпустить его на волю и остаться его женою. При многоженствѣ первая жена пользуется преимуществами передъ остальными и называется главною женою.

Приживъ ребенка съ рабынею, владѣлецъ лишается права продавать или дарить ее, а послѣ его смерти она дѣлается свободною. Онъ можетъ отпустить ее на волю и при жизни, но если и послѣ того захочетъ продолжать съ нею сожитіе, то обязанъ взять ее въ жены.

Невольницу онъ не можетъ прогнать, а обязанъ заботиться объ ней и выдать замужъ, оттого участь невольницъ у мусульманъ бываетъ часто лучше законныхъ женъ.

Признанный отцомъ ребенокъ невольницы свободенъ, а не признанный обращается въ рабство.

Владѣлецъ можетъ выдать рабыню или женить раба на комъ угодно, но расторгнуть ихъ бракъ права не имѣетъ (1).

Чтобы имѣть первенца сына, необходимо, чтобы въ то время, когда молодая въ первый разъ переступитъ порогъ своего мужа, онъ приказалъ бы принести ей на блюдѣ розовой воды и леденцоваго сахару.

Во время родовъ, во все время болѣзни, днемъ и ночью, около больной долженъ быть непремѣнно кто-нибудь бодрствующій, чтобы предохранить мать и новорожденнаго отъ кровожадности *Аюли*—демона, питающагося печенью новорожденнаго. По представленію народа, Аюли дряхлая и худая старуха, имѣющая способность дѣлаться невидимкою. Ноги ея крючками и на выворотъ, лицо багровое, волосы рыжіе. Она употребляетъ ужасныя средства для того, чтобы усыпить бодрствующихъ, находящихся у постели больной; но если ей это не удастся въ теченіе шести сутокъ, то больная и новорожденный внѣ опасности. Но если бы, по несчастію, Аюли успѣла завладѣть своею жертвою, то и тогда еще есть средство помочь горю. Если больная станетъ замѣтно худѣть и чахнуть, то слѣдуетъ купить черную овцу и обвести ее три раза вокругъ постели больной, а потомъ угостить ею нищихъ; если это средство не поможетъ, то надо привести гнѣдую лошадь и дать ей ячменю въ полѣ одежды больной (2).

Магометанскій законъ предписываетъ матери непремѣнно самой кормить своихъ дѣтей, и притомъ два года. «Для дитяти всего полезнѣе молоко матери», говоритъ коранъ, но допускаетъ, въ случаѣ согласія мужа, передать ребенка кормилицѣ, точно также какъ и отнять отъ груди прежде двухъ лѣтъ. Если ребенокъ, отнятый отъ груди матери, возьметъ грудь чужой женщины—такой, по вѣрованію мусульманъ, не можетъ быть хорошимъ человѣкомъ.

---

(1) Гаремы въ Іерусалимѣ и брачныя отношенія мусульманъ Л. Франкля. Атеней 1858 г. № 27.

(2) Кавказъ 1853 г. № 58.

Первою заботою родителей, какъ только станутъ подростать дѣти, предохраненіе ихъ отъ дурнаго глаза. Выпуская со двора, ихъ одѣваютъ какъ можно хуже и грязнѣе; иногда нарочно пачкаютъ лицо, надѣваютъ на голову шапку странной формы, навѣшиваютъ на нее нѣсколько монетъ, перо, кисточку или какой-нибудь талисманъ — словомъ, стараются сдѣлать ихъ непривлекательными и тѣмъ отвратить порчу глаза. Похвалить хорошенькое дитя значитъ нагнать на родителей ужасный страхъ и заставить ихъ прибѣгнуть къ какому-нибудь суевѣрному обряду, для того чтобы избавить своихъ дѣтей отъ завистливаго глаза хвалившаго.

Народное суевѣріе совѣтуетъ, напримѣръ, окуриться дымомъ отъ сожженія въ мангалѣ (жаровни) 140 зеренъ растенія *руто*.

Для этого женщины и дѣвушки становятся кружкомъ вокругъ мангала, и такъ какъ при этомъ необходимо полное веселье, то призываютъ музыку и, подъ звуки ея, танцуютъ, рѣзвятся, смѣются, цѣлуются, при чемъ каждая старается захватить платьемъ своимъ какъ можно больше дыму—онъ долженъ окурить всѣ члены тѣла и складки платья. Женщина, которая успѣла окуриться вся этимъ дымомъ, совершенно безопасна отъ глаза.

Во избѣжаніе непріятностей отъ дурнаго глаза, родители держатъ дѣтей дома какъ можно дольше и никуда не выпускаютъ.

Но если ребенокъ заболѣетъ, то, какого бы рода болѣзнь эта ни была и отъ чего бы ни происходила, каждая татарка скажетъ непремѣнно, что болѣзнь эта произошла отъ глазу. Она переиспытаетъ сначала всѣ средства отвратить порчу, и если они не помогутъ, тогда только обратится съ просьбою о помощи къ туземному лекарю или лекаркѣ.

Туземные медики всѣ свои познанія основываютъ на Галліенѣ и Иппократѣ, которыхъ называютъ *Джалинусъ* и *Бократъ*. Всѣ существующія болѣзни они раздѣляютъ на четыре рода, происходящіе, по мнѣнію ихъ, отъ холода, отъ жара, отъ сырости и отъ сухости. Согласно съ этимъ, они распредѣляютъ и свои медикаменты такимъ образомъ, чтобы каждую болѣзнь лечить противоположными средствами.

«Мусульмане, пишетъ Д. Ильинъ [1], очень трусливы въ болѣзни. Какъ только заболѣлъ, тотчасъ же обращается къ одному изъ персидскихъ медиковъ, которые большею частію бываютъ изъ евреевъ. Персидскій медикъ не разбираетъ—бѣдный ли его паціентъ, или богатый: онъ съ нимъ заключаетъ условіе, что на лекарство надо столько-то червонцевъ, за пользованіе въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ видѣ опыта, столько-то, и потомъ, если леченіе будетъ успѣшное, то за окончательное излеченіе столько-то. Больной даетъ ему деньги на медикаменты, и шарлатанъ-медикъ покупаетъ на базарѣ различныя грошевыя травы и начинаетъ угощать лошадиными пріемами своего

---

[1] Медико-топографическое описаніе Ленкоранскаго уѣзда Д. Ильина. Кавказъ 18 6 года № 64.

паціента. Проходитъ условленное число дней, въ продолженіе которыхъ паціентъ выпилъ чуть-ли не цѣлую лаханку всякихъ гадостей; медикъ видитъ, что дѣло плохо—паціентъ не поправляется: онъ начинаетъ *заговаривать* болѣзнь, но и этотъ методъ леченія не приноситъ никакой пользы. Тогда поневолѣ больному приходится прибѣгнуть къ помощи русскаго врача. Ради этого на сцену выступаетъ мулла, который на коранѣ гадаетъ, въ который день можно пригласить русскаго медика, т. е. находитъ по корану тотъ счастливый день, когда прописанное русскимъ медикомъ лекарство принесетъ дѣйствительную пользу» (¹).

«Если же въ городѣ два русскихъ медика, то гадаютъ, котораго нужно пригласить. Пройдетъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько безполезныхъ дней въ гаданіяхъ, пока по корану доберутся до счастливаго дня, и часто случается, что въ этотъ счастливый-то день и умираетъ больной, такъ что русскій медикъ не успѣетъ даже прописать лекарства».

Народная медицина татаръ очень бѣдна средствами леченія. Туземцы очень уважаютъ медицину и русскихъ медиковъ, но прибѣгаютъ къ послѣднимъ только въ случаѣ крайности, и предпочитаютъ своихъ доморощенныхъ, которые искусно лечатъ лишь ушибы и раны. Всѣ же остальные виды леченія состоятъ преимущественно изъ кровопусканій, производимыхъ піявками и рожками, изъ потогонныхъ и слабительныхъ средствъ, даваемыхъ въ огромныхъ пріемахъ. Ревень употребляется одинаково какъ для очищенія желудка, такъ и для прекращенія поноса; въ первомъ случаѣ даютъ чистый, въ видѣ порошка; а во второмъ его поджариваютъ вмѣстѣ съ сахаромъ. Какъ прохладительное питье, даютъ выжатый арбузный сокъ, одинаково и лѣтомъ и зимою. Ртуть, сарсапарель принадлежатъ къ числу наиболѣе употребительныхъ медикаментовъ, а очень дорогія пилюли изъ жемчуга и яхонта употребляются какъ укрѣпляющее средство. При хроническомъ ревматизмѣ и ломотѣ, завертываютъ больнаго въ кожи собакъ, шакаловъ и ословъ. При гемороѣ сажаютъ больнаго въ свинью, распарывая ее пополамъ, а отъ чесотки многіе вовсе не лечатся изъ убѣжденія, что она предохраняетъ отъ гемороя.

Отъ лихорадки спасаются ношеніемъ на груди амулета, заключающаго въ себѣ молитву изъ корана. Если болѣзнь прекратится, то талисманъ, какъ сокровище, сохраняется, а въ случаѣ смерти больнаго, его кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу.

Почитая многія мѣста святыми (пиръ), татары приводятъ къ нимъ больныхъ, поятъ разведенною въ водѣ землею и приносятъ въ жертву барановъ. Въ случаѣ падежа скота, татаринъ отправляется со своимъ стадомъ къ тому же священному мѣсту, и гоняетъ его нѣсколько разъ вокругъ могилы. Въ

(¹) Если во время гаданія кто нибудь чихнетъ, то въ тотъ день уже не пригласятъ медика; также точно, если въ то время, когда нужно принимать лекарство, чихнулъ больной то онъ скорѣе согласится умереть, чѣмъ принять лекарство.

нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Шекинскомъ ханствѣ, противъ всякаго рода болѣзней даютъ пить одну и ту же траву, которая производитъ рвоту. Въ Нухѣ больнаго лихорадкою сажаютъ въ холодную ванну, даютъ ему въ руки тяжесть и заставляютъ производить движенія, до тѣхъ поръ, пока онъ не почувствуетъ испарину.

Въ Ширванѣ есть очень много могилъ и мѣстъ, которыя считаются священными и получили свое названіе по именамъ погребенныхъ тамъ людей, нрославившихся въ исламизмѣ. Татары считають, что трава и земля съ могилы такихъ людей излечиваеть отъ разнаго рода болѣзней. Такъ, трава съ могилы *Агенъ-пира*, находящейся въ средней части Ширвана, полезна отъ ломоты и ранъ. Для этого берутъ траву, окуриваютъ больнаго, а размоченную землю съ могилы прикладываютъ къ больному мѣсту. На могилу *Дадагната* приводятъ сумасшедшихъ, кладутъ ихъ тамъ на цѣлую ночь, и даютъ пить воду, смѣшанную съ землею, взятою съ могилы. Земля, взятая съ могилъ: *Софіямида*—предохраняетъ отъ укушенія змѣй; *Шихъ-Тосуръ*—помогаетъ въ болѣзняхъ рогатому скоту; *Пиръ-Денаръ*—лошадямъ и проч. Татары вѣрятъ въ талисманы и убѣждены, что вліяніе ихъ распространяется одинаково какъ на людей, такъ и на животныхъ.

Но если всѣ средства леченія не помогаютъ и больной скончается, тогда туземецъ говоритъ, что такъ Богу угодно, а что употребленныя средства леченія все-таки хороши и цѣлительны.

Какъ только скончается кто-нибудь въ аулѣ, жена, сестра или мать умершаго взбирается тотчасъ же на крышу и, пронзительнымъ крикомъ, возвѣщаетъ всему селенію о постигшемъ ее несчастіи. Крича и рыдая, она тутъ же пересчитываетъ разныя добродѣтели умершаго: и что онъ былъ храбръ, не любилъ спиртныхъ напитковъ и, послѣ четвертой жены, одну только ее и любилъ крѣпко, кунаковъ всегда угощалъ свѣжими чуреками, сыромъ и бараниной, не воровалъ чужихъ вещей, хорошо пахалъ и унавоживалъ землю, которая теперь безъ хозяина заглохнетъ, и что не только она безутѣшная, но лошадь и эшакъ станутъ оплакивать своего добраго господина, а она друга, пока Аллахъ не соединитъ ихъ. Праздные односельцы спѣшатъ на крикъ несчастной, раздѣлить съ нею горе.

Тамъ встрѣчаютъ они плачъ и стоны, въ особенности женщинъ, находящихся въ той половинѣ, гдѣ стоитъ покойникъ.

Вотъ какъ описываетъ похоронную церемонію мусульманъ одинъ изъ присутствовавшихъ на похоронахъ, бывшихъ въ Тифлисѣ. По маленькому двору, гдѣ стоялъ *табудъ*—гробъ, или скорѣе ящикъ на носилкахъ — то и дѣло сновали взадъ и впередъ мужчины, женщины и дѣти. Въ домѣ покойнаго собирались родныя и знакомыя: мужчины въ однѣхъ комнатахъ, женщины—въ другихъ; въ чухахъ и папахахъ сидѣли на коврахъ правовѣрные, поджавъ подъ себя ноги, сохраняя глубокое молчаніе и перебирая свои четки. Сохраняя видъ крайне печальный, они по временамъ глубоко вздыхали, а у нѣкоторыхъ даже бли-

стали слезы. Прислоняясь къ стѣнѣ, на первомъ мѣстѣ, сидѣлъ *хаджи* (1), родной дядя покойнаго, еще свѣжій и крѣпкій старикъ. Онъ часто подымалъ взоръ къ небу, и крупныя слезы катились по блѣдному его лицу.

— Аллахъ! Аллахъ! произносилъ онъ изъ глубины души и крѣпко ударялъ себя кулакомъ въ грудь.

Подлѣ хаджи сидѣлъ *ахундъ*, сохранявшій также глубокое молчаніе. На лѣво, въ углу, пріютился бѣдный молодой *сеидъ*—потомокъ Магомета, имѣющій исключительное право носить зеленую чалму—и безутѣшно плакалъ о покойникѣ, такъ ласкавшемъ, любившемъ и часто помогавшемъ ему въ нуждѣ.

Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, ахундъ открылъ свою назидательную рѣчь, длившуюся полчаса. Правовѣрные мусульмане, вздыхая и благоговѣя, слушали краснорѣчивое слово своей духовной особы. Духовная бесѣда кончилась тѣмъ, что ахунду подали кальянъ и трубку. Мулла принесъ *кяфянъ*, бѣлая матерія, которою укутываютъ покойника —и *халятъ* – широкая бѣлая матерія, вся исписанная стихами изъ корана. Халяты приносятся изъ Мекки, стоятъ дорого, и потому рѣдки. Въ нихъ погребаютъ только богатыхъ, и тогда халятъ употребляютъ сверху кяфяна. Пустивъ густую струю дыма и передавъ кальянъ хаджи, ахундъ принялся самъ размѣрять и раздирать *кяфянъ* на части для болѣе удобнаго пеленанія тѣла. Съ приближеніемъ времени послѣдняго прощанія, крики въ женской половинѣ увеличивались.

До сотни женщинъ, плача и рыдая, голосили: *ай вай*, *ай вай*! Сестры, племянницы и жена покойнаго, съ распущенными волосами, били себя ладонями по лицу, кулаками въ грудь и въ голову, рвали на себѣ волосы, царапали лицо, шеи и груди. Родственницы были тоже въ изступленіи.

«Но мать, бѣдная мать его, была всѣхъ жальче, всѣхъ поразительнѣе: растрепанная, окровавленная, съ изступленными глазами, какъ сумасшедшая, сидя надъ тѣломъ сына, тряслась она всѣмъ тѣломъ и, обращаясь къ присутствующимъ, какъ будто защищая бездыханный трупъ, махала руками и громко, отрывисто кричала: *ай! ай! ай вай! ай вай!* между тѣмъ какъ родственники безпрерывно цаловали руки, ноги, лицо и голову покойнаго».

Такъ продолжалось прощаніе до тѣхъ поръ, пока въ женскую комнату вошли всѣ присутствующіе мужчины. Мулла, съ нѣкоторыми родственниками, въ присутствіи ахунда, подняли покойнаго, вмѣстѣ съ тюфякомъ, на которомъ тотъ скончался, вынесли его на дворъ и опустили въ табудъ, вмѣстѣ съ тюфякомъ. Табудъ покрыли желтымъ шелковымъ покрываломъ и понесли на кладбище.

Впереди процессіи вели коня въ серебряной уздечкѣ, съ сѣдломъ и дорогимъ чепракомъ. На сѣдлѣ, тихо бряцая, висѣли красная дорогая чуха, богатый кинжалъ, ружье, шашка и пистолетъ, принадлежавшіе покойнику, а

(1) Хаджи называется каждый побывавшій въ Меккѣ у гроба пророка. Такіе люди очень уважаются мусульманами.

черный папахъ надѣтъ былъ на высокую узорчатую луку сѣдла. За конемъ несли пять *алямъ* (знаменъ или значковъ). Значки бываютъ шелковые, разныхъ цвѣтовъ, на верхнемъ концѣ древка которыхъ дѣлаются у однихъ черныя желѣзныя руки съ распростертыми пальцами, у другихъ просто желѣзные черные шары. Алямы не составляютъ необходимой принадлежности похоронъ; ихъ употребляютъ при похоронахъ богатыхъ и при большихъ церемоніяхъ.

За значками слѣдовало нѣсколько человѣкъ съ подносами, на которыхъ была положена *ханча* (кутья). По ханчѣ можно узнать кого хоронятъ: если ханча состоитъ изъ однихъ финиковъ, то покойникъ молодой человѣкъ; *алва*—старикъ, а сухіе фрукты, миндаль, финики и изюмъ составляютъ принадлежность дѣтей.

Позади ханча несутъ гробъ, окруженный со всѣхъ сторонъ толпою мужчинъ; женщины слѣдуютъ позади, въ почтительномъ отдаленіи, а съ половины пути возвращаются домой. По обычаю, женщины не имѣютъ права присутствовать при погребеніи. На кладбищѣ покойника вносятъ въ *мюрдъ-дашюрдъ хана*, омывальню или чистильню, небольшое каменное зданіе устроенное на кладбищѣ. Здѣсь покойника моютъ и пеленаютъ въ кяфянъ и халяты. Мулла, хаджи, самые близкіе родственники и мюрдашюръ, запершись въ комнатѣ, совершаютъ омовеніе, а остальные размѣщаются вокругъ зданія и курятъ въ ожиданіи окончанія церемоніи. Мюрдашюръ, обязанный омывать тѣла покойниковъ, приноситъ *сытыфъ-кяфяръ*—воду съ мыломъ и камфорою или съ какими нибудь другими духами и мастиками. Женщинъ омываютъ женщины и тогда, во время омыванія, коранъ читаетъ не мулла, а женщина. Часа полтора продолжается омовеніе и пеленаніе покойнаго.

Послѣ этого его выносятъ на могилу и ставятъ табудъ на землю такъ, чтобы лицо покойнаго приходилось на югъ. Ахундъ читаетъ молитву; присутствующіе молятся. По окончаніи чтенія, гробъ подносятъ къ самой могилѣ, вынимаютъ покойника изъ гроба и передаютъ его на руки ближайшимъ родственникамъ, стоящимъ въ могилѣ, которые, принявъ трупъ, кладутъ его къ лѣвой сторонѣ могилы, на правый бокъ, лицемъ на югъ; раскрываютъ немного ротъ покойника и правою щекою прикладываютъ къ землѣ. Къ могилѣ подходитъ служитель при мечети.

— Мамедъ-ага сынъ Сакине-Ханумъ! кричитъ онъ громко, обращаясь къ покойнику и упоминая, по обычаю, имя отца и матери его. Нынче послѣдній день твой въ здѣшней жизни и первый день твой въ будущей. Сегодня придутъ къ тебѣ два ангела, *Накиръ* и *Мюнкяръ*, присланные отъ Бога; ты не бойся ихъ. Они безъ воли Божіей ничего не могутъ сдѣлать тебѣ; они будутъ тебя спрашивать, ты смѣло отвѣчай имъ; спросятъ: что есть Богъ? отвѣчай: Богъ есть единъ, онъ сотворилъ меня и весь свѣтъ. Спросятъ: кто былъ Магоммедъ? отвѣчай Магоммедъ былъ пророкъ его. Спросятъ: что есть коранъ? отвѣчай: коранъ—книга, въ которой написанъ законъ Божій.

Послѣ окончанія такого напутствія, ахундъ читаетъ молитву; покойника

прикрываютъ короткими досками, поверхъ которыхъ кладутъ слой сѣна, чтобы земля не сыпалась на тѣло сквозь щели досокъ, и засыпаютъ покойника, но немного, землею. Стоя въ могилѣ, родственники уравниваютъ и утаптываютъ землю, и за тѣмъ вылѣзаютъ; тогда въ нѣсколько минутъ могила заваливается и прикрывается сверху кучею камней. За тѣмъ всѣ присутствующіе, съ душевнымъ прискорбіемъ, принимаются за ханчу и уничтожаютъ ее до слѣдней крупинки.

На третій день, и никакъ не ранѣе, знакомые и родные приглашаются на поминальный ужинъ, а черезъ недѣлю послѣ погребенія жена и всѣ родныя женщины покойнаго должны сходить въ баню для очищенія и уже послѣ нея принимать постороннихъ женщинъ, пришедшихъ навѣстить осиротѣвшихъ, и вмѣстѣ съ ними поплакать, на что мусульманки большія мастерицы. «Не въ состояніи будучи иногда выжать ни одной слезинки, онѣ, отвратительными стенаніями и возгласами, стараются увѣрить хозяевъ въ своемъ участіи къ ихъ утратѣ».

До сороковаго дня со времени кончины, каждую пятницу собираются ко вдовѣ женщины оплакивать покойнаго. Въ сороковой день всѣ идутъ для той же цѣли на могилу, гдѣ плачутъ, читаютъ коранъ, потомъ идутъ домой обѣдать, а послѣ отправляются опять въ баню для окончательнаго очищенія.

Съ окончаніемъ года устраивается *намазъ-дыхъ*. Мужчины и женщины ходятъ въ этотъ день на могилу покойнаго и читаютъ коранъ, но ходятъ такъ, что до обѣда посѣщаютъ кладбище женщины, а послѣ обѣда мужчины (¹).

IV.

Сословія существовавшія въ ханствахъ. — Мусульманское духовенство и его значеніе. — Нѣсколько словъ о ханскомъ управленіи.

Среди татарскаго населенія Закавказья существовали слѣдующія сословія: *беки*, *аги* или *агалары*, *дарги*, *моафы*, *моафы-нукеры*, *поселяне*, *речбиры* и *купечество*, къ которому принадлежали и всякаго рода мастеровые, ремесленники, фабриканты и промышленники. Къ числу свободныхъ сословій надо отнести и духовенство, составлявшее отдѣльное цѣлое и раздѣлившееся на нѣсколько степеней и званій.

Представителями мусульманскаго духовенства въ ханствахъ были: *шейхъ-уль-исламъ*—что значитъ глава или, буквально, старшина вѣры. Въ званія

(¹) Погребеніе мусульманъ въ Тифлисѣ П. Егорова. Кавк. 1851 г. № 62.

шейхъ-уль-исламовъ поступали люди самые богатые, уважаемые по своимъ связямъ и познаніямъ потому, что лица эти предназначались для сохраненія во ввѣренной имъ провинціи равновѣсія между властями исполнительною и духовною. Одною ступенью ниже стоятъ *муджтеиты* у шіитъ и *муфти* у суннитъ—первенствующія духовныя лица. Эта степень духовнаго званія пріобрѣтается только строгою жизнію и богословскимъ образованіемъ.

Каждый желающій посвятить себя духовному поприщу избираетъ опытнаго наставника и, подъ его руководствомъ, проходитъ курсъ богословскихъ наукъ въ какомъ либо училищѣ (медрессѐ). Когда учащійся достигнетъ до такого образованія, что можетъ вести пренія и выдержать диспуты по всѣмъ предметамъ, относящимся до религіи и магометанскимъ законамъ, и можетъ удовлетворительно изложить свою мысль письменно, тогда онъ получаетъ званіе *иджтихада*—нѣчто въ родѣ нашихъ магистровъ правъ и богословія. Въ доказательство пріобрѣтенія этой степени каждый получаетъ дипломъ, извѣстный подъ именемъ *иджтихадъ-намá*.

Совершенствуясь далѣе въ тѣхъ-же самыхъ познаніяхъ и исполняя безукоризненно званіе иджтихада, каждый можетъ достигнуть званія *муджтеида*, званія соотвѣтствующаго нашимъ докторамъ богословія и составляющаго высшую степень духовной іерархіи.

У всѣхъ мусульманъ духовенство сосредоточило въ своихъ рукахъ, вмѣстѣ съ духовною частію, и части гражданскую, уголовную и народнаго просвѣщенія. По этому, если муджтеидъ желаетъ принять участіе въ дѣлахъ управленія, то долженъ удовлетворять слѣдующимъ главнымъ условіямъ: 1) быть совершеннолѣтнимъ; 2) въ здравомъ умѣ и памяти; 3) пользоваться репутаціею человѣка честнаго и правдиваго; 4) быть твердымъ въ догматахъ религіи и имѣть безукоризненную нравственность. Въ этомъ случаѣ онъ получаетъ названіе *муджтеида совокупныхъ условій* у шіитъ и *муфти* у суннитъ и имѣетъ право постановлять рѣшенія по всѣмъ духовнымъ и юридическимъ вопросамъ.

Муджтеидъ, желающій быть *казіемъ*, долженъ, сверхъ условій указанныхъ выше, удовлетворять еще слѣдующимъ четыремъ: 1) происходить изъ свободнаго состоянія, 2) родиться отъ законной жены отца, а не отъ наложницы; 3) быть посвященнымъ во всѣ таинства иджтихадства и 4) принадлежать къ мужскому полу.

«Это послѣднее условіе, говоритъ И. Шопенъ, ведетъ къ заключенію, что нѣкогда, у магометанъ, это званіе могло достаться въ руки и женщины».

Кази не есть собственно духовное лицо, но принадлежитъ къ этому званію какъ членъ шаріата; въ нашихъ закавказскихъ провинціяхъ, при ханахъ, казіи иногда исполняли обязанности полиціймейстеровъ.

За этимъ, такъ сказать первенствующимъ, духовенствомъ слѣдуютъ различныя степени духовенства, изъ коего самую низшую ступень составляютъ *дервиши* и *факиры*. Они представляютъ собою кочующее духовенство, и жи-

вутъ подаяніемъ и милостынею, колдуютъ, гадаютъ, заговариваютъ, пишутъ талисманы и амулеты противъ различнаго рода болѣзней и иногда воруютъ, что плохо лежитъ. Не смотря на насмѣшки, которымъ они подвергаются со стороны народа, дервиши имѣютъ значительное вліяніе среди мусульманскаго населенія и часто, своими кривляньями и возгласами, увлекаютъ толпу по своему произволу.

За дервишами и факирами слѣдуютъ *марсіаханы*, разсказывающіе народу въ дни мухаррема трагическія происшествія на поляхъ кербелайскихъ; *муэззины*—призывающіе съ минаретовъ правовѣрныхъ на молитву; *имамъ-джума*—обязанные во время джума-намаза (пятничной молитвы) отправлять богослуженіе; *имамъ-пенжъ-намазы* — люди отличившіе себя святостію жизни, отправляющіе богослуженіе и читающіе ежедневно вмѣстѣ съ народомъ установленныя пять молитвъ; *ваизы*—проповѣдники. Произнося поучительныя рѣчи, съ высоты кафедры устроенной въ каждой мечети и часто увлекаясь, *ваизы* «касаются предметовъ выходящихъ изъ круга духовнаго, и, въ этомъ случаѣ, прямо отъ кафедры отводятся къ мѣстному хану, гдѣ пятами своими расплачиваются за излишнее краснорѣчіе».

Среди народа духовныя лица называются: муэззины, пенжъ-намазы и прочія низшія степени просто *муллами*, а имамъ-джумы, казіи и шейхъ-уль-исламы *ахундами* у шіитовъ и *эффендіями* у суннитовъ.

Муллы суть низшія степени духовенства; чтеніе, письмо и толкованіе корана составляютъ всѣ тѣ знанія, которыя долженъ имѣть мулла. Эффендій или ахундъ уже долженъ быть человѣкъ болѣе образованный, долженъ знать примѣненіе правилъ корана къ разнымъ случаямъ, встрѣчающимся въ гражданской жизни, знать всѣ толкованія и вести строгій образъ жизни, сообразный съ духомъ и требованіями магометанской религіи. Ахундомъ можетъ сдѣлаться каждый, если только прочіе муллы признаютъ его умственное превосходство. Для пріобрѣтенія званія эффендія или ахунда точно также нѣтъ никакой надобности ни въ испытаніи, ни въ утвержденіи. Даже и высшія должности предоставлялись различнымъ лицамъ безъ всякаго фактическаго удостовѣренія въ ихъ познаніяхъ. Такъ, нѣсколько эффендіевъ или ахундовъ, собравшись вмѣстѣ, избирали изъ себя или изъ постороннихъ лицъ человѣка, отличающагося краснорѣчіемъ, и облекали его въ званіе *ваиза*, на котораго и возлагали обязанность, въ праздники, говорить народу проповѣди. Ваизомъ, впрочемъ, можетъ быть каждый, даже и не принадлежащій къ сословію духовенства. Въ имамъ-пенжъ-намазы не производилъ никто, а самъ народъ давалъ это званіе тому изъ духовныхъ, кто, святостію своей жизни, того заслуживалъ. Въ званіе *казія* назначались лица по произволу хановъ, а *муджтеидомъ* назывался тотъ, кого народъ признавалъ достойнымъ этого званія. Даже въ званіе *шейхъ-уль-ислама* назначались преимущественно любимцы хановъ.

Изъ обязанностей, лежавшихъ на каждомъ изъ духовныхъ лицъ, видно, что магометанское духовенство раздѣлялось на двѣ категоріи: высшую и

низшую. Къ первой принадлежали тѣ, которые, вмѣстѣ съ духовною властью, соединяли и свѣтскую, а ко второй—служители вѣры, не имѣвшіе права вмѣшиваться въ свѣтскія дѣла.

Духовныя лица первой категоріи разбирали тяжбы, всякаго рода иски и опредѣляли наказанія за различныя преступленія, основываясь, въ своихъ рѣшеніяхъ на правилахъ *шаріата*. Сужденію шаріата подлежали одинаково всѣ сословія народа, въ томъ числѣ и духовенство, и какъ бы духовное лицо высоко поставлено ни было, оно не избавлялось отъ тѣлеснаго наказанія; даже пятки и шейхъ-уль-исламовъ не были ничѣмъ защищены отъ палочныхъ ударовъ. По точному смыслу шаріата, сужденію его подлежали и ханы. Послѣдніе, съ пріобрѣтеніемъ самостоятельности и силы, присвоили себѣ право смѣнять лицъ, занимающихъ высшія духовныя должности, и тѣмъ подчинили судъ по шаріату своей власти. Ханы присвоили себѣ право рѣшать по своему произволу всѣ уголовныя преступленія, установили правиломъ, чтобы, при разборѣ важнѣйшихъ дѣлъ по шаріату, рѣшеніе суда подносилось имъ на утвержденіе и, наконецъ, совершенно произвольно, сдѣлали нѣкоторыя изъ должностей духовныхъ лицъ наслѣдственными, хотя по правиламъ религіи каждая изъ должностей должна пріобрѣтаться только личными достоинствами.

Сознавая однакоже, что духовенство имѣетъ значительное вліяніе на народъ, что оно сильно привязанностію къ нему жителей, ханы оказывали видимое уваженіе къ духовенству и не нарушали его привиллегій. Духовенство составляло особый классъ народа, освобожденный отъ всѣхъ податей и повинностей, но не избавленное отъ тѣлеснаго наказанія, какъ и всѣ остальныя сословія народа.

Духовенство имѣло, при ханахъ, свое особое управленіе, которое было не одинаково въ различныхъ ханствахъ, но вездѣ порядокъ управленія зависѣлъ отъ хановъ.

Въ Кубинскомъ ханствѣ былъ главный казій, завѣдывавшій духовными лицами, но подчиненный хану, отъ котораго зависѣло его назначеніе и отрѣшеніе. Въ Шекинскомъ и Ширванскомъ ханствахъ главы духовенства не было и ханы назначали въ каждый магалъ (участокъ) по одному или по два казія, которые и производили тамъ судъ по шаріату.

Тамъ, гдѣ кази обременены были судопроизводствомъ, ханы опредѣляли къ нимъ помощниковъ, которые наблюдали за духовенствомъ, мечетями, исполненіемъ обрядовъ и проч. «Жалобы на рѣшенія казія приносимы были самому хану, который, въ такомъ случаѣ, назначалъ нѣсколькихъ эффендіевъ или ахундовъ, для разсмотрѣнія дѣла и рѣшенія казія; опредѣленіе ихъ было окончательное. Назначеніе приходовъ и опредѣленіе къ нимъ духовныхъ лицъ зависѣли также отъ хана. Въ тѣхъ магалахъ, которые населены были жителями одной секты, было и духовное начальство той секты; а тамъ, гдѣ жители были различныхъ сектъ, первенствующее духовенство было всегда изъ секты господствующей».

Въ достоинство казія и ихъ помощниковъ ханы возводили эффендіевъ и ахундовъ, извѣстныхъ своею ученостію, ревностію къ религіи и заслужившихъ уваженіе народа.

Въ ханствахъ, населенныхъ преимущественно послѣдователями секты *шіи*, управленіе духовенствомъ зависѣло отъ шейхъ-уль-исламовъ и отъ муджтеидовъ; они возводили духовныхъ въ степени, лишали духовнаго званія и даже могли наказывать ихъ тѣлесно; послѣднее право распространялось и на жителей, если кто оказывался виновнымъ противъ религіи. «Шейхъ-уль-исламы, пріобрѣвшіе народную довѣренность, а особливо муштегиды, присвоивали иногда себѣ власти болѣе, нежели ханы того желали».

Содержаніе духовенство получало изъ зяката, хумса и добровольныхъ пожертвованій. Кромѣ того, оно получало вознагражденіе за исполненіе духовныхъ требъ, обрядовъ и за обученіе дѣтей грамотѣ. Ханы, опредѣляя духовныхъ къ должностямъ, давали почетнѣйшимъ изъ нихъ жалованье, иногда земли и даже деревни, съ которыхъ они пользовались доходами. Дѣти духовныхъ лицъ могли переходить въ свѣтское сословіе, причемъ дѣти высшаго духовенства получали иногда достоинство бековъ.

Бекское званіе, составляя высшій классъ населенія, принадлежало ханскимъ дѣтямъ, родственникамъ, ихъ потомкамъ и другимъ лицамъ, возводимымъ въ это званіе изъ низшихъ сословій, за заслуги и достоинства. Званіе бека, однажды пожалованное, если не было отнято за проступки, переходило къ дѣтямъ и вообще къ нисходящему потомству. При ханахъ *беки* пользовались преимуществами подобными тѣмъ, какими пользовались у насъ дворяне, съ тою только *небольшою* разницею, что ханъ имѣлъ право провинившагося бека, безъ всякихъ постановленій суда, наказывать тѣлесно и лишать имущества, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и жизни. Беки были двухъ степеней: одни, получившіе это достоинство отъ персидскихъ шаховъ, а другіе, возведенные въ это званіе самими ханами, за различнаго рода личныя заслуги. Люди, приближенные къ хану, часто исполнявшіе самыя низкія обязанности, получали, по его расположенію, званіе бековъ. Бывали, впрочемъ, примѣры и такого рода, что ханы признавали въ бекскомъ достоинствѣ и тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые, по разбоямъ, силѣ или значенію, были опасными для самихъ хановъ.

Права обѣихъ степеней бековъ въ сущности были одинаковы, но лица, признанныя въ бекскомъ достоинствѣ персидскими шахами, пользовались большимъ уваженіемъ среди народа и, сознавая свою силу, основанную на такомъ уваженіи, чаще другихъ сословій оказывали сопротивленіе самимъ ханамъ. Права, точно также, какъ и обязанности бековъ, не имѣли ничего положительнаго и были только опредѣлены съ точностію относительно недвижимыхъ имуществъ и управленія деревнями. Послѣднія, находившіяся во владѣніи бековъ, дѣлились на два разряда: на пожалованныя и на собственныя деревни, принадлежавшія бекамъ. Имѣя собственную землю, бекъ переманивалъ на

нее различныхъ лицъ изъ другихъ провинцій или ханствъ, поселялъ ихъ на извѣстныхъ условіяхъ, которыя впослѣдствіи сдѣлались для потомства переселенцевъ обязанностію и повинностью. Образовавшіяся такимъ образомъ поселенія составили собственность бековъ.

Въ вознагражденіе за заслуги, ханы предоставляли иногда въ управленіе бековъ деревни съ опредѣленными доходами. Пожалованіе этихъ имѣній производилось въ видѣ арендъ, на время, и очень рѣдко давались они въ потомственное владѣніе. Большею частію бекъ управлялъ пожалованными деревнями и пользовался съ нихъ доходами до тѣхъ поръ, пока былъ въ милости хана, а въ противномъ случаѣ сразу лишался всего.

Бекъ не имѣлъ права продавать крестьянъ, но могъ располагать по своему произволу собственною землею и всѣми заведеніями и постройками на ней возведенными. Въ прочихъ же селеніяхъ, находившихся въ его управленіи, онъ не могъ продавать землю, такъ какъ она не принадлежала ему, а составляла собственность всего общества, изъ которой выдѣлялась часть на долю самого бека, которая и обработывалась *авразомъ*, или мірскою сходкою. Въ этомъ и заключалась главная обязанность крестьянъ относительно бека. Впрочемъ, степень зависимости поселянъ всегда соразмѣрялась съ знатностью и политическимъ значеніемъ бека; но, во всякомъ случаѣ, обязанность крестьянъ ограничивалась воздѣлываніемъ для бека земли, уборкою хлѣба, исполненіемъ нѣкоторыхъ домашнихъ работъ, доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, а иногда и взносомъ опредѣленной подати.

Не отличаясь отъ простаго народа ни образованіемъ, ни образомъ жизни, беки располагали только значительно большими средствами. Они имѣли отличное оружіе, но одѣвались также грязно, какъ простолюдины, имѣли отличную лошадь, саклю съ разноцвѣтными стеклами, но въ ней былъ такой же безпорядокъ и нечистота. Бекъ долженъ былъ имѣть ястреба, гончихъ собакъ, за столомъ пловъ и множество *нукеровъ* (слугъ)—вотъ и все его отличіе отъ простолюдина.

Прежде, нерѣдко, можно было видѣть всадника, преслѣдуемаго однимъ или нѣсколькими пѣшеходами. Вамъ покажется, что пѣшеходы ловятъ ѣдущаго, а на самомъ дѣлѣ это бекъ, окруженный своими служителями, которые обыкновенно бѣгали за нимъ при всякомъ выѣздѣ его изъ дома, для того, чтобы исполнять на пути или въ гостяхъ различныя прихоти своего господина: принять лошадь, подать кальянъ или трубку, подержать стремя, когда онъ будетъ садиться, и т. п. Поселившись тамъ, гдѣ считали болѣе привольнымъ, беки пріѣзжали въ свои имѣнія за сборомъ предоставленныхъ имъ доходовъ; объ улучшеніи же сельскаго хозяйства, они никогда не заботились и довольствовались тѣмъ, что родитъ земля, воздѣланная и засѣянная руками подвластныхъ имъ земледѣльцевъ. Даже и въ настоящее время самое большое занятіе бековъ заключается въ разведеніи табуновъ лошадей. Живутъ они по-азіятски, въ полномъ смыслѣ слова: ѣдятъ сытно, спятъ вдоволь и принимаютъ го-

стей. У каждаго бека есть пріемная или гостиная комната; она разукрашена, раззолочена, съ нишами и карнизами, съ огромнымъ окномъ, подъемными рамами и разноцвѣтными стеклами. Беки любятъ часто посѣщать другъ друга, провести время среди равныхъ себѣ, поговорить о томъ о сёмъ, вставляя въ свою рѣчь множество *массаловъ* (поговорокъ); любятъ покутить, а главное ничего не дѣлать. Такъ жизнь ихъ текла мирно и спокойно, пока, въ наши дни, они, съ освобожденіемъ зависимыхъ сословій, должны были разстаться съ крестьянами, большею частію неправильно ими закабаленными.

Мы видѣли, что беки управляли деревнями и пользовались ихъ доходами временно. Такъ было при ханахъ, но, при разновременномъ уничтоженіи ханской власти, всѣ права и привиллегіи бековъ оставлены были въ томъ видѣ, въ какомъ застала ихъ русская власть. Такимъ образомъ всѣ бывшіе въ то время беки были признаны въ этомъ званіи, а деревни, которыми они завѣдывали временно, укрѣплены за ними и съ тѣхъ поръ стали считаться ихъ неотъемлемою собственностію. Беки никогда не имѣли особеннаго вліянія на народъ, и только весьма немногіе, личными своими качествами, пріобрѣли себѣ общее уваженіе и расположеніе.

Лица, происшедшія отъ ханскихъ поколѣній, носили иногда званіе *аги*, или *агалара* и, въ существѣ своемъ, ничѣмъ не отличались отъ бековъ, пользуясь одинаковыми съ ними правами и преимуществами.

Тѣ лица, которыя, при ханскомъ управленіи, избавлены были отъ податей и повинностей, получили названіе *моафовъ*. Слово моафъ означаетъ человѣка, свободнаго отъ податей, не обращая вниманія изъ какого бы сословія онъ ни происходилъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязаннаго исполнять всѣ лично возложенныя на него порученія, сообразныя съ его званіемъ и происхожденіемъ. Званіе это жаловалось или на всегда, или на время и, въ послѣднемъ случаѣ, сохранялось до тѣхъ поръ, пока продолжалась милость хана. Право на моафство пріобрѣталось при ханахъ или за особыя личныя заслуги, или по ходатайству бековъ, вступившихъ въ родство съ простолюдинами, или, наконецъ, покупалось у хановъ за достаточные подарки и плату.

Въ Шекинскомъ ханствѣ моафы составляли земское войско, избавленное, при ханахъ, отъ податей и повинностей, но за то обязанное, по первому требованію, выступать въ походъ противъ непріятеля на своихъ коняхъ и со своимъ оружіемъ. Въ Ширванѣ же, для исполненія военной повинности, существовало особое сословіе *моафовъ-нукеровъ*.

Моафы-нукеры въ Ширванѣ, и *тюфеничи* въ Нахичеванскомъ ханствѣ, составляли, при ханахъ, лучшее войско и охранную стражу; они же исполняли разныя порученія и посылки, не платили не только податей и повинностей, но получали содержаніе и подарки отъ самихъ хановъ. Подарки эти заключались въ лошадяхъ, оружіи и разныхъ вещахъ. Ширванскій ханъ употреблялъ своихъ *моафовъ-нукеровъ* въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было, въ какомъ-либо пунктѣ его владѣній, назначить военную экзекуцію или сми-

рить противящагося вассала, или, наконецъ, защитить свое ханство отъ непріятельскаго вторженія.

Этотъ классъ людей, при введеніи въ краѣ русскаго управленія и при уничтоженіи ханской власти, оказался не только безполезнымъ, но даже вреднымъ, какъ толпа вольницы, не имѣющей опредѣленныхъ занятій. До 1828 года, русское правительство, съ цѣлію дать какое-либо занятіе людямъ этого сорта, употребляло ихъ для содержанія пограничныхъ карауловъ, а въ 1829 году, изъ моафовъ-нукеровъ, по преимуществу, былъ сформированъ ширванскій мусульманскій полкъ.

Тюфеничи была охранная милиція, собираемая по мѣрѣ надобности и составлявшая въ началѣ единственную военную силу Нахичеванскаго ханства. Впослѣдствіи, по распоряженію персидскаго правительства, былъ сформированъ сербазскій полкъ. Сербазы, или рядовые пѣхотинцы, были жители ханства, собиравшіеся въ случаѣ надобности по сдѣланной раскладкѣ. Сербазы не платили ни податей, ни повинностей и подчинялись *сергенги*—военачальнику, назначаемому преимущественно изъ ханскихъ родственниковъ. Сергенгѣ подчинялись: одинъ *яверъ*—его помощникъ, восемь *султановъ*, шестнадцать *наибовъ* и нѣсколько *юсъ-башей*. Въ мирное время сербазы жили по своимъ домамъ, занимались хлѣбопашествомъ и другими сельскими работами и только иногда созывались на ученье въ городъ. Во время ученья, сербазы получали жалованье, въ мѣсяцъ по 2 р. 50 к. и по $2^1/_2$ батмана хлѣба, но амуницію дѣлали имъ въ счетъ жалованья. Конницу составляли исключительно кенгерлинцы ([1]), которые освобождались за то отъ личныхъ податей. Они имѣли главнаго начальника, двухъ султановъ и четырехъ наибовъ. Въ военное время они получали жалованье и хлѣбную порцію. Все число конницы доходило до 200 человѣкъ, изъ которыхъ 30 состояли по очереди при ханѣ и составляли, подъ управленіемъ особаго начальника, *кулларъ-агаси*—почетную стражу.

Тѣлохранители хановъ носили названіе *нукеровъ* и принадлежали къ числу лицъ, не платившихъ податей и отбывавшихъ впослѣдствіи одну почтовую повинность.

Зависимое сословіе въ ханствахъ составляли поселяне, которые раздѣлялись на казенныхъ или *раятовъ* и на принадлежавшихъ бекамъ. По своимъ правамъ и обязанностямъ, поселяне мало чѣмъ отличались отъ нашихъ крестьянъ. Они обязаны были двумя родами податей: опредѣленныхъ и неопредѣленныхъ или случайныхъ. При ханскомъ правленіи, повинности поселянъ были до чрезвычайности разнообразны и многосложны.

Казенные крестьяне въ Талышѣ раздѣлялись на два разряда: на собственно раятовъ, платившихъ подати, и на *акеръ*—обработывавшихъ для казны земли, подъ посѣвы пшеницы, ячменя, сарачинскаго пшена и проч.

([1]) Особое племя татаръ обитавшее въ Нахичеванскомъ ханствѣ и отличавшееся воинственностію

Всѣ раяты были поселены на казенныхъ земляхъ и вносили подати ханамъ, а съ уничтоженіемъ послѣднихъ платили въ казну. Подати и повинности ихъ были чрезвычайно разнообразны и сами поселяне имѣли множество подраздѣленій, проистекавшихъ отъ духа ханскаго правленія. При ханахъ подати платились рѣдко деньгами, преимущественно произведеніями природы, шедшими на содержаніе хана и его свиты. Повинности эти разлагались на магалы (участки), по мѣрѣ того, въ какой зависимости находились они отъ хана. Случалось, что тѣ магалы, которые находились на границахъ ханствъ, не только были освобождены отъ податей и повинностей, но даже пользовались подарками отъ самихъ хановъ, потому что составляли опору послѣднихъ при враждебныхъ столкновеніяхъ ихъ съ сосѣдями. Кромѣ того, множество людей за различныя заслуги, оставаясь въ томъ же званіи поселянъ, освобождались или лично, или съ потомствомъ отъ податей и повинностей; нѣкоторые платили только подати; другіе, кромѣ того, вносили извѣстное количество съ произведеній земли.

Вообще же повинности были весьма разнообразны и главнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: 1) содержаніе пограничныхъ карауловъ; 2) ловъ рыбы на р. Курѣ за извѣстную плату, но съ тѣмъ, чтобы самая рыба была предоставлена въ пользу откупщика рыбныхъ промысловъ; 3) сборъ соли въ соляныхъ озерахъ, также предоставленныхъ откупщику; 4) ежегодная расчистка старыхъ и устройство новыхъ водопроводныхъ канавъ, служащихъ для орошенія казенныхъ садовъ и посѣвовъ или для приведенія въ дѣйствіе казенныхъ мукомольныхъ мельницъ; 5) работы на казенныхъ земляхъ, заключающіяся въ жатвѣ и уборкѣ хлѣба, сборѣ хлопчатой бумаги, уноваживаніи шелковичныхъ садовъ, расчисткѣ окоповъ и огораживаніи фруктовыхъ садовъ, устройствѣ дорогъ и починкѣ мостовъ. При введеніи русскаго управленія въ ханствахъ на обязанность раятовъ, кромѣ выше приведенныхъ обязанностей, было возложено отбываніе воинскихъ повинностей, которыя заключались: въ безденежной поставкѣ подводъ для проходящихъ командъ, больныхъ для отправленія ихъ въ лазареты и, за незначительную сумму, транспортировка провіанта по р. Курѣ, выгрузка и нагрузка его, расчистка береговъ Куры и очистка русла ея отъ карчей.

Поселяне, принадлежавшіе бекамъ, вносили также въ казну подати и повинности и, кромѣ того, обязаны были службою своимъ бекамъ. У каждаго изъ послѣднихъ было свое особое положеніе и установленные размѣры повинностей, такъ что, по разнообразію, нѣтъ возможности опредѣлить ихъ съ точностію. Во всякомъ же случаѣ можно сказать, что поселяне были обязаны для своихъ бековъ распахивать землю, жать хлѣбъ, косить сѣно, вывозить для постройки лѣсъ, доставлять дрова, уголья, мякину, масло, сыръ, куръ, яйца, фрукты, овощи, и во время свадьбы владѣльца дѣлать подарки, извѣстные подъ именемъ *той-пай*. Кромѣ всего этого,

нѣкоторые изъ поселянъ были обязаны относительно своихъ бековъ денежною и хлѣбною податью. . . . .

Такъ, въ Кубинскомъ ханствѣ существовало обыкновеніе, по которому бекъ отъ урожая всякаго хлѣба получалъ въ свою пользу десятую часть; съ каждаго двора по двѣ арбы дровъ; съ каждыхъ двухъ дворовъ по одной арбѣ мякины или сѣна; съ десяти дворовъ по одному работнику; при постройкѣ для бека дома, всѣ жители обязаны были работать на него шесть дней; въ случаѣ отправленія бека въ походъ или по какому-либо порученію, жители деревни давали ему вьючную лошадь, которую онъ обязанъ былъ потомъ возвратить. Каждый дворъ обработывалъ для бека по три *рубы* [1] чалтыка въ чистое сарачинское пшено; жители обязаны были перевозить бекскій хлѣбъ изъ селенія въ городъ. Каждый бекъ имѣлъ право взять изъ своей деревни къ себѣ въ домъ одного прислужника, одного земледѣльца, одного конюха и проч.

Изъ этого видно, что главнѣйшею податью была часть урожаевъ изъ сельскихъ произведеній.

Для вѣрнѣйшаго наблюденія за точностію сбора опредѣленныхъ частей каждый ханъ или бекъ имѣлъ особыхъ смотрителей, которые слѣдили за крестьянами на ихъ поляхъ, гумнахъ и даже въ домахъ. Способы наблюденій были различны. Такъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по приказанію смотрителей, хлѣбъ всѣхъ поселянъ свозился въ одно назначенное мѣсто и каждый хозяинъ складывалъ свой хлѣбъ отдѣльно. Тогда смотритель разрѣшалъ начать молотьбу, а самъ, взобравшись на высокую и нарочно для того устроенную каланчу, наблюдалъ за работой поселянъ. Вечеромъ обыкновенно отдѣлялась въ пользу владѣльца та часть зерна, которая ему принадлежала изъ всего того, что успѣвалъ вымолотить въ этотъ день земледѣлецъ. Если же смотритель не успѣвалъ отдѣлить податной хлѣбъ, то весь вымолоченный крестьяниномъ хлѣбъ, напримѣръ, пшеница, ячмень и проч. оставались до слѣдующаго дня въ общей кучѣ подъ надзоромъ и отвѣтственностію хозяина за ихъ цѣлость; а чтобы хозяинъ не могъ похитить часть своей собственности, то смотритель «на гладкой поверхности жита, посредствомъ прикосновенія, оставлялъ особые знаки, и бѣда хозяину, если вѣтеръ, домашній скотъ, звѣри или птицы—словомъ, какая бы ни была невинная случайность, хотя нѣсколько измѣняла видъ серкерскихъ (смотрительскихъ) впечатлѣній! Тогда бѣдный поселянинъ неизбѣжно терялъ весь свой хлѣбъ и, сверхъ того, подвергался еще строгому взысканію».

Тѣ поселяне, которые не платили никакихъ податей и не несли никакихъ повинностей, кромѣ участія въ содержаніи почтовыхъ станцій, подводъ и квартирной повинности, носили названіе *речбировъ*. На обязанности ихъ

---

[1] Руба заключала въ себѣ 7 пудовъ 21 фунтъ, 48 золотниковъ.

лежало однакоже обработывать земли подъ казенные посѣвы и смотрѣть за шелковичными и фруктовыми садами на особомъ основанiи.

Казна должна была снабдить речбира рабочимъ скотомъ, земледѣльческими и садовыми орудiями и выдавать ежегодно на посѣвъ сѣмена; починка и исправленiе орудiй лежала также на обязанности казны. Все полученное отъ урожая дѣлилось пополамъ: одну часть получалъ речбиръ, а другая поступала въ казну; съ фруктовыхъ садовъ речбиры получали четвертую часть урожая; а съ чалтычныхъ полей, смотря по мѣстности, одни получали половину, другiе—треть, а третьи—изъ пяти частей двѣ и т. д. (1).

Речбиръ означаетъ собственно работника и случалось, что цѣлый домъ или семейство отдѣлялось въ речбирство. Речбиры были казенные и принадлежавшiе частнымъ лицамъ. Они принадлежали ханамъ, бекамъ, духовнымъ, частнымъ и должностнымъ лицамъ. Въ Нухинскомъ ханствѣ речбиры принадлежали даже гражданамъ, которые, пользуясь отъ нихъ доходами, обязаны были платить за речбировъ подати.

Ханскiе речбиры занимались преимущественно садоводствомъ, шелководствомъ и обработыванiемъ чалтычныхъ полей. Выходцы изъ разныхъ сосѣднихъ владѣнiй и ханствъ, искавшiе покровительства или прiюта у другаго хана, принимались послѣднимъ и водворялись на принадлежавшей хану землѣ. Поселенiя эти въ разное время пополнялись потомъ людьми, набранными изъ разныхъ кочевьевъ и деревень. Ханы заставили этихъ поселенцевъ развести сады, имѣть за ними надзоръ и предоставили имъ за то часть доходовъ; въ нѣкоторыхъ же деревняхъ ханы прiобрѣли покупкою сады и принудили всѣхъ жителей быть речбирами за извѣстную долю дохода, предоставленнаго въ ихъ пользу.

Речбиры частныхъ лицъ раздѣлялись на три разряда: къ первому принадлежали выходцы и бѣглецы изъ другихъ ханствъ, которые, поселившись на чьей-нибудь землѣ, должны были исполнять нѣкоторыя требованiя владѣльцевъ, которые обыкновенно, за обработыванiе земель и садовъ, предоставляли имъ часть изъ урожая. Второй видъ речбировъ составляли тѣ семейства, которыя, не имѣя осѣдлости, были подарены ханами своимъ любимцамъ для поселенiя на своихъ земляхъ. Получая отъ владѣльцевъ земли наравнѣ съ выходцами, они несли точно такiя же повинности. Наконецъ третiй родъ *речбировъ* были тѣ изъ раятовъ, которые, по какимъ-либо обстоятельствамъ, принуждены были продать свою недвижимую собственность какому-нибудь постороннему лицу, а сами сдѣлаться его речбирами.

Съ присоединенiемъ ханствъ къ Россiйской Имперiи, многiе источники ханскихъ доходовъ, первое время, были оставлены въ томъ положенiи, въ которомъ они находились при ханахъ и разныхъ правителяхъ. Оттого въ распоряженiе казны поступили разныя хозяйственныя заведенiя: сады, мель-

---

(1) Сынъ отечества 1840 г. т. 5.

ницы и т. п. Правительство замѣтило вскорѣ, что заведенія эти далеко не приносятъ пользы сравнительно съ тѣмъ обремененіемъ, которыя лежали на поселянахъ по содержанію водопроводовъ, обработки садовъ и проч. Дѣйствительно, для подобныхъ работъ, по требованію комисаровъ, завѣдывавшихъ этими заведеніями, высылались въ городъ цѣлыя сотни поселянъ, отвлекавшихся отъ сельскихъ занятій, тогда какъ, по соображеніи цѣны трудовъ каждаго рабочаго съ доходами отъ садовъ, результатъ оказывался совершенно ничтожный. На этомъ основаніи Императоръ Николай Павловичъ, во время Высочайшаго своего путешествія по Закавказью, приказалъ немедленно продать казенные сады и освободить поселянъ отъ подобныхъ работъ.

«Когда получено было изъ Тифлиса это благодѣтельное повелѣніе, пишетъ г. Нефедьевъ, я находился въ Эривани и былъ свидѣтелемъ того живаго восторга, съ которымъ монаршая милость принята сотнями людей, производившихъ по садамъ работы. Сначала они едва вѣрили, что съ нихъ снято вѣковое иго; но данное имъ позволеніе убѣдило ихъ въ истинѣ счастливаго событія».

Если поселянинъ бывалъ *юсъ-башею*, *кевхою*, *кетхудою* или *даргою*, тогда онъ въ большей части случаевъ освобождался отъ податей ([1]). Юсъ-баши, кетхуды и кевхи почти одно и тоже, и были не что иное, какъ старшины селеній, не пользовавшіеся никакими особыми правами, кромѣ избавленія отъ податей, отъ которыхъ иногда за особыя заслуги они избавлялись и послѣ юсъ-башества. Поселяне обязаны были давать своему старшинѣ отъ одного до трехъ речбировъ, что зависѣло отъ числа дворовъ въ селеніи.

Речбиры, во все время служенія юсъ-башѣ, не платили никакихъ податей и не несли такихъ повинностей, какія несло все остальное общество речбировъ. Должности юсъ-башей исполняли иногда и беки, и при ханскомъ управленіи вообще юсъ-башество давалось за заслуги и иногда было наслѣдственнымъ. Русское правительство предоставило самимъ поселянамъ избирать и смѣнять своихъ старшинъ съ тою цѣлію, чтобы избавить ихъ отъ тѣхъ притѣсненій правителей, которыя существовали при ханахъ.

Особые любимцы хановъ, которыхъ они желали вознаградить, получали названіе *дарги*. Сдѣлавъ даргою надъ селеніемъ или кочевьемъ, ханъ предоставлялъ въ пользованіе его всѣ доходы отъ поселянъ въ теченіе нѣкотораго опредѣленнаго срока, и преимущественно въ теченіе трехъ лѣтъ.

Были еще дарги и другаго рода: это тѣ лица, которыя наблюдали за посѣвами и садами, прежде принадлежавшими ханамъ, а потомъ поступившими въ казну. Эти дарги не получали никакого опредѣленнаго содержанія и дохода, а выдѣлялась имъ часть за труды, смотря по урожаю; одни только речбиры обязаны были давать имъ десятину съ своихъ полей.

Въ нѣкоторыхъ ханствахъ дарги исполняли въ городахъ обязанность по-

---

([1]) Въ Кубинскомъ ханствѣ кетхуды вносили по 3 р. 50 коп. денежной подати.

лиціймейстеровъ и должны были днемъ наблюдать за порядкомъ особенно на базарѣ, выставлять цѣны на съѣстные припасы и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбирать незначительныя ссоры.

Къ числу зависимыхъ сословій надо отнести и рабовъ. Рабами могъ владѣть каждый, имѣющій средство купить ихъ изъ числа невольниковъ или захваченныхъ въ плѣнъ, и такія лица назывались мужчины *кулами*, а женщины—*каравашами*. Права, обязанности и самая участь рабовъ были совершенно одинаковы съ тѣми, которыя составляли принадлежность рабовъ въ Дагестанѣ, и личность ихъ не была ничѣмъ обезпечена.

Всѣ гражданскія и уголовныя дѣла разбирались по шаріату, установленными для того лицами.

Собственно судъ шаріата составлялся подъ предсѣдательствомъ *шейхъ-уль-ислама* (главы вѣры), казія и нѣсколькихъ первоклассныхъ духовныхъ лицъ, имѣющихъ совѣщательное право или право голоса. Суду шаріата подлежали всѣ споры и тяжбы, бракъ и разводъ, опека, покупка и укрѣпленіе всякаго рода имущества и заключеніе всякаго рода договоровъ.

Собравшіеся на рѣшеніе дѣла, члены шаріата производили прежде всего слѣдствіе, заключавшееся въ словесныхъ показаніяхъ истца, отвѣтчика и затѣмъ во взаимныхъ ихъ преніяхъ. Потомъ допрашивались свидѣтели, сначала со стороны отвѣтчика, а потомъ со стороны истца. При недостаткѣ свидѣтелей, предлагалась той или другой сторонѣ присяга, при чемъ отвѣтчикъ имѣлъ преимущество.

Какъ только дѣло достаточно разъяснялось, тяжущіеся удалялись, и члены шаріата, послѣ предварительнаго совѣщанія, отыскивали соотвѣтствующій законъ, и если разбираемый случай былъ приведенъ въ коранѣ, то дѣло рѣшалось безъ всякаго затрудненія. Въ противномъ же случаѣ, обращались къ *хадису* или преданію, образовавшемуся изъ безчисленныхъ и многотомныхъ толкованій. Если же и въ хадисѣ не встрѣчалось удовлетворительнаго разрѣшенія, то приговоръ произносился на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, примѣровъ, а иногда и по произволу судей.

Рѣшеніе писалось на *ярлыкѣ*, къ которому прикладывались печати всѣхъ членовъ шаріата. Ярлыкъ этотъ получала оправданная сторона и, при требованіи удовлетворенія, имѣла право на содѣйствіе исполнительной власти. Постановленное рѣшеніе нигдѣ не записывалось, и бывали примѣры, что, по одному и тому же дѣлу, выходило два совершенно противоположныхъ рѣшенія, и обѣ стороны оказывались оправданными. «Само собою разумѣется, говоритъ И. Шопенъ, что злоупотребленія часто вкрадывались въ эти рѣшенія: иногда сардарь, или кто-либо изъ приближенныхъ его, подъ рукою, давалъ знать шаріату, что покровительствуетъ такой-то сторонѣ, и тогда правый челобитчикъ, на основаніи послушнаго корана и *хадиса*, кругомъ обвинялся (1).. »

---

(1) Иногда еще сардарь, не желая явно оправдать кого нибудь изъ главныхъ своихъ

За то и на злоупотребленіе своихъ чиновниковъ ханъ смотрѣлъ сквозь пальцы «и ему нечего было опасаться: чиновники его грабили, но, по общему духу алчности, свойственной большей части азіятцевъ, никогда не тратили награбленныхъ денегъ: тотчасъ являлись у нихъ деревни, дома, сады и проч. Когда сардарь замѣчалъ, что мѣра снисхожденія переполнилась, тяжкая опала постигала лихоимца: все имущество его отправлялось въ сундуки сардарьскіе, а имѣнія дѣлались казенными, т. е. сардарьскими; годъ или другой осужденный бродилъ около порога сардарьскаго, билъ челомъ его любимцамъ и, наконецъ, по доведеніи его въ первобытное положеніе, возвращалась на него милость; ему доставляли случай нажиться вновь, чтобъ опять, впослѣдствіи, сдѣлать его нищимъ въ пользу властелина.

«Сколько этотъ порядокъ ни покажется страннымъ для европейца, однакоже азіятцы находятъ его превосходнымъ» (¹)...

Всѣ сословія мусульманскихъ провинцій подчинялись единой волѣ хана. Произволъ и ничѣмъ необузданныя страсти составляли характеристику ханскаго управленія. Ханъ былъ единственное лицо, въ которомъ сосредоточивались всѣ законы, всѣ права жителей, бывшихъ для правителя не болѣе какъ рабами, надъ которыми онъ имѣлъ полную власть жизни и смерти. Для хановъ не существовало никакихъ сословій среди подданныхъ: по личному ихъ произволу, сегодняшній рабъ дѣлался завтра бекомъ, точно также какъ первѣйшій изъ сановниковъ, въ силу того же произвола, наказывался тѣлесно за самую ничтожную вину, и весьма исправнымъ количествомъ ударовъ.

По одному знаку хана выскакивали фараши (²), и въ одно мгновеніе провинившійся лежалъ уже на спинѣ; ноги его, прикрученныя къ *фалагѣ*, подымались наверхъ и наказывались по пятамъ жидкими жасминовыми тростями. Точно такой же знакъ хана—и виновному рѣзали руку, ногу, одно или оба уха, языкъ, выкалывали одинъ или оба глаза.

Людскимъ страстямъ нѣтъ предѣловъ и видоизмѣненія ихъ безчисленны, а потому и нѣтъ возможности перечислить всѣхъ случаевъ, въ которыхъ выражался ханскій гнётъ и деспотизмъ, неограниченные никакими постановленіями, ни письменными законами.

Ни одинъ изъ хановъ не имѣлъ никакого понятія о тѣхъ обязанностяхъ, возлагаемыхъ на него какъ на правителя, отъ котораго зависѣло благосостояніе управляемаго имъ народа; ни одинъ изъ хановъ не признавалъ ничего выше того, чтобы поборами извлекать изъ народа богатство всѣми возможными средствами. Сборы эти шли не на общественную пользу, не на

вельможъ, изобличеннаго въ преступленіи, и не желая также его обвинить, отсылалъ дѣло на рѣшеніе шаріата и тѣмъ устранялъ себя отъ ходатайства приближенныхъ.

(¹) Историческій памятникъ состоянія армянской области И. Шопена.

(²) Фарашъ, въ буквальномъ переводѣ съ персидскаго, значитъ исполнитель гнѣва.

улучшеніе быта народа, но единственно на прихоти ханов, на удовлетвореніе ихъ азіатской роскоши.

Всѣ законы замѣнялись двумя словами—*воля хана*; одни они обезпечивали до времени личность и имущество каждаго изъ подвластныхъ. Это былъ одинъ кодексъ, шаткій, перемѣнчивый, гибкій какъ дышло, но считавшійся для народа священнымъ. Не нужно много воображенія, чтобы представить себѣ, какъ тяжело было сносить подвластнымъ личный произволъ и оскорбленія человѣка грубаго, необразованнаго, жестокаго, а часто и безнравственнаго.

Ханы, присвоивъ себѣ верховное наблюденіе надъ всѣмъ, руководились, при разборѣ дѣлъ, личными страстями, не придерживались и не слѣдовали шаріату. Произволу ихъ, въ этомъ случаѣ, не было предѣловъ, и полнѣйшее неуваженіе къ личности своихъ подвластныхъ составляло исключительную характеристику ихъ правленія. Еще не такъ давно, въ Ширванѣ разсказывали объ одномъ изъ образчиковъ ханскаго правосудія.

«Шла въ городъ (Шемаху) бѣдная поселянка и несла на продажу кувшинъ молока. Ее встрѣтилъ какой-то горожанинъ, отнялъ кувшинъ и выпилъ молоко. Женщина пришла жаловаться хану. Сыскали горожанина, но тотъ запирался и говорилъ, что не пилъ молока».

— Согласна-ли ты, сказалъ тогда ханъ женщинѣ, чтобы я приказалъ распороть животъ этому человѣку? Если въ немъ окажется молоко, я заплачу тебѣ цѣну его; если же молока не будетъ, то велю сбросить тебя со скалы.

Женщина согласилась; обвиняемому тутъ же распороли животъ, въ немъ оказалось молоко и женщина получила отъ хана двѣ копѣйки—тогдашнюю стоимость кувшина молока.

АРМЯНЕ.

I.

Природа Арменіи и занятіе ея жителей. — Разсѣяніе армянскаго населенія и разнохарактерность его: армавирцы и тумбульцы. — Жилища армянъ, ихъ пища и характеръ. — Одежда мужчинъ и женщинъ. — Характеръ женщины. — Религія армянъ. — Особенности нѣкоторыхъ праздниковъ. — Суевѣріе.

Въ настоящее время число армянъ, живущихъ въ Россіи, полагаютъ крайне различно: одни доводятъ ихъ численность до 500,000, а другіе до 1,200,000.

Армяне рязсѣяны по всей имперіи, но главное число населенія ихъ, конечно, находится въ Закавказьѣ, и преимущественно группируется около Арарата и у истоковъ Аракса, т. е. въ мѣстности, занимаемой нѣкогда Великою Арменіею, которой часть принадлежитъ въ настоящее время Россіи, а часть Турціи.

Арменія представляетъ возвышенную плоскость, окруженную со всѣхъ сторонъ горами. По срединѣ этой плоскости стоятъ покрытые вѣчными снѣгами большой и малый Араратъ. Горы Чалдыръ и Джаникъ, находящіяся на сѣверѣ, отдѣляютъ Арменію отъ Чернаго моря; цѣпь Таврскихъ горъ, врѣзавшись въ Арменію близъ Ефратскихъ водопадовъ, тянется къ западу высокими горными грядами.

Русская Арменія, составляя часть древней верхней Арменіи, входитъ въ составъ различныхъ провинцій Закавказья и граничитъ на югѣ рѣкою Араксомъ до Арарата, на западѣ прикасается къ владѣніямъ Турціи, а на востокѣ къ Карабахскому ханству.

Рѣка Араксъ, орошаетъ ее на всемъ протяженіи отъ запада къ востоку. Въ топографическомъ отношеніи бывшая армянская область раздѣляется на три

полосы: *горную*, *среднюю* и *плоскую*, подраздѣляющіяся, въ свою очередь, на множество террасъ и уступовъ.

«Вообще, пишетъ г. И. Шопенъ, впечатлѣніе, производимое на пріѣзжающаго въ первый разъ въ армянскую область, весною, лѣтомъ и осенью пріятно: между вершинами горъ, черезъ которыя необходимо проѣхать, чтобы вступить въ область, открываются равнины, покрытыя тучною зеленью и орошаемыя частыми ручейками, которые, образуясь изъ многочисленныхъ родниковъ, текутъ излучисто и безмолвно въ глинистыхъ берегахъ. Со всѣхъ сторонъ, куда бы ни обратилось зрѣніе, горизонтъ заслоняется живописными холмами, между которыми пестрѣютъ обширныя, четвероугольныя *карачадры* (1) курдовъ, или круглыя черныя *алачуги* (2) кочующихъ племенъ татарскаго происхожденія, а между ними кое-гдѣ мелькаютъ бѣлыя, какъ снѣгъ, палатки султановъ или бековъ, болѣе приблизившихся къ комфортабельности.

«Пейзажъ оживляется безчисленными стадами овецъ и рогатаго скота, бродящихъ по скатамъ горъ, а между ними, на какомъ либо возвышеніи, пастухи, неподвижные, издали походятъ на каменные истуканы, встрѣчаемые въ киргизскихъ степяхъ; тамъ и сямъ, надъ свѣжею зеленью, стелется въ лощинѣ или на горномъ шпилѣ широкая снѣжная скатерть, которая, въ концѣ лѣта, нѣсколько темнѣетъ, но обыкновенно возобновляется въ исходѣ августа. Три великана, Араратъ, Алагёзъ и Агмангапъ, заслоняя горизонтъ, господствуютъ надъ всею страною и, поднимая сѣдыя главы свои надъ прочими второстепенными горами, будто также стерегутъ ихъ».

Спустившись на вторую полосу, встрѣчается еще большее обиліе ручейковъ, травы тучнѣе; на ребрахъ горъ появляются лѣса и кустарники, а самая почва становится болѣе каменистою, чѣмъ ниже спускаешься. Вмѣстѣ со спускомъ, тропинки дѣлаются едва проходимыми отъ множества камней, повсюду видны глубокія ущелья и крутые подъемы, рѣки текутъ между отвѣсными скалами, преграждающими сообщеніе съ одного берега на другой. Почва равнины плодородна только при обильномъ орошеніи; воздухъ лѣтомъ дѣлается весьма удушливымъ, солнце жжетъ немилосердно, и лучи его, какъ раскаленныя иглы, «проницаютъ до мозга», дыханіе спирается и миріады мошекъ еще болѣе затрудняютъ его: онѣ лѣзутъ въ глаза, ротъ, носъ и уши.

За всѣмъ тѣмъ повсюду видны воздѣланныя поля, обильно орошаемыя канавами, являющимися здѣсь живительными источниками, безъ которыхъ все выжигается палящими лучами солнца. Въ этой, впрочемъ очень тѣсной, полосѣ скучилось почти все населеніе; верхняя терраса мало обитаема, «а пространство, раздѣляющее среднюю полосу отъ низменной, слишкомъ каменисто. Но полоса, простирающаяся между верхнею и среднею, отлично хлѣбородна, довольно населена и хорошо воздѣлывается».

---

(1) Обширная палатка курдовъ.
(2) Войлочныя палатки татаръ.

Съ наступленіемъ зимы, вершины горъ, и вообще вся нагорная полоса заваливается сугробами снѣга и сообщеніе между селеніями иногда вовсе прекращается.

На главныхъ хребтахъ горъ и высочайшихъ ихъ вершинахъ снѣгъ остается въ теченіе цѣлаго года; вьюги и мятели дѣлаютъ эти мѣста похожими на ледовитыя полярныя страны. Спускаясь внизъ, сначала встрѣчается терраса, не имѣющая ни весны, ни осени и очень короткое лѣто, которое, по мѣрѣ спуска, дѣлается все болѣе и болѣе самостоятельнымъ, наконецъ, на равнинѣ близъ Аракса, невыносимымъ до такой степени, что, подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей, измѣняется цвѣтъ лица у жителей.

Не смотря на то, что Арменія находится на одной географической широтѣ съ Неаполемъ и южною Испаніею, климатъ ея рѣзко отличается отъ этихъ странъ. Онъ свойственъ всѣмъ широтамъ Европы, отъ полярнаго до знойнаго.

Грандіозность и живописность мѣстоположенія Арменіи выразились въ народной поэзіи древняго періода; новѣйшая же поэзія оставила картины Кавказа и Арарата, а обратилась къ той тихой и простой гармоніи природы, въ которой поэты находятъ отголосокъ своему меланхолическому настроенію души. Народныя бѣдствія притупили воображеніе поэтовъ и смирили ихъ поэтическій полетъ (1).

Армяне занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Въ селеніяхъ Александропольскаго и Ахалцыхскаго уѣздовъ сѣютъ чалтыкъ, разводятъ хлопчатую бумагу и марену, а въ уѣздѣ Елисаветпольскомъ занимаются преимущественно скотоводствомъ. Во всѣхъ трехъ уѣздахъ воспитываютъ шелковичныхъ червей, гонятъ водку и выдѣлываютъ вино тамъ, гдѣ есть средство къ разведенію винограда.

Перемѣшавшись въ Закавказьѣ съ другими народностями, армяне поселились въ Грузіи, составляютъ значительную часть населенія Тифлиса и, кромѣ того, живутъ поселеніями въ Ахалцыхѣ и его окрестностяхъ, въ Кизлярѣ, Моздокѣ, Ставрополѣ, Георгіевскѣ, въ мѣстечкѣ Эдесіи (бывшей Касаевой ямѣ) и Св. Креста. Сюда явились уже армяне, не сохранивъ многихъ изъ своихъ обрядовъ и обычаевъ. Селеніе Чардахлы Елисаветпольскаго уѣзда населено исключительно армянами. Они же поселились близъ Ростова на Дону и основали тамъ особый городъ Нахичевань; въ Астрахани и въ Крыму также много армянъ. Словомъ сказать—народъ этотъ разсѣянъ по всему Кавказу и Закавказью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они живутъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ какъ бы оторванныя отъ своихъ единоплеменниковъ, съ которыми, какъ выходцы изъ чужихъ странъ, они, въ дѣйствительности, имѣютъ мало общаго.

Такъ, на Кубани, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Прочно-Окопскаго

---

(1) Армяне въ 1854 г. Кавк. 1854 г. № 82.

укрѣпленія, есть селеніе Армавиръ, населенное армянами, вышедшими изъ Черкесіи въ 1838 году и утратившими совершенно армянскую народность.

Не отличаясь нравами и обычаями отъ черкесъ, армавирцы сохранили нѣкоторую особенность относительно рабовъ, находившихся въ ихъ владѣніи. Рабы у армавирцевъ произошли отъ плѣнныхъ горцевъ, которыхъ они покупали у черкесихъ князей и узденей. Армавирецъ не имѣлъ права заставить своего *ясыря* (раба) работать болѣе обыкновеннаго. Ограниченіе это сдѣлано было съ общаго согласія и положено, чтобы каждый рабъ, кромѣ своего владѣтеля, имѣлъ у себя кого либо изъ сосѣдей армавирцевъ своимъ покровителемъ. Въ случаѣ притѣсненій хозяина, рабъ отправлялся къ своему покровителю, который разсматривалъ его жалобу, и если находилъ ее справедливою, то сообщалъ старшинамъ селенія, которые обсуждали поступки и хозяина, и раба. Каждый ясырь имѣлъ свое отдѣльное хозяйство, но обязанъ былъ удѣлять половину дохода своему владѣльцу, которому, впрочемъ, вмѣнено было въ обязанность снабжать раба всѣмъ необходимымъ для хозяйственныхъ занятій; въ противномъ случаѣ, хозяинъ не имѣлъ права требовать съ раба части его доходовъ. Такъ, во время посѣва владѣлецъ долженъ былъ дать рабу сѣмена и пару воловъ, къ которымъ ясырь прибавлялъ столько же собственныхъ и приступалъ къ работѣ. Во время сѣнокоса и жатвы владѣлецъ долженъ былъ вооруженнымъ явиться на поле своего ясыря для защиты отъ хищническихъ нападеній. Во все время работы владѣлецъ стоялъ гдѣ нибудь на пригоркѣ и наблюдалъ за непріятелемъ, съ появленіемъ котораго предварялъ ясыря и приготовлялся къ оборонѣ; бѣжать же съ поля, не защитивъ ясыря, считалось постыднымъ, и такіе хозяева изгонялись изъ общества.

Точно также на обязанности владѣльца лежало отыскать ясырю жену, а если она умретъ, то отыскать другую.

Армавирцы занимаются преимущественно скотоводствомъ, а главное мѣновою торговлею съ горцами—хотя подобное занятіе, въ прежнее время, было часто сопряжено съ опасностію жизни. Кровомщеніе у армавирцевъ существуетъ во всей силѣ; въ храбрости они не уступаютъ черкесамъ ([1]).

Селеніе Башъ-Абаранъ, называемое также Баранполемъ и лежащее на сѣверной отлогости Алагеза, населено армянами, выходцами изъ Турціи. Они сохранили всю особенность турокъ, ихъ костюмъ и даже бритье головы, не смотря на то, что всѣ они исповѣдуютъ христіанскую религію ([2]).

Въ Нахичеванскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, на берегу р. Аракса, лежитъ селеніе Тумбулъ, жители котораго извѣстны подъ именемъ тумбульцевъ.

Народъ этотъ—армяне, переселившіеся сюда изъ города Салмазъ, Адер-

([1]) Современное состояніе Армавира. Кавк. 1853 г. № 34.

([2]) Горная дорога отъ Дарачичага до Александрополя. Токарева. Кавк. 1851 г. № 63.

бейджанской провинціи—имѣетъ такія рѣзкія особенности, что онѣ дѣлаютъ его весьма мало похожимъ на всѣхъ остальныхъ армянъ.

Тумбулецъ высокъ ростомъ, тощъ на лицо. На немъ всегда видна черная изодранная одежда, покроемъ похожая на рясу монаха, котораго онъ и старается изобразить собою. При встрѣчѣ съ вами, тумбулецъ упомянетъ непремѣнно объ Іерусалимѣ и попроситъ милостыни; въ правой рукѣ его всегда видѣнъ посохъ, а въ лѣвой свертокъ бумаги, исписанной какими-то іероглифами.

Непривычный къ сельскимъ занятіямъ, онъ живетъ темными средствами, на чужой счетъ, подаяніемъ и милостынею.

Тумбулецъ скитается десятки лѣтъ далеко отъ родины, приходитъ домой только на зиму и уходитъ опять съ раннею весною. Зиму онъ не любитъ потому, что приходится сидѣть дома за дымнымъ каминомъ или *курси* (¹). Его убиваетъ тоска не по родинѣ, а по чужимъ землямъ. За то съ раннею весною онъ идетъ на промышленность, добываетъ себѣ кусокъ хлѣба непозволительнымъ трудомъ.

Подъ именемъ дервиша, онъ обходитъ города, священные для мусульманина: Мекку, Медину и Кербелаэ; тамъ онъ ловко поддѣлывается подъ обычаи правовѣрныхъ, молится вмѣстѣ съ ними Магомету. Подаяніемъ и добровольными пожертвованіями набожныхъ мусульманъ, тумбулецъ набираетъ себѣ деньги и переходитъ на промыселъ къ христіанамъ. Подвигаясь къ Іерусалиму, онъ сбрасываетъ съ себя имя дервиша, надѣваетъ черную рясу и, принявъ званіе монаха, подъ личиною набожности и смиренія, посѣщаетъ Іерусалимъ.

Тумбульца можно встрѣтить въ Индіи, Афганистанѣ, Сиріи, Россіи, Сибири, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ только живутъ люди. Обрыскавъ весь свѣтъ, онъ возвращается домой съ порядочнымъ запасомъ денегъ. Родные, друзья и сосѣди привѣтствуютъ его съ благополучнымъ возвращеніемъ; одни радуются, другіе горюютъ, не получивъ свѣдѣнія о своихъ родственникахъ, еще бродящихъ по міру.

Принесенный запасъ выпрошенныхъ денегъ дозволяетъ тумбульцу содержать свою семью съ роскошью. Прекрасный домъ, опрятныя комнаты составляютъ главную его заботу и попеченіе; чай, сытный полу-азіятскій, полу-европейскій обѣдъ, десертъ и кофе составляютъ, можно сказать, принадлежность его пищи.

У себя, дома, тумбулецъ «покажется скорѣе торговцемъ, который добиваетъ послѣднюю копѣйку, чѣмъ бережливымъ селяниномъ. У рѣдкаго вы не встрѣтите серебряной посуды работы всѣхъ временъ и народовъ: англійскую,

---

(¹) Столъ на короткихъ ножкахъ, поставленной надъ пекарной ямой для тепла; столъ этотъ накрываютъ ковромъ, а потомъ одѣяломъ, которымъ укрываютъ ноги, во время сна, располагаясь кружкомъ на самомъ столѣ.

французскую, русскую и азіятскую. Шелковыя покрывала, занавѣсы, бархатъ, кашемирскія шали, хоросанскіе и міанскіе ковры—собраны, снесены сюда, будто дань подвластныхъ своему повелителю. Сами тумбульцы и жены ихъ одѣваются чисто, богато, роскошно; шелковыя ткани составляютъ ихъ ежедневный нарядъ, не говоря о драгоцѣнныхъ каменьяхъ: алмазы, бирюза, яхонтъ, изумрудъ, жемчугъ постоянно употребляются на украшеніе женщинъ, которыя, впрочемъ, нуждаются въ этомъ потому, что сами не отличаются большою красотою. Онѣ особенно любятъ носить цѣпи на шеѣ, монисты изъ древней золотой и серебряной монеты». Между тумбульцами есть мастера всякаго дѣла.

Въ настоящее время правительство пресѣкло скитальческую жизнь тумбульца, и заставило его обратиться къ мирнымъ сельскимъ занятіямъ (¹).

Изученіе столь разнообразнаго быта армянъ не составляетъ нашего предмета, и мы ограничимся краткою характеристикою армянскаго населенія, входившаго въ составъ закавказскихъ ханствъ.

При этомъ мы должны сказать, что населеніе, такъ называемой Армянской области, значительно пополнилось армянами-выходцами изъ Персіи и Турціи, переселившимися въ Россію разновременно, и въ особенности послѣ войнъ въ 1827 и 1829 годахъ. До того же времени, они жили совмѣстно съ татарами, и отношеніе числа ихъ къ послѣднимъ было почти тоже, что и въ прочихъ мусульманскихъ провинціяхъ.

Говоря объ образѣ жизни татаръ и ихъ управленіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ сказали весьма многое о тогдашнихъ армянахъ, населяющихъ мусульманскія провинціи.

Поселившихся между татарами армянъ нѣтъ возможности подводить подъ одну и ту же категорію съ тѣми изъ ихъ единоплеменниковъ, которые составляютъ образованный классъ, разбросанный по всѣмъ частямъ свѣта, и даже съ тѣми, которые населяютъ города Грузіи. Армяне мусульманскихъ провинцій, кромѣ религіи, въ образѣ жизни весьма мало отличались отъ татаръ. Кучка ямъ, покрытыхъ землею, расположенныхъ безъ всякаго порядка и раздѣленныхъ между собою грудами навоза или смрадными, гніющими лужами, дорожки, извивающіяся то около, то черезъ крышу этихъ ямъ, замѣняющихъ дома, составляютъ общій видъ большей части армянскихъ селеній. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нижней полосѣ, сады и рощи, своею зеленью, прикрываютъ безобразіе и грязь, въ которыя погружены селенія. Армяне точно также, какъ и татары, жили въ землянкахъ вмѣстѣ съ своимъ скотомъ, нисколько не стѣсняясь отправленіями и привычками этихъ животныхъ. Въ такой землянкѣ армянина и хлѣвъ, и скотный дворъ, и мѣсто воспитанія его поколѣнія. Здѣсь и насѣстъ для куръ и крикливыхъ пѣтуховъ, составляющихъ ночью весьма непріятное общество. Миріады самыхъ разнообразныхъ и гадкихъ насѣкомыхъ привѣтствуютъ посѣтителя у самаго входа въ саклю.

(¹) Тумбульцы Егоръ Мелешко. Кавк. 1854 г. № 29.

Семейство армянина и самъ онъ довольствуются пучкомъ травы, горстью лобіи (фасоль) и кускомъ черстваго хлѣба, не въ слѣдствіе недостатка, а по причинѣ, присущей этой націи—благоразумной бережливости. Обыкновенную ихъ пищу составляетъ такой же хлѣбъ, какъ и у грузинъ, состоящій изъ прѣсныхъ лепешекъ. Зажиточные ѣдятъ пловъ, шашлыкъ, зелень и коренья.

Находясь въ подданствѣ различныхъ государствъ, и разбросанное, можно сказать, по всему земному шару, армянское племя, подвергаясь въ слѣдствіе того различному климату, образу жизни и занятій, утратило свою общую типичность. Средній ростъ, плотное тѣлосложеніе съ развитымъ туловищемъ и толстою шеею, мускулистыя руки, смуглое съ рѣзкими чертами лицо, живые глаза, орлиный съ горбомъ носъ, черные волосы, полныя губы, красивые, бѣлые, но рѣдкіе зубы—вотъ отличительныя черты армянъ. Тѣ ихъ нихъ, которые ведутъ жизнь сидячую и питаются преимущественно рисомъ, подъ старость дѣлаются тяжелыми—жирѣютъ.

Хитрость составляетъ отличительную черту характера армянина; любостяжаніе влечетъ къ обману, и для многихъ даръ слова служитъ средствомъ скрывать свои мысли; они льстятъ и въ привязанности своей непостоянны—человѣкъ не нужный больше забывается весьма скоро. Армяне вообще понятливы и охотно слѣдятъ за образованіемъ; въ промышленномъ и торговомъ отношеніи не имѣютъ соперниковъ. Они терпѣливы, смѣтливы, умѣренны до скупости и отлично умѣютъ предвидѣть, какое предпріятіе выгодно и какое нѣтъ.

Грузинскіе армяне, составляющіе большую часть городскаго населенія, по характеру своей дѣятельности, принадлежатъ исключительно къ торговому сословію, которое стремится къ одной цѣли—удовлетворенію своего корыстолюбія. Страсть къ деньгамъ и желаніе нажиться дѣлаетъ армянъ хитрыми, пронырливыми, умѣющими удивительно хорошо соображаться съ обстоятельствами, когда нужно обмануть, услужить, искать порученій, усердно исполнять ихъ, лишь бы только осуществить надежду на выгоды, часто даже не позволительныя.

Черные волосы армянокъ, живые и черные глаза, очерченныя иногда прекрасными рѣсницами и бровями, дѣлаютъ ихъ довольно привлекательными и красивыми; впрочемъ, это встрѣчается рѣдко, и только до тѣхъ поръ, пока онѣ молоды и не успѣли растучнѣть, но, къ сожалѣнію, то и другое весьма скоро становится ихъ принадлежностію. Женщины-армянки лѣнивы, неповоротливы, неловки въ походкѣ, имѣютъ часто кривыя ноги, что происходитъ частію отъ азіятскаго обычая сидѣть поджавши ихъ подъ себя, а частію отъ завертыванія въ тряпки ногъ малолѣтнихъ дѣтей.

Женщины считаютъ грѣхомъ смѣяться и шутить съ посторонними; онѣ носятъ покрывала, никогда не снимаютъ ихъ, и даже спятъ съ закутанной головой, такъ что только видны однѣ глаза.

Понятіе о стыдливости женщинъ у армянъ зашло такъ далеко, что женщина съ ногъ до головы закутывается въ чадру «и во что-то въ родѣ хо-

мута или намордника, высушивающаго до костей нижнюю часть лица, такъ что легкія женщины, не имѣя возможности дышать свѣжимъ воздухомъ, издаютъ запахъ сѣрнисто-водороднаго газа».

«Эти-то ароматическіе цвѣтки до такой степени высоконравственны, что если два брата женатые живутъ въ одномъ домѣ, то жена одного брата во всю жизнь не промолвитъ слова брату своего мужа—и это называется здѣсь *супружеская вѣрность*» (1).

Армянки страшно любятъ богатыя украшенія, шелковыя, яркихъ цвѣтовъ матеріи, шитыя золотомъ и серебромъ, цвѣтные каменья и кашемирскія шали пестрыхъ цвѣтовъ. Головной уборъ ихъ составляютъ шелковый платокъ и расположенныя со вкусомъ цвѣтныя ленты, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Новобаязетскомъ уѣздѣ, дѣвушки до замужества носятъ *тавсакрави* и *лечаки*, прикрѣпленный булавкою къ первой и перекинутый за плечами на спину. Ниже тавсакрави вокругъ лба подвязывается нитка съ нанизанными на ней серебряными или золотыми деньгами, а иногда даже вплетается въ длинныя косы, ниспадающія на плечи. Такую цѣпочку носятъ и замужнія женщины, надѣвая ее на шею въ видѣ ожерелья. Будничный нарядъ замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ похожъ на халатъ, приготовляемый изъ красной бумажной матеріи и надѣваемый сверхъ рубашки; халатъ не застегивается и изъ подъ него виднѣются шальвары изъ красной шелковой и бумажной матеріи (2).

Въ Шушѣ старое поколѣніе женщинъ, бѣдный городской классъ и поселянки ходятъ довольно безобразно. Голова ихъ закутана множествомъ *лечаковъ*, а сверху накинутъ *чаргатъ*—большой красный шелковый платокъ, къ концу котораго прикрѣпляется серебряная или золотая цѣпь. Цѣпью этой держится вся головная и тяжелая повязка. Изъ подъ повязки выглядываютъ одинъ или нѣсколько рядовъ голландскихъ червонцевъ. Сверху шушинская армянка надѣваетъ *нимтане*, что-то въ родѣ *чохи*, съ короткими рукавами и двумя разрѣзами, сдѣланными сзади, начиная отъ поясницы до самаго низу. Подбородокъ и ротъ закрыты бѣлымъ платкомъ у молодыхъ, а краснымъ у старухъ и носящихъ трауръ. Подъ *нимтане* онѣ надѣваютъ широкую и длинную рубашку изъ *алиши* — шелковая ткань туземнаго приготовленія, и преимущественно красная.

Довольно широкій кушакъ охватываетъ талію женщины поверхъ *нимтане*, а при выходѣ на улицу армянки накидываютъ на себя бѣлую чадру, закрывающую все, кромѣ глазъ и ногъ.

Въ настоящее время юное поколѣніе армянокъ, въ сословіи бековъ, ме-

---

(1) Очерки Елисаветпольскаго уѣзда В. Мевеса. Кавк. 1865 г. № 44. Армяне въ 1854 г. № 83. Характеристика племенъ обитающихъ въ Эриванской губ. Мих. Майсурова. Кавк. 1860 г. № 69.

(2) Свадебные обряды армянъ Новобаязетскаго уѣзда. Майсурова. Кавказъ 1856 года № 55.

ликовъ и купцовъ переходятъ къ грузинской одеждѣ, которую носятъ уже давно всѣ женщины чинахчинскія имѣнія князя Мадатова.

Сельскія женщины армянъ Елисаветпольскаго уѣзда носятъ длинныя рубашки—изъ красной бязи, а болѣе достаточныя изъ *мови*—шаровары, виднѣющіяся изъ подъ рубашки и обшитыя внизу ободкомъ, связаннымъ изъ черной шерсти. Верхняя одежда состоитъ изъ архалука ситцеваго или шелковаго и иногда украшеннаго мелкою серебряною монетою; на голову надѣваютъ нѣчто въ родѣ чалмы съ фатою. Замужнія женщины прикрываютъ нижнюю часть лица бѣлою повязкою, которую дѣвушки не носятъ: послѣднія заплетаютъ волосы въ косы. Елисаветпольскія армянки одѣваются весьма неопрятно, со множествомъ заплатъ, отъ чего нарядъ ихъ не красивъ и лишенъ всякой граціозности (1).

Женщины проводятъ всю свою жизнь въ заботахъ о хозяйствѣ и воспитаніи дѣтей; онѣ безвыходно остаются въ своемъ домѣ и ведутъ жизнь затворническую.

Семейная жизнь у армянъ въ большомъ почетѣ и имѣетъ характеръ патріархальный. Армяне, по мнѣнію многихъ, принадлежатъ къ числу народовъ самыхъ мирныхъ, у которыхъ пороки есть только слѣдствіе защиты и противудѣйствія насилію, которому такъ часто подвергался этотъ народъ. Байронъ увѣряетъ, что трудно найти другой такой же народъ, какъ армяне, котораго лѣтописи были бы такъ мало запятнаны преступленіями. Армяне принадлежатъ къ числу практическихъ дѣятелей; они страстны къ торговлѣ и банкирскимъ оборотамъ. Вся торговля нашего Закавказья находится въ рукахъ армянъ; въ Турціи въ рукахъ армянъ сборъ государственныхъ доходовъ; при помощи денегъ они имѣютъ значительное вліяніе на дѣла правительствъ турецкаго и персидскаго. Армяне корыстолюбивы и всю свою жизнь употребляютъ преимущественно на пріобрѣтеніе выгодъ, хотя бы и незначительныхъ, чтобы сколотить копѣйку (2).

Въ домашней жизни армянинъ скупъ и еще скупѣе въ личныхъ сношеніяхъ съ другимъ; достать у армянина деньги можно только за большіе проценты и подъ вѣрное обезпеченіе, могущее вознаградить его, въ случаѣ иска, сторицею. Эта темная черта народнаго характера выкупается пожертвованіями на общественную пользу, на учрежденія общеполезныя и религіозныя.

Скорбя глубоко о паденіи своего отечества, лишившагося съ давнихъ поръ своей самобытности и самостоятельности, любя горячо свою родину, богатый и бѣдный армянинъ одинаково охотно жертвуютъ на поддержаніе своей національности и престарѣлыхъ соотечественниковъ: училища, госпитали и многія другія общественныя заведенія содержатся на счетъ добровольныхъ пожертво-

---

(1) Замѣтки по поводу писемъ изъ Шемахи Нерсеса Атабекова. Кавк. 1857 № 70. Путевыя замѣтки Гавріила Ткачева. Кавк. 1859 г. № 9.

(2) Армяне въ 1854 г. Кавк. 1854 г. № 83.

ваній. Исторія народовъ, говоритъ Дюлорье, лучшій законъ, лучшее доказательство того, что патріотическое чувство у народа, потерявшаго свою самобытность, гораздо сильнѣе, чѣмъ между населеніемъ государствъ самобытныхъ и самостоятельныхъ, потому что первый старается пріобрѣсти, что послѣдній имѣетъ, и потому не цѣнитъ. Новѣйшая поэзія Арменіи, съ паденіемъ этого государства, переполнена патріотизмомъ и надеждою на возможность возрожденія.

Считая колыбелью своею тотъ край, откуда распространился родъ человѣческій послѣ потопа, и принадлежа къ послѣдователямъ Христа, армяне образовали совершенно отдѣльную армяно-григоріанскую церковь, рѣзко отличающуюся отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Догматы армяно-григоріанской церкви не согласуются вполнѣ ни съ ученіемъ православія, ни съ правилами римско-католической церкви. Къ числу послѣдователей послѣдней, принадлежитъ весьма небольшое число армянъ, живущихъ въ Закавказьѣ.

Армяне весьма набожны, и ничто не въ состояніи заставить ихъ отступить отъ строгаго соблюденія постовъ. При постоянной, умѣренной и «постной жизни, вообще деревенскій армянинъ съ монастырскою стойкостью соблюдаетъ всѣ посты, доведенные у нихъ до умерщвленія плоти; обрядовая часть его вѣрованій доведена до безукоризненной пунктуальности».

Прошедшая исторія армянскаго народа доказала, что христіанская религія не могла быть поколеблена никакими преслѣдованіями, никакими истязаніями. Едва ли, кромѣ армянъ, есть на свѣтѣ другой народъ, который бы, съ такою же стойкостію и единодушіемъ, вынесъ на своихъ плечахъ христіанство и защитилъ его отъ всякаго порабощенія иновѣрцами-мусульманами. Во времена ханскаго правленія, армяне не могли свободно совершать обряды богослуженія, не имѣли права звонить въ колокола, безъ платежа за то значительной подати, а потому народъ, за неимѣніемъ колоколовъ, призывался къ слушанію божественной литургіи или стукомъ въ деревянную доску, или голосомъ *жамкара*— родъ нашего звонаря (1).

— Пожалуйте въ церковь, кричалъ онъ, обыкновенно съ крыши дома или какого-либо возвышенія, призывая жителей къ молитвѣ.

Во время божественной литургіи, армянинъ не снимаетъ шапки потому, что въ Азіи скидавать шапку и обнажать бритую голову есть знакъ величайшаго пренебреженія, но за то, входя въ церковь, они скидаютъ башмаки. «Толкуя о правильности этого дѣйствія по своему, они говорятъ, что Богъ, призывая Моисея къ купинѣ, приказалъ ему снять не шапку, а башмаки».

Хотя армяне приняли христіанство съ давнихъ временъ, но въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ ихъ сохранились еще и до сихъ поръ языческіе обряды. Такъ, они приносятъ жертву *Мигру*, покровителю героевъ на войнѣ и доставляющему побѣду лицамъ мужественнымъ и храбрымъ. Въ прежнее

---

(1) Тифлисскія Вѣдомости 1831 г. № 27 и 32.

время въ честь Мигра были устроены храмы въ Армавирѣ, Пакаратѣ и другихъ городахъ древняго армянскаго царства, и, ежегодно, въ началѣ весны, народъ установилъ праздникъ въ честь этого божества.

Нынѣшніе армяне совершаютъ праздникъ въ честь Мигра или въ день Срѣтенія Господня, или наканунѣ его. Торжество это происходитъ или внутри церкви, или внѣ ея, на открытомъ воздухѣ.

На избранномъ мѣстѣ устраивается родъ жертвенника, на которомъ ставится большой мѣдный или серебряный сосудъ, наполненный вѣтвями, разными благовонными цвѣтами и ладономъ. Духовенство, послѣ пѣснопѣній приличныхъ празднику, приближается къ алтарю и, испросивъ благословеніе неба, зажигаетъ сначала горючія вещества, положенныя на жертвенникъ, а потомъ свѣчи, съ которыми стоятъ преимущественно недавно сочетавшіеся бракомъ, а иногда и всѣ присутствующіе. Обрядъ продолжается до тѣхъ поръ, пока горючія вещества не обратятся въ пепелъ.

Между многими армянами распространено поклоненіе солнцу, которое, на армянскомъ языкѣ, выражается словомъ *аревъ*. Какъ бы то ни было, но и до сихъ поръ есть еще лица, которыя называютъ себя *аревarди* — сынами солнца. Умирающій всегда кладется лицомъ къ востоку, точно также дѣлаютъ съ умершимъ, когда кладутъ его въ гробъ. Самое погребеніе почти всегда совершается передъ захожденіемъ солнца. Армяне признаютъ *Анагиду* — богиню мудрости и славы, которая, по мнѣнію многихъ, покровительствовала армянскому царству. Въ честь ея были построены храмы въ Эризѣ, Ани, Покаванѣ и многихъ другихъ городахъ. Цари воздвигали ей золотыя и серебряныя статуи. Ежегодно, во время лѣта, когда цвѣтутъ розы, армяне праздновали день этой богини и торжество это называлось *вартаваръ*. Въ этотъ день они украшали въ честь богини храмы, статуи, публичныя зданія и даже самихъ себя. Нынѣ, въ честь той же богини, армяне украшаютъ цвѣтами алтари и, по совершеніи литургіи, окропляютъ народъ розовою водою (¹).

Остатокъ язычества виденъ и въ обрядахъ отправленія армянами нѣкоторыхъ праздниковъ, какъ, напримѣръ, при встрѣчѣ новаго года. Въ древности армяне, употребляя солнечный годъ, раздѣляли его на двѣнадцать мѣсяцевъ, считая въ каждомъ по 30 дней. Въ концѣ года армяне прибавляли еще 5 дней, называя ихъ *авеліяцъ*—добавка и, такимъ образомъ, составлялся годъ въ 365 дней. Началомъ года считался день навасарда—августа, и назывался этотъ день *аманоръ*, т. е. новый годъ или *аманораберъ*—приходящій новый годъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Арменіи еще и понынѣ новый годъ празднуется въ первый день навасарда, такъ какъ въ переводѣ онъ означаетъ: *ковчегъ доплылъ*. Среди народа существовало прежде обыкновеніе въ новый годъ дарить другъ друга яйцомъ, которое принималось за символъ начала времени, такъ какъ, въ древности, по религіознымъ вѣрованіямъ нѣ-

(¹) Остатки язычества у армянъ Каневскаго. Сѣвер. Пчела 1840 г. № 42.

которыхъ народовъ, весь міръ произошелъ изъ яйца. Со введеніемъ христіанства, яйцами стали дарить на св. пасху, и самый новый годъ стали праздновать съ наступленіемъ января, одновременно со всѣми цивилизованными народами Европы.

Наканунѣ новаго года въ домахъ армянъ собираются родные и близкіе знакомые, а въ каждой армянской кузницѣ раздается три звонкихъ мѣрныхъ удара о наковальню. «Звуки простые, но многозначительные, пишетъ Энфіаджіанцъ. Въ этотъ вечеръ, молотъ опускается не на раскаленное желѣзо, рождая тысячи огненныхъ брызговъ, куется не подкова карабахскому скакуну—кузнецъ, исполняя обычай своего цеха, своихъ предковъ, бьетъ молотомъ по наковальнѣ—и три его удара имѣютъ историческое происхожденіе и мистическій смыслъ».

У армянъ существуетъ легенда, что, въ началѣ втораго вѣка по Р. Х., Арменіею управлялъ царь Арташесъ—доблестный, славный и любимый народомъ. У Арташеса былъ сынъ Артаваздъ — человѣкъ буйный, пылкій, страстный и порочный, не признававшій надъ собою ни чьей власти, даже и отцовской, и не желавшій знать преградъ своимъ страстямъ. Послѣ смерти отца, наслѣдуя тронъ, Артаваздъ радовался, а не сожалѣлъ о понесенной имъ потерѣ, и мучился, завидуя отцу, что онъ былъ любимъ народомъ. Тогда, по преданію, мертвыя уста открылись и усопшій царь проклявъ своего сына, предсказалъ ему погибель на охотѣ и плѣненіе злыми духами.

Предсказаніе осуществилось. Не страшась отцовскаго проклятія и угрозы, Артаваздъ отправился однажды на охоту къ подножію Арарата, увлекся ею и горячею лошадью былъ унесенъ въ пропасть. Народъ видѣлъ въ этомъ исполненіе предсказаній отца и разсказывалъ, что Артаваздъ заключенъ злыми духами въ ущельяхъ Арарата. Жрецы внушили при этомъ народу, что надо опасаться возвращенія Артавазда, если только собаки, неусыпно грызущія цѣпи, которыми онъ скованъ, успѣютъ разорвать ихъ; что тогда, явившись снова на свѣтъ, онъ опустошитъ землю армянскую. Предсказывая возможность его появленія къ началу новаго года (навасарда), они совѣтовали новому царю приказать кузнецамъ тремя ударами молота о наковальню укрѣплять цѣпи, которыя, къ этому дню, неутомимою дѣятельностію собакъ, дѣлаются тоньше волоса. Съ тѣхъ поръ обрядъ этотъ исполняется кузнецами съ удивительною аккуратностію.

— А ты сиди, Артаваздъ, въ ущельѣ, приговариваетъ кузнецъ, исполняя прадѣдовскій обычай; цѣпи твои, тонкія какъ волосъ, не разорвутся, а снова укрѣпятся и не будешь ты рыскать по-бѣлу свѣту.. (1).

У армянъ, живущихъ въ Кизлярѣ, встрѣчаются въ праздновании новаго года нѣкоторыя особенности. Каждый изъ кизлярскихъ армянъ, утромъ, 1-го

---

(1) Три удара по наковальнѣ. „Вѣковой обычай у армянъ наканунѣ новаго года А. Энфіаджіанцъ. Кавказъ 1850 г. № 1. О народныхъ праздникахъ. Кавказъ 1855 г. № 1.

января, отправляясь изъ своего дома, долженъ возвратиться непремѣнно съ какою-нибудь вещью, или ношею, пригодною для семейнаго быта, такъ что нѣкоторыя довольствуются вязанкою дровъ. Если же отецъ вернется въ семейство съ пустыми руками, то семья безусловно вѣруетъ, что въ теченіе года будетъ терпѣть нужду, и все богатство въ домѣ можетъ перейти въ чужія руки (1).

За двѣ недѣли до великаго поста, въ субботу, армяне празднуютъ день Сергія-воеводы или Сурпъ-Саркисъ. Въ пятницу, подъ-вечеръ, хозяйка дома хлопочетъ надъ приготовленіемъ *кумели* — блюда, состоящаго изъ пшена, меду и воды. Въ большой мискѣ кушанье это ставится на полку. Армяне вѣрятъ, что Сурпъ-Саркисъ, разъѣзжающій въ это время на бѣломъ конѣ, явится ночью и оставитъ въ кумели слѣдъ копыта своего коня. Это служитъ знакомъ, что молитва семейства достигла до святаго, имъ услышана и всѣ надежды сбудутся — а главное, въ домѣ будетъ скоро праздноваться свадьба. На другой день, кумели раздѣляется по-ровну между домочадцами и съѣдается ими съ особымъ чувствомъ благоговѣнія.

Всю недѣлю, предшествующую празднику, молодые армяне и армянки строго постятся, а въ ночь, наканунѣ праздника, съѣдаютъ *кввери*—соленую лепешку или крендель, приготовленныя изъ $^1/_3$ муки и $^2/_3$ соли, и, не принимая ни капли питья, засыпаютъ съ убѣжденіемъ, что во снѣ увидятъ суженаго или свою суженую. Соленая лепешка возбуждаетъ жажду, которая, при благопріятныхъ для гадающаго обстоятельствахъ, должна быть утолена услужливою суженою или внимательнымъ суженымъ. Явившійся во снѣ призракъ тщательно замѣчаютъ, обращаютъ вниманіе на его одежду, питье и посуду, въ которомъ оно было предложено: если посуда была золотая или серебряная, то сулитъ въ будущемъ состояніе богатое; если мѣдная или глиняная—посредственное, а деревянная—бѣдное. Возставъ отъ сна, молодые счастливцы разсказываютъ о своемъ снѣ пожилымъ и опытнымъ людямъ, которые рѣшаютъ кому за кѣмъ быть замужемъ, кому на комъ жениться и какое придется взять состояніе.

У нѣкоторыхъ на сцену является *табухисъ-тави*—говяжья косточка, добытая изъ мяса, которое въ этотъ день нарочно развариваютъ до-нельзя. Нарисовавъ на ней подобіе образа человѣческаго и воображая въ немъ жениха, кладутъ тихонько подъ подушку молодой дѣвушки, съ убѣжденіемъ, что она, въ сладкомъ очаровательномъ снѣ, увидитъ своего будущаго супруга, не въ образѣ щедушной косточки, но полнаго силъ, свѣжаго, красиваго, полнаго юношескихъ желаній (2).

---

(1) Новый годъ въ Ставропольской губерніи. Кавк. 1855 г. № 8.

(2) Кумели, папа, квери и табухисъ-тави. Ивана Дадаева-Магарскаго. Кавк. 1851 года № 23.

Довольные и недовольные подобными предвѣщаніями, жители Тифлиса идутъ въ церковь св. Саркиса, находящуюся на лѣвомъ берегу р. Куры, въ предмѣстьѣ Ортачалахъ. Тутъ преимущественно собираются старухи, молодыя дѣвушки и холостая молодежь.

Старухи просятъ угодника объ отпущеніи грѣховъ, а молодые—счастливой супружеской жизни (¹).

Возвратившись изъ церкви, многія матери семействъ варятъ *папа*—каша, при помощи которой узнается: выйдетъ ли дочь замужъ или найдетъ ли сынъ себѣ невѣсту. Для этого кашу кладутъ на какую-нибудь щепку, которой даютъ разныя названія: Шушана, Микиртумъ, Погосъ, Іулита, т. е. имя жениха или невѣсты. Щепка съ кашей кладется на дворѣ или крышѣ дома, а семейство молитъ Бога, чтобы ласточка, воробей или другая какая птица прилетѣла поклевать каши. Караульный, не сводя глазъ съ щепки, слѣдитъ за тѣмъ, въ какую сторону, наѣвшись каши, полетитъ птица—въ той сторонѣ и будутъ жить молодые супруги. Если птица не прилетитъ и не попробуетъ каши, то молодымъ просидѣть и изныть въ одиночествѣ — не дождется невѣста жениха, не найдетъ женихъ себѣ невѣсты (²).

Въ августѣ, въ постъ Успенія Пресвятой Богородицы, армянки отправляются босыя въ церковь или къ развалинамъ храмовъ, или почитаемымъ пещерамъ для жертвоприношенія. Въ день же Преображенія Господня, у армянъ существовалъ прежде обычай, по которому они обливали другъ друга водою, играли голубями и гадали въ воспоминаніе о потопѣ и Ноевомъ ковчегѣ, остановившемся на Араратѣ, всегда находящемся передъ глазами армянъ. Въ настоящее же время, алтари армянскихъ церквей украшаются цвѣтами, а по окончаніи литургіи народъ окропляется розовою водою, въ воспоминаніе приведеннаго нами выше торжества *вартаваръ*, отчего и самый праздникъ Преображенія называется этимъ именемъ.

Наканунѣ Успеньева дня, въ Тифлисѣ, на Авлабарѣ, на армянскомъ кладбищѣ, расположенномъ вокругъ стѣнъ и башенъ небольшаго монастыря, извѣстнаго подъ названіемъ Бебутовскаго — собирается толпа народа. Кладбище наполняется толпами женщинъ, мужчинъ и дѣтей. Серьезно и безъ улыбки двигаются они между могилами. Дѣти, не рѣзвясь, размѣщаются на плитахъ и тоже серьезно поглядываютъ на взрослыхъ. Послѣднія, по словамъ очевидца, собираются сюда для гаданья, но подробности его неизвѣстны и ускользнули отъ автора. Онъ говоритъ, что гаданіе производится на горшкѣ съ водою, куда женщины бросаютъ свои бездѣлушки; что выбираютъ царицу, которая съ пѣснями предсказываетъ судьбу гадающихъ, и что всѣ

(¹) Кавк. 1858 г. № 7. Постъ Сурпъ-Саркису. Кавк. 1846 г. № 16. О народныхъ праздникахъ. Кавк. 1855 г. № 2.

(²) Кумели, папа, квери, ჩабухисъ-тави Ив. Дадаева-Магарскаго. Кавказъ 1851 года № 23.

гадающіе на другой день ходятъ мыть ноги въ Салалакскомъ ручьѣ и въ Курѣ (1).

Подобно грузинамъ, армяне, поселившіеся въ Грузіи, совершаютъ обрядъ Кудіанеби и Вичакъ, которые ничѣмъ не отличаются отъ грузинскихъ.

Армяне точно также суевѣрны, какъ и грузины. Они вѣрятъ въ возможность искупленія грѣха или болѣзни жертвою. Такъ, больныя даютъ обѣщаніе, въ случаѣ выздоровленія, пожертвовать церкви домашнихъ животныхъ, и кровь этихъ животныхъ льется непремѣнно у стѣнъ церкви, а мясо дѣлится между священнослужителями.

По своему характеру, армянки до чрезвычайности мнительны и суевѣрны. Въ дни невзгодъ и разнаго рода непріятностей, онѣ посѣщаютъ запустѣлые храмы или пещеры, ходятъ къ вѣковымъ священнымъ деревьямъ и, совершивъ моленіе, привязываютъ къ дереву или прибиваютъ гвоздемъ къ стѣнѣ пещеры лоскутъ своей одежды, въ полной увѣренности, что подобными дѣйствіями молитва и просьба ихъ будетъ скорѣе услышана. Въ случаѣ зубной боли, вколачиваютъ гвозди въ пороги и стѣны храмовъ. Если женщина желаетъ имѣть мужественнаго и храбраго сына, то приготовляетъ собственными руками лукъ и стрѣлу и вѣшаетъ ихъ или въ храмѣ, или въ пещерѣ.

Желая продлить жизнь любимаго ребенка, армянка стрижетъ его волосы въ день какого-либо праздника и обрѣзки ихъ кладетъ передъ образомъ, прося Творца объ исполненіи ея желанія. Бездѣтныя женщины, подобно грузинкамъ, обходятъ на колѣняхъ три раза кругомъ церкви, обматывая ихъ стѣны нитками изъ хлопчатой бумаги, и усердно вѣрятъ, что отъ такого обвиванія разрѣшится ихъ неплодіе.

Понесетъ ли убытки или заболѣетъ мужъ—армянка даетъ обѣщаніе принести какое-либо жертвоприношеніе извѣстному святому, если домъ ея избавится отъ той или другой бѣды. Едва мужъ выздоровѣлъ, какъ жена торопится исполнить данное обѣщаніе. Неимѣніе, по большей части, никакой личной собственности, лишаетъ ее возможности пожертвовать своимъ имуществомъ. И вотъ, не смотря на грязь и холодъ, босикомъ, она отправляется собирать подаяніе и на весь сборъ, не утаивая ни копѣйки, покупаетъ своему патрону свѣчку. За то заболѣй отъ такой прогулки жена, армянинъ ни за что не позоветъ доктора, а посылаетъ къ знахарю мѣдную монету и призываетъ его къ больной.

Въ двухъ верстахъ отъ Ахалцыха есть развалины древняго монастыря. Время изгладило названіе его изъ памяти людей, которыхъ влечетъ теперь туда источникъ чистой и прѣсной воды. Преданіе говоритъ, что источникъ этотъ имѣлъ цѣлебную силу: стоило только умыться этой водой и оставить какой-либо кусочекъ ненужной вещи, чтобы освободиться отъ одержимаго не-

(1) Гаданіе на армянскомъ кладбищѣ И. Сл. Кавк 1851 г. № 38.

дуга и переселить его въ опущенную вещь. Толпы богомольцевъ по праздникамъ собираются къ этому источнику, пьютъ его воду и развѣшиваютъ на развалинахъ монастыря кусочки разныхъ вещей. Послѣ праздника, спустившись въ одну изъ окрестныхъ долинъ, армяне пируютъ: пьютъ, ѣдятъ и пляшутъ подъ звуки чонгури и пѣсни сазандара (1).

II.

Свадебные обряды армянъ. — Музыка и танцы.

У армянъ женихъ не знаетъ своей невѣсты: ее выбираютъ родители или ближайшіе родственники. Обыкновенно, когда родители вздумаютъ женить сына, тогда выбираютъ сватами кого либо изъ родственниковъ и отправляютъ ихъ къ родителямъ избранной дѣвушки. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ роль свата принимаетъ на себя священникъ, который приходитъ въ домъ невѣсты съ зажженною свѣчею, и если родители согласны на бракъ, то принимаютъ отъ него свѣчу.

Женихъ, узнавшій о такомъ приключеніи, совершающемся помимо его воли, старается разузнать стороною о своей суженой и, при помощи разспросовъ у постороннихъ, составляетъ довольно смутное понятіе о своей будущей женѣ. Онъ узнаетъ только объ ея имени, красотѣ, но и при такомъ развѣдываніи характеръ и воспитаніе дѣвушки остаются для него тайною.

Армянинъ не можетъ жениться на родственницѣ до седьмаго колѣна и ни въ какомъ случаѣ не можетъ развестись съ женою. Получивъ согласіе на бракъ, отецъ, родственники и знакомые жениха отправляются въ домъ невѣсты. Имъ предшествуютъ часто музыканты и всегда молодые люди, которые несутъ, на огромныхъ подносахъ, кушанье, вино, двѣ восковыя свѣчи и подарки невѣстѣ: кольцо, серебряный поясъ и непремѣнно нѣсколько монетъ, нашиваемыхъ невѣстою на платье и головной уборъ. Съ своей стороны, невѣста дѣлаетъ различные подарки родственникамъ жениха. Священникъ зажигаетъ принесенныя двѣ свѣчи и совершаетъ обрядъ обрученія, по большей части въ отсутствіи жениха и невѣсты.

Если же послѣдніе присутствуютъ при этомъ актѣ, то невѣста бываетъ покрыта бѣлымъ флёромъ и все еще составляетъ запрещенный плодъ для жениха. Подруги невѣсты поютъ въ честь ея пѣсни въ родѣ слѣдующей:

---

(1) Путевыя замѣтки В. Переваленко. Кавк. 1851 г. № 46.

1.

Наша любимая подруга (такая-то)
Выходитъ замужъ по любви.
Молить же будемъ теперь Бога,
Ее чтобъ счастьемъ наградилъ,
Хорошихъ дѣтокъ подарилъ
И мужа счастивымъ онъ сдѣлалъ. } bis.

2.

За нашу подругу (такую-то) надо намъ молиться,
И она помолится за насъ,
Когда насъ замужъ выдадутъ,
Или когда насъ будутъ выдавать.
И мужъ ея за насъ молиться не забудетъ
Онъ счастья намъ въ бракѣ пожелаетъ.. } bis.

Подъ звуки пѣсенъ и музыки присутствующіе принимаются за угощеніе, пьютъ, ѣдятъ и расходятся только на разсвѣтѣ.

На слѣдующій день женихъ, въ сопровожденіи музыкантовъ и молодыхъ людей, отправляется къ *кевхѣ* (голова, старшина), проситъ его позволенія на бракъ и приноситъ ему въ подарокъ деньги, кушанье и вино. Все принесенное уничтожается на мѣстѣ, а изъ полученныхъ въ подарокъ денегъ кевха даетъ часть музыкантамъ.

Послѣ всѣхъ этихъ обрядовъ между родителями брачущихся происходитъ совѣщаніе о днѣ свадьбы, которая, впрочемъ, можетъ быть отложена на годъ и болѣе.

Во все это время сосватанные и обрученные не могутъ ходить въ домъ другъ къ другу, а только по годовымъ праздникамъ женихъ посылаетъ подарки невѣстѣ (¹).

По обычаю армянъ, дѣвушка не приноситъ своему будущему супругу никакого приданаго, кромѣ небольшаго количества вещей собственно необходимыхъ въ домашнемъ хозяйствѣ. Приданое невѣсты преимущественно составляетъ: постель, бѣлье, платье, умывальница, мѣшокъ для соли и шерстяной чемоданъ; люди достаточные прибавляютъ и еще что нибудь. На про-

(¹) У елисаветпольскихъ армянъ посѣщенія женихомъ невѣсты допускаются довольно свободно.

тивъ того, женихъ вноситъ извѣстную плату отцу невѣсты и за нѣсколько дней до свадьбы, въ сопровожденіи музыкантовъ, отправляетъ отца и родственниковъ, которые и относятъ въ домъ невѣсты съѣстное, вино, сахаръ, конфекты, барана, подвѣнечное платье и двѣ свѣчи для вѣнчанія, при чемъ посѣтители остаются у невѣсты на всю ночь и пируютъ вмѣстѣ съ ея отцомъ.

Въ тотъ же самый день, въ домѣ жениха приготовляются разнообразныя кушанья и пекутся хлѣбы. Изъ среды родственниковъ и близкихъ знакомыхъ выбираютъ *тамада*—главнаго распорядителя, въ помощь которому назначается нѣсколько человѣкъ, которымъ указываютъ кто и какимъ угощеніемъ долженъ завѣдывать.

Когда все приготовлено и должности распредѣлены, тогда *хачь-ахперъ*—крестный братъ, принимающій на себя обязанность шафера, приглашаетъ родственниковъ и знакомыхъ на пиръ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, раздаетъ билеты, для входа съ женихомъ въ баню. Послѣ всеобщаго омовенія, званые гости, собравшись около церкви, зажигаютъ восковыя свѣчи и встрѣчаютъ жениха, который отправляется прежде всего въ комнату, гдѣ приготовлены для него и для шафера новыя платья. Тамъ священникъ читаетъ молитву и благословляетъ платья. Женихъ одѣвается и идетъ на женскую половину для принятія поздравленій. Получая тамъ отъ каждой изъ собравшихся дѣвушекъ и женщинъ поцѣлуй, женихъ прикасается губами къ яблоку или гранату, которыя онѣ держатъ въ рукахъ. Въ это время шаферъ даетъ каждой изъ женщинъ по маленькой восковой свѣчѣ, которыя и налѣпляются ими на яблоки или гранаты и горятъ во все время ужина. Священникъ благословляетъ кушанья— и начинается пиръ за здоровье жениха, при чемъ женщины пируютъ отдѣльно отъ мужчинъ.

Въ день свадьбы вдоль по улицамъ деревни или города, отправляютъ хоръ музыкантовъ, число которыхъ не велико: два барабанщика, съ большимъ и малымъ барабаномъ, и нѣчто въ родѣ кларнетиста съ камышевою дудочкою. Этотъ оркестръ, играя маршъ собственнаго сочиненія, часто далеко не музыкальный, заходитъ въ каждый домъ и проситъ хозяина съ семействомъ пожаловать на свадьбу къ такому-то.

Съ восьмаго часа вечера начинается сборъ гостей, при чемъ маленькія дѣти сѣютъ муку, а приходящіе дарятъ деньги; мужчины помѣщаются отдѣльно отъ женщинъ и дѣвушекъ (¹). На полу, устланномъ коврами и поджавъ подъ себя ноги, размѣщаются гости обѣихъ отдѣленій и слушаютъ музыку: двухъ скрипачей и двухъ пѣсенниковъ, утѣшающихъ ихъ безъ умолку татарскими и персидскими пѣснями. Слуга тамъ и сямъ шныряетъ съ подносомъ и подчуетъ

(¹) Въ деревняхъ гости собираются послѣ ужина и, за неимѣніемъ двухъ комнатъ, мужчины и женщины помѣщаются въ одной. Рядомъ со старшими часто сидятъ дѣвушки или молодыя женщины, а между старухами молодые люди.

каждаго гостя водкою и разными сластями. Изъ приличія, каждый долженъ непремѣнно отвѣдать того или другаго.

«Въ женскомъ отдѣленіи устраиваются танцы, въ которыхъ могутъ принимать участіе и мужчины. Танцующіе берутъ другъ дружку за мизинецъ и такимъ образомъ, поднявъ руки въ уровень плечъ и собравшись въ видѣ полукруга, подъ игру туземной музыки дѣлаютъ *па* сперва на лѣво, потомъ правою ногой *па* впередъ, съ небольшимъ присѣданьемъ, затѣмъ на право; отъ этого весь рядъ танцующихъ постепенно и незамѣтно двигается по одному и тому же направленію вправо. Скорость движенія зависитъ отъ скорости игры музыкантовъ».

Одна изъ дѣвушекъ или женщинъ, недавно вышедшихъ замужъ, беретъ во время танца стклянку съ розовою водою и, съ каждымъ движеніемъ, окропляетъ всѣхъ безъ исключенія гостей, что означаетъ расположеніе хозяина къ собравшимся.

По окончаніи танцевъ, женихъ, въ сопровожденіи *пели* (дружка) и своихъ гостей, отправляется въ домъ невѣсты, съ барабаннымъ боемъ, музыкою, стрѣльбою и факелами. Здѣсь прибывшіе находятъ уже столъ, уставленный напитками и сластями. Пока одѣваютъ невѣсту, женщины вновь устраиваютъ танцы, а мужчины толпятся вокругъ стола—пьютъ и закусываютъ.

Но вотъ, совсѣмъ готовая къ отправленію въ церковь, выходитъ къ собранію невѣста, въ сопровожденіи матери, родственницъ и подругъ. Она одѣта въ бѣлое шелковое платье, и лицо ея покрыто бѣлымъ прозрачнымъ вуалемъ. Поверхъ платья надѣта *катиби*, сшитая изъ бархата малиноваго цвѣта (1). Отецъ или дядя жениха беретъ его за руку и подводитъ къ невѣстѣ; женихъ беретъ свою суженую, закрытую покрываломъ, за правую руку, и въ такомъ положеніи слѣдуютъ въ церковь (2), сопровождаемые туземною музыкою и факелами.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, у елисаветпольскихъ армянъ, женихъ съ невѣстою идутъ въ церковь соединенными за поясы платкомъ.

Впереди процессіи слѣдуетъ человѣкъ съ зажженною свѣчею; а сзади его два шафера съ обнаженными саблями (3). Женихъ и одинъ изъ шаферовъ держатъ въ рукахъ по одной вѣнчальной свѣчѣ, раскрашенной и раззолоченной. Въ церкви брачущихся встрѣчаетъ священникъ, читаетъ краткую молитву, отводитъ потомъ къ алтарю, гдѣ вступающіе въ бракъ, ставъ на колѣни, исповѣдуются: сначала невѣста, а потомъ женихъ.

По окончаніи вѣнчанія, совершаемаго по обрядамъ христіанской религіи,

---

(1) У бѣдныхъ, вмѣсто бархатной *катиби*, надѣвается шелковая, изъ такой же матеріи какъ платье и застегнутая до половины.

(2) У армянъ существуетъ обыкновеніе вѣнчаться въ приходѣ невѣсты

(3) Шафера не обязаны, какъ у насъ, держать вѣнцы надъ головами новобрачныхъ, а остаются простыми зрителями.

священникъ и дружка, подобно тому, какъ у грузинъ, надѣваютъ на шеи молодыхъ шелковые шнурки, на концахъ которыхъ прикладываютъ восковую печать съ изображеніемъ креста. Печать эта налагаетъ на новобрачныхъ обязанность сохранять цѣломудріе. Слѣдить за этимъ возлагается на обязанность дружки. Черезъ три дня послѣ свадьбы является священникъ, читаетъ молитву, ломаетъ печать вмѣстѣ съ дружкою, и, развязавъ шнурокъ, дозволяетъ тѣмъ разрѣшеніе венерина пояса.

Изъ церкви новобрачные отправляются въ домъ жениха. Впереди свадебной процессіи идутъ музыканты, за ними ѣдетъ верхомъ молодой, дружки и братъ, позади котораго, на той же лошади, сидитъ невѣста, окутанная съ ногъ до головы въ бѣлое покрывало.

Если на пути встрѣтится сакля одного изъ близкихъ родственниковъ жениха, то музыканты непремѣнно остановятся передъ нею. Всѣ поѣзжане слѣзаютъ съ лошадей и входятъ въ саклю. Тамъ молодые сперва кланяются до земли огню, разложенному на полу посреди сакли, потомъ здороваются съ хозяевами. Подъ звуки музыки начинается угощеніе; присутствующіе дарятъ деньги музыкантамъ, а тѣ громогласно благодарятъ дарящихъ. Невѣсту дарятъ платками или матеріями, и привѣшиваютъ ихъ къ ея головному убору. Отсюда новобрачные, сѣвъ опять на лошадей, отправляются далѣе. Весь поѣздъ останавливается передъ домомъ жениха, и, при звукахъ музыки, одинъ изъ присутствующихъ открываетъ танцы. Изъ дому жениха выходитъ женщина разряженная и также пляшетъ. Всѣхъ присутствующихъ подчуютъ въ это время виномъ изъ серебряной чашечки.

Армяне любятъ танцовать на открытомъ воздухѣ, подъ тактъ своихъ оглушающихъ оркестровъ, или *зурначей*, получившихъ свое названіе отъ *зурны* — особаго вида рожка. Кромѣ рожка, въ армянскомъ оркестрѣ состоятъ: волынка, скрипка, бубенъ и барабанъ. Все это пищитъ, скрипитъ и стучитъ немилосердно, между тѣмъ какъ тактъ, усердно отбиваемый турецкимъ барабаномъ, сливаясь съ этою адскою мелодіею, производитъ ужасное дѣйствіе на уши непривычныхъ слушателей.

Подъ тактъ такой музыки, армянки передвигаются плавно безъ всякой живости: высокіе каблуки ихъ башмаковъ препятствуютъ имъ свободно ходить, не только плясать. Недостатокъ живости въ ногахъ онѣ замѣняютъ игрою рукъ, «которая у нихъ, дѣйствительно, весьма не дурна и даже иногда доходитъ до такой степени искуства, что могла бы даже заставить позабыть, что пляшущія имѣютъ еще и другіе члены, ближе приноровленные для танцевъ».

При началѣ музыки и подъ тактъ хлопанья въ ладоши выходитъ на средину молодая женщина. Она двигается плавно, умѣя придать своимъ движеніямъ граціозность и привлекательность. Оживленные взгляды, мимика рукъ и стройная прямая талія говорятъ въ пользу танцующей. Обойдя кругъ, она

останавлииается противъ одной изъ подругъ, и та должна, смѣнивъ ее, продолжать начатую пляску.

«Послѣ дѣвицъ выходитъ мужчина; при появленіи его, музыка перемѣняетъ тихій тактъ на скорый, и пляска дѣлается живѣе; движенія пляшущаго быстры и сопровождаются особенно труднымъ вывертываніемъ ногъ, то на самыхъ пальцахъ, то на каблукахъ, требующихъ большой силы и навыка, хотя при томъ не замѣтно усилій и нѣтъ необыкновенныхъ прыжковъ; руки пляшущаго также тутъ участвуютъ, но онъ держитъ ихъ какъ человѣкъ, готовый боксировать».

По окончаніи пляски является мать новобрачнаго. Она выходитъ съ большимъ мѣднымъ блюдомъ, на которомъ положены двѣ тонкія и продолговатыя лепешки, а на нихъ горячіе угли, посыпанные ладономъ. Старуха три раза обходитъ новобрачныхъ, сидящихъ на лошадяхъ, ломаетъ лепешки въ куски и бросаетъ ихъ подъ ноги лошадямъ. Круговой обходъ дѣлается въ память умершихъ родственниковъ, а бросаніе лепешекъ подъ ноги лошадей въ знакъ того, чтобы на поляхъ молодой четы всегда былъ хорошій урожай.

Молодые сходятъ съ лошадей, а за ними и всѣ присутствующіе; начинаются поздравленія, лобызанія и проч.

Прежде чѣмъ идти въ свой домъ, молодые отправляются въ саклю сосѣда, но музыканты предупредили ихъ; ставъ въ дверяхъ, они не пускаютъ молодыхъ и требуютъ платы. Уступивъ обычаю, молодые платятъ деньги и, войдя въ саклю, кланяются огню, послѣ чего начинается пляска и попойка. Изъ сакли сосѣда отправляются въ домъ жениха. При входѣ во дворъ жениха, невѣсту просятъ идти въ комнату, но она отказывается, ожидая подарка; тогда отецъ жениха даритъ ей деньги, скотъ или что-нибудь другое. Едва молодая двинется, какъ музыканты снова заступаютъ ей дорогу и требуютъ платы. Пока дружка ведетъ переговоры о размѣрѣ платы, изъ толпы выдѣляется сосѣдка и суетъ молодой кусокъ коровьяго масла. Новобрачная должна, входя въ домъ супруга, помазать масломъ снаружи и внутри притолку двери, для того, чтобы ей жить счастливо и кататься какъ сыръ въ маслѣ.

Молодые и здѣсь кланяются огню, но едва только невѣста кончаетъ этотъ обрядъ, какъ двѣ женщины хватаютъ ее подъ руки, отводятъ въ уголъ сакли, гдѣ и сажаютъ за занавѣскою. Начинаются угощенія, пляски и попойка такія, что ни самъ женихъ, ни присутствующіе, не вспоминаютъ о новобрачной, обреченной на скучное одиночество.

Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ молодую, вмѣстѣ съ ея супругомъ, уводятъ въ женское отдѣленіе, куда, впрочемъ, входъ мужчинамъ не воспрещается. Оставаясь попрежнему подъ покрываломъ, молодая сидитъ рядомъ съ своимъ мужемъ, сохраняя глубокое молчаніе. Они не могутъ принимать участія въ танцахъ, и остаются праздными зрителями того, какъ танцуютъ другіе. Въ честь молодыхъ, дѣвушки поютъ свадебную пѣсню въ родѣ слѣдующей:

1.

Подруга наша ярче солнца
Ея глаза огнемъ горятъ...
А мужъ—какъ статенъ, и красивъ,
Какъ онъ богатъ своей женой,
Землею, домомъ и стадами } bis
И плодоносными полями. } bis

2.

Молить же будемъ всегда Бога,
Чтобъ онъ ихъ счастьемъ наградилъ,
Хорошихъ дѣтокъ подарилъ
И ихъ богатства не лишилъ;
И они помолятся за насъ } bis
Когда насъ замужъ выдадутъ. } bis

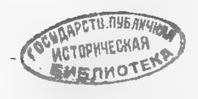
3.

Подруга наша (такая-то),
Насъ никогда не позабудетъ,
Какъ не забудемъ мы ея.
Мы будемъ дружно съ нею жить,
Любовь и ласки съ ней дѣлить; } bis
Въ трудахъ всегда ей помогать... } bis

Послѣ ужина, обыкновенно начинающагося въ четвертомъ часу по полуночи, гости расходятся. На другой день, часу въ десятомъ утра, на дворъ жениха приводятъ двухъ или трехъ барановъ и нѣсколько куръ. Новобрачный однимъ ударомъ долженъ отсѣчь голову барану; то же самое дѣлаютъ шафера съ остальными баранами и курами, и немедленно отправляютъ ихъ на кухню. Вечеромъ приглашаются на ужинъ всѣ гости, бывшіе наканунѣ на свадьбѣ (1).

(1) Свадебные обряды армянъ Новобаязетскаго уѣзда Мих. Майсуровъ. Кавказъ 1856 г. № 55. Армянская свадьба въ деревнѣ Кавк. 1851 г. № 88. Историческій памятникъ состоянія Армянской области и проч. Шопена.

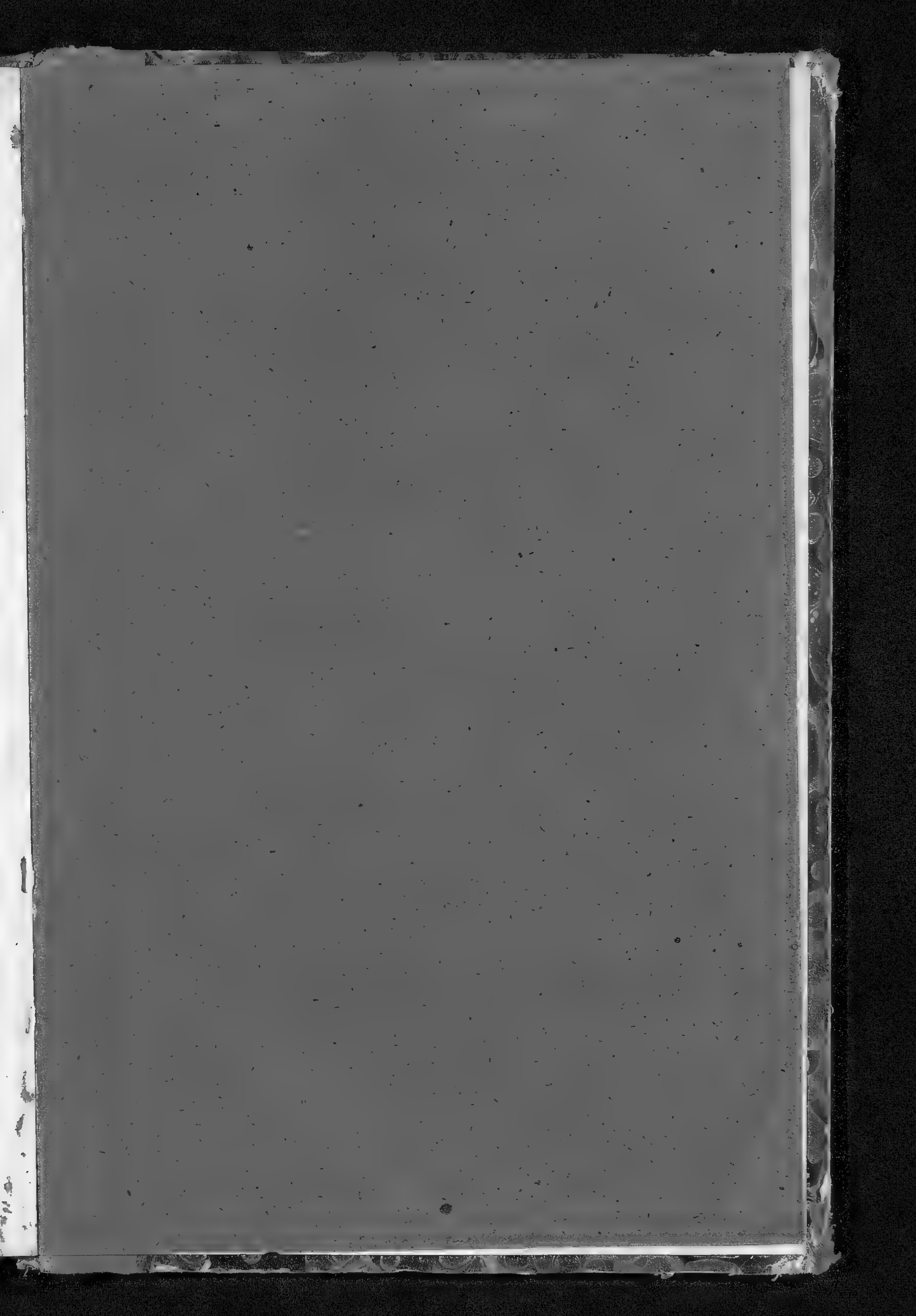
По выходѣ замужъ, молодая закрываетъ свое лицо платкомъ, оставляя открытыми только глаза и носъ; при встрѣчѣ съ посторонними, она прячетъ свое лицо въ чадру или въ платокъ. Кромѣ мужа, сестеръ и малолѣтнихъ дѣтей, она не можетъ ни съ кѣмъ говорить—тестю и тещѣ отвѣчаетъ знаками, а мужъ не долженъ называть ее по имени. Когда, вскорѣ послѣ свадьбы, въ домѣ случится кто-нибудь изъ почетныхъ гостей, молодая подноситъ ему чашу вина и цѣлуетъ его руку, а если онъ останется ночевать, то въ прежнее время молодая обязана была омыть ему ноги.

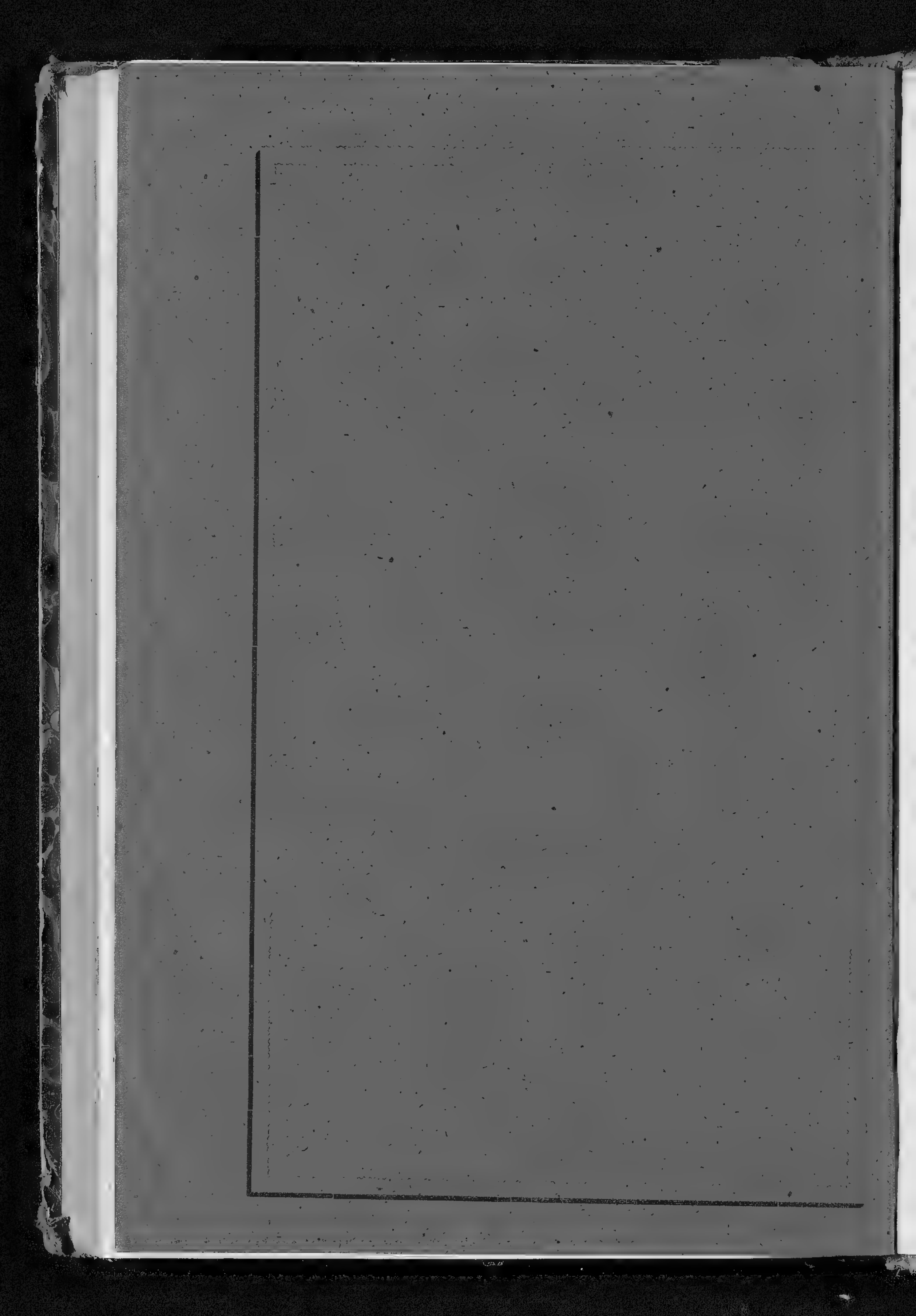


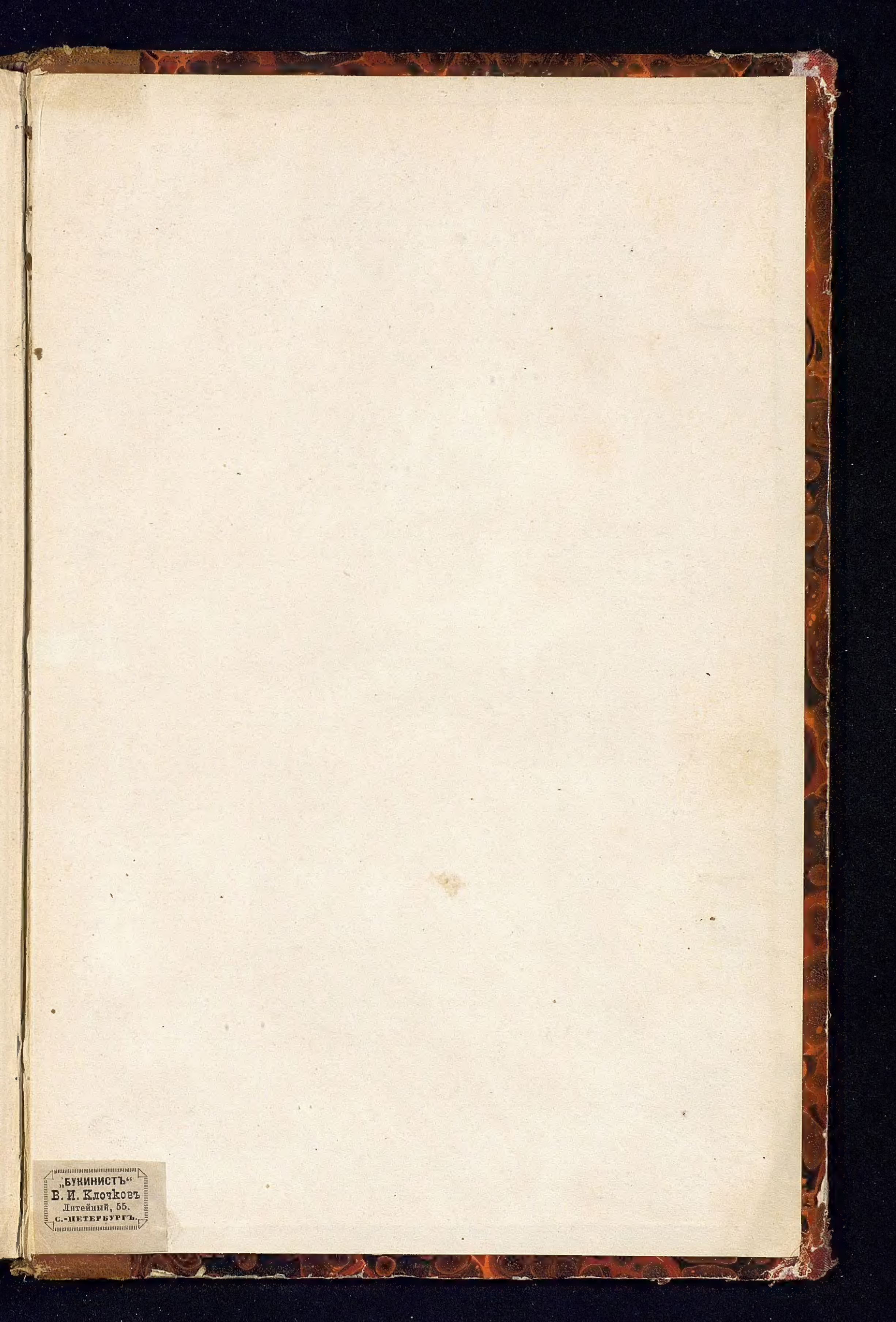
ОПЕЧАТКИ.

Стран.	строка сверху	строка снизу.	напечатано:	должно быть:
21	17	„	*ора ора*	*ора, ора*
55	„	9	и шума	и шумъ.
60	„	21	и обусловила	и обусловили
61	„	6 и 20	Сумарзакани	Самурзакани
72	„	16	безъ вѣдова	безъ вѣдома
87	„	17	съ нимъ	съ ними
89	„	18	жителяли	жителями
90	9	„	покорили	покорилъ
91	„	14	На собранномъ	На сборномъ
106	17	„	сначало	сначала
106	18	„	немилосердо	немилосердно
117	„	2	принадлежавшей Грузіи и занатой татарами	принадлежавшее Грузіи и занятое татарами
159	7	„	единочества	одиночества
185	4	„	Уста-баши имѣли	Уста-баша имѣли
225	„	14	есль	если
225	„	15	тороняси	торопясь
227	13	„	азарнеши	азарпеши
232	13	„	гими	гоми
236	18	„	по изображеніи	по изображенію
246	9	„	и прячетъ	прячетъ
267	18	„	дти	идти
304	2	„	онъ проситъ	хевсуръ проситъ
323	„	16	одинъ Талышъ	одна Талышъ
333	„	20	остались	оставались.
338	10	„	депламація	декламація

Примѣчаніе. На стр. 352 въ оглавленіи II главы ошибочно напечатано: Татарскія пѣсни, танцы и музыкальные инструменты.






„БУКИНИСТЪ"
В. И. Клочковъ
Литейный, 55.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.